E41
854

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТПАРТ

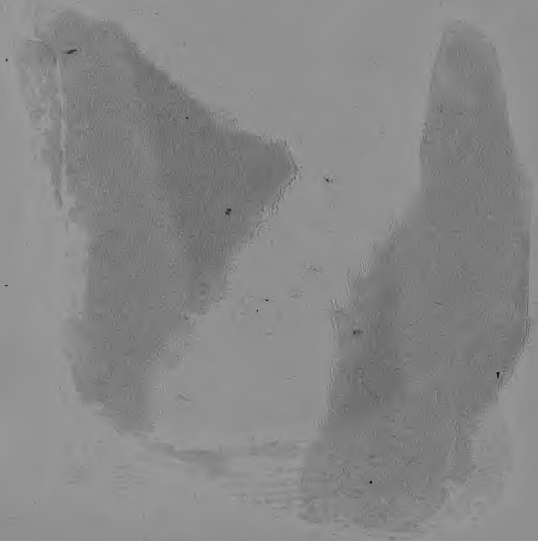
DB
480
K67

Н. А. КОРНАТОВСКИЙ

БОРЬБА ЗА КРАСНЫЙ ПЕТРОГРАД (1919)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“ — ЛЕНИНГРАД
1929

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ



ОТДЕЛ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ВКП (б) ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ВКП (б)
— ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТПАРТ —

E41 854

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. А. КОРНАТОВСКИЙ

БОРЬБА ЗА КРАСНЫЙ ПЕТРОГРАД

(1919)

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
182 842
ПРОВ. 1935
сф. 2629

Отпеч. 1—5.000 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
ЛЕНИНГРАД — 1929

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
ЛЕНИНГРАД
Фонтанка, 57

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 182842 г.

Ленинградский Областлит № 38380. Заказ № 1315. Тираж 10.000 экз.

Рабочим и работницам,
коммунистам и комсомольцам,
бойцам Красной армии и флота, —
в 10-летнюю годовщину обороны
Красного Петрограда,
в память погибших на подступах к нему,
в память труднейших лет революции,
в память временных поражений
и решающих побед, —

посвящает свой труд
АВТОР.

ОТ АВТОРА.

В истории Октябрьской революции и гражданской войны в России Петроград занимает исключительное место. Первый коллективный боец в дни великого Октября — Петроград приобрел себе славу и первого героического города в годы тяжелой, изнурительной гражданской войны.

В фокусе ожесточенной борьбы за Петроград символически отразились начало и конец классового поединка в России.

Корниловское наступление на Петроград в августе-сентябре 1917 г., явившееся походом буржуазно-помещичьей контр-революции против революционного пролетариата России, знаменовало собой начало кровопролитной гражданской войны. Это наступление было ликвидировано прежде, чем смогло вылиться в определенные реальные формы. Последняя попытка белой гвардии завладеть Петроградом, в октябре 1919 г., совпавшая по времени с переходом в решительное наступление на Москву южной контр-революции, была уже, по существу, агонией белого дела, ее предсмертными судорогами и увенчалась победой пролетарской революции.

Непосредственно на Петроградском фронте была одержана победа не столько над отечественной контр-революцией, сколько над вдохновлявшей ее мировой буржуазией. Империалистическая политика стран-победительниц в мировой войне получила серьезный удар на северо-западе России, удар, предвосхитивший победу Советов на всех фронтах гражданской войны.

В условиях величайших сдвигов в великой классовой борьбе все попытки класса эксплоататоров подавить Республику Советов были обречены на неуспех. Поднимавшиеся, в процессе длительной борьбы, на высшую ступень самосознания многомил-

лионные массы трудящихся России свидетельствовали историческую неизбежность полной гибели отечественной контр-революции.

Вооруженные силы российской буржуазии, независимо от образа своих действий, обретали только свою конечную политическую гибель. Пассивность этих сил ускоряла момент гибели. Боевая активность их только отодвигала срок роковой развязки.

Помощь мирового капитала, в силу своих собственных противоречий, также способствовала только продлению жизни контр-революционных очагов России.

Контр-революция самим ходом событий вынуждалась на энергичные военные действия. В расширении зоны своих действий она находила только временные стимулы для продолжения борьбы. Искусственно навязываемый ею политический и экономический режим встречал сразу же сопротивление, центростремительные силы неумолимым законом истории переключались на центробежные. Мыльный пузырь контр-революции надувался до своих крайних пределов, создавал причудливые миражи, веселил вдохновителей белого движения, требовал от них еще больших потуг, а затем тихо лопался. Боевые успехи русских белогвардейцев, приносившие временное поражение силам революции, объективно способствовали усилению рядов борющегося пролетариата, помогали более тесному объединению трудящихся масс вокруг Коммунистической партии и ее боевых лозунгов. В дни своих неудач и поражений Красная армия черпала и выковывала свою силу, опираясь на широкие рабоче-крестьянские массы России. Русская контр-революция, наоборот, не имела никакой поддержки в многомиллионных народных массах, не могла извлечь оттуда никаких жизненных соков, и под ударами Красной армии лишалась той чисто механической спайки, которая временно поддерживала белогвардейский организм.

Красная армия была мечом в руках победившего класса, которым наносились смертельные удары по телу контр-революции, по ее внешнему физическому покрову. Внутреннее же разложение и подтачивание белогвардейского организма было прямым следствием великих исторических событий в России. Красная армия своими искусными действиями должна была только ускорить процесс распада, разбить последние скрепы, сдерживавшие белые воинские части.

Таким образом, победы над восточной, южной и северо-западной контр-революцией в 1919 г. «далеко не были победами военными, они были победой, которую одерживала диктатура рабочего класса» (Ленин).

В свете этой основной точки зрения и изложены в настоящей книге события от момента зарождения русского белогвардейского очага на северо-западе России и до его полной ликвидации.

Чрезвычайная разбросанность первоисточников по многочисленным архивам, их неупорядоченность, и, наконец, недостаточность сохранившихся материалов — не дали возможности осветить более полно события, связанные с обороной Петрограда.

Родина великого Октября, неисчерпаемый пролетарский резервуар революционной энергии — Петроград ждет еще капитальной, многотомной работы, чтобы более подробно рассказать в ней всему миру о его героическом недавнем прошлом.

В настоящую книгу, наряду с новыми главами, вошли статьи автора, опубликованные в журнале «Красная летопись» (№№ 2/26 — 4/31 за 1928 и 1929 гг.), переработанные и значительно дополненные.

ГЛАВА 1.

ОБЩЕЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ К ОСЕНИ 1918 Г. — ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И АНТАНТЫ В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ. — КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОЧАГИ НА ОКРАИНАХ РОССИИ. — ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ГЕРМАНОФИЛЬСКИХ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПЕТРОГРАДЕ.

С первых же дней после Октябрьской революции Советское правительство стремилось всеми доступными ему способами окончательно вывести трудящееся население России из мировой, империалистической войны. Вставшие в порядок дня молодой Советской республики задачи колоссальной важности и гигантского масштаба настоятельно требовали достаточного времени для перестройки в основном всех элементов народного хозяйства и государственного аппарата. Одной из первостепенных задач, не допускавших промедления, было создание вооруженной силы страны Советов. Для этого необходимо было выиграть время, ценой хотя бы максимальных уступок. Чем скорее была бы осознана эта историческая необходимость, тем медленнее развязывались бы руки внутренней и внешней контр-революции, всей своей деятельностью стремившейся как можно скорее потушить очаг международной революции.

Ход событий показал, что излишний революционный оптимизм, не основанный на конкретных данных и не учитывавший возможностей врага в лице вооруженной силы государств центрального блока, действовавших в мировую войну, помешал распространению лозунгов и идей Октябрьской революции на окраинах России.

Германия двинула в пределы Советской республики свои войска и этим своим актом знаменовала начало вмешательства во внутренние дела Советской России, поставив даже под ве-

личайшую угрозу существование Российской социалистической федеративной советской республики.

Заключенный 3 марта 1918 г. Брест-Литовский мирный договор явился запоздалым актом и принес в силу этого гораздо больше осложнений и трудностей для Советской России, чем это могло бы быть при более раннем оформлении мирных взаимоотношений.

Однако, и Брест-Литовский договор, с точки зрения его исторического удельного веса, послужил на пользу Советскому государству, сумевшему сохранить в основном свой организм, хотя и ценой потери отдельных территориальных частей. Гениальная политика В. И. Ленина в этом отношении дала классический пример маневрирования, в силу объективной необходимости, через ряд величайших трудностей, для сохранения первого в мире рабоче-крестьянского государства. Под ударами революционной волны в Германии Брест-Литовский договор в ноябре 1918 г. был превращен в простую, потерявшую свою юридическую силу, бумажку.

Германия весной 1918 г. своими вооруженными силами продвинулась на северо-западе России до линии Нарва — Псков и этим самым на некоторое время придала характер пассивности и второстепенности Петроградскому фронту, заставив российскую контр-революцию антантовской ориентации искать для приложения своих сил другие районы Советской России.

Наиболее ярые сторонники наступления на Петроград германских войск, возглавляемые принцем Леопольдом Баварским, генералами М. Гофманом и Э. Людендорфом, принимали все меры к расширению своей оккупационной зоны и входили с этой целью в переговоры с представителями русской буржуазии и свергнутой династии. Однако, неосуществление этих планов, хотя и вызвавших со стороны Советской власти принятие срочных мер к обороне Петрограда, нисколько не изменило второстепенного характера Северо-западного советского фронта.

Петроград, всемерно подтачиваемый изнутри многочисленными белогвардейскими организациями в 1918 г., все же не привлекал такого внимания, какое уделялось организациями Москве, северу, востоку и югу России. Попытки контр-революционных восстаний в Петрограде, частично проявлявшиеся в 1918 г., носили местный и эпизодический характер, не имея под собой строго выработанного в широком масштабе плана,

тесно увязанного с такого же рода движениями в других районах.

Германские оккупационные войска, с начала своего вторжения в пределы Советской России и до конца своего пребывания на этой территории, объективно сослужили роль заслона для Петрограда от какой-либо другой внешней вооруженной силы, заслона, стабилизировавшегося на линии, идущей от Финского залива — устье реки Наровы, по реке Нарове, восточному берегу Чудского и Псковского озер, западнее ст. Торошино, ст. Карамышево и далее через г. Себеж исключительно.

Эта внешняя вооруженная сила, враждебная диктатуре пролетариата, сослужила, однако, сама того не сознавая, некоторую услугу Советской республике. Под угрозой германского наступления многие контр-революционные антантофильские русские организации вынуждены были перенести центр тяжести своей подрывной работы в другие районы.

Сами же австро-германские оккупационные войска, распространившиеся с весны 1918 г. на территории Украины, Крыма, Прибалтики и юга Финляндии, были настолько заняты своими непосредственными делами по выкачке продовольственных запасов из Украины и по удушению рабочей революции в Финляндии—в частности, что уделять сколько-нибудь большее внимание северо-западу Советской России не было не только общего, но и германским правительством одобренного стремления и материальных к этому возможностей. Кроме того, империалистическая война, требовавшая все новых и свежих пополнений, исключала возможность усиления германских войск на подступах к Петрограду за счет ослабления их Западного фронта.

С другой стороны, в занятии Петроградского района Германия не могла быть тесно заинтересована, так как это означало бы усиление ее вмешательства во внутренние дела Советской России, что не входило в то время в задачу германского правительства. Отсутствие серьезных экономических мотивов, вполне достаточной вооруженной силы для захвата и удержания Петроградского района—заставляло германское правительство трезво смотреть на этот вопрос, чреватый большими последствиями для самой Германии.

С таким положением не хотели, однако, примириться некоторые наиболее крупные представители германского милитаризма. В деле захвата Петрограда, общее политическое и стра-

тегическое значение которого расценивалось ими по достоинству, они хотели найти реальную поддержку в русских белогвардейских формированиях германской ориентации.

Внешняя политика стран Антанты в так называемом русском вопросе в начале 1918 г. обусловливалась экономическими и военно-стратегическими мотивами. Она принимала характер не столько активной борьбы с Советской властью, сколько стремилась создать необходимые условия для организации вооруженного отпора возможному дальнейшему расширению влияния на Россию со стороны Германии.

Однако, заключение Советским правительством Брест-Литовского мирного договора заставило Антанту сосредоточить бо́льшее внимание на политической стороне развертывавшихся в России событий.

Глубокий национальный политический смысл этого договора заключался не столько в том, что было прекращено состояние войны между Советской Россией и капиталистической Германией, сколько в окончательном и решительном выводе Советской России из антантовских сетей.

С марта 1918 г. внешняя политика Антанты по «прусскому вопросу», в которой преобладали тогда тенденции французского империализма, взяла в основном ставку на подрыв мощи Советской республики изнутри, комбинируя подготовлявшиеся контр-революционные восстания внутри Советской республики с открытым вооруженным вмешательством интервентов во внутренние дела Советской России.

Прокатившиеся в 1918 г. на территории Советской республики восстания чехо-словаков, левых эсеров в Москве, савинковской организации «Союза защиты родины и свободы» в Ярославле, Рыбинске и Муроме, наконец,—высадка союзнических десантов в Мурманске и Архангельске — были результатом совместных действий конспиративно функционировавших в советском тылу контр-революционных организаций и групп с представителями Антанты.

С северо-западного района Советской России внимание внутренней контр-революции было поневоле отвлечено вследствие непосредственной близости к этому району внешней, враждебной не только Советскому государству, но и антантофильским белогвардейским организациям, вооруженной силы Германии. В этом районе ведение борьбы на два фронта — и против Германии,

и против власти Советов, пока имело меньше всего шансов на успех. Упомянутые же выше контр-революционные восстания, морально и материально поддержанные Антантой, имели своей конечной целью именно борьбу на два фронта, при чем успех в борьбе с Советами должен был обусловить и предрешить результат борьбы с Германией. Антанта и шедшая у нее на поводу внутренняя российская контр-революция, как «демократического» умонастроения, так и торгово-промышленная, и аристократия своей борьбе с центральным европейским блоком соподчиняли борьбу с Советской властью.

В этом совмещении двух серьезнейших целей, из которых вторая являлась наиболее трудно достижимой, кроется причина неуспеха планов Антанты в середине 1918 года. Советы не были ликвидированы и Антанта не в силах была восстановить противогерманский восточный фронт, распавшийся в процессе революционных событий в России.

Таким образом, как политика Германии, так и политика Антанты, по отношению к Советской республике летом и осенью 1918 г. способствовала некоторому относительному затишью на северо-западе Советской России, где в то время власть Советов, пользуясь создавшейся политической ситуацией, принимала героические меры по закреплению побед Октябрьской революции и оказывала посильную помощь другим участкам и районам Советской России.

Российская контр-революция, в лице ее наиболее видных и авторитетных представителей, с первых дней победы пролетариата свои надежды возлагала на политически отсталые окраины России, концентрируя там офицерские кадры и подготовляя материальную базу для будущих широких формирований. Первыми контр-революционными очагами явились Дон и Оренбургская губерния, где разворачивались внутренние силы контр-революции под знаменем самостийного движения, с целью изолировать эти районы от остальной части Советской республики. Это контр-революционное движение, питавшееся исключительно политическими вожделениями кулацко-казачьей верхушки, приобрело с самого начала местный характер, не претендуя на выполнение общероссийских функций.

Но помимо этого местного самостоятельного движения, направленного по руслу самостийности и сепаратизма, контр-революционный очаг на Дону включал в себя и другую, не-

сколько чужеродную силу—в лице офицерских кадров, стекавшихся сюда со всех районов Советской республики и являвшихся борцами за воссоздание единой, великой и неделимой России. Носители этих идей нашли себе приют с конца 1917 г. на территории донского казачества и получили возможность формировать белогвардейские части под лозунгом борьбы с Советами в общероссийском масштабе. До образования летом 1918 г., в результате восстания чехо-словаков, Восточного фронта,—идея свержения Советской власти на территории всей России получила конкретные формы только на Дону. С образованием же Восточного фронта многие «государственно-мыслящие» элементы буржуазии стали обращать внимание и на восток Советской России для организации и там государственного аппарата для борьбы под знаком «единой, великой и неделимой».

До середины лета 1918 г. белогвардейские офицерские формирования на Дону являлись монопольным и самостоятельным творчеством представителей царского генералитета и крупных торгово-промышленных кругов России.

Дальнейшие перспективы первоначальных белогвардейских общероссийских формирований на Дону очень хорошо определены были в директиве одного из виднейших представителей царского генералитета—генерала М. В. Алексеева от 8(21) ноября 1917 г. Она была адресована на имя генерала М. К. Дидерихса, работавшего в то время в Могилеве — в ставке.

Генерал М. В. Алексеев писал:

«Приехал в Новочеркасск, имея в виду не только найти временный приют, но и начать работу, если только это окажется возможным... Юго-восточный угол России — район относительного спокойствия и сравнительного государственного порядка и устойчивости; здесь нет анархии, даже резко выраженной классовой борьбы, кроме — в известной мере — угольного и рудного участков. Здесь естественные большие богатства, необходимые всей России; на Кубани и Тереке хороший урожай... Как от масляной капли начнет распространяться пятно желаемого содержания и ценности... Из этой цитадели должна затем начаться борьба за экономическое спасение наше от немца, при участии капитала англо-американского. Под покровом силы промышленно-экономической и порядка здесь именно создать сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосударственного...

...Пользуясь видимой недосягаемостью и безопасностью, приступить к формированию реальной,

прочной, хотя и небольшой силы, вооруженной для будущей активной политики. Элементы имеются: много офицеров, часть юнкеров и гардемаринов из разгромленных училищ... наконец, добровольцы... Вот схема начинающейся работы...

Военные наличные силы казачьего союза действительно ничтожны и едва удовлетворяют местным потребностям (угольно-рудный район, Ростов, жел. дор.). С ними на внешние предприятия итти, конечно, нельзя».

Исходя из этих общих предпосылок, генерал М. В. Алексеев давал ряд конкретных указаний, как обеспечить формирование белой армии на Дону. К числу их относятся: необходимость организации тайных военно-политических отделений в крупных городах, как Петрограде, Москве, Киеве, Харькове, с целью шпионажа, вербовки и переотправки на Дон всех контр-революционных элементов; обеспечение этих организаций оружием и патронами; переброска с фронта под всяким благовидным предлогом сохранившихся частей, военного имущества и пр.; дать наряд главному артиллерийскому управлению на отправку в Новочеркасский артиллерийский склад до 30.000 винтовок на первое время [1]; изъятие из пределов Донской области «совершенно большевистских» запасных частей посредством расформирования их или отправления безоружными на фронт, и т. д.

Полная осведомленность этого представителя царского генералитета в военных делах давала ему возможность еще более конкретизировать отдельные задачи, как, например:

«Георгиевский запасный полк, формировавшийся в Киеве, распался, но офицерский состав с ничтожным числом солдат прибыл сюда. Он послужит кадром... Узаконьте формирование такового, якобы, запасного полка в Ставрополе — и формирование крупной части обеспечено».

Ставился генералом Алексеевым вопрос и о переговорах с представителями чехо-словацких войск, которые, по его мнению, должны были охотно связать свою судьбу с деятелями «спасения» России.

---

[1] В октябре 1917 г. Главное артиллерийское управление «своим попечением» направило в Новочеркасский артиллерийский склад 10.000 винтовок из Петрограда и 12.800 винтовок из Москвы. Как первая, так и вторая партия оружия по назначению не дошли. Поэтому генерал М. В. Алексеев предлагал вновь дать наряд, значительно его увеличив — до 30.000 винтовок и то на первое время.

Наметив, таким образом, ясную перспективу для белого движения, генерал М. В. Алексеев свое директивное письмо заканчивает следующими словами:

...«Слабых мест у нас много, а средств мало. Давайте группировать средства главным образом на юго-восток, проявим всю энергию, стойкость... Вооружимся мужеством, терпением, спокойствием сбора сил и выжидания. Погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать все достижимое, чтобы и гибнуть со спокойной совестью» [1].

Эта директива генерала М. В. Алексеева характерна в том отношении, что буржуазно-помещичья контр-революция с первых же дней победы пролетариата решила сосредоточиться на юго-восточной окраине России, надеясь оттуда в дальнейшем повести борьбу с пролетарской революцией в широком масштабе.

Целый ряд контр-революционных группировок, действовавших конспиративно внутри Советской республики, в своей повседневной практической деятельности имел в виду оказание всемерной помощи этому контр-революционному очагу отечественной буржуазии.

Зависимость российской буржуазии от англо-французского капитала, обусловившая в конечном счете выступление России в мировой войне на стороне Антанты, должна была определить политическую ориентацию как белогвардейских добровольческих

---

[1] «Белое дело», т. 1, книгоизд-во «Медный всадник», Берлин, стр. 77 — 82.

В этих последних заключительных словах генерала нельзя не отметить некоторой доли сомнения в своих начинаниях; ясная перспектива, нарисованная им, дала под конец основательную трещину. Фантазия, пленившая его в кабинете, должна была уступить хотя и незначительное, но все же заключительное место для соображений практического характера.

Несколько позже, 9 февраля (27 января) 1918 г., генерал М. В. Алексеев в своем обращении во французскую миссию в г. Киеве вынужден был подтвердить свое заключение из цитированного выше письма от 8/21 ноября 1917 г. Он писал: «Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения своего достояния. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов — буржуазии и интеллигенции, а не против области, где сохранился порядок, где есть хлеб, уголь, железо, нефть» (Вера Владимирова — «Год службы «социалистов» капиталистам», очерки по истории контр-революции в 1918 г., под редакцией Я. А. Яковлева, Гос. изд., 1927 г., стр. 141).

формирований на Дону, так и тех организаций, которые всеми силами старались подорвать крепость Советов изнутри и оказывать соответствующую поддержку Дону.

Под знаком ориентации на Антанту и вела борьбу с революцией внутренняя отечественная белогвардейщина.

Однако, провал всех антантовских иллюзий на скорую ликвидацию Советской власти весной и летом 1918 г. временно усилил другое течение в стане действовавшей внутри Советской республики контр-революции. Эта группа все надежды возлагала на Германию, хотя и задыхавшуюся в тисках всепожирающих фронтов мировой войны, но все же представлявшую из себя реальную и грозную силу на востоке. С занятием Украины австро-германскими войсками идеологи кулацко-казачьего Дона, как генерал П. Н. Краснов и др., решили немедленно принять германскую ориентацию и, тем самым, вошли в противоречие с добровольческой армией генералов М. В. Алексеева и А. И. Деникина.

Стремление опереться на Германию было продиктовано самим положением Дона летом и осенью 1918 г. и по своему характеру не выходило из рамок союза буржуазной кайзеровской Германии с кулацко-казачьими самостийниками Дона.

Другое проявление германского влияния, имевшее место в отношении действующих внутри Советской России контр-революционных организаций, в основном—монархического направления, носило характер более широкого русско-германского буржуазного блока, преследовавшего цели ликвидации Советов в целом.

Таким образом, помимо сотрудничества германской буржуазии с донским кулачеством, сотрудничества, имевшего чисто местное значение, был налажен контакт между германской и частью российской буржуазии.

В среде некоторых организаций, ориентировавшихся в общем на Германию, не было, однако, полного единства взглядов. Германофильские группировки внутри Советской республики не располагали, естественно, своей собственной территориальной зоной. В их среде происходили внутренние трения в смысле оформления своих политических симпатий.

Образовавшаяся в марте 1918 г. внутри Советской республики контр-революционная группировка, впоследствии получившая название «Правого центра», и была одной из тех органи-

заций, которые, не отвергая окончательно мысли об Антанте, придерживались германофильского направления.

В «Правый центр» входили представители от Совета общественных деятелей (возникшего еще при Керенском в августе 1917 г.), от партии к.-д., от Торгово-промышленного комитета, Союза земельных собственников и от крайних правых. Такие лица, как Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев, Н. И. Астров С. А. Морозова, А. И. Бурышкин, М. М. Федоров, А. В. Кривошеин (б. царский министр), В. И. Гурко, Л. Л. Кисловский, П. Б. Струве, Г. Н. и Е. Н. Трубецкие и др., были активными членами организации; А. В. Кривошеину, В. И. Гурко и С. М. Леонтьеву принадлежала доминирующая роль. «Правый центр», в поисках наилучшего выхода из создавшейся политической обстановки в России в 1918 г., хотя и придерживался в своем большинстве летом 1918 г. германской ориентации, но вел одновременно переговоры и с представителями Антанты.

Проводники германской внешней политики и выразители настроений германской буржуазии, сознавая свою относительную слабость и невозможность непосредственного вооруженного вмешательства в дела неоккупированной их войсками Советской территории, придавали большое значение деятельности внутренней русской белогвардейщины. При этих условиях не трудно было представителям Германии завязать чисто деловые переговоры и установить тесные связи с «Правым центром».

Переговоры немцев начались с петроградской группой политических деятелей умеренно-правого направления в лице В. Ф. Трепова и барона Б. Э. Нольде. Когда об этих переговорах был информирован «Правый центр» в Москве, то и там всплыл вопрос о возможности сговориться с немцами для скорейшей ликвидации Советской власти. Некоторые члены «Правого центра», в том числе бывший обер-прокурор синода в кабинете С. Ю. Витте—князь А. Д. Оболенский, были уполномочены вести переговоры с различными немецкими представителями.

Результатом этих связей было то, что немцы все же уклонились от активного вмешательства и ограничились обещанием только косвенной поддержки [1].

---

[1] Вера Владимирова — «Год службы «социалистов» капиталистам» (очерки по истории контр-революции в 1918 г.), под ред. Я. А. Яковлева, Гос. изд., 1927 г., стр. 234 — 237.

Переговоры с немцами вели не только представители «Правого центра». Немецкий генерал, барон Кольмар фон-дер-Гольц, в своих мемуарах говорит, что в июне 1918 г., в Финляндии, у него начались переговоры с представителями русских правых группировок, бывшим товарищем председателя 3-й и 4-й Государственных дум, князем В. М. Волконским, бывшим премьером царского правительства А. Ф. Треповым и бывшим великим князем Кириллом Владимировичем Романовым. Целью этих переговоров было установление тесных взаимоотношений русских монархических групп с представителями Германской империи на предмет совместной согласованной борьбы с пролетарской революцией в России, начало которой (борьбы) должно было положить наступление германских войск на Петроград. Наступление на Петроград намечалось главным германским командованием на август 1918 г., и только переговоры Советского правительства с Германией, закончившиеся подписанием 27 августа 1918 г. навязанного Германией шантажистского, дополнительного к Брест-Литовскому договору, «соглашения», ликвидировало опасность Петрограду со стороны немецких армий.

Германской ориентации придерживалась еще одна организация, существовавшая нелегально в Петрограде.

В этой организации, именовавшейся «Великой единой Россией», принимали деятельное участие морской офицер, лейтенант В. В. Дидерихс, С. А. Бутвиловский, фон-Коттен, Бутвель, Эльснер — начальник строевого отдела штаба флота, и другие. Структура этой организации была довольно оригинальна. Лейтенант В. В. Дидерихс, игравший в то время руководящую роль в организации «Великой единой России», получил от германских властей задание организовать сеть трудовых артелей и различных коммерческих предприятий, с помощью которых достигались бы две задачи: 1) обеспечение организации денежными средствами и 2) подбор «подходящих» лиц. Под флагом этих, по внешности аполитичных, предприятий группировался соответствующий контингент представителей русско-помещичьей контр-революции. С. А. Бутвиловский вел деловые переговоры с представителями купеческого мира, намечал подряды, заказы и прочее. Организация старалась всемерно использовать всякую возможность устроить своих людей на командные должности в Красную армию, на службу в военные и советские учрежде-

ния. Однако, самым характерным, определяющим, пожалуй, степень серьезности всех начинаний организации «Великой единой России», было внешнее поведение ее организаторов, обусловленное наличием в их руках крупных денежных сумм, немецкое происхождение которых знали немногие. Одна из контр-революционных деятельниц так отзывалась об этой организации: «началась наивная и неумелая лепка карточного домика контр-революции».

Связь организации «Великая единая Россия» с Германией проходила по линии Берлин—Варшава—Псков—Петроград. Организация имела своих курьеров, ездивших с различными поручениями из Петрограда в Псков и обратно, переходя по пути демаркационную советско-германскую линию в районе Пскова.

Эта организация, по крайней мере—в лице ее отдельных, но наиболее авторитетных членов, в процессе своей повседневной контр-революционной деятельности осознала вскоре тщету своих усилий и необходимость перейти к более серьезному делу — формированию белогвардейских военных отрядов вне пределов Советской республики. С. А. Бутвиловский, исходя из этих соображений, в конце 1918 г. предпринял шаги по формированию так называемой «Северной армии» в Пскове под прикрытием войск оккупантов. По этому поводу велась усиленная переписка с Псковом, которая не могла не повлиять на последовавшее вскоре решение германского главного командования на востоке—предоставить все возможное, вплоть до оказания материальной поддержки, для успешной организации белогвардейской русской армии на северо-западе России. По мнению организации «Великая единая Россия», занятие Петрограда не требовало предварительного и длительного сосредоточения крупных вооруженных сил.

Наконец, в Петрограде, помимо указанных германофильских контр-революционных групп, в 1918 г. существовали гвардейская офицерская организация и так называемая монархическая партия Н. Е. Маркова 2-го. Гвардейская офицерская организация объединяла гвардейских офицеров старой армии и делилась в начале 1918 г. на две группы: первая – офицеры гвардейской пехоты и полевой артиллерии, вторая—офицеры гвардейской кавалерии и конной артиллерии. Во главе каждой группы стояли ответственные руководители: в первой — генерал Гольтгоер, во второй—генерал Е. А. Арсеньев; в распоряжении этих гене-

ралов для текущей организационной работы находились секретари-полковники (у генерала Арсеньева — полковник барон Таубе).

Группа устраивала общие собрания, на которых вырабатывалась линия поведения офицеров, находившихся на советской территории. С момента организации в начале 1918 года 1-го корпуса Красной армии гвардейская организация решила принять активное участие в этих советских формированиях, преследуя цель организованной измены на фронте, куда предполагалось бросить красноармейские части. Общий план предусматривал необходимость предварительно договориться с германским военным командованием и состоял в том, что германские войска и части 1-го советского корпуса совместно займут Петроград и восстановят монархию в России, Россия заключит сепаратный мир с Германией и до конца мировой войны будет соблюдать дружественный нейтралитет в отношении срединной коалиции. Этот план действий получил полное одобрение от бывшего великого князя Павла Александровича, который выразил желание стать при необходимости во главе корпуса и временного русского правления.

Проведение плана заговорщиков в исполнение лежало на обязанности одного из активных деятелей гвардейской офицерской организации—ротмистра л.-гв. Кирасирского полка фон-Розенберга, который занял пост начальника оперативного отдела штаба 1-го корпуса и временно, до выступления частей корпуса на фронт, должен был руководить отделом формирования.

Теснейший контакт гвардейская офицерская организация поддерживала с монархической партией Н. Е. Маркова 2-го, в состав которой входили сенатор С. С. Андреевский, Панютин, Волков, полковник л.-гв. Семеновского полка А. Ф. Штейн и другие. Обе эти организации руководились непосредственно Н. Е. Марковым 2-м и генералом Н. Н. Юденичем [1].

Однако, этот план гвардейских заговорщиков не был выполнен вследствие того, что формируемый 1-й корпус Красной армии, несмотря на наличие в нем старых офицерских кадров, был вполне надежной вооруженной силой пролетарской революции и по составу бойцов не мог способствовать широкому

---

[1] П. М. Авалов — «В борьбе с большевизмом», изд-во и типография И. И. Августина, Глюкштадт и Гамбург, 1925 г., стр. 36, 37, 76.

плану измены. Вскоре органами Советской власти были арестованы руководители пехотной и кавалерийской групп гвардейской офицерской организации. Вся работа членов организации после этого должна была сосредоточиться исключительно на белогвардейских российских формированиях за пределами Советской Республики.

Такова была деятельность контр-революционных организаций в Петрограде, ориентировавшихся как частично, так и целиком на Германию [1].

Итак, в Петрограде, помимо различных контр-революционных групп, субсидировавшихся представителями Антанты и связанных с ее агентами, проявляли активную деятельность и другие группировки, преимущественно монархического толка, ориентировавшиеся на Германию. И в то время, как первые—центр своего внимания переносили из Петрограда на другие районы России, интересовавшие их патронов, т. е. свою повседневную работу подчиняли не столько своим собственным интересам, сколько интересам союзников, вторые—в сферу активных действий как своих, так и вооруженных сил Германии, включали в первую очередь северо-западный район Советской России с ее мощным пролетарским революционным центром Петроградом.

Такое своеобразное положение северо-западной окраины Советской республики в 1918 г. в конечном итоге обусловливалось, с одной стороны, отсутствием давления на нее вооруженных сил Антанты, вследствие территориальной дальности Петрограда от районов России, попавших в сферу союзнической интервенции (Мурманск, а затем Архангельск) и, с другой,—господством в то время Германии в Прибалтике и наличием на непосредственных подступах к Петрограду германских войск.

Один из бывших активных деятелей белого стана, сторонник ориентации на Антанту, В. И. Игнатьев по поводу

[1] В Петрограде в различные периоды 1918 г. существовали еще и другие контр-революционные группы и организации германофильского направления, не говоря уже об организациях антантовской ориентации. Однако, чрезвычайная организационная пестрота, являвшаяся характерной чертой деятельности русской контр-революции в целом в течении 1918 г., не дает возможности с абсолютной точностью определить степень организационной самостоятельности и цельности различных групп и организаций. Даже работники белого стана не всегда разбирались и разбираются в том организационном многообразии, которое имело место в 1918 г. внутри Советской республики

деятельности контр-революционных организаций в Петрограде писал:

«Петроград кишел всякими организациями, поставившими своей задачей борьбу с большевиками, организациями, в своем большинстве питающимися из одного и того же союзнического кармана и, несмотря на общность непосредственной цели, — сломить большевиков, ненавидящих друг друга, неверящих друг другу, готовых при первом стремлении к дальнейшему строительству России, которую каждая организация понимала по-своему, перегрызть друг другу горло, — что потом и случилось» [1].

В отношении Петрограда необходимо констатировать, что эта взаимная вражда между контр-революционными организациями осложнялась более глубокими противоречиями, коренившимися в вопросах внешней ориентации. Колеблющаяся, выжидательная тактика некоторых организаций в смысле окончательного определения линии своей внешней политики была только одной из форм приспособления различных контр-революционных группировок к условиям жизни. Эта приспособляемость тормозила своевременную выработку собственных программ по устроению белой России, почему не всегда возможно точно определить социальную природу их разногласий. Споры о военной диктатуре или директории отражали лишь взгляды двух полюсов внутренней контр-революции — мелко-буржуазного и буржуазно-помещичьего, и являлись одной, хотя и весьма характерной, но далеко не решающей стороной этих трений. Вопросы внешней политики были стержнем политической платформы различных групп российской контр-революции, который определял основное направление их внутренней политики.

Русские белогвардейские организации в Петрограде, ориентировавшиеся на Германию, были поставлены в гораздо лучшее положение, чем сторонники Антанты. Они имели возможность завязать тесные взаимоотношения с представителями германских оккупационных войск, чтобы в дальнейшем приступить уже к непосредственной реализации своей политической программы и активным действиям на северо-западной территории Советской России. Сторонники Антанты были тесно связаны

---

1. В. И. Игнатьев — «Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917 — 1921 гг.), часть 1 — «Октябрь 1917 г. — август 1919 г., — Петроград, Вологда, Архангельск» (личные воспоминания), Гос. изд., 1922 г., стр. 19.

с англо-французами и должны были содействовать осуществлению планов своих хозяев, т. е. по условиям того времени, не обращать особого и серьезного внимания на Петроградский район. Сторонников Германии интересовали, конечно, вопросы военного характера, именно то, о чем неоднократно писал в Псков один из активных деятелей организации «Единая великая Россия»—С. А. Бутвиловский.

Близость к Петрограду оккупированных Германией русских областей—части Витебской и Псковской губерний, Лифляндии и Эстляндии—«невольно» наводила на мысль о создании там русской белогвардейской армии.

В этом отношении для германофильской русской контрреволюции представлялась реальная возможность формировать добровольческие белогвардейские силы на северо западе России под защитой германских штыков.

ГЛАВА 2 [1].

МЕРОПРИЯТИЯ ГЕРМАНСКОГО КОМАНДОВАНИЯ И РУССКИХ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДЕЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРНОЙ АРМИИ В ПСКОВЕ. — ЗАСЕДАНИЯ РУССКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННОЙ КОМИССИИ. — НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ. — ИЗМЕНА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 3-го ПЕТРОГРАДСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА И ЧАСТИ ЧУДСКОЙ ОЗЕРНОЙ ФЛОТИЛИИ.

Конкретные практические шаги в деле формирования Северной армии были сделаны представителями германского военного командования. Поставив перед собой довольно широкие задачи по созданию двух русских армий на Украине, оккупированной германскими войсками [2], командование последних считало необходимым немедленно приступить к таким формированиям и на оккупированной части северо-запада России.

---

[1] См. в приложении карту № 1.

[2] Командование австро-германских оккупационных войск, исходя из далеких перспектив, поставило перед собою цель создать на русской территории две русские армии, назначение которых должно было определяться германофильской ориентацией их офицерского кадра. Первая, так называемая—«Южная», армия с разрешения атамана войска Донского, генерала П. Н. Краснова, должна была формироваться в Богучарском и Новохоперском уездах, Воронежской губернии. При полной поддержке германских военных властей в течение трех месяцев лета 1918 г. на территории Украины было открыто 25 вербовочных бюро, которые дали к августу 1918 г. до 16.000 добровольцев, из коих 30% составляли офицеры. В августе было закончено формирование 1-й дивизии Южной армии (начальник дивизии — генерал Семенов), после чего было приступлено к формированию 2-й дивизии (начальник дивизии — генерал Джонсон) в районе станции Миллерово.

Однако, последовавшие вскоре революционные события в Германии и уход оккупантов из Украины не дали возможности закончить форми-

Для выяснения всех вопросов в связи с организацией Северной армии, равно как и для налаживания связей с русскими монархическими организациями, главное германское командование специально уполномочило гауптмана (капитана) Э. Последний вскоре, в разговоре с представителем русских монархических организаций ротмистром фон-Розенбергом, в помещении прибалтийской миссии при германском генеральном консульстве в Петрограде, изложил основные задачи предполагавшегося формирования Северной армии. Они сводились к активным военным действиям в направлении на Петроград и Москву, к занятию этих городов и свержению советской власти. Ротмистр фон-Розенберг о своей беседе решил немедленно информи овать гвардейскую офицерскую организацию, а через нее и Н. Е. Маркова 2-го. Вслед за тем группа офицеров, в числе которой были полковник барон Таубе, полковник л.-гв. Семеновского полка А. Ф. Штейн и некий полковник Р., одобрив предложения немецкого офицера и констатировав полное совпадение этих германских предложений со своими намерениями, решила, в свою очередь, поставить обо всем в известность Н. Е. Маркова 2-го и генерала Н. Н. Юденича. Полное одобрение всем предположениям немецкого командования было дано и этими двумя шефами контр-революционных организаций. После полученного, таким образом, полного одобрения своих планов, германский уполномоченный гауптман Э. имел в Петрограде совещание с русскими полковниками Штейном и Р., на котором были намечены следующие условия формирования добровольческой армии на северо-западе России:

рование 2-й дивизии. Сформированные части по приказу генерала Краснова от 14 ноября 1918 г. были влиты под названием Воронежского и Астраханского корпусов в новую Южную армию (командующий армией — генерал Н. И. Иванов), оперировавшую совместно с донским казачеством против советских войск.

Вторая, так называемая,—«Астраханская», армия комплектовалась из астраханских казаков и калмыков также при помощи немцев. В Киеве было центральное вербовочное бюро этой армии, во главе которого был поставлен полковник Тундутов и в качестве политического руководителя—Иван Добрынский. Немцы отпускали деньги и снабжение. К августу армия насчитывала 3.000 добровольцев (командир — генерал Павлов). В сентябре 1918 г. Астраханская армия перешла в подчинение генералу Краснову и потеряла свое самостоятельное политическое назначение

«1) русская добровольческая армия должна формироваться по соглашению с Императорским германским правительством;

2) местом формирования должны послужить оккупированные германскими войсками русские области, при чем желательными являются районы городов Двинск—Вильна или Валк— Вольмар — Венден;

3) формирование армии должно производиться в одном из указанных районов, под прикрытием германских оккупационных войск;

4) армия должна будет комплектоваться: а) местными русскими офицерами и добровольцами, б) переправленными при помощи германцев из Петербурга офицерами и добровольцами, при чем многие из них предварительно должны быть освобождены из тюрьмы, в) русскими военнопленными, находящимися в лагерях Германии;

5) командующим армией, с диктаторскими полномочиями, должен быть назначен русский генерал с популярным боевым именем, при чем желательно было бы назначение генерала Юденича, генерала Гурко или генерала графа Келлер;

6) денежные средства на содержание армии должны выдаваться заимообразно германским правительством русскому государству;

7) все необходимое для формирования армии, как-то: вооружение, обмундирование, снаряжение и продовольствие должны отпускаться германскими военными властями русскому командованию;

8) в одном из городов оккупированной области, перед началом формирования, должен быть созван Русский монархический съезд, имеющий своей задачей выделить из своего состава Временное правительство России;

9) армия по окончанию формирования должна быть приведена к присяге законному царю и Русскому государству;

10) задачи армии: а) наступление на Петербург и свержение большевизма, б) поддержание законной власти, в) водворение порядка во всей России;

11) все установления политического характера должны быть выяснены на Монархическом съезде и утверждены избранным Временным правительством;

12) германские войска участия в подавлении большевизма не принимают, но следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престижа власти» [1].

Эти условия были устно переданы гауптману Э., который отправился в гор. Ковно для представления их германскому главному военному командованию.

Ротмистру фон-Розенбергу от имени гвардейской офицерской и монархической организаций было поручено отправиться

---

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 60, 61.

Совещание это происходило, повидимому, в августе 1918 г.

Подлинные фамилии «гауптмана Э.» и «полковника Р.» у Авалова не приводятся.

в Псков и приняться за организацию прочной связи с Петроградом, начать подготовку всего необходимого для приема прибывающих офицеров, установить контакт с местными политическими и общественными деятелями и ознакомиться с местными условиями жизни, настроением русских офицеров, интеллигенции, городского населения и крестьян.

К моменту приезда Розенберга в Пскове жило много офицеров, значительная часть которых была захвачена спекулятивной горячкой, контрабандными делами и т. п. Наиболее воинственные элементы из находившихся в Пскове офицеров поспешили еще раньше оставить город и уехать на юг России, оставшиеся же, в скором времени, от поиска заработка перешли к широким поискам наживы и увязли в захватившей своими щупальцами весь город спекуляции.

Городская интеллигенция в лице чиновников, педагогов, врачей, большого количества адвокатов, враждебная вообще диктатуре пролетариата, не отличалась тогда особыми качествами настоящего российского патриота. Безволие, мягкотелость и, наконец, простое проявление трусости было отличительными чертами псковской интеллигенции. Разговоры с этой частью населения об организации вооруженной борьбы с большевизмом, хотя и принимали характер вполне сочувственной беседы, однако, ничего реального на первое время не давали. Наиболее организованной частью населения Пскова было вообще купечество, но и оно, вследствие закрытия некоторых старинных фирм, было представлено новым поколением небольшой ценности в патриотическом отношении и не желавшего сразу принять непосредственное участие в формировании Северной армии. Даже впоследствии, когда формирование белой вооруженной силы стало фактом и проводилось через специально созданные русские вербовочные бюро, помощь городской буржуазии, таких, например, ее представителей, как миллионер П. Д. Батов и купец И. И. Жиглевич, по мнению самих деятельных участников формирования, была далеко не достаточна [1].

Настроение рабочих города и крестьянства по району отмечалось опять-таки самими творцами белой армии в следующих знаменательных выражениях:

---

[1] «Белое дело», т. 1, статья К. К. Смирнова — «Начало Сев.-зап. армии», стр. 114, 123.

...«Что же касается рабочего класса и крестьянства, то оно в большинстве тяготело к большевикам, в которых видело освободителей от германской оккупации, мешавшей им грабить помещиков» [1].

В Пскове Розенберг завязал связь с бывшими членами Гос. думы Г. М. Дерюгиным, Н. Н. Лавриновским, А. П. Горскиным и местным общественным деятелем Б. Б. Линде. На первом же совещании было постановлено, что руководство политической и общественной стороной предпринимаемого дела будет осуществляться указанными лицами, а военную и административную работу должен был попрежнему выполнять ротмистр Розенберг.

Со стороны германского командования миссия Розенберга встретила полное сочувствие. Германским пограничным войскам было отдано приказание пропускать через границу русских офицеров, следующих из Советской России по заранее установленному паролю: «Nordabschnitt» («северный отрез»), который был сообщен конспиративным контр-революционным организациям в Петрограде.

К числу таких организаций принадлежала «Великая единая Россия», которая поддерживала постоянную связь с формирующейся в Пскове Северной армией через курьера некоего Шуберта. При его посредстве велись переговоры с официальным представителем «правого центра» Винтер-Свистуновым, почему следует заключить, что в то время и «правый центр» не был в стороне от практического содействия белым формированиям в Пскове [2].

Для приема прибывших русских офицеров при штабе 6-й германской запасной дивизии в Пскове было создано русское комендантское управление, во главе которого стал ротмистр Каширский со своим адъютантом штаб-ротмистром Петровым. Сюда направлялись все офицеры, перешедшие демаркационную линию. Они получали удостоверения на право жительства в городе и ношения офицерской формы. Вскоре было открыто общежитие для офицеров и было разрешено пользоваться германским гарнизонным офицерским собранием, где можно было получать дешевый завтрак и обед.

---

[1] П. Авалов—«В борьбе с большевизмом», стр. 66.

[2] М. Я. Лацис (Судрабс)—«Два года борьбы на внутреннем фронте» (популярный обзор двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлением по должности), Гос. изд., М., 1920 г., стр. 30, 31.

15 сентября 1918 г. в Псков вернулся гауптман Э. и сообщил, что главное германское командование на востоке принимает условия формирования русской армии на северо-западе России, но требует созыва в Пскове монархического съезда, который должен со своей стороны подтвердить желательность германской помощи. Расходы по организации такого съезда немцы брали на себя.

Для созыва съезда в Пскове в Киев срочно выехала делегация в составе Г. М. Дерюгина, Н. Н. Лавриновского, А. П. Горскина и капитана фон-Дитмара. С той же целью были командированы отдельные лица в Петроград и Москву. В частности, в Петроград поехал бывший «губернатор Г.», которого германцы переправили через границу, как своего курьера. В белогвардейском стане началось оживление. Вслед за делегацией, выехавшей в Киев, к генералу графу Ф. А. Келлеру были командированы ротмистр 16-го гусарского Иркутского полка А. К. Гершельман и обер-лейтенант фон-Гаммерштейн, которые должны были информировать Келлера и просить его принять командование над добровольческой армией, формировавшейся в Пскове.

Однако, дело со съездом не ладилось. Вскоре из Киева прибыл один из делегатов—А. П. Горскин и сообщил, что в качестве политического центра, где намечается план дальнейших действий, является гор. Киев и что только там может решиться судьба России, почему вопросы формирования русской добровольческой армии на севере его и делегацию больше не интересуют. «Все будет уже закончено, когда вы только начнете»,— закончил свою информацию А. П. Горскин.

Прибывшие же из Киева Гершельман и Гаммерштейн сообщили, что офицерство, живущее в Киеве, сочувственно отнеслось к идее формирования добровольческой русской армии на северо-западе и что почти все гвардейские офицеры изъявили безоговорочное свое желание вступить в ряды Северной армии, операции которой будут направлены на Петроград.

Выяснив окончательно невозможность быстрого созыва монархического съезда в Пскове, инициаторы создания добровольческой армии обратились к главному германскому военному командованию в Ковно с просьбой не обусловливать формирование армии созывом монархического съезда в Пскове.

В ответ на это 9 октября 1918 г. из Ковно от имени главного военного германского командования на востоке при-

была в Псков военная германская комиссия, которой были даны исчерпывающие инструкции о деталях формирования русской белой армии на северо-западе.

10 октября 1918 г. утром состоялось первое военное русско-германское совещание, на котором с германской стороны присутствовали генерального штаба майор фон-Клейст, майор фон-Тресков, обер-лейтенант фон-Гаммерштейн и в качестве переводчика лейтенант Ниман; с русской стороны — ротмистр фон-Розенберг, ротмистр Гершельман, капитан Тарановский и Б. Б. Линде. На этом заседании было постановлено немедленно приступить к формированию добровольческой армии, для чего привлечь к работе русских офицеров генерального штаба, из числа которых были указаны генерал-майоры: Б. С. Малявин (Псков), А. Е. Вандам (Ревель), П. Н. Симанский (имение у г. Острова). Генерал Малявин сразу же изъявил свое желание и следующее вечернее заседание прошло под его председательством. К генералу Вандаму в Ревель была послана особая делегация в составе полковника барона Вольфа, Радко-Дмитриева (сына генерала) и Пешехонова.

На первом заседании были выработаны нормы денежного, провиантского и других видов довольствия, разграничены сферы деятельности русской и германской контр-разведок. Было учреждено русское агитационное бюро. По городу с 10 октября стали распространяться листовки с объявлением от имени русской белой армии.

На последующих четырех заседаниях русско-германской комиссии были выработаны окончательные условия формирования русской северо-западной добровольческой армии, которая была названа «Северной армией».

Условия сводились к следующему:

1) Русская добровольческая «Северная армия» по соглашению с императорским германским правительством и при посредстве главного военного германского командования на востоке, начинает свое формирование 10 октября 1918 года.

2) Районом формирования указанной армии назначаются оккупированные части Псковской и Витебской губерний, — с городами Псков, Остров, Изборск, Режица и Двинск.

3) Формирование армии будет происходить в названном районе под прикрытием германских оккупационных войск.

4) Армия будет комплектоваться: а) местными русскими офицерами и добровольцами; б) таковыми же перебежчиками из Советской России;

в) таковыми же других оккупированных германцами русских областей; г) таковыми же военнопленными, находящимися в Германии, при чем вербовка последних будет произведена, специально командируемой для этой цели в Германию, комиссией из русских офицеров.

5) Командующим армией, с диктаторскими полномочиями, назначается русский генерал с популярным боевым именем желательно при согласии — генерала Юденича, генерала Гурко или генерала графа Келлера.

6) Денежные средства на содержание армии отпускаются германским правительством заимообразно Русскому государству и направляются через главное военное германское командование в русское полевое казначейство при армии, откуда расходуются на общих основаниях.

7) Вооружение, снаряжение, шанцевый инструмент, обмундирование, продовольствие и технические средства даются германским правительством через главное военное германское командование таковому же русскому, при чем обмундирование и вооружение, по возможности, русского образца и в размере потребном для формирования не менее одного корпуса, силою в две пехотные дивизии, согласно германским штатам, с отдельною бригадою кавалерии, соответствующей артиллерией, вспомогательными частями (инженерными, саперными, авиационными, автомобильными, мотоциклетными, велосипедными, телефонными, телеграфными и железнодорожными и всеми техническими средствами).

8) Армия по окончании формирования приводится к присяге законному царю и Русскому государству.

9) На формирование армии дается срок не менее двух с половиною месяцев после чего армия должна быть в боевой готовности.

10) По сформировании армии германские войска отходят на новую демаркационную линию и сдают старую русским.

11) За месяц перед своим отходом германские военные и гражданские власти сдают все управление армейским районом таковым же русским властям.

12) При армии остаются для связи три германских офицера, из которых один генерального штаба.

13) Германские войска при наступлении не участвуют в подавлении большевизма, но следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престижа власти.

14) После занятия Петербурга объявляется военная диктатура, при чем диктатором будет командующий «Северной армией».

15) Задачи армии: а) защита указанного выше армейского района от большевистского нашествия; б) движение вперед для взятия Петербурга и свержения большевисткого правительства; в) водворение порядка во всей России и поддержка законного русского правительства [1].

При сравнении этих условий формирования Северной армии с теми, которые были предварительно выработаны на совещании германского уполномоченного гауптмана Э. с русскими полковниками А. Ф. Штейном и Р., видно, что особых принципиальных

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 70, 71.

изменений внесено не было. Имеющиеся поправки и дополнения только уточняли и конкретизировали те положения, которые в протоколах предварительных совещаний были зафиксированы в общей форме. Новым в этих окончательных условиях формирования белой армии является, с одной стороны, изменение района формирования, в сторону его приближения к демаркационной советско-германской линии на северо-западе России и, с другой,—отказ германского военного командования от требования созвать монархический съезд.

На совещаниях военной комиссии германское командование вновь подтвердило свою готовность оказать материальную поддержку русским белогвардейцам. На одном из заседаний комиссии было сообщено, что немцы отпускают в распоряжение Северной армии 150 миллионов рублей марок, вооружение, снабжение и обмундирование на 50.000 человек, 500 пулеметов, 36 легких полевых 3-дюймовых пушек, 24 тяжелых пушки и разного рода технические средства [1]. Все это военное имущество предполагалось сосредоточить в специально устроенных складах и магазинах в гор. Изборске.

По вопросу о месте расположения добровольческих отрядов и штаба Северной армии было предложено со стороны Розенберга в качестве такого пункта избрать не Псков, а, например, гор. Режицу, как находившийся в более глубоком тылу. Однако, такое предложение встретило серьезный отпор германских представителей. Авалов по этому поводу пишет:

« ... Германский уполномоченный, майор фон-Тресков, был против помещения штаба армии в Режице, потому, что при таком положении Курляндия, естественно, должна была бы быть базой для русской добровольческой армии, а это... совершенно не устраивало Германию» [2].

---

[1] В книге М. Г. Баха — «Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за десять лет, 1917 — 1927 гг.», изд. Комм. академии, М., 1928 г., — встречается (стр. 22) ошибочное указание на то, что все обещанное германским командованием вооружение было полностью выдано русским белогвардейцам. На самом деле, за все время совместной работы германское командование предоставило в распоряжение Северного корпуса немного более 3 миллионов марок, 8 тысяч винтовок, из которых $^3/_4$ негодных, 6 легких и 24 тяжелых орудия, совершенно не пригодных для боевого использования (см. А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», Берлин (тип. об-ва «Аресса»), 1921 г., приложение 5-е).

[2] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 72.

Таким образом, уже здесь, при обсуждении всех вопросов, связанных с формированием Северной армии, представителями одной стороны была вскрыта определенная тенденция германской военщины сохранить свое влияние на Прибалтику. Помогая русским белогвардейцам, представители германского милитаризма преследовали исключительно империалистические цели Германии и только под этим углом зрения принимали непосредственное участие в формировании русской белой армии. Всем своим дальнейшим поведением и боевой активностью Северная армия должна была способствовать реализации этих тенденций германского империализма.

12 октября из Ревеля приехал генерал А. Е. Вандам. Он с одобрения членов военной комиссии принял диктаторские полномочия и вступил во временное командование отдельным Псковским добровольческим корпусом, который должен был послужить первой боевой единицей Северной армии. Вскоре был сформирован и штаб корпуса, к которому «для связи» были прикомандированы германские офицеры: генерального штаба майор фон-Клейст, обер лейтенант фон-Гаммерштейн, обер-лейтенант Хольц (по хозяйственной части) и лейтенант Ниман (в качестве переводчика).

Штаб корпуса был сконструирован в составе: начальника штаба — генерального штаба генерал-майора Б. С. Малявина, двух штаб-офицеров для поручения—полковника барона Вольфа и ротмистра Гершельмана, обер-квартирмейстера — причисленного к генеральному штабу, гвардии ротмистра фон-Розенберга, дежурного штаб-офицера — подполковника Гильберта, заведывающих артиллерийской частью — подполковника Р., инженерной—подполковника Розанова, интендантской—генерал-майора Львова, санитарной — доктора Сергеева, полевого корпусного казначея — Молоховского и для поручений по гражданской части — Б. Б. Линде.

Отделу обер-квартирмейстера было поручено руководство вербовочным делом. В Пскове было открыто главное вербовочное бюро, во главе которого стал недавно прибывший из Москвы ротмистр Гоштовт. Это бюро было разделено на два отделения. Первое ведало приемом офицеров, второе — рядовых добровольцев.

Во главе контр-разведки корпуса был поставлен ротмистр Тарановский.

Вспомогательные вербовочные бюро были открыты в городах: Острове, Режице, Двинске, Дриссе, Валке, Юрьеве, Ревеле, Нарве, Риге, Митаве, Либаве. Начальником всех вербовочных бюро в Прибалтийском крае был назначен ротмистр фон-Адлерберг.

Кроме организации вербовочных бюро в вышеуказанных городах, были командированы в Вильно, Ковно и Гродно на короткий срок офицеры в тех же целях вербовки добровольцев. Совершенно конспиративно проходила вербовка в Северную армию и на территории Советской Республики, где в этом отношении соответствующую помощь оказывали различные сотрудники германских миссий [1].

В течение первой вербовочной недели общее количество записавшихся добровольцев превышало 1.500 человек, при чем офицерство составляло 30 – 40% общего числа [2].

Немецкие власти в это время аккуратно выполняли свои обещания, беспрепятственно выдавали продовольствие и некоторые денежные суммы. Все это способствовало делу формирования и давало возможность штабу белогвардейского корпуса начать разбивку добровольцев по частям. К 18 октября было решено, что корпус будет иметь три полка — один в Пскове, второй в Острове и третий в Режице. На пост командиров полков были намечены кандидаты—полковники Лебедев, Казимирский и Клесинский. Формирование артиллерии было поручено полковнику К. К. Смирнову. Окончательное решение этих вопросов последовало на устроенном 21 октября в германском офицерском казино в Пскове первом военном совещании чинов корпуса. Присутствовали генерал-майор Вандам, генерал-майор Малявин, дежурный генерал — полковник Гильберт, армейский инженер, подполковник Розанов, инспектор артиллерии, подполковник Борден-фон-Борделиус, генерал-майор Никифоров, командиры 1-го Псковского и 2-го Островского полков и командир артиллерийского дивизиона.

На этом совещании было уже окончательно решено формировать пока одну стрелковую дивизию в составе Псковского, Островского и Режицкого полков, приступить к формированию

---

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 73.

[2] «Белое дело», Берлин, к-во «Медный всадник», т. I, статья К. К. Смирнова — «Начало Сев.-зап. армии».

инженерной роты и создать 2-батарейную артиллерийскую часть, присвоив ей наименование артиллерийского полка. Начальником 1-й стрелковой дивизии был назначен генерал-майор Никифоров.

Совещание постановило сохранить сеть вербовочных бюро, присвоив их заведывающим функции воинских начальников. В числе прочих вопросов члены совещания должны были установить форму одежды для формирующихся частей Северной армии и после длительных дебатов все пришли к выводу сохранить старую форму российской армии.

В конце совещания строевые начальники обратились к генерал-майору Вандаму с пожеланием, чтобы армия была строго регулярной, чтобы она избегала партизанщины и т. п. Это пожелание вызвало резкую критику начальника штаба корпуса генерал-майора Малявина, командующий же корпусом по этому серьезному вопросу своего мнения не высказал. В связи с этим у самих участников совещания, преимущественно строевых офицеров, сложилось впечатление, что штаб корпуса не имеет установившейся единой точки зрения и ясной линии своего дальнейшего поведения. Это обстоятельство в дальнейшем создало не вполне здоровую обстановку для планомерной работы русских белогвардейцев и заставило вскоре начальника дивизии генерала Никифорова передать командование генерал-майору Симанскому, а самому уйти в отставку.

К концу октября 1918 г. 1-я стрелковая дивизия состояла из 3 полков 2 батальонного состава, численность полка доходила до 500 человек. Полки получили наименование в зависимости от места их формиров ния. Таким образом, в 1-ю стрелковую добровольческую дивизию входили: 1-й стрелковый добровольческий Псковский полк с командиром полка полковником Лебедевым; 2-й стрелковый добровольческий Островский полк с командиром полка полковником К. К. Дзерожинским; 3-й стрелковый добровольческий Режицкий полк с командиром полка полковником Г. Г. фон-Неф и две легкие полевые батареи по 4 орудия в каждой.

Кроме этого, по частной инициативе, были сформированы: отряд внешней охраны гор. Пскова в 200 человек под командой капитана Мякоша; конный партизанский отряд в гор. Острове в 150 коней под командой полковника Бабикова и партизанский отряд полковника Афанасьева численностью до 150 человек в гор. Режице.

Следовательно, общая численность белых формирований Северной армии к концу октября 1918 г. несколько превышала 2.000 человек и являлась результатом проведенной вербовочной кампании в целом ряде городов, находившихся в пределах оккупированной Германией территории. Но в скором времени рамки белогвардейских формирований расширились в связи с увеличением, в некотором смысле, самой территории, в пределах которой происходила вербовка добровольцев в белую армию.

Лозунги вооруженной борьбы с Советами нашли своих сторонников не только в пределах оккупированной германскими войсками зоны, но и за ее пределами — на территории Советской Республики. В этом отношении, с конца октября 1918 г., произошли события, которые способствовали этому процессу в более широком размере. Дело в том, что, вместе с формированием Северной армии, просачивание отдельных антисоветских элементов через демаркационную линию, из Советской России в Псков, к концу октября 1918 г. сменилось групповым переходом. Такие групповые переходы были по существу изменой и предательством.

К числу явлений такого порядка осенью 1918 г. относятся переход на сторону белых — 26 октября одного эскадрона 3-го Петроградского кавалерийского полка, 3-й Петроградской, дивизии под командованием бывш. подъесаула Пермыкина 28 октября трех судов Чудской озерной флотилии под командованием начальника флотилии, бывш. капитана 2-го ранга Д. Д. Нелидова и, наконец, в начале ноября—остальных эскадронов 3-го Петроградского кавалерийского полка во главе с самим командиром полка, бывш. ротмистром С. Н. Булак-Балаховичем.

Измена Б. С. Пермыкина, С. Н. Булак-Балаховича и Д. Д. Нелидова была проведена ими очень искусно. Представители советского командования и некоторые местные советские партийные организации были поставлены в чрезвычайно затруднительное положение, которое усугублялось еще тем обстоятельством, что под рукой не было достаточной по количеству и вполне надежной вооруженной силы, чтобы воспрепятствовать осуществлению контр-революционного плана. Относительно же того, что такой план у С. Булак-Балаховича был, местные работники не раз предупреждали свой непосредственный центр.

Процесс формирования 3-го Петроградского кавалерийского полка 3-й Петроградской дивизии, а ранее — 1-го Лужского партизанского конного полка 4-й Петроградской дивизии был настолько показателен в смысле наличия у его организатора С. Булак-Балаховича каких-то своих тайных планов, что все отрицательные стороны этого формирования возбуждали сразу же проявление к ним некоторого любопытства и внимания. Лужская уездная партийная организация не раз ставила перед собой этот вопрос, но, однако, предпринять какой-либо определенный шаг была не в состоянии. С. Булак-Балахович формировал свой полк по специальному разрешению председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого и не подлежал контролю военного комиссара. Несмотря на попытки местных советских властей пополнить это формирование членами РКП(б), С. Н. Булак-Балахович продолжал свою ответственную работу вполне самостоятельно и бесконтрольно, и сознательно не допускал в свой полк ни одного партийного работника.

В начале своего формирования 1-й Лужский партизанский конный полк Булак-Балаховича воскрешал традиции пунинского партизанского отряда старой арм и [1] и впредь, до благоприятно сложившейся обстановки, был как бы попутчиком создававшейся в процессе борьбы — Рабоче-крестьянской Красной армии.

Имея в качестве кадра формирования остатки пунинского отряда, С. Булак-Балаховичу оставалось только использовать трудную для Советской Республики обстановку 1918 г., пополнить свой отряд людьми и лошадьми для того, чтобы быть менее зависимым от высшего советского военного командования и более самостоятельным в деле выполнения своих планов. Он вербовал в свой полк лиц с определенной служебной репутацией и, не гнушаясь, зачислял на службу людей с уголовным прошлым. Первые, составляя командный кадр полка, должны

---

[1] При штабе 12-й русской армии был партизанский отряд под командой Пунина; С. Булак-Балахович в этом отряде числился командиром эскадрона. После убийства немцами Пунина около местечка Пундер, в районе Риги, в командование партизанским отрядом вступил С. Булак-Балахович. После демобилизации старой армии, С. Булак-Балахович с остатками своего отряда прибыл в г. Лугу и был причислен к 4-й Петроградской дивизии, начальником которой был Кеппен.

Штаб 3-й Петроградской дивизии в августе 1918 г. находился еще в гор. Гатчина.

были соответственным образом удовлетворять потребности и запросы партизан, втягивать их в целый ряд преступлений, чтобы тверже и надежнее держать их в своих руках.

Навербованный таким способом личный состав полка, достигший к осени 1918 г. 1.000 человек, стал возбуждать законные подозрения у местных советских, партийных и военных работников. Но эти подозрения с чрезвычайной медлительностью оформлялись, а тем временем С. Булак-Балахович со своим полком был призван к подавлению целого ряда антисоветских восстаний и сбору оружия в районе Гдова — Луги. Эту карательную миссию балаховцы выполняли с большим рвением и усердием, не разбираясь в истинных причинах того или иного восстания и обрушивая меч своего военного правосудия на всякого, независимо от его социального происхождения. Особое внимание при этом, в смысле меры наказания, уделялось беднейшим слоям крестьянства. Все эти действия (контрибуции, конфискации, порки, насилия) проводились именем Советской власти и, естественно, что в скором времени дали соответствующие плоды. Антисоветские восстания отнюдь не уменьшались, а, наоборот, имели чрезвычайно опасную тенденцию к расширению. Целый поток жалоб на безобразное поведение балаховцев сопутствовал их возвращению после ликвидации антисоветского восстания в каком-нибудь районе.

Особое карательное усердие Булак-Балаховича преследовало определенную цель.

Еще в начале формирования белой армии, в Псков был послан делегат Булак-Балаховича [1], который заявил там представителям русских белогвардейцев, что Булах-Балахович не замедлит перейти на сторону белых при условии дальнейшего развертывания их формирований [2].

Связь С. Булак-Балаховича с белой армней была, конечно, выражением его классовых чувств и симпатий. Ему пришлось теперь лишь ускорить выполнение давно задуманного плана из

---

[1] П. Авалов в книге «В борьбе с большевизмом» на стр. 75 приводит рассказ ротмистра фон-Розенберга, в котором последний говорит, что в середине октября 1918 г. в Псков от имени Булак-Балаховича прибыли поручики Видякин и Пермыкин, первый из которых имел целью информировать русских белогвардейцев о планах Булак-Балаховича.

[2] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 2-я изд. 3-е И. Гржебина, 1923 г., стр. 197.

боязни быть привлеченным Советской властью к ответственности за вышеприведенные насилия. До тех пор, пока на северо-западе России не было организованной русской контр-революции и пока до ноября 1918 г. единственным врагом на этом участке был внешний враг России в империалистическую войну — германская оккупационная армия, группа офицеров с С. Булак-Балаховичем во главе, скрывая свое настоящее лицо, вынуждена была работать с Советской властью. Но как только на политической арене борьбы появилась российская внутренняя контр-революция, хотя и не располагавшая еще значительной вооруженной силой и питавшаяся подачками со стороны,—политическая ориентация этой группы офицеров, своеобразных попутчиков, не замедлила выявиться в своем полном и ярком свете.

Относительно тайных намерений и планов С. Булак-Балаховича дает полное представление следующий любопытный документ, являвшийся формально рапортом начальника особого отделения на имя начальника разведывательного бюро штаба Псковского добровольческого корпуса:

«Доношу, что по прибытии в г. Псков мною с ведома немецкого командования были начаты переговоры о переходе особого конного полка на оккупированную территорию для дальнейшей отправки в Южную армию. По возникновении формирования Северной армии, вопрос об особом конном полку приобрел более значительное и местное значение. Командиром полка ротмистром Станиславом Балаховичем было собрано 16 октября совещание в Елизаровском монастыре, на котором присутствовал кроме офицеров полка начальник Чудской озерной флотилии капитан 2-го ранга Нелидов. На совещании офицерами был принципиально решен вопрос о переходе полка и Чудской флотилии на сторону Северной армии.

Для выяснения деталей, 17 числа по просьбе ротмистра Балаховича и приказанию вашему, мною было устроено свидание с помощником командира особого конного полка штаб-ротмистром Иосифом Балаховичем и командиром 1-го эскадрона Пермыкиным.

Свиданием были выработаны следующие постановления:

1) полк и Чудская озерная флотилия в полном составе переходят на сторону Северной армии;

2) в случае сохранения обстановки в Лужско-Гдовском районе, полк может взять Лугу и Гдов со всеми складами и пересечь связь телеграфную и железнодорожную с Петроградом;

3) поднять крестьян в этом районе и получить от них лошадей и людей;

4) на случай изменения обстановки в невыгодную для полка сторону, полк выходит в нейтральную зону и высылает офицера в штаб, в гор. Псков;

5) полк принимает все меры к получению запасов обмундирования и недостающих лошадей до 1 ноября;

6) о каждом изменении в обстановке ротмистр Балахович ставит в известность штаб в г. Пскове;

7) к 1 ноября полк должен быть готов к исполнению приказаний, посланных из штаба за три для перед выполнением их;

8) для пользы дела, сообразуясь с существующими взаимоотношениями солдат и офицеров полка и их подбором, ротмистр Балахович остается командиром полка и офицеры на своих местах по назначению командира полка;

9) для сохранения конского состава полка, по примеру казачьих и партизанских частей, лошади составляют собственность офицеров и солдат полка, на коих они обязаны продолжать службу в армии.

Одновременно с командированием штаб-ротмистра Пермыкина на остров Талабск [1] ротмистру Балаховичу мною было послано предупреждение, в случае приказания, производить обстрел неверный, что было им и исполнено» [2].

Настоящий документ приподнимает завесу над действительной политикой и деятельностью С. Булак-Балаховича и его компании. Еще не имея полной уверенности в том, что на северо-западе России будет создан какой-нибудь белогвардейский очаг, способный развернуть свою работу и, не желая, повидимому, работать в тесном, непосредственном контакте с немецкими войсками (такая возможность у него была и раньше, чем воспользовался, например, начальник Чудской озерной флотилии), С. Булак-Балахович задумывался над перспективой переброски своего полка на Южный фронт, в так называемую Южную армию. К ее формированию было приступлено по инициативе опять-таки оккупантов, но из этого, в общем, ничего не вышло. Только после того, как стало известно о формировании Северной армии в Пскове, Булак-Балахович имел возможность начать переговоры с представителями российской контр-революции на северо-западе России. Своей своевременной осведо-

---

[1] Повидимому, здесь речь идет о старшем Пермыкине — Борисе, который, по словам ротмистра фон-Розенберга, прибыл вместе с поручиком Видякиным в середине октября 1918 г. в Псков. Штаб-ротмистр, а по рассказу фон-Розенберга, поручик Борис Пермыкин, очевидно, получил какое то специальное задание и ездил на Талабские острова.

[2] «Петроградская правда», № 11 от 16 января 1919 г., статья Н. К. Антипова.

мленностью о том, что делается за демаркационной линией и в особенности в гор. Пскове, Булак-Балахович был обязан контр-разведке штаба 4-й Петроградской дивизии в лице начальника ее — Гришина и помощника последнего — Михайлова, с которыми Булак-Балахович держал тесную связь в то время, когда его полк числился в составе 4-й Петроградской дивизии. Начать переговоры с представителями Северной армии в Пскове для Булак-Балаховича не составляло большого труда, так как его один эскадрон под командой Пермыкина в октябре 1918 г. был призван охранять советскую границу в районе г. Пскова и был расположен в Елиазаровском монастыре.

Свою предательскую работу Булак-Балахович вел в высшей степени конспиративно, всеми мерами стараясь лишний раз показать, что он предан Советской власти. В августе-сентябре 1918 г. Булак-Балахович поехал подавлять кулацкое восстание в районе станции Новосельё и, вернувшись оттуда в пьяном состоянии, в штабе 4-й Петроградской дивизии говорил: «теперь-то наверно не будут сомневаться в том, что я сторонник советского строя». После этой своей поездки Булак-Балахович возбудил ходатайство об отправке остальных эскадронов полка на фронт. В данном случае Булак-Балахович, очевидно, не имея уверенности в том, что переход его полка в г. Псков произойдет без серьезных осложнений, требовал переброски всего полка на фронт. Одновременно же с этим, свое пребывание в районе г. Луги Булак-Балахович хотел, в конечном итоге, использовать для поднятия массового антисоветского восстания среди местного населения, захватить в свои руки Гдов и Лугу, т. е. выполнить §§ 2 и 3 договора, заключенного 17 октября 1918 года.

К 25 октября 1918 г. дислокация 3-го Петроградского кавалерийского полка была следующей: 1-й эскадрон полка стоял в Елиазаровском монастыре, 2-й—на станции Струги-белые и 3-й — мыза Новая; штаб полка находился в гор. Луге. Численность полка равнялась 1.121 человек, из коих командного состава было 38 человек, строевых солдат 883 и нестроевых — 200. В полку было 600 винтовок, 4 пулемета, 8 ружей — пулеметов и два 3-дюймовых орудия. Лошадей верховых числилось 471, обозных 102 и для артиллерийской запряжки—28 [1].

[1] Ленинградское архивное бюро, архив Красной армии (ЛАБ, АКА), фонд № 145, дело по описи № 24, л. 74.

Срок готовности полка к переходу на сторону белых был обусловлен по договору 1 ноября 1918 г. (§ 7). Однако, этот пункт договора не был в точности соблюден. По невыясненным пока причинам [1], 1-й эскадрон 3-го Петроградского кавалерийского полка, расположенный в Елиазаровском монастыре, под командованием Пермыкина 26 октября 1918 г. снялся с места стоянки и взял направление на г. Псков. Личный состав эскадрона ничего не знал о предполагавшемся переходе демаркационной линии, но был информирован таким образом, что эскадрон, якобы, получил приказ перейти в наступление. Эскадрон Пермыкина, благополучно миновав красноармейский кордон у ст. Торошино и выйдя в район действий Северной армии и оккупационных войск, был обезоружен, бойцы эскадрона—арестованы, доставлены в Псков и заключены в здании бывшей Псковской каторжной тюрьмы. Через четыре дня арестованные

В полку всего было 4 эскадрона, при чем расположение последнего, 4-го, эскадрона к 25 октября не отмечено; в сведениях на 12 октября говорится, что 1-й и 4-й эскадроны были расположены в районе ст. Торошино, а 3-й эскадрон в Ямбурге. В это время комиссаром полка числился Кузьмичев.

Командование 3-й Петроградской дивизии, в состав которой входил 3-й Петроградский кавалерийский полк, в октябре 1918 г. состояло из начальника дивизии — Н. Иванова, начальника штаба дивизии—Плющевского-Плющика и военных комиссаров Даумана и Петерсона.

[1] Я. Ф. Фабрициус и Травинский в статье «Две измены», помещенной в 1-м томе «Гражданская война, 1918—1921», изд. «Военный вестник», М., 1928 г., стр. 253, пишут, что измена Пермыкина явилась результатом происшедшего в Елиазаровском монастыре убийства Пермыкиным одного коммуниста, прибывшего в эскадрон для ведения партийно-политической работы.

Между прочим, не соответствующим действительности является утверждение вышеуказанных авторов в той же статье, на стр. 252, о том, что Пермыкин — командир 1-го эскадрона 3-го Петроградского кавалерийского полка (а не «1-го Лужского партизанского конного полка») был родным братом генерала Пермыкина, якобы работавшего в то время совместно с немцами в Пскове. Совместно с Булак-Балаховичем служили два родных брата Пермыкина, оба бывш. офицеры, из коих старший Борис был в чине штаб-ротмистра, младший — подъесаула. Пермыкины находились в родственных связях с действительно работавшим в то время в Пскове, занимавшим пост командующего отдельным Псковским добровольческим корпусом, генералом А. Е. Вандамом. Старший Пермыкин состоял для поручений при Булак-Балаховиче, а младший — командовал 1-м эскадроном полка. Борис Пермыкин впоследствии был произведен в полковники, а в конце августа 1919 г. — в генерал-майоры.

были освобождены и пошли на укомплектование частей Северной армии.

Желая и на этот раз искуснее обвести советское командование и выиграть время, создав все необходимые условия для измены, Пермыкин за несколько часов до снятия с места своего эскадрона послал следующую телеграмму на ст. Торошино:

«Сегодня день великого завоевания народа [1]. Мы, красная армия и кавалерия, приветствуем своего политического комиссара и друга тов. Фабрициуса, которого поздравляем с праздником годовщины и хотим со своей стороны победить или умереть за свободу дорогой нам родины под вашим руководством. Кричим в честь вас громкое дружеское «ура» свободы. Командир 1-го эскадрона *Пермыкин*» [2].

После получения точных сведений об измене эскадрона Пермыкина к Я. Ф. Фабрициусу на ст. Торошино был вызван младший брат Станислава Булак-Балаховича—Иосиф Булак-Балахович, который с видимым удивлением узнав об измене, стал заверять Фабрициуса и других в абсолютной преданности своей и брата Советской власти и обещал, в подтверждение своих слов, доказать это на фронте. Когда на ст. Торошино прибыл Станислав Булак-Балахович, то он также не преминул воспользоваться нерешительностью представителей Советской власти и в беседе с ними дал клятву отомстить Пермыкину.

Спустя два дня после измены Пермыкина, 28 октября 1918 г. на сторону белых перешел начальник Чудской озерной флотилии, бывш. капитан 2-го ранга Д. Д. Нелидов.

Чудская озерная флотилия в 1918 г. переживала период неопределенности и всяких неожиданностей в связи с частыми переменами на сухопутном северо-западном фронте. Но все же после обсуждения в соответствующих штабах было решено флотилию не расформировывать, а дать ей задание по несению сторожевой службы на границе.

20 апреля 1918 г. был издан приказ, по которому предписывалось Чудскую озерную флотилию содержать в составе паро-

---

[1] Первая годовщина Октябрьской революции, считая по старому стилю.

[2] «Спутник большевика» — орган Псковского губ. комитета ВКП (б), октябрь—ноябрь, №№ 10—11 (62—63), Псков, 1926 г., статья В. Дроздова — «Балахович в Пскове».

Согласно местной сводки агентурных сведений на 4 ноября 1918 г., «отряд» Пермыкина при переходе к белым насчитывал 400 чел., 2 орудия и 8 пулеметов (Псковское архивное бюро (ПАБ), фонд губисполкома, № 68, по описи № 9, дело № 3, л. 11).

ходов: 1) «Народник»; 2) «Президент»; 3) «Ольга»; 4) «София» и 5) «Дельфин» и катеров: 1) «Ермака», 2) «Мотылек» и 7 малых моторных катеров. Личный состав всей флотилии по штатам определялся в 186 человек.

Пароходы для флотилии были приобретены, в начале военных действий, от частных лиц, часть из них у представителя юрьевской буржуазии—Р. Г. Брока. Еще летом 1918 г. Брок прислал начальнику флотилии письмо с требованием вернуть его пароходы, угрожая в противном случае давлением немецкой вооруженной силы [1].

Чудская озерная флотилия была подчинена непосредственно морскому генеральному штабу, что вызывало ряд трений в штабах сухопутных частей Красной армии. Помимо этого, еще летом 1918 г. были получены сведения, компрометирующие и просто изобличающие предательскую роль командующего флотилией Д. Д. Нелидова. 2 июня 1918 г. военный комиссар Гдовского района Я. Ф. Фабрициус доносил народному комиссару по военным делам, что, по сообщению двух бежавших из германского плена сухопутных офицеров, в г. Пернове русский флотский офицер «продавал военные секреты немцам». Считая, что речь идет о начальнике Чудской озерной флотилии Д. Д. Нелидове, Фабрициус ходатайствовал о подчинении ему флотилии. Результатом этого ходатайства было длительное расследование, которое так и не закончилось, так как Нелидов постарался гарантировать себя от возможных последствий начавшегося расследования.

Связавшись с Булак-Балаховичем и представителем Северной армии, Д. Д. Нелидов должен был передать белым суда флотилии одновременно с изменой полка С. Булак-Балаховича, но, очевидно, события заставили его уйти в Псков раньше.

Имея поддержку некоторой части команды флотилии, Д. Д. Нелидов, собрав суда флотилии в базу Раскопель, 28 октября 1918 г. приказал готовиться к походу. Три парохода, вооруженные 75-миллиметровой артиллерией,—«Президент», «Дельфин» и «Народник» исполнили приказание и на другой день с Д. Д. Нели-

---

[1] Цейтральный военно-политический архив при Военно-политической академии РККА им. Н. Г. Толмачева (ЦВПА при ВПАТ), дело № 79, лист 7, из доклада военного комиссара Лужского дивизионного района от 19 мая 1918 г. за № 919.

довым прибыли в г. Псков. Один из оставшихся пароходов пытался было воспрепятствовать этому замыслу, открыл стрельбу по уходившим пароходам, но реальных результатов не достиг В свою очередь и Д. Д. Нелидов не пытался приводить его в повиновение.

Придя в г. Псков, пароходы поступили в распоряжение командовавшего белогвардейским добровольческим корпусом и в дальнейшем принимали деятельное участие в набегах на советские берега и в занятии Талабских островов посредством высадки там десанта [1].

Измена Б. С. Пермыкина и Д. Д. Нелидова, казалось бы должна была привлечь к себе усиленное внимание советских органов власти и усилить бдительность по отношению ко всем частям Красной армии на Петроградском фронте и не допустить возможного продолжения перехода на сторону белых.

Однако, к величайшему сожалению, не было предпринято всего того, что могло бы хоть в какой-нибудь

---

[1] «Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах», том 2, часть 2-я — «Озерные и речные флотилии» (север и северо-запад), изд. Исторического отдела оперативного управления штаба РККФ, Ленинград, 1926 г., стр. 131—149.

Эпизод с изменой Д. Д. Нелидова иначе описывается в статье Я. Ф. Фабрициуса и Травинского—«Две измены», помещенной в книге «Гражданская война. 1918—1921 гг.», т. I—«Боевая жизнь Красной армии», издание «Военный вестник», М., 1928 г., стр. 248, 249.

Фабрициус и Травинский пишут, что Д. Д. Нелидов увел с собою не 3, а 4 парохода, при чем, коммунисты из команды 4-го парохода, пытавшиеся сопротивляться и воспрепятствовать уходу остальных трех пароходов, были перебиты изменниками, а пароход уведен в Псков. Дальше они говорят, что вместе с Нелидовым изменил и комиссар флотилии Морозов.

Дальше авторы утверждают, что после занятия Пскова Красной армией «два вооруженных парохода «нелидовской эскадры» были с боем захвачены нашим доблестным 49-м Гдовским полком на реке Великой, а с двумя другими пароходами изменники Нелидов и Морозов удрали в Юрьев и потопили их перед взятием города нашими частями» (стр. 249).

Эта статья по своим эгоцентрическим устремлениям вообще неприятно поражает читателя, поэтому мы предпочли ей тот источник, на который сделана ссылка, и который составлялся исключительно на основании изучения и использования сохранившихся архивных материалов о Чудской озерной флотилии. Там определенно говорится, какие пароходы были уведены Нелидовым и какова была их дальнейшая судьба. Относительно измены комиссара Чудской флотилии Морозова, то и этот источник

степени помешать выполнению С. Булак-Балаховичем своего плана [1].

С. Булак-Балахович в это время стал стягивать в район ст. Струги-Белые части своего полка. Оттуда же он, повидимому, приступил к распространению напечатанных в типографии в большом количестве экземпляров антисоветского воззвания к местному населению следующего содержания:

«Братья крестьяне!

По вашему призыву, я, батька Балахович, встал во главе крестьянских отрядов. Я, находясь в среде большевиков, служил родине, а не жидовской своре, против которой я создал мощный боевой отряд. Нет сил смотреть на то, что творится кругом: крестьянство разоряется, церкви, святыни поруганы, вместо мира и хлеба кругом царит братоубийственная война, дикий произвол и голод. Из школ выброшены иконы и детей с малых лет хотят воспитать в хулиганстве; сыновей наших силой оружия заставляют идти в армию и вместе с наемными китайцами гонят убивать своих же русских людей.

Час расплаты близок. Гнев народный растет. Целые области освобождены уже от своры международных преступников. Все страны мира идут против них.

Братья, я слышу ваши желания и я иду на помощь вам, обездоленным, раззоренным.

Объявляю беспощадную партизанскую войну насильникам.

Смерть всем, посягнувшим на веру и церковь православную, смерть комиссарам, смерть красноармейцам, поднявшим ружье против своих же

подтверждает факт его измены, но происшедшей только не в конце октября 1918 года, а в мае месяце 1919 г.

[1] Фабрициус и Травинский в статье «Две измены» утверждают, что на следующий день после измены Пермыкина, т. е. 27 октября 1918 г., в распоряжение Фабрициуса прибыл отряд под командой Травинского общей численностью до 700 штыков, 160 сабель, при 4 орудиях и нескольких пулеметах. Часть этого отряда в тот же день была отправлена для усиления охраны демаркационной полосы, другая оставлена на станции Торошино в качестве «ударного кулака».

Если это утверждение соответствует действительности, то оно только еще больше заостряет вполне естественный и законный вопрос— почему же не было принято решительных мер для предотвращения измены при наличии «ударного кулака» на ст. Торошино и почему не были арестованы братья Балаховичи, прибывшие на ст. Торошино «через день» после сосредоточения там некоторой вооруженной силы, как следует это из изложения самих авторов. Ведь необходимость ареста Балаховичей давно была осознана, как будто бы, местными работниками и вопрос упирался только в недостаток сил.

русских людей. Никто не спасется. С белым знаменем вперед, с верой в бога и свое правое дело, я иду со своими орлами-партизанами и зову всех к себе, кто знает и помнит батьку Балаховича и верит ему. Пусть красноармейцы, в ком не убита совесть, бесстрашно идут ко мне, мы вместе будем свершать великое дело—освобождение родины.

Братья, не давайте сыновей в солдаты, отбирайте у большевиков оружие и вооружайтесь сами, не давайте ни хлеба, ни сена, взрывайте мосты, ловите и убивайте комиссаров.

Все к оружию, смело вперед, не бойтесь, среди Красной армии много наших честных хороших людей, которые перейдут в наши ряды. Я дам вам оружие, дам храбрых начальников. Тысячи ваших крестьян идут со мной; нет силы, которая сможет сломить эту великую народную крестьянскую армию.

Атаман крестьянских партизанских отрядов батька *Балахович*» [1].

Этот документ, явившийся началом открытого восстания С. Булак-Балаховича против советской власти, ничем особенным не отличается от подобного же рода белогвардейской «литературы», издававшейся на других участках гражданской войны в России, если не уделять особого внимания тому обстоятельству, что Булак-Балахович в своей антисоветской деятельности пытался опереться на широкие крестьянские массы. Пытаясь всеми доступными ему мерами еще за время службы в рядах Красной армии создать предпосылки для массового стихийного восстания крестьянства, С. Булак-Балахович хотел сразу же стать на твердую почву и придать своей борьбе с Советами широкий масштаб. Однако, этот курс на крестьянство ничего существенного Булак-Балаховичу не дал, никакого массового антисоветского крестьянского восстания он поднять не мог, хотя и создал для этого целый ряд предпосылок своей карательной политикой. Крестьянство в своей массе осталось равнодушным к призывам «батьки» и не дало ему твердой социальной опоры.

С. Булак-Балахович вынужден был бросить мысль о захвате гг. Луги и Гдова, свои расчеты на крестьянство и перейти в день первой годовщины Октябрьской революции на сторону формировавшейся в Пскове Северной армии. Полк С. Булак-Балаховича, подтянутый им к станции Струги-белые, в ночь с 5 на 6 ноября 1918 г. двинулся по направлению к станции Торошино, но затем, желая, очевидно, избежать встречи с красноармейскими частями, расположенными на станции, не

[1] «Петроградская правда», № 11 от 16 января 1919 г., статья Н. К. Антипова.

доходя до нее, повернул в сторону станции Карамышево, в районе которой и перешел демаркационную линию.

Когда были получены на ст. Торошино сведения о движении балаховцев на Торошино, то было решено, несм тря на незначительность сил, оказать им вооруженное сопротивление. В это же время зашевелились белогвардейцы и со стороны г. Пскова, поэтому все, что могло быть поставлено под ружье на ст. Торошино, было мобилизовано и находилось в боевой готовности. Незначительный отряд коммунистов в 30—40 чел., считая и женщин, взял на себя обязанность по несению службы охранения.

На ст. Торошино тогда было около роты пехоты вместе с красноармейцами караульной роты и эскадрон кавалерии. Эскадрон кавалерии был двинут навстречу балаховцам, но последние уклонились от Торошино на 20—30 километров в сторону ст. Карамышево, где и перешли к белым [1].

Свой путь балаховцы ознаменовали пожарами, грабежами, порками, насилованием женщин и т. п. [2].

---

[1] Фабрициус и Травинский в уже упоминавшейся выше их статье пишут, что для преследования Булак-Балаховича из состава частей Псковского боевого участка было брошено два эскадрона под командой Григорчука, которые настигли балаховцев в нейтральной зоне и вернули обратно до двух сотен, а третья сотня вскоре сама без лошадей вернулась из Пскова обратно на советскую сторону.

Согласно архивных материалов, один эскадрон 3-го Петроградского кавалерийского полка под командой Аксакова силою в 160 чел. при 2 пулеметах в ночь с 5 на 6 ноября выступил из района ст. Струги-белые в направлении шоссе Порхов—Псков и 7 ноября утром, выйдя к деревне Дубоновичи, перешел затем демаркационную линию. Пойманные балаховцы ссылались на то, что Аксаков их спровоцировал и вел по распоряжению Булак-Балаховича на ст. Торошино (ПАБ, фонд губисполкома № 68, по описи № 10, дело № 4, л. 92).

[2] Материалы Псковской испарткомиссии, дело № 7, воспоминания М. П. Громова, и «Спутник большевика»—орган Псковского губ. комитета ВКП(б), октябрь—ноябрь, №№ 10—11 (62—63), Псков, 1926 г., статья В. Дроздова—«Балахович в Пскове».

Вся эта история измены Б. С. Пермыкина, С. Н. Булак-Балаховича и Д. Д. Нелидова изложена исключительно на основании воспоминаний живых свидетелей ее (воспоминания В. Дроздова, М. П. Громова, Я. Фабрициуса и Травинского, статья—«Чудская озерная военная флотилия 1918—1919 гг.», помещенная в труде—«Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах», том 2, часть 2-я—«Озерные и речные флотилии (север и северо-запад)», изд. историч. отдела оперативного упра-

Балаховщина, как синоним партизанщины, авантюризма и предательства, была спутницей советской власти в дни ее колоссального напряжения, в период серьезнейших и труднейших в истории революции событий внутреннего и международного значения. По мере организации центрального управления, насыщения частей Красной армии коммунистами, введения строжайшей революционной дисциплины — изживала себя партизанщина, уступая место регулярным боевым единицам вооруженной силы социалистической революции.

Значение этих измен на северо-западе Советской республики было оценено самими белогвардейцами.

П. М. Авалов по этому поводу пишет:

«Эти два перехода от большевиков сильно подняли дух корпуса, так как этот факт подавал надежду, что и в дальнейшем такие переходы будут иметь место и корпус, таким образом, быстро увеличит свой наличный состав.

С прибытием этих частей общая численность корпуса достигала уже 3.500 человек.

Этот период, т. е. конец октября, можно назвать расцветом формирования корпуса; и настроение, а также и обстановка — все улучшались, давая радужные надежды на будущее» [1].

вления штаба РККФ. Л., 1926 г., и статья Н. К. Антипова о деятельности Петроградской чрезвычайной комиссии, опубликованная в «Петроградской правде», № 11 от 16 января 1919 г.).

Исключение только представляют три документа, из которых два были приведены в статье Н. Антипова и один—в статье В. Дроздова.

Все указанные источники, за исключением, конечно, документов, не дают полного, ясного и единого представления об измене. Каждое воспоминание, как опубликованное, так и не опубликованное, дает различное освещение фактам.

Поэтому, мы в своем описании истории предательства вышеуказанных лиц исходили исключительно из необходимости дать наиболее верную картину событий, используя для этого, наиболее подтверждающиеся в различных воспиминаниях или поддающиеся логическому обоснованию данные фактического порядка.

Более широкому освещению событий 1918 г. вообще и измен на северо-западе Советской России в частности будет посвящена специальная работа автора, которая по мере ее выполнения будет опубликовываться на страницах журнала «Красная летопись».

[1] П. Авалов—«В борьбе с большевизмом», стр. 76.

Данные Авалова о численности корпуса к концу 1918 г. сильно преувеличены; при сопоставлении данных из различных белогвардейских источников напрашивается общая цифра в 2.000 человек с возможными незначительными отклонениями как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения.

О поведении прибывших в Пскове балаховцев один из белогвардейских очевидцев говорит следующее:

«Люди его [С. Булак-Балаховича] отряда принесли из Совдепии крупные суммы денег, которые тотчас же золотым потоком потекли в карманы псковских рестораторов. Над Псковом стоял дым коромыслом, улицы, особенно, по вечерам, были полны компаниями балаховских молодцов, пьяными голосами дико оравших на улицах песни» [1].

В первых числах ноября в Псков из Петрограда прибыли члены монархической организации Маркова 2-го во главе с сенатором Андреевским, Панютиным и Волковым, которые от имени своей партии и от имени генерала Юденича передали благодарность инициатору белых формирований в Пскове ротмистру фон-Розенбергу. Одновременно прибыли из Петрограда полковник л.-гв. Семеновского полка А. Ф. Штейн, капитан 2-го ранга Н. К. Столица, штаб-ротмистр Андреевский 1-й, Андреевский 2-й и князь А. Д. Оболенский.

Все эти лица получили возможность непосредственно ознакомиться с формированиями и принять в них активное участие. Для налаживания более широких связей представители монархической организации Н. Е. Маркова 2-го вскоре из Пскова выехали в Гельсингфорс.

Успешная, вообще, деятельность организаторов Северной армии в Пскове, вылившаяся в форме создания отдельного Псковского добровольческого корпуса, дала возможность белым добровольцам начать с начала ноября 1918 г. боевые действия на советской территории.

Первый набег был произведен по реке Великой к Псковскому озеру, в результате которого было «ликвидировано несколько комиссаров» и взяты трофеи — один пулемет и несколько винтовок. Вторая операция была произведена островскими добровольцами, которая прошла так же удачно для белых. Более значительная операция была предпринята на Талабские острова, заселенные, в общем, антисоветски-настроенными рыбаками. О мотивах, побудивших предпринять этот набег, один из белогвардейцев пишет:

---

[1] «Белое дело», том I, статья К. К. Смирнова—«Начало Северо-западной армии».

«Острова представляли для нас интерес, так как открывалась возможность снабжения Пскова рыбой, в которой город сильно нуждался» [1].

Проведению этой операции помогли пять военных пароходов, в числе которых были и три парохода Чудской озерной флотилии, вооруженные артиллерией. Получив оружие от немцев, белогвардейцы в составе 30 человек, преимущественно офицеров, при двух пулеметах, под командованием ротмистра Б. Пермыкина направились на Талабские острова. Эта операция прошла также вполне успешно, так как была поддержана населением островов. Вернувшись в Псков, пароходы привезли несколько человек пленных, два орудия и большое количество снарядов [2].

Дальнейшему развитию успехов и продолжению тесного содружества русских белогвардейцев с оккупантами был положен предел вспыхнувшей в ноябре 1918 г. революцией в Германии.

---

[1] «Белое дело», том I, статья К. К. Смирнова—«Начало Северо-западной армии».

[2] «Белое дело», том I, указанная статья К. К. Смирнова.

П. Авалов в книге — «В борьбе с большевизмом», стр. 78, эту операцию на Талабские острова описывает иначе. В набеге, по его словам, участвовало около 15 человек под командой поручика Пермыкина, которые использовали для набега один пароход Чудской озерной флотилии. «Захват островов произошел без затруднений и был, собственно, произведен самими местными крестьянами, которые, вооружившись привезенным оружием, образовали сейчас же небольшой отряд под командой поручика Пермыкина и его помощников. Комиссары почти все были арестованы и повешены, после чего все население, могущее носить оружие, пожелало вступить в ряды Псковского добровольческого корпуса и у поручика Пермыкина образовалась весьма значительная добровольческая часть силою до одного батальона пехоты».

ГЛАВА 3.

ВЛИЯНИЕ НОЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ГЕРМАНИИ НА ХОД ФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРНОЙ АРМИИ В ПСКОВЕ. — УХОД ГЕРМАНСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВОЙСК. — НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ. — ПЕРЕХОД ПСКОВСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО КОРПУСА СЕВЕРНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИЮ ЭСТОНИИ. — ПЕРЕМЕНА ОРИЕНТАЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПСКОВСКОГО КОРПУСА. — СЛУЖБА НА СТОРОНЕ АНТАНТЫ И ПОДЧИНЕНИЕ ЭСТОНСКОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ.

В начале ноября 1918 г. произошло резкое изменение общей политической обстановки в Европе, которое видоизменило характер внешнего окружения РСФСР и способствовало мирному продолжению того революционного процесса в России, который искусственно был задержан вторжением в Прибалтику и на Украину австро-германских войск.

Германия была истощена годами мировой империалистической войны. В ноябре 1918 г. под влиянием Октябрьской революции она превратилась в арену крупных внутренних революционных событий. Трудящиеся массы Германии, переносившие все трудности империалистической бойни, дали классический образец массового революционного действия.

1 ноября 1918 г. началось восстание германских матросов в крепости Киле, к 5 ноября движение перекинулось в Берлин и другие города, принимая форму всеобщей забастовки и рабочих демонстраций. 9 ноября Вильгельм II был принужден отречься от престола и бежал в Голландию. Того же числа Карл Либкнехт провозгласил Социалистическую республику в Германии. Бурно и быстро проходили события. Однако, дальнейший ход германских событий пошел не по социалистическому пути; власть была взята шейдемановцами и независимыми

социал-демократами. Истинные вожди германского пролетариата—Карл Либкнехт и Роза Люксембург были убиты по прямому приказу шейдемановцев.

Несмотря на свою социальную сущность, германская революция все же сыграла решающую роль, изменив внешнее враждебное окружение Советской России. После подписанного 11 ноября 1918 г. перемирия между Антантой и Германией, Антанта получила доступ в Черное и Балтийское моря, а, следовательно, и возможность воздействия на ход гражданской войны в Советской России. Последовавший вскоре отход австро-германских оккупантов поставил перед Антантой всерьез вопрос об обеспечении за собою тех обширных территорий России, которые после ухода немцев были вновь включены в сферу бурного революционного процесса.

В связи с такой общеполитической переменой произошла соответствующая переоценка взглядов и убеждений в лагере российской контр-революции. Германофильское направление отдельных группировок теряло своих сторонников и приверженцев, переходивших на сторону Антанты. Поражение Германии в мировой войне усилило антантовские позиции на Западе Европы, создало безусловный приоритет Антанты в лагере русской контр-революции, как имевшей свою территорию, так и пребывавшей под охраной германских оккупантов.

Конец мировой войны развязал пути антантовской внешней политики, активизировал западную границу Советской республики, определил политическую ориентацию русских контр-революционных организаций, действовавших внутри Советской республики и русских белых армий, оперировавших на окраинах России.

На северо-западе России также произошло изменение военно-политической обстановки, которое не могло не сказаться на положении формировавшейся в Пскове Северной армии.

Находившиеся в Пскове части 5-й германской запасной дивизии под влиянием революционных событий в Германии стали быстро разлагаться, терять обычную воинскую дисциплину и требовать немедленного увода их на родину. Наряду со штабом дивизии действовал возникший дивизионный солдатский совет, который должен был выполнять все требования солдатской массы. Командование дивизии, как и командование отдельных частей, потеряло свое значение, и все приказы выполнялись после того, как полу-

чали соответствующую санкцию солдатских советов. Были даже попытки со стороны солдатских масс перейти к агрессивным действиям в отношении своих офицеров, но акты подобного характера быстро пресекались членами солдатских советов, которые по своим политическим взглядам стали на путь соглашательства, имея в этом поддержку и со стороны высших солдатских революционных органов.

Соглашательские, социал-демократические тенденции, которые были близки солдатским руководителям, позволили все же созданным советам встать на путь доброжелательного отношения к Советской России. Такая позиция, естественно, была проявлением не столько искренних симпатий к русскому пролетариату, сколько некоторым осознанием своей прежней роли оккупантов и результатом предвидения возможных последствий от немедленного перехода частей Красной армии в наступление. Подтверждением этого служат те общие основные задачи, поставленные перед собою революционными солдатскими органами австро-германских оккупационных войск, которые сводились к тому, чтобы лучше организовать очищение оккупированных территорий, наладить правильную отправку военных частей в Германию и противодействовать предполагавшемуся наступлению советских красноармейских войск до окончательной эвакуации с русской территории.

Солдатский совет 5-й германской запасной дивизии, выполняя эти общие директивы своих высших инстанций, вмешивался также в дела русских белогвардейских формирований в Пскове. Однако, соглашательская роль этих советов сказалась и здесь, так как фактического противодействия дальнейшим псковским формированиям оказано ими не было. Так, например, 15 ноября дивизионный совет по своей инициативе задержал очередной отпуск денег, ассигнованных на нужды Северной армии, но, затем, все же их выдал по назначению. В связи с такой денежной заминкой, штаб Псковского добровольческого корпуса решил выпустить в обращение свои кредитные билеты областного Псковского казначейства за подписью генерала А. Е. Вандама (так называемые «вандамки») на сумму в 5 миллионов рублей в купюрах по 50 руб. Обеспечением этих денежных знаков служило все достояние Псковской области. Выпущенные кредитные билеты открыли широкое поле деятельности для некоторых категорий офицеров и чиновников корпуса, которые

своими денежными операциями вызвали сильное недовольство жителей г. Пскова.

Сведения о революции в Германии и о предстоящем уходе немцев неофициально циркулировали среди населения Пскова и всего района оккупации. Это вредило белому делу и поэтому штаб корпуса опубликовал специальное обращение к «русским людям». В этой листовке прямо заявлялось, что «близок час, когда германские войска оставят занимаемые ими области» и в заключение говорилось:

...«Сбросьте свою растерянность, свое уныние, вспомните, что вы граждане России и идите сюда в Псков. Здесь, под сенью святой троицы, положено начало создания «Северной армии», которая должна не только защищать Псковскую область, но и водворить в России правовой порядок и законность, обеспечить право всех на жизнь и спокойный труд...

Существование этой армии обеспечено оружием, хлебом, деньгами и военным довольствием. На наш призыв уже откликнулись те, которым дорога Россия. Идите сюда и доведите армию до грозной силы...

Запись принимается в Пскове, Георгиевская ул., здание мужской гимназии; в Острове, Режице и Двинске» [1].

Несмотря, однако, на усиленную агитационную деятельность, формирование армии фактически прекратилось. В штабе добровольческого Псковского корпуса в свою очередь происходили внутренние трения, закончившиеся некоторой пертурбацией в руководящем составе. Такое явление было результатом усиленных гласных разговоров псковских офицеров, в особенности балаховской группы, о несоответствии своему назначению командующего корпусом генерала Вандама, кандидатом в преемники которому выдвигался С. Н. Булак-Балахович. Перемена командующего, хотя и предполагалось произвести ее насильственным путем, произошла в нормальных условиях, так как генерал Вандам сам, в силу обстоятельств, отказался от командования и на свое место назначил командира 3-го Режицкого стрелкового добровольческого полка полковника Г. Г. фон-Неф. Начальником штаба корпуса, вместо также ушедшего генерала Б. С. Малявина, был назначен ротмистр фон-Розенберг.

Ко времени такой перемены в штабе корпуса из Киева были получены сведения, что генерал граф Ф. А. Келлер согласился принять командование Северной армией и в скором времени намеревается приехать в Псков. Решение генерала Келлера

[1] Псковский музей революции.

возглавить Северную армию было санкционировано генералом А. И. Деникиным, который 15 ноября получил соответствующий телеграфный запрос от Келлера. Последний запрашивал:

«Признаете ли вы меня командующим Северной Псковской монархической армией или мне следует сдать эту должность. Если признаете, то с какими полномочиями? Необходимо разрешение принять меры к охране разграбляемых в Малороссии военных складов, воспользоваться украинскими кадрами и продолжать формирование, для чего необходим немедленный отпуск денег, которые можно добыть в украинском правительстве» [1].

Генерал А. И. Деникин несмотря на то, что «первые шаги нового командующего, политическое окружение и декларативные заявление его вызвали некоторое смущение», ответил официальным согласием.

Со своей стороны Келлер, учитывая общую политическую обстановку, поручил генералу А. Н. Розеншильд-фон-Паулину отправиться в Яссы, где ходатайствовать перед представителями Антанты об оказании материальной помощи. Придавая огромное значение Прибалтийскому району и операционным направлениям Ревель — Петроград и Либава — Петроград, Келлер считал абсолютно необходимым немедленное занятие флотом Антанты Ревеля и Либавы, отпуск широких кредитов и передачу оккупантами русских складов в Пскове, Двинске, Вильне и других городах Северной армии.

Такие шаги Келлера были прямо противоположны тем принципам, на основании которых строилась Северная армия и которые обязывали весь офицерский состав и в особенности штаб корпуса строго придерживаться и следовать ориентации на Германию. Крупные революционные события в Германии и конец мировой войны обусловили такую переориентацию даже самого генерала Келлера, который считался русскими германофилами искренним апологетом Германии [2].

---

[1] Генерал А. И. Деникин — «Очерки русской смуты», книгоиздательство «Слово», Берлин, 1925 г., т. 4, стр. 20, 21.

[2] На основании такой уверенности в политических взглядах генерала Келлера, впоследствии, после его расстрела петлюровцами в Киеве, организатор русских военнопленных в Германии в лагере Зальцведель и белогвардейцев в Прибалтике, ставший к осени 1919 г. командующим русско-немецкой западной армией — полковник П. М. Авалов в составе своей армии имел особый добровольческий корпус, носивший имя ген. Келлера.

Келлер с октября 1918 г. примыкал к крайним правым и работал вместе с В. М. Пуришкевичем, П. П. Скоропадским и др.

Для гражданского управления районом расположения Северной армии в Киеве, при Келлере, был сконструирован Совет обороны Северо-западной области, в состав которого вошли и те лица, которые в свое время были посланы из Пскова в Киев по делам созыва монархического съезда в Пскове, т. е. Г. М. Дерюгин, Н. Н. Лавриновский, А. П. Горскин и, дополнительно, сенатор Н. И. Туган-Барановский и Ветчинкин. Эти лица часто забывали свои прямые функции и принимали живейшее участие в местных киевских делах. Одной из сторон их деятельности в Киеве было частое посещение вербовочного бюро Южной армии, где они просили добровольцев, желающих поехать на северо-запад России, отправлять в Северную армию. Согласно такой просьбы в Псков вскоре были переброшены: так называемый Волынский стрелковый добровольческий полк в 150 чел. под командою генерального штаба подполковника Ветренко и так называемый Ярославский пехотный полк силою в 50 чел. Совет обороны Северо-западной области под предлогом организации в Киеве вербовочных бюро Северной армии затребовал из Пскова 300.000 рублей-марок. Деньги эти были высланы и переданы члену Совета А. П. Горскину, но никаких бюро, несмотря на это, в Киеве открыто не было.

Одновременно со спокойной работой Совета обороны Северо-западной области и генерала Келлера в Киеве, в Пскове события шли своим чередом, с каждым днем ухудшая общее положение.

18 ноября вступивший во временное командование отдельным Псковским добровольческим корпусом полковник Г. Г. фон-Неф объявил весь район формирования Северной армии (Псковский, Островский и Режицкий уезды) на осадном положении [1].

19 ноября ушел домой походным порядком 108-й германский артиллерийский полк, следуя распоряжению солдатского совета 5-й германской запасной дивизии [2].

Разложение германских частей приняло сразу серьезный и грозный характер. Германские солдаты самостоятельно уезжали на родину. К 21 ноября все пограничные германские войска отошли вглубь района.

---

[1] «Псковская газета», № 97 от 19 ноября 1918 г.

[2] «Белое дело», т. I, статья К. К. Смирнова—«Начало сев.-зап. армии».

В связи с этим, русскими белогвардейцами было решено изменить принцип комплектования своих частей и от добровольческого метода перейти к принудительному.

21 ноября начальник гарнизона гор. Острова полковник К. К. Дзерожинский объявил мобилизацию населения для формирования местной дружины с целью самообороны. Для проведения мобилизации по уезду и для поддержания угодного для белых порядка были высланы вооруженные отряды [1].

Последующие дни, с 22 по 25 ноября, были тревожными для белого Пскова. В эти дни усиленно работал солдатский комитет 5-й германской запасной дивизии, который ставил целый ряд формальных препятствий русским белогвардейцам и лишал всякого веса успокоительные заверения германского командования.

В эти дни распространялись слухи, что в Ревель и Либаву прибыла английская эскадра, и только впоследствии выяснилась неверность этих сведений, так как английская эскадра в то время находилась в Скагеррakском проливе и занималась выливанием мин.

Эти сведения дали некоторые перспективы русским белогвардейцам и несколько прояснили ту чрезвычайно серьезную обстановку, в которой пребывала Северная армия.

П. М. Авалов пишет:

«Обстановка складывалась так, что, конечно, и думать было нечего продолжать формирование корпуса на прежних основаниях и надо было бы ликвидировать все дело, если бы не было надежды продолжать его при помощи союзников...

Корпус положительно висел в воздухе и был окружен со всех сторон революционным элементом» [2].

В поисках выхода из создавшегося положения штаб Псковского добровольческого корпуса после получения сведений о прибытии англичан не замедлил выслать специальную делегацию во главе с полковником фон-Вааль и подполковником бароном Розен в Ревель и Либаву для представления англичанам доклада о положении Северной армии и с просьбой оказать немедленную помощь.

Таким образом, уже здесь, еще до момента оставления г. Пскова германскими войсками и русскими белогвардейцами,

---

[1] «Моя газета», № 104 от 22 ноября 1918 г., г. Остров.

[2] П. Авалов—«В борьбе с большевизмом», стр. 83, 84.

последними были приняты все меры к тому, чтобы, под влиянием сложившихся обстоятельств, стать на путь быстрой переориентации с Германии на Антанту.

Вскоре из Пскова для Острова и Режицы была затребована вооруженная помощь, так как в тех уездах начались мелкие боевые столкновения белых добровольцев с красноармейскими частями и местными революционно-настроенными элементами из населения.

В виду недостатка сил и невозможности оборонять весь район формирования Северной армии, штаб корпуса решил сконцентрировать все свои части на фронте Псков — Остров, для чего 3-й Режицкий добровольческий полк из Режицы был переведен в Остров.

После принятия решения о сокращении линии обороны общая боевая численность Северной армии, вернее — отдельного Псковского добровольческого корпуса, равнялась 1.800 чел., при 1.600 штыках, 200 саблях и 12 орудиях.

Расположение частей корпуса было таковым: в Пскове стояли 1-й Псковский стрелковый добровольческий полк численностью около 250 штыков; 63-й Волынский пехотный полк — около 250 штыков; отряд внешней охраны — около 200 штыков; команда бронепоезда, которого в действительности не было, — около 100 штыков; Псковский артиллерийский полк — 8 орудий; отряд С. Н. Булак-Балаховича — 200 сабель при 2 орудиях. В Острове находился 2-й Островский добровольческий полк — численностью около 300 штыков и переведенный туда 3-й Режицкий добровольческий полк — около 200 штыков. В Режице оставался партизанский отряд полковника Афанасьева — около 150 штыков. Наконец, на Талабских островах располагался отряд пехоты — около 150 штыков при 2 орудиях [1].

Общее состояние корпуса было таково, что пехота была не обучена, на 75% без шинелей, на 50% — босая. Артиллерия не имела лошадей, броневой поезд отсутствовал. Таков был результат 45-дневного (с 10 октября по 24 ноября) периода формирования белой армии.

---

[1] «Белое дело», т. I, статья К. К. Смирнова — «Начало Северо-западной армии», стр. 139.

В данных Смирнова фигурируют только штыки и сабли (за исключением указания о численности партизанского отряда полковника Бибикова, действовавшего в районе г. Острова), если же принять во внимание

24 ноября штаб Псковского добровольческого корпуса получил сведения о концентрации крупных красноармейских сил для наступления на Псков, которое, по данным белой разведки, было намечено на 26 ноября.

По приказанию командующего корпусом, 25 ноября состоялось высшее военное совещание, на котором присутствовал командующий Псковским корпусом, начальник штаба, командиры отдельных частей, начальник штаба 5-й германской запасной дивизии гауптман Бизе и германские офицеры, состоявшие для связи при штабе корпуса. На этом совещании начальник штаба корпуса ротмистр фон-Розенберг информировал собравшихся о полученных штабом сведениях относительно группировки частей Красной армии и их предстоящем наступлении на Псков и предлагал перебросить тылы частей за реку Великую.

Начальник штаба 5-й германской дивизии Гауптман Бизе считал неправдоподобными сведения о готовившемся наступлении частей Красной армии и, вследствие такой точки зрения германского командования, совещание решило оставить все части, обозы и имущество в Пскове на прежних местах и не переводить их за реку Великую. Но в целях предосторожности были намечены следующие меры:

1) «немедленно выслать отряд в 150 человек под командою капитана Клевана в направлении на ст. Торошино, по шоссе через село Черняковцы, где будто бы уже происходила выгрузка бронированных автомобилей. Отряду было поставлено задачей произвести рекогносцировку в указанном направлении и, в случае сосредоточения большевиков в нейтральной зоне, взорвать железнодорожный мост между ст. Торошино и гор. Псковом, испортить в нескольких местах шоссе и, преградив тем самым движение блиндированного поезда и бронированных автомобилей, задерживать наступление противника до прибытия наших главных сил;

2) на другой день, т. е. 26 ноября, в 6 ч. утра выступали главные силы в составе: 1-го добровольческого стрелкового Псковского полка, Волынского добровольческого стрелкового полка, отряда внешней охраны гор. Пскова, особого конного отряда ротмистра Булак-Балаховича и др.— всего силою около 600 человек пехоты, 360 всадников, 8 пулеметов и 2 полевых орудий, под общею командою командира Волынского полка генерального штаба подполковника Ветренко. Главным силам было приказано достигнуть селения Кресты, что в четырех верстах юго-восточнее

количество едоков вообще, то численность корпуса, повидимому, несколько превышала 2000 человек.

гор. Пскова и, сосредоточившись там, ждать выяснения дальнейшей обстановки;

3) одновременно с выступлением главных сил высылается офицерский разъезд силою в 10 коней от отряда Булак-Балаховича в направлении на селение Череха и далее до ст. Карамышево. Задача разъезда — наблюдение за этим нашим флангом;

4) охрана проволочного заграждения, идущего полукругом в 2 верстах от гор. Пскова, поручалась германским войскам, которые занимают посты с вечера 25 ноября;

5) германские же войска занимают все посты, выдвинутые к северу от гор. Пскова по восточному берегу реки Великой и берут на себя оборону и обеспечение нашего левого фланга;

6) внутренняя охрана города возлагалась на германские войска и на вооруженных по районам граждан под командою офицеров» [1].

В Пскове оставался штаб корпуса, обозы и 90 кавалеристов особого конного отряда под командою подъесаула Пермыкина, который с 23 ноября исполнял обязанности полицеймейстера гор. Пскова. Между прочим, 25 ноября командующий Псковским добровольческим корпусом, после согласия германского командования передать гражданское управление русским, назначил бывш. члена Государственной думы барона А. А. Крюденер-Струве губернатором всего армейского района.

Отряд на Талабских островах был информирован об общем положении и получил приказ держать тесную связь с ближайшими германскими войсками.

Во время распределения обязанностей между русскими и германскими частями для русских членов совещания стало неожиданностью, что артиллерийские и кавалерийские части германской дивизии уже покинули Псков, и что в связи с этим необходимо 2 своих орудия придать пехотным германским частям, занимавшим проволочные заграждения.

По окончании военного русско-германского совещания, вечером 25 ноября, штаб корпуса получил сведения, что и оставшиеся в Пскове германские части, которые были приняты во внимание при распределении ролей, волнуются и не желают принимать участие в обороне Пскова. В срочном порядке было созвано в ночь на 26 ноября общее собрание выборных от германских рот и команд. На собрании выступил начальник штаба 5-й германской дивизии гауптман Бизе и старался рассеять те сведения, которые были причиной волнения. Однако,

---

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 86.

солдатский комитет предложил, со своей стороны, послать немедленно делегацию на ст. Торошино для переговоров с представителями советского командования, но, после отклонения этого предложения, выборные от рот и команд заявили, что оставшиеся в Пскове германские части обороняться будут, но от каких бы то ни было активных наступательных действий категорически отказываются. После такого заявления представителей германских солдат собрание было закрыто [1].

Таковы были подготовительные меры штаба Псковского добровольческого корпуса накануне действительного наступления на Псков Красной армии.

Положение на советской стороне советско-германской демаркационной линии, с момента ее образования, характеризовалось общей слабостью советских частей, которая обусловливалась, в свою очередь, пассивностью в течение лета и ранней осени 1918 г. этого «района обороны» Советской республики. Задачами для частей этого района являлись: 1) оборона западной границы Республики в пределах разграничительных линий на севере с Северным фронтом (7-я армия) и на юге с Южным фронтом; 2) занятия районов в случае освобождения оккупантами и 3) усиленное формирование своих сил.

Принятие решительных шагов со стороны советского военного командования по борьбе с германскими войсками было исключено соответствующим пунктом Брест-Литовского мирного договора и было фактически невозможно. Постановка активных задач слабым красноармейским частям была невозможна и тогда, когда были получены достоверные сведения о формировании в Пскове, Острове и Режице Северной белогвардейской армии. Соответствующую же информацию об этих русских добровольческих формированиях советское командование получало, в общем, своевременно, но с чрезвычайной по своим размерам неточностью и поразительным несоответствием с действительностью [2].

---

[1] П. Авалов—«В борьбе с большевизмом», стр. 87.

[2] Так, например, к 20 октября 1918 г. Чудский район пограничной охраны получил агентурные сведения, что 16 октября в Псков приехал генерал А. М. Драгомиров, который приступил к формированию белой гвардии; что добровольцам, зачисленным в действующие части, выплачивают ежемесячно по 280 руб. серебром, а зачисленным в гарнизонные части — по 80 руб. серебром, и что в течение нескольких дней, т. е. до 20 октября, навербовано около 4.000 белых добровольцев (Центральный военно-полити-

Ближайшие к демаркационной линии уездные партийные организации, после получения сведений о работе русских белогвардейцев в Пскове, производили мобилизации коммунистов для прохождения всеобщего военного обучения. Гдовский уездный комитет РКП(б) 27 октября созвал общее собрание членов организации, на котором было постановлено с 28 октября всем коммунистам стать под ружье и, образовав особую боевую единицу, приступить к немедленному прохождению курса всеобщего военного обучения. Основной задачей Гдовской партийной организации было ликвидирование кулацких восстаний в пяти волостях уезда, которые были результатом усиленной деятельности не только внутренних контр-революционных элементов, но и зарубежных, псковских агентов.

Восстания кулаков приурочивались к моментам проведения советской властью реквизиций и мобилизаций и тем самым затрудняли успешность этой ударной работы и требовали применения решительных мер по ликвидации кулацких восстаний.

Гдовская партийная организация выслала по уезду несколько коммунистических отрядов, которые должны были оказывать поддержку комитетам бедноты в их борьбе с кулаками.

Отряд, выехавший в ноябре 1918 г. в северный район уезда, способствовал созыву съезда комитетов бедноты по Добручинской волости, на котором была принята следующая резолюция:

ческий архив при Военно-политической академии РККА им. Н. Г. Толмачева (ЦВПА при ВПАТ), связка № 1, дело № 56/21, «Очередной ежемесячный отчет о состоянии Чудского района пограничной охраны от 20 октября 1918 г. за № 41 — военного комиссара района»).

Данные штаба Латышской стрелковой дивизии утверждали, что к 15 ноября 1918 г. белых добровольцев насчитывалось до 5.000 чел., а к 16 ноября белая гвардия в Пскове состояла из 5 полков численностью в 10.000 чел. (ЦВПА при ВПАТ, связка № 23, дело 4, Бюллетени информационного отделения Всероссийского бюро военных комиссаров, № 22 от 29 ноября 1918 г. и № 23 от 30 ноября 1918 г.).

По агентурным данным советских учреждений Псковского уезда, белогвардейский гарнизон Талабских островов имел от 1.000 до 1.500 чел. при 6 орудиях, из коих четыре 6-дюймовых орудия прибыли на острова в ночь на 22 октября 1918 г. По тем же данным следовало, что из Киева вскоре прибудет в Псков конно-егерский полк, к которому присоединились 11.000 русских пленных (Архив Ленинградского областного истпарта (АЛОИ), связка № 18).

«Мы, представители деревенской бедноты, заявляем, что свалив вооруженной рукой власть векового гнета и получив в руки мощное орудие борьбы — власть, не отдадим ее ни кулакам, ни помещикам, ни международным разбойникам — империалистам, разрушившим весь мир и заливши кровью трудящихся во имя своих барышей. Пусть не мечтают негодяи о возврате былого, не допустим лжи и обмана. За братство народов, трудящихся миллионов, мы будем бороться до победного конца, до полного уничтожения паразитов и грабителей, глумившихся над нами. Мы созываем съезд комитетов бедноты и под его руководством мы проявим всю силу власти на пользу трудящихся. Долой паразитов деревни! Да здравствует трудящаяся беднота! Долой мировых разбойников капиталистов, помещиков, королей. Да здравствуют в емпрные комитеты бедноты— власть трудящихся! Да здравствуют вожди международной революции и победа трудящихся!» [1].

После проведения съезда комитетов бедноты коммунистический отряд из деревни Добручи, разбившись на мелкие партии, направился к селу Скамья (у истока реки Наровы из Чудского озера), где встретил дружелюбный прием со стороны германских солдат. Представители солдатского совета и здесь проявили свою контр-революционную сущность, которая была выражена в настойчивой просьбе «не предпринимать строгих мер по отношению к буржуазии». При дальнейшем продвижении вдоль демаркационной линии коммунистический отряд Гдовской организации констатировал недружелюбное отношение крестьянского населения, спровоцированного местным кулачеством. В этом северном районе уезда товарищи обнаружили сильно развитый эстонский шпионаж, для борьбы с которым нужна была особая бдительность красноармейских частей и комитетов бедноты. Часть коммунистов из отряда, в связи с таким положением в северных волостях уезда, осталась в них для работы [2].

Выступление кулачества наблюдалось, вообще, во всем районе от ст. Веймарн до Гдова. В деревнях отмечалось засилье кулачества и полная беспомощность бедноты. Представителям советской власти кулаки прямо заявляли, что «центральной власти они не признают, декреты для них не обязательны, что власть— на местах» [3].

---

[1] АЛОИ, связка № 14, дело № 191, протокол общего собрания членов и кандитатов Гдовской организации РКП (б) от 24 ноября 1918 г.

[2] Там же, связка № 14, дело № 191, протокол общего собрания членов и кандидатов Гдовской организации РКП (б) от 24 ноября 1918 г.

[3] Там же, связка № 5, папка № 1.

Коммунистические отряды, посланные из Гдова в южные волости уезда, также способствовали успешной и нормальной деятельности комитетов бедноты и помогали красноармейским частям в деле ликвидации попыток нападения из-за демаркационной линии белогвардейцев. Близость Пскова, как очага русской контр-революции, к южному району Гдовского уезда создавала там трудные условия для советской работы. Состав волостных исполнительных комитетов часто менялся. Большое развитие получил также шпионаж в пользу русских белогвардейцев, находившихся на Талабских островах. Все население приозерной береговой полосы было терроризовано белогвардейцами. При выборе, например, нового состава исполнительного комитета Середкинской волости не явилось население из 33 деревень, так как они были предупреждены белогвардейцами, что в случае явки на выборы против них будут приняты репрессивные меры [1].

В волостях Псковского уезда также наблюдалась усиленная деятельность зарубежных агентов, которые находили для своей агитации соответствующую социальную почву у кулачества. Например, в Больше-Загорской волости и в соседних с нею волостях, в результате антисоветской агитации, имело место индивидуальное и групповое просачивание через демаркационную линию в Псков враждебных диктатуре пролетариата элементов.

Последние в целях наилучшей реализации своих планов, получали от местных волостных исполнительных комитетов документы на командировку в Псков по различного рода делам. Отсутствие достаточной вооруженной силы в пограничных волостях исключало возможность решительно воспрепятствовать подобного рода явлениям [2].

Следовательно, необходимость советизации северо-западного района Советской республики требовала много сил, средств и времени и являлась основной задачей советских органов власти летом и осенью 1918 г., так как от своевременного разреше-

---

[1] АЛОИ, связка № 14, дело № 191, протокол общего собрания членов и кандидатов Гдовской организации РКП (б) от 24 ноября 1918 г.

[2] Псковское архивное бюро (ПАБ), фонд губисполкома № 68, по описи № 9, дело № 3, л. 10. Донесение военного комиссара Больше-Загорской волости Псковскому уездному военному комиссару от 26 октября 1918 года.

ния ее зависела успешность формирования частей Красной армии.

Советское правительство, получив сведения о деятельности русских белогвардейцев в Пскове, обратилось через А. А. Иоффе к германскому правительству с нотой протеста по поводу организации белой армии при содействии немецких войск. Нота, обращая внимание германского правительства на факт набега русских белогвардейцев на Талабские острова, требовала принятия необходимых мер для устранения подобного рода ненормальных, с точки зрения советско-германских взаимоотношений, явлений [1].

Местные же советские органы и военное командование принимали все меры к тому, чтобы лучше обеспечить охрану демаркационной линии и оказывать сопротивление всем активным действиям псковских белогвардейцев.

Сконструированный 24 октября 1918 г. Военно-революционный комитет Карамышевского района принял постановление о немедленном обследовании демаркационной линии и о проверке несения службы охранения на ней. Серьезное внимание члены комитета уделяли вопросам связи с жел.-дор. станцией Торошино, и гг. Порховом, Великими Луками и Петроградом. В обращении на имя Петроградского окружного военного комиссара Военно-революционный комитет Карамышевского района указывал на то, что этот участок предоставлен сам себе, и требовал соответствующего внимания центра. Своей инициативой комитет старался придать обороне демаркационной зоны характер стройной организации и, впредь до выяснения некоторых принципиальных вопросов со штабом Новгородской дивизии, назначил командующим военными силами района Р. Берзина и поручил ему усилить пограничную охрану, охрану железнодорожных мостов по линии ст. Карамышево — Подсевы и Кебь — Карамышево, организацию разведывательной службы и контроль пассажирских поездов. В распоряжении Берзина находился один батальон численностью в 300 штыков, который занимал линию от р. Кепь — дер. Батлово до дер. Мигуново, в 10 километрах от демаркационной линии, общим протяжением в 25 километров. Батальоном выставлялись заставы с целью оказания в случае необходимости хоть незначительного сопротивления

[1] «Северная коммуна», № 146 от 2 ноября 1918 г.

противнику. Никакого резерва район не имел и, следовательно, вся оборона границы возлагалась только на расположенные вблизи ее советские части. С 7 ноября появились белогвардейцы-балаховцы в районе деревень Зубово, Лопатово и Гнильно, которые напали на пограничную охрану деревни Зубово и обезоружили ее.

В ночь с 8 на 9 ноября Военно-революционный комитет Карамышевского района принял план обороны участка, согласно которому пограничные части от дер. Кебь стягивались в район дер. Лопатово и от дер. Тешково — в район мест. Быстрецкое. Было решено также поставить охрану на больших проезжих дорогах в районе ст. Карамышево.

Никакого руководства центра Военно-революционный комитет не чувствовал, со стороны же военно-полевого штаба Торошинского района руководство было недостаточным [1].

Только после ноябрьской революции в Германии, в предвидении сильной активизации западной границы Республики, центром начались приниматься меры для усиления, в частности, 7-й армии, которая на ревельском направлении имела 6-ю стрелковую дивизию, численностью около 6.000 штыков [2] и на псковско-валкском — различные части, не закончившие формирование, общей численностью до 3.000 чел.

По распоряжению главного командования начались переброски эстонских и финских частей из 1-й и 3-й армий Восточного фронта на Западный [3] в район Ямбурга.

Части, которые ранее предполагалось с Западного и Северного фронтов перебросить на Южный фронт, были оставлены на своих местах.

---

[1] ПАБ, фонд губисполкома № 68, по описи № 9, дело № 3, лл. 1, 12.

[2] Н. Какурин — «Как сражалась революция», т. 2, Гос. изд., 1926 г., стр. 101.

В отношении численности Нарвской группы 7-й армии данные автора вызывают сомнение, так как по ряду косвенных указаний действительная численность группы была меньшей.

Псковская группа той же армии уступала по численности Нарвской группе и имела, повидимому, до 3.000 чел. По данным Н. Какурина, эта группа — «сводная дивизия» — была, «приблизительно, такой же численности», как и Нарвская, т. е. имела до 6.000 штыков.

[3] Северо-западного фронта тогда еще организационно не существовало.

В Нарве после белых в конце 1918 года.

17 ноября главком приказал перебросить из г. Вятки в район Новгород — Старая Русса — Дно — Луга 10-ю стрелковую дивизию. Помимо этого, 7-я армия усиливалась и за счет формирований внутри Республики.

Согласно приказа главкома командование Северным фронтом должно было начать наступление частями 7-й армии. Командование фронта обязывалось сосредоточить все имевшиеся в его распоряжении свободные резервы и вновь прибывшие части: Юрьевский полк, 1-й и 6-й Латышские стрелковые полки, несколько эскадронов конницы и батареи Латышской стрелковой дивизии.

Командование Западным фронтом должно было предпринять глубокую разведку на Режицу, Полоцк, Борисов, Бобруйск и Гомель.

18 ноября были даны дополнительные указания, согласно которым общая задача действий 7-й армии на территории Прибалтики сводилась к занятию г. Ревеля; выполнение этой задачи намечалось путем продвижения красноармейских частей по линии Ямбург — Нарва — Ревель и Псков — Валк — Ревель [1].

Командование Северным фронтом предполагало нанести главный удар на нарвско-ревельском направлении и вспомогательный — на псковско-валкском направлении, при чем, в последнем случае, после занятия г. Валка, имелось в виду оказать, при необходимости, помощь частям 7-й армии для преодоления сопротивления противника у Ревеля.

Операции 7-й армии начались одновременно с наступлением Западной армии и имели успех.

Северная группа 7-й армии при наступлении на г. Нарву получила поддержку Балтийского флота, которому ставилось задачей высадить в устье р. Наровы десант для действий его против г. Нарвы. Одновременно с этим один из миноносцев должен был войти в р. Нарову и своим артиллерийским огнем поддерживать высадку десанта. 28 ноября 1918 г., в 10 ч. 45 м., десант на судах вошел в р. Нарову и к 13 час. 20 мин. высадка уже была закончена. К вечеру совместными действиями частей 6-й стрелковой дивизии и десанта гор. Нарва был взят [2].

---

[1] Н. Какурин — «Как сражалась революция», т. 2, Го с. изд., 1926 г. стр. 39, 40.

[2] «Красный флот», книга 3—4, февраль 1928 г., изд. Управления военно-морских сил РККА, Л., 1928 г., стр. 32.

В Нарве было захвачено 2 орудия, 1 бомбомет, 2.000 снарядов, 500 винтовок и т. п. Там же были обнаружены многочисленные жертвы белого террора.

Весьма характерной была роль солдатского совета германских частей, расположенных в Нарве до момента захвата города Красной армией.

Еще 22 ноября 1918 г. солдатский германский совет, находившийся под руководством реакционных офицеров, переслал следующее письмо на советскую сторону демаркационной линии:

«Коменданту русских боевых сил.

Сегодня утром вы напали на наших сотоварищей. Мы усматриваем в этом преступление, достойное проклятья, так как желаем жить с вами в мире. Скоро мы покидаем Эстляндию, до того времени каждое нападение будет кровью отражено. Будьте благоразумны и подождите со вторжением в Эстляндию, пока мы не покинем страны» [1].

Это обращение солдатского совета германских частей показательно в том отношении, что оно было прямым следствием предательской соглашательской политики этих революционных солдатских германских органов. Лозунги диктатуры пролетариата не находили соответствующего отклика в солдатских советах, которые самим своим появлением на политической арене были обязаны ноябрьской революции в Германии. Рядовая масса германских солдат, доброжелательно относившаяся к Со-

---

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 23, дело № 5, бюллетень информационного отделения ВБВК № 25, от 4 декабря 1918 г.

Подобная деятельность германского солдатского совета не могла не сказаться на состоянии красноармейских частей, среди которых и без того велась широкая антисоветская агитация. Так, например, части 46-го и 47-го стрелковых полков отказались от наступления и, вооруженные пулеметами и одним тяжелым орудием, направились к Ямбургу в числе 500 человек. 200 из них удалось разоружить. Против остальных, представлявших собой довольно организованную массу, советским командованием было приказано принять самые решительные меры. Были раненые и убитые. Другая часть числом до 200 чел. пыталась переправиться через р. Лугу. Обстановка была настолько серьезной, что комиссары и красноармейцы-коммунисты оказались бессильными быстро восстановить порядок. Все эти печальные события явились следствием «крайне небрежного отношения округа и бывшего Северного участка к политическому воспитанию масс». Только после этого печального эпизода Реввоенсовет Северного фронта предложил 7-й армии немедленно образовать политотделы и Революционно-военный трибунал (ЦВПА при ВПАТ, связка № 23, дело № 4, бюллетень информационного отделения при ВБВК за № 20 от 27 ноября 1918 г.).

ветской России, представляла из себя чрезвычайно опасный материал для своих политических руководителей, которые всеми мерами старались исключить возможность тесного сближения красноармейских частей с германскими солдатами.

После овладения г. Нарвой Северная группа 7-й армии преодолела лесисто-болотистый район между Финским заливом и Чудским озером и подходила к узловой железнодорожной станции Тапс.

Положение этой группы, быстро продвигавшейся в ревельском направлении, осложнялось из-за невозможности своевременного подвоза всех видов снабжения, так как железнодорожный мост через р. Нарову был взорван. Наконец, у командования 7-й армии было серьезное опасение за фланги этой группы при ее глубоком вторжении на эстонскую территорию. Балтийский флот зимовал в Кронштадте и не мог оказать дальнейшей помощи Северной группе 7-й армии. Предпринятая инициативой Ф. Ф. Раскольникова операция двух эскадренных миноносцев — «Спартака» и «Автроила» на Ревель была неудачной и окончилась пленением этих миноносцев и самого Ф. Ф. Раскольникова.

Штаб 7-й армии, находившийся в Петрограде, а затем в Новгороде, не имел возможности своевременно управлять перешедшими в наступление частями армии и заранее обдумывать все стороны операций [1].

Южная группа 7-й армии с 25 ноября начала наступление на Псков, при чем, численность ее равнялась 2.500 бойцов при 8 орудиях (правая колонна — два батальона 49-го стрелкового полка — 1.500 бойцов; «Железный» полк со ст. Торошино и разные мелкие части — до 1.000 бойцов; одна легкая батарея и один слабый бронепоезд «Красный финляндец») [2].

---

[1] «Красный флот», книга 3 — 4, февраль 1928 г., изд. Управления военно-морских сил РККА, Л., 1928 г., статья Н. Хенриксона (командовавшего в то время 7-й армией) — «На Северо-западном фронте».

[2] «Война и революция», книга 12, Гос. изд., 1928 г., статья Фабрициуса и Травинского — «Исторические заметки о гражданской войне в Прибалтике», стр. 89. Эти данные вызывают сомнение, так как они приведены авторами без всяких ссылок на первоисточники.

Сила противника (Северной армии) командованием Южной группы 7-й армии исчислялась в 4.500 бойцов при 30 орудиях. Эти данные приведены в статье К. Янэль — «От Пскова до Виндавы и обратно (1918 — 1919 гг.)» («Война и революция», книга 2, за февраль 1928 г.). На основании этих

Наступление на Псков со стороны ст. Карамышево, судя по сохранившимся телеграммам того времени, велось фактически не объединенными единым военным командованием отрядами. Каждый из таких отрядов, действовавших в направлении Пскова, через свою разведку, к радостному удивлению для себя, обнаруживал аналогичное по целям движение другого советского отряда. Наступление вели части 10-го стрелкового полка Новгородской дивизии, 1-й Московский революционный полк, отряд под командой Берзина, который выступил не ожидая 10-го полка, 3-й летучий отряд под командованием Лякса и др. [1].

Обещавшие белым свою посильную поддержку в обороне Пскова германские войска к 12 часам 26 ноября без боя обнажили левый фланг Псковского участка (восточный берег реки

данных участники и руководители операций в то время Фабрициус и Травинский пишут, что «до взятия гор. Пскова наши силы значительно уступали силам белых... Силы у нас были слабые, но мы и с этими силами взяли гор. Псков... Энтузиазм победил численное превосходство».

Выше была приведена боевая численность Северного корпуса и из сопоставления сил русских бдлогвардейцев с силами Южной группы 7-й армии следует, что никакого численного преимущества на стороне белых не было, а, наоборот, они несколько уступали частям Красной армии.

Чрезвычайно любопытны, с другой стороны, те данные, которые были в штабе Псковского добровольческого корпуса о численности Южной группы 7-й армии перед переходом ее в наступление на Псков. По сведениям белой разведки, в районе станций Торошино и Карамышево было сосредоточено 12.000 красных войск, с одним полком кавалерии, четыре батареи (одна тяжелая) артиллерии, несколько десятков пулеметов, два блиндированных поезда на станциях Торошино и Карамышево и несколько бронированных автомобилей (П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 84).

Итак, советское командование силы русских белогвардейцев в Пскове исчисляло в два раза больше их действительной численности, штаб Псковского добровольческого корпуса чуть ли не в пять раз увеличивал силы Южной группы 7-й армии.

Подобная двухсторонняя осведомленность на началах «взаимности» по части преувеличения сил объясняется в первом случае относительной неорганизованностью самого военного руководства красной стороны, наличием некоторых элементов осторожности при выработке плана предстоящих боевых действий за обладание Псковом, что было тесно связано с тем обстоятельством, что советское военное руководство предстоящими операциями было поглощено мыслью пополнения своих сил; во втором — моральной депрессией русских белогвардейцев, как следствием коренного изменения военно-политического положения в ноябре 1918 г.

[1] ПАБ, фонд губисполкома, № 68, по описи № 10, дело № 4.

Великой), сняли все посты в гор. Пскове и занялись эвакуацией. Штаб белогвардейского корпуса, в свою очередь, не имел возможности ориентироваться в ходе боевых действий, так как связь его с действующими частями корпуса была прервана.

В этот решительный момент, пользуясь отсутствием сильных частей белогвардейцев, в Пскове выступили местные коммунисты, вооруженные приобретенным у немцев оружием — винтовками и пулеметами [1]. Остатки белогвардейцев, охранявшие штаб корпуса, принуждены были очистить город, при чем, путь отступления через проезжий мост по реке Великой был закрыт, так как мост сильно обстреливался восставшими. Отряд подъесаула Пермыкина, на который возлагал надежды штаб корпуса, с боем стал вырываться из города, при чем, на базарной площади он был рассеян пулеметным огнем из окон расположенных там домов и, после этого, стал поспешно отступать к железнодорожному мосту.

Части Южной группы 7-й армии к этому времени, путем повторных атак, прорвали и правый фланг противника, где действовали главные силы белогвардейцев, и стали подходить к предместью города. Вскоре небольшая их часть появилась на Кохановском бульваре (ныне Пролетарский), а другая, значительно большая, направилась к вокзалу. На вокзале в это время находилась в ожидании эшелонов для погрузки последняя германская рота, которая, отклонив предложение о сдаче оружия, вступила в бой с советскими частями. Германцы хотя и понесли большие потери, но приостановили дальнейшее развитие успеха красных и сыграли роль арьергарда, прикрывшего отступление русских и германских тыловых учреждений и некоторых частей.

Находившийся в городе штаб Псковского добровольческого корпуса, собравший еще к 15 час. 30 мин. около 40 офицеров, решил оставить город и после долгих блужданий от проезжего моста к железнодорожному, где путь уже был отрезан, к 18 час. 26 ноября подошел к переезду между двумя этими мостами и обнаружил там германскую роту, с которой и переправился на другой берег р. Великой.

Таким образом, Псков вечером 26 ноября был оставлен всеми русскими, белыми, и германскими войсками. Части же

[1] К сожалению, никаких документов об этом восстании коммунистов в Пскове не осталось. Сведения о нем имеются только в книге П. Авалова — «В борьбе с большевизмом», стр. 89.

Красной армии окончательно заняли весь город только 27 ноября утром [1].

В Пскове сразу же приступил к работе Революционный комитет во главе с В. С. Шатовым. Принятыми мерами в городе было выловлено несколько белогвардейцев, которые, после выяснения их роли при оккупантах и Северной армии, были подвергнуты высшей мере социальной защиты; кроме этого, были задержаны такие лица, которые оказывали ту или другую помощь русским белогвардейцам [2].

На многочисленных общих собраниях рабочих и служащих фабрично-заводских предприятий города принимались резолюции с выражением приветствия красноармейским частям, освободившим Псков и способствовавшим восстановлению Советской власти во всем районе. Аналогичные резолюции принимались и деревенской беднотой.

С падением белого Пскова части Красной армии захватили громадное имущество, которое не было вывезено германскими войсками.

---

[1] Эту дату приводит в своей статье, на которую делались ссылки выше, и К. Янэль.

Фабрициус и Травинский в своем ответе на статью К. Янэль («Война и революция», кн. 12, Гос. изд., 1928 г., стр. 90) утверждают, что Псков советскими войсками был занят только 29 ноября 1918 г. Однако, в другой своей статье—«Две измены», опубликованной в т. I сб. «Гражданская война», изд. «Военный вестник», 1928 г., на стр. 249, те же авторы пишут, что Псков был взят 28 ноября.

Наконец, судя по первоисточникам, Псков был занят Южной группой 7-й армии 25 ноября в 17 час. 30 мин. (ЦВПА при ВПАТ, связка № 23, дело № 5, бюллетень информационного отделения ВБВК № 24 от 2 декабря 1918 г.).

Тут, повидимому, произошла опечатка, или при передаче в свое время телеграммы, или при переписке этих сведений на машинке, и следует читать не «25», а «26», когда действительно, к 17 час. 30 мин., некоторые части Красной армии ворвались в город, но целиком его не заняли.

Эту дату вступления красноармейских частей в Псков подтверждает еще следующая телеграмма, посланная из Пскова военным комиссаром 7-й армии: «Псков весь наш. Образовал Революционный комитет во главе с Шатовым. Части великолепны. Надеюсь на господство во всем крае. Выезжаю в Петроград с докладом 26 ноября. Военный комиссар 7-й армии *Нацаренус*» (ЦВПА при ВПАТ, связка № 42, дело № 35, л. 57). Стиль телеграммы обусловливался, естественно, тем подъемом красноармейских частей, с которым они перешли в наступление.

[2] ЦВПА при ВПАТ, связка № 23, дело № 4, бюллетень информационного отделения ВБВК, № 22 от 29 ноября 1918 г.

Специально назначенной штабом Петроградского военного округа комиссией по сбору и учету имущества, оставленного в г. Пскове и его окрестностях, к 31 декабря 1918 г. был закончен подсчет и произведено распределение этого имущества по категориям. Ружья требовали немедленного осмотра, смазки и небольшая часть — ремонта. Обмундирование было старо и к носке непригодно. Аммуниция в некоторых своих частях была признана годной к немедленному употреблению, остальное требовало разборки и починки. Повозки и походные кухни нуждались в очистке и ремонте. Инженерное имущество и материалы, за незначительным исключением, были годными для немедленного использования. Телефонное имущество, автомобили и мотоциклеты требовали основательного ремонта. Ружейные патроны подлежали немедленному использованию, снаряды и ручные гранаты — тщательному осмотру и рассортировке по степени их годности.

Представление о количестве оставленного германскими войсками имущества дают следующие, например, данные: в одном артиллерийском складе было сосредоточено, из числа оставленного германскими войсками, двенадцать 4-дюймовых орудий без прицельных приспособлений и принадлежностей; около 3 миллионов вполне годных 3-линейных русских патронов, 532.800 японских патронов, около 400.000 русских патронов без пачек и обойм, требовавших чистки и возобновления, и т. п. [1].

От Пскова части белого корпуса отступали в панике. Общая деморализованность белогвардейцев не позволила даже начальнику штаба корпуса собрать и привести в порядок отряды после переправы через реку Великую. Остальные силы белых, защищавшие Псков и отрезанные от него фланговым ударом красноармейских частей, вынуждены были в поисках переправы отходить вверх по течению реки Великой, на километров 12 от Пскова; после 4-часового «купанья» на Выбутских порогах, белогвардейские отряды взяли направление на Изборск.

Начальник штаба корпуса, ротмистр фон-Розенберг, губернатор армейского района, барон А. А. Крюденер-Струве, полковник барон Вольф и др. пешком в 1 часу на 27 ноября пришли в г. Изборск, а оттуда в 3 часа, под обстрелом местных революционных отрядов, в воинском поезде отправились в

[1] ЛАБ, АКА, фонд № 28, связка № 21, дело № 85, лл. 130 — 137.

направлении на гг. Верро — Валк — Ригу и прибыли в Валк в 17 час.

В Валке к тому времени находилось много чинов корпуса и тыловых команд, которые еще утром 26 ноября бежали из Пскова, там же находилась большая часть разведывательного отряда капитана Клевана, который 25 ноября, согласно постановления военного русско-германского совещания, был выслан навстречу советским войскам, но после этой «встречи» взял направление на Валк.

Вскоре в Ригу штабом 8-й германской армии были затребованы командующий русским корпусом и начальник штаба.

30 ноября 1918 г. прибывшему в Ригу начальнику штаба Псковского корпуса, ротмистру фон-Розенбергу, начальник штаба 8-й германской армии, подполковник генерального штаба Франтц, сделал заявление о том, что германское командование, в силу событий внутри Германии, более не заинтересовано судьбой Псковского добровольческого корпуса и отказывается от дальнейшей его официальной поддержки, но не исключает возможности оказания частичного содействия русским белогвардейцам.

В беседе с германскими офицерами у заведывающего политическим отделом штаба 8-й германской армии, майора фон-Трескова, ротмистр фон-Розенберг узнал, что эстонское правительство выразило согласие принять корпус на свою службу, а латышское правительство стоит на противоположной точке зрения, в силу чего отступление корпуса на Ригу, а затем на Митаву—Либаву, невозможно. После этих разговоров при штабе 8-й германской армии было организовано ликвидационное отделение по делам отдельного Псковского добровольческого корпуса, во главе которого стал майор фон-Клейст.

1 декабря 1918 г. в Ригу прибыл командующий корпусом, полковник Г. Г. фон-Неф [1], который принципиально согласился перейти с корпусом на службу к Эстонии.

---

[1] Последний удачно для себя вышел из тяжелого положения при обороне Пскова, когда во время его поездки из мест. Кресты в Псков по пути был убит шофер машины и тяжело ранен сопровождавший командующего корпусом один подполковник инженерных войск. Оставшийся в живых, из бывших на машине, один полковник фон-Неф с большим трудом присоединился к отступавшим частям корпуса.

К этому времени части Псковского корпуса, после оставления Пскова, сосредоточились в следующих районах: 1-й Псковский добровольческий полк, 2-й Островский полк, 3-й Режицкий полк и партизанский отряд полковника Бибикова — в районе гор. Верро; особый конный отряд Булак-Балаховича и отряд внешней охраны г. Пскова капитана Мякоша — между гор. Верро и Печорами; отряд Талабских островов под командой поручика Пермыкина, высадившись в районе гор. Юрьева с судов Чудской озерной флотилии, шел на присоединение к ротмистру Булак-Балаховичу; Волынский добровольческий полк и различные другие команды под общим командованием подполковника Ветренко—в районе гор. Верро; партизанский отряд полковника Афанасьева отступал на Крейцбург; части штаба, тыловые команды и разведывательный отряд капитана Клевана — в гор. Риге и Валке [1].

Перед своим отъездом в Ревель для переговоров с эстонским правительством полковник фон-Неф отдал распоряжение о дальнейшем продвижении частей корпуса в район г. Валка, откуда эти части можно было бы направить и в Эстонию и в Латвию.

Одновременно с этим Южная группа 7-й армии, согласно директивы главкома, должна была в кратчайший срок занять район в пределах разграничительных линий с севера: Ней-Рапен, Юрьев, Феллин, Пернов; с юга: Остров, Пыталово, Альтшваненбург, Штоксмангоф, Фридрихштадт, Огер и Рига.

Согласно этой директивы части Южной группы 7-й армии были разделены на три колонны, из которых первая — правая — должна была овладеть им нием Ней-Рапен, гг. Юрьев, Феллин и Пернов; вторая — средняя — Печоры, Верро, Валк, Вольмар, Венден, Рига; третья — левая — г. Остров, Пыталово, Альтшваненберг, Штоксмангоф, Фридрихштадт, Огер, Рига [2].

При своем продвижении вперед красноармейские части местами преодолевали сильное сопротивление противника, но, несмотря на это, быстро продвигались по основному операционному направлению на Ригу.

Со стороны германских офицеров и солдат были попытки войти в соглашение с советским командованием на предмет

---

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 93.

[2] «Война и революция», кн. 12, Гос. изд., 1928 г., стр. 88, 89.

приостановления наступления частей Красной армии. Первая попытка была сделана германскими офицерами после того, как 49-й стрелковый полк с боем занял имение барона фон-Вольфа—Ней-Рапен; германская офицерская делегация прибыла для переговоров в штаб 6-го Латышского стрелкового полка в имение Нейгаузен и, со своей стороны, предложила дать германским войскам двухнедельный срок для полной эвакуации г. Верро и вывоза всего награбленного имущества. Во время этих переговоров прибыла другая германская делегация, выбранная солдатами, которая согласилась передать г. Верро советским войскам по истечении 24 часов.

В дальнейшем, никаких переговоров советское командование не вело и развивало свой успех в направлении на Ригу. В этих чрезвычайно сложных и серьезных условиях борьбы в Прибалтике советскому командованию приходилось одновременно принимать героические усилия к тому, чтобы поддерживать революционную дисциплину в красноармейских частях.

Считаясь с положением на фронте и исходя из своей германофильской ориентации, начальник штаба Псковского добровольческого корпуса ротмистр фон-Розенберг принимал все меры к тому, чтобы части корпуса двигались дальше на Ригу. В частных беседах германские офицеры также высказывались за отход русских белогвардейцев на Ригу. Вскоре стало известно мнение по этому вопросу и генерала графа Келлера, который лучшим районом для сосредоточения частей Псковского добровольческого корпуса Северной армии считал также район Митавы—Либавы.

Однако, высшее германское военное командование, в силу каких-то не вполне ясных соображений, не принимало со своей стороны реальных шагов к тому, чтобы Псковский корпус действительно отступал на Ригу. Возможно, что в то время, т. е. в первой половине декабря 1918 г., основным желанием германского военного командования было использовать русские белогвардейские части в качестве арьергарда для прикрытия и лучшего обеспечения отхода германских войск. Официальный мотив командования 8-й германской армии, изложенный ротмистру фон-Розенбергу в Риге и сводившийся к тому, что германское правительство категорически запретило поддерживать в дальнейшем вооруженную силу русских белогвардейцев, не мог иметь решающего значения. Дальнейшая история сотрудниче-

ства германской военщины с русскими белогвардейцами в Прибалтике в 1919 г. была прямым следствием остававшегося в силе такого же официального запрещения германского правительства, которое, одновременно с этим, принимало меры к тому, чтобы морально, а, возможно, и материально обеспечить длительность такого союза русских контр-революционных сил и германских войск в Прибалтике.

Отсутствие нажима со стороны германского высшего командования в отношении дальнейших действий Псковского корпуса мало способствовало всем начинаниям начальника штаба корпуса, фон-Розенберга. В разговорах с последним германские офицеры выражали скорее чувство соболезнования всем русским белогвардейцам из Псковского корпуса, чем деловые мысли, которые помогли бы фон-Розенбергу выйти из тяжелого положения.

Это же обстоятельство усилило другое течение в стане Псковского корпуса, которое со всей определенностью и законченностью стало ориентироваться на Антанту. Выехавший в г. Ревель командующий корпусом, полковник фон-Неф, развил усиленную деятельность для конкретного практического оформления антантовской ориентации корпуса. Своей работой полковник фон-Неф достиг определенных результатов и уже 6 декабря 1918 г. от имени Псковского корпуса, переименованного в Северный, заключил следующий договор с Эстонией.

«Договор между Северным корпусом и эстонским правительством.

1. Основой взаимоотношений Северной армии с эстонским правительством являются общие действия, направленные к борьбе с большевизмом и анархией, при чем, главным направлением действий армии является Псковская область.

2. Северная армия гарантирует во время своего нахождения в пределах Эстонии полное свое невмешательство во внутренние дела последней.

3. Во время общих боевых действий в пределах Эстонии Северная армия подчиняется эстонскому главнокомандованию.

4. Во время нахождения своего в пределах Эстонии для совместных боевых действий, Северная армия получает от эстонского правительства полностью ее обеспечивающее денежное довольствие, обмундирование, вооружение, снаряжение и обоз с запряжкой и продовольствием натурой по выработанным раскладкам. Денежное довольствие, получаемое Северной армией от эстонского правительства, засчитывается, как долг организующегося правительства России.

5. Первые три недели со времени расположения частей Северной армии в предоставленном ей районе Эстонии и со времени получения от

эстонского правительства всех средств, указанных в п. 4, предоставляются Северной армии исключительно на организационную работу, необходимую после тяжелого отступления.

6. Эстонское военное министерство и штаб корпуса Северной армии взаимно командируют представителей для освещения положения и работ.

7. Северной армии оставляется право комплектоваться лицами, не принадлежащими Эстонии.

До прибытия союзников армия не должна превышать численности свыше 3.500 человек.

8. При штабе Северной армии будет находиться представитель от интендантства Эстонии, которому предоставляется право контроля по расходованию выданных для Северной армии денег, продовольствия и всех предметов снабжения.

6-го декабря 1918 года.

Подлинный подписали: командующий Северной армией полк. фон-Неф. За военного министра временного правительства Эстонии, товарищ военного министра Т. Юринэ» [1].

Затем, через несколько дней после заключения договора, начальнику штаба корпуса, находившемуся в Риге, стало известно, что полковник фон-Неф, якобы, выражает недовольство по поводу заключенного договора и просит начальника штаба вести переговоры с представителями латышского правительства, исходя из тех соображений, что сосредоточенные севернее г. Валка, в районе мест. Ермес, главные силы корпуса под командованием полковника Бибикова должны отступать в дальнейшем на Ригу и далее в Курляндию. С другой стороны, непосредственно от самого полковника фон-Неф был получен приказ, по которому начальник штаба корпуса должен был сформировать новый штаб с размещением его в мест. Ермес, а сам—отбыть в Ревель.

При переговорах с представителями германского командования в Либаве ротмистр фон-Розенберг получил заверение о том, что никаких препятствий к отходу Псковского корпуса в район Митавы германские власти чинить не будут. Положительный результат был достигнут ротмистром фон-Розенбергом и в беседе с представителем латышского правительства в Либаве неким Берзиным, который согласился оказать всяческое содействие при размещении корпуса в Митаве, Альтауце и Либаве и взять русских белогвардейцев на довольствие. Однако, латышский представитель считал необходимым для начальника штаба корпуса

---

[1] «Архив гражданской войны», т. I, Берлин, стр. 145; П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 508.

предварительно поговорить по этим вопросам с представителями Англии и обещал устроить это свидание.

16 декабря 1818 г. делегация от корпуса в составе начальника штаба корпуса ротмистра фон-Розенберга, полковника А. П. Родзянко, ротмистра Гоштовта и ротмистра князя А. Н. Ливена была принята английским адмиралом Синклером на крейсере «Кардиф» в гор. Риге. Соглашаясь формально с доводами членов делегации, что наилучшим районом сосредоточения частей белогвардейского корпуса является район Митава — Альтауц, адмирал Синклер отказался дать какие-либо исчерпывающие указания и обещал снестись со своим правительством. Зато присутствовавший на приеме английский консул в Риге был менее дипломатичным и прямо заявил:

«Мы не можем иметь доверия и оказывать помощь организации, которая находилась под покровительством наших врагов, а потому предпочитаем предоставить это право правительствам новых государств [имелись в виду правительства Эстонии, Латвии] при условиях, что они возьмут в данном случае и всю ответственность за последствия на себя» [1].

На резкий вопрос Розенберга, какой политики придерживается английское правительство — политики расчленения или политики воссоздания великой России, прямого ответа не последовало. Переговоры закончились заверением адмирала Синклера в том, что все возможное им будет сделано. В результате неудавшейся попытки договориться с англичанами начальником штаба корпуса фон-Розенбергом были предприняты шаги для отправки частей корпуса на Ригу, Митаву и Либаву.

18 декабря 1918 г. ротмистр фон-Розенберг обратился со специальным заявлением к командующему армией полковнику фон-Неф, где говорил о необходимости немедленного перехода Псковского корпуса в район Митавы—Либавы. Свою точку зрения ротмистр мотивировал следующими основными соображениями: 1) движение советских войск в направлении Крейцбург—Рига и Альтшваненбург — Рамоцкое создает мало пригодную обстановку для дальнейших формирований Северной армии и грозит запереть корпус в районе Ревель — Валк — Юрьев; 2) непрочное положение эстонского и латышского правительств,

---

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 108.

Взятое в прямые скобки, как здесь, так и на протяжении всей книги, принадлежит нам.

вследствие того, что население Эстонии и Латвии определенно тяготеет к большевизму и что каждый местный житель является вооруженным врагом для корпуса; 3) несостоятельность эстонского правительства в отношении данных им обещаний по снабжению корпуса вооружением, снаряжением, обмундированием и продовольствием.

За движение корпуса в район Либавы — Митавы ротмистр фон-Розенберг выставлял следующие соображения: 1) согласие латышского правительства пропустить части корпуса через свою территорию и оказать им при этом посильную помощь; 2) согласие местного латышского самоуправления в Курляндии предоставить корпусу помещение и продовольствие без всяких предварительных договоров; 3) согласие на такой переход корпуса со стороны германского командования в Либаве; 4) за влияние английского адмирала Синклера о том, что Либава является главной базой английского флота и что она будет защищаться от советских войск англичанами; 5) наличие многочисленных путей для отступления и свобода маневрирования; 6) возможность отступления в Литву; 7) широкие перспективы на дипломатическом и политическом поприщах; 8) неограниченность численности корпуса и т. д.

На основании всего этого начальник штаба корпуса фон-Розенберг предлагал командующему корпусом фон-Неф порвать договор с эстонским правительством ссылкой на неисполнение Эстонией пункта договора о снабжении корпуса всем необходимым. В виде компенсации за уже оказанную корпусу помощь, ротмистр фон-Розенберг предлагал официально передать Эстонии те три вооруженных парохода Чудской озерной флотилии, которые были уведены в свое время начальником флотилии капитаном 2-го ранга Д. Д. Нелидовым и которые к 18 декабря находились в г. Юрьеве [1].

Однако, переброске Псковского корпуса в район Митавы и Либавы воспротивилась большая часть контр-революционного офицерства, и 24 декабря стало известно, что приказом по корпусу еще от 10 декабря лидер оппозиции — начальник штаба корпуса ротмистр фон-Розенберг назначался для поручений при штабе с одновременным приказом о немедленном отбытии

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 109, 110.

в Гельсингфорс для связи с финским генералом Карлом Маннергеймом. Начальником штаба корпуса был назначен полковник фон-Вааль.

Положение Псковского добровольческого корпуса к тому времени, примерно — в 20-х числах декабря 1918 г., было таково, что некоторые его части из района г. Верро передвинулись в район г. Валка. Разбившись на три группы, Псковский корпус располагался в следующем порядке: первая группа в составе отряда Булак-Балаховича, отряда внешней охраны г. Пскова, батальона Талабских островов и Волынского стрелкового добровольческого полка, под общим командованием подполковника Ветренко, находилась в районе города Верро и выполняла задачу арьергарда; вторая группа, в составе 1-го Псковского, 2-го Островского и 3-го Режицкого стрелковых добровольческих полков, батарей артиллерии и партизанского отряда полковника Бибикова, под общей командой последнего, представляла из себя главные силы корпуса и, перейдя в район г. Валка, расположилась в мест. Ермес; третья группа, в составе партизанского отряда полковника Афанасьева, попрежнему продолжала свое отступление на Крейцбург—Ригу [1].

В последующие дни частям корпуса был дан приказ принять участие совместно с эстонскими войсками в борьбе за город Юрьев, который был взят Красной армией. Главные силы корпуса вынуждены были также вести упорную борьбу с советскими войсками в районе мест. Руен. Таким образом, около 25 декабря 1918 г. совершился фактический переход Псковского корпуса Северной армии на службу к Эстонии, который обусловливался заключенным 6 декабря между полковником Г. Г. фон-Неф и представителем эстонского правительства договором [2].

---

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 100.

[2] Н. Какурин во 2-м томе своего труда «Как сражалась революция», на стр. 102, переход Псковского корпуса на эстонскую территорию обусловливает исключительно стратегическими соображениями, вследствие того, что «красные части оказались ближе на прямых путях к Риге, чем отходившие части белой Северной армии».

То же пишет и К. Яндль в статье «От Пскова до Виндавы и обратно (1918—1919 г.)», помещенной в журнале «Война и революция», книга 2-я, февраль 1928 г., стр. 78.

В связи с этим необходимо еще раз оговорить, что Псковский добровольческий корпус Северной армии за время с 26 ноября по 20-е числа

Буржуазная Эстония, нуждавшаяся в своей собственной вооруженной силе, была реально заинтересована в приобретении даже незначительной по количеству, но достаточно спаянной общностью ближайших, по крайней мере, интересов — боевой единицы. Подобное желание Эстонии быстро могло быть реализовано, так как Псковский белогвардейский корпус, пользуясь неправильным выбором советским командованием направления главного удара Красной армии после занятия ею г. Пскова, смог сохранить себя в качестве более или менее боеспособного армейского организма.

Таким образом, под ударами Красной армии в ходе ее наступления на Ригу силы русского добровольческого корпуса разбились на две части, одна из которых, основная, отступала на эстонскую территорию, на гор. Юрьев, другая же, в составе остальных деморализованных частей добровольческого корпуса, взяла направление на Ригу, Митаву, Либаву.

Рассчитывая на поддержку «всесильной» Антанты, представители белогвардейского корпуса, отошедшего на территорию Эстонии, не задумывались ни над чем и с привычной легкостью наемных убийц переметнулись на сторону стран-победительниц в мировой войне. Командовавший Северным корпусом полковник Г. Г. фон-Неф отклонил все предложения части русского офицерства, ориентировавшегося на немцев (в частности — и организатора корпуса ротмистра фон-Розенберга), о немедленной отправке корпуса в район Митавы — Либавы и сам вел переговоры, как с представителями эстонского, так и английского правительств.

В этом, далеко не случайном, раздвоении добровольческого Псковского корпуса белых сказалось расхождение в ориентациях

декабря 1918 г. имел полную возможность отступать не только на территорию Эстонии, но и на территорию Латвии. Причины выжидательного поведения руководителей корпуса кроются отнюдь не в том, что путь отступления на Ригу, Митаву и Либаву был отрезан, а в их политической игре, закончившейся 6 декабря формальным соглашением с эстонским правительством о переходе корпуса на службу к Эстонии.

Надежда на получение помощи от Антанты заставила большую часть корпуса переменить свою германофильскую ориентацию и принять вытекающие отсюда практические шаги, которые только после 20 декабря 1918 г. явились к тому же и единственно-возможными, вследствие успешного продвижения советских войск на Ригу и занятия ими Зегевольда и Хинценберга.

двух групп русского офицерства. Части, отошедшие в Эстонию придерживались антантовской ориентации и послужили в дальнейшем основой для развертывания Северо-западной армии, имевшей объектом своих действий гор. Петроград. Отряды русских белогвардейцев, отступившие совместно с немецкой армией на территорию Латвии, придерживались германской ориентации, в силу которой действия их в дальнейшем ходе событий имели своей целью ликвидацию прибалтийских лимитрофов и включение Прибалтики в сферу влияний германского империализма.

С переходом Псковского добровольческого корпуса на службу к Эстонии окончательно закончился период совместной деятельности русских белогвардейцев из корпуса с германским командованием. Вскоре Псковский добровольческий корпус Северной армии был переименован в Северный корпус и к командованию таковым эстонский главнокомандующий генерал И. Я. Лайдонер пытался привлечь находившегося в Финляндии русского генерала Е. А. Арсеньева, а временно командующим корпусом назначил полковника К. К. Дзерожинского. Последний, вследствие обнаружившихся вскоре серьезных разногласий в политических взглядах между генералом Арсеньевым и эстонским правительством, вплоть до конца мая 1919 г. находился на посту фактического командующего Северным корпусом и должен был проводить в жизнь все директивы эстонского главнокомандующего.

Общая стратегическая обстановка на Западном фронте в начале 1919 г. принимала такой характер, который с каждым днем влиял на успешность дальнейшего наступления Красной армии. Сложный переплет империалистических противоречий в Прибалтике, усугубляемый еще национально-шовинистическими моментами, в своих конкретных проявлениях выразившийся в наличии на территории Прибалтики вооруженных сил с различными устремлениями, не способствовал расширению сферы влияния Октябрьской революции.

С другой стороны, активные задачи, поставленные главнокомандующим всеми вооруженными силами Советской республики Северному и Западному фронтам, не были подкреплены соответствующей по силе группировкой советских войск. Одновременное преследование двух серьезных задач по овладению гг. Ревелем и Ригой с вытекающим отсюда направлением удара двух групп 7-й армии не увенчалось предполагаемым успехом. Северная

группа 7-й армии—6-я стрелковая дивизия, имевшая успех в начале своего наступления и достигнувшая рубежа реки Ягговаль, выдохлась в своем наступательном марше и, не имея подкреплений, вынуждена была начать отступление. Эстонские войска, перешедшие 6 января 1919 г. в наступление в направлении жел.-дор. станции Тапс—гор. Нарва и поддержанные рядом удачных десантных операций бело-эстонцев и бело-финнов с моря, к 19 января отбросили Северную группу 7-й армии за р. Нарову.

Южная группа 7-й армии — 2-я Новгородская дивизия, овладевшая в декабре 1918 г. районом гг. Валка, Н. Руена и Юрьева, несмотря на усиление ее частями 10-й стрелковой дивизии, встретив сопротивление противника, также вынуждена была отступать. Эстонские войска, перешедшие 18 января 1919 г. в наступление и на южных направлениях — на Валк, Верро и Печоры — Псков и, не встречая сильного сопротивления, занявшие 31 января г. Валк и 1 февраля г. Верро, заставили Южную группу 7-й армии отступать вплоть до линии реки Пимжа.

Эти успехи противника не могли не сказаться, в свою очередь, на положении Красной латышской армии, которая была образована из латышских частей Красной армии и которая, после захвата 5 января 1919 г. власти в г. Риге революционным пролетариатом, в половине января вышла на фронт гг. Туккум, Митава, Бауск, Поневеж, а к началу марта 1919 г. продвинулась еще дальше по линии гг. Виндава, Гольдинген, Шруден, Тельши [1].

Потеря важной для Красной латышской армии исправной жел.-дор. линии Рига — Валк — Псков (жел. дор. путь Двинск—Рига не был к тому времени исправлен) ставила фланг и тыл ее под угрозу нападения бело-эстонцев и требовала рассредоточения сил и раздвоения внимания. Красная латышская армия вынуждена была бороться на два фронта — против бело-латышей и против бело-эстонцев, вследствие чего эстонский участок фронта армии был растянут тонким кордоном на 180 километров от г. Мариенбурга до г. Вольмара.

Однако, стратегические последствия неудачи Северной и Южной групп 7-й армии на эстонской территории не сказались

---

[1] Н. Какурин — «Как сражалась революция», т. 2, Гос. изд., 1928 г., стр. 105, 108.

сразу на общем положении красного фронта в Латвии; непосредственным результатом этих неудач было только то, что Красная латышская армия должна была принять своевременно меры для обеспечения себя со стороны Эстонии. Такое положение Красной латышской армии значительно усугублялось переходом в марте 1919 г. бело-латышских и германских войск в наступление, в результате которого противник захватил г. Туккум, затем 18 марта г. Митаву и вскоре после этого — гг. Бауск и Поневеж.

Таковы были результаты начавшегося в конце 1918 г. общего наступления Красной армии на Прибалтийском театре.

Одновременно с этими событиями, русские белогвардейцы, отступившие на территорию Эстонии и подчинившиеся эстонскому главнокомандующему, принимали участие совместно с эстонскими войсками в борьбе с Красной армией. Самостоятельные же действия русских белогвардейцев, всегда получавшие санкцию эстонского командования, носили характер мелких, но чувствительных уколов, наносимых советским частям. Партизанские набеги на Советскую территорию тщательно подготавливались и проводились, в общем, с успехом, внося замешательство в красноармейские части и нервируя их командный состав. Таким действиям русских белогвардейцев способствовало расположение их сил на территории Эстонии.

В январе 1919 г. Северный корпус был разбит на две части, одна из которых находилась на нарвском направлении, другая — на псковском. На первом, нарвском направлении действовали: партизанский отряд поручика Данилова и конный отряд полковника Бибикова, а затем туда прибыл еще один отряд под командой подполковника Баденыка; на втором, псковском направлении были: партизанский отряд подполковника Булак-Балаховича, который действовал на побережье Чудского озера, в районе между деревнею Мехикорм и островом Перрисар, и Талабский отряд, расположенный на этом острове.

В конце января 1919 г. в Северный корпус прибыл на службу генерал А. П. Родзянко [1], который в конце февраля получил в командование южную группу Северного корпуса.

[1] В старой армии А. П. Родзянко был в чине полковника; во время германской оккупации жил в своем большом имении в районе Риги. Узнав о том, что в Пскове формируется Северная армия, полковник Родзянко прибыл к командующему Псковским добровольческим корпусом генералу

Получив это назначение, Родзянко явился в г. Юрьев к начальнику 2-й эстонской дивизии полковнику Пускар, а также к финскому генералу, которому были подчинены в оперативном отношении все части, действовавшие на южном эстонском фронте. Переговорив с эстонским и финским командованием о положении фронта и о группе Северного корпуса, Родзянко фактически вступил в командование этой группой и организовал оперативный штаб группы в деревне Разин. Первыми шагами генерала Родзянко была всемерная активизация частей группы. Вскоре был разработан план набега на красноармейские части, в котором должны были принять участие отряд Булак-Балаховича и недавно прибывший отряд полковника Ветренко (навербованный в лагерях Эстонии из военнопленных красноармейцев), при поддержке батареи капитана Смирнова. Согласно разработанного плана набега, отряд полковника Ветренко из дер. Мехикорм должен был занять ряд деревень по другую сторону пролива между Чудским и Псковским озерами, отряд подполковника Булак-Балаховича должен был с острова Перрисар зайти в тыл красных, выслав заслон для обеспечения левого фланга отряда Ветренко. Но операция успеха не имела, вследствие невыполнения приказа со стороны Булак-Балаховича. Отряд полковника Ветренко переправился на восточный берег пролива и имел в начале некоторый успех, но, затем, под сильным давлением красноармейских частей вынужден был начать поспешное отступление, потеряв убитыми и ранеными около 50 человек.

После неудачи этого набега Родзянко произвел реорганизацию своей группы, упразднив штаб подполковника Булак-Балаховича и переименовав Талабский отряд в Талабский полк, отряд полковника Ветренко — в 53-й Волынский полк (вследствие

А. Е. Вандаму с целью непосредственно ознакомиться с ходом формирования и требовал производства его в генерал-майоры и назначения на видную должность. Договориться Родзянке с Вандамом не удалось и он уехал из Пскова. Когда же в командование корпусом вступил полковник Г. Г. фон-Неф, Родзянко вновь прибыл в Псков и в беседе с фон-Нефом получил согласие последнего на производство его, Родзянко, в генерал-майоры. Однако, приказа по корпусу о таком производстве не последовало, но несмотря на это, Родзянко считал себя генерал-майором и вскоре выехал в Ригу для вступления в командование имевшимися там стрелковыми батальонами (русский, латышский и прибалтийский). В Риге Родзянко находился до начала 1919 г., а, затем, в конце января 1919 г. из Либавы приехал в Ревель для службы в рядах Северного корпуса.

того, что ядром его были остатки 53-го пехотного Волынского полка, прибывшего с подполковником Ветренко из Киева в Псков в ноябре 1918 г.), конный отряд в конный полк имени Булак-Балаховича и батарею капитана Смирнова — в конную батарею [1]. Все эти части составили 2-ю бригаду Северного корпуса, коман иром которой был генерал-майор Родзянко, а начальником штаба — поручик Видякин. Части этой бригады в марте 1919 г. располагались вдоль Чудского озера, правый фланг бригады соприкасался с эстонскими войсками у дер. Раппин, левый фланг занимал остров Перрисар. Бригада несла разведывательную службу, крепко держала остров Перрисар, откуда белогвардейцы имели возможность производить набеги на советскую сторону, а затем, в связи с положением на эстонском участке фронта — принимала активное участие в боях с частями Красной армии.

Русские белогвардейские части, расположенные в нарвском направлении составили 1-ю бригаду Северного корпуса, которая к концу апреля 1919 г. имела Островский и Ревельский полки, партизанский отряд поручика Данилова, конный отряд полковника Бибикова и офицерскую роту под командой подполковника Алексеева. Части бригады в апреле 1919 г., переправившись на восточный берег р. Наровы, овладели районом селений Усть-Жердянка, Криуши, Омут, Кондуши, Б. Переволока и Скамья [2]. Общее командование 1-й бригадой принадлежало полковнику Георгу, который все свои действия согласовывал со штабом 1-й Эстонской дивизии.

Северная, нарвская, группа корпуса также проявляла боевую активность.

Так, 7 февраля партизанской сотней 2-го Островского полка Северного корпуса белых был предпринят набег на хутора: «Старая Русса», «Крабасконда», «Лавиконда», «Новгород» и «Кукк». Для содействия русским белогвардейцам была привлечена также эстонская рота, которая получила задание выбить красных из имения Темницы, но, в силу каких-то невыяснен-

---

[1] А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», Берлин, 1921 г., стр. 17 — 22.

[2] Там же, стр. 33.

В своей книге Родзянко вообще не приводит точных дат состояния частей корпуса и это несколько затрудняет последовательное изложение событий из жизни и боевой деятельности Северного корпуса.

ных причин, задачи этой не выполнила. В общем, этот набег был успешным для русских белых и они стали производить их чаще.

10 февраля 1919 г. был выработан план набега на деревню Поля, но успеха этот план не имел, по причине подхода к району предполагаемых действий красного бронепоезда. Участвовавшие в набеге 300 сабель эстонского конного полка и 75 штыков при 2 пулеметах «Максима» из партизанской белогвардейской сотни, были встречены артиллерийским огнем красных и вынуждены были отказаться от намеченного плана и отступить.

Желая все же нанести ущерб советским частям, русские белогвардейцы принимали ряд мер для обеспечения успеха своих действий. Первый вопрос, который мог возникнуть, был вопрос о пополнении своих рядов, о мобилизации. С этой целью командовавший партизанской сотней 2-го Островского полка, поручик Данилов, на свой риск и страх объявил мобилизацию в принаровских русских деревнях: Криуши, Пустой конец, Долгияново, Усть-Жердянка, Большая Жердянка и Косари. Приказ был составлен весьма просто: «Всем русским людям указанных деревень от 19 до 40 лет явиться к командиру Данилову, в деревню Черную». Когда крестьяне собрались в деревне Черной и на предложение белогвардейца поручика Данилова ответили отказом, тогда последний решил издать более обстоятельный и обоснованный приказ:

«На основании приказа главнокомандующего эстонской армией и входящих в нее русских частей, приказываю всем русским гражданам занятых белыми войсками деревень явиться в деревню Черную, в штаб командира русской части Данилова, в военно-призывную комиссию, для призыва в ряды русской армии. За неисполнение сего, виновные караются по законам военного времени эстонской армии» [1].

Ссылка на приказ эстонского главнокомандующего генерала И. Я. Лайдонера была сделана исключительно для того, чтобы не было неповинующихся и уклоняющихся от мобилизации. Возражений и протестов по поводу злоупотребления именем Эстонии со стороны представителей ближайшего к фронту эстонского командования не было формально потому, что там не знали, относится ли изданный приказ генерала Лайдонера

---

[1] «Белое дело», том 2, Берлин, 1927 г., февраль, статья Л. Ф. Зурова — «Даниловы».

к русским областям, а фактически — потому, что и русских и эстонских белогвардейцев объединяло пока единственное желание подальше оттеснить части Красной армии.

Несмотря все же на второй строгий приказ, мобилизовать белым удалось только 40 человек, которые сразу же стали проходить курс военного обучения.

С первых чисел марта опять начинаются отдельные налеты русских белогвардейцев. 7 марта отряд силою в 140 чел. при 11 офицерах, с согласия командира батальона 4-го эстонского полка, переправился через реку Нарову у впадения в нее реки Черной и взял направление на имение Темницы. Захватив по дороге красноармейцев-телефонистов, выехавших для исправления линии, белые узнали о расположении советских частей, их вооружении и пропуск. Неожиданным для 50-го стрелкового советского полка налетом белогвардейцы сумели занять имение Темницы, захватить 4 орудия, 14.000 патронов, 360 снарядов, 2 пулемета «Максима», 154 винтовки, 55 лошадей, 206 пленных и пр. Из общего числа захваченных пленных при белогвардейском отряде было оставлено 86 чел., 2 политработника были расстреляны, остальных же, не пожелавших служить у белых, отправили в лагерь военнопленных Пяскуль [1].

Другой набег был произведен в ночь с 15 на 16 марта отрядом С. Булак-Балаховича (2-я бригада корпуса) силою около 300 штыков и 100 сабель при пулеметах на базу Чудской озерной флотилии — Раскопель. Воспользовавшись отсутствием должного охранения со стороны отряда флотилии, белые окружили базу Раскопель и подошли вплотную к постройкам базы. Команда базы, насчитывавшая около 30 человек и имевшая к тому же значительный процент больных, не имела возможности сопротивляться, так как доступ к пароходам и пулеметам был отрезан. В результате набега белыми было захвачено 9 чел. пленных, 4 пулемета, 2 замка от 75 мм. орудий, 3 автомобиля, 63.000 рублей казенных сумм и пр. Была разрушена радиостанция, некоторые ее части были увезены. Пароходы и мастерские были оставлены в исправности, за исключением механического отделения, откуда были увезены приводные ремни и часть инструментов. Все захваченное имущество было погружено на

---

[1] «Белое дело», т. 2, Берлин, 1927 г., статья Л. Ф. Зурова — «Даниловы».

100 подводах, $^3/_4$ из которых были собраны в окрестных деревнях [1].

В связи с частыми набегами русских белогвардейцев на советскую сторону, уездный комитет Гдовской организации РКП(б) 25 марта 1919 г. обратился со специальным письмом в Северный областной комитет РКП(б), в котором указывалось на недостаточное внимание центра к Гдовскому уезду.

Товарищи писали, что критическое положение уезда заставило партийную организацию принять самые решительные меры по обороне района от набегов балаховцев, но реальных результатов эти мероприятия не давали, так как незначительная группа партийцев в 50 чел. не в силах была держать фронт протяжением до 60 километров. Кроме этого, работа в самом Гдове проходила в условиях полной неосведомленности о том, что делается на фронте; начальники боевых участков не ставили своевременно в известность Гдовский уездный военный комиссариат обо всем происходившем на их участках. Прекратилась также передача оперативных сводок.

Красноармейские части, расположенные в уезде, не являлись вполне надежной силой, только на часть их могла опереться местная партийная организация. В письме отмечалось, что пользуясь трудным положением уезда и открытым фронтом, белогвардейские агенты спокойно разъезжали по уезду, вели свою контр-революционную работу, взрывали мосты и т. п. Так, например, был взорван железнодорожный мост у ст. Замогилье по жел.-дор. линии Псков — Нарва, после чего балаховцы произвели свой набег на базу Чудской озерной флотилии—Раскопель. Захваченное и испорченное белогвардейцами имущество на базе Раскопель расценивалось в миллионах рублей. Имея сведения о том, что этот набег прошел не без участия военного комиссара

---

[1] «Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах», т. 2-й, часть 2-я—«Озерные и речные флотилии (Север и Северо-запад)», Ред.-изд. отдел морских сил РККФ, Л., 1926 г., стр. 141, 142.

«Военный вестник», № 10, 10 марта 1928 г., статья А. Лютова — «Налет Балаховича на базу Раскопель» (записано по материалам следственной комиссии).

А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», стр. 23. Родзянко пишет, что он приказал составить подробную опись на всю добычу, захваченную Балаховичем, однако, в опись «попала едва ли одна четвертая ее часть», так как остальное разобрали партизаны.

Раскопельской базы, Гдовская организация все же не решилась арестовать его. «Комиссар базы продает, а кто виноват в том, что комиссар базы продает», — так писали товарищи в своем письме на имя СОК РКП(б).

В своем заключении Гдовский партийный комитет просил «глубже вдуматься в положение вещей и обратить должное внимание на гор. Гдов». Однако, со своей стороны, руководители Гдовской партийной организации, в порыве отчаяния, решили итти по линии наименьшего сопротивления и указывали в письме, что если СОК РКП(б) не примет соответствующих мер, то они сложат с себя ответственность за состояние уезда и в решительный момент оставят его [1].

Вскоре после этого набега, в связи с наступлением советских войск на эстонском участке, Родзянко решил оказать содействие эстонцам и, действуя во фланг красноармейских частей, очистить от них западный берег Псковского озера. Эта задача возлагалась на первую колонну бригады, под командованием полковника Ветренко. Вторая колонна, под командой капитана Смолина, должна была переправиться на восточный берег Чудского озера и занять дер. Подборовье. Третья колонна состояла из отряда добровольцев в 300 чел. под командой С. Н. Булак-Балаховича и должна была захватить г. Гдов. Действия первой и третьей колонн были удачны, так как первая вскоре достигла реки Пимжи и, переправившись через нее, остановилась на расстоянии 18 километров от Пскова; третья колонна, Булак-Балаховича опоздавшая с выступлением на два дня, 5 апреля внезапным набегом овладела г. Гдовом и после кратковременного там пребывания вернулась обратно. Колонна капитана Смолина задачи не выполнила, так как от нее сбежал тот проводник, который должен был провести белогвардейцев к дер. Подборовье [2].

О налете Балаховича на гор. Гдов и о временном падении Гдова была послана 6 апреля 1919 г. в 9 час. 30 мин. в Петроградский губернский комитет РКП(б) следующая телеграмма:

«Гдовский комитет партии сообщает, что 5 апреля утром совершен набег белогвардейских банд на Гдов. Нам пришлось отступить. Резервный полк частью разбежался, частью перешел на сторону белых. Войск

---

[1] АЛОИ, связка № 5, папка № 10.

[2] А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», стр. 25, 26.

в городе не было до 17 часов. Гдов незначительным отрядом коммунистов и красноармейцев был взят обратно. Белые преследуются этим незначительным отрядом. В городе есть убитые и повешенные коммунисты. Весь партийный комитет разграблен, кроме того разграблено положительно все военное имущество и продовольствие. Все увезено. Казначейство разграблено. Посодействуйте нам. Ждем ваших указаний. Секретарь комитета *С. Соколов*» [1].

Эти мартовские успехи белых партизан создавали Северному корпусу боевую репутацию и усилили его захваченными у красных техническими средствами. Эстонская буржуазия получила возможность, без особого для себя риска, выпустить Северный корпус на советскую территорию. К тому же, этому моменту начала самостоятельных боевых действий Северного корпуса всемерно содействовали лидеры русской буржуазии, нашедшие временное для себя убежище в Эстонии и Финляндии. Исходя из характера гражданской войны, одна часть руководителей белого движения на Северо-западном фронте считала наиболее целесообразным и отвечающим всей военно-политической ситуации в России, немедленное и форсированное движение на Петроград. Бывший впоследствии министром без портфеля Северо-западного правительства, петроградский присяжный поверенный Н. Н. Иванов так пишет по этому поводу:

«Я требовал молниеносного натиска вплоть до самого Петрограда, и занятия Петрограда, полагая, что тот ведет за собой события, кто наступает, что Петроград немедленно вспыхнет широким восстанием, что на силы нам рассчитывать не приходится, и что остановка на пути будет катастрофой» [2].

Относительно общего политического положения в Эстонии к лету 1919 г. тот же Н. Н. Иванов дает следующую, наиболее откровенную характеристику, устанавливавшую необходимость боевой активности Северного корпуса:

«К маю положение Северного корпуса стало таково, что необходимо было предпринять крупную операцию и успехами последней доказать целесообразность существования русских частей на счет Эстонии и боеспособность их. Боеспособность не раз отвергалась эстонским командованием, а эстонская пресса бесконечно трактовала русский корпус, как

---

[1] АЛОИ, связка № 5, папка № 10.

В тексте телеграммы сделаны незначительные исправления.

[2] «Архив гражданской войны», т. I, Берлин, «Записки Н. Н. Иванова», стр. 40.

реакционно-баронскую, исключительно противоэстонскую затею — левые газеты редко не призывали к разоружению» [1].

К этому необходимо еще прибавить, что русские белогвардейцы старались выслужиться и получить доверие не столько перед эстонской буржуазией, сколько перед «могущественной» Антантой и, главным образом, Англией. Только наступление на Петроградском фронте должно было привлечь внимание английского империализма к судьбе русского белогвардейского корпуса и тем самым принести первую материальную помощь союзников.

---

[1] «Архив гражданской войны», т. 1, стр. 40.

ГЛАВА 4[1].

ПОДГОТОВКА НАСТУПЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КОРПУСА НА ПЕТРОГРАД. — ГРУППИРОВКА СИЛ. — НАЧАЛО ЛЕТНЕГО НАСТУПЛЕНИЯ. — ПРОРЫВ СОВЕТСКОГО ФРОНТА. — УСПЕХИ БЕЛЫХ. — ДЕЙСТВИЯ БЕЛО-ФИННОВ И БЕЛО-ЭСТОНЦЕВ. — ПАДЕНИЕ ПСКОВА. — ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА ЗАНЯТОЙ БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ ТЕРРИТОРИИ.

В апреле 1919 г. на нескольких предварительных совещаниях руководителей Северного корпуса был решен вопрос о переходе частей корпуса в наступление. Инициатива в этом деле исходила от группы офицеров во главе с командиром 2-й бригады корпуса генерал-майором А. П. Родзянко, который всеми доступными ему способами старался стать во главе Северного корпуса. Командовавший корпусом полковник К. К. Дзерожинский не отличался инициативностью и вследствие этого вызвал недовольство в среде своих подчиненных. Русские контрреволюционные организации Ревеля также считали необходимым перемену командующих и развили большую агитационную работу за кандидатуру Родзянко. Эстонский главнокомандующий генерал И. Я. Лайдонер, в свою очередь, в беседе с Родзянко высказывал желание видеть последнего на посту командующего Северным корпусом. Вся эта подготовительная работа в отношении перемены командующих носила вполне открытый характер и заставила полковника К. К. Дзерожинского дать обещание в личной беседе с Родзянко о передаче ему командования. Однако, никакой перемены в командовании корпусом не произошло и полковник Дзерожинский оставался на своем посту до середины мая 1919 года [2].

---

[1] См. в приложениях карту № 2.

[2] А. П. Родзянко (племянник председателя 4-й Государственной думы) в книге «Воспоминания о Северо-западной армии», на стр. 31, говорит, что к моменту обещанной полковником Дзерожинским передачи всех

На одном из совещаний группы генерала Родзянко было признано необходимым начать сосредоточение всех частей корпуса в районе г. Нарвы. Это решение было санкционировано эстонским главнокомандующим и по приказу последнего эстонские войска должны были сменить 2-ю бригаду Северного корпуса, находившуюся в Юрьевском районе.

В конце апреля 1919 г. части 2-й бригады перешли в г. Нарву и временно расположились на Кренгольмской мануфактуре. Штаб корпуса в это время из г. Ревеля переехал в г. Везенберг.

Находившаяся в Нарвском районе 1-я эстонская дивизия расположена была по левому берегу р. Наровы, и только перед г. Нарвой и Хунгербургом части ее выступали вперед на 2—3 километра. Штаб дивизии находился на ст. Вайвара.

1-я бригада Северного корпуса расположилась южнее г. Нарвы, в дд. Усть-Жердянка, Криуши, Омут, Скорятина гора, Б. и М. Загривье, Кондуши, Радовели и Заборовье. В дд. Скамья и Сыренец стоял Балтийский полк со своим конным отрядом.

Вскоре, с согласия командира 1-й эстонской дивизии генерала А. И. Тениссона, началась переброска частей 2-й бригады в район расположения 1-й бригады Северного корпуса за исключением одного Талабского полка, который по приказу занял позицию у Хунгербурга. Штаб 2-й бригады переехал в начале мая в д. Князь-село.

План летних операций частей Северного корпуса, разработанный генералом Родзянко, полковником Ветренко и началь-

---

дел генералу Родзянко, пришло известие из Гельсингфорса о назначении адмиралом Колчаком Юденича главнокомандующим Северо-западным фронтом и что, в связи с этим, Юденич высказался против перемен в командном составе корпуса.

Так как, согласно других источников, в том числе и белых, телеграмма адмирала Колчака о назначении генерала Юденича главнокомандующим Северо-западным фронтом была датирована 5 июня и получена в Гельсингфорсе 14 июня 1919 г., — то те мотивы, на которые сослался полковник К. К. Дзерожинский при отказе передать командование корпусом генералу Родзянко, скрывали, повидимому, его личные тенденции в борьбе за власть. С другой стороны, вполне возможно, что полковник Дзерожинский имел поддержку от генерала Юденича, который, находясь в Финляндии, принимал в то время все меры к тому, чтобы самому возглавить работу русских белогвардейцев в Эстонии и в связи с этим давал указания по тем или другим вопросам.

ником штаба 2-й бригады поручиком Видякиным, сводился к следующему: сводный отряд (в составе Балтийского полка, конного эскадрона того же полка, партизанского отряда имени С. Н. Балаховича под командой капитана Григорьева, конного полка имени Балаховича под командой штаб-ротмистра И. Н. Булак-Балаховича имел задачей занятие г. Гдова; отряд полковника Ветренко (Волынский и Талабский полки, при 2-х орудиях), сосредоточившись у д. Радовели, должен был действовать в направлении д. Гостицы и занять переправы на р. Плюсса; отряд полковника графа И. К. Палена (Островский полк и отряд полковника Бибикова, при 2 орудиях), сосредоточившись в д. Кондуши,—действовать на д. Поля — Гавриловская; отряд полковника Георга (офицерская рота и Ревельский полк) должен был занять ст. Низы. При удачных результатах наступления начальник 1-й эстонской дивизии генерал Тениссон обещал перебросить в г. Нарву из района Хунгербурга батальон Талабского полка.

Накануне общего наступления один партизанский отряд под командованием поручика Данилова, переодевшись в красноармейскую форму, должен был переправиться через реку Плюссу, выйти незаметно в тыл красных частей и там занять узлы дорог.

Дальнейшие действия частей корпуса зависели от их первоначального успеха, но все же в плане было отмечено, что части должны развивать свое наступление к югу от г. Гдова и, оставив заслон по направлению к г. Луге, двинуться на жел.-дор. ст. Веймарн — дер. Килли. При таком движении к линии железной дороги Ямбург — Гатчина части белых выходили в тыл Ямбургской группе советских войск. При последующих обсуждениях этого плана было решено, что, в случае успеха на р. Плюссе, три левые группы корпуса соединяются под общим командованием полковника графа И. К. Палена и ведут форсированное наступление в тыл Ямбурга, имея задачей захватить жел.-дор. ст. Веймарн, отрезать красноармейские части от форта «Красная горка» и перерезать Петроградское шоссе у дер. Малли.

Этот общий план наступления был одобрен командующим корпуса полковником К. К. Дзерожинским и эстонским главнокомандующим генералом И. Я. Лайдонером.

10 мая стало известно, что со стороны эстонского командования будет предпринята операция по высадке десанта числен-

ностью до 400 штыков у пристани Пейпия (Копорский залив) для нанесения вспомогательного удара на д. Котлы. Английская эскадра и эстонские военные суда должны были обеспечить с моря высадку этого десанта.

Переход в общее наступление был назначен на 4 часа 13 мая 1919 г. Отряд поручика Данилова должен был начать выполнение поставленной ему задачи 12 мая вечером. Кроме этого, каждая из групп корпуса, по распоряжению своих начальников, должна была выслать партии разведчиков для действий в тылу красноармейских частей и порчи в нескольких местах жел.-дор. полотна, преследуя цель захвата трех бронированных советских поездов, курсировавших по линии г. Гдов — ст. Низы.

Последние указания для частей корпуса накануне перехода их в наступление сводились к уточнению оперативных задач и заключались в следующем: полковник С. Н. Булак-Балахович должен был выслать конный полк в тыл красных для порчи жел.-дор. полотна в районе дд. Пелеши, Подобручье, с остальными частями отряда итти на Гдов. После занятия г. Гдова конный полк должен был двигаться вдоль р. Плюссы на д. Чернево, а остальные силы — занять базу Чудской озерной флотилии Раскопель. Полковнику Ветренко — занять жел.-дор. участок Гостилицы—Пелеши, взорвать полотно железной дороги, захватить красный бронепоезд и двигаться на дд. Б. и М. Руя, Выскатку и Кураплешево, — одновременно выставив заслон от озера Долгое до реки Плюсса. Графу Палену — занять жел.-дор. участок дд. Поля — Гостицы и двигаться на дд. Попкову гору и Кураплешево. Полковнику Георгу — занять ст. Низы и д. Поля, д. Монастырек и Тихвинку. Резерв корпуса должен был сосредоточиться в районе д. Гостицы — ст. Низы [1].

Общий замысел всей летней операции по словам генерала Родзянко исходил из необходимости расширить плацдарм для более широких белых формирований и выйти из положения зависимости от Эстонии. Одновременно с выработкой оперативного плана поднимался основной вопрос о цели самого наступления и, в связи с этим, об основном операционном направлении. Генерал Родзянко не считал целесообразным вести наступление по кратчайшему направлению на Петроград. Дей-

---

[1] А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», стр. 30 — 38.

ствия же в Псковском районе с дальнейшим направлением на Новгород—Чудово—Ладожское озеро, по мнению генерала Родзянко, имели больше шансов на успех вследствие того, что «население Псковской и Новгородской губерний, по имевшимся сведениям, питало к нам больше симпатии и, наверное, принесло бы армии больше пользы, чем рабочие и потерявшие человеческий облик интеллигенты Петрограда» [1].

Эту точку зрения разделял формально и эстонский главнокомандующий генерал Лайдонер, который подходил к вопросу занятия Петрограда, как к вопросу политическому [2]. Однако, формальные соображения не всегда соответствуют действительному ходу мыслей. Следуя тенденциям молодой эстонской буржуазной государственности, преследовавшей свои собственные на советской территории цели, генерал Лайдонер, санкционировав переброску 2-й бригады Северного корпуса в район г. Нарвы, включил псковское направление в сферу действий эстонских войск.

К моменту перехода в наступление Северного корпуса, части 7-й советской армии располагались по фронту от Онежского до Чудского озер, общим протяжением около 600 км. Этот общий фронт 7-й армии был разделен на три участка: Междуозерный (между Онежским и Ладожским озерами), Карельский (перешейки между Ладожским озером и Финским заливом) и Нарвский (от Финского залива до г. Гдова).

Южнее г. Гдова и до озера Мурати располагалась Красная эстонская армия, которая с конца апреля 1919 г. должна была перейти в наступление в направлении на г. Верро, в обход Псковского и Чудского озер с дальнейшей задачей двигаться совместно с левым флангом 7-й армии на г. Ревель [3].

---

[1] А. П. Родзянко — «Воспоминания о Сев.-зап. армии», стр. 128.

Подобное умозаключение генерала Родзянко делает в конце своей книги и относит его в равной степени, как к первому, так и ко второму наступлению белогвардейцев на Петроград. Стараясь найти глубокие причины поражения контр-революции под Петроградом, Родзянко не понимает того, что наступление русских белогвардейцев и летом и осенью 1919 г. в направлении Псков-Новгород отнюдь не спасло бы ее от бесславной гибели. Наступление на Петроград было игрой ва-банк и принимало вполне «нормальный» характер быстрого и внезапного набега русских белогвардейцев по кратчайшему направлению.

[2] А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», стр. 31.

[3] Д. Надежный — «На подступах к Петрограду; Гос. изд., 1928 г. стр. 12.

Командование 7-й армии из трех своих боевых участков наибольшее внимание уделяло Междуозерному, где велась борьба за гор. Олонец, и Карельскому участкам. Гипноз ожидавшегося наступления со стороны Финляндии настолько овладел командованием 7-й армии, что последнее в своих оперативных расчетах при очередных перегруппировках не дооценивало силы Северного корпуса.

На Нарвском боевом участке фронта 7-й армии располагалась одна 6-я стрелковая дивизия (начальник дивизии — Фрейман), состав которой был чрезвычайно разношерстный, что затрудняло нормальное руководство этими частями. Фронт дивизии был разделен на свои три боевых участка и тянулся по левому берегу р. Луги, от с. Илькино, на сс. Фитинка, Коростель, Федоровка, Кейкино, мыза Лом (правый боевой участок—2-я бригада 19-й стрелковой дивизии без 167-го стрелкового полка, под начальством командира бригады Александрова); от мз. Лом до с. Карлово (средний боевой участок — 4-й эстонский и 51-й стрелковые полки под общей командой командира 1-й бригады 6-й стрелковой дивизии Ярчевского); дальше—фронт 6-й дивизии шел по левому берегу р. Плюсса, вдоль железнодорожного полотна от с. Низы на ст. Гостицы и далее до стыка с Чудским участком Красной эстонской армии (левый боевой участок — 167-й (без одного батальона) и 53-й стрелковые полки, партизанский отряд Евсеева и одна батарея, под общим начальством командира 3-й бригады 19-й стрелковой дивизии бывш. генерала А. П. Николаева; штаб участка — с. Попкова гора). Резерв дивизии находился в районе гор. Ямбурга.

Артиллерия (большая часть легкой и вся тяжелая) была сосредоточена преимущественно на среднем, более ответственном, боевом участке [1].

Соотношение сил двух сторон было не в пользу 6-й дивизии. На протяжении всего своего фронта в 100 км 6-я дивизия располагала 2.700 штыками при 12 легких и 6 тяжелых орудиях [2].

Силы Северного корпуса, его главной группы, состоявшей из трех колонн, насчитывали около 2.500 штыков при 6 ору-

---

[1] Д. Надежный — «На подступах к Петрограду», стр. 36.

[2] Там же, стр. 35.

Данные о боевом составе 6-й дивизии приведены по состоянию к 17 апреля 1919 г.

1.

2.

3.

4.

5. 6. 7.

1) П. М. Авалов-Бермондт, 2) Н. Н. Юденич, 3) А. П. Родзянко, 4) С. Н. Булак-Балахович (посередине) со своим штабом, 5) И. Я. Лайдонер, 6) фон-Розенберг, 7) К. Маннергейм.

диях и 30 пулеметах [1]. Общая боевая численность (включая и группу полковника С. Н. Булак-Балаховича, гдовского направления) всех частей корпуса, сосредоточенного на фронте в 35 км, едва ли значительно превышала 3.000 штыков и сабель при 8—10 орудиях. Всего едоков в корпусе числилось 5.500 чел., в том числе 400 чел. при всяких штабных учреждениях [2]. Таким образом только один средний подсчет плотности фронта двух сторон дает больше чем тройной перевес противнику. На 1 км фронта 6-й стрелковая дивизия имела 27 чел., Северный корпус — 100 чел. В действительности, при неравномерном распределении сил по фронту 6-й стрелковой дивизии, численное превосходство противника было еще более значительно в отношении частей левого боевого красного участка.

Такое соотношение сил и их расположение всецело способствовали успешным операциям частей Северного корпуса. На боевом участке 6-й стрелковой дивизии, против которого была сосредоточена основная группа Северного корпуса, красно-

---

[1] А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», стр. 37.

[2] В. Л. Горн — «Гражданская война на Сев.-западе России», изд. Гамаюн, Берлин, 1923 г., стр. 53.

Д. Надежный в своей книге «На подступах к Петрограду», на стр. 34, силы Северного корпуса определяет в 4.000 штыков и сабель, исходя из предположения, что отряд Булак-Балаховича имел около 1500 штыков и сабель. Эти его данные едва ли могут соответствовать тогдашней действительности, так как для того, чтобы довести численность партизанского отряда Булак-Балаховича только до 200 чел., понадобилось специальное выделение из полков корпуса по 30 чел. (А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», стр. 35). В Балтийском и конном имени Балаховича полках помимо этого партизанского отряда могло быть по 200 чел. в среднем, а всего во всем отряде — около 600 штыков и сабель.

Чрезвычайно любопытной является степень осведомленности двух сторон о силах своего противника по данным своих разведывательных органов. Так, по разведывательным данным штаба 7-й армии, к 15 мая 1919 г. силы Северного корпуса равнялись: 4.700 штыков, 1.100 сабель, а силы 1-й эстонской дивизии 5.800 штыков при 16 легких и 14 тяжелых орудиях, 2 бронепоездах и 2 английских танках (Д. Надежный, указ. соч., стр. 34). Штаб Северного корпуса, по «самым точным» данным, исчислял силы красноармейских частей, расположенных от моря до Чудского озера, в 15.000 штыков, при 60 орудиях и 500 пулеметах (А. П. Родзянко, указ. соч., стр. 37). Подобная информация о красных силах летом 1919 г. является прямым дополнением к таковой же, имевшейся в штабе Псковского добровольческого корпуса в конце ноября 1918 г.

армейские части несли сторожевое охранение в виде отдельных застав. Единственная батарея участка находилась у с. Гавриловское. Никаких укреплений левый участок не имел, отсутствовали таковые и в тылу. Следовательно, после прорыва красного фронта белые имели возможность развивать свое дальнейшее наступление в глубокий тыл среднего боевого участка 6-й стрелковой дивизии. До перехода в общее наступление белых, на фронте 6-й стрелковой дивизии, на ее правом и среднем участках были поиски разведчиков и отдельные боевые столкновения за обладание некоторыми селениями. Только на левом боевом участке в начале мая установилось некоторое затишье, которое усыпило бдительность расположенных на нем частей.

Противник свой удар и направил на этот участок советского фронта.

Согласно оперативного плана наступления Северного корпуса, партизанский отряд поручика Данилова, численностью в 260 штыков и 6 чел. из подрывной команды, сняв свои отличительные знаки, под видом красноармейцев, в ночь на 13 мая 1919 г. скрытно подошел по лесистой местности к с. Попкова гора, занял перекрестки дорог и перерезал все телефонные провода. В этом селе был расположен штаб левого боевого участка 6-й стрелковой дивизии, во главе с начальником участка, командиром 2-й бригады, 19-й стрелковой дивизии, бывш. генералом А. П. Николаевым. Белогвардейцы неожиданным нападением рассеяли красноармейские части и захватили в плен в с. Большая Руя А. П. Николаева, который утром 13 мая обходил район своего участка [1]. Были захвачены и остальные работники штаба участка, за исключением начальника штаба Силкина, которому удалось скрыться.

Захваченный в плен А. П. Николаев подвергся сразу же целому ряду издевательств, которые не прекратились и тогда, когда к нему подъехал поручик Данилов. Будучи плененным, Николаев проявил исключительное для него, как бывшего генерала и человека в возрасте 59 лет, геройство и глубокую преданность Советской власти. Он категорически отказался служить белому делу и был повешен белогвардейцами на площади в Ямбурге [2].

---

[1] «Белое дело», т. 2-й, Берлин, февраль 1927 г., стр. 190—196.

[2] Этот геройский поступок А. П. Николаева был отмечен председателем РВС Республики только 5 октября 1919 г., при чем и такая позд-

Ровно в 3 часа 13 мая перешли в наступление главные силы Северного корпуса. Высланные ими вперед партии разведчиков подорвали в нескольких местах железнодорожное полотно и отрезали путь отступления двум советским бронепоездам, курсировавшим по линии железной дороги Нарва—Гдов, и захватили батарею у с. Гавриловское.

Генерал Родзянко лично руководил операцией. После форсирования всеми частями корпуса р. Плюссы, он приказал полковнику Ветренко двигаться форсированным маршем к переправам через р. Лугу у сс. Сабск—Лычно и дальше в направлении железно-дорожной ст. Веймарн, к востоку от которых он должен был взорвать железно-дорожный путь. Полковнику графу И. К. Палену было приказано от Павловской горы двигаться на подводах к с. Муравейно и ст. Веймарн, имея в виду в дальнейшем движение на Килли-Макли, что северо-восточнее от Ямбурга. Полковнику Георгу было приказано передать Ревельский полк, который находился в районе с. Монастырск, в отряд полковника графа Палена.

К 15 мая весь район левого боевого участка 6-й стрелковой дивизии, между р. Плюсса и р. Луга, был захвачен противником.

На правом и среднем участках дивизии положение попрежнему было устойчивым.

Начальник 6-й стрелковой дивизии 15 мая, после выяснения положения, решил образовать в районе ст. Веймарн группу для обеспечения станции от захвата противника. Аналогичное решение было принято и командующим 7-й армией. Однако, время не позволило сорганизовать эту группу, так как противник к вечеру 16 мая овладел ст. Веймарн и разъездом Тикопись и утром 17 мая подошел к с. Керстово.

С 15 мая начались активные действия и на правом участке 6-й стрелковой дивизии, где стали высаживаться с судов, вошедших в р. Лугу, группы противника неопределенной численности (от 150 до 300 чел.). Части этого десанта высадились

ння информация страдала неточностью, так как гибель Николаева была приписана жестокости С. Н. Булак-Балаховича, который в период летнего наступления не находился в Ямбурге, а наступал на Гдов и Псков.

Тело Николаева было перевезено в Петроград и в торжественной обстановке предано земле на Марсовом поле.

у с. Остров и повели наступление на сс. Б. Куземкино и Получье.

В Кронштадте в это время было получено следующее радио:

«За нами идет эскадра с десантом и продовольствием. На фронтах сдаются без боя. Не губите жизней и народного дела и приготовьтесь к сдаче, друзья России. *Родзянко*» [1].

Только на одном среднем участке положение дивизии было устойчивым, но и здесь, под угрозой обхода противника, обстановка быстро менялась.

После выхода белых к ст. Веймарн, 16 мая был дан приказ об отступлении 6-й стрелковой дивизии. Отступление носило беспорядочный характер, части наталкивались на противника, бросали артиллерию и сами рассеивались. Общего руководства отступавшими частями не было, так как штаб дивизии потерял связь с большинством частей и сам переехал на ст. Вруда.

В г. Ямбурге были оставлены, из-за невозможности вывезти по железной дороге, большие запасы продовольствия и снаряжения. Железнодорожный мост через р. Лугу был неудачно подорван, чем также не замедлил воспользоваться противник.

17 мая на побережье Копорского залива у сс. Пейпия, Систа-Палкино и Долгово был высажен новый десант ингерманландцев, который совместно с Островским полком Северного корпуса действовал в районе сс. Копорье и Систа-Палкино.

Главная группа противника к этому времени оперировала вдоль Балтийской железной дороги. 18 мая части этой группы внезапным налетом овладели ст. Вруда, где захватили красный бронепоезд. Очередные попытки советского командования образовать линию сопротивления противнику успехом не увенчались. Части были предоставлены сами себе и находились в состоянии полной деморализации. Некоторые группы местного населения оказывали к тому же поддержку белым и производили отдельные налеты на красноармейцев [2].

В этих условиях противник имел возможность развивать свой успех и дальше. 20 мая им была захвачена железно-дорожная ст. Волосово, а к вечеру и ст. Кикерино. Штаб среднего боевого участка переехал в г. Гатчину.

---

[1] Д. Надежный — «На подступах к Петрограду», стр. 44.

[2] Там же, стр. 50.

К 24 мая стали прибывать на фронт воинские части, отдельные партизанские и коммунистические отряды, кавалерийские отряды, орудия, бронелетучки. Все это дало возможность несколько стабилизировать положение фронта, линия которого к 24 мая проходила от с. Долгово, на сс. Готобужи, Воронино, Анташи (для вновь сформированной сводной Балтийской дивизии; начальник дивизии—А. И. Тарасов-Родионов, штаб дивизии—в г. Ораниенбауме); Анташи, Ожогино, Горки, Пульево, Донцы-Б. Дивенка (для частей 6-й стрелковой дивизии; начальник дивизии—Окулов—Римский-Корсаков; штаб дивизии—в г. Гатчине).

Разграничительная линия между сводной Балтийской и 6-й стрелковой дивизиями проходила через г. Красное Село, кол. Кипень, с. Бегуницы (все пункты для 6-й дивизии включительно).

Общее руководство этими двумя дивизиями, составившими группу нарвского направления, было возложено на Иванова; границы действий группы проходили по южному берегу Финского залива, за исключением Красногорского укрепленного района, по верхнему течению р. Плюсса, до параллели г. Гдова. Штаб группы был расположен в Гатчине.

Одновременно с этим, член РВС 7-й армии В. С. Шатов был назначен начальником тыла Нарвского участка в границах от побережья Финского залива до р. Плюсса (на юго-западе) и до железной дороги Петроград—ст. Батецкая (на востоке). Обязанностью начальника тыла являлась борьба с дезертирством и формирование красноармейских частей из различных отрядов.

Между группой нарвского направления и Лужским участком входившим в район действий Красной эстонской армии, разграничительная линия проходила от жел.-дор ст. Мшинская до озера Самро.

Впоследствии, произошли изменения в системе управления на всем фронте 7-й армии. Сводная Балтийская дивизия была расформирована и части ее влились в 6-ю стрелковую дивизию. Эстонская Красная армия была переименована в Псковскую группу, которая с Лужским участком перешла в подчинение Южной группе 7-й армии. Командующим этой Южной группой 3 июня 1919 г. был назначен начальник штаба Красной эстонской армии А. И. Корк.

Нарвский и Карельский участки 7-й армии составили Северную группу под командованием Блюмберга.

Таким образом, главные силы Северного корпуса, начав наступление 13 мая, к началу июня 1919 г. заняли обширную территорию по кратчайшему направлению на Петроград.

Такие же успехи имел отряд С. Н. Булак-Балаховича, который из района с. Скамья двинулся на Гдов. Слабые по численности и не вполне боеспособные красноармейские части не могли оказывать сопротивление противнику и отступили. 15 мая Булак-Балахович взял г. Гдов.

Командующий Красной эстонской армией, в связи с падением Гдова и нависшей угрозой для Чудской озерной флотилии, дал приказ последней эвакуировать свою базу Раскопель и перейти в Псковское озеро. При эвакуации, база и пороховой погреб были взорваны, часть снарядов была затоплена, некоторая часть имущества и вооружения была вывезена на подводах. Личный состав базы в количестве 67 человек с начальником базы Афанасьевым выступил утром 20 мая походным порядком на д. Голодуша. Ушедшие же в Псков два парохода флотилии «Ольга» и «Ермак» под начальством комиссара базы Морозова дошли до д. Островец и, обстреляв артиллерийским огнем д.д. Островец и Подборовье, повернули назад и направились к реке Кунест, где передались Булак-Балаховичу. На «Ольге» ушло 20 военных моряков, на «Ермаке»—5. Изменники захватили с собой 19.000 руб. казенных денег [1].

Отряд Булак-Балаховича вскоре вышел к реке Желча, на которой все мосты были взорваны находившимися по другой стороне ее красноармейскими частями. Из отряда Булак-Балаховича Балтийский полк был переброшен на усиление группы полковника графа Палена. На этом рубеже установилось временное равновесие двух сторон, которое было нарушено только с переходом в наступление на гор. Псков 2-й эстонской дивизии.

К этому времени относится формальное вступление генерала Родзянко в должность командующего Северным корпусом. Осуществляя фактическое руководство наступлением корпуса, генерал Родзянко, воспользовавшись временным отъездом полковника Дзерожинского в Ревель, отдал приказ о своем вступлении в должность командующего корпусом. После же возвращения из Ревеля полковника Дзерожинского, Родзянко предложил ему

---

[1] «Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах», т. 2-й, часть 2-я, РИО морских сил РККФ, 1926 г., стр. 147.

пост командира частей среднего боевого участка на правах командира бригады. Дзерожинский предложение принял и получил впоследствии от Родзянко чин генерал-майора.

Все силы Северного корпуса к 24 мая 1919 г. имели три боевых участка: 1) северный, от Финского залива до с. Сабска, под командованием полковника графа И. К. Пален; 2) средний, от с. Сабска до р. Плюссы, под командованием полковника К. К. Дзерожинского и 3) южный, Гдовский, от р. Плюссы по р. Желче, под командой полковника С. Н. Булак-Балаховича [1].

Новый командующий корпусом генерал-майор Родзянко развил усиленную деятельность в целях закрепления достигнутых майским наступлением результатов. Начальником тыла он назначил произведенного им в генералы К. А. Крузенштиерна, которому были подчинены вновь назначенные начальники—снабжения, военных сообщений и управляющий гражданской частью.

Одновременно с этой работой, Родзянко пытался найти помощь извне для укрепления белого фронта.

Буржуазия Эстонии и Финляндии, разумеется, преследовала свои цели в борьбе с Советской республикой. Успехи русских белогвардейцев вывели из состояния относительной пассивности эти внутренние силы буржуазной Эстонии и Финляндии и заставили их, в свою очередь, поторопиться с реализацией своих скрытых планов. В этом они имели поддержку и заверение от Антанты, которая устами французского министра иностранных дел Абрами, заявила, что она «окажет деятельную помощь против большевизма окраинным национальностям путем доставки им оружия, денег, обмундирования, экипировки и продовольствия» [2].

Несмотря на довольно сильную оппозицию, представители торгово-промышленной буржуазии Финляндии и Эстонии решили принять прямое участие в борьбе с Советской республикой.

Еще в двадцатых числах апреля 1919 г. из Финляндии, со стороны Сердоболя, была выброшена так называемая «Олонецкая добровольческая армия», силою около 2.000 чел., под командой известного впоследствии руководителя террористических организаций в СССР, расстрелянного 9 июня 1927 г. по поста-

---

[1] А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», стр. 47.

[2] М. Г. Бах — «Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за десять лет», изд. Комм. акад., М., 1928 г., стр. 16.

Виселица в Пскове в период балаховщины.

новлению коллегии ОГПУ в числе «двадцати» белогвардейцев,— штаб-ротмистра Г. Е. Эльвенгрена. Последний со своей «армией» имел целью завоевание Восточной Карелии и присоединение ее к Финляндии. Для осуществления этого плана Олонецкая добровольческая армия получила задачу перехватить Мурманскую железную дорогу и действовать по линии Званка—Лодейное Поле—Петрозаводск. В случае успеха боевых действий, финляндское правительство, без всякой предварительной подготовки общественного мнения, что не прошло бы безболезненно, и без объявления войны, оказалось бы втянутым косвенными путями в войну с Советской Россией.

Эльвенгрен, наступая на гор. Лодейное Поле в мае 1919 г., имел в виду воспользоваться отвлечением сил Красной армии от Петрограда в связи с успехами Северного корпуса.

Для завуалирования истинных намерений финской буржуазии, отряд Эльвенгрена считался «повстанческим» и действовал формально — по призыву бутафорской «Карельской делегации». При отряде находилось «временное правительство», имевшее целью подготовить созыв Национального собрания для санкционирования присоединения Восточной Карелии к Финляндии. Представители буржуазной Финляндии и, в частности, председатель финляндского правительственного совета Кастрен на запрос социал-демократической фракции в сейме сказал, что «правительство не запретило финнам-добровольцам итти помочь своим братьям-карелам, бежавшим на эту сторону границы [так называемой «Карельской делегации»], также правительство не отказало им и во всем снаряжении» [1].

Правительство Финляндии не только снабдило и вооружило «добровольческую Олонецкую армию», но и укомплектовало ее значительным количеством финских офицеров, которые за время действий Олонецкой армии в Восточной Карелии считались по приказам финской армии находившимися в длительном отпуску.

Интересно, что истинные намерения Олонецкой армии, так старательно затушевывавшиеся финской буржуазией, были во всей их неприглядности вскрыты дебатами в финском сейме 30 апреля 1919 г.

---

[1] «Петроградская правда», № 101 от 9 мая 1919 г.

Так, социал-демократический депутат Котонен в своем запросе правительству говорил:

«Среди добровольцев-дружинников быть может и есть люди идейно настроенные, но за спиной стоят спекулянты, кидающие хищные взоры на местные богатства Олонецкого края. И не удивительно, так как в составе Олонецкого правительства [«Временного правительства»] заседают два представителя компании по эксплоатации лесных участков» [1].

Вторгнувшись в пределы Советской Карелии, Олонецкая добровольческая армия вначале имела успех, но затем, в течение двухмесячной борьбы с Красной армией, была разбита и рассеяна.

Другой, аналогичной почти по своему замыслу и мотивам, попыткой воспользоваться наступлением Северного корпуса на Петроград в своих целях—является действие эстонских войск в псковском направлении.

Эстонские войска, состоявшие летом 1919 г. из трех пехотных дивизий и одной дивизии бронированных поездов, вели бои с советскими частями, как с Северной, так и с Южной группами 7-й армии. При майском наступлении Северного корпуса эстонцы производили десантные операции в Лужском и Копорском заливах, тем самым способствуя успехам русских белогвардейцев. Однако, эта второстепенная роль не могла удовлетворить аппетиты эстонской буржуазии, интересы которой требовали самостоятельных активных действий бело-эстонских войск на псковском направлении.

Вскоре представилась возможность реализовать эти планы, так как неудачное наступление 11-й стрелковой дивизии на Мариенбургском участке и отход ее южнее от железной дороги Верро—Псков имели своим следствием активность белоэстонцев на печорском и чудском направлениях, Псковского боевого участка. Беспорядочное отступление из Нарвского района 6-й стрелковой дивизии также способствовало продвижению белоэстонцев на Псков. Наконец, в конце мая 1919 г. стали сказываться стратегические последствия отбитого эстонцами в начале 1919 г. наступления Северной и Южной групп 7-й армии. Положение Красной Латышской армии у Кальнцема и Митавы приняло чрезвычайно острый характер, граничивший с катастрофой, так как ее фронт был прорван соединенными силами бал-

[1] «Русская жизнь», № 54 от 9 мая 1918 г., Гельсингфорс.

тийского ландвера, германской, так называемой, железной дивизии и русского белогвардейского отряда под командой ротмистра князя А. П. Ливена. Красная латышская армия вынуждена была отступить и в начале июня вышла на линию гор. Остров—р. Вяда — оз. Лубань — р. Дубна—р. Западная Двина.

Все это в совокупности создавало вполне благоприятную обстановку для действий бело-эстонцев на Псков, в лице их 2-й стрелковой дивизии под командованием полковника Пускар.

Учитывая такое положение Пскова, генерал Родзянко вначале сам обратился к эстонскому главнокомандующему с ходатайством немедленно двинуть 2-ю эстонскую дивизию для занятия Пскова совместно с частями Северного корпуса. На это предложение эстонский главнокомандующий ответил, что он «не может руководствоваться» советами Родзянко и будет действовать так, как подскажет сама обстановка. Только после того, когда и для самого Родзянко стало понятным, что «эстонцы хотят занять Псков самостоятельно», он прибыл в Гдов и стал требовать от Булак-Балаховича «возможно более энергичного продвижения в псковском направлении» [1].

Однако, русские белогвардейцы не успели войти в Псков первыми, так как 2-я эстонская дивизия, находясь на ближайших путях к городу, раньше начала наступление на Псков.

Положение Пскова стало тревожным уже с момента занятия отрядом Булак-Балаховича Гдова, так как фронт Псковского боевого участка представлял из себя «тонко натянутую нить, еле-еле сдерживавшую натиск противника». Тогда в Пскове было приступлено к эвакуации грузов 1-й очереди и к спешному формированию отрядов из коммунистов и членов профессиональных союзов. Первый такой отряд, численностью около 350 чел., выступил на фронт 21 мая, второй, силою около 200 чел.,—24 мая.

21-го мая Псков и губерния были объявлены на осадном положении. Коммунисты, не занятые работой по эвакуации, были влиты в местный караульный батальон, который вокруг города выставил полевые заставы. На пожарной каланче был установлен наблюдательный пункт, так как предполагалось, что военные действия будут развертываться в непосредственной близости от города, в 11 км, на последней оборонительной линии.

---

[1] А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», стр. 48.

Напряженное состояние Пскова усугублялось еще и тем, что находившиеся на Псковском участке фронта красные эстонские войска были ненадежны, на что указывали политические руководители 10-й стрелковой дивизии, поддерживавшие тесную связь с Псковским губернским комитетом РКП(б). Деятельность командования также давала повод заподозрить его в прямой преступности. Это выразилось в том, что незадолго до падения Пскова была предпринята переброска частей, способствовавшая ослаблению советского фронта [1].

Так, например, с левого, наиболее ответственного боевого участка, в районе мест. Старо-Изборск, был снят и переброшен на правый участок более или менее надежный 3-й эстонский полк, с правого же участка был снят и отправлен по железной дороге на ст. Струги-белые в армейский резерв 5-й Феллинский полк. Оставшийся на позиции 2-й эстонский полк был дезорганизован и часть его была подготовлена к переходу на сторону белых. При таком положении левого боевого участка, войска правого участка находились под угрозой быть отрезанными и сброшенными в Псковское озеро.

Вся артиллерия—4 легких батареи и 1 тяжелая—была сосредоточена на среднем боевом участке в районе железно-дорожной станции Ново-Изборск и на правом боевом участке, у юго-западного берега Псковского озера. Весьма показательным было также поведение работников отдела снабжения, так как в течение недели не выдавался фураж. Конский состав находился вследствие этого в состоянии изнеможения, а последнее ставило под угрозу артиллерию. В таких условиях на фронте стали циркулировать слухи о скором падении Пскова и даже намечался день — суббота, 25 мая [2].

Дальнейшие события вполне подтвердили сознательную, преднамеренную переброску частей с целью создания всех условий для быстрого захвата города эстонскими войсками. Измена командного состава 1-й эстонской советской дивизии в лице

---

[1] Военный комиссар 10-й стрелковой дивизии Я. Ф. Фабрициус по поводу таких действий командования и, в частности, относительно вывода 22 мая в армейский резерв 5-го стрелкового полка (приказ об этом не был подписан Фабрициусом) обратился со специальным письмом к В. И. Ленину (ЦВПА при ВПАТ, связка № 44, дело № 39, л. 31).

[2] ЛАБ, политсекция, дела 1-го городского района, фонд № 54, связка № 4, дело по описи № 43, л. 12.

начальника дивизии Рита, командира бригады Айписа, командира 2-го эстонского полка и начальника штаба бригады, совместно с 1-м эстонским полком, занимавшим участок в районе г. Изборска, в ночь на 24 мая 1919 г.—была последним актом этой подготовительной предательской работы. Бело-эстонцы, получив полную информацию о состоянии и расположении красноармейских частей, повели стремительное наступление на Псков.

Одновременно с изменой на фронте зашевелилась контр-революция в тылу. В районе ст. Селезнево, на Псковско-Полоцкой железнодорожной линии, вспыхнуло дезертирское восстание, стремившееся распространиться к путям Псков — Двинск и Псков— Бологое. Вследствие этого восстания прекратилось железнодорожное движение по линии Псков— Полоцк. Вскоре это восстание удалось все же быстро ликвидировать специально посланными отрядами.

Вечером 23 мая, перед проходом военно-санитарного поезда, был взорван путь на железнодорожной линии Псков— Бологое, в 14 км от Пскова. Поезд потерпел крушение и разбитые вагоны загромоздили путь. Этим актом белогвардейцы опять-таки имели в виду воспрепятствовать эвакуации Пскова, но цели своей не достигли, так как к утру 24 мая энергичной работой железнодорожников путь был восстановлен.

24 мая прекратилось сообщение с Петроградом вследствие порчи проводов и взрыва пути на перегоне ст. Плюсса—Струги-белые, а затем по этой же дороге был взорван мост на 72 км от Пскова. Одновременно с этим в Пскове произошел пожар на месте погрузки дымовых завес, повлекший за собою взрыв нескольких подрывных мин, хранившихся поблизости [1].

Положение в то время на фронте у Пскова характеризовалось следующей запиской, переданной П. А. Залуцким из Пскова Г. Е. Зиновьеву в Петроград 24 мая 1919 г. в 15 ч. 40 мин.

«Благодаря предательству начдива Рита наши части отошли от Старо-Изборска к Моглину. Броневик противника приостановлен на 17/18 версте нашим орудийным бронеавтомобилем. Артиллерия противника обстреливает Моглино. С левым флангом первой бригады потеряна связь, в каком

[1] Псковский музей революции, материалы Псковской истпарткомиссии, дело № 3.

направлении она отступает—неизвестно. Также неизвестно положение нашей артиллерии, цела она или нет. Как среднему правому участку, так и левому, где находилась первая бригада, неизвестно, оказался ли в мешке, обойденном противником, 1-й эстонский полк или его увел на сторону белых Рит, потому что он пользовался в этом полку популярностью. 3-й Феллинский полк отступает и начинает сгруппировываться в Моглино. Возможно еще, что потерялись одна или две роты другого полка, какого точно—неизвестно. Чтобы исправить положение, на фронт брошены батареи 19-й дивизии и перебрасывается полк, предназначенный раньше для операции на гдовском направлении. В связи с создавшимся положением со Псковом, как видно, на гдовском направлении наше наступление замедлится. До предательства Рита было все сделано, что бы Гдов через два дня был наш...»[1].

В конце записки П. А. Залуцкий давал обещание в том, что он напишет специальный доклад о своих впечатлениях от осмотренных частей 7-й и Эстонской Красной армии, об оторванности штабов, отсутствии руководства и организационного воздействия на массовую жизнь красноармейских частей.

Через непродолжительное время на вопрос Г. Е. Зиновьева о положении Пскова П. А. Залуцкий и Я. Ф. Фабрициус по прямому проводу сообщали:

«В Пскове пока положение ничего. Собираем у Моглино отступающие части. Броневые машины противника нашими броневыми машинами остановлены. Наши бронемашины занимают позиции на 12 версте, а теперь передвинулись на 14 версту от Пскова по рижскому шоссе. Противник прекратил артиллерийский огонь по Моглину. Вооружаем все, что только возможно, и отправляем на фронт. С левым флангом связь потеряна. Послали конными ординарцами приказ—куда им отступать. Наверно, 86-й и 87-й полки отступили к Мариенбургской группе. От них подробных сведений нет. Из среднего участка получено донесение от артиллерийских частей, что у них конский состав в батареях слабый и лошади не в состоянии вывести тяжелую батарею, но приняты все меры, чтобы спасти все орудия. Если противник большими силами не отрежет ее, то, думаю, спасем. В утреннем моем донесении оказались неправильности. Донесение начальника штаба эстонской дивизии Мазика, что к белым перешел Феллинский полк, оказалось неправильным. К белым перешел первый Ревельский полк, которым раньше командовал начдивэст Рит. Это был самый лучший и большой полк из эстонских полков.

Рит уходя захватил с собой секретный телеграфный шифр. Нами уже сообщено во Всероссийский главный штаб об

[1] АЛОИ, связка № 18, ленты переговоров по прямому проводу. Разрядка наша.

этом. Отдано распоряжение 5-му полку вернуться обратно из Струг-белых на Псковский фронт, ожидаю его к 23 или 24 часам. На гдовском направлении пока все хорошо. Наступление противника остановлено. Наши части окопались по реке Желче. Противник пытался [произвести] высадку против селения Сомолвы, но нашим артиллерийским огнем отбит. Если только подойдут резервы с тыла, то может быть общими усилиями спасем положение Пскова.

Фабрициус».

На следующий вопрос из Петрограда — «каково общее количество войск, перешедших к белым»— Псков отвечал:

«Точно не установлено пока. Из всех эстонских частей ни на одну надеяться нельзя. Как выяснилось, начдив Рит и эстонские части имели связь уже около трех недель с белыми. Фронт будет открыт от Псковского озера до деревни Рачево. Русские части теперь, благодаря открытию фронта, отрезаны, сообщений с ними не имеется. Утром рано я говорил по телефону с командиром бригады Жучковым, который доносил, что после перехода роты, которая находилась в деревне Рачево, белые повели наступление и в этом прорыве ударили во фланг нашим частям. 85-й и 86-й полки в виду флангового удара с боем отходили после этого. Связь прервана броневыми автомобилями противника, который теперь находится в тылу наших частей. Мы в Пскове, что возможно, организуем и отправляем на фронт, но если не подойдет с тыла подкрепление, то удержаться мы не в состоянии и можем потерять всю артиллерию. *Фабрициус*« [1].

Из Петрограда сообщили в Псков, что все сказанное будет доложено И. В. Сталину и Г. Е. Зиновьеву и вскоре после этого Г. Е. Зиновьев телеграфировал председателю Псковского губернского исполнительного комитета К. В. Гею, что подкрепления и новые руководители посланы.

Приведенные выше разговбры по прямому проводу свидетельствуют о той чрезвычайно серьезной и сложной обстановке, какая сложилась на подступах к Пскову. С другой стороны, они со всей определенностью констатируют отсутствие должного военно-политического руководства красноармейскими частями. Недостаточная осведомленность штабов о положении фронта еще более тормозила принятие срочных целесообразных мер к действительной обороне Пскова. Стоило только

---

[1] АЛОИ, связка № 18, ленты переговоров по прямому проводу. Разрядка наша.

группе командного состава перейти на сторону бело-эстонцев, как фронт, имевший до этого устойчивое положение, с чрезвычайной быстротой распадался, одни части преступно бежали, заставляя тем самым и другие части начать поспешное отступление.

Слабость красноармейских частей—и в отношении численности и в отношении боеспособности—не давала возможности советскому командованию остановить их и занять новую линию обороны. Так, по состоянию на 24 мая в распоряжении командования Псковского боевого участка было всего около 527 штыков, в том числе 300 штыков совершенно неблагонадежного 6-го эстонского советского полка, которые занимали фронт протяжением около 20 км. 25 мая прибыли на подкрепление 5-й стрелковый полк—около 500 штыков и Псковский коммунистический батальон—около 230 штыков. Однако, значение этих слабых сил еще больше умалилось, вследствие измены у ст. Моглино того же 25 мая в 15 час. половины всего состава 6-го эстонского полка, что повлекло за собою оставление позиций 5-м стрелковым полком [1], обнажившим фронт вдоль полотна железной дороги и шоссе Псков — Печоры.

Вскоре бело-эстонцы начали артиллерийский обстрел Омских казарм на окраине Пскова и спустя часа полтора в городе уже появились бегущие красноармейские части. Отступившие в Псков батареи с большим запозданием по вине командования открыли огонь по противнику, при чем, их обстрел почти никакого вреда ему не нанес. Часть коммунистических сил была брошена на мост через р. Великую с задачей останавливать бегущих красноармейцев. Когда же бегство приняло массовый характер и противник подошел к самому городу, коммунисты Пскова были собраны в помещении комитета партии, а в 21 часу начали организованное отступление [2].

Противник стал обстреливать мосты и правый берег реки Великой и, затем, перенес огонь по вышедшим из Пскова войско-

---

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 44, дело № 39, л. 31. Доклад военного комиссара 10-й стрелковой дивизии и Псковского боеучастка Я. Ф. Фабрициуса на имя ЦК РКП(б), В. И. Ленина, И. Т. Смилги и Г. Е. Зиновьева,—от 10 июня 1919 г., за № 0467.

[2] Псковский музей революции, материалы Псковской истпарткомиссии, дело № 3.

вым обозам. Бой с бело-эстонцами вели красные бронепоезда и броневики, которые пытались не допустить противника к пешеходному железному Ольгинскому мосту через р. Великую. С появлением же бело-эстонских броневиков, советские отошли за мост и уехали дальше в тыл. Прикрывать мост остался только один советский броневик, но и тот затем, под натиском шести неприятельских броневиков, отошел за мост. Бело-эстонские бронированные автомобили, видя, что проход через мост открыт, ускорили ход и готовы были ворваться в город. Но в этот момент, около 23 часов 30 минут 25 мая, раздался страшный взрыв и 15-саженный пролет моста, прилегавший к правому береговому устою, перешибленный зарядами, приподнялся в воздухе и затем рухнул в реку.

Этот удачный взрыв Ольгинского моста был произведен лично командиром 2-й роты 4-го минно-подрывного дивизиона А. А. Чедулиным, который, честно служа делу пролетарской революции, одновременно со взрывом моста и сам погиб на боевом посту, находясь на минной станции. Минировка Ольгинского моста производилась 2-й ротой 4-го минно-подрывного дивизиона, которая 23 мая в количестве 77 чел. прибыла в Псков в распоряжение штаба 10-й стрелковой дивизии; с 24 часов 24 мая она приступила к работе, закончив ее к 8 час. 25 мая. Весь необходимый материал для этих работ доставлялся на лодках по р. Великой за 2 км от моста. Главную же работу по минировке Ольгинского моста выполнял А. А. Чедулин. Взрыв моста был произведен согласно письменного приказания инженера 10-й стрелковой дивизии, который еще заранее удостоверил личность того посыльного, с которым был прислан приказ о взрыве.

Бело-эстонцы со взрывом моста на некоторое время были задержаны, их артиллерия и автомобили потеряли возможность на более длительный срок вступить в Псков.

Красноармейцы-подрывники из 2-й роты в дальнейшем перешли на железнодорожную линию и взрывали ее. И эта работа была выполнена ими с честью в условиях чрезвычайно неблагоприятных. Им приходилось на дрезине подъезжать в сторону противника и под его артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, не имея при себе не только оружия, но даже и необходимых для работ инструментов, руками делать углубле-

ние в земле под рельсами, класть заряд и затем взрывать железнодорожное полотно [1].

25 мая 1919 г., около 24 часов, Псков был оставлен Красной армией. Из Пскова было вывезено все ценное имущество и все советские учреждения, за исключением имущества почтово-телеграфного управления. Рабочим была выдана заработная плата по 24 мая, служащие в подавляющем большинстве рассчитаны не были, вследствие чего эвакуировалась из города незначительная их часть. Псковский коммунистический отряд утром 26 мая прибыл на ст. Карамышево, там часть партийцев осталась в распоряжении штаба 10-й стрелковой дивизии, остальные же уехали в Великие Луки.

После ухода всех красноармейцев оставшиеся в Пскове советские служащие из бывших офицеров переоделись в офицерскую форму и ожидали прибытия эстонцев. В городе начался грабеж, буржуазия занялась перетаскиванием своей мебели из советских учреждений, громили лавки. Город был на некоторое время без власти.

Эстонцы ночью не решились переправиться значительными силами через р. Великую. Только в 1 час 26 мая на улицах Пскова появились два эстонских солдата с автоматами. Утром 26 мая в город вошел со стороны Крестов бело-эстонский отряд в 60 чел., а затем прибыл штаб и комендатура. По прибытии эстонцев сразу начались доносы, аресты и расстрел группы арестованных на берегу реки Великой — в ночь на 28 мая [2].

После падения Пскова председатель Псковского губисполкома К. В. Гей обратился с докладом в президиум ВЦИК, НКВД и ЦК РКП(б), в котором подробно излагал ход обороны Пскова. В своем заключении К. В. Гей совершенно правильно отмечал:

«Город не был сдан, он был предан изменой, что одновременно с бестолковыми распоряжениями командного состава и работой белогвардейских агентов в тылу привело наши части в такое состояние, когда они ни на что более, кроме как на отступление, не были способны» [3].

---

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 11, дело № 1, л. 26. Сведения о ходе работ 2-й роты 4-го минно-подрывного дивизиона за время с 21 мая по 3 июня 1919 г.

[2] Псковский музей революции, материалы Псковской истпарткомиссии, дело № 3, воспоминания С. М. Артамонова.

[3] Там же, дело то же.

После оставления Пскова части Красной армии стали отступать на гг. Остров и Порхов и ст. Дно. К утру 26 мая с большим трудом командному составу удалось собрать около 200 штыков и установить посты по реке Кепь [1]. Один из товарищей, работавших в то время на жел.-дор. станции Остров, пишет, что двигавшиеся из Пскова эшелоны были заполнены разложившимися красноармейцами, — полузелеными, полукрасными:

«Шли артиллеристы—с орудиями, полной запряжкой, зарядными ящиками. Шли кавалеристы, пехота. Войско в полном снаряжении, но без команды».

В районе Острова красноармейцы останавливались, жгли костры, производили бесцельную стрельбу, глушение гранатами рыбы в реке Великой, грабили население [2].

27 мая стали подходить резервы общей численностью около 4.000 штыков (88-й и 89-й стрелковые полки), но использованы они для перехода в немедленное наступление не были и, по истечении 10 дней совершенно разложились, а в дальнейшем среди них начался массовый переход к белым. Кроме этого, из состава 10-й стрелковой дивизии перешли к белым некоторые роты и батальоны 85-го, 86-го, 3-го и 36-го стрелковых и 1-го и 3-го эстонских полков.

Оставшиеся преданными советской власти части дивизии, находившиеся в непрерывных боях в течение 8 — 9 месяцев, были утомлены до крайности и насчитывали не более 150—170 штыков (1-й, 3-й и 48-й стрелковые полки) [3].

При таком состоянии красноармейских частей назначенный было на 1 июня их переход в наступление успеха не принес. К 5 июня фронт частей Южной группы 7-й армии проходил по линии сс. Поля, Замостье и Темные ворота, р. Тростенка, сс. Олешно, Б. Толошницы, Нежадва и Б. Лышницы, ст. Плюсса, сс. Кирилково, М. и Б. Лзи, Дертины и Боротно; на Псковском участке — по линии сс. Турья, Хредино, Замушки, Сивкова, Переростень, Дубровно, Гостибица и Горка, по р. Кепь от с. Клин до устья, по р. Череха и далее по р. Великая до с. Крюково и от ст. Крюково до с. Сидорово.

---

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 44, дело № 39, лист 31.

[2] Материалы Ленинградского областного истпарта (МЛОИ). Рукопись В. В. Сахарова — «Весной 1919 года на станции Остров».

[3] ЦВПА при ВПАТ, связка № 44, дело № 39, л. л. 31, 32.

11 июня после упорных боев красноармейские части овладели сильным опорным пунктом, находившимся на стыке обоих участков — Феофилова пустынь. Но одновременно с этим части Псковского участка вынуждены были отойти на другие позиции от р. Кепь и р. Великая на линию сс. Горка, Дубоновичи, Лог, Кузнецова, Рыкова, Темирова и Рожанка [1].

В дальнейшем боевые действия на участках этой группы имели переменный характер.

29 мая 1919 г. в Псков прибыл на судах отряд С. Булак-Балаховича. На берегу р. Великой была устроена торжественная встреча с духовенством и иконами. Псковский архиерей Арсений благословил оружие Булак-Балаховича и его помощников, артист псковского театра Трахтенберг произнес приветственную речь, рота Талабского полка дала салют... И в тот же день Булак-Балахович повесил 9 человек.

С занимавшими Псков бело-эстонцами Булак-Балахович быстро сумел договориться и 30 мая уже издал следующий свой приказ за № 1:

«Разбив главные силы противника, пытавшиеся прорваться к Пскову, 29 мая я прибыл в город и, согласно приказа главнокомандующего эстонскими войсками и командующего войсками отдельного корпуса Северной армии, принял командование военными силами Псковского района.

Комендантом Псковско-Гдовского района назначается подполковник Куражев. Комендантом гор. Пскова назначается капитан Макаров.

В виду невозможности для военной власти принять на себя заботы по устроению местной гражданской власти временно вручаю [ее] образующемуся из пользующихся общественным доверием лиц Общественному гражданскому управлению города Пскова и уезда, постановления и решения которого, контролируемые военным комендантом, обязательны для всех граждан.

Вручением гражданских функций местным общественным силам народные белые войска доказывают искренность провозглашаемых ими демократических лозунгов.

Пусть все знают, что мы несем мир, устроение и общественность.

Населению предлагаю сохранять полное спокойствие. Мои войска победоносно продолжают свое наступление. Все попытки противника оказать сопротивление быстро ликвидируются.

Атаман крестьянских и партизанских отрядов и командующий войсками Псковского и Гдовского районов подполковник *Булак-Балахович*» [2].

---

[1] Д. Надежный — «На подступах к Петрограду», стр. 84.

[2] «Новая Россия освобождаемая», № 1 от 31 мая 1919 г., г. Псков В. Горн — «Гражданская война на Северо-западе России», стр. 14, 15.

Одновременно с выходом этого приказа, было опубликовано постановление вновь сконструированного органа власти — общественного гражданского управления гор. Пскова и его уезда. В этом постановлении, между прочим, указывалось, что отбирать у крестьян занятые ими в свое время частновладельческие и казенные земли, инвентарь и скот воспрещается; все фабрично-заводские предприятия, не находившиеся в распоряжении законных владельцев, обязывались сообщить о своем местонахождении, а лица, получившие из советских учреждений перед эвакуацией их из Пскова деньги, под страхом наказания немедленно должны были сдать эти суммы в гражданское управление и т. п. [1].

Редакция псковской газеты «Новая Россия освобождаемая» по поводу этого постановления сочла нужным дать следующий любопытный комментарий, со всей законченностью определивший социально-политическую сущность насаждавшегося в Пскове порядка:

«...Народоправство в рамках назревших потребностей и здравого смысла — вот основа всех наших рассуждений и действий, и мы зафиксировали это свое убеждение в форме требования созыва нового Учредительного собрания, изъявления воли которого требовал даже последний претендент на русский престол — великий князь Михаил Александрович.

Земля крестьянству — наше решение земельного вопроса. Предпочтение в смысле владения должно быть оказано не помещику, а крестьянину... На хуторском хозяйстве сошлись сейчас все...

Частная инициатива и предприимчивость в области торговли и промышленности — наши взгляды на хозяйственную политику страны.

Наша задача — примирение и удовлетворение всех слоев народа...» [2].

Совмещение в одном лице функций по общественному гражданскому управлению и по редактированию газеты давало возможность Н. Н. Иванову шире развивать свои взгляды и идеи.

Исходя из дипломатических соображений, группа русских белогвардейцев-демократов в Пскове пока еще весьма неопределенно высказывалась о будущем строе. Одно несомненно: она имела в виду, как свою опору, крупное кулацкое землевладение.

Эти первые шаги по налаживанию гражданского управления проходили в атмосфере ликования псковской буржуазии. Везде

---

[1] «Архив гражданской войны», т. 1-й, стр. 56 — 58.

[2] «Новая Россия освобождаемая», № 1 от 31 мая 1919 г., Псков. Разрядка наша.

говорили о поражении Красной армии. Булак-Балахович в своих приказаниях старался поддержать такое настроение белогвардейщины. Белые газеты на своих страницах сообщали всякие сенсации о поражении большевиков, утверждали, что большевизм окончательно изжит, «по крайней мере на севере России» и что «через несколько дней падет... Красный Петроград». А сам Булак-Балахович уже дал лозунг: «партизаны, вперед, дельше и дальше по дороге в Москву». Сподвижник и компаньон Булак-Балаховича, организатор гражданского управления в Пскове, Н. Н. Иванов писал:

«В Пскове у нас не было отбою от переходивших красных: в конце концов мы сами стали просить являвшихся делегатов красных повременить переходом к нам до прибытия хлеба, которого не хватало для наличного состава» [1].

Одновременно с этим белогвардейцами проводилась «черновая» работа — обыски, аресты и расстрелы. Тюрьма была быстро наполнена арестованными. Заработали контр-разведки, агентом одной из которых был и местный поп. Начались массовые казни в самом городе, но затем, по «протесту»-совету представителей союзников, были перенесены на Сенную площадь, за старую Псковскую стену. Прибывшие в Псков американцы часто производили киносъемки казней. Каждую неделю по субботам заседал суд, а по воскресеньям, пользуясь стечением народа, производились казни. Смертные приговоры читал сам Булак-Балахович [2].

За эти зверства Булак-Балахович вскоре был произведен в генерал-майоры, а его отряд превратился в особую сводную дивизию. Псковское купечество в знак благодарности преподнесло Булак-Балаховичу адрес со следующей надписью: «Кузнец Вакула оседлал чорта, а ты, батька-атаман, — коммунистов» [3].

Находясь в зените славы, Булак-Балахович очень часто издавал свои воззвания, призывы, листовки. После своего производства в генерал-майоры Булак-Балахович в своем призыве к красноармейцам писал:

«Вы знаете меня. Я — слуга народный. Я — меч народного правосудия. Приветствую вас от имени тысяч ваших братьев, перешедших уже под

[1] «Архив гражданской войны», т. 1-й, стр. 85.

[2] Псковский музей революции, материалы Псковской истпарткомиссии, дело № 3; воспоминания С. Н. Артамонова.

[3] «Спутник большевика», орган Псковского губкома ВКП(б), № 10 — 11 (62 — 63), Псков, 1926 г., статья В. Дроздова — «Балахович в Пскове».

мои знамена. Я воюю не с вами, а за вас... Я воюю не за царскую и не за барскую — помещичью, а за новую, вольную, демократическую народную крестьянскую трудовую Россию. Я несу оружие моих героев к сердцу русской земли не за прежний, старый, проклятый «прижим», не за черную сотню и не за возвращение помещиков, а за землю и хлеб для всего народа, за право трудящихся, за новое всенародное Учредительное собрание...

Именем русского народа объявляю и приказываю: ...при наступлении моих войск не стреляйте, захватывайте или при невозможности перебивайте ваших комиссаров и коммунистов и смело, с оружием и снаряжением, со всем имуществом переходите в мои ряды.

...За эти два месяца ко мне перешли десятки тысяч красных солдат и офицеров... Посылайте ко мне делегатов, действуйте заодно с крестьянами и моими добровольцами — зелеными... Завязывайте сношения с моими руководителями на местах. Не бойтесь за успех нашего правого дела: Англия, Франция и Америка только-что в изобилии прислали мне сюда на наш фронт пушки, пулеметы, автоматические винтовки и патроны, а также и непобедимое чудовище — танки, перед которыми не устояли даже железные армии Вильгельма.

Я нанесу большевикам решительный удар — пусть они только примут его на месте уже бывших боев и не заставляют меня губить к зиме убогие крестьянские хаты. При наступлении наших войск выкидывайте в деревнях белые флаги, оставайтесь на местах и задерживайте коммунистов, чтобы мне не нужно было затем гнаться за ними и жечь ни в чем неповинные деревни...

Спасайте же себя и переходите. Знайте, что после этого приказа мне не будет возможно вас щадить. Со мной все великие и меньшие наши союзники. Со мной эстонцы, шведы, датчане, поляки и латыши, со мной все русское крестьянство, вся зеленая и в большей своей части и самая Красная армия. Я не ищу ничего для себя. Жизнь мне не дорога... Помните, что даже в случае моей гибели сам русский народ все равно не даст заглохнуть моему правому делу.

Атаман крестьянских и партизанских отрядов,
начальник особой сводной дивизии,
генерал-майор *Булак-Балахович*» [1].

Ложью и бахвальством пытался завлечь на свою сторону красноармейцев Булак-Балахович. И если находились в первое время среди красноармейских частей его сторонники, то через некоторое время действительная физиономия кулацкого «идеолога» Булак-Балаховича была вскрыта самими бойцами.

Деятельность общественного гражданского управления в Пскове во главе с Н. Н. Ивановым, при полном содружестве с представителем русских белогвардейцев Булак-Балаховичем,

[1] Листовка хранится в Псковском музее революции.

представляла специфическую сущность того белого режима, который был установлен в Псковском районе.

Вся эта политика русских белогвардейских «демократов» опиралась не столько на свою собственную вооруженную силу, сколько на те бело-эстонские войска, которые заняли Псков и находились на его фронте. Совпадение взглядов представителей буржуазной демократии Эстонии с русскими демократами являлась предпосылкой к тому, чтобы последние на занятой территории проводили свою линию. Такое тесное содружество с русскими белогвардейцами, продолжавшееся в этом районе 3 летних месяца 1919 г., обеспечило бело-эстонцам выполнение тех задач, во имя реализации которых они и двинулись в богатый Псковский район. Своеобразной компенсацией за это являлось то, что эстонские войска своим присутствием в Псковском районе гарантировали демократических русских реформаторов от всех интриг штаба Северного корпуса.

В районе же действий основной группы Северного корпуса проводилась своя политика, по некоторым вопросам резко отличавшаяся от режима в Пскове. Здесь принимались все меры к тому, чтобы завуалировать истинные намерения и тенденции монархически настроенного офицерства. Так, например, в обязательном постановлении, подписанном генерал-майором Родзянко от 15 мая 1919 г. за № 4, говорилось (§ 7), что «белые войска—народные войска, они друзья народа и пришли освободить своих братьев от бродяг и негодяев, восстановить порядок и дать спокойную и свободную жизнь исстрадавшемуся русскому народу».

Остальные же параграфы этого приказа провозглашали смертную казнь через повешение всем коммунистам, включая и женщин-коммунисток, советским работникам и пр. Установившаяся в этом районе военная диктатура своими действиями сама постаралась преждевременно вскрыть свою реакционную сущность. Вскоре лозунги Учредительного собрания были здесь совершенно сняты, остались только прямые действия военных комендантов. Белые газеты, издававшиеся в Нарве, как, например, «Белый крест»,—призывали к еврейским погромам и т. п. Политическая дальновидность и соответствующий такт не были присущи группе офицеров Северного корпуса. Характер взаимоотношений самого командующего корпусом генерал-майора Родзянко с эстонцами заставлял даже последних быть настороже.

При движении частей Северного корпуса по южному побережью Финского залива стал остро вопрос о взаимоотношении с национальными отрядами ингерманландцев. Требования ингерманландцев относительно их самоопределения встречали жестокий отпор Родзянко. Последний 23 мая 1919 г., сразу после взятия Копорья, прибыл в штаб ингерманландского отряда в дер. Костивское и в беседе с руководителями отряда резко заявил, что он, Родзянко, «не знает, кто такие ингерманландцы, и что в России есть только русские». По поводу же того, что ингерманландцы находились под покровительством Эстонии и оттуда получали все необходимое для себя снабжение, Родзянко сказал: «Не возлагайте ваших надежд на Эстляндию, ведь, сейчас невозможно сказать, будет ли из нее Эстляндия, Турция или же Россия»[1].

Обострение взаимоотношения с ингерманландским отрядом достигло своего кульминационного пункта тогда, когда генерал Родзянко, в разговоре с одним из видных политических представителей ингерманландской буржуазии, приказал ему, под угрозой расстрела, прекратить всякие дальнейшие разговоры о самоопределении нации. Не удивительно, что при такой «национальной» политике Северный корпус при движении на Петроград не создавал за собой достаточно обеспеченного тыла; последнее же могло в самый решающий момент повлиять на дальнейший характер боевых действий русских белогвардейцев.

19 июня 1919 г. был издан приказ командира отдельного корпуса Северной армии о временном праве пользования землею. В первом пункте этого приказа говорилось, что все граждане, в пользовании которых находились пахотные земли (помещичьи, казенные, монастырские, церковные, удельные, кабинетские или принадлежавшие мелким землевладельцам) сохраняют за собой право сбора урожая. Таким правом наделялись и те граждане, которым в свое время были переданы для пользования земли разными учреждениями и организациями советской власти.

Во втором пункте приказ предупреждал, что в дальнейшем никакие самовольные захваты земель не допускаются. В шестом пункте говорилось уже о том, что все надельные земли,

---

[1] «Петроградская правда», № 158 от 17 июля 1919 г.

захваченные при советской власти, по снятии с них урожая в 1919 г., должны быть возвращены прежним владельцам.

Однако, все эти «льготы» не только не могли принести никакого улучшения крестьянам, но ставили их в невыносимые условия, так как следующими приказами фактически восстанавливалась прежняя дореволюционная власть с помещиками и пр. И самый приказ от 19 июня указывал, что все эти меры, так сказать, «льготы», носят временный характер и, якобы, «имеют целью удовлетворить неотложные нужды деревни».

«Вековой земельный вопрос будет решен, — говорилось в этом заключении, — имеющим быть созванным Российским всенародным собранием».

По поводу формулировок наиболее серьезных пунктов приказа от 19 июня, редакция издававшейся в Пскове газеты «Новая Россия освобождаемая», в № 13, сочла нужным поместить дипломатическую статью — «Первое признание», где говорилось, между прочим, следующее:

«Теперь приказом командующего Северного корпуса основная линия и идея нашего проекта получили, наконец, признание и утверждение... Правда, в тексте приказа имеются, по сравнению с проектом общественного гражданского управления, некоторые отступления и неясности. Правда, что общее начало проекта, признанное ныне военной властью, изложено не в общей, наиболее жизненно-удобной и гибкой форме, а в форме отдельных частных, как говорят юристы, казуистических, т. е. специальных и трудных для общего истолкования, постановлений...»

До поры до времени руководители Северного корпуса могли осуществлять свою политику на занятой их войсками советской территории, но их политические устремления не могли не предопределить конечного результата такой политики.

Пользуясь предоставившейся возможностью и не занимаясь делами «большой политики», представители русской буржуазии развивали свою деятельность. С представителями союзников они завязывали коммерческие связи и пытались извлечь из этого максимальную прибыль. Главный начальник тыла русской белой армии генерал К. А. Крузенштиерн, со своей стороны, поощрял эту часть буржуазии. Белогвардейские газеты пестрели всякими сообщениями о прибытии тех или других грузов из-за границы. Так, например, издававшийся в Нарве «Вестник северо-западной армии», в № 41 от 9 августа 1919 г., с чувством большого удовлетворения сообщал, что в Нарву прибыли, при посредстве

ревельской фирмы в Нарве «Якова Яковлевича Пертсель», следующие заграничные товары: копченое мясо норвежское, табак голландский, мыло простое финское, соль германская, селедки норвежские; прибудут: сахар-песок американский, рис явайский, салака шведская, папиросы голландские...

Гражданское управление белых на захваченной части советской территории можно разделить на северный район, район действий основной группировки Северного корпуса, где все гражданские функции были сосредоточены исключительно в руках военных, проводивших открыто реакционную политику, и на южный район, район действий бело-эстонцев и Булак-Балаховича, где к делу гражданского управления была привлечена так называемая местная общественность в лице ее земских, городских деятелей и, где политика русской контр-революции была сознательно окрашена в желтый цвет и подправлена демократическими лозунгами.

Северный район являлся царством русского монархического офицерства во главе с Родзянко; острие всей внутренней политики здесь было направлено на большевиков и демократов. Южный район — резиденция Иванова и Булак-Балаховича, известных по своей оппозиционной настроенности к Юденичу и Родзянко и проводивших свою «демократическую» политику под прикрытием эстонских штыков, — тут врагами считались большевики и черносотенцы.

Получалась картина сотрудничества в общей борьбе с Советской республикой, якобы, двух, формально исключающих друг друга, контр-революционных группировок. И несмотря на то, что отрицательные стороны этого сотрудничества все же влияли на устойчивость антисоветского фронта под Петроградом, в общем ходе белого движения на северо-западе Советской России, эти два течения мелкобуржуазной и реакционно-монархической контр-революции являлись только отдельными звеньями одной общей белогвардейской цепи.

Весьма интересными и справедливыми в этом отношении являются следующие слова белогвардейского журналиста Г. Л. Кирдецова:

«В гражданско-политическом и административном отношениях Северный корпус по мере своего продвижения вглубь России, а равно и население края были предоставлены всецело злой и доброй воле 2—3 начальников в лице генерала Родзянко, полковника Дзерожинского и знаменитого

«героя» Булак-Балаховича. Что эта воля не была доброй, а, напротив, самой злой из всех когда-либо существовавших на белых фронтах — доказывать здесь лишний раз не приходится. Эти «начальники» никому ведь не подчинялись, ни перед кем не отвечали. Виселица работала во-всю. Грабежи и буйство были нормой «правления». Самодеятельность населения в деле элементарной организации гражданской жизни и обеспечения насущных потребностей рассматривались как бунт, как приверженность к коммунизму. Крестьян обирали до ниточки» [1].

Вышеприведенные слова являются красочной иллюстрацией политики Сев рного корпуса. Белый террор, насилие и грабежи, несмотря на политические трения в среде русских белогвардейцев различных оттенков, свирепствовали на всей, занятой белыми, территории.

Работа таких «идеологов» белого движения, как ямбургский диктатор, полковник Бибиков, по характеристике Н. Н. Иванова — «отъявленный реакционер, царист-самодержавник и человек большого произвола», и вершитель судеб населения Пскова – С. Н. Булак-Балахович,—отличалась такой жестокостью, что вызывала негодование и возмущение даже среди самих белогвардейцев. А что уже говорить о мелких исполнителях, комендантах в волостях, гражданских чиновниках, которые и выдвигались-то на ответственные посты по определенного характера «заслугам».

Население занятого белыми района получило предметный урок. Имея на руках всякого рода белогвардейские приказы, листовки, оно, в «лучшем» случае, воспринимало идею Учредительного собрания, под знаменем которого, якобы, проходило наступление белых, а в «худшем», и совершенно не получало политических лозунгов борьбы русской контр-революции с советской властью. Зато оно видело возвращение помещиков, восстановление д революционных порядков, белый террор и вскоре стало ожидать прихода красных.

Однако, положение на фронте было таково, что начавшееся в начале июня наступление Красной армии на фронте Северной группы 7-й армии проходило успешно, но затем, в связи с контр-революционной деятельностью белогвардейских организаций в тылу и восстанием на «Красной горке», было приостановлено. С другой стороны, и противник, не отличавшийся

---

[1] Г. Кирдецов—«У ворот Петрограда» (1919—1920 гг.), Берлин, русск. тип. Е. А. Гутнова, 1921 г., стр. 187, 188.

большой численностью, не был в состоянии предпринять что-либо серьезное, так как на своем пути встречал уже не бегущие советские части, а более или менее выдержанные, обстрелянные и политически воспитанные войска. Неоднократные попытки белых прорвать расположение красных частей в районе Гатчины, с последующей целью перерезать наиболее важные для Петрограда артерии: Московско-Виндаво-Рыбинскую и Николаевскую железные дороги, не увенчались успехом. Таков же, примерно, был результат и с операциями белых западнее Луги и у станции Струги-белые. В Псковском районе боевые действия ограничивались работой разведывательных партий.

Итогом первого месяца наступления Северного корпуса летом 1919 г. являлось то, что массовый отход советских частей к июню 1919 г. закончился и противник стал встречать местами довольно сильное сопротивление.

1.

2.

3.

4.

1) А. П. Николаев, 2) Н. Г. Толмачев, 3) А. С. Риков, 4) В. О. Мазин (Лихтенштадт).

ГЛАВА 5[1].

СОСТОЯНИЕ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ. — ИЗМЕНЫ. — УКРЕПЛЕНИЕ ФРОНТА, МОБИЛИЗАЦИЯ В ПЕТРОГРАДСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ. — СОСТОЯНИЕ АРМЕЙСКОГО ТЫЛА. — НАСТРОЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. — ДЕЗЕРТИРСТВО. ЗЕЛЕНЫЕ. — ВОССТАНИЕ ФОРТОВ «КРАСНАЯ ГОРКА», «СЕРАЯ ЛОШАДЬ» И «ОБРУЧЕВ». — ПОТОПЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛОДКИ «L 55». — ГИБЕЛЬ КРЕЙСЕРА «ОЛЕГ».

Причины столь быстрого и успешного продвижения белогвардейцев к Петрограду кроются, главным образом, в политико-моральном состоянии частей Красной армии и населения Северо-западного района.

Внутреннее положение Советской республики, отягчаемое борьбой с контр-революционными очагами России, настроение некоторых групп населения, голод и разруха не могли не сказаться на боеспособности Красной армии.

Голоса фронтовых работников о неудовлетворительном состоянии частей стали раздаваться уже с начала 1919 г.

12 января 1919 г. командование 6-й стрелковой дивизии (Северная группа 7-й Советской армии) доносило командующему 7-й армией о том, что настроение действующих частей не позволяет продолжать наступательные действия, что прибывшее за последние дни пополнение совершенно незначительно по своему составу и малобоеспособно, и что в распоряжении командования нет вполне боеспособных и свободных резервов. В качестве общего вывода командование 6-й дивизией считало, что в стратегическом и тактическом отношениях положение дивизионного участка чрезвычайно осложнено, так как прибывшие части не в состоянии выполнить даже задач по обороне[2].

---

[1] См. в приложениях карту № 2.

[2] АЛОИ, связка № 18.

30 января 1919 г. почти аналогичное сообщение на имя военного комиссара Петроградского округа Б. П. Позерна было сделано Я. Ф. Фабрициусом и М. А. Левиным о состоянии частей Южной группы 7-й армии. В докладе говорилось, что под натиском противника на валкском направлении

«... части, находящиеся в боях уже непрерывно три месяца, измотавшиеся, озлобившиеся, наполовину больные, не получившие за все это время подкреплений и не бывшие ни одного дня в резерве, не выдержали удара и отходят. Резервов нет и нет сил привести без них части в порядок».

Дальше высказывалось предостережение, что части могут отказаться от выполнения боевого приказа и что в этом случае винить их не придется. Требуя пополнения частей обученным молодняком, командным составом и техническими средствами, товарищи заканчивали свой доклад следующими словами:

«Без немедленного проведения в жизнь всего указанного, мы должны указать на полную невозможность не только наступать, но и обороняться, и не можем даже поручиться за судьбу Пскова в самые ближайшие дни» [1].

Ко всему этому, командный состав далеко не был на должной высоте. Краткосрочные командные курсы не могли дать в те времена всесторонне подготовленного командира Части Красной армии управлялись бывшими офицерами, унтер-офицерами старой армии и необученными военному делу на школьной скамье, но выдвинутыми революцией рабочими и крестьянами. Нет ничего удивительного в том, что вопрос о командном составе был, наиболее жгучим и злободневным и в ходе борьбы давал о себе знать с возрастающей силой. Один товарищ, побывавший на фронте, следующими словами описывал «деятельность» командного состава:

«По прибытии в Нарву, я не мог добиться никаких точных сведений о фронте. Никто ничего определенного сказать не мог. Все равнодушно разводили руками и пожимали плечами. На наши тревожные вопросы или молчали или хладнокровно рассуждали по слухам» [2].

Относительно внутреннего порядка в частях тот же товарищ писал:

«В казармах нет внутреннего порядка. Нет никакого уюта. Везде грязно и душно. Ни чистоты, ни опрятности. Грязные котелки валяются

---

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 44, дело № 39, л. 15.

[2] «Петроградская правда», № 23 от 31 января 1919 г., статья А. Я. Клявс-Клявина — «Нарвский позор».

на окнах. Для супа нет баков. Нет регулярных посещений бани. Нет строевых занятий. Всюду лень и отсутствие ответственности, отсутствие всех воспитывающих и сдерживающих приемов» [1].

В относительно лучших условиях находились всякого рода запасные и караульные части, расположенные на территории округа и находившиеся в ведении соответствующих военных комиссариатов при исполкомах, но и здесь работу политорганов нельзя было считать нормальной.

За неимением под рукой исчерпывающих данных по всему округу, ограничимся только краткой характеристикой работы Псковского губернского и уездных политпросветов с 1 января по 25 мая 1919 г.

Этот период для Псковской губернии являлся периодом нормальной обстановки и наибольшей интенсивности работы.

Красноармейских частей, расположенных в губернии, насчитывалось 42, с общей численностью в 9.000 человек. Коллективов было создано 37, при наличии 298 коммунистов, 88 кандидатов и 382 сочувствующих, что составляло к общему числу красноармейцев $8^1/_2\%$ коммунистов, кандидатов и сочувствующих или $4^1/_3\%$ коммунистов и кандидатов. Такая незначительная прослойка партийных работников не в состоянии была, конечно, в короткий срок изменить политическую физиономию частей гарнизонов. За этот же период было проведено среди красноармейцев по всей губернии 129 митингов и среди населения—128; концертов-митингов—16, собраний—55, собеседований—48 среди красноармейцев и 2 среди населения. Кроме этого, красноармейцам читались, специально приглашенными лекторами, лекции, которые распределялись по характеру тем следующим образом: на политические темы 30 лекций, по медицине и гигиене — 13, по естествознанию и сельскому хозяйству — 7. За это время по губернии было распределено 390.270 экземпляров центральных и местных газет [2].

Но такая работа была возможна только в тыловых частях. На фронте, в действующих частях, положение было совсем другим.

Слабая насыщенность политработниками фронтовых действующих частей Красной армии, а отсюда и неудовлетворительная политическая работа, в сильнейшей степени сказалась

---

[1] «Петроградская правда», № 23 от 31 января 1919 г., статья А. Я. Клявс-Клявина — «Нарвский позор».

[2] ЦВПА при ВПАТ, связка № 55, дело № 17-к.

на боеспособности красноармейцев во время перехода к активным действиям противника.

В силу этого, на Северо-западном фронте получили довольно широкое распространение случаи измены командного состава и даже целых частей Красной армии. Стоило только противнику нанести несколько ударов, как все отрицательные стороны организации Красной армии, ее комплектования, военного и политического обучения, обусловленные спешностью, выливались в целый ряд предательств и переходов на сторону белых.

Переход к белым красноармейских частей всегда был связан с условиями их комплектования и изменой командного состава. Так, 3-й пехотный полк 2-й Петроградской бригады особого назначения возник из сформированного в 1918 г. полка внутренней охраны Спасского района Петрограда. Кадром для полка послужили остатки бывшего запасного лейб-гвардии Семеновского полка. Не желая итти на фронт и защищать советскую власть, бывшие офицеры и буржуазные элементы Спасского района, купцы с Апраксина и Гостиного двора, домовладельцы и торговцы хлынули в формируемый полк и служили там рядовыми красноармейцами. Многие устраивались в полку за взятки. Некоторые партийные работники полка вместе с организатором полкового коллектива Купше указывали политическому комиссару полка Каплуну, что белогвардейские офицеры вели в полку свою агитацию и что их необходимо немедленно изъять. Часто в полку распространялись анонимные письма с угрозами против действий коммунистов.

Наличие значительного количества белогвардейцев заставило советские органы обратить внимание на полк. Для производства чистки полка была назначена специальная комиссия в составе Н. А. Угланова, А. С. Ракова, П. А. Серова, П. Н. Сиротинина и Е. А. Эстрова, которой удалось арестовать 85 человек, но белогвардейское гнездо до конца все же ликвидировано не было. Вторая чистка была в декабре 1918 г. В комиссию входили Н. А. Угланов, А. С. Раков и Н. Ф. Свешников. Согласно постановлению комиссии, полк подлежал расформированию, но, по невыясненным причинам, расформирование полка произведено не было.

В мае 1919 г., во время наступления белых на Петроград, 2-я Петроградская бригада в полном составе была брошена на фронт.

28 мая 3-й пехотный полк, при котором находился комиссар бригады А. С. Раков, расположился в деревне Выра, в 6 ки-

лометрах от станции Сиверской, Варшавской ж. д. И в эту же ночь с 28 на 29 мая произошла в полку долго подготавливавшаяся измена командного состава и рядовых солдат. Первые два батальона полка, по совету части заговорщиков из командного состава, были двинуты в наступление против находившихся неподалеку белых. В деревне Выра остался только один 3-й батальон, численностью около 600 чел., отдыхавший по квартирам. При содействии заговорщиков ночью в деревню вошли части Талабского полка Северного корпуса белых, к которым сразу же присоединились помощник командира полка В. А. Зайцев – б. капитан, командир 1-го батальона С. А. Самсониевский— бывший гвардейский офицер и числившийся с 1 апреля 1919 г. членом РКП (б), и другие. Под руководством Зайцева белые стали арестовывать и расстреливать всех коммунистов и комиссаров. Были убиты: командир полка П. П. Таврин, бывший ранее командиром 8-го латышского стрелкового полка, а затем— председателем Череповецкой губернской чрезвычайной комиссии, комиссар полка Купше и все батальонные комиссары Комиссар бригады А. С. Раков, узнавший об измене, забаррикадировался в штабе и до последнего патрона отстреливался от белых из пулемета. Только после того, как все пулеметные ленты были им расстреляны, он застрелился. После расправы над коммунистами выстроенный батальон под звуки царского семеновского марша прошел церемониальным маршем мимо группы изменников во главе с Зайцевым [1].

Вскоре перебежчиков навестил генерал Родзянко, который был «приятно поражен их бодрым видом», оставил им наименование Семеновского полка и приказал дать несколько дней отдыха. Перешло на сторону белых из 3-го пехотного полка около 600 человек, оркестр полковой музыки и взвод артиллерийской батареи из двух орудий [2].

Об этой измене И. В. Сталин, находившийся тогда в Петрограде, и Г. Е. Зиновьев в 20 часов 29 мая протелеграфировали в Москву:

«Немедля передайте Ленину или, если его нет дома, Склянскому следующее. Сегодня утром после начатого нами успешного наступления

---

[1] «Петроградская правда», № 128 от 12 июня 1919 г.; Г. Л. Шидловский — «Товарищ Раков», изд. «Прибой», Л., 1926 г., стр. 60 – 62.

[2] А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», стр. 49, 50.

по всему району один полк в две тысячи штыков со своим штабом вдруг открыл фронт на левом фланге под Гатчиной, у станции Сиверская и со своим штабом перешел на сторону противника. Станция Сиверская была у белых, теперь отбита. Поступившие до сих пор подкрепления не одеты, не обуты, не вооружены. Для приведения их в порядок требуется неделя, а время не терпит. Считаем абсолютно необходимым срочно получить от Москвы один надежный в полной боевой готовности полк и один бронепоезд. *Сталин, Зиновьев*» [1].

Воспользовавшись изменой красноармейцев, Талабский полк из дер. Выра направился к дер. Межно, занял ее и, затем, подорвал железнодорожный мост у станции Сиверская.

Приведенная картина измены батальона 3-го пехотного полка характерна и для остальных частей Красной армии, где усиленно велась контр-революционная агитация числившимися на советской службе бывшими офицерами.

В несколько более устойчивом положении находились части Северной группы 7-й армии (6-я дивизия), хотя в деле отступления они нисколько не отличались в выгодную для себя сторону. Бо́льшая устойчивость нарвской группировки 7-й армии объяснялась прибывавшими поочередно боеспособными частями из Петрограда и наличием на линии железной дороги двух советских бронепоездов (№№ 49 и 26).

По инициативе партийных организаций Петроградской губернии, исполкомов и профессиональных союзов на фронт стали прибывать отдельные отряды, которые или сформировывались в более крупные армейские единицы, или вкрапливались в красноармейские части.

В Гатчине, в конце мая, было приступлено к организации 1-го сводного стрелкового полка, комплектовавшегося преимущественно из членов исполкомов и коммунистов Петроградской губернии. Первую роту этого полка составили служащие советских учреждений под командованием Терехова, для организации 2-й роты была использована рота Гатчинского уездного военного комиссариата под командованием Цветкова, остальные роты укомплектовались отрядами следующих партийных организаций: Новоладожской, Колпинской, Шлиссельбург-

---

[1] АЛОИ, связка № 21, дело № 32.

Сообщение о том, что на сторону белых перешел полк в две тычячи штыков, не соответствовало действительности, так как перешло всего около 600 штыков. Также неверно, что станция Сиверская была взята противником тогда же.

ской, Лужской, Невельской и др. Через два дня первые роты приступили к учебным занятиям, а дня через 4—5, когда в полку уже насчитывалось четыре роты, полк получил приказ отбыть на 11 км южнее Гатчины для ликвидации появившихся там и угрожавших Гатчине бандитских шаек. Тремя ротами руководил Геннинг, а 4-я рота, соорудив импровизированную броневую платформу с 3-дюймовым орудием, была отправлена на жел.-дор. станцию Преображенская. Спустя 2 недели 1-й сводный полк насчитывал три батальона, один из которых вошел в состав 6-й стрелковой дивизии. В боях за Петроград этот полк проявил большую стойкость и понес большие потери [1].

Приток коммунистов не останавливался и в июне месяце 1919 г. В период с 8 по 14 июня, т. е. в момент серьезных боев на подступах к Петрограду, в 7-ю советскую армию было прислано 45 чел. — членов Московского совета, различными губкомами партии — 145 чел., а всего 190 политических работников [2].

Посылка коммунистов губкомами производилась в ответ на воззвание ЦК РКП (б) от 22 мая 1919 г., обращенное к партийным и советским организациям Петроградской, Новгородской, Псковской, Тверской, Олонецкой, Северо-Двинской, Вологодской, Череповецкой и Витебской губерний. ЦК партии предлагал отправлять мобилизованных по партийной и профессиональной линиям в распоряжение Западного фронта на помощь Петрограду, как можно скорее [3].

Кроме этой непосредственной посылки губкомами на фронт партийцев, Политическим управлением Республики было командировано на Западный фронт, главным образом, для защиты Петрограда, с марта по июль включительно 328 партийных работников, из коих 121 человек было послано в мае [4].

Одновременно с партийными мобилизациями проходила общая мобилизация рабочих гор. Петрограда от 18 до 40 лет [5] и населения всего Петроградского военного округа.

---

[1] МЛОИ. Рукопись Скачковского.

[2] ЦВПА при ВПАТ, связка № 45, дело № 20, лист 110.

[3] «Правда», № 114, 1919 г.

[4] ЦВПА при ВПАТ, связка № 45, дело № 20, лист 293.

[5] Данные этой мобилизации см. ниже.

Данные о мобилизации населения в Петроградском военном округе за период апрель — июль 1919 г. распределяются следующим образом [1]:

Губерния	апрель	май	июнь	июль	Примечания
Петроградская .	13.082 [1]	— [2]	5.759	2.124	[1] Большая часть мобилизованных родилась в 1899 г.
Псковская . .	3.908 [1]	—	4.291	4.441	
Мобилизовано по всему округу .	27.563	—	21.168	11.929	[2] За май данных нет. Мобилизация, однако, проводилась, но дала незначительные результаты.

Прохождение всеобщего военного обучения по 96-часовой программе, к которому в апреле 1919 г. было привлечено 80.210 человек, в силу целого ряда объективных причин (как наступление белых на Петроград, недовольство населения) с мая — июня было приостановлено.

Эти мобилизации значительно увеличили ряды Красной армии, и если они не давали вполне боеспособных красноармейцев, которых можно было бы без риска немедленно послать на фронт, то зато предъявляли колоссальные требования на все виды их снабжения. Количество бойцов коренным образом разнилось от общей мобилизованной массы, являвшейся едоками. Каждый рядовой боец на Петроградском фронте, на всех боевых участках 7-й армии, имел за собою в тылу в различное время от 3 до 7 «военных» едоков.

Так, например, на 24 июня 1919 г. на довольствии в Петроградском военном округе числилось всего 192.529 чел. и 25.064 лошадей.

Из этой общей цифры красноармейские части нарвско гдовского направления (6-я стрелковая дивизия) имели 53.052 чел. и 7.441 лошадь; части псковского направления (10-я стрелковая дивизия) — 33.827 чел. и 5.326 лошадей; лужская группа — 13.218 чел. и 2.306 лошадей; междуозерный участок (1-я стрел-

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 25, дело № 19-а.

ковая дивизия) — 30.993 чел. и 3.883 лошади; Карельский участок и Петроград (19-я стрелковая дивизия) — 49.147 чел. и 5.720 лошадей и т. д.[1].

Таковы данные о количестве едоков во всех группах 7-й армии. Количество бойцов в этих же всех группах по состоянию к тому же 24 июня 1919 г. едва ли достигало даже 50.000 чел. Соотношение между бойцами и едоками очень часто изменялось, вследствие убыли первых и колоссального количественного увеличения вторых.

За время с 15 июля по 15 августа 1919 г. на довольствии в Петроградском военном округе состояло до 216.000 чел. и от 14.000 до 18.000 лошадей. Таким образом, к концу лета 1919 г. число едоков увеличилось больше чем на 20.000 чел., количество лошадей сократилось.

Такая громоздкость тыла создавала большие затруднения в деле снабжения мобилизованных всеми видами довольствия.

Недостаток в снабжении, остро ощущавшийся летом 1919 г. 7-й армией, понижал боеспособность частей[2].

Для лучшего снабжения действующих частей 7-й армии принимались все меры, с влиянием же этих недостатков на настроение бойцов вел соответствующую борьбу политический аппарат армии.

Принятые меры к укреплению действующих частей 7-й армии стали сказываться уже к концу мая 1919 г. К 31 мая состояние советских частей, расположенных в нарвском направлении, политотделом 7-й армии характеризовалось следующим образом.

6-я стрелковая дивизия: 1) правый участок — 2-я бригада (166-й и 168-й полки), — несмотря на изнуренность, боеспособна, среди новгородских курсантов настроение боевое; 2) средний участок — 1-я бригада (51-й стрелковый, 4-й эстляндский и 185-й стрелковый полки, коммунистические отряды Григорьева и Зарембы) — настроение хорошее; 3) левый участок — 3-я бригада (154-й и 4-й стрелковые полки, морской береговой отряд, бронепоезда №№ 49 и 26) — настроение удовлетворительное. В Гатчине — сводный полк, формируемый из советских и партийных работников, — настроение боевое, политработа вели-

[1] АЛОИ, связка № 18, «Сведения о состоянии продуктов и фуража на 24 июня 1919 г. в базах и магазинах 7-й армии».

[2] ЦВПА при ВПАТ, связка № 39, лл. 11 и 43, бюллетени ПУРа, № 4, с 15 июля по 15 августа 1919 г.

колепна. Настроение отрядов курсантов, отправленных около 3.000 чел. в село Гостилицы, хорошее. Кронштадтский пехотный и 97-й стрелковый полки в боевом и политическом отношениях вполне благонадежны. Кронштадтская крепость — настроение гарнизона спокойное. «Особенно сознательная дисциплина артиллеристов на «Красной горке» [1].

Только на одном Лужском участке отмечалось, что действовавший там армейский полк отходил «без всякого сопротивления, отказываясь от боев и разбегаясь по окрестностям. Красноармейцы полка настроены антисоветски и в строевом отношении не подготовлены» [2].

При условии постоянного прибытия в Петроград новых сил и укрепления действующих частей нарвского направления, советское командование решило нанести противнику удар именно в нарвском направлении, с одновременным развитием действий на флангах Северного корпуса.

Однако, этому контр-удару Красной армии помешали вновь возникшие трудности, потребовавшие рассредоточения сгруппированных в кулак сил. Операции ударной группы в течение всего июня носили характер затяжных боев с переменным успехом, в результате которых противник вынужден был все же отказаться от наступательных попыток и перейти к обороне занятой территории.

В связи с весенним оживлением белогвардейцев и белоэстонцев в Нарвском и Псковском районах и чрезвычайно трудным продовольственным положением среди населения северо-запада стала иметь успех контр-революционная агитация кулачества. На этой почве в марте 1919 г. стали возникать в различных местах антисоветские восстания крестьян. Начались они в районе жел. дор. станции Дно и Порховском уезде, а затем перебросились и севернее Петрограда—в уезды Повенецкий, Олонецкий, Пудожский и Петрозаводский. В Гдовском, Ямбургском и Детскосельском уездах настр ение крестьянства также было неустойчивым, колеблющимся, и иногда оно принимало ф рмы открытых контр-революционных восстаний в первых двух уездах.

---

[1] Более чем странно, так как это говорилось за несколько дней до контр-революционного восстания на «Красной горке».

[2] ЦВПА при ВПАТ, связка № 44, дело № 39, лист 29.

Псковская губерния занимала особое место по размаху крестьянских восстаний и дезертирству. Волнения там с весны 1919 г. продолжались вплоть до момента окончательной ликвидации в ноябре Северо-западной армии Н. Н. Юденича и носили, таким образом, как бы перманентный характер. В сводках за март месяц отмечалось, что в одной только волости Великолуцкого уезда восстало около 3—4 тысяч дезертиров [1].

Летом 1919 г. зеленые захватили половину Порховского, Холмского и Псковского уездов и оперировали в Опочецком и Островском уездах [2].

Общее же количество дезертиров по всей Псковской губернии (8 уездов) к 14 февраля 1919 г. приблизительно определялось до 15.000 чел. По словам местных работников, наибольшее количество дезертиров было в Опочецком уезде — до 2.110 чел., наименьшее в Холмском уезде — до 800 чел.

Дезертирами считались: 1) уклонившиеся от явки по мобилизации; 2) дезертировавшие после приема до отправления в части войск (дезертиры с места); 3) бежавшие с пути и 4) дезертировавшие из частей войск.

Комиссия по борьбе с дезертирством в Псковской губернии была сформирована 6 февраля 1919 г., но до 18 марта она работала недостаточно активно; с 18 марта был изменен состав комиссии. Результаты работ комиссии за время с февраля по (приблизительно) май 1919 г. — 4.676 чел. дезертиров, выловленных по губернии, из них в запасный полк 7-й армии в Новгород было отправлено 2.366 чел., в Кронштадт на тяжелые работы — 774 чел., преданы суду Революционного трибунала — 146, а остальные были отправлены в свои прежние части и в Псковскую отдельную роту.

Вылавливание дезертиров вели отдельные команды в 50—60 чел. из местных караульных рот, и несмотря на то, что бойцы этих команд и «заслуживали со всех сторон хорошие отзывы», — работа подвигалась медленно. Медлительность передвижения пеших отрядов по губернии давала возможность дезертирам (при подходе отрядов) переходить из одной волости в другую.

---

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 39, лист 20 (бюллетени за март 1919 г.).

[2] Псковский музей революции, материалы Псковской истпарткомиссии, дело № 3, краткий исторический очерк Псковского губвоенкомата к 7-й годовщине Красной армии.

Происшедшие события во второй половине апреля, с 18 по 29 апреля 1919 г., в Холмском уезде, принявшие характер крупного восстания, заставили местные и центральные органы поставить в порядок дня не борьбу с дезертирами и их укрывателями, а вопрос об объявлении им беспощадной войны.

18 апреля восстания начались в Галибицкой, Немчиковской и Троицкой волостях, Холмского уезда. Руководили восстанием бывш. морской офицер Белорусский и «красный офицер» Медем. Их шайки действовали при прямой поддержке местного кулачества. Через 10 дней это восстание было ликвидировано [1].

В мае 1919 года начались активные действия дезертиров в Порховском уезде. В Дмитриевской и Сорокинской волостях дезертирами были разгромлены волостные исполкомы, в Верхне-Шелонской волости 30 мая был разгромлен военный комиссариат, дела все уничтожены. Посланный для подавления восстания отряд эстонцев и коммунистов вынужден был отступить, потеряв пулемет и 10.000 патронов. После этого шайка дезертиров двинулась на жел.-дор. станцию Дедовичи и расстреляла там 11 красноармейцев. Прибывшим новым отрядом дезертиры со станции были выбиты.

В Александровской волости скопилось около 800 дезертиров, из коих вооружено было только 60 чел.

В июне 1919 г. и в Опочецком уезде началось движение дезертиров — зеленых. 7 июня ими был разбит Ноташковский волостной исполком, 8 июня — сожжен Ежинский волостной исполком [2].

В докладе о состоянии Псковской губернии за период с 15 мая по 15 июня 1919 г. о движении зеленых говорилось:

«В последних числах мая дезертиры начали активно напоминать о себе. Зеленые, скрывающиеся до тех пор в лесах, начали появляться на больших дорогах, устраивать набеги на волостные исполкомы и военкомы, производить разгромы последних, портить железную дорогу и т. п.»

Относительно действий этих зеленых банд в июне в районах с антисоветски-настроенным крестьянством в докладе говорилось следующее:

«За последнее время чувствуется организованность их выступлений, что заставляет полагать, что их действиями руководит какая-то группа.

---

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 11, дело № 1, лл. 400 — 409. Доклад комиссии по обследованию деятельности Псковского губвоенкомата.

[2] Там же, связка № 39, бюллетень ПУРа, № 2, с 20 июня по 1 июля 1919 г., л. 10.

В то время, как действия дезертиров прежде выражались в разгромах местных волостных учреждений и имели своею целью нанести местный ущерб, теперь вся их работа ведется в направлении нанести ущерб пунктам особой государственной важности, как-то железным дорогам, складам и пр. Необходимо отметить, что особенно часты стали выступления в прифронтовой полосе, при чем некоторые группы восставших дезертивов имеют определенную тенденцию слиться с белогвардейским фронтом. Поимка шпионов среди них указывает определенно на работу белогвардейского штаба» [1].

Из захваченных документов и опроса дезертиров было выяснено, что в качестве объектов их действий по плану были намечены жел.-дор. станция Идрица, гор. Опочка и вся линия железной дороги на Псков, где предполагалось соединение с белогвардейцами. Свои надежды руководители зеленых возлагали на помощь из города Полоцка, где действовали в то время более крупные банды.

Как антисоветские восстания крестьянства, так и движение дезертиров-зеленых, питавшееся политической отсталостью сельско-хозяйственного района, можно характеризовать, как черносотенно-анархистское движение. Наиболее распространенными лозунгами зеленых из вывешиваемых ими объявлений были:

«долой войну, да здравствует свобода дезертиров и частная собственность, долой жидов и кровопийц-коммунистов» [2].

Для иллюстрации дезертирского движения приведем, к сожалению, неполные, относящиеся только к июню 1919 г., данные. По трем губерниям Петроградского военного округа в течение июня месяца было учтено 7.728 дезертиров, из коих 3.555 чел. явилось добровольно, а остальные — 4.173 чел. были задержаны специально посланными по борьбе с дезертирством отрядами. По губерниям количество задержанных распределялось: Новгородская губ. — 2.278 чел., Петроградская губ. — 600 чел. и Псковская губ. — 374 чел. [3]. Малое количество задержанных дезертиров в районе Пскова объясняется отнюдь не меньшим количеством дезертиров там, а трудностью борьбы с ними в прифронтовой полосе, при неустойчивом настроении деревни.

Последнее обстоятельство обусловливалось почти полным отсутствием в волостях советских организаций — комитетов бед-

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 26, дело № 82-5, л. 14.

[2] Там же, л. 17.

[3] Там же, связка № 25, дело № 19-а, л. 80—84.

ноты, а где они и были, то находились под руководством местного кулачества. Также сказывалось и отсутствие опытных советских работников и наличие значительного количество антисоветски-настроенных служащих. Обозленность крестьянства усиливалась ненормальными взаимоотношениями с красноармейскими частями, в частности, с эстонской дивизией, бойцы которой не останавливались перед открытым грабежом населения [1]. Если к этому еще прибавить кризис с продовольствием, который психологически отражался на крестьянстве гораздо болезненнее, чем все остальное, то общая картина причин недовольства и политической неустойчивости района вырисовывается, даже на основании скудных материалов, довольно ярко.

Проведение всей советской работы среди крестьянства ложилось, силою обстоятельств, на действующие части Красной армии, что не могло, конечно, не отразиться на результатах этой временной, спешной, далеко не плановой работы. В этом отношении интересной является телеграмма военного комиссара Южной группы 7-й армии П. А. Залуцкого от 21 июня, посланная на имя Г. Е. Зиновьева и И. В. Сталина:

«Среди крестьян [в] волостях и уездах Псковским исполкомом не ведется никакой работы. Не существует власти на местах. Наряду [с] военными действиями против зеленых и дезертиров приходится водворять порядок [в] деревнях. Требования, чтобы Псковский губисполком выслал ответственных работников [из] Великих Лук на работу на местах, не имеют успеха. Прошу вашего содействия понудить Псковский губисполком приступить к организации губернии. Военные власти нести эту обязанность долго не могут» [2].

Для окончательной ликвидации зеленых был выделен специальный экспедиционный отряд, который к концу июня рассеял наиболее крупные шайки. Бои с зелеными шайками были по линии железной дороги Псков — Новоржев, в 40—45 км от Пскова в районе деревни Диванисово, на 12 км южнее деревни Мигуново. В бою 20 июня в районе деревни Диванисово зеленых было убито 60 и захвачено в плен 100 человек, в том числе и организатор зеленых — командир роты, бывший унтер-офицер, Макаров. Остатки банды были рассеяны и скрылись в болотах западнее деревни Ракитино. Северо-западнее от этого района, в 20 — 30 км от Пскова, в районе деревни

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 44, дело № 39, л. 33.
[2] АЛОИ, связка № 18.

Ореховичи, красноармейские части также вели бои с зелеными, но не совсем удачно, так как один из отрядов зеленых, силою около 800 чел., прорвался через фронт и соединился с белыми [1]. Таковы, весьма неполные, фактические сведения о движении зеленых.

Во всяком случае и из этих разрозненных сведений можно представить всю трудность положения, в котором находились части Красной армии, действовавшие в псковском направлении.

Не лучше было положение и Северной группы войск 7-й армии.

В первой половине июня произошло, неожиданно для советского командования, восстание форта Красная горка, расположенного на южном побережьи Финского залива, как раз там, откуда предполагалось нанести фланговый удар противнику.

Измена на «Красной горке» подготавливалась в течение довольно длительного периода, весьма конспиративно и умело. Среди командного состава форта было много бывших офицеров, призванных на советскую службу, и они-то создали там белогвардейское ядро. Слабый контроль комиссаров способствовал заговорщикам в их работе.

Не был обойден форт и эсерами, агитация которых впервые стала оказывать влияние с конца 1918 г. На митингах выступали эсерствующие матросы и предлагали свои резолюции, которые иногда и проходили. Однако, на это своевременно не было обращено внимания, и контр-революционные элементы имели полную возможность продолжать свою деятельность.

Группа бывших офицеров, таким образом, имела поддержку со стороны некоторой части матросов-эсеров, на роль которых в восстании они возлагали большие надежды.

Слабая постановка политической работы на форту, наличие малоопытных молодых коммунистов, слабый комиссарский надзор за деятельностью командного состава — все это не дало возможности советским органам, партии и военному командованию учесть боеспособность и политическое настроение гарнизона форта.

Выше уже отмечалось одно, весьма сомнительное, утверждение о надежности артиллеристов Красной горки, имевшееся в политсводке 7-й армии.

---

[1] АЛОИ, связка № 18, Оперативные сводки 7-й армии за 21—24 июня 1919 г.

Здесь остановимся на другом документе, более непосредственном, на докладе комиссара Кронштадтской морской базы от 24 мая 1919 г., поданном Комитету обороны Петрограда.

В этом рапорте излагались результаты обследования всех фортов Кронштадтской крепости, произведенного согласно распоряжения Комитета обороны [1].

Относительно Красной горки там говорилось, что охрана форта на должной высоте, техническая часть в полной исправности, артиллерийский огонь может быть открыт по истечении 10 — 15 минут, а дежурная батарея — в любую минуту.

«Настроение как командного состава, так и команды вполне удовлетворительное. Крепость может на форт положиться, как на вполне надежную опору... Признаков, наталкивающих на подозрение к измене, не наблюдалось нигде» [2].

Однако, наряду с этими, весьма оптимистическими, утверждениями говорилось дальше и о том, что коллективы членов РКП(б) хотя и имелись на всех фортах, но в общем они были слабы и «особенно выдающейся политической и культурно-просветительной работы не могут проявлять».

И это говорилось за три недели до восстания!

Вполне понятно, что обследование было весьма поверхностным и утверждавшим сугубо неверную оценку боеспособности форта, имевшуюся уже давно у советского командования и Комитета обороны.

Слепое доверие к командному составу Красной горки, увенчалось, наконец, неожиданной для всех, но давно подготовляемой заговорщиками, изменой.

Выбору момента восстания помогли действия Северного корпуса.

В процессе наступления на Петроград левый фланг Северного корпуса имел задачу продвигаться по южному советскому побережью Финского залива и овладеть фортами Серая лошадь и Красная горка. На своем пути противник не встречал серьезного сопротивления и к 12 июня подошел на 7 – 8 км к форту Красная горка. Такому быстрому и близкому под-

[1] Обследование производили комиссар базы Н. М. Лудри и член Комитета рабочей обороны гор. Кронштадта Дм. Ник. Кондаков (член Петроградского губернского комитета РКП(б) в июле 1919 г.).

[2] АЛОИ, связка № 18.

Разрядка наша.

ходу к форту противник был обязан перешедшим на его сторону 1-му и 2-му Кронштадтским и 105-му стрелковому полкам, оборонявшим подступы к форту.

С приближением фронта настал момент действовать и заговорщикам Красной горки — коменданту форта, бывш. поручику, Николаю Неклюдову (сыну генерала), командиру 12-й батареи форта Куприянову, начальнику артиллерии Кронштадтской крепости, бывш. полковнику, Будкевичу, помощнику коменданта форта Лащилину и др. [1].

К тому же и другие обстоятельства требовали от заговорщиков немедленных действий. На место перешедших к белым частей стали присылаться с тыла коммунистические отряды с назначением их как на фронт, так и для усиления красногорского гарнизона, что могло расстроить планы Неклюдова.

Дальнейший ход событий представляется в следующем виде.

Коллектив форта, насчитывавший около 150 человек, предчувствуя какую-то контр-революционную подготовку, вечером 12 июня устроил общее собрание, на котором был поставлен вопрос о немедленном аресте Николая Неклюдова и его компании. Однако, провести в исполнение решение не удалось, так как присутствовавший на партийном собрании, как член коллектива, один красноармеец, исполнявший обязанности денщика Неклюдова, поспешил сообщить обо всем своему хозяину и тот успел принять меры первым [2].

Собрав к себе на квартиру в ту же ночь единомышленников, Неклюдов обсудил план действий и приказал выступать.

13 июня, в 4 часа 30 минут, Неклюдов явился в специально им подобранную пулеметную команду и разбуженным по его приказу красноармейцам стал говорить о том, что форт окружен белыми, которые предлагают сдаться. Получив согласие на сдачу форта белым, Неклюдов тотчас отдал приказ пулеметчикам произвести арест всех коммунистов форта и разоружить только что прибывший и отдыхавший по квартирам коммунистический отряд, находившийся под командованием И. В. Юклявского, мотивируя это тем, что коммунисты будут против сдачи форта белым.

---

[1] МЛОИ, рукопись Рянни.

[2] АЛОИ, исторический обзор политического отдела Кронштадтской крепости.

Успех заговорщиков был полный: через 1 — 2 часа все коммунисты были посажены в бетонный каземат и полными господами положения стали белые.

Первым актом Неклюдова была посылка радиотелеграммы финскому военному командованию в Биорке, в которой говорилось, что Красная горка предоставляет себя в полное распоряжение финского командования. Одновременно был послан Кронштадтскому совету 15-минутный ультиматум о немедленной сдаче крепости с угрозой открыть артиллерийский огонь.

В ответ на неклюдовский вызов, Кронштадт и Петроград стали спешно готовиться к подавлению восстания.

В море вышли боевые суда, на суше стали сосредоточиваться отряды.

Не получая ответа на ультиматум, Неклюдов около 15 часов приказал открыть по Кронштадту редкий огонь из тяжелых орудий. В ответ на это, суда Балтийского флота «Петропавловск» [1] и «Андрей Первозванный», в свою очередь, открыли огонь из 12-дюймовых орудий. Артиллерийская перестрелка то затихала, то вновь возобновлялась вплоть до окончательного подавления восстания.

За все время бомбардировки Красной горки было израсходовано снарядов:

На линейном корабле «Петропавловск» 12-дюймовых . . .	568,
» » » «Андрей Первозванный» 12-дюймовых	170,
» крейсере «Олег» 130 *мм*	750,
» эскадренных миноносцах 100 *мм*	145 [2].

Обстрел из форта Красной горки не принес особенно большого ущерба красным в Кронштадте; в результате же об-

[1] Бывший комиссар Кронштадтской базы Н. М. Лудри в своих воспоминаниях пишет, что «Петропавловск» открыл артиллерийский огонь по «Красной горке» с места своей стоянки, из гавани. Однако, этот обстрел не наносил никакого вреда мятежникам, так как были недолеты снарядов. Временно исполнявший должность начальника базы, как впоследствии выяснилось, — участник заговора, уверял, что расчет стрельбы — правильный и «Петропавловску» нет необходимости выходить из гавани. Только по распоряжению Комитета обороны Кронштадта, куда входил комиссар базы Н. М. Лудри, «Петропавловск» вышел из гавани; после этого недолеты снарядов исчезли (Материал Василеостровской истпарткомиссии).

[2] «Гражданская война», т. 2-й, часть 1-я, изд. историч. отдела операт. управления Штаба РККФ, 1926 г., Ленинград, стр. 172.

стрела судами Балтийского флота, Красная горка вся была изрыта снарядами, так что восставшие не могли удержаться под ураганным огнем и вынуждены были под давлением наступавших еще и с суши отрядов моряков и коммунистов оставить форт.

15 июня, в 23 часа, на форт Красная горка первым вошел советский бронированный поезд, а за ним и красноармейские и флотские части.

Группа мятежников, желая избежать преследования, быстро отступила на деревню Коваши — местечко Копорье, расстреляв по дороге почти всех захваченных коммунистов, сочувствующих им и беспартийных. Застичь виновников восстания частям Красной армии так и не удалось.

Необходимо отметить, что в план заговорщиков из Красной горки, который был согласован с контр-революционной организацией Национального центра в Петрограде, входило восстание и на других фортах. Однако, Красная горка была изолирована, если не считать весьма слабой поддержки, которая была оказана ей фортом Серая лошадь, также восставшим и принимавшим участие в артиллерийском обстреле Кронштадта и судов Балтийского флота.

Главарем заговора на форту Серая лошадь был бывш. офицер Оглоблин, под руководством которого были произведены аресты находившихся на форту коммунистов и комиссара форта. Гарнизон форта требовал освобождения арестованных, но вел себя пассивно. Оглоблин распускал заведомо ложные слухи о падении после Красной горки самого Петрограда и говорил о том, что эскадра союзников вскоре возьмет Кронштадт. Когда Красная горка начала стрелять по Кронштадту, в рядах гарнизона форта прошло смятение, большая часть матросов агитировала за неподчинение приказам Оглоблина и других изменников из командного состава и предлагала ждать «выяснения». С появлением на рейде перед фортом кораблей Балтийского флота «Олега», «Гавриила» и «Свободы», гарнизон заволновался еще больше. Предложение комендора Бурова организовать сопротивление своим бывшим командирам-изменникам встретило общее одобрение, и когда был отдан приказ стать к орудиям для обстрела Кронштадта, то ни один из рядовых матросов его не исполнил. Гарнизон, захватив пулемет и сняв замки с некоторых орудий, сосредоточился в наиболее

защищенном от снарядов районе форта. Пулемет был поставлен у входа. Комендор Буров разъединил электрический кабель, предотвратив тем самым возможность взрыва форта Серая лошадь со стороны мятежной Красной горки.

Подошедший с повторным приказом стать немедленно к орудиям офицер был встречен руганью и убежал. По красным кораблям открыли стрельбу из орудий форта только офицеры [1].

Такая пассивность рядовой массы гарнизона форта, лишенной руководства, вследствие ареста комиссара и коммунистов, предопределила дальнейший ход событий.

При приближении частей Красной армии, Серая лошадь капитулировала. Еще меньшую помощь оказал Красной горке форт Обручев, на котором командному составу, находившемуся в связи с Неклюдовым, удалось арестовать не только коммунистов, но и всех сочувствующих советской власти. Гарнизон Обручева, получив информацию о действительном ходе событий и телефонограмму Революционного военного совета Балтийского флота следующего содержания:

«Команде форта Обручев. Восставшие против рабочих и крестьян собственной страны, во имя интересов генералов и помещиков, — заявите в течение получаса, что вы не пойдете против рабочих и матросов Кронштадта, и мы вас простим, а если этого не сделаете, то путем обстрела мы вас уничтожим» [2], —

понял свое заблуждение, освободил всех арестованных коммунистов и на их место посадил группу заговорщиков из командного состава [3].

Со стороны восставших на Красной горке была предпринята попытка связаться с находившейся в Финском заливе союзной эскадрой, для чего с форта был послан финский катер [4]. Но эскадра все же не появилась, а командовавший ею адмирал ограничился посылкой следующей радио-телеграммы:

«18 часов 55 минут. 16/VI — 1919. Всем. Настоящим сообщаю, что жизни команд всех выходящих из Кронштадта судов, которые добровольно сдадутся моим силам, будут гарантированы. Все переходящие суда должны выкинуть белый флаг. Орудия должны быть направлены к носу

[1] «Красный флот», книга 3 — 4, февраль 1928 г., статья И. Ринга и И. Кунина — «Форт Передовой».

[2] «Гражданская война», изд. 1926 г., т. 2, ч. 1-я, стр. 170.

[3] МЛОИ, Рукопись Рянни.

[4] «Известия ВЦИК», № 130, от 18 июня 1919 г.

и корме и закреплены по походному. Скорость 10 узлов. Адмирал, командующий морскими силами» [1].

Общая оценка Красногорской авантюры была дана на общем собрании членов организации РКП (б) Кронштадта. В принятой общим собранием резолюции говорилось:

«События на «Красной горке» являются не случайностью, а исторической неизбежностью в ходе российской и международной пролетарской революции. Диктатура пролетариата в России не могла не встретить решительного и вооруженного отпора со стороны всех сил отечественной и международной контр-революции».

Дальше говорилось о роли командного состава и его тактике борьбы с советской властью. Считая, что настало время установления еще более глубокого контроля действий командного состава, собрание настаивало на принятии целого ряда срочных мер, как-то: расширения функций политических органов, строжайшей регламентации прав командиров, укрепления комиссарского института и т. д.

Заканчивалась резолюция следующими словами:

«Учитывая, что события на Красной горке могли бы в самом начале принять другой оборот, если бы коммунисты обнаружили больше зоркости, бдительности и сплоченности, общее собрание, во избежание повторения горького опыта Красной горки в Кронштадте, поручает партийному комитету принять все меры к объединению коммунистов Кронштадта в боевую единицу, которая в любой момент могла бы выступить, как одно целое» [2].

Такая неослабная бдительность являлась абсолютно необходимой в условиях напряженнейшего состояния как на Петроградском фронте, так и на море. Наличие английской эскадры в водах Финского залива создавало серьезную угрозу для кораблей Балтийского флота, фортов Серая лошадь и Красная горка и самого Кронштадта.

С подавлением восстания на Красной горке несколько разрядилась угроза советскому южному побережью Финского залива со стороны суши, но это отнюдь не исключало возможности активных действий против фортов английской эскадры.

---

[1] М. Арсеньев — «Форт Краснофлотский» (краткий историч. очерк с приложением архивных материалов морской историч. комиссии), изд. Ред.-изд. отдела морских сил РККА, Ленинград, 1926 г., приложение 4-е.

[2] АЛОИ связка № 18.

Борьба с противником на море за время, предшествовавшее событиям на Красной горке, с 1 по 13 июня 1919 г. проходила под знаком активной обороны советских берегов судами Балтийского флота. Противник за это время демонстрацией своих судов у берегов залива пытался завлечь красные суда в Копорский залив с тем, чтобы после этого атаковать их своими подводными лодками. Вообще же Балтийский флот не располагал в то время значительной силой, и это обрекало его на временное бездействие, только изредка прерываемое выполнением серьезных оперативных заданий.

Противник также не имел успеха и его настойчивые попытки атаковать своими подводными лодками красные суда закончились тем, что 4 июня 1919 г. эскадренные миноносцы Балтийского флота «Гавриил» и «Азард», вышедшие при поддержке линейного корабля «Петропавловск» в Копорский залив и атакованные там английской подлодкой «L 55» своим артиллерийским огнем потопили ее [1].

Вскоре понес потерю и Балтийский флот. В ночь на 18 июня 1919 г. английский быстроходный катер, пройдя незаметно между красными сторожевыми судами, приблизился к крейсеру «Олег», стоявшему на якоре на створе Кронштадтских маяков, и пустил в него торпеду. На крейсере «Олег», около кочегарки, раздался взрыв, крейсер начал быстро крениться, вследствие порчи паропровода погасло освещение. Выскочивший наверх командир крейсера Н. Милашевич дал приказ пробить боевую тревогу, но это выполнено не было, так как горнист отсутствовал, а дать звонки для его вызова не было возможности за неимением тока. Не было исполнено и другое приказание — затопить, в целях выравнивания начавшегося крена, все, что возможно на правом борту, — из-за того, что лопнул трубопровод. Крейсер тонул 12 минут. Погибло из команды крейсера около 50 чел.

Английский катер, по приказанию английского офицера, после выстрела торпедой повернул обратно и дал «самый пол-

---

[1] Английская подводная лодка «L 55» летом 1928 г. была поднята. Обнаруженные там останки английских моряков со всеми личными вещами погибших были отправлены в Англию. Команда подводной лодки комплектовалась добровольцами из различных судов английского флота, о чем свидетельствовали различные знаки отличия.

ный ход, делая возможно чаще зигзаги, чтобы избежать попадания с фортов и судов».

Огонь судов Балтийского флота, охранявших крейсер «Олег», как и самого крейсера, никакого вреда катеру не нанес; по показанию командира советского тральщика «Запал» — «силуэт судна во мгле и на фоне берега был неразборчив, но имел быстрый ход и быструю поворотливость и нес впереди себя большой бурун» [1].

По поводу всего этого эпизода активный участник операций английской эскадры в Финском заливе в 1919 г. и, в частности, инициатор атаки крейсера «Олег» — английский офицер Эгар пишет:

«Если бы восставшие на [Красной горке] знали, что помощь близка и что обстрела со стороны кронштадтских судов больше не будет, быть может получилась бы совершенно иная картина. Если бы эта крепость [Красная горка], командующая над выходами в Невскую губу, находилась в наших руках, то общее стратегическое положение могло бы измениться и все последующие события в Балтике и в России могли принять совершенно иные очертания» [2].

Такое свидетельство врага лишний раз констатирует колоссальное значение того факта, что восставшая Красная горка была вскоре обратно возвращена Советской республике и благодаря принятым мерам находилась в крепких руках в течение всего дальнейшего хода событий на Петроградском фронте.

Восстание форта явилось отдельным эпизодом, но эпизодом, характеризующим настроение не столько рядовой массы бойцов, сколько их изменнической командной верхушки, навербованной из бывших офицеров русской армии. Это обстоятельство, видоизменявшееся в той или другой степени в отношении других восставших фортов, наряду с экстренными мерами советского военного командования, способствовало возвращению обратно в руки Красной армии и флота этих опорных пунктов южного побережья Финского залива.

---

[1] АЛОИ, связка № 18. Дело о потоплении крейсера «Олег» 18 июня 1919 г.

[2] «Морской сборник», № 1, январь 1929 г., изд. управления в.-м. сил Р ККА, Л., стр. 119.

ГЛАВА 6[1].

ВНУТРЕННЯЯ ОБОРОНА ПЕТРОГРАДА. — БОЕВЫЕ УЧАСТКИ.—РАБОЧИЕ ПОЛКИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА. — КОММУНИСТИЧЕСКИЕ БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ. — РАБОТЫ ПО ЭВАКУАЦИИ ГОРОДА. — КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЗАГОВОР. — ОБЫСКИ В ГОРОДЕ.—ОБРАЗОВАНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО УКРЕПЛЕННОГО РАЙОНА.—НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ И ВЗЯТИЕ ЕЮ ЯМБУРГА.—НАЛЕТ АНГЛИЙСКИХ КАТЕРОВ НА КРОНШТАДТ. — ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ В ЛАГЕРЕ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ. — ЗАНЯТИЕ КРАСНОЙ АРМИЕЙ ПСКОВА.

В связи с общей активизацией Северо-западного фронта и агрессивной политикой финской буржуазии, коммунистической партией и советской властью были приняты все меры по укреплению города Петрограда изнутри.

Еще 2 мая 1919 г. Советом рабоче-крестьянской обороны Республики было издано следующее постановление:

«В ночь на 2 мая получено радиотелеграфное сообщение из Парижа о посланном будто бы финляндским правительством ультиматуме Советскому правительству России, содержащем требование прекращения нападения в Карелии и угрозу объявления войны в случае неудовлетворения требования; до сего времени правительство РСФСР этого ультиматума финляндского правительства не получало и никакого наступления в Карелии не ведет. Усматривая, однако, в полученном сообщении намерение финляндского правительства оправдать беззастенчивой ложью новый хищнический набег, желание обмануть финских рабочих, и учитывая возможность наступления белогвардейских банд на Красный Петроград, Совет рабоче-крестьянской обороны постановил:

1) Объявить город Петроград, Петроградскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении.

2) Поручить Реввоенсовету Республики принятие всех тех мер, кои он признает необходимым для защиты Петрограда.

---

[1] См. в приложениях карту № 3.

3) Предложить Петроградской трудовой коммуне в деле защиты Петрограда оказывать Петроградскому окружному военному комиссариату и 7-й армии самое широкое содействие и помощь своим авторитетом и аппаратом.

4) Предоставить право Петроградскому комиссариату по военным делам призывать под ружье все то число способных к несению полевой и походной службы и нужных для формирования вспомогательных и тыловых армейских частей и учреждений рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян, которое потребуется ходом военной обстановки.

5) Предоставить право Петроградской трудовой коммуне получить все имеющиеся у населения имущество, пригодное для вооружения и снаряжения воинских частей, обороняющих подступы к Петрограду и обязать Петроградский окружной комиссариат по военным делам принять действительные меры к получению указанного имущества.

6) Предоставить Петроградской трудовой коммуне право вводить всеобщую трудовую повинность во всех отраслях труда и службы, кои могут оказать серьезную помощь при организации защиты Петрограда.

7) Поручить Петроградской трудовой коммуне и Петроградскому окружному комиссариату по военным делам всеми имеющимися в их распоряжении средствами очистить тыл армии от контр-революционных элементов.

8) О сделанных распоряжениях и принятых мерах Петроградской трудовой коммуне и Петроградскому окружному комиссариату по военным делам телеграфировать ежедневно Совету обороны, Реввоенсовету Республики; копия — Всероглавштабу.

Председатель Совета Обороны *Вл. Ульянов (Ленин).*

За председателя Реввоенсовета *Э. Склянский»* [1].

В развитие этой директивы Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов издал свое постановление, включавшее следующие пункты:

1) В Петрограде создается Комитет рабочей обороны, неограниченные полномочия которого распространяются на город и губернию (в состав комитета вошли: Г. Е. Зиновьев, Б. П. Позерн, И. П. Бакаев, В. И. Зоф и один представитель от Петроградского губисполкома).

2) В 2-дневный срок окружным военным комиссариатом проводится мобилизация в городе и губернии всех рабочих, прошедших курс всеобуча

3) В городе всем домовым комитетам бедноты немедленно организовать постоянную суточную охрану зданий и не допускать проживания в них дезертиров, спекулянтов и т. п.

4) Собрания, общественные места (театр, кино и проч.) закрываются не позднее 23 часов.

5) Имеющиеся на руках у населения оружие и огнеприпасы в 2-дневный срок должны быть сданы в районные военные комиссариаты.

6) Дезертирство, уклонение от отбывания воинской повинности, пособничество этому карается высшей мерой социальной защиты.

---

[1] «Петроградская правда», № 96 от 3 мая 1919 г.

7) Виновные в распространении слухов, в ведении черносотенной агитации, в производстве бесцельной стрельбы на улицах и пр. подлежат суровым наказаниям [1].

Проведение всех этих мероприятий ложилось также и на специально сформированные чрезвычайные политические тройки во всех районах г. Петрограда и в целом ряде фабрично-заводских предприятий.

Районные тройки являлись высшей властью в пределах своего района. Все их распоряжения должны были немедленно и беспрекословно исполняться.

Затем, согласно постановления Комитета обороны Петрограда, была впервые организована внутренняя оборона г. Петрограда, в качестве начальника которой был назначен член реввоенсовета 7-й армии В. С. Шатов [2].

Район внутренней обороны г. Петрограда был ограничен с севера линией реки Большой Невки до Литейного моста и вверх по реке Неве до села Рыбацкое включительно, с юга — линией селений Рыбацкое, Купчино, Средне-Рогатовской колонии, Малой колонии, Вологодско-Ямской слободы, дер. Автово, Морская пристань — включительно.

Управление начальника внутренней обороны Петрограда с 8 мая 1919 г. сразу же приступило к спешной работе по укреплению города.

В военном отношении были приняты меры к целесообразному распределению всех наличных вооруженных сил по районам. Город был разбит на четыре боевых участка, каждый из которых, в конце мая, в связи с продвижением частей Северного корпуса генерала А. П. Родзянко до линии деревень Керново — Готобужи — Бегуницы — Кикерино — Холоповицы — Сосницы, получил определенную задачу.

Боевой участок № 1 включал в себя Елагинский и Петровский острова и Петроградскую сторону с Петропавловской крепостью. В качестве первой линии обороны был намечен

---

[1] «Петроградская правда», № 96 от 3 мая 1919 г.

[2] АЛОИ, связка № 18; протокол постановлений Комитета обороны г. Петрограда от 8 мая 1919 г. Одновременно В. С. Шатов был назначен членом Комитета обороны города.

В книге — «Борьба за Петроград», Гос. изд., П., 1920 г., на стр. 56, в «Военной записке» — Д. Н. Аврова ошибочно указано, что первым начальником внутренней обороны был назначен Я. Х. Петерс.

левый берег реки Большой Невки, второй — при вынужденном отступлении — левый берег реки Малой Невки и левый берег Карповки. В случае невозможности удержаться на этих оборонительных рубежах, войска участка должны были отходить к узловому пункту обороны — к Петропавловской крепости, где войти в состав гарнизона с дальнейшей задачей оборонять крепость «до последнего человека и патрона». Для обороны участка было предназначено 2 батальона при 2 орудиях. Начальником участка был назначен комендант Петропавловской крепости, он же комендант Петроградского района, А. И. Поппель.

Боевой участок № 2 [1] — Васильевский остров. Первая линия обороны шла вдоль левого берега реки Малой Невки, вторая линия — по реке Смоленке. При вынужденном оставлении этих рубежей частям участка следовало отходить через Николаевский и дворцовый мосты и соединиться с гарнизоном боевого участка № 3. Опорными пунктами обороны для всего участка являлись здания Биржи и бывш. 1-го кадетского корпуса.

Общая задача для участка — наблюдать за северо-западной оконечностью Васильевского острова с целью воспрепятствовать возможной высадке десанта и, с другой стороны, иметь тесную связь с участком № 3, «охраняя его тыл от всевозможных покушений, как со стороны контр-революционных элементов, так и противника».

Боевой участок № 2 оборонялся $2^1/_3$ батальонами при 2 орудиях и 12 пулеметах. Начальником участка № 2 состоял Малеин.

Боевой участок № 3 состоял из Нарвского района. Первая линия обороны шла вдоль левого берега реки Большой Невки, вторая линия — вдоль реки Фонтанки, Обводного канала, железнодорожной насыпи соединительной ветки М.-В.-Р. ж. д., Путиловский завод. При необходимости — отступать к жел.-дор. насыпи, на линию Воздухоплавательного парка — деревня Купчино, где обороняться с максимальной напряженностью, чтобы дать возможность совершить планомерный отход войскам из боевых участков № 3 и № 4.

Общей задачей ставилось ведение наблюдения за западной частью участка на случай высадки противником десанта, под-

[1] 11 июня 1919 г. боевой участок № 2, лишенный гарнизона, был упразднен и район перешел в подчинение начальника участка № 3. Боевой участок № 4 стал именоваться участком № 2.

держивание тесной связи с войсками боевого участка № 4 и содействие боевым участкам № 1 и № 2.

Опорными пунктами участка № 3 были назначены — штаб округа, Адмиралтейство, Зимний дворец и Эрмитаж.

Участок № 3 располагал 7 батальонами и 5 орудиями.

Начальником боевого участка № 3 был назначен бывш. офицер П. П. Козловский.

Боевой участок № 4 — Невский район. Первая линия обороны — северная часть левого берега реки Невы, вторая линия — Обводный канал. В случае обнаружившегося удара противника с юга — части участка должны были занять позиции на линии деревень Купчино — Ново-Александровская.

Оставление линии разрешалось только тогда, когда войска участка № 2 соединятся с таковыми участка № 3, а очищение всего участка ставилось в зависимость от момента прохода войсками тыла Карельского участка восточного фронта участка № 4.

Содействие частям участка должен был оказывать стоявший у Невского судостроительного завода миноносец «Сампсон».

Для обороны участка № 4 было предназначено 5 батальонов, 4 орудия, 36 пулеметов. Начальником участка № 4 был назначен Арбузов.

Всем начальникам боевых участков было приказано в случае возможных контр-революционных восстаний в городе подавлять их особо выделенными отрядами.

Общее оперативное руководство внутренней обороной города было сосредоточено в штабе начальника внутренней обороны. С началом боевых действий штаб предполагал перейти на вокзал Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, который имел хорошо налаженную техническую связь со всеми пунктами города.

Одновременно с разделением города на 4 боевых участка район севернее от Петрограда был назван тылом Карельского боевого участка. Граница «тыла» проходила: с юга — от линии р. Большой Невки до Литейного моста, далее по набережной р. Большой Невы до переправ через р. Неву и с севера — от разъезда «Дамба», через Лесной, Сосновку, Гражданку мз. Ильинская, Палюстрово, Большая и Малая Охта, Ново-Саратовская колония, Островки (все пункты включительно).

В целях преграждения доступа дезертирам из боевых линий на левый берег р. Большой Невки и к Литейному мосту у р. Невы,

район тыла был разделен на три участка — левый, средний и правый. Левый участок тыла обеспечивался отдельным батальоном коммунистов под командованием Лебедева; батальон располагался в районе Старой и Новой деревни в качестве заградительного отряда и выставлял отдельные заставы для усиленного наблюдения за дорогами, ведущими в Петроград.

На среднем участке тыла, в районе Лесной, по северной границе с Удельной и далее к юго-востоку — Сосновка, Гражданка, располагался также в качестве заградительного отряда 2-й отдельный батальон коммунистов, под командованием Сиренко.

На правом участке тыла, в районе Б. и М. Охты, располагался 3-й отдельный батальон коммунистов под командованием Богданова.

На обязанности начальников заградительных отрядов лежала борьба с дезертирством, со всякого рода преступлениями и оказание всемерной помощи местным органам власти в их повседневной работе.

Начальником тыла Карельского боевого участка был назначен Руднев, военным комиссаром Веселов и начальником штаба Арцыбашев [1].

Таков был, в кратких чертах, план внутренней обороны Петрограда.

В этих условиях, если бы противнику даже и удалось летом 1919 г. ворваться в город, что имело, конечно, меньше всего шансов, то он встретил бы уже подготовленный к бою Петроград с его районами — боевыми участками.

Для большей успешности борьбы и в целях создания противнику максимальных затруднений, распоряжением начальника внутренней обороны все мосты на реках — Неве, Большой, Средней и Малой Невках, Карповке и Ждановке, как и целый ряд сооружений исключительной важности были заминированы и, в случае неотложной необходимости, подлежали взрыву.

Для поддержания порядка на улицах города городская милиция занимала более 1.000 постов.

Для несения же внутренней гарнизонной службы количество требуемых красноармейцев для суточного наряда определялось

---

[1] АЛОИ, связка № 21, дело № 32. Приказ по войскам Начальника тыла Карельского боевого участка от 18 мая 1919 г. за № 3/оп.

около 3.000 человек, в силу чего местная петроградская караульная бригада, насчитывавшая к 10 мая всего 3.800 человек, не в состоянии была обслужить город и требовала пополнения.

К делу обороны города были привлечены и женщины. 22 мая Комитетом обороны был издан приказ, объявлявший призыв добровольцев среди работниц для несения милиционной службы. Прием добровольцев производился по представлении партийной, советской или профсоюзной рекомендации, при чем, по службе женщины не получали никаких преимуществ по сравнению с милиционерами-мужчинами.

23 мая 1919 г. Петроградский совет рабочих и красноармейских депутатов, после заслушания доклада о текущем моменте, вынес следующую резолюцию-обращение:

«1. Петербургский совет на своем собрании, с участием всех остальных рабочих организаций Петербурга и с участием представителей всех трудящихся женщин Петербурга, постановляет:

На наш Красный Петербург двигается новый Корнилов. Два царских генерала — Юденич и Родзянко, вместе с царским полковником Балаховичем, подкупленные американскими капиталистами [1], собрали несколько тысяч белогвардейских офицеров и идут на Петербург, чтобы разграбить его, перерезать рабочих и работниц, красноармейцев и матросов. На это может быть только один ответ, такой же ответ, какой в свое время мы дали Корнилову.

Все рабочие мобилизуются, все самые ответственные работники мобилизуются. Текущая работа на несколько дней откладывается до тех пор, пока мы [не] отгоним новоявленных корниловцев. Все рабочие вооружаются.

Дезиртиров арестовать, трусов презирать. Всякого, кто посмеет нарушить спокойствие города, уничтожать.

Красноармейцы, защищающие Петербург, не смеют отступать. Вся Советская Россия идет нам на помощь. Надо раз навсегда покончить с белыми бандами, рыскающими вокруг Петербурга. Надо отбить охоту у финских и эстонских белогвардейцев покушаться на Петербург.

Красный Петербург спокойно и уверенно заявляет:

Петербург отстоит себя и проучит всех наглецов, посягающих на него.

---

[1] Генерал Н. Н. Юденич в то время сидел в Гельсингфорсе и никакого фактически отношения к наступавшему на Петроград Северному корпусу не имел. С. Н. Булак-Балахович никогда царским полковником не был. Указание на то, что Северный корпус был подкуплен американскими капиталистами, не вполне соответствует действительности; можно говорить о сильном влиянии Англии и то несколько позже.

2. Товарищи красноармейцы! Застигнутые врасплох некоторые красноармейские части на подступах Красного Петербурга поддались панике и отступили. Они забыли при этом, что им придется дать отчет рабочим и работницам, которые не знают страха и презирают тех, кто ему поддается. Они забыли также и о том, что своим отступлением они предали тех, кто остался на своем посту, честно выполняя свой долг перед советской родиной.

От имени пролетариата Красного Петербурга Совет рабочих и красноармейских депутатов клеймит позором всех, кто в такую грозную минуту изменяет общему делу. Совет призывает всех активных и мужественных бордов беспощадно бороться с самыми ужасными врагами советской власти — паникой и трусостью. Пусть не будет места измене среди нас. Пусть каждый знает, что огня и воды будет лишен всякий, кто в минуту решительной борьбы осмелиться думать о себе, а не о всеобщем благе.

Да здравствует гордая непоколебимая Красная армия!

Да здравствует стойкая сила красноармейцев и матросов! И позор навсегда всем трусам, лижущим сапоги палачам — белогвардейцам!

Петербургский совет рабочих и красноармейских депутатов.
Петербургский совет профессиональных союзов.
Общегородская конференция трудящихся женщин всего Петербурга» [1].

Объявленная Комитетом обороны мобилизация по гор. Петрограду рабочих, родившихся в 1879 — 1901 гг., дала за время с 20 мая по 18 июня 1919 года следующие результаты [2]:

РАЙОНЫ	Явилось	ИЗ НИХ			
		Годных	Негодных	Посланных на переосвидетельствование	Дана отсрочка по болезни
1-й район [3]	5.759	3.402	1.689	483	185
2-й » [3]	11.169	5.799	3.304	1.622	444
3-й » [3]	6.904	3.705	2.239	656	304
Итого	23.832	12.906	7.232	2.761	933

[1] «Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов», № 114/307 от 23 мая 1919 г.

[2] АЛОИ, связка № 18.

[3] В г. Петрограде функционировало 3 районных военных комиссариата, по которым и даны сведения.

Мобилизованные рабочие по роду оружия распределялись:

РАЙОНЫ	Годных всего	Пехота	Артиллерия	Кавалерия	Инжен. части	Нестроевые	Флот	Не служившие вовсе
1-й район	3.402	653	93	47	132	175	29	2.273
2-й »	5.799	1.355	180	112	228	312	9	3.603
3-й »	3.705	975	123	57	150	205	32	2.163
	12.906	2.983	396	216	510	692	70	8.039 [1]

Приведенные таблицы свидетельствуют об истощенности петроградских рабочих, которые уже неоднократно производили мобилизации и отправляли мобилизованных на другие фронты Вторая таблица с очевидностью говорит и о понижении общей квалификации мобилизованных рабочих, так как в специальные части (артиллерийские и инженерные) попал весьма незначительный процент мобилизованных.

Отправка петроградских рабочих на фронты Республики производилась сразу же после Октябрьской революции и достигла наибольших размеров в 1919 г., когда восточная и южная контр-революция на широком фронте наступала на Советскую Россию. Помимо укрепления фронтов отряды петроградских рабочих получали и другие задания по советизации отдельных районов Республики.

Коммунистическая партия и Советское правительство при каждых новых трудностях всегда апеллировали к рабочим Петрограда.

За время, предшествовавшее летнему наступлению Северного корпуса, из Петрограда было брошено большое количество рабочих на Дон и Украину.

---

[1] Данные не совсем верны, так как в действительности из указанного числа «не служивших вовсе» значительный процент рабочих проходил военную службу.

О необходимости таких мер писал В. И. Ленин. Он требовал отправки на Дон и на Украину «тысяч трех» петроградских рабочих, негодных к войне и невооруженных, советовал всех рабочих закрытых предприятий поголовно бросить на Украину, на Дон, на Восток, сроком на три месяца, так как «глупо голодать, гибнуть в Питере, когда можно отвоевать хлеб и уголь».

Это свое чрезвычайно интересное письмо В. И. Ленин заканчивает так:

«Еще и еще надо ограбить Питер», т. е. брать из него людей ибо, иначе не спасти ни Питера, ни России.

Разные отрасли управления и культурно-просветительной работы в Питере можно и должно ослабить на 3 месяца ВДЕСЯТЕРО.

Тогда спасем Россию и Питер.

Других рабочих уровня питерцев у нас нет» [1].

Это письмо В. И. Ленина в двадцатых числах апреля 1919 г. обсуждалось на заседании Петроградского комитета РКП (б), который постановил отправить на Дон 500 рабочих-металлистов, вернувшихся с Ижевского завода, мобилизовать 20% состава городской партийной организации, 10% членов профессиональных союзов и 20% членов коммунистического союза молодежи. Для проведения этих мобилизаций была создана специальная комиссия [2].

Однако, это решение не было проведено полностью, в связи с обострившимся положением вокруг самого Петрограда.

29 апреля Петроградский комитет РКП (б) постановил немедленно, не позже 2 мая, отправить 1.000 мобилизованных на Карельский фронт и 1.000 коммунистов — на Олонецкий фронт [3].

Мобилизация проходила без больших затруднений и к 8 мая 1919 г. общее количество мобилизованных коммунистов по районам Петрограда достигало 1.850 чел., из которых только

---

[1] АЛОИ, связка № 5, папка № 2. (Разрядка наша).

[2] Там же, связка № 1. Протокол собрания организаторов при ПК РКП(б) от 23 апреля 1919 г.

[3] Там же. Протокол заседания ПК РКП (б) от 29 апреля 1919 г.

незначительная часть отправилась на Дон, остальные поехали на фронт[1].

Общее количество отправленных и подлежащих отправке на Дон был определено Комитетом обороны Петрограда от 11 мая 1919 г. в 1.000 чел. Все же остальное количество мобилизованных партией, профессиональными союзами и комитетами бедноты, согласно постановления ПК РКП (б) и соглашения с РВС Республики, было оставлено на Северо-западном фронте для защиты Петрограда[2].

Помимо проводимой по городу, губернии и округу мобилизации населения, Комитет обороны постановил начать формирование резервных рабочих полков Петроградского совета профсоюзов. Всех работавших на петроградских фабриках и заводах рабочих, не мобилизованных в армию, но могущих носить оружие, предлагалось влить в эти полки и начать там военное обучение.

Для организации обучения был учрежден Главный штаб рабочих полков Петроградского совета в составе начальника штаба и 3 членов (заведывающих строевой, хозяйственно-технической и военно-санитарной частями) и 8 районных штабов: 1) Нарвский, 2) Московский, 3) Петроградский, 4) Василеостровский, 5) Выборгский, 6) Городской, 7) Невский, 8) Охтенско-Пороховской.

Все начальники как главного, так и районных штабов назначались Исполнительным комитетом Петроградского совета и утверждались начальником внутренней обороны Петрограда и находились в его непосредственном военном подчинении.

На обязанности Главного штаба лежала организационная работа по формированию районных штабов и частей, составление инструкций по военному обучению, назначение командного состава и осуществление общего командования рабочими полками.

Все рабочие, призванные в резервные полки, жили у себя дома и продолжали работу на своих предприятиях, но ежедневно, в определенные часы, являлись в свои части для обучения военному делу (стрельба, тактическое учение рассыпной строй, сторожевая служба, разведка и т. д.[3].

---

[1] АЛОИ, связка № 1. Протокол собрания организаторов при ПК РКП(б) от 8 мая 1919 г.

[2] Там же. Протокол постановления Комитета обороны Петрограда от 11 мая 1919 г.

[3] «Петроградская правда», № 138 от 24 июня 1919 г.

Согласно инструкции, выработанной Главным штабом резервных рабочих полков Петроградского совета, все районные штабы также состояли из 3 человека, при чем, для политического воспитания рабочих и в целях установления тесной связи с партийными организациями, во все районные штабы должны были входить представители от районных партийных комитетов. В своей деятельности последние должны были руководствоваться указаниями официального представителя Петроградского комитета РКП (б), находившегося при Главном штабе.

Районные штабы прежде всего должны были выяснить, при содействии профессиональных союзов, заводских комитетов и партийных ячеек на местах, наличный состав рабочих в пределах своего района, подлежащих зачислению в рабочие полки. Для этой цели все фабрично-заводские предприятия обязывались, в свою очередь, завести списки рабочих, способных носить оружие с указанием домашнего адреса каждого рабочего, его военной обученности, прежнего состояния на военной службе, рода оружия и должности.

Зачислению в рабочие полки подлежали все рабочие от 17 до 45 лет, способные носить оружие, но не был закрыт доступ и для старших возрастных контингентов, «выразивших желание записаться в рабочие полки Петросовета для обороны Красного Петрограда».

Все мобилизованные рабочие оповещались по своим предприятиям, под личную расписку каждого, о том, куда и в какие часы они обязаны явиться на обучение, с предупреждением, что в случае опозданий или неявок, виновные в этом будут переводиться на казарменное положение.

При прохождении военного обучения, мобилизованные рабочие разбивались на батальоны, роты, взводы и отделения. При чем, эта разбивка производилась следующим образом. Каждый взвод по возможности должен был состоять из рабочих одной и той же мастерской и насчитывать 36 рядов.

В каждом взводе было по 3 отделения, по 12 рядов в каждом в каждое первое отделение взвода зачислялись наиболее подготовленные в военном отношении рабочие, во вторые отделения — менее обученные и, наконец, в третьи — совершенно необученные. В каждом отделении и взводе были свои командиры, назначенные из числа обучаемых. Таким образом, каждый взвод вместе с командным составом состоял из 76 человек.

Далее, из каждых 3 взводов рабочих, по возможности — с одного завода, формировались роты; 3 роты сводились в батальоны и последние в полки. На обязанности районных штабов и районных партийных комитетов лежал подбор из среды призванных рабочих соответствующих степеней командиров, которые в дальнейшем подлежали обязательному утверждению приказом Главного штаба.

Все мобилизованные рабочие, под страхом суровой ответственности по законам осадного положения, обязывались беспрекословно подчиняться «законным приказаниям» своих отделенных, взводных и т. д. командиров.

Сформированные батальоны и роты сохраняли помимо общей номерации наименование того района или завода, откуда большинство рабочих и составили эти части. Например: «4-я Путиловская рота 1-го Нарвского батальона»; — полки именовались: «1-й рабочий полк Петросовета», 2-й, 3-й и т. д.

Те из частей (рот, взводов или отделений), которые не имели полного количества рядов, шли на пополнение уже сформированных строевых единиц и использовались для укомплектования частей специального назначения. При чем, этим частям уделялось большое внимание в смысле подбора соответствующих специалистов, составление списков на которых было обязанностью ротных и взводных командиров [1].

В специальной инструкции Петроградского комитета РКП(б), выработанной в связи с инструкцией по формированию рабочих полков, говорилось, что общее руководство и непосредственный контроль набором рабочих полков принадлежит Петроградской организации РКП (б), в силу чего ПК и поручал районным комитетам партии осуществить эту директиву на местах.

Там же говорилось, что зачислению в полки должны подлежать рабочие, «известные, как честные и надежные люди, стоящие на платформе советской власти». На командные должности районные комитеты РКП (б), совместно с районными штабами рабочих полков, должны были проводить, по возможности, коммунистов [2].

---

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 22, по описи № 19, дела Петроградского района, л. 37.

[2] Там же, л. 1.

Вся Петроградская организация РКП (б), еще задолго до решения вопроса о формировании рабочих полков, была поставлена под ружье.

Основным лозунгом тогда, как видно из инструкции штаба коммунистической роты Петроградского района, было:

«Военная организация, дисциплина, коллективное сплочение и вооружение рабочих сил — есть задача [условие] победы трудового народа над врагами рабоче-крестьянской власти»...

«Единым дружным сплочением, единой дружной работой и быстрым очищением от всяких контр-революционных и белогвардейских засилий на советской территории, через вооружение народов, через революционную войну мы встанем на твердый путь, который приведет нас к скорейшему торжеству Коммунизма, к интернациональному миру и братскому сотрудничеству народов»...

«Каждый член коллектива — есть боец коммунистического ядра.

Каждый коллектив — есть боевое коммунистическое ядро.

Коммунистическая рота — есть мощная боевая единица»[1].

На всех фабрично-заводских предприятиях и при районных комитетах РКП (б) в конце мая 1919 г. стали образовываться коммунистические взводы и роты. Включенные туда партийцы проходили усиленным темпом строевые занятия, посещение которых было категорической обязанностью бойцов. От посещения строевых занятий освобождались только те товарищи, которые несли ответственную работу в советских учреждениях (работники военных комиссариатов, следователи ЧК и др.).

Все коммунистические отряды вливались в Петроградский коммунистический батальон в составе 750 членов партии и «особо надежных сочувствующих».

Коммунистический батальон состоял из трех рот, численностью по 250 чел. каждая. Дальше роты разбивались на взводы, которые укомплектовывались таким образом, чтобы коммунисты одного или смежных районов входили в один взвод.

Обмундирование и вооружение выдавалось районными военными комиссариатами, для чего все винтовки и огнеприпасы, ранее находившееся в распоряжении партийных районных комитетов, подлежали сдаче соответствующим военным комиссариатам.

Командный состав, согласно инструкции от 24 мая 1919 г., разосланной районным тройкам и комитетам партии, назначался

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 22, по описи № 19, дела Петроградского района, л. 30.

районными военными комиссариатами по соглашению с райкомами, в центре — губернским военным комиссариатом по соглашению с ПК РКП (б) [1].

Однако, на местах вопрос о командном составе разрешался несколько иначе.

Так, например, в Петроградском районе каждый партийный коллектив должен был избрать на общем собрании, по возможности из числа знающих военное дело, старших военных руководителей (взводных и их помощников).

Все члены коллектива обязаны были о всяком изменении своего адреса, о выбытии из коллектива и пр. немедленно ставить в известность своего военного руководителя. Больше того, даже при временной отлучке из дома, каждый член партии обязывался оставлять записки или словесно информировать членов своей семьи о месте его возможного нахождения. Это было нужно для того, чтобы в любое всемя все бойцы коммунистических взводов и рот были под ружьем. От явки по экстренному вызову никто не освобождался. Все эти меры базировались исключительно на партийной дисциплине; виновные в нарушении какого-либо приказа или распоряжения квалифицировались, как люди, нарушающие дисциплину рядов РКП (б).

В связи с тем, что весь внутренний распорядок жизни и работы коммунистических рот основывался на партийной дисциплине, не все товарищи аккуратно посещали строевые занятия и даже не все сразу зарегистрировались в своих ротах. Для изжития такого преступного отношения к своим партийным обязанностям командирам коммунистических рот и взводов приходилось на первых порах действовать силою убеждения.

Так, например, командир коммунистического взвода при Петроградском районном комитете РКП (б) А. Аркадьев в своем приказе, отданном на 3 июля 1919 г., приводя случаи халатного отношения товарищей, писал:

«... Принимая во внимание партийную дисциплину, я принужден лишний раз напомнить вам [бойцам взвода] долг товарищеский, а, именно, не теряя ни минуты напрячь все свои силы и знания к отпору врага народа, стоящего у врат Красного Питера. А для этого, главное, необходимо знать военное дело и обращение с винтовкой. Приходите, товарищи,

---

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 22, по описи № 2, дела Выборгского района, л. 24.

не только в установленные дни и часы для обучения, но и во всякое свободное у вас время от прямых ваших служебных обязанностей, дабы с полным сознанием и вниманием проходить курс военного обучения» [1].

Бойцы коммунистических рот, кроме посещения строевых занятий и своей служебной деятельности, несли ежедневно службу по дежурству и охране своих партийных комитетов, патрулировали по своему району и выполняли все экстренные поручения начальника внутренней обороны, партийных органов и органов ЧК. Несение дежурства в здании районных комитетов партии возлагалось преимущественно на физически слабых товарищей, которые не имели возможности, по состоянию своего здоровья, посещать строевые занятия.

Необходимо еще отметить, что в коммунистические роты зачислялись те товарищи, года которых не были призваны в Красную армию. Призванные партийцы должны были на общих основаниях отправляться непосредственно в красноармейские части.

С 4 июня 1919 г. было введено поочередное суточное дежурство отделений каждого районного коммунистического взвода; ни один из бойцов отделения за время дежурства отлучаться не имел права.

В дальнейшем, в ряде районов Петрограда, в целях упорядочения службы и внесения большей четкости во всю повседневную работу коммунистических взводов и рот, все бойцы были разбиты на две группы, одна из которых являлась кадром взвода или роты, другая — была на положении переменного состава. Кадровики обязаны были находиться в казармах своей роты с 8 часов вечера и до 6 часов утра ежедневно. Переменники посещали строевые занятия и являлись в роту только по вызову своего командира.

В общем, организация коммунистических отрядов по районам гор. Петрограда отличалась большим своеобразием. Районные комитеты партии вырабатывали свои инструкции, которые не всегда и не во всем сходились с инструкцией ПК. Не было установлено единой терминологии в смысле наименования коммунистических боевых организаций. Почти одновременно в различных районах Петрограда говорилось о создании коммуни-

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 22, по описи № 23, дела Петроградского района, л. 49.

1). В. С. Шатов. 2) Я. Х. Петерс. 3) В. И. Зиф.

стических взводов, рот, батальонов, отрядов и коммунистических отрядов особого назначения. Но все это, в общем итоге, соответствовало основной директиве центральных партийных органов, — поставить всех членов партии под ружье.

Небезынтересно привести, в данном случае, некоторые пункты инструкции по организации коммунистического отряда Пороховского района, составленной 23 мая 1919 года работниками района.

Тут коммунистический отряд мыслился, как самостоятельная боевая единица, имеющая в своем составе и части специального назначения. Отряд разбивался на 3 взвода, и последние — на отделения.

Во главе отряда стоял штаб, в каждом взводе избирался общим собранием бойцов взвода комендант, на обязанности которого лежало следить за правильным назначением и несением постовой службы, за внутренним казарменным распорядком и пр. Помимо комендантов, каждый взвод обязан был выбрать себе взводного командира, который являлся одновременно и помощником коменданта. С момента выступления отряда в бой должность коменданта упразднялась и занимавший эту должность товарищ переводился в строй в качестве рядового бойца.

Начальник коммунистического отряда должен был координировать и руководить работой комендантов и одновременно принимать участие в управлении своим отрядом в качестве одного из членов штаба.

За строевым обучением бойцов коммунистического отряда должен был следить специально назначаемый командир отряда, он же был ответственен за боеспособность своего отряда. Командир отряда также входил в состав коллегиального управления штаба.

Кроме начальника отряда и командира была введена должность комиссара коммунистического отряда; последний должен был «объединять» работу штаба и «следить за деятельностью всего отряда не только в смысле боеспособности, но и в политическом отношении» [1].

К концу июня коммунистические роты, как самостоятельные боевые организации, стали постепенно расформировы-

---

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 21, по описи № 408, дела Выборгского района, л. 4.

ваться, а коммунисты вливались целиком, в иных местах сохраняя в неприкосновенности свою ротную или взводную партийную ячейку, в рабочие полки Петроградского совета.

В обороне города приняла невольное участие и буржуазия. В момент наибольшей опасности для Петрограда, в город стали съезжаться домовладельцы, фабриканты и пр. в надежде на скорый приход белых. Из этих лиц и было мобилизовано около 10.000 чел. на принудительные работы по возведению укреплений на подступах к Петрограду. Однако, из этого общего числа было использовано около 3.000 чел., которые были отправлены частью в Кронштадт и частью в другие места вне города. По отзывам, мобилизованные работали «вполне добросовестно» и дезертиров у них почти не было [1].

В целях разгрузки Петрограда от лишнего, не подлежащего немедленному использованию, имущества была создана специальная Эвакуационная комиссия. Одновременно функционировала и другая комиссия, назначенная Комитетом обороны и имевшая целью взятие на учет всего годного для Красной армии имущества.

Вторая комиссия имела почти неограниченные полномочия и положительные результаты ее работы в скором времени сказались.

Эвакуационная комиссия в своем заседании 20 июня 1919 г. решала вопрос о выборке нужного военного имущества для текущей потребности фронта и разрабатывала общий план эвакуации.

На заседании было постановлено: на Усть-Ижорской верфи — оставить все имевшиеся там затворы и 3-дюймовые лафеты, остальное вывезти в Сормово; на Путиловском заводе — оставить наличные 3-дюймовые полевые пушки образца 1902 г., 3-дюймовые горные пушки, 3-дюймовые зенитные пушки, 42-линейные полевые пушки, 6-дюймовые крепостные гаубичные орудия и т. д. [2].

Вопрос об эвакуации вызвал горячее обсуждение среди работников, каждый из них, за редким исключением, видел в работе Эвакуационной комиссии проявление чьей-то злой, а, может быть, и прямо контр-революционной воли.

---

[1] «Петроградская правда», № 160 от 19 июля 1919 г.

[2] АЛОИ, связка № 18.

Работники Ижорского завода получили распоряжение от председателя ликвидационной комиссии Главброни от 24 мая относительно сворачивания работ завода.

В тот же день было созвано заседание Комитета обороны Колпинского района, на котором была принята резолюция:

...«Всякую эвакуацию прекратить, дабы не вводить дезорганизацию, как в среду рабочих, а также и на вполне налаженную работу по бронированию автомашин, которые так необходимо нужны в настоящее время на фронтах для отражения похода белогвардейских банд»...

25 мая коллегия по управлению Ижорским заводом обратилась с письмом к председателю Комитета обороны Петрограда, в котором указывала на значение и характер работы Ижорского завода и на неоднократные попытки «чьей-то злостной руки» разрушить налаженное на заводе броневое дело. С этими попытками товарищи боролись увеличением производительности труда, что сказалось, хотя бы, в выпуске в течение двух месяцев, с 15 февраля по 15 апреля 1919 г., 2 бронированных поездов и около 6 бронированных автомобилей. Относительно новых распоряжений о сворачивании работ завода в письме говорилось:

«В тот момент, когда коллегия, заводской комитет и Комитет обороны Колпинского района напрягают самые героические усилия для того, чтобы дать как можно больше броневиков... для защиты Петрограда... нам вместо спокойной работы навязывают другую работу, работу по эвакуации. Мы знаем, что значит эвакуация. Она вносит дезорганизацию в работу, рабочие опускают свои головы и мощные руки, подготовляют для отправки в тыл своих жен, детей и стариков... Мы, рабочие, закаленные в боях, твердо верим в победу, крепко стоим на своих постах и знаем, что и когда нужно делать, когда и какую работу нужно производить и когда нужно заниматься эвакуацией».

Дальше, давая гарантию Комитету обороны Петрограда в том, что в критический для гор. Колпино момент рабочие вывезут все оставшиеся незабронированными машины, товарищи просили отменить распоряжение Главброни и весь вопрос об эвакуации завода предоставить на усмотрение Комитета обороны гор. Колпино и Колпинского района [1].

Второй аналогичный случай имел место по вопросу о приостановлении деятельности авиазаводов в Петрограде и, в частности, единственного в то время в России завода «Гамаюн»,

[1] АЛОИ, связка № 18.

обслуживавшего всю действующую гидроавиацию на всех фронтах. Соответствующая телеграмма Главкоавиа из Москвы говорила:

...«ликвидировать все заводы с вывозом всех материалов... Принять меры к переезду желающих рабочих на московские заводы».

По получении этого приказа, объединенное заседание правления петроградских авиационных заводов, проходившее совместно с представителями авиазаводов и заинтересованных ведомств 17 июня, констатировало, что исполнение приказа Главкоавиа приостановит на продолжительное время авиационное производство, что вредно отразится на состоянии фронта.

Главный комиссар морской авиации А. П. Онуфриев тотчас после вышеуказанного заседания вошел с докладом к члену реввоенсовета Балтийского флота В. И. Зофу с просьбой приостановить эвакуацию заводов, так как, по его мнению, в распоряжении Главкоавиа «кроется злой умысел, направленный к расстройству аппарата снабжения».

В ответной телеграмме на имя Главкоавиа в Москву, посланной тем же товарищем, говорилось еще более резко и распоряжение об эвакуации авиазаводов там квалифицировалось, как проявление саботажа и осуществление замысла, «играющего только на руку белогвардейским бандам» [1].

В тесной связи с предпринятыми шагами по эвакуации наиболее ценного имущества из Петрограда, был поставлен на очередь дня вопрос о парализации петроградской промышленности и транспорта. Эта чрезвычайно ответственная и серьезная работа была поручена Технической комиссии по парализации промышленности и транспорта при Комитете обороны Петрограда. Необходимость такой парализации обусловливалась ледующим соображением, зафиксированным самой комиссией:

«Условия современной маневренной гражданской войны создают возможность овладения белогвардейцами на известный промежуток времени теми или другими местностями Советской России. Занятие известных пунктов разрешается часто налетом; в таких случаях технически нельзя произвести полную планомерную эвакуацию орудий производства, которая в то же время вообще нежелательна в виду того, что налеты эти большей частью быстро ликвидируются и, эвакуировав промышленность, мы тем самым ослабляем общую обороноспособность страны.

Возможность такого быстрого и краткого налета на Петербург поставила перед Технической комиссией по парализации петроградской про-

---

[1] АЛОИ, связка № 18.

мышленности и транспорта при Комитете обороны, вопрос, как быстро и безболезненно привести петроградскую промышленность и транспорт в такое состояние, чтобы, с одной стороны, белогвардейские шайки при занятии города не могли ею воспользоваться, а мы, при возвращении города, могли снова легко пустить их полным ходом» [1].

Исходя из таких соображений и руководствуясь директивой СНК РСФСР, комиссией было решено промышленность и транспорт Петрограда вывести из строя на срок от трех до шести месяцев; при установлении более длительного срока парализации, белогвардейцы все равно получили бы возможность подвезти при помощи Антанты все нужные машины и продукты.

Комиссия при решении этой задачи главное свое внимание направила, естественно, на источники энергии петроградской промышленности (городские электрические станции, силовые установки и заводские станции). По данным Петроградского Совнархоза на апрель 1918 года, три электрических городских станции (без центральной трамвайной) развили мощность 113.812 лош. сил.; вся петроградская промышленность, работавшая на оборону (почти вся металло-обрабатывающая, военное обмундирование, обувь, обслуживание водного транспорта), потребляла 230.137 лош. сил, а вся промышленность города вообще потребляла 344.508 лош. сил. Следовательно, энергия трех электрических станций города удовлетворяла только $^1/_3$-потребности всей промышленности или $^1/_2$ военной. Поэтому комиссией было постановлено парализовать в первую очередь городские и местные электрические станции, а затем, на основании данных специального обследования заводов и фабрик, определить характер работ и в отношении этих предприятий. В число последних вошли не только предприятия, работавшие на оборону, но и предприятия мирного типа, мощностью более 500 лошадиных сил.

Всего по Петрограду и губернии было намечено к парализации 246 предприятий, из которых было 189 военных и 57 мирных. Все предприятия были разбиты на 5 подгрупп: А-1, А-2; В-1, В-2 и С. В первые две подгруппы А-1 и А-2 были включены неработавшие предприятия и мастерские, к парализации которых можно было приступить немедленно, при чем, 69 предприятий из подгруппы А-1 — в первую очередь и 28 предприятий из подгруппы А-2, как менее важных,—во вторую.

---

[1] АЛОИ, связка № 21, дело № 32.

В подгруппы В-1 и В-2 вошли работавшие предприятия, которые останавливались по особому сигналу дня за три до оставления города, при чем 116 предприятий подгруппы В-1 — в первую очередь и 24 предприятия В-2 — во вторую. В подгруппу С входили телеграф, телефон, часть машин электрических станций, керосиновые и военные склады, часть железнодорожных, автомобильных и судоремонтных мастерских и проч. Эти предприятия, которых насчитывалось 24, подвергались парализации особыми техническими отрядами за 6 — 8 часов до прихода противника. Водопровод, хлебопекарни и мельницы парализации вовсе не подлежали.

Для выполнения этой работы в каждом районе города были выделены особо уполномоченные лица, в распоряжении которых находился необходимый персонал [1].

В выработанной затем «инструкции по съемке частей в предприятиях, подлежащих немедленному обезвреживанию» (А-1 и А-2), — указывалось, что все снимаемые части машин должны обязательно смазываться и упаковываться в деревянные ящики с расчетом, что бы вес ящика с грузом не превышал 20 пуд. На этих ящиках сверху должны были делаться отметки завода, на упакованных же частях машин делать таковые категорически запрещалось [2].

Такая тщательная работа, произведенная Технической комиссией при Комитете обороны Петрограда, давала возможность в любой момент приступить к планомерной парализации промышленности и транспорта и начать эвакуацию фабрично-заводского имущества.

Однако, во всей этой работе нельзя не видеть основной ее предпосылки — неуверенности в действительной защите Петрограда от всех нападений неприятеля. Хотя над Петроградом и нависла угроза со стороны Финляндии, помимо уже наступавшего Северного корпуса, все же такое переключение внимания местных советских органов с вопросов обороны на вопросы эвакуации объективно не способствовало обороне и не создавало абсолютной и твердой уверенности в победе над врагом. Подготовительная работа по эвакуации, вообще необходимая

---

[1] АЛОИ, связка № 21, дело № 32.

[2] ЛАБ, партсекция, связка № 22, по описи № 2, дела Выборгского района, л. 69.

летом 1919 года в отношении отдельных районов Советской республики, в таком крупном пролетарском центре, как Петроград, не должна была поглощать и энергию и время петроградского пролетариата, все внимание которого должно было быть направлено исключительно на дело обороны города. Вся работа Эвакуационной и Технической комиссий при Комитете обороны Петрограда должна была иметь в виду только эвакуацию такого имущества, которое не могло быть использовано в самом Петрограде, все же остальное должно было подлежать всестороннему и немедленному использованию для достижения конечной цели — победы над врагом.

В этом отношении совершенно правильную линию заняли руководители колпинских рабочих, когда указывали на отрицательные стороны подготовительных работ по эвакуации. Но подготовка эвакуации Колпина могла быть оправдана, вследствие возможного и преднамеренно-необходимого отступления полевых частей Красной армии к последним тактическим рубежам Петрограда. Общая же эвакуация города, даже в случае вторжения противника в его пределы, должна была иметь частичный характер, так как именно на улицах города петроградский пролетариат, совместно с полевыми частями Красной армии, должен был в последнем и решающем уличном бою одержать полную победу.

Отсюда меры, которые были приняты по широкой парализации петроградской промышленности, исходили отнюдь не из соображения «обезвреживания» промышленности и транспорта, а своей реализацией наносили вред делу действительной обороны Петрограда.

5 июля 1919 года начальник внутренней обороны Петрограда предписал всем районным уполномоченным по обезвреживанию промышленности и транспорта парализовать в 3-дневный срок предприятия первой очереди и в 5-дневный срок — предприятия второй очереди [1].

Этот приказ от 5 июля 1919 года может быть оправдан только тогда, когда это так называемое «обезвреживание» сводилось по существу к консервированию некоторой части фабрично-заводских предприятий, уже и так прекративших свою нормальную работу. В противном случае, едва ли этот приказ

---

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 22, по описи № 2, дела Выборгского района, л. 67.

вызывался обстановкой, тем более, что он, преследуя цель не дать противнику возможности использовать заводы и фабрики, тем самым указывал на такую возможность. Последнее и характеризует тот действительный вред, который наносился принятыми мерами по парализации промышленности, т. е. так называемым «обезвреживанием».

Вполне естественно, что противник, овладев фабрично-заводскими предприятиями, использовал бы их, главным образом, в целях обеспечения за собою города. Но аналогичную же задачу должен был преследовать и петроградский пролетариат, для чего абсолютно необходимым являлось, чтобы наиболее важные фабрично-заводские предприятия работали бы бесперебойно. Только тогда воля защитников пролетарского города была бы подкреплена и материально.

В общем итоге, все работы по укреплению внутренней обороны города проходили при максимальной напряженности всего советского аппарата и полном содействии широких трудящихся масс. Все считали необходимым принятие срочных мер для организации отпора врагу и только редкие единицы в общей рабочей массе смотрели на положение фронта пессимистически.

Подобные настроения некоторой незначительной рабочей прослойки питались исключительно эсеровской агитацией и пропагандой. Весной 1919 г. на целом ряде петроградских заводов и фабрик возникали конфликты, инспирированные эсерами и имевшие целью подорвать авторитет коммунистической партии и тем самым ослабить работу по обороне.

Эта деятельность демократической контр-революции по времени совпадала с работой белогвардейской конспиративной организации в Петрограде.

Так, например, в ночь на 30 марта в городе произошло три взрыва, при помощи которых агенты внешней и внутренней контр-революции пытались взорвать водопроводные станции на Петроградской стороне и на улице И. А. Воинова (бывш. Шпалерной) и кладовые на Пороховом заводе на Охте. Ценою жизни и здоровья 12 рабочих, водопроводная станция Петроградской стороны была сохранена. Взрывы бомб на улице Воинова и в одной из кладовых Порохового завода своей цели не достигли [1]. Одновременно и после взрывов в Петрограде левыми

[1] «Петроградская правда», № 72 от 1 апреля 1919 г.

эсерами распространялись листовки, призывавшие рабочих к забастовкам.

Воззвание Петроградской боевой дружины левых эсеров от 3 апреля провозглашало переход в наступление против советской власти мелкобуржуазной контр-революции и «беспощадный террор» коммунистам и советским работникам.

В том же воззвании распространялись провокационные слухи о произведенных, якобы, расстрелах в Петрограде всей арестованной группы белогвардейцев и инициаторов забастовок. В действительности, из числа арестованных был расстрелян только один человек, остальные же были направлены для суда в Революционный трибунал в Москву [1].

В связи с происшедшими взрывами и усиленной эсеровской агитацией, председатель Совета обороны В. И. Ленин предписал Всероссийской чрезвычайной комиссии принять самые срочные меры к подавлению всех попыток взрывов, порчи железных дорог и призывов к забастовкам [2].

Принятыми мерами удалось все же ослабить деятельность контр-революции в тылу и предохранить от взрывов целый ряд государственных сооружений.

Майское наступление на Петроград вновь оживило внутреннюю контр-революцию.

Председатель Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Ленин и народный комиссар по внутренним делам Ф. Э. Дзержинский в своем обращении от 30 мая по этому поводу писали:

«Наступление белогвардейцев на Петербург с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе, широко развиты организации шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийств коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций...» [3].

Ликвидация восстания на «Красной горке» обнаружила существование на Петроградском боевом участке политической, военно-технической и шпионской организаций. Органами Петроградской чрезвычайной комиссии, по целому ряду найденных

---

[1] «Петроградская правда», № 78, от 9 апреля 1919 г.
[2] Там же, № 73 от 2 апреля 1919 г.
[3] Там же, № 119 от 31 мая 1919 г.

данных, было установлено, что в Петрограде существует филиальное отделение Национального центра, состав которого был исключительно ка-детским. Эта контр-революционная организация, возглавляемая инжен ром, ка-детом, Вильгельмом Штейнингером («Вик»), имела контакт с так называемым «Союзом возрождения» — организацией правых социалистических группировок и располагала довольно значительной разветвленной шпионской сетью. Почти все военные учреждения и штабы «обслуживались» агентами организации.

Желая завязать связи по ту сторону фронта, В. Штейнингер в июне направил в штаб белых члена петроградской военной организации, быв. офицера, Алекса дра Никитина. Последний в районе гор. Луги был убит красноармейским караулом и при обыске, в мундштуке папиросы, у него было обнаружено следующее письмо «Вика» — В. Штейнингера:

«Ген. Родзянко или полк. С.! При вступлении в Петроградскую губернию вверенных вам войск могут выйти ошибки и тогда пострадают лица, секретно оказывающие нам весьма большую пользу. Во избежание подобных ошибок просим вас, не найдете ли возможным выработать свой пароль. Предлагаем следующее: кто в какой-либо форме или фразе скажет слова: «во что бы то ни стало» и слово: «Вик» и в то же время дотронется правой рукой до правого уха, тот будет известен нам; а до применения к нему наказания не откажитесь снестись со мной. Я известен госп. Карташеву, у кого обо мне можете предварительно справиться. В случае согласия вашего благоволите дать ответ по адресу, который вам передаст податель сего. *Вик*» [1].

Целый ряд других захваченных при попытке перехода фронта агентами организации документов навел органы ЧК на действительного автора их — В. Штейнингера, который был арестован только в конце июля 1919 г.

Сразу же после получения сведений о наличии в Петрограде контр-революционных организаций были приняты экстренные меры к осмотру всех районов города.

11 июня 1919 г. начальником внутренней обороны г. Петрограда Я. Х. Петерсом была выработана и ра ослана по районам общая «инструкция по производству осмотра Петрограда». Согласно этой инструкции каждый район разбивался на участки, осмотр которых должен был производиться специальной группой

[1] «Петроградская правда», № 218 от 27 сентября 1919 г.

обследователей во главе с инструктором и отрядом войск. Инструктор с находившимся в его распоряжении отрядом помещался в одном из домов квартала, где имелась телефонная связь. Сюда должны были препровождаться все задержанные, а также все конфискованное, которое, затем, свозилось в штаб начальника внутренней обороны. Обследователи с 1 — 2 красноармейцами или милиционерами рассылались по домам для производства поголовного осмотра всех жилых и нежилых помещений, список которых заранее составлялся уполномоченным района. Весь осмотр должен был производиться быстро, в течение одной ночи, при чем, основной задачей для обследователей являлось нахождение оружия, «не занимаясь чтением и разбором бумаг». Домовые комитеты бедноты обязывались оказывать всяческое содействие при обысках, — предупреждая жильцов дома о необходимости открывать двери и присутствуя при самом осмотре квартир в качестве понятого или помощника обследователя. У жильцов старше 12 лет проверялись документы, у лиц призывного возраста — их отношение к воинской повинности.

Задержанию при обысках подлежали: все лица, имевшие при себе огнестрельное оружие без соответствующих разрешений, за исключением только владельцев охотничьих ружей; дезертиры; непрописанные граждане; лица, вообще не имевшие видов на жительство; все бывшие полицейские чины до околодочных включительно и все бывшие жандармские офицеры и унтер-офицеры; все явно подозрительные лица, в отношении контр-революции, шпионажа или спекуляции. В случае нахождения оружия в пустой квартире подлежали задержанию председатель домового комитета бедноты или его заместитель.

Изъятию подвергалось всякое оружие, в том числе и охотничьи ружья, патроны, взрывчатые вещества, предметы военного снаряжения и пр. При обнаружении целого склада оружия и огнеприпасов, военного снаряжения, контр-революционной литературы, — должен был немедленно выставляться караул, после чего вызывался представитель ЧК. Категорически запрещалось опечатывать и забирать всякие предметы личного потребления — пищу, одежду, украшения и деньги, если они не превышали суммы в 6.000 руб. на каждого взрослого человека.

В целях воспрепятствования возможным при такой работе преступлениям, каждый обследователь обязывался заполнять осо-

бые бланки акта обыска с перечнем всего изъятого имущества с одновременной выдачей квитанции владельцу.

Осмотр квартир и арест подозрительных лиц должен был проходить без крика и угроз со стороны обследователей.

В заключение указывалось, что «неисполняющие требований инструкции предаются военно-революционному суду, по всей строгости осадного положения; всякий, кто будет уличен в принятии взятки или мародерстве во время обыска, будет расстрелян», и что никто не имеет права ссылаться на незнание правил инструкции [1].

13 июня 1919 г. начальник внутренней обороны города приказал всем районным тройкам держать на казарменном положении хорошо вооруженных бойцов из мобилизованных рабочих и выслать по району пикеты. Одновременно, в каждый район было послано по одной машине с пулеметом. Малейшая заминка в выполнении этого приказа квалифицировалась в приказе, как «тягчайшее преступление перед революцией и обороной Красного Петрограда». В тот же день была послана районным тройкам телефонограмма за № 117 с приказанием начальника внутренней обороны Петрограда немедленно привести в полную боевую готовность все надежные в политическом отношении силы, собрать на свои места все коммунистические роты в полном составе и перевести всех без исключения коммунистов и надежных сочувствующих на казарменное положение. 14 июня был дан приказ о начале тщательного осмотра всех подозрительных мест и зданий районов, храмов всех вероисповеданий, колоколен, чердаков, подвалов, сараев, складов и площадей. Районные тройки обязывались этим приказом вести непрерывную работу по очистке районов от неблагонадежного и подозрительного элемента и работать все время в контакте с рабочими организациями, исходя во всей своей работе из их интересов [2].

Эти обыски дали возможность установить прямую связь контр-революционных организаций с представителями иностранных консульств, находившихся в Петрограде.

На заседании Петроградского совета 17 июня Г. Е. Зиновьев в своем докладе — «Внешнее и внутреннее положение

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 19, по описи № 7, лл. 46, 47.

[2] Там же, связка № 22, по описи № 2, дела Выборгского района лл. 51, 55, 58.

Петрограда» по поводу участия представителей иностранной буржуазии в контр-революционной работе говорил:

«Я заявляю здесь во всеуслышание, что громадное большинство иностранцев, проживавших в Петербурге при иностранных консульствах, оказалось шпионами и предателями... На последней неделе мы обыскали этих негодяев, при чем в кое-каких иностранных миссиях и консульствах в изобилии были найдены документы, с несомненностью устанавливающие связь этих учреждений со шпионскими и белогвардейскими организациями» [1].

При обыске зданий, принадлежавших французскому, итальянскому, греческому, швейцарскому, голландскому, датскому, румынскому и пр. посольствам, были обнаружены не только документы, но и вещественные доказательства в виде пулеметов, винтовок, огнеприпасов и т. п.

В здании румынского посольства было найдено даже одно орудие, как сообщал об этом И. В. Сталин в беседе с корреспондентом «Правды» [2].

Белогвардейская организация рассчитывала также на содействие и пособничество в разных формах буржуазной части петроградского населения. Во время обысков буржуазных кварталов рабочими Петрограда было изъято 6.626 винтовок, 141.895 патронов, 644 револьвера, несколько пулеметов, гранаты, пироксилиновые шашки и пр. [3].

Всеми этими мерами рабочий Петроград сумел в довольно короткий срок, при максимальной сгущенности неблагоприятных моментов, оздоровить и обеспечить, правда, не надолго и не полностью, свой тыл и создать необходимые предпосылки для победы Красной армии на Петроградском фронте.

Затянувшаяся борьба с Северным корпусом, переименованным 19 июня в «Северную армию», а 1 июля (по настоянию английского командования в Ревеле) — в «Северо-западную армию» требовала новых свежих сил для укрепления частей Красной армии.

На происходившей в последних числах июля 1919 г. 10-й общегородской конференции Петроградской организации РКП(б) была вынесена резолюция, в которой говорилось, что в качестве

---

[1] «Петроградская правда», № 133 от 18 июня 1919 г.
[2] Там же, № 152 от 10 июля 1919 г.
[3] Там же, № 155 от 13 июля 1919 г.

главной политической задачи перед партийной организацией должен стоять вопрос об обороне Петрограда, в силу чего «на решение этой задачи отдать все силы без малейшего отлагательства». Партийная конференция постановила произвести немедленную мобилизацию в Петрограде не менее 500 коммунистов и 50 ответственных работников и потребовать такой же мобилизации и от губернского партийного комитета [1].

После минования непосредственной опасности г. Петрограду со стороны Северо-западной армии и в связи с назревающей, более длительной угрозой городу со стороны Финляндии, управление начальника внутренней обороны г. Петрограда (начальниками внутренней обороны гор. Петрограда со времени ее создания и до момента ликвидации последовательно были В. С. Шатов, И. П. Бакаев, Н. М. Анцелович — временно исп. обязанности, и Я. Х. Петерс) было упразднено постановлением Революционного военного совета 7-й армии от 18 июля 1919 г. [2], а вместо него сформировано управление начальника Петроградского укрепленного района.

Вся эта реорганизация обороны Петрограда была проведена РВС 7-й армии по постановлению ЦК РКП(б) от 4 июля 1919 г.

ЦК РКП(б) в своем заседании от 4 июля 1919 г. уделил много внимания вопросам обороны г. Петрограда. После решения принципиального вопроса о порядке подчиненности Комитета обороны Петрограда и РВС 7-й армии, ЦК РКП(б) высказался также и за перенесение штаба 7-й армии из Новгорода в Петроград и поручил РВС 7-й армии в кратчайший срок рассмотреть этот вопрос, окончательное решение которого принадлежало политбюро ЦК РКП(б).

После обсуждения продовольственного положения Петрограда, ЦК РКП(б) вынес следующее постановление:

---

[1] «Петроградская правда», № 169 от 30 июля 1919 г.

[2] В литературе есть указания на разные даты, послужившие началом организации Петроградского укрепленного района. Например, Д. Надежный в своей книге — «На подступах к Петрограду» указывает, что этот приказ РВС 7-й армии был издан 20/7 июля 1919 г. (стр. 156); Н. Какурин — «Как сражалась революция», том 2, приводит дату — 28 июля 1919 г. (стр. 223) и Д. Н. Авров в составленной им «Военной записке», помещенной в книге—«Борьба за Петроград», Гос. изд., П., 1920 г., на стр. 56 говорит о дате—18 июля 1919 г. Последнее считаем более вероятным.

«В виду катастрофического положения с продовольствием армии [7-й], защищающей Петроград, предписать Революционным военным советам 5-й и 2-й [армий] предоставить для 7-й армии из захваченной военной добычи за рекой Белой и из своих запасов ... пудов муки и 20.000 пудов крупы, второму [РВС 2-й армии]—75.000 пуд. муки и 15.000 пуд. крупы и, если возможно, мяса и прочие предметы продовольствия, возложив в дальнейшем на 5-ю и 2-ю армии регулярную помощь 7-й армии предоставлением необходимого продовольствия, обратившись от имени ЦК [РКПб] с письмом к партийным товарищам этих двух армий с предложением в порядке чрезвычайной срочности провести указанные мероприятия» [1].

Петроградский укрепленный район создавался из гор. Петрограда и его окрестностей радиусом до 15 километров; точные же границы района были установлены Революционным военным советом 7-й армии и проходили от устья реки Паша, впадающей с юго-востока в Ладожское озеро, по государственной границы с Финляндией и далее по линии гор. Ораниенбаума, селений Ропша и Кипень, гор. Гатчина, жел.-дор. станций Тосно и Званка и устье реки Паша. База Балтийского флота — Кронштадт, — как и самый флот — в укрепленный район включены не были, но подчинялись РВС 7-й армии.

Управление укрепленного района гор. Петрограда и его окрестностей было поручено Комитету обороны, в оперативном отношении подчиненному также РВС 7-й армии. В состав Комитета обороны входили Г. Е. Зиновьев, комендант укрепленного района Я. Х. Петерс и Б. Г. Козловский [2]. Членами же РВС 7-й армии были назначены: М. С. Мятиясевич (командующий), А. П. Розенгольц, В. С. Шатов и Г. Е. Зиновьев.

На Комитет обороны г. Петрограда и ближайших к нему подступов возлагались следующие задачи:

1) согласование деятельности учреждений и предприятий, обслуживающих армию;

2) использование для обороны Петрограда материальных ценностей, находившихся в укрепленном районе, вне всякой зависимости от их ведомственной принадлежности;

---

[1] АЛОИ, связка № 28, дело № 6.

Относительно количества муки, которую РВС 5-й армии должен был переслать в Петроград, в документе имеется пропуск.

[2] АЛОИ, связка № 18.

Д. Надежный в своей книге — «На подступах к Петрограду» говорит, что в Комитет обороны входили: Г. Е. Зиновьев (председатель), А. П. Розенгольц, Б. Г. Козловский, В. И. Зоф и Я. Х. Петерс (стр. 156).

3) проведение всякого рода мобилизаций;

4) эвакуация Петрограда;

5) руководство фортификационными работами;

6) разработка плана обороны укрепленного района и принятие всех необходимых мер по подготовке обороны;

7) борьба с контр-революцией;

8) охрана порядка.

Компетенция Комитета обороны не распространялась на военные учреждения, как-то на губвоенком, окрвоенком, Реввоенсовет Балтийского флота и др. [1].

В соответствии с основной задачей, Петроградский укрепленный район был разделен на три сектора: 1) Карельский — для обеспечения Петрограда с севера; 2) Гатчинский — со стороны Северо-западной армии и 3) Ладожский — со стороны Ладожского озера и междуозерного пространства.

Крепость Кронштадт с Красногорским укрепленным районом составили четвертый сектор, подчиненный РВС 7-й армии.

В течение всего последующего времени, август — сентябрь 1919 г., Петроградский укрепленный район постепенно приводился в оборонительное состояние; работы по укреплению подступов в городу продолжались вплоть до второго, осеннего наступления Северо-западной армии.

Тем временем, на фронте, части 7-й советской армии, пользуясь количественным превосходством над силами Северо-западной армии, — которые, согласно разведывательных сводок, к июлю 1919 г. исчислялись на всем протяжении фронта от Финского залива до реки Кудеб в 15.000 штыков и 1.500 сабель, а 7-я армия на той же линии фронта — около 23.000 штыков,— во второй половине июля перешли в решительное наступление в нарвском направлении.

Соотношение сил на Нарвском участке фронта было таково: Северо-западная армия располагала 8 полками, из коих два конных, и 8 партизанскими отрядами, общей численностью войск в 9.800 штыков и сабель; действующая в нарвском направлении Северная группа 7-й армии в составе 2-й и 6-й стрелковых дивизий насчитывала в своих рядах 13.000 штыков.

20 июля 1919 г. командующим Северной группой 7-й армии, а 29 июля и командующим 7-й армией, была поставлена задача

---

[1] АЛОИ, связка № 18.

частям Нарвского участка Северной группы овладеть гор. Ямбургом и выдвинуться на линию озер Копенское и Бабинское, гор. Ямбург, реки Луга и Саба, озеро Сяберское.

Перешедшие в непосредственное подчинение командующему 7-й армией войска Лужского участка, насчитывавшие около 5.000 штыков и сабель против 3.500 штыков и сабель у белых, получили задачу ликвидировать наметившееся продвижение белых от гор. Пскова на гор. Лугу, а затем, совместно с частями 15-й армии, очистить от противника район к востоку от Чудского и Псковского озер.

К овладению гор. Ямбургом части Нарвского участка должны были приступить, по приказу, на рассвете 1 августа. К этому времени соотношение сил враждебных сторон изменилось коренным образом. В частях Нарвского участка числилось к 1 августа 23.400 штыков, 600 сабель, 438 пулеметов и 101 орудие, а у белых, в 1-м корпусе Северо-западной армии, было 12.500 штыков, 300 сабель 51 пулемет, 46 легких и 14 тяжелых орудий [1].

Однако, несмотря чуть ли не на двойное превосходство частей Красной армии, боевые операции на Нарвском участке до 3 августа носили характер «разрозненных попыток к переходу в наступление с обеих сторон».

Только к 5 августа частям среднего участка 6-й стрелковой дивизии (46-му и 48-му стрелковым полкам и отряду курсантов) удалось выйти на линию реки Луга на участке селений Жабино и Сережино и овладеть г. Ямбургом.

При взятии Ямбурга 48-й стрелковый полк потерял 300 чел., 158-й стрелковый полк 6-й стрелковой дивизии также понес большие потери убитыми и ранеными (убито 2 командира роты, 2 комиссара), в полку осталось не больше 250 штыков.

До взятия Ямбурга, на участке 12-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии бело-эстонцы начали переговоры с красноармейцами, предлагая прекратить стрельбу и выслать официальную делегацию для переговоров. Эстонские белые солдаты заявляли, что они не желают допустить Красную армию к эстонской границе [2].

---

[1] Д. Надежный — «На подступах к Петрограду», стр. 114.

В исчисление сил 1-го корпуса Северо-западной армии не вошли Ингерманландский полк и части 1-й бело-эстонской дивизии, расположенные в озерном районе.

[2] ЦВПА при ВПАТ, связка № 39, бюллетень ПУРа за август 1919 г., лл. 9, 44.

Отряд РКСМ 1-го городского района перед отправкой на фронт летом 1919 года.

Упорные бои за Ямбург только подтвердили стойкость врага, который своими переговорами с красноармейцами старался предотвратить наступление Красной армии на Ямбург.

После занятия пехотными частями 7-й армии Ямбурга и и одновременно с наступлением Южной группы той же армии на Псков, англичане в ночь на 18 августа 1919 г. произвели налет своими торпедными катерами на Кронштадт.

Со второй половины июня и в течение всего июля 1919 г. противник производил часто воздушные разведки и иногда бомбардировал Кронштадт с воздуха. В августе 1919 г. налеты неприятельских аэропланов на Кронштадт стали ежедневным явлением [1]. Это позволило противнику ознакомиться с планом Кронштадта для того, чтобы, затем, произвести более активную и серьезную операцию. Такой операцией и явился набег его катеров на Кронштадт. План англичан заключался в том, чтобы произвести одновременный налет на Кронштадт и с моря и с воздуха. Самолеты, налетев на Кронштадт, должны были начать бомбардировку и, тем самым, привлечь к себе все внимание защит иков Кронштадта. Целями для бомбардировки с воздуха должны были служить мастерские, нефтяные цистерны и прожекторная защита. Для атаки же Кронштадта с моря предназначалось 8 торпедных катеров, которые должны были итти в кильватерной колонне для прохода сквозь форты, расположенные у Кронштадта. Задачей для этих катеров являлось атаковать матку подводных лодок Балтийского флота — «Память Азова», корабли «Андрей Первозванный», «Рюрик» и «Петропавловск». Каждый из катеров получил специальное задание [2].

При выработка плана налета на Кронштадт противник широко воспользовался услугами своих шпионов, работавших в Петрограде. Сеть шпионских организаций в Петрограде, руководимая в большей своей части английским агентом в Петрограде Полем Дьюксом, давала целый ряд весьма ценных сведений о состоянии Красной армии и флота. Связь с Полем Дьюксом поддерживали некоторые офицеры английской эскадры в Финском заливе.

15 февраля 1928 г. в «Институте королевских соединенных служб» в Лондоне английский офицер, капитан 2-го ранга Эгар

[1] «Красный флот», книга 3 — 4, февраль 1928 г., статья Л. Соболева — «Ночь на 18 августа 1919 г.»

[2] «Морской сборник», № 1, январь 1929 г., Л., стр. 112, 113.

сделал доклад об операциях английской эскадры против Красного Балтийского флота в 1918 и 1919 гг. На поставленные в прениях по его докладу вопросы присутствовавших, Эгар, между прочим, сообщил следующее о роли проживавшего в Петрограде Поля Дьюкса:

«Он представлял собою тот центр, откуда я черпал свои важнейшие информации вплоть до нападения на Кронштадт 17 августа».

Эта связь долгое время поддерживалась торпедными катерами, которые приходили на условленное место по р. Неве и затем «обычными курсами» уходили обратно. Только после 17 августа 1919 г. такая связь была затруднена («почти невозможна»), вследствие того, что советское командование усилило наблюдение [1].

При сопоставлении этих прямых показаний английского офицера с другими данными, полученными при опросе арестованных агентов контр-революционных организаций в Петрограде, можно с большой долей вероятности поставить в общую связь с предыдущим следующее.

Контр-революционные группы в Петрограде, имея сеть своих агентов, являвшихся одновременно советскими служащими, как в гражданских, так и в военных учреждениях, всякими путями получали ценные военные сведения. Один из таких шпионов, руководитель организации «Великая единая Россия», морской офицер В. В. Дидерихс сумел выкрасть в свое время один чрезвычайно секретный документ, скопировал его, а подлинник положил обратно. После бегства из Петрограда Дидерихса, этот документ хранился у одного члена организации, а через некоторое время, почти такую же, только не подробную, копию купил Поль Дьюкс за 100.000 рублей.

При наличии такого ценного документа у Поля Дьюкса, а, следовательно, и у английского офицера Эгара, выработка плана налета на Кронштадт значительно облегчалась и сама операция сулила большой успех.

В ночь на 18 августа 1919 г., около 3 час. 45 мин., над Кронштадтом были по шуму пропеллеров обнаружены гидросамолеты, начавшие сбрасывать бомбы и открывшие огонь из пулеметов светящимися пулями. В крепости и на судах была

[1] «Морской сборник», № 1, январь 1929 г., Л., стр. 119.

пробита тревога, лишняя прислуга от орудий была убрана за закрытия, а на судах — в палубы. Внимание всех было всецело поглощено аэропланами.

В это время, около 4 час. 20 мин., сторожевой эскадренный миноносец «Гавриил», отстреливавшийся от атаковавших его гидросамолетов, заметил по направлению к Ораниенбауму два неприятельских катера. Открыв огонь по катерам, «Гавриил» первым же выстрелом потопил один из них. Затем, через несколько минут «Гавриил» потопил еще два неприятельских катера, пытавшихся выйти из гавани. Из 7 английских катеров, участвовавших в налете, вместо предполагавшихся 8, три было потоплено, остальные ушли. С погибших катеров «Гавриил» подобрал 9 человек англичан, из них 3 офицера.

Балтийский флот от этого налета потерпел также урон. Учебное судно «Память Азова», из за попадания торпеды было взорвано и затонуло, линейный корабль «Андрей Первозванный» от взрыва торпеды получил пробоину [1].

Таким образом, этот налет, несмотря на его внезапность и быстроту, встретил соответствующую бдительность судов Балтийского флота.

Специально назначенная комиссия для производства следствия, наряду с целым рядом упущений в деле охраны гаваней, наблюдения за побережьем и т. п., констатировала полную неожиданность, по идее, атаки Кронштадта моторными катерами.

Уверенность в невозможности налета судов противника на Кронштадт была всеобщей. Так, 20 августа 1919 г. начальник штаба Петроградского укрепленного района А. Бобрищев запрашивал РВС Балтийского флота о подробностях налета английских катеров на Кронштадтскую гавань и о том, каким образом они могли пройти через минное поле. Одновременно указывалось на позднюю осведомленность штаба Петроградского укрепленного района об этих событиях в ночь на 18 августа. С аналогичной телеграммой обратился и штаб 7-й армии, который также получил позднюю информацию [2].

---

[1] «Гражданская война», т. 2-й, часть 1-я, изд. РИО морских сил РККФ, Л., 1928 г., стр. 183 — 188.

[2] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело № 12, л. 27.

Англичане в дальнейшем не решались повторять атаки на Кронштадт с моря, но зато с 20 по 28 августа 1919 г. почти ежедневно, иногда по три-четыре раза в день, производили воздушные налеты на Кронштадт. Активные задания выполняли и красные самолеты, бомбардировавшие не раз неприятельский аэродром и железнодорожный узел в Биорке и пр.

31 августа подводная лодка Балтийского флота «Пантера» потопила английский эскадренный миноносец «Vittoria».

Все эти события на море не могли отвлечь советское командование от успешно проводившегося в то время на нарвском направлении наступления Северной группы 7-й армии. После занятия Ямбурга, Балтийский флот должен был оказывать всемерную помощь сухопутным частям и обеспечивать их правый фланг с моря.

Сокрушающего удара 1-му корпусу белых Красная армия все же не нанесла; противник оттянул свои живые силы на левый берег реки Луги и там продолжал успешно отбивать все попытки 2-й и 6-й стрелковых советских дивизий форсировать реки Лугу и Саба.

В дальнейшем, на фронте войск Нарвского участка установилось боевое затишье, нарушавшееся только поисками разведывательных партий и артиллерийской перестрелкой.

Относительно самого характера боев в этом районе и их результатов небезынтересны следующие, весьма показательные, данные. В период с 29 июля по 14 августа частями 6-й стрелковой дивизии было взято в плен 10 офицеров и 352 солдата и захвачено в качестве трофеев 380 винтовок, 7 автоматов, 6 пулеметов и около 115.000 ружейных патронов. За тот же период боев 6-я стрелковая дивизия потеряла убитыми и ранеными 62 командира и 696 красноармейцев, без вести пропавшими 358 красноармейцев, больными 6 командиров и 66 красноармейцев, попавшими в плен 9 красноармейцев и дезертирами 7 красноармейцев [1].

Эти данные лишний раз иллюстрируют, какой «большой крови» стоила защита Петрограда слабо-обученными и плохо руководимыми частями Красной армии.

На Псковском участке фронта действовала Южная группа 7-й армии, получившая в дальнейшем боевую поддержку от частей правого фланга 15-й армии.

---

[1] Д. Надежный — «На подступах к Петрограду», стр. 117.

15 августа части 15-й армии, командующим которой был назначен бывш. командующий Южной группы 7-й армии А. И. Корк, перешли в наступление в псковском направлении и потеснили противника.

Боеспособность красноармейских частей значительно повысилась. Политические органы широко развили партийно-политическую работу как среди частей, так и среди населения. Кроме этого, уделялось большое внимание работе в стане противника. Политический отдел 10-й стрелковой дивизии в тысячах экземпляров издавал листовки для распространения их среди войск противника. Вся эта работа не замедлила дать положительные результаты.

Партийная насыщенность частей увеличилась. В 8-й стрелковый полк 10-й стрелковой дивизии влился Псковский коммунистический батальон силою около 400 чел., который в дальнейших боях понес значительные потери. Увеличилась численность и других полков дивизии. Все это давало возможность исполнить приказ советского командования о взятии Пскова[1].

Удачные действия ударной группы 11-й советской стрелковой дивизии в направлении на гор. Изборск, поставившие под угрозу пути отступления бело-эстонских войск в Эстонию, вынудили бело-эстонское командование 2-й дивизии снять свои части с правого берега реки Великой и переправить их на левый, более безопасный, берег. Фронт частей 2-го корпуса Северо-западной армии, прикрывавших подступы к г. Пскову с юго-восточной стороны, действиями эстонцев был значительно ослаблен.

Но кроме чисто оперативных соображений, на неустойчивость бело-эстонских полков, главным образом, рядовых солдат, в сильнейшей степени подействовало усиление большевистской агитации в их рядах. Наступавшие на Псков части Красной армии имели в своем составе красную эстонскую бригаду, укомплектованную участниками, в свое время, гражданской войны в Эстонии. Соприкосновение этих частей, с одной стороны—красных эстонцев, с другой — белых, вызывало вполне естественное пробуждение у бело-эстонцев политической мысли. Не уди-

[1] «Десять лет 10-й стрелковой дивизии РККА. Исторический очерк за 1918—1928 гг.», изд. политотдела 10-й стрелковой дивизии, Вологда, 1928 г. «Коммунист», № 214 от 14 сентября 1928 г., Череповец, статьи Подшивалова — «Взятие Пскова» и «Боевой путь 10-й стрелковой дивизии».

вительно поэтому, что эстонские солдаты, уходя из района г. Пскова, пели революционные песни, а некоторые даже имели мужество приколоть к рубахам красные розетки. Данные белогвардейских источников определенно говорят, что в конце августа 1919 г. эстонское командование, информированное об истинном положении вещей среди своих солдат, заботилось не столько о поддержании общего фронта Северо-западной армии против Советской республики, сколько о сохранении своей собственной армии.

Установлению подобного взгляда способствовало еще и то обстоятельство, что между буржуазно-шовинистической Эстонией и лидерами белого русского движения на северо-западе России не было налажено нормальных взаимоотношений, базирующихся на общем мировоззрении и на политической солидарности в деле борьбы с советами.

Прибывший из Гельсингфорса в конце июня 1919 г. генерал Юденич со своей монархической, черносотенной свитой вступил в исполнение обязанностей главнокомандующего Северо-западной армией, доверенной ему еще раньше верховным правителем адмиралом Колчаком.[1] Приезд черной плеяды русских белых генералов не мог, конечно, разубедить буржуазную Эстонию в ее законных подозрениях относительно истинных намерений генерала Юденича и К-о. Эстонии предстояла чрезвычайно зигзагообразная линия политического поведения, рассчитанная на то, чтобы фактически доказать представителям русской реакции, что без помощи национальных самообразований справиться с Советской республикой им не удастся, а, отсюда, логически шел путь и дальше — к категорической необходимости изменить политические лозунги борьбы и раз навсегда покончить с «единой, неделимой Россией».

Генерал Юденич, достаточно информированный о тех трениях, которые имели место между штабом А. П. Родзянко и группой буржуазных «реформаторов» Н. Н. Иванова — С. Н. Булак-Балаховича, не в состоянии был объективно оценить действия бело-эстонских войск в Псковском районе. Причину отхода белоэстонской дивизии и пассивности частей 2-го корпуса Северо-западной армии генерал Н. Н. Юденич искал

[1] О деятельности русской буржуазии во главе с генералом Юденичем Финляндии см. в следующей главе.

в поведении С. Н. Булак-Балаховича, которого он же сам, незадолго до решающих боев за г. Псков, назначил командиром 2-го корпуса.

Между тем, наступление Красной армии на Псков методически, с неослабевающей напряженностью, продолжалось.

И вот тут-то форсированию событий на пути победного продвижения советских войск к Пскову, помог задуманный генералом Н. Н. Юденичем план разрешить недоразумения в своем же собственном белом лагере путем посылки карательной экспедиции в Псков.

Совместное сотрудничество в лоне единого белого стана группировок Юденича — Родзянко с одной стороны и С. Н. Булак-Балаховича—Н. Н. Иванова, с другой, т.-е. представителей реакции и представителей буржуазной демократии, не могло уже развиваться нормально, как это показала гражданская война и на других фронтах в России.

Кризис должен был наступить рано или поздно; наступление частей Красной армии только способствовало приближению этого момента окончательной развязки.

22 августа 1919 г. в гор. Нарве Юденич отдал приказ командиру 3-го стрелкового Талабского полка, полковнику Б. С. Пермыкину (брату другого Пермыкина — войскового старшины у Балаховича), сформировать карательную экспедицию в составе четырех стрелковых полков (Конно-егерский, Семеновский, Талабский и Уральский), 2 конных батарей, 2 броневых машин и 3 броневых поездов. Формирование такого сильного сводного отряда во время боевых действий на фронте показывает только степень непримиримости монархической реставрации с демократической контр-революцией на северо-западе России.

С этим отрядом Пермыкин обязан был двинуться на гор. Псков, занять его и произвести аресты чинов штаба Булак-Балаховича и обезоружить его личную сотню, в целях дальнейшего предания их суду. В качестве мотивировки своих решительных действий Юденич выставил положение о необходимости наказания за «беззаконные действия» подчиненных С. Булак-Балаховича, в силу чего все отказавшиеся выполнять приказы Пермыкина квалифицировались, как отказавшиеся выполнять распоряжения самого главнокомандующего и подлежали военно-полевому суду.

По прибытии в гор. Псков, Пермыкин 23 августа 1919 г. обратился со следующей письменной просьбой к С. Булак-Бала-

ховичу не оказывать сопротивления и подчиниться воле главнокомандующего генерала Юденича:

«Генерал-майору Булак-Балаховичу.

Я получил от главнокомандующего генерала Юденича категорическое приказание арестовать полк. Стоякина и некоторых чинов твоего штаба и разоружить твою личную сотню, которая могла бы воспрепятствовать арестам (будет вновь вооружена после ликвидации), и восстановить везде, где находятся во Пскове и в Запсковье свои части, а на время арестов взять тебя под свою охрану.

Во избежание какой-либо провокации со стороны большевиков, которые могут использовать волнения во Пскове, а исключительным образом ненадежность псковского фронта — в моем распоряжении Уральский, Семеновский, Талабский и Конно-егерский полки, 2 броне-машины, одна из них захвачена мною и вторая — ливенцев, 3 броне-поезда и 2 батареи капитанов Тенне и Гершельмана. Предупреждаю, что я, как офицер, не могу не исполнить приказа своего Главнокомандующего и должен буду исполнить его в точности, не считаясь ни с какими условиями. Более тяжелого положения в жизни я не переживал. Ты меня, предполагаю, знаешь и мне поверишь. Знай, что твоя жизнь и свобода в полной безопасности и ты [ею] волен распоряжаться, как угодно и в будущем, в этом порука—мое слово, которое для меня дороже жизни. Я прошу тебя об одном, как батьку, любящего солдата, что ты примешь все от тебя зависящие меры, чтобы наши младшие братья меньше пролили нужной для нашей Родины крови. Я тебе верю, что ты иначе не поступишь; я со своей стороны приму такие же меры, мне не менее тебя дорог наш солдат, но я не в силах не исполнить приказания Главнокомандующего. Если ты с этим не согласен и предъявишь мне обвинение, как человеку, оскорбившему твою честь, то я готов, когда угодно, стать к барьеру по первому, твоему требованию. Считаю, что, во избежание ненужных кровопролитий, одно из условий — немедленно вызвать меня к тебе для личных с тобою переговоров, если ты поручишься своим словом, что мои солдаты из-за меня не начнут резни в городе, и я немедленно к тебе приеду без всякого конвоя. Предупреждаю тебя, что по получении от Главнокомандующего приказания, я выставил в городе и кругом города наблюдение за фронтом части вверенных мне полков, батарей и броне-машин.

К твоему сведению: сегодня приезжает сюда Главнокомандующий ген. Юденич.

Полковник *Пермыкин*» [1].

Не желая обнажать перед своими бойцами истинной причины назревшего конфликта и ослаблять фронт против Красной армии, Булак-Балахович отдал распоряжение своим отрядам воздержаться от сопротивления.

---

[1] В. Горн — «Гражданская война на Северо-западе России», изд. «Гамаюн», Берлин, 1923 г., стр. 140.

Сам же он был подвергнут домашнему аресту, — был приставлен к нему, «для надзора», прапорщик граф Шувалов. Однако, не рассчитывая на милость Юденича, Балахович, под благовидным предлогом необходимости лично выехать к своим частям и успокоить их, поехал в город, встретился там со своим конным отрядом и в сопровождении его переправился на левый берег реки Великой, в район расположения 2-й бело-эстонской дивизии. При попытке частей Пермыкина перейти линию расположения эстонских войск для задержания бежавших, С. Булак-Балахович заявил, что он прикажет своему отряду открыть огонь.

В Пскове же отряд Пермыкина арестовал несколько человек из чинов штаба Балаховича, начальника штаба, ротмистра Звягинцева, быв. коменданта Псковского района, полковника Куражева, начальника оперативного отделения, полковника Стоякина и заведующего контр-разведкой фон-Штренга [1], при чем, полковник Стоякин был убит, а, как пишет Н. Н. Иванов, — просто задушен.

Через некоторое время все арестованные были освобождены.

Эти события окончательно подорвали силы белых на Псковском участке фронта.

Положение в Пскове стало весьма тревожным. Внутренние раздоры в белом стане, принявшие характер вооруженного конфликта, вызвали большую панику среди псковских обывателей. Для внесения успокоения были приняты все меры. Даже представители британской дипломатической военной миссии в Пскове — майор Крэг и капитан 2-го ранга Смиттис решили специально обратиться с воззванием к гражданам гор. Пскова.

В этом обращении говорилось, что «настало время для общего наступления, что красный флот уже уничтожен», что в ближайшие дни в Псков прибудут два английских танка, что Северо-западная армия получила обмундирование, снаряжение и вооружение и что много еще имущества, предназначенного для этой армии, находится в дороге. Дальше дипломаты прямо писали:

«Мы также уполномочены объявить вам, что всеми компетентными лицами обращено серьезное внимание на политическое и военное положение Пскова и ни при каких условиях интересы псковского населения из виду упущены не будут. В этом чрезвычайной важности факте все граждане Пскова могут быть вполне уверены» [2].

---

[1] «Красный набат», № 12 от 4 сентября 1919 г., г. Великие Луки.

[2] Газета «Псковское вече», № 24 от 23 августа 1919 г.
Экземпляр этой газеты хранится в Псковском музее революции.

В газете «Псковское вече» 23 августа 1919 г. на последней странице было крупно напечатано:

«Граждане, помните, что передача ложных, ни на чем не основанных, слухов лишь веселит наших врагов и оскорбляет наших храбрых защитников. Не верьте толкам об уходе эстонцев, у них и у нас одна задача—борьба с большевизмом».

Однако, вся эта агитация была прямой ложью и совершенно не соответствовала действительному положению псковского белого фронта.

26 августа, ранним утром, наступавшие части Красной армии (83-й и 87-й стрелковые полки сводной бригады) подошли вплотную к гор. Пскову с юго-запада и после упорного боя вступили в город.

Несколько позже, отбросив противника от переправ через реку Кепь, на участке селений Саева и Яблонец, к Пскову с восточной стороны подошли 85-й и 88-й стрелковые полки.

К 7 сентября части Красной армии (10-й и 11-й стрелковых дивизий) вышли на восточное побережье Псковского озера от устья реки Черной до устья реки Великой и заняли линию селений Корлы и Шахинцы, озера Устрявно и села Катлещи.

С занятием гг. Ямбурга и Пскова Красной армией был подведен итог первому белогвардейскому наступлению на Петроград.

Начавшееся, таким образом, в мае 1919 г. наступление на Петроград Северного корпуса закончилось к концу августа отходом его, уже преобразованного в Северо-западную армию, на узкий плацдарм между Чудским озером и рекой Плюссой.

В дальнейшем операции на Петроградском фронте характеризовались временным затишьем и имели чисто местное значение.

Итог событий конца 1918 г. и лета 1919 г. на Петроградском фронте дает следующие основные выводы:

1) Формирование белогвардейских военных организаций на северо-западе России проходило при материальной помощи и полной поддержке германского милитаризма.

2) Гражданская война на северо-западе Советской России на лагере контр-революции отразилась в виде сочетания разрозненных и друг друга исключающих течений. Переплет политики германского империализма, националистических устремлений прибалтийских лимитрофов и политики Антанты, со всеми вытекающими отсюда практическими действиями русской

контр-революции, не был достаточно крепким и в процессе гражданской войны давал солидные трещины то в одном, то в другом месте.

3) Оборона Петрограда вызвала проявление единой, не разрываемой никакими противоречиями, стальной воли петроградского пролетариата и его авангарда — Коммунистической партии. Город революции превратился в первоклассную крепость на фронте гражданской войны, чем создал необходимую предпосылку для победы Красной армии. Близость к линии фронта источника революционных сил и пролетарской энергии — Красного Петрограда — отнюдь не ослабила, а, наоборот, еще больше укрепила положение фронта.

4) Летнее наступление на Петроград явилось политически вынужденным мероприятием руководителей белого движения. Занятие части советской территории, освобождение из-под эстонского ига и получение кредита от крупных империалистов—таковы цели предпринятого наступления.

Только слабость частей Красной армии превратила это наступление в серьезную, чреватую большими последствиями, операцию.

5) Легкие победы Северного корпуса были обусловлены исключительной небоеспособностью и политической неопределенностью сырых красноармейских частей и неумелым оперативным их руководством. От правильно организованных белым командованием ударов эти части распадались, трансформировались. Деятельность антисоветски настроенного командного состава, навербованного из бывших офицеров, послужила ферментом для этой трансформации.

6) Восстание на «Красной горке», явившееся одним из крупных результатов деятельности внутренней контр-революции, объективно способствовало советским органам в деле ликвидации ряда белогвардейских групп, работавших в Петрограде.

7) Отход Северо-западной армии от Петрограда обусловливался как действиями частей 7-й и 15-й советских армий, усиленных коммунистическими отрядами, так и обострением взаимоотношений Эстонии с представителями русской контр-революции, повлекшим за собой лишение Северо-западной армии поддержки в лице эстонских войск. Предоставленные самим себе белогвардейцы не смогли оказать сильного сопротивления Красной армии.

С другой стороны, назревший вооруженный конфликт между монархическими реставраторами и буржуазными демократами в лице Юденича и К⁰ и Булак-Балаховича и К⁰, оттянувший значительные силы белых с фронта (в прямом и переносном смысле слова), дал возможность частям 15-й советской армии своевременным и правильно-намеченным ударом овладеть городом Псковом.

8) Занятие гор. Пскова Красной армией положило конец первому белогвардейскому наступлению на гор. Петроград. События периода 13 мая — 26 августа 1919 г. заставили главное советское командование уделить большее внимание нуждам частей Петроградского фронта, вопросам планомерной систематической работы по укреплению подступов к Петрограду и по приведению кварталов самого города в оборонительное состояние.

Северо-западная армия белых не была разбита. Контр-революция, базируясь на узком плацдарме восточнее Чудского и Псковского озер, продолжала свою работу в условиях материальной помощи, главным образом, английского империализма, и лелеяла исконную мечту как отечественной, так и интернациональной буржуазии, ликвидировать резервуар революционной энергии, пролетарского энтузиазма и беззаветного боевого героизма — красный Петроград.

ГЛАВА 7.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ БУРЖУАЗИИ В ФИНЛЯНДИИ. — ПОЛИТИКА АНТАНТЫ И РСФСР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 ГОДА. — КРАХ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ПЛАНОВ ФИНЛЯНДСКОЙ БУРЖУАЗИИ. — ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПРИ ГЕНЕРАЛЕ ЮДЕНИЧЕ. — ПЕРЕЛОМ В ПОЛИТИКЕ АНТАНТЫ. — ВСТУПЛЕНИЕ ЮДЕНИЧА В КОМАНДОВАНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИЕЙ.

Одновременно с разворачивавшимися событиями на Петроградском фронте и первым наступлением белой армии на Петроград, группа представителей русской торгово-промышленной буржуазии вела в Финляндии контр-революционную работу, направленную к объединению всех действовавших против Советской России сил и заключению военного союза с прибалтийскими государствами. При помощи финляндской буржуазии русская контр-революция получила возможность приступить к непосредственной организации антисоветского фронта. В общих чертах эта деятельность сводилась к следующему.

С разрешения финляндского правительства в Гельсингфорсе в конце 1918 года был образован особый комитет по делам эмигрирующей из Советской России русской буржуазии под председательством А. Ф. Трепова. В начале 1919 г., в связи с прибытием из Петрограда П. Б. Струве и А. В. Карташева, в Выборге было созвано совещание представителей русских торгово-промышленных кругов, на котором председателем указанного комитета вместо Трепова был избран представитель Национального центра Карташев. С приездом в Гельсингфорс генерала Н. Н. Юденича, бывшего командующего Кавказской армией в дни мировой войны и заслужившего хорошую репутацию среди русской буржуазии, вся политика комитета по делам русских в Финляндии была направлена по линии оказания поддержки

генералу Юденичу. Выделенный из состава комитета совет промышленности, под председательством Ф. Ф. Утемана, занял под общим поручительством в гельсингфорсских банках 2 миллиона марок для содействия всем начинаниям русского генерала.

Настроение в среде представителей русской буржуазии, находившейся в Финляндии, в смысле их внешей ориентации было не вполне установившимся. По крайней мере, до конца 1918 г. доминирующим течением было германофильское и только после германской революции и отхода немецких оккупационных войск из пределов Советской России это течение стало уступать место ставке на Антанту. Переориентация русской контр-революции обусловливалась, в значительной степени, тем обстоятельством, что и Антанта стала обращать больше внимания на Прибалтику.

Д. Ллойд-Джордж в своем выступлении в Гилдхолле однажды заявил: «Верные инстинкту, который всегда нас спасал, мы никогда не отходили далеко от моря», и дальше говорил, что сфера британских интересов после мировой войны расширилась включением двух новых морей: Балтийского и Черного [1].

По тайному соглашению Англии и Франции, заключенному 23 декабря 1917 г., окраины России были разделены на зоны действий английского и французского империализма. По этому договору Прибалтика была включена в сферу влияния Англии [2].

Началом реализации этого соглашения была посылка в конце декабря 1918 г. в воды Финского залива английской эскадры. Естественно, что прибытие английского флота не могло не повлиять на умонастроение представителей русской буржуазии, которые с этого времени к своим замыслам захватить Петроград с суши присоединили надежды на помощь с моря.

Колебание русской буржуазии в выборе союзников сказалось, в свою очередь, и на ее кумире—генерале Юдениче, который, соглашаясь то с одной, то с другой точкой зрения, в конце-концов вынужден был все же определенно остановиться на Антанте. В соответствии с этим, планы генерала Юденича по борьбе с Советской Россией характеризуются следующим теле-

---

[1] П. Н. Милюков — «Россия на переломе», том I, Париж, 1927 г., стр. 221.

[2] А. И. Деникин — «Очерки русской смуты», т. 4, стр. 39.

графным докладом, сделанным им адмиралу А. В. Колчаку, от 21 января 1919 года:

... «С падением Германии открылась возможность образования нового фронта для действия против большевиков, базируясь на Финляндию и прибалтийские губернии... Около меня объединились все партии от ка-детов и правее. Программа тождественна с вашей. Представители торгового класса, находящиеся в Финляндии, обещали финансовую поддержку. Реальная сила, которой я располагаю в настоящее время, — Северный корпус (3 тысячи) и 3—4 тысячи офицеров, находящихся в Финляндии и Скандинавии... Я рассчитываю также на некоторое число — до 30.000 военнопленных офицеров и солдат... Без помощи Антанты обойтись нельзя, и в этом смысле я вел переговоры с союзниками, но положительного ответа еще не имеется. Необходимо воздействие союзников на Финляндию, дабы она не препятствовала нашим начинаниям и вновь открыла границу для русских беженцев, главным образом офицеров. То же в отношении Эстляндии и Латвии... Необходима помощь... вооружением, снаряжением, техническими средствами, финансами и продовольствием не только на армию, но и на Петроград... Вооруженная сила не требуется — достаточно флота для обеспечения портов. Но, если таковая будет, то это упростит и ускорит решение. Благоволите поддержать мое ходатайство перед Антантой...» [1].

В этом докладе генерала Юденича верховному правителю адмиралу Колчаку бросается, в первую очередь, в глаза упоминание о Северном корпусе, который в то время находился в Эстонии и ни в какой мере не зависел от генерала Юденича. Очевидно, соображения личного порядка толкали Юденича на это ложное утверждение о подчиненности ему Северного корпуса. Во всяком случае, из приведенного письма явствует со всей определенностью антантовская ориентация Юденича.

Причиной, вызвавшей обращение Юденича к Колчаку с письмом, послужило то, что, стремясь заполучить в наиболее короткий срок помощь Антанты, в начале января 1919 г. он выехал в Стокгольм для переговоров с английским представителем. Поездка Юденича успехом не увенчалась, так как, по его словам, он говорил с мелкими приказчиками англичан, которые указали на то, что Антанта в данное время северо-западом России не интересуется [2].

---

[1] А. И. Деникин — «Очерки русской смуты», том 4, стр. 24. Разрядка наша.

[2] «Архив гражданской войны», том I, стр. 14.

Аналогичный результат имела и миссия А. И. Гучкова, направленная несколько позже распоряжением генерала А. И. Деникина в Париж и Лондон для зондирования почвы у Антанты. Между прочим, интересно отметить следующий факт, характеризующий учет обстановки на окраинах Советской России, сделанный Гучковым в его записке: «О борьбе с большевизмом в России и ее перспективах» от 6 января 1919 г., посланной генералу Деникину. В ней Гучков исходит из того, что Восточный фронт адмирала Колчака при самых благоприятных условиях не может нанести серьезного удара по Советской России, и дальше утверждает, что наиболее выгодным и решающим направлением может быть направление северо-западное, т. е. Псков — Петроград [1].

Миссия А. И. Гучкова, в составе 6 офицеров, по прибытии в Одессу была задержана французами на 2 недели, так как французы отказались дать ей разрешение на въезд во Францию. Самому Гучкову все же удалось побывать во Франции, Англии и Германии, но добиться там удовлетворения всех требований русской контр-революции он не смог [2].

Причину невнимательного отношения Антанты к нуждам русской буржуазии нужно искать в общем политическом курсе, который был взят Антантой в начале 1919 г. в русском вопросе.

На совещании представителей союзников в помещении французского министерства иностранных дел от 16 января 1919 г. Д. Ллойд-Джордж, возражая Ж. Клемансо, предлагавшему план посылки в Россию сильной союзнической армии говорил:

«Во-первых, действительное фактическое положение вещей [в России] неизвестно. Во-вторых, невозможно добиться фактов; единственный путь — подвергнуть вопрос разбирательству; в третьих, положение в России очень скверное; неизвестно, кто берет верх, но надежда на то, что большевистское правительство падет, не оправдалась. Есть даже сообщение, что большевики теперь сильнее, чем когда бы то ни было, что их внутреннее положение сильно, что их влияние на народ теперь сильнее... Сообщают также, что крестьяне становятся большевиками... Но уничтожить его [большевизм] мечом... это означало бы оккупацию нескольких

---

[1] «Правда», № 152 от 13 июля 1919 г., статья Л. С. Сосновского — «Юг и Восток».

[2] «Белый архив», вып. 1, Париж, 1926 г., стр. 106, 107.

провинций в России. Германия, имея миллионы человек на восточном фронте, держала только край этой территории. Если послать теперь для этой цели тысячу британских солдат в Россию, они взбунтовались бы... Мысль о том, чтобы уничтожить большевизм военной силой, — безумие... Военный поход против большевиков сделал бы Англию большевистской и принес бы Лондону Совет» [1].

Вот в этой боязни революционной «заразы» и в потере перспектив на благополучный исход событий лежит разгадка той относительной, конечно, пассивности антантовского империализма, которая была характерна в первые месяцы 1919 года. Сюда еще необходимо добавить сильное революционное движение на континенте Европы, вылившееся в ряде пролетарских революций (волна стачек, спартаковское восстание в Берлине, образование Венгерской и Баварской советских республик) и победоносное продвижение Красной армии, обусловленное ноябрьской революцией в Германии.

Следствием революционной ситуации в Европе конца 1918 г. и начала 1919 г. было приглашение державами согласия всех фактически существовавших правительств в России отправить своих делегатов на конференцию на Принцевых островах (Мраморное море). Советское правительство непосредственно не получило такого предложения; последнее было известно только из иностранных радио-телеграмм, заключавших в себе обзор печати. Но так как отсутствие ответа со стороны РСФСР в этих радио-телеграммах истолковывалось бы, как отказ от конференции, то советское правительство в ноте народного комиссариата по иностранным делам от 4 февраля 1919 г. давало определенный ответ. В нем говорилось:

«Несмотря на все более благоприятное положение Советской России и в военном отношении, и в отношении ее внутреннего состояния, русское Советское правительство считает настоятельно желательным заключение соглашения, которое положило бы конец военным действиям, что оно готово немедленно начать с этой целью переговоры и, как оно неоднократно заявляло, добиться такого соглашения даже ценой серьезных уступок, поскольку они не будут угрожать дальнейшему развитию Советской республики. Принимая во внимание, что враги, против которых ему

---

[1] М. Танин — «10 лет внешней политики СССР», Гос. изд., 1927 г., стр. 61, 62.
Разрядка наша.

приходится бороться, черпают свои силы сопротивления исключительно из той помощи, которую им оказывают державы Согласия, и что поэтому последние являются единственным действительным противником русского Советского правительства, последнее обращается именно к державам Согласия с изложением тех пунктов, по которым такие уступки оно считало бы возможным с целью прекращения всякого конфликта с этими державами» [1].

Уступки Советской республики сводились к следующему: 1) Советское правительство не отказывается от признания своих финансовых обязательств по отношению к своим кредиторам; 2) уплату процентов по займам Советское правительство гарантирует известным количеством сырья; 3) Советское правительство готово предоставить подданным держав Согласия разного рода концессии. Четвертый пункт касался территориального вопроса. В нем указывалось, что под аннексиями Советское правительство подразумевает сохранение на какой-либо части территории бывшей Российской империи, за вычетом Польши и Финляндии, военных сил Согласия или же таких, которые содержатся правительствами стран Согласия, пользуются их финансовой, технической, военной поддержкой. В заключение в ноте говорилось, что размер уступок со стороны Советской республики находится в непосредственной зависимости от ее военного положения.

Еще более интересным документом, характеризующим политику Советской республики и Северо-американских соединенных штатов в начале 1919 г., является проект договора, выработанный правительством РСФСР совместно с Вильямом Буллитом, действовавшим по директиве американского президента Вудро Вильсона, от 12 марта 1919 г. В марте 1919 г. советское правительство по линии территориальных уступок шло еще дальше. Предполагалось, что все фактически существовавшие к моменту заключения перемирия русские правительства (т. е. белогвардейские правительства) сохраняют за собой ту территорию, в пределах которой действуют их военные силы.

Такая политика Антанты и РСФСР принуждала русских белогвардейцев искать поддержки в отделившихся от России государственных образованиях. В частности, группа генерала Юденича вела непосредственные переговоры с Финляндией и

[1] «10 лет Советской дипломатии», (акты и документы), изд. Литиздата НКИД, М., 1927 г., стр. 41, 42.

пыталась завязать их с Эстонией. Выходивший в 1919 г. в Гельсингфорсе «Русский листок», орган защиты интересов русской эмигрировавшей буржуазии, в № 31 от 9 февраля писал:

«Финляндское правительство сделало еще один шаг вперед и разрешило генералу Юденичу открыто стать во главе войск, организуемых для борьбы с большевиками... Отныне начинается новая глава в жизни финляндских беженцев из России, и все мы сплотимся около вождя, неся ему свои силы, уменье и любовь к родине».

Финская буржуазия стала посылать на территорию Эстонии свои отряды, которые принимали участие в боях с Красной армией на юрьевском и ямбургском направлениях; наблюдалась также концентрация финских вооруженных сил на советско-финляндской границе. Ярым сторонником интервенции в Финляндии был генерал К. К. Маннергейм, при чем и там, среди финляндской буржуазии, не было полного единения со взглядами и политикой группы интервенционистов.

Правильную позицию заняла коммунистическая партия Финляндии, сумевшая во-время учесть и реализовать настроения трудящихся масс. Весьма интересным в этом отношении является воззвание Центрального комитета Финляндской коммунистической партии к финским рабочим, крестьянам и солдатам. В воззвании ставится вопрос — пойдут ли финские трудящиеся массы за Маннергеймом.

«От кого он [Маннергейм] получил полномочие на поход? От финского народа ли? Нет, от финского народа он разрешения на это даже не спрашивал. Он хочет начать войну с согласия английских империалистов. Но понятно, что кровью и на средства финского народа. Что должны трудящиеся Финляндии теперь знать? Если генерал Маннергейм начнет свои военные действия [против Советской России и Петрограда], вы, товарищи, в Финляндии должны в тот же час ответить на это победоносным криком: «Да здравствует революция финского трудового народа!» Знаете ли вы, товарищи, что вам тогда надо сделать? — Начинайте моментально великую забастовку. Остановите железнодорожное движение по всей стране, разберите пути, не давайте телеграфу и телефону работать. Захватите в свои руки боевые пулеметы белых «мясников» и не давайте им возможности получать продовольствие. Устройте восстание среди армии. Убейте на первую руку всех начальников белогвардейских банд, уничтожьте всех маннергеймовских щенков. Своим стойким выступлением склоняйте большинство из армии на сторону революции! Товарищи, в партизанскую войну по всей стране!.. Да здравствует финляндская рабочая, крестьянская и красноармейская Социалистическая Советская Республика» [1].

[1] «Петроградская правда», № 39 от 19 февраля 1919 г.

К.-Г. К. Маннергейм пытался сговориться с буржуазией Швеции, Норвегии и Дании, но рабочий класс этих стран дал дружный отпор и сделал невозможным соглашение, своим острием направляемое против Советской России.

В ответ на приезд 10 февраля 1919 г. генерала Маннергейма в Швецию рабочие устроили демонстрацию протеста. Демонстранты прорвались в центр Стокгольма и только с большим трудом были рассеяны полицией. Шведские левые социалисты призывали рабочих организовать всеобщую забастовку в знак протеста против переговоров шведского правительства с генералом Маннергеймом. Во многих местах этот призыв увенчался успехом, рабочие бастовали и кое-где приступили к организации своих отрядов Красной гвардии. Газета шведских левых социал-демократов — «Фолькетс дагблат политикен» в дни пребывания в Швеции Маннергейма напечатала многочисленные резолюции рабочих собраний по поводу устроенной буржуазией вербовки добровольцев на помощь белогвардейцам Эстонии и Латвии. Так, например, рабочие в Мальме приняли следующую резолюцию:

«... В эти всемирно исторические дни, когда пролетариат Прибалтийского края ведет отчаянную борьбу за социальную революцию, которая должна покончить с ужасным гнетом буржуазной власти, — тогда поднимает реакция в Швеции опять свою кровавую голову, чтобы оказать активную помощь врагам рабочего класса в Эстляндии и Лифляндии, так же, как эти шведские реакционеры помогали господствующему классу Финляндии убивать рабочих этой страны. Было бы самым черным позором, если бы рабочий класс Швеции позволил еще раз разбойникам господствующего класса отправиться убивать наших братьев, которые присоединились к наступающей вперед всемирной революции. Мы должны сделать все, что мы в силах, чтобы задержать эту войну буржуазной реакции против борющегося пролетариата. Мы выражаем нашу глубокую уверенность, что та борьба, которую ведет русский и эстонский пролетариат, является правильной борьбой, — борьбой за лучший общественный порядок. Для этого мы должны поддерживать революцию в этой борьбе не только на словах, но и на деле. Долой капиталистов со своими правительствами во всех странах! Да здравствует социальная революция рабочего класса!» [1].

Поток аналогичных резолюций из других мест заставил шведскую буржуазию сократить до весьма незначительных размеров свои белогвардейские формирования. Карл Маннергейм,

[1] «Петроградская правда», № 39 от 19 февраля 1919 г.

встретив сильнейший отпор рабочих Швеции, не решился ехать в Норвегию и Данию и ни с чем вернулся обратно.

Однако, несмотря на крах маннергеймовских затей, группа, объединившаяся вокруг Юденича, продолжала строить свои планы в надежде на широкую помощь финской и эстонской буржуазии, при чем, оказание помощи Финляндией и Эстонией мыслилось не столько в добровольной форме, сколько при нажиме антантовского пресса. Такая платформа юденической группы, имевшая осью своей политики борьбу «за единую, неделимую Россию», была характерна для всего контр-революционного движения на северо-западе России периода 1919 года и она, в конечном итоге, явилась скорее препятствием, нежели стимулом для заключения военного союза.

В этом отношении весьма интересным является письмо одного из будущих министров Северо-западного правительства, представителя демократически-настроенной мелкой буржуазии — Н. Н. Иванова от 11 февраля 1919 года, посланное адмиралу А. В. Колчаку. В нем говорилось от имени этой мелкобуржуазной контр-революции:

«С гельсингфорсской группой, возглавляемой Юденичем и состоящей из кучки крупных капиталистов, однако, — безденежных, мы все время в связи, но объединение наше с ними замедляется реакционными настроениями этой группы и тягой ее к военной диктатуре, с каковой внутрь России можно итти только для повторения Скоропадчины и уж, конечно, без помощи Финляндии и Эстонии» [1].

В другом месте тот же Иванов давал такую характеристику юденической группы:

«Вместо делового штаба белого дела собирался двор густо-черного цвета, с прежними романовскими традициями, с карьеризмом, с фаворитизмом, с наушничеством, с интригами» [2].

Основания для подобного недовольства и даже апеллирования к Колчаку были, конечно, все налицо. В первую очередь известную остроту приняли споры между двумя крылами русской контр-революции по национальному вопросу. Иванов настаивал на безусловном признании независимости Финляндии и, главным образом, Эстонии. Упор на Эстонию объяснялся тем, что выяснив, в результате своей поездки

[1] В. Горн — «Гражданская война на северо-западе России», стр. 42.
[2] «Архив гражданской войны», т. I, стр. 17.

в Ревель, общее политическое и военное положение как самих эстонцев, так и расположенного на их территории Северного корпуса, Иванов предпочитал перенести базу контр-революции в Эстонию и оттуда вести в дальнейшем белую армию на Петроград. Все предпосылки для этого были, оставалось только... признать государственную независимость Эстонии. Соответствующий доклад Н. Н.Иванов сделал в Гельсингфорсе в присутствии генералов Н. Н. Юденича и Е. А. Арсеньева, князя М. В. Волконского, А. В. Карташева, финансиста А. И. Грубе и графа В. А. Буксгевдена. Однако, «сановная аудитория выслушала и... никак не отозвалась». А через несколько дней Н. Н. Юденич заявил Н. Н. Иванову, что о таких пустяках, как признание независимости Эстонии, и говорить даже не следует, потому что «союзники нажмут на военных эстонцев и они не пикнут» [1].

Не встретив сочувствия со стороны Юденича и не имея поддержки в среде русских эмигрантов в Финляндии, Иванов вынужден был поехать обратно в Эстонию и начать там на свой страх и риск организационную работу по укреплению русских белогвардейских частей и по подготовке наступления на Петроград.

В начале мая 1919 г. при Юдениче создалась новая группировка представителей русской буржуазии, которая 24 мая была оформлена в виде так называемого «Политсовещания», на правах совещательного органа.

Это Политсовещание имело задачей: 1) ведение «ответственных» переговоров с Финляндией, Эстонией и другими государстами на предмет заключения военного союза, и 2) оно должно было играть роль «зачаточного временного правительства для Северо-западной области».

Совещание было составлено из следующих лиц: Н. Н. Юденича (председатель совещания); А. В. Карташева (заместитель председателя и иностранные дела); В. Д. Кузьмина-Караваева (юстиция и агитация); генерал П. К. Кондзеровского (начальник штаба Юденича); генерала М. Н. Суворова (военные дела, внутренние и пути сообщения) и С. Г. Лианозова (торговля, промышленность, труд и финансы). Для помощи этим лицам было создан институт товарищей министров, «политически не ответственных» специалистов, в числе которых бывший сена-

---

[1] «Архив гражданской войны», т. I, стр. 23.

тор С. В. Иванов занимался, например, тем, что разрабатывал вопрос о гражданском управлении г. Петрограда в области муниципиальной[1].

Это деление работников генерала Юденича на ответственных и безответственных создавало с самого же начала громоздкий, неподвижный, бюрократический аппарат, который ничем не отличался за все время своего существования (с 24 мая по 11 августа 1919 г.) от обыкновенных царских учреждений. Чисто животное чувство сохранения своих капиталов объединяло всю эту черносотенную свору в борьбе против Советской России. Говорить о политических целях борьбы с Советской республикой у них не считалось нужным.

Лучше всего освещает этот вопрос сам Юденич:

«У русской белой гвардии одна цель — изгнать большевиков из России. Политической программы у гвардии нет. Она и не монархическая, и не республиканская. Как военная организация, она не интересуется вопросами политической партийности. Ее единственная программа — долой большевиков!»[2]

Однако, эта расплывчатая, бесцветная формулировка не могла скрыть явно монархической, реакционной политики как самого Юденича, так и его Политсовещания. Это обстоятельство в дальнейшем дало о себе знать, хотя бы в травле русских монархистов финляндской и эстонской прессой, в лишении их тех или других гражданских прав и т. п. А. В. Карташев в письме к В. Н. Пепеляеву, министру внутренних дел адмирала А. В. Колчака, по этому поводу пролил крокодилову слезу; он писал:

«Мы здесь [в Финляндии] покуда абсолютно бесправны, неизмеримо бесправнее евреев в прежней России».

Нужно полагать, что лозунги «великой, единой, неделимой России», во имя которых сгруппировались вокруг Юденича представители русской буржуазии, явились первопричиной тех может быть, даже и невзгод, которые выпали на долю эмигрировавшей русской буржуазии в Финляндии и Эстонии.

---

[1] «Пролетарская революция», № 1, 1921 г., письмо А. В. Карташева к В. Н. Пепеляеву, министру внутренних дел Колчака, стр. 142—146.

[2] «Северная жизнь», № 40 от 19 февраля 1919 г., Гельсингфорс. Разрядка наша.

Политическое совещание при Юдениче пыталось в оправдание своего существования вступить в переговоры с Финляндией и Эстонией о военной кооперации. Но так как дело это дипломатически затягивалось, делалось Финляндией и Эстонией не к спеху, то практических результатов переговоры Политсовещания почти никаких не имели.

Только исключительно военные события и перемена военного положения в пользу русских белогвардейцев могли бы сильнейшим, а, может быть, и решающим образом повлиять на политический застой и усилить темп и обеспечить на время успешность работы Политсовещания.

Только наступление на Петроград Северной армии могло бы всколыхнуть контр-революционное болото и дать ему приток свежей воды.

Но и здесь коренилась опасность, так как в самом белом режиме таились причины его неизбежной гибели. Если русское белогвардейское Политсовещание, не имея своей собственной территории, руководствовалось в своей «внешней» политике монархическими идеалами, то с приобретением клочка русской советской земли, при первом наступлении на Петроград, высокомерный тон монархиста вышел за пределы всяких рамок.

Политика русской буржуазии в Финляндии с антантовской ориентацией, проводимая именем генерала Юденича до лета 1919 г., находилась в прямой зависимости от военных успехов белогвардейской русской армии на северо-западе России. И поскольку операции армии не имели за это время разительных успехов, постольку деятельность русской контр-революции характеризовалась безрезультатностью всех своих начинаний.

Летнее наступление 1919 г. русской белогвардейской армии и бело-эстонцев несколько оживило общий лагерь контр-революции на северо-западе, привлекло к себе внимание как Антанты, так и руководителей белого движения на других фронтах гражданской войны в Советской России и, тем самым, дало возможность отсрочить момент окончательной своей гибели и продлить на некоторое время столь заманчивую для них «общегосударственную» работу.

Это оживление прежде всего сказалось на ведении переговоров с Финляндией. Если в мае 1919 г. Юденич не смог сговориться с Маннергеймом об условиях финской помощи при

наступлении на Петроград, то в июне и июле 1919 г. в этом отношении уже были достигнуты некоторые, правда, незначительные результаты. Необходимость привлечения финской армии в операциях против Петрограда была вполне очевидной для всех представителей белого движения в России. Однако, этот вопрос они рассматривали с точки зрения великодержавной России.

23 июня 1919 г. Колчак обратился с личным письмом к Маннергейму, которое носило характер призыва финской помощи для «спасения неисчислимых человеческих жизней, томящихся под игом большевизма». Дальше Колчак старался заверить Маннергейма в том, что никаких неразрешимых недоразумений между будущей Россией и Финляндией вообще быть не может и что по этому поводу не должно быть даже никаких сомнений и колебаний. В связи с этим Колчак считал абсолютно необходимым немедленное наступление финских войск на Петроград. Маннергейм, в своем ответе на это письмо, 10 июля 1919 г. писал:

«Прошу ваше превосходительство принять мою благодарность за телеграмму от 23 июня, полученную мною 4 сего месяца. Большинство финляндского народа вместе со мною с сочувствием следит за борьбой, которую вы во главе храбрых русских войск ведете с целью истребить большевизм, тем более, что и мы принимаем в ней участие, раздавив в Финляндии красное восстание, поддерживаемое и управляемое советским правительством, а затем, в лице добровольцев, откликнулись на зов эстонского народа и населения Олонецкой губернии в их тяжелой борьбе против большевиков.

Хотя я уверен в том, что впредь в состоянии уничтожить всякую попытку поднять в Финляндии красное знамя революции, но тем не менее знаем, что существующая ..... советская власть представляет для нас постоянную угрозу и далеко не безучастны к страданиям, переживаемым русским народом под игом большевиков. Помимо гуманной стороны вопроса, взятие Петрограда имело бы большое значение, как опорного пункта военных действий совласти в северной России, в виду сосредоточения в нем всех нитей северо-российской революционной пропаганды. Поэтому финляндскому народу и его правительству далеко не чужда мысль об участии регулярных войск финляндских и в освобождении Петрограда.

Не стану от вас скрывать, господин адмирал, что по мнению моего правительства, финляндский сейм не одобрит предприятия, приносящего нам хотя и пользу, но требующего тяжелых жертв, если не получим гарантий, что новая Россия, в пользу которой мы стали бы действовать, согласилась на некоторые условия, исполнение которых мы не только

считаем необходимым для нашего участия, но также необходимой гарантией для нашего национального и государственного бытия.

Г. Маннергейм» [1].

Из этого ответа видно, что несмотря на все старания Колчака отсрочить вопрос о признании независимости Финляндии, представители последней ставили этот вопрос на первое место.

Представители великодержавного российского шовинизма получили должный отпор от национальной финской буржуазии, заботившейся в первую очередь о своем собственном благополучии.

Юденич, желая поскорее найти выход из такого положения, решил, со своей стороны, выработать проект соглашения с Финляндией, на основании которого последняя и могла бы двинуть свои войска против Петрограда.

Условия такого соглашения, по предложению Юденича, должны были заключаться в следующем:

«Ст. I. Россия безусловно признает независимость Финляндии.

Ст. II. 1) Россия не участвует в государственном долге Финляндии и наоборот.

2) Русское, чисто военное, имущество, а равно все находящиеся в Финляндии порты и строения, принадлежавшие ранее России, переходят в собственность Финляндии. Вопрос об остальном русском имуществе подлежит рассмотрению особой смешанной комиссии, которая установит размер вознаграждения, подлежащего уплате.

3) Имущество военного характера имеет быть приобретено государством, в котором оно находится. В случае, однако, если имущество было приобретено первоначально безвозмездно, оно переходит в новое обладание без выкупа.

4) Высочайший указ 15 февраля 1864 года о передаче Финляндии ближайшей к ее границе полосы, дающей выход к зимнему порту Ледовитого океана, подлежит исполнению в кратчайший срок. Точный порядок осуществления этого приказа имеет быть установлен мирной конференцией или Лигой наций.

---

[1] И. Субботовский — «Союзники, русские реакционеры и интервенция», краткий обзор исключительно по официальным архивным документам бывшего колчаковского правительства, Л., 1926 г. стр. 246—249.

Под красным восстанием, о котором упоминается в письме, К.-Г. Маннергейм имел в виду рабочую революцию и гражданскую войну в Финляндии в январе—апреле 1918 г.; относительно же помощи Эстонии и населению Олонецкой губернии Маннергейм сам подтверждает только то, что уже имело место, а именно — участие финских белогвардейцев на советско-эстонском фронте и действия так называемой Олонецкой добровольческой армии в Карелии.

Ст. III. 1) За карелами Олонецкой и Архангельской губерний признается право на полное самоопределение. Вопрос: когда, каким образом и в каких границах это право будет осуществлено, передается на разрешение мирной конференции или Лиги наций.

2) За русскими подданными финской национальности, проживающими в Петроградской губернии, обеспечивается право сохранения своей религии, языка, судов, управления и школ. Одинаковые права предоставляются русским в Финляндии.

3) Русским паломникам предоставляется свободный доступ в Валаам. Обитатели монастыря освобождаются от обязательств финского подданства.

4) Финским коммерческим судам обеспечивается проход через Неву и Ладожское озеро к своим портам с уплатой транзитных пошлин. На Ладожском озере допускается финское судоходство на равных условиях с русским.

5) Ни Россия ни Финляндия не будут иметь на Ладожском озере военных судов.

6) Финским подданным будет уплачено вознаграждение за утраченную в России частную собственность на основаниях одинаковых с подданными союзных держав. Русские подданные будут пользоваться покровительством Финляндии.

7) Вопрос о нейтрализации Прибалтийских государств и Финляндии передается на разрешение Мирной конференции или Лиги наций.

Ст. IV. Будущим Российским правительством будет установлен в отношении Финляндии преимущественный торговый и тарифный режим; до образования же такового правительства—сохраняются в силе существующие правила.

ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ СОГЛАШЕНИЕ.

1. Всеми военными операциями русских войск, наступающих на финском фронте, руководит генерал Маннергейм через генерала Юденича.

2. В деле поддержания порядка в Петрограде русские силы будут поддержаны полками финской белой гвардии. Управление в занятых русских местностях переходит немедленно к русским властям. За генералом Юденичем признается полная свобода распоряжения войсками и формированиями.

3. Финские войска останутся в России до смены их войсками, сформированными генералом Юденичем.

4. Русское и финское правительства осуществляют контроль за проездом через русско-финскую границу, которая будет закрыта.

5. При всех финских частях состоит русский офицерский контроль, который принимает пленных и задержанных и распоряжается ими. Все сношения финских военных властей с населением будут осуществляться через русских офицеров.

6. Военная добыча не допускается.

7. Железные дороги к северу от Невы будут находиться в финском управлении»... [1].

---

[1] И. Субботовский—«Союзники, русские реакционеры и интервенция», Л., 1926 г., стр. 249—251.

Этот проект договора был послан Колчаку для утверждения. Однако, Колчак решил держаться прежней позиции и этот документ был признан «мало приемлемым».

Таким образом, и летние переговоры с Финляндией успехом не увенчались, весь вопрос упирался в основную проблему — немедленное и безусловное признание независимости Финляндии.

Несколько «передовые» взгляды Юденича и его клики на этот вопрос, отличавшиеся от взглядов Колчака, были следствием того, что к тому времени положением на северо-западе России заинтересовалась Англия и именно она настаивала на заключении договора с Финляндией.

Английский империализм постепенно овладевал обстановкой в Прибалтике и решил сыграть решающую роль в деле борьбы русской контр-революции на Петроградском фронте.

Вся политика английского империализма в годы гражданской войны в России не отличалась какой-либо принципиальной стройностью и выдержанностью. Быстрые переходы от политики компромиссов с советским правительством к прямой и открытой поддержке русских белых армий и непосредственному вмешательству при помощи посылки своих вооруженных сил в Россию, частые колебания в вопросах будущего политического устройства России, выражавшиеся в отказе поддержки монархической реставрации и в переходе к оказанию посильной помощи мелко-буржуазной контр-революции, — таковы наиболее характерные черты внешней политики английского империализма.

В политике Англии в годы гражданской войны и, в частности, в 1919 г., со всей законченностью и определенностью выглядывали интересы империалистически-настроенной и коммерчески-деловой английской буржуазии. Противоречия между Д. Ллойд-Джорджем и В. Черчиллем по так называемому русскому вопросу были, по существу, противоречиями двух слоев английской буржуазии. В то время, как общее стратегическое положение в России и международная политическая ситуация были не в пользу белого движения, брала, в силу объективного хода событий, верх точка зрения деловых английских буржуа, не брезгавших вести с советским правительством всякого рода переговоры. Но, как только развернувшаяся фаза гражданской войны в России приносила

временный успех русской контр-революции, то внешняя политика Англии сейчас же подчинялась своей империалистически настроенной буржуазии.

Если первая половина 1919 г. для Северо-западного фронта проходила под знаком нерешительности и компромиссной политики Англии и являлась таким периодом, при котором получили самое широкое распространение основные положения тогдашнего главы английского кабинета — Д. Ллойд-Джорджа, то вторая половина года, вплоть до ноября, проходила под знаком активнейшего непосредственного участия английского империализма в деле наступления белых на Петроград и носила на себе определенный отпечаток лозунгов военного министра Англии — В. Черчилля.

Переход к решительной борьбе с Советской республикой вызывался еще и другим, далеко не второстепенным, фактором из области международной политики.

Мировая империалистическая война закончилась полным поражением Германии и ее союзников. Начался передел мира. Границы центральных государств Европы изменились коренным образом. Антанта всеми силами старалась свести на нет военное могущество Германии. В свою очередь и буржуазная Германия проявляла наиболее упорные тенденции в сторону сохранения своего прежнего положения на мировых рынках с целью подготовки новой войны. Наиболее удобным и территориально близким районом для Германии в этом отношении являлась Прибалтика, — район нынешних буржуазных республик — лимитрофов Латвии, Литвы, Эстонии. Находившиеся в Прибалтике германские войска под командованием генерала Кольмар фон-дер-Гольца, участника подавления революционного движения финского пролетариата в 1918 году, долгое время, с момента заключения перемирия на фронтах империалистской войны, не возвращались к себе на родину. Не имея возможности влиять на мировую политику великих держав Антанты, Германия стремилась компенсировать это усилением своего влияния на Прибалтику и, затем, на оборонявшуюся от многочисленных врагов Советскую Россию. Наиболее распространенным лозунгом крупной немецкой буржуазии в 1919 г. было: «судьба Германии лежит в Росс и». Для осуществления этого лозунга Германия, начиная с 1918 г. и по ноябрь 1919 г., проявляла большую заинтересованность в делах Прибалтики и

в судьбе Советской России. В этом кроется секрет пребывания немецких войск в Прибалтике, которые, с одной стороны, представляли угрозу северо-западу Советской России и, с другой, — в любой момент могли заставить прибалтийские государства исполнять волю германской буржуазии. И то и другое способствовало бы восстановлению сильного конкурента в лице Германии для остальных западно-европейских стран.

Со стороны Антанты с конца 1918 г. никаких препятствий к пребыванию немецких войск в Прибалтике не ставилось, даже больше того, Антанта предполагала использовать немецкие войска фон-дер-Гольца в качестве кордона против Советской России. Однако, в скором времени планы Германии были расшифрованы.

Военный министр Англии В. Черчилль в своей речи, произнесенной 17 июля 1919 г. на банкете британско-русского клуба, говорил:

... «А этим всем государствам [Эстония, Литва, Польша, Чехо-словакия, Румыния] сэром Джорджем Бьюкененом [английский посол в России в 1917 г.] было обещано в той или иной форме покровительство Лиги наций, поскольку эта Лига существует, и если на них нападут и они станут разрушаться и начнуть вопить о помощи, то или Британии, Франции и Соединенным штатам придется сделать серьезные усилия, или же Лига наций и союзные державы победительницы, на которых и вокруг которых эта Лига по необходимости основана, покажут себя совершенно бессильными и контроль над центральной Европой, а, весьма вероятно, и контроль над Россией перейдет в руки Германии»...

...«По мере того, как большевики станут более практичными, весьма возможно, что они постепенно все более и более приблизятся к такому состоянию социального и военного развития, в особенности военного, которое приведет их к теснейшему сближению с Германией и возбудит между ними и германцами взаимные симпатии, все более и более обусловливающие возможность объединенного выступления. Подумайте только, какую это представит опасность Европе, миру и всем нам, уверенным теперь, что мы выиграли великую войну»...

И дальше В. Черчилль переходит к поучению:

«Россия, милорды и джентльмены, является в настоящее время решительным фактором мировой истории. Спасение России из ее теперешнего ужасающего положения составляет первейшую обязанность Лиги наций и насущный интерес союзных держав. Они должны действовать в согласии, с убеждением и энергично... Сила Лиги наций будет испытана в русском вопросе. Если Лига наций не сможет спасти Россию, Россия в своей агонии разрушит Лигу наций. Я обращаюсь к тем, кто дорожит будущим миром всего мира: я обращаюсь к великим победившим государствам и их

доверенным вождям; я обращаюсь к Лиге наций с воззванием, рассмотреть все положение в России и произвести объединенное, сконцентрированное усилие для освобождения русского народа от его ужасающей муки и для восстановления мира в измученном мире» [1].

29 июля 1919 г. в палате общин В. Черчилль вновь забил тревогу по поводу тайных замыслов Германии. Он говорил:

«Я никак не могу отделаться от мысли о страшной опасности, которая произошла бы, если бы ставшая врагом нашим Россия и жаждущая мести Германия пришли бы к убеждению, что все их несчастья произошли от того, что они друг с другом враждовали и что они могли бы вновь стать могущественными, если бы соединились вместе» [2].

Так пока говорил тот Черчилль, который оказывал непосредственную материальную поддержку всем контр-революционным силам, наступавшим на Советскую республику. Считая до поры до времени, что русский большевизм является насаждением Германии, что Германия в качестве одного из методов борьбы с Антантой перевозила в Россию в запломбированных вагонах большевиков (клевета, широко распространенная буржуазной прессой в 1917 г. в связи с приездом В. И. Ленина и др.), представители Англии и Франции не раз говорили о возможности заключения союза между Россией и Германией. Английские буржуазные газеты спрашивали: «кому же принадлежит решение русского вопроса — Германии или Антанте?», и дальше заявляли, что немцы гонятся за большими сырьевыми источниками России и за тем, чтобы привлечь Россию на свою сторону и впоследствии совместно угрожать благополучию английской буржуазии.

В сентябре 1919 г. В. Черчилль более определенно указал на то, что Германия, помогая прибалтийским государствам, сможет распространить свое влияние и на Россию. И так как, в силу целого ряда обстоятельств, Антанта не могла уже оставлять в стороне политику Германии, то в сентябре 1919 г. был созван на заседание так называемый «Совет пяти», — совет представителей пяти великих держав [3] — специально для раз-

[1] Генерал А. С. Лукомский — «Воспоминания», т. 2, Берлин, 1922 г., стр. 250 — 257.

[2] А. И. Деникин — «Очерки русской смуты», т. 4, стр. 33.

[3] «Совет пяти» с начала июля 1919 г. состоял из французского, американского, английского и итальянского министров иностранных дел (Пишона, Лансинга, Бальфура и Титтони) и японского представителя (Макино). Председательствовал на заседаниях «Совета пяти» Пишон.

бора этого злободневного для Антанты вопроса. «Совет пяти», заслушав доклады генерала Гауга, маршала Фоша и генерала Вейганда о положении в Прибалтике и установив, что немецкие войска Кольмара фон-дер-Гольца представляют реальную опасность интересам Антанты, решил послать категорическую ноту германскому правительству с требованием немедленного очищения Прибалтики. В случае неисполнения этого требования Германия лишалась снабжения продовольствием и предметами первой необходимости [1].

Германское правительство, не желая обострять отношения со своими победителями и, с другой стороны, не желая выводить свои войска из Латвии и Литвы, решилось на проведение своего хитрого, но сшитого белыми нитками плана. Армия фон-дер-Гольца была расформирована, а немецкие солдаты перешли на службу во вновь организованную Западную русско-немецкую добровольческую армию под командованием П. М. Авалова-Бермондта. Но так как во вновь организованной армии $^4/_5$ всего состава ее представляли немцы, а сам П. М. Бермондт являлся немецким ставленником, то эта так называемая «русско-немецкая» армия являлась, по существу, прежней армией фон-дер-Гольца, только с добавлением незначительного числа бывших военно-пленных в Германии и в Австрии русских солдат. Этим маневром германское правительство хотело ввести в заблуждение представителей Антанты и на все их дальнейшие требования отвечало тем, что немецких частей в Прибалтике уже нет, что армия фон-дер-Гольца расформирована, что сам он отозван в Германию и что вновь образовавшаяся армия П. М. Авалова-Бермондта не входит в подчинение германского правительства.

Густав Носке, стравшийся всяческими способами, не останавливаясь даже перед искажением истины, доказать непричастность германского правительства к авантюре фон-дер-Гольца, а впоследствии П. М. Авалова-Бермондта, так описывает эту комбинацию с армией:

«Когда союзники потребовали от нас в сентябре немедленной эвакуации Литвы и Курляндии, тамошнее военное начальство напало на

---

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 7, иностранные радиограммы от 20 и 29 сентября и 7 октября 1919 г.

мысль перейти к русским, т.-е. попросту объявить себя русскими и таким образом изменить положение дела»[1].

Однако, причастность германского правительства и, в частности, самого Г. Носке к реорганизации немецкой армии К. фондер-Гольца вскрыта П. М. Аваловым-Бермондтом в цитированной уже его книге—«В борьбе с большевизмом». Там Авалов прямо говорит, что от Носке он получил определенную поддержку и в его лице увидел одного из ярых сторонников оставления немецких частей на территории Прибалтики.

Эта продолжавшаяся борьба двух империалистических коалиций была тесно переплетена с усиленной подготовкой второго наступления на Петроград. Одновременно с оказанием помощи Северо-западной армии, Англия стала укреплять свое влияние в Прибалтике и, рассчитывая на успех юденической армии, подготавливала последнюю и окончательную ликвидацию всех империалистических попыток Германии. Наступление Юденича на Петроград и предполагавшееся занятие белыми всего Петроградского района наносило бы двойной удар и по Советской республике и по буржуазной Германии, выбивая из под ног последней объект ее вожделений—Прибалтику.

Следовательно, продолжавшаяся в Прибалтике борьба англо-французского и германского империализма являлась одним из основных мотивов, приковывавших внимание Англии к судьбам Северо-западного участка фронта РСФСР.

Естественно, что первым вопросом по пути осуществления нового курса для английского империализма являлся вопрос о лицах, могущих возглавить поход Северо-западной армии на Петроград.

Генерал Юденич, не получавший с начала 1919 г. никакой реальной помощи от Антанты и поддерживаемый активно только лидерами русского белогвардейского стана, вынужден был действовать на свой страх и риск. Но принятая им и его Политическим совещанием антантовская ориентация должна была предопределить дальнейший общий ход развертывавшейся гражданской войны на северо-западе России.

---

[1] Густав Носке — «Записки о германской революции» (от восстания в Киле до заговора Каппа), Гос. изд., М., 1922 г., стр. 153.
Разрядка наша.

В вопросе назначения главнокомандующего Северо-западной армией трудно проследить какие-нибудь определенные взгляды Англии. Последняя просто подошла к этому вопросу. Даже и будучи формальной сторонницей буржуазно-демократического режима в России, Англия не протестовала против назначения в июне приказом адмирала Колчака главнокомандующим белыми войсками на Северо-западном фронте генерала Юденича, разделявшего взгляды монархической реставрации. История образования Северо-западного правительства вскрыла тот основной принцип, которым руководствовался английский империализм в подобных случаях. Силой своей материальной поддержки Англия вольна была концентрировать внимание русской белогвардейщины на каком-нибудь своем избраннике так же, как и в любой момент лишением соответствующей поддержки убрать его со сцены. Именно в этом следует искать разгадку того, что представители генерального штаба Англии со второй половины 1919 г. приступили к оказанию непосредственной помощи Северо-западной армии и ее главнокомандующему генералу Юденичу. Опасения насчет того, что вся помощь Англии, оказывавшаяся генералу Юденичу, будет им использована не на пользу Англии, а для воссоздания «единой, неделимой, великой России» — конкурента английского империализма на Востоке — нисколько не тревожили буржуазию Англии, поскольку и само второе, октябрьское, наступление белых на Петроград было одной из последних ставок английского империализма. Будучи одной из основных и решающих сил в Прибалтике и гегемоном в стане русской контр-революции на Петроградском фронте, Англия в конечном итоге переоценила свои материальные возможности и недооценила той потенциальной силы, которая поднимала миллионные массы трудящегося населения, сопутствовала победам Красной армии и решила участь всей русской контр-революции.

Генерал Юденич еще задолго до получения официального назначения от адмирала Колчака предпринимал шаги к осуществлению фактического своего руководства над находившейся в Эстонии, а затем перешедшей в наступление на Петроград, белогвардейской армией. Первая юденическая попытка встать во главе Северного корпуса относится к концу февраля 1919 г., когда в Эстонию был командирован генерал Е. А. Арсеньев. Последний по прибытии в Эстонию имел разговор с эстонским

министром иностранных дел Штрандманом, которому изложил политическое «кредо» гельсингфорсской организации. За такую откровенность лазутчику Юденича «почти что предложили отбыть обратно».

Через непродолжительное время, в марте, в Ревель прибыла вторая миссия в составе князя В. М. Волконского, С. Г. Лианозова и генерала А. А. Гулевича, поставившая себе целью соблазнить эстонское правительство за допущение Юденича к распоряжению Северным корпусом и за военную помощь эстонских отрядов — защитой в будущей России «культурных и религиозных интересов» эстонского народа. Из этой попытки также ничего не вышло, и делегация вынуждена была ни с чем вернуться обратно в Гельсингфорс.

В таком положении постороннего свидетеля развивавшихся событий на Петроградском фронте летом 1919 г. был генерал Юденич вплоть до 14 июня 1919 г., когда была получена телеграмма от верховного правителя адмирала Колчака от 5 июня о назначении Юденича главнокомандующим «всеми российскими вооруженными сухопутными и морскими силами, действующими против большевиков в Прибалтийском районе». Через два дня Юденич получил извещение о том, что в его распоряжение правительство адмирала Колчака перевело один миллион франков. После же образования Северо-западного правительства и фактического вступления Юденича в должность главнокомандующего Северо-западной армией, совет министров Колчаковского правительства 5 сентября 1919 г. постановил:

«Разрешить военному министру отпустить в распоряжение генерала Юденича тридцать восемь миллионов крон на содержание и снабжение его армии в счет имеющего быть представленным генералом Юденичем перечня расходов по чрезвычайному сверхсметному кредиту на нужды военного времени» [1].

При наличии в конце июня 1919 г. одного миллиона франков, Юденич почувствовал под собой довольно твердую почву и решил навестить войска Сев.-зап. армии.

23 июня он уже издал свой первый приказ по Сев.-зап. армии, в котором извещал всех о полученном им от адмирала Колчака назначении. С 23 по 26 июня Юденич объезжал фронт белой армии и благодарил офицеров за их службу.

---

[1] «Пролетарская революция», № 1, Гос. изд., 1921 г., стр. 138.

Несмотря на интриги штаба армии и скрытое недовольство некоторой части старших командиров, Юденич всё же получил возможность фактически стать во главе белой армии.

Один из белых генералов Северо-западной армии, генерал Ярославцев, по этому поводу говорил:

«Все-таки Юденича пришлось принять, так как с его приездом ожидалась помощь от Колчака, материальная и моральная от англичан и американцев, и содействие активным выступлением со стороны Эстонии и Финляндии» [1].

Происшедшая, таким образом, реализация юденических давнишних планов должна была придать более законченный характер всей контр-революционной авантюре, питающейся не столько внутренними соками своего собственного организма, сколько поддержанной материальной помощью извне.

Петроградский фронт приобретал самодовлеющее значение.

Перемена командующих, получение помощи от Колчака, новый этап в политике английского империализма,—всё это являлось первоначальным мероприятием по возведению грандиозного, по своему замыслу, контр-революционного сооружения. Вся черновая работа в этом деле ложилась на русских белогвардейцев, общее же руководство работами, как и составление основного проекта с его тщательной «художественной», отделкой принадлежало первоклассным империалистических дел мастерам—английским генералам.

---

[1] В. Горн — «Гражданская война на северо-западе России», изд. «Гамаюн», Берлин, 1923 г., стр. 82.

ГЛАВА 8 [1].

ОБРАЗОВАНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. — МИРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.—СОСТОЯНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ. — ОКТЯБРЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ. — ПОД ВЛАСТЬЮ БЕЛЫХ.—РАДИО О ПАДЕНИИ КРАСНОГО ПЕТРОГРАДА.

Английский империализм, признавший в числе первых западно-европейских государств, национальные новообразования Прибалтики и придерживавшийся в своей внешней политике лозунга расчленения бывшей Российской империи, решил придать демократический оттенок русской контр-революции на Петроградском фронте. Облачение в демократическую одежду всего белого движения на северо-западе России имело в виду, помимо общих политических соображений, создание единого антисоветского фронта, заключение военного союза прибалтийских государств, в первую очередь—Эстонии и Финляндии, с русской белогвардейщиной в лице командования Северо-западной армии. Для того, чтобы это соглашение было юридически правомочным, и в целях лучшей организации контр-революции, английский империализм к августу 1919 г. от политики относительной пассивности перешел к непосредственному вмешательству в дела Северо-западной армии. Первым и наиболее классическим актом английского вмешательства в ход гражданской войны на Петроградском фронте было создание русского белогвардейского Северо-западного правительства. Политическое совещание, образованное в Финляндии в качестве совещательного органа при генерале Юдениче, было скомпрометировано своей ярко выраженной и отнюдь не скрываемой монархической программой. За время своего существования оно не сумело укрепить положение антисоветского

[1] См. в приложениях карту № 4.

фронта, а поэтому создание Северо-западного правительства, с обязательным подчинением ему главнокомандующего армией, должно было поправить положение белых немедленным заключением военно-политического договора с Эстонией и Финляндией.

Эту миссию английский империализм, в полном согласии с другими державами Антанты, возложил на своего уполномоченного в Прибалтике генерала Марша.

10 августа 1919 г. генерал Марш пригласил в здание английского консульства в Ревеле несколько представителей русского белого движения на северо-западе России. В числе приглашенных были четыре члена из Политического совещания при Юдениче — А. В. Карташев, С. Г. Лианозов, генерал М. Н. Суворов и В. Д. Кузьмин-Караваев, затем полковник К. А. Крузенштерн, К. А. Александров, М. С. Маргулиес, М. М. Филиппео, В. Л. Горн, Н. Н. Иванов и секретарь отдела внешних сношений штаба Северо-западной армии ротмистр Барш. В присутствии членов английской миссии, представителей французской и американской миссий, корреспондента газеты «Таймс» Поллока, генерал Марш обратился к собравшимся русским с речью на русском языке. Он отметил катастрофическое положение Северо-западной армии, невозможность ведения успешной борьбы с большевиками силами только одной русской армии и подчеркнул необходимость признания независимости Эстонии. Закончил свою речь генерал Марш категорическим требованием к «выдающимся русским людям, собранным без различия партий и политических воззрений», образовать, не выходя из комнаты, демократическое русское правительство, которое должно будет сразу же подписать предложенный им текст договора с Эстонией. На образование Северо-западного правительства генерал Марш отвел 40 минут и сам с представителями разных миссий удалился. В виду того, что уходя генерал Марш предупредил всех русских, что если правительство не будет ими создано, то союзники прекращают всякую помощь Северо-западной армии, единогласный ответ генералу Маршу был готов даже раньше назначенного им срока.

«Об отказе исполнить требование генерала Марша, предъявленное в столь ультимативной форме и к тому же совершенно для нас неожиданно, само собою разумеется, не могло быть и речи. Нам слишком хорошо было известно, до какой степени расстройства дошло положение

дела как на фронте, т.-е. в войсках, так равно и в тылу, т.-е. занятых местностях, — главным образом вследствие того, что помощь вооружением, снаряжением и обмундированием, категорически обещанная союзниками еще в июне, запоздала прибытием более, чем на месяц. И для нас слишком ясно рисовались неустранимые последствия приведения в исполнение угрозы, объявленной генералом Маршем: гибель надежды освободить Петроград как раз в тот момент, когда только что прибыли из Англии два парохода с танками, снарядами, ружьями и пушками, с сапогами и с обмундированием на десять тысяч человек и когда со дня на день ожидалось прибытие еще двух пароходов, и полный окончательный развал неодетой, необутой и не получавшей два месяца жалованья армии», — так пишут Карташев, Кузьмин-Караваев и Суворов [1].

Явившемуся генералу Маршу было заявлено генералом Суворовым, что специально приглашенные в английское консульство лица:

«принимают на себя обязательство в кратчайший срок образовать правительственную власть и, впредь до ее образования, берут на свою ответственность общее руководство русским делом».

Генерал Марш, одобрив такое быстрое разрешение вопроса, предложил первым трем лицам, из состава намеченных в министры Северо-западного правительства, приступить к немедленному подписанию соглашения с Эстонией. Присутствовавшие в зале консульства лица с этим согласились, но в связи с тем, что вызванные срочно представители эстонского правительства заявили, что они не имеют еще полномочий от государственного совета Эстонии, подписание соглашения было отложено до 18 часов 11 августа.

11 августа в назначенный срок, все, за исключением А. В. Карташева, были опять в сборе. Генерал Марш предложил всем иностранцам перейти в соседнюю комнату, куда пригласил затем и С. Г. Лианозова. Там Лианозову было предложено немедленно подписать, не читая, заранее приготовленное генералом Маршем «Заявление эстонскому правительству и представителям Соединенных штатов, Франции и Великобритании в Ревеле». На возражение Лианозова, что подписать документ, не читая его он затрудняется и что «заявление» должно быть подписано также генералом Юденичем, Марш ответил, что на случай отказа Юденича подписать «заявление» — «у нас готов другой главнокомандующий».

---

[1] «Архив русской революции», издаваемый И. В. Гессеном, т. I, изд. 2-е, Берлин, 1922 г., стр. 297 — 306.

Просьбу Лианозова относительно необходимости предварительного ознакомления всех собравшихся с текстом «заявления» генерал Марш удовлетворил. После ознакомления с документом, единогласно было решено, что:

«текст имеет такие дефекты как со стороны содержания, так и со стороны изложения, что даже при наличности оговорки о вынужденности его принятия он, уважающими свои имена людьми, не может быть ни подписан, ни, тем более, вручен эстонскому правительству и представителям миссий» [1].

Однако, несмотря на то, что все собравшиеся считали себя «уважающими свои имена людьми», при категорической настойчивости генерала Марша «заявление», с некоторыми поправками, все же было подписано «министрами» Лианозовым, Маргулиесом, Александровым, Филиппео, Ивановым и Горном. Только Кузьмин-Караваев и Суворов, по разным причинам отказались дать подписи.

Заявление, названное с согласия генерала Марша «предварительным», провозглашало создание демократического правительства для Северо-западной области России, ведение дальнейших военных действий с целью занятия Петроградской, Псковской и Новгородской губерний, признание «абсолютной независимости Эстонии» и признание генерала Юденича в качестве главнокомандующего Северо западной русской армией.

После двухдневной комедии с образованием Северо-западного правительства генерал Марш счел необходимым принести извинение новоиспеченным министрам за свои чисто солдатские методы действий, мотивируя их необходимость тем, что русские люди много говорят, но ничего не делают, и что в данном случае он выступал, как солдат. Относительно подписанного «министрами» предварительного заявления генерал Марш сказал, что этот документ никуда пока не пойдет и будет находиться у него в кармане. О телеграмме генерала Юденича, предлагавшей до его приезда в Ревель не предпринимать никаких шагов по организации правительства, генерал Марш откровенно заявил: «Эта телеграмма слишком автократична, она пришлась нам не по вкусу».

Генерал Юденич прибыл в Ревель 12 августа, т. е. после того, как Северо-западное правительство было сконструировано.

---

[1] «Архив русской революции», т. 1, изд. 2-е, стр. 297—306.

Но, до приезда в Ревель, в Нарве с Юденичем имел продолжительную беседу другой английский «солдат», начальник английской военной миссии в Прибалтике — генерал Г. Гоф. Результатом этой беседы было то, что Юденич от своего имени составил письмо главнокомандующему эстонской армией генералу И. Я. Лайдонеру, в котором он признавал независимость Эстонии «под условием безотлагательного участия эстонских войск в развитии операций на Петроград». Это письмо Юденича взял генерал Гоф, и, несмотря на то, что в доверительном разговоре с ним генерал Юденич отмечал, что на свое признание независимости Эстонии он смотрит как на вынужденное,— отправил адресату со своим меморандумом, в котором были приведены и «доверительные» слова Юденича.

Прибытие генерала Юденича в Ревель ничего не изменило в ходе событий, если не считать того, что он, боясь потерять последнее доверие, оказываемое ему Англией, решил беспрекословно подчиниться «совету» генерала Марша и вступить с состав Северо-западного правительства в качестве военного министра.

Итак, миссия английского «солдата» была выполнена.

К 24 августа 1919 г. портфели министров Северо-западного правительства были распределены следующим образом: 1) председатель совета министров, министр иностранных дел и финансов С. Г. Лианозов, 2) министр внутренних дел К. А. Александров, 3) военный министр генерал Н. Н. Юденич, 4) министр торговли и промышленности, снабжения и народного здравия М. С. Маргулиес, 5) министр юстиции Е. И. Кедрин, 6) министр продовольствия Ф. Г. Эйшинский, 7) морской министр В. К. Пилкин, 8) министр народного просвещения Ф. А. Эрн, 9) министр общественного призрения А. С. Пешков, 10) государственный контролер В. Л. Горн, 11) министр земледелия П. А. Богданов, 12) министр исповеданий И. Ф. Евсеев, 13) министр почт и телеграфов М. М. Филиппео и 14) министр общественных работ Н. Н. Иванов.

По сравнению со списком, предложенным генералом Маршем 10 августа, этот список не отличался большими изменениями. В качестве руководящих политикой правительства лиц остались те же, которые были наиболее желательными и приемлемыми для английского империализма.

Северо-западное правительство, обменявшись политическими декларациями и приветствиями с целым рядом государств и

со штабом Северо-западной армии, послало соответствующую телеграмму о своем существовании верховному правителю, адмиралу Колчаку. Однако, последний, несмотря на то, что как и он сам, так и Северо-западное правительство являлись делом рук представителей английской буржуазии, 28 августа в телеграмме Юденичу сообщал, что он по-прежнему будет оказывать ему «всемерное содействие для успешного завершения борьбы с большевизмом в Петроградском районе», считая его единственным представителем военной и гражданской власти.

Колчак в данном случае входил в противоречие с политикой английского империализма, обязывавшей его, как английского ставленника, разделять точку зрения своих хозяев, но, с другой стороны, Колчак следовал своему политическому лозунгу борьбы с Советской Россией, т-е. продолжал сам и принуждал к этому своих номинально-подчиненных идти под знаменем «единой, великой, неделимой России». В этом и кроется секрет «прямолинейности и принципиальной выдержанности» политики верховного правителя — адмирала А. В. Колчака. Отсюда — категорическое нежелание Колчака признать независимость такого государства, как, например, Эстония, и демонстративное игнорирование Северо-западного правительства, принужденного признать независимость Эстонии.

Как уже указывалось, первым актом рожденного английским империализмом Северо-западного правительства было признание независимости Эстонии. Наступление на Петроград силами одной Северо-западной армии не сулило контр-революции скорой победы над Советской властью. Поэтому Северо-западное правительство всеми силами старалось ускорить заключение военно-технического договора как с Эстонией, так и с Финляндией. Однако, подобного рода переговоры затягивались и вопрос о прямом и открытом выступлениии Эстонии и Финляндии против Советской России оставался открытым. Основным условием оказания вооруженной помощи Юденичу Эстония и Финляндия выставляли требование о немедленном и безусловном признании их государственной независимости не только Северо-западным правительством, но и адмиралом Колчаком и Лигой наций. Этот же вопрос являлся как раз преградой для всех руководителей белого движения на территории России. Стоит вспомнить хотя бы А. И. Деникина и его клику, которые целым рядом законоположений, интриг и просто применением физи-

ческой силы вынудили национальные меньшинства на Северном Кавказе объявить открытую борьбу с южной белогвардейщиной. Национальный вопрос приобретал значительную остроту и на северо-западе России.

В противоположность национальной политике русской контрреволюции, Советская Россия с первого дня своего существования провозгласила лозунг национального самоопределения народностей, населявших царскую Россию. Правительство Советской России неоднократно обращалось к государствам Запада и к народам всего мира с мирными предложениями. Для таких государств, как Эстония, Латвия, Финляндия, стоило только проявить добрую волю на пути к мирному разрешению всех назревших с Советской Россией конфликтов. Финляндия, получившая еще в декабре 1917 г. акт Совнаркома РСФСР о ее государственной независимости, но продолжавшая интриги против Советской России и поддерживавшая отдельные вооруженные банды, требовала санкции на свою независимость от воюющих с Советской республикой белогвардейцев. Что же касается Эстонии, Латвии и Литвы, то, захваченные в свою очередь обостренной внутренней гражданской войной, они только к концу 1919 г. стали проявлять нерешительные попытки вступить в мирные переговоры с Советской Россией. В ответ на ноту народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина от 31 августа 1919 г. к Эстонии, 14 сентября в Ревеле съехались министры иностранных дел Финляндии, Латвии, Литвы и Эстонии для решения вопроса о мирных переговорах.

29 сентября 1919 г. открылась в Юрьеве так называемая согласительная конференция прибалтийских государств по тому же вопросу. Наконец, только 4 октября правительства Эстонии, Латвии и Литвы известили народный комиссариат по иностранным делам о своем согласии начать предварительные переговоры 25 октября в Юрьеве[1]. В ответной ноте советское правительство требовало ускорить момент начала переговоров, предлагая, со своей стороны, произвести встречу делегатов не 25, а 12 октября.

Одновременно с Ревельской конференцией в Риге состоялся так называемый «социалистический» съезд из представителей демократических течений в 4 прибалтийских государствах. Риж-

[1] «Известия ВЦИКа», № 222 от 5 октября 1919 г.

ский съезд постановил требовать от своих правительств немедленного заключения мира с большевиками, для чего было решено обратиться за содействием к рабочим всех стран. Правительства прибалтийских буржуазных республик не могли не считаться с постановлением Рижского съезда, так как делегаты съезда являлись лидерами довольно влиятельных парламентских течений в каждом государстве. В частности, оппозиция к взятому эстонским правительством курсу внешней политики была настолько сильна, что через некоторое время заставила эстонское правительство ускорить разрешение вопроса о мирных переговорах с Советской Россией и предложить функционировавшему на территории Эстонии белогвардейскому Северо-западному правительству со всеми его учреждениями переехать из Ревеля в Нарву.

Однако, начало переговоров с Советской республикой сознательно тормозилось Эстонией. Желая обеспечить себя на два случая — на случай победы белых, или победы Красной армии, в предстоящей операции против Петрограда, эстонское правительство затягивало всеми способами вопрос о мирных переговорах. Двойную игру эстонской буржуазии наиболее ярко характеризует следующее заявление министра иностранных дел Эстонии И. И. Поска, произнесенное в дружеской беседе с членом Северо-западного правительства М. С. Маргулиесом:

«спешите с подготовкой наступления и мы вас поддержим. Но знайте, что все должно быть сделано до ноября, ибо позже мы уже не сумеем уклониться от мирных переговоров с большевиками» [1].

Сам же М. С. Маргулиес, не доверяя полностью своему эстонскому собеседнику, в дневнике записал:

«становится страшно за наших, когда они бросятся вперед, а большевики, заключившие с Прибалтикой мир, всей тяжестью обрушатся на них. Скорее бы эти старые канцелярские крысы роздали бы снабжение, а то копаются, точно перед нами годы» [2].

Приблизительно к тому же времени через представителя английской военной миссии в Прибалтике полковника Таландса стала известна мало достоверная нота английского правитель-

---

[1] Г. Кирдецов — «У ворот Петрограда» (1919 — 1920 гг.), Берлин, 1921 г., стр. 282.

[2] М. С. Маргулиес—«Год интервенции», книга 3-я, стр. 2.

ства, согласно которой отношение Англии к прибалтийским республикам будет «неизменно-благожелательным» независимо от того, будет ли заключен мир с большевиками или нет.

Из всего сказанного следует тот вывод, что Северо-западная армия белых не имела достаточно обеспеченного тыла и что мирная политика Советской России, переплетаясь с национальным вопросом, толкала прибалтийские государства, в первую очередь Эстонию, на путь скорейшего заключения мира. Завязавшиеся дипломатические переговоры с Советской республикой заставили белогвардейцев торопиться с наступлением на Петроград, чтобы по занятии его раз навсегда отбить охоту у лимитрофных республик вести переговоры о своей независимости и о мире с большевиками. Таким образом, наступление на Петроград маскировалось дипломатическими переговорами государств Прибалтики с Советской Россией. В конечном счете, это усыпило бдительность красноармейских частей, ослабило внимание военного командования и советских органов, которое должно было, наоборот, усилиться на фронте вблизи от Петрограда.

Внутреннее состояние целого ряда западно-европейских государств к концу 1919 г. принимало такие формы, что мировой буржуазии при посредстве русских белогвардейских армий приходилось поскорее ставить ставку на скорейшее удушение Советской России. Перекатывавшиеся по Европе генеральные забастовки рабочих почти всех промышленных предприятий захватывали колоссальные массы трудящегося населения. Рабочий класс западно-европейских стран категорически требовал от своих правительств прекращения войны с Советской республикой и скорейшего заключения мира. Последствия мировой войны чувствовались настолько сильно, что помышлять о каких-либо авантюрах против страны Советов без поддержки широких масс населения было чрезвычайно затруднительно. Почва под ногами буржуазных правительств накаливалась докрасна. Иностранные радиотелеграммы, например—от 29 сентября, сообщали о забастовке английских железнодорожников, о нарушении сообщения между Лондоном — Брюсселем и Лондоном — Парижем, о забастовке германских металлистов и т. д.

Не осталась в стороне и Прибалтика. Трудовое население Эстонии, Латвии и Литвы, пережив с 1918 г. несколько режимов (режим оккупантов, советской власти и затем—внутренней реакции), наглядно стало обучаться классовой борьбе. Больше-

вистская пропаганда все чаще стала слышна на территории Эстонии и Латвии. Рабочие Ревеля отказывались разгружать прибывшие с английским вооружением для Юденича пароходы, эстонские солдаты производили целый ряд эксцессов по отношению к офицерам Северо-западной армии. Например, 12 сентября солдаты 4-го эстонского полка напали в Нарве на русских белогвардейских офицеров и ранили трех человек [1]. Все это толкало русских белогвардейцев и мировую контр-революцию на Советскую республику с целью ее окончательной ликвидации. К тому же вся контр-революционная свора была прикована к событиям на юге России, к успешному продвижению А. И. Деникина к Москве. Своевременный удар белых по Петрограду способствовал бы скорейшему поражению Красной армии на всех фронтах, — так полагали руководители белого движения на северо-западе России.

Некоторые министры Северо-западного правительства, сознавая всю трудность похода на Петроград, вследствие малочисленности армии Юденича, предлагали не торопиться с наступлением, выждать время, подготовить и пополнить ряды армии, а уже после этого ударить на Петроград. Военное командование во главе с Юденичем считало необходимым немедленное наступление, мотивируя это тем, что в противном случае Северо-западная армия не получит от Англии ни снаряжения, ни вооружения и по заключении мира между Эстонией и РСФСР будет расформирована.

Империалистической Англии оставалось только подтолкнуть Северо-западную армию на Петроград, что она с успехом и сделала. Английские военные представители заверили Юденича, что, при его наступлении на Петроград, английская эскадра окажет поддержку и предпримет операцию против Кронштадта.

Из всех явлений, сопутствовавших движению Северо-западной армии на Петроград в октябре 1919 г., было только одно положительное, как говорит бывший государственный контролер Северо-западного правительства В. Л. Горн, — это желание белого офицерства и буржуазии скорее покончить с русским большевизмом, — все же остальное было против наступления.

Северо-западную армию, как камень, тянуло ко дну.

---

[1] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 2-я, стр. 308.

Что же представляла из себя Северо-западная армия? Каково было ее политико-моральное состояние?

Белогвардейская армия на северо-западе России резко разделялась на две части: одна из них состояла: 1) из рядовых солдат, мобилизованных в прифронтовой полосе крестьян, 2) из военнопленных старой русской армии, находившихся в концентрационных лагерях Германии и Австрии, 3) из перебежчиков от красноармейских частей; другая часть армии была представлена контр-революционным офицерством и генералитетом.

Это не создавало, конечно, предпосылок для спаянности, монолитности всего армейского организма. Махровые монархисты-офицеры и часть мобилизованного кулачья и всякие проходимцы из деклассированных элементов могли сочувствовать борьбе с Советской Россией. Основная рядовая масса белых, в лучшем случае, оставалась пассивным орудием в руках генералитета.

Настроение солдат Северо-западной армии ухудшилось еще под влиянием следующего, чисто внешнего, обстоятельства. Некоторые части армии были полностью обеспечены обмундированием, снаряжением и продовольствием, другие же вынуждены были ходить в отрепьях, в рваной обуви, без теплого белья.

Так, например, влившийся в Северо-западную армию отряд светлейшего князя А. П. Ливена, великолепно экипированный заботами германских военных властей в мундиры, каски и шинели германского образца и своей выправкой и дисциплиной напоминавший «доброе, старое время», вносил раздоры среди отдельных частей Северо-западной армии и возбуждал любопытные вопросы среди рядовой солдатской массы. Не осталось в стороне и младшее офицерство. Широко обсуждавшийся в их среде вопрос о перемене ориентации с Англии на Германию встревожил всерьез английское командование. Английский генерал Г. Гоф, начальник союзных военных миссий в Прибалтике, 4 августа 1919 г. писал по этому поводу генералу Юденичу следующее:

«Многие русские командиры до такой степени тупоумны или коротки памятью, что уже открыто говорят о необходимости обратиться к немцам за помощью против воли союзных держав. Скажите этим дуракам, чтобы они прочли мирный договор. Все, что Германия имеет, уже ею потеряно... Немцы снарядили войска Ливена краденными припасам.

Через несколько недель все германские припасы должны быть сданы нам...» [1].

За этим письмом Гофа последовало категорическое запрещение английским правительством провоза из Германии заказанного там генералом Юденичем, при любезном посредничестве Швеции, обмундирования для Северо-западной армии в количестве 60 тысяч комплектов.

Кроме ливенцев «гнетущее впечатление» на ободранную и полуголодную Северо-западную армию производили эстонские армейские части, хорошо обмундированные заботами Англии. Английская помощь для русских белогвардейцев была только на словах, в то время как германское обмундирование уже мозолило глаза русских белых солдат.

Для поднятия настроения своих войск белые генералы применяли самую бесстыдную, наглую ложь. В специально издаваемых ими в массовом количестве листовках говорилось об успехах белых армий в Сибири, на юге России, о восстаниях внутри Советской России, о зверствах красноармейцев и т. д. и т. п. В белогвардейских частях вводилась палочная дисциплина. За малейшее упущение и всякие безобидные политические разговоры солдаты несли жестокие наказания. Помещики, князья, графы, генералы великолепно сознавали, что без суровых наказаний солдатская масса не будет забитым, бессловесным пушечным мясом в их руках.

Тыловые учреждения Северо-западной армии представляли собой место сосредоточения всех контр-революционных элементов. Большое количество царских генералов, которых у Юденича насчитывалось 53 человека, было занято работой в армейских тылах. Только идейные и более прямые противники Советской власти шли в строевые части. Остальные, шкурники и трусы, предпочитали вести борьбу не на фронте, бок о бок со своими солдатами, а на доходных тыловых служебных постах армии.

Вот, что пишет по этому поводу белый журналист Г. Л. Кирдецов:

---

[1] «Архив русской революции», том I, изд. 2-е, стр. 308.

По поводу этого письма генерала Гофа белогвардеец П. М. Авалов-Бермондт писал: «Я не постеснялся бы его [Гофа] подвесить за демократическую шею на сук», если бы только Гоф находился в расположении его армии (П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 367).

«К пирогу злосчастной Северо-западной армии примазалась масса рыцарей наживы из самых разнородных слоев населения, военных и гражданских; генерал и бывший чиновник царского режима, банкир и жандарм, лавочник и простой искатель приключений и доходов. Всеми этими элементами руководило одно стремление: обеспечить себе теплое местечко в Петрограде на случай удачи операции, а в случае провала—урвать какой-нибудь лакомый кусок от общего пирога» [1].

В момент октябрьского наступления Северо-западная армия состояла из 26 пехотных полков, 2 кавалерийских полков, 2 отдельных батальонов и десантного морского отряда, всего в количестве 17.800 штыков, 700 сабель. На вооружении армии было около 500 пулеметов, 57 орудий, 4 бронепоезда («адмирал Колчак», «адмирал Эссен», «Талабчанин» и «Псковитянин»), 6 английских танков, 6 аэропланов и 2 броневика.

Своей экипировкой Северо-западная армия обязана была Англии. Упадочное настроение русских рядовых белогвардейцев во время было учтено представителями английского империализма в Прибалтике и, после соответствующей «нотации» (от 4 августа 1919 г.) генерала Г. Гофа по поводу этих настроений, прибытие первых эшелонов с военным имуществом стало фактом.

9 сентября в Ревельский порт прибыл английский пароход с обмундированием. По некоторым данным, груз этого парохода вначале предназначался для английского десанта в Архангельске и получил распоряжение из Лондона следовать в Архангельский порт. Но в пути, в связи с эвакуацией английских войск из Архангельска, пароход получил распоряжение взять курс на Ревель. Этим обстоятельством в значительной степени объясняется то радостное недоумение, с которым принимали груз представители Северо-западного правительства. Пароход доставил: 40 тысяч комплектов обмундирования (рубашки, кальсоны, френчи, штаны, шапки, носки и пр.), 48 тысяч пар ботинок с обмотками, 20 тысяч шинелей, провизию, туалетные мелочи, 20 тысяч чемоданчиков с бритвенным приборами, зубными щетками и, наконец, как восторженно пишет один из министров Северо-западного правительства, М. С. Маргулиес: «да здравствует культура, будет из чего солдатам курить папиросы» — три огромных тюка клозетной бумаги.

[1] Г. Кирдецов—«У ворот Петрограда», стр. 311.

На пароходе было доставлено также 20 тысяч ружей, 15 миллионов патронов и 30 грузовиков. Это вооружение, очевидно, предназначалось для сформированной на севере России, под прикрытием английского десанта, русской Северной белогвардейской армии, остальные же предметы культурного обихода, как бритвенные приборы и зубные щетки,—для «цивилизованных» разбойников английского империализма. Только в силу некоторой случайности все это попало в Северо-западную армию.

По прибытии парохода, Северо-западному правительству пришлось напрячь максимум сил для своевременной погрузки всего имущества в вагоны железной дороги. В связи с некоторым сопротивлением эстонских властей, тормозивших дело погрузки, Северо-западное правительство разрешило выдать ведавшим погрузкой офицерам по нескольку десятков тысяч неподотчетных сумм для раздачи взяток эстонским железнодорожным чиновникам.

Через несколько дней пароход «Сольфель» доставил в Ревель 18 английских пушек, предназначенных для эстонской армии. Северо-западному правительству пришлось вступить в переговоры с английскими представителями относительно подобной «несправедливости» с требованием для своей армии хотя бы половинного внимания—9 пушек. Это требование было услышано, и 16 сентября Северо-западная армия получила из 18 пушек только 6, остальные 12 — сделались собственностью эстонской армии.

Привезенное в достаточном количестве для Северо-западной армии обмундирование, однако, не все попало по принадлежности. Большая часть его была расхищена тылами и только несколько тысяч комплектов попало, и то с большим запозданием, в руки белых солдат. Английские пушки и доставленные затем танки не отличались высоким качеством, позволявшим немедленно их использовать в боевых действиях. Орудия были без замков, танки нуждались в капитальном ремонте, — что принесло не мало неприятностей и забот белогвардейцам при их втором наступлении на Петроград.

Организация Северо-западной армии не отличалась особенной стройностью. Все силы белых были разбиты на 2 корпуса, один под командованием графа И. К. Палена, другой—генерала Е. А. Арсеньева. Одна дивизия, насчитывавшая 3.250 человек,

затем — 2-й запасный полк, танковый батальон и десантный морской отряд—силой в 2.230 чел. не входили в состав корпусов. Таким образом, «на отлете» находилось 5.480 бойцов. Выделение этих частей в особую группу произошло в силу того обстоятельства, что во главе их стояли бывшие в свое время командующие Северным корпусом и Северной армией (переименованных позднее в Северо-западную армию) генералы Г. Г. Неф и К. К. Дзерожинский, подчинять которых одному из корпусных генералов считалось нетактичным [1]. Оставалось, следовательно, 13 тысяч бойцов, с которыми генерал Юденич и предполагал захватить Петроград.

Занять Петроград белые рассчитывали путем внезапного и сильного удара по кратчайшему направлению Ямбург — Гатчина.

28 сентября части Северо-западной армии, желая отвлечь внимание красных войск от действительного места сосредоточения своих главных сил для нанесения удара по Петрограду, предприняли наступление в лужском и псковском направлениях и потеснили, части 7-й, советской, армии. Плохая разведывательная служба со стороны красных штабов не позволила во время расшифровать замысел противника и обнаружить район его сосредоточения. Одновременно с действиями в лужском и псковском направлениях противник, сосредоточив главные свои силы в районе Ямбурга, 11 октября прорвал линию фронта, занял Ямбург и стал развивать свой успех вдоль линии железной дороги Ямбург—Гатчина. Вспомогательные удары белые наносили в направлении на Лугу и вдоль южного побережья Финского залива. 15 октября белые заняли железнодорожные станции Лугу, Плюссу, Серебрянку, 16 октября — Красное село, 17 октября — Гатчино и Струги-белые. В этот же день штаб 7-й советской армии из Детского села переехал в Петроград. Северо-западная армия, преследуя отступавших в панике красных, совершала переходы с боями по 30—40 километров в сутки.

Над Петроградом нависла серьезная угроза. К вечеру 17 октября советские войска приблизились на 15 километров к бывшей Николаевской, ныне Октябрьской, железной дороге. Перерыв этой железнодорожной линии войсками генерала Юде-

---

[1] В. Горн—«Гражданская война на Северо-западе России», изд. «Гамаюн», Берлин, 1923 г., стр. 283, 284.

Данные взяты из книги.

нича прекратил бы возможность подвоза подкреплений и создал бы чрезвычайно трудную обстановку для обороны Петрограда.

Действовавшая в этом направлении дивизия генерала Ветренко получила категорический приказ занять станцию Тосно. И только неисполнение этого приказа и уклонение в сторону Петрограда со стороны генерала Ветренко, мечтавшего первым вступить в Петроград, дало возможность красному командованию сосредоточить в этом районе надежный кулак для защиты железной дороги.

18 октября генерал Юденич приказал 1-му корпусу Северо-западной армии ворваться в город. 19 октября 5-я дивизия белых под командованием князя А. П. Ливена заняла поселок Лигово, а к вечеру 20 октября части 7-й советской армии отошли на линию Пулковских высот, последнего тактического рубежа на пути к Петрограду. Штаб 6-й советской стрелковой дивизии вынужден был переехать в Петроград, на Балтийский вокзал.

21 и 22 октября противник вел кровопролитные бои за обладание Пулковскими высотами, по занятии которых он свободно мог бы открыть артиллерийский огонь по Путиловскому и Обуховскому заводам с их рабочими поселками.

Левый фланг Северо-западной армии наступал вдоль южного побережья Финского залива, имея своей задачей овладение фортами Серая лошадь (с 21 октября 1919 г. — Передовой) и Краснофлотский (б. Красная горка).

Правый фланг Северо-западной армии, имевший целью продвижение в направлении Луги и Пскова вследствие недостаточности сил не мог занять города Пскова и тем обеспечить Северо-западную армию от флангового удара Красной армии. Белым удалось занять только Лугу и ряд железнодорожных станций по линии Луга — Псков и продвинуться восточнее этой линии на 20—30 километров. К 21 октября, когда происходили решающие бои за Пулковские высоты, части Северо-западной армии заняли угловую станцию Батецкую по железным дорогам Петроград — Дно и Луга — Новгород.

Таким образом, линия максимального продвижения белогвардейцев к 21 октября проходила, начиная с форта Передового, на побережьи Финского залива и, постепенно отдаляясь от южного берега залива, подходила к предместьям Петрограда, затем круто сворачивала на юг и, оставляя в руках Красной

армии станцию Тосно Николаевской железной дороги, шла вдоль железнодорожной линии Петроград — Дно до станции Батецкой. Здесь она сворачивала на юго-запад и, наконец, шла прямо на запад, упираясь в Псковское озеро.

За войсками Северо-западной армии, подошедшими к Петрограду, массой хлынули помещики, буржуазная интеллигенция, придворная знать. Все предвкушали окончательную победу над большевиками и поэтому спешили поскорее въехать в Петроград. По дороге на Петроград застревали в своих бывших поместьях изгнанные крестьянами в дни революции помещики и сразу же приступали к сбору бывшего своего имущества и к наказанию повинных в «хищении» его крестьян. Крестьянство вновь увидело над собой барина. Пошли в ход крутые, жестокие меры расправы над деревней. Помещики не гнушались, как это было и всегда, вызывать к себе на помощь вооруженную силу, на этот раз — белогвардейцев, — и заставлять крестьян в течение нескольких часов возвращать взятый ими в свое время в имении скот и инвентарь. Все действия белых генералов и помещиков были проникнуты только одним, чисто животным, хищническим окриком: «вернуть!».. Один гвардейский офицер прямо сказал:

«Высшее офицерство идет на большевиков с целью вернуть усадьбы, квартирное имущество, вешать комиссаров и наказать сволочь-народ, который сверг царя и поддержал большевиков...» [1].

Полнейший произвол царил во всех действиях белых захватчиков. Грабеж являлся наиболее распространенным и излюбленным занятием. Грабежом белые занимались повсюду—особенно сильно пострадали города. В Павловске (ныне — Слуцк) частями 3-й стрелковой дивизии Северо-западной армии подверглись ограблению не только частные особняки, но, главным образом, дворцы. Упаковывались в ящики шелковые портьеры, чайная и столовая посуда с вензелями членов бывшей императорской фамилии и прочее имущество. Через некоторое время старинные скатерти и попоны с вензелями императорской охоты были обнаружены у самого начальника 3-й дивизии генерала Ветренко, того самого, который, не исполнив приказа Юденича о занятии станции Тосно, самовольно направился к Петрограду. Отдельные предметы из награбленного во дворцах имущества после

[1] М. С. Маргулиес—«Год интервенции», книга 3-я, стр. 123.

отступления Северо-западной армии продавались за бесценок офицерами и солдатами. Можно себе представить общее количество награбленного, когда для вывоза его белые реквизировали до 1.000 подвод только в окрестностях Павловска. На этих подводах вывозилось, кроме ценных вещей, и такие предметы, как стекла, клей, пилы, печные дверцы, дверные ручки, материал, мебель и т. п. Наибольший успех в деле грабежа проявлял так называемый Даниловский полк 3-й белой дивизии, в котором было сосредоточено наибольшее количество из награбленного имущества. Особенному разгрому был подвергнут Гатчинский дворец. Чинами штаба 1-го стрелкового белогвардейского корпуса из Гатчины было вывезено 3 вагона дворцового имущества. Это имущество долго затем продавалось в Ревеле и в других эстонских городах сначала тайно, а затем и открыто. В белых эстонских и русских газетах за 1920 год часто можно было встретить такого рода объявления:

«Охотничья карета Александра II, отделана слоновой костью, продается на Б. Розенкрантской, 16. Узнать в магазине № 1».

Относительно установленных белыми порядков в захваченной ими области можно судить по весьма характерному приказу по городу Гатчине:

«ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

С 17-го сего октября в 5 часов утра город Гатчина объявляется на осадном положении.

Приказ по городу № 1.

Приказывается:

1) Всему мужскому населению немедленно зарегистрироваться у коменданта города для несения милиционной службы.

2) Каждый должен немедленно заявить коменданту о всяком известном ему коммунисте или комиссаре, живущем в городе.

3) Всем домовладельцам немедленно дать сведения о всех коммунистах, комиссарах и неблагонадежных элементах, проживающих в доме. О них заявить ближайшему коменданту.

4) Всякий, знающий какой-либо советский склад и оставленное советское имущество, должен немедленно заявить о том ближайшему коменданту или сдать на сборный пункт.

5) Все ворота и двери домов должны быть днем и ночью на запоре, под личной ответственностью домовладельцев и дворников, коим беспрерывно дежурить у ворот.

6) При проходе войск никому окон не открывать и у окон не стоять.

7) Всякое оружие, холодное и огнестрельное сдать в 5-часовой срок ближайшему коменданту. По истечении сего срока за всякое найденное оружие в домах будет расстреляно ответственное лицо в доме, где найдено оружие, равно как и имеющий таковое.

8) Движение по улицам разрешено лишь до 17 часов.

9) Ограбежи, поджоги, распространение ложных и волнующих слухов виновные будут расстреливаться с доклада коменданта.

10) Воспрещается всякая отлучка и прибытие в город без явки к коменданту.

11) Всему населению обменять советские удостоверения, которые действительны лишь по 20 число сего месяца у коменданта города. Не имеющие удостоверения будут все задержаны.

12) За нарушение какого-либо из этих пунктов — смертная казнь через повешение.

13) Благонадежной части населения мирно продолжать свою работу в ожидании прибывающего в ближайшем будущем для него продовольствия.

14) Разрешается свободная торговля всеми товарами, продуктами, за исключением спиртных напитков, виновные в нарушении сего будут караться, как за нарушение всякого пункта сего вообще.

15) Всем бывшим офицерам, находящимся в городе, немедленно явиться к коменданту.

16) Все комендатуры и учреждения будут обозначены национальными флагами и дощечками.

17) Часы переставить на 1 час назад.

18) Улицы именовать согласно названиям, бывшим до большевистского переворота.

19) Сие постановление входит в силу со дня опубликования его.

Начальник гарнизона генерал-майор *Пермыкин.*

Комендант гор. Гатчино штабс-капитан *Лавров*» [1].

Приказ генерала Б. С. Пермыкина красноречиво говорит о политике белых в занятых ими районах. Пункты 2, 3, 9, 12 и 13 приказа являются наиболее характерными и прямо отражающими жестокую борьбу в России в дни гражданской войны.

Согласно этого приказа и ряда других мероприятий военного начальства все мужское население Гатчины в возрасте 18 — 45 лет было мобилизовано на окопные работы и при отступлении белых насильно уведено с собой. Несмотря на обещание, правда, для «благонадежной» части населения, подвоза продовольствия,

---

[1]) «Петроградская правда», № 252 от 4 ноября 1919 г.; «Борьба за Петроград», Гос. изд., П., 1920 г., стр. 191, 192.

Разрядка наша.

белогвардейцы за 17 дней своего пребывания в Гатчине выдали мобилизованным на рытье окопов по 3 фунта картофеля, 2 фунта селедок и ¼ фунта муки [1].

Спекулянты, легализованные приказом № 1, стали непомерно взвинчивать цены на все продукты и предметы первой необходимости, так, например, 1 фунт белой муки стоил 25 руб., 1 фунт сливочного масла 30 — 35 руб., 1 фунт свинины 40 — 45 руб. и т. д. Расчет должен был производиться исключительно царскими или так называемыми «думскими» деньгами, «керенок» и советских знаков никто не принимал.

Ожидая со дня на день вступления белой армии в Петроград, вождями Северо-западной армии составлялись проекты новых назначений, списки лиц, имеющих право въезда в Петроград, подготавливался план разгрома петроградского революционного пролетариата. Генерал П. В. Глазенап был назначен Юденичем петроградским генерал-губернатором. Спешно создавались штабы и учреждения и набирался штат сотрудников. Со всех концов Европы стали съезжаться концессионеры и подрядчики с предложением своих услуг. Из Стокгольма приехал знаменитый в финансовых сферах банкир Д. Л. Рубинштейн и немедленно приступил к исполнению своих обязанностей, заключавшихся в том, чтобы понижать курс финляндской и эстонской марок и повышать курс денежных знаков Северо-западной армии — так называемых «юденок», николаевских (царских) и думских рублей. Результатом этой работы было, например, то, что до наступления Юденича на Петроград думский рубль котировался в 25 — 30 пенни, во время наступления и занятия белогвардейцами Лигова — 95 пенни и, наконец, в момент перелома на фронте и приостановки наступления, к 31 октября 1919 г. — в 40 пенни [2]. После краха авантюры Юденича финляндское правительство выслало за пределы своей территории злосчастного Рубинштейна.

Генерал Юденич успел уже сдать одному из подрядчиков заказ на постройку прифронтовой узкоколейной железной дороги стоимостью в несколько десятков миллионов рублей. Когда узнало об этом Северо-западное правительство и запротестовало

---

[1] «Петроградская правда», № 200 от 14 ноября 1919 г.

[2] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 78.

Одна финская марка = 100 пенни. Довоенная стоимость финской марки по паритету — 37½ коп. золотом.

по поводу бессмысленного расточения государственных средств, то военное командование ответило ссылкой на то, что военные пути сообщения не находятся в ведении правительства [1].

Оживленно велись переговоры с представителем консорциума английских банков Ф. Ф. Личем относительно организации в Петрограде англо-русского банка с монополией на валютные операции.

Назначенный петроградским генерал-губернатором Глазенап совместно с биржевым маклером Э. К. Ционн решал вопросы о будущих назначениях и о мерах по поддержанию «порядка и общественной тишины» в столице после ее занятия.

Министры Северо-западного правительства спешили с заключением договоров с эстонцами и финляндцами о поставке продовольственных грузов для голодавшего Петрограда. Было уже заготовлено 400.000 пудов муки в Выборге, сало, молоко, бобы, 200.000 пудов муки в Ревеле, велись переговоры о закупке в Эстонии $1^1/_2$ миллиона пудов картофеля, подписывалось соглашение с финскими огородниками на поставку нескольких миллионов пудов овощей. Специальная американская комиссия взяла на себя обязательство кормить петроградских детей до 14 лет, для чего заняла у эстонцев около 54.000 пудов муки; Сев.-зап. правительство отпустило, в свою очередь, на организацию этого дела 10 миллионов рублей. На средства Центрального военно-промышленного комитета, организованного русской буржуазией в дни мировой войны, через М. Е. Башкирова было заказано в Америке 600.000 пудов муки, $1^1/_2$ миллиона пудов риса и сахара [2].

После взятия белыми Гатчины, из Детского села Юденич по прямому проводу просил председателя совета министров Северо-западного правительства С. Г. Лианозова держать наготове весь продовольственный запас для Петрограда, а первые партии немедленно погрузить в вагоны, так как занятие Петрограда последует не позднее 2—3 дней.

Простой этот перечень работ, проделанных в начале второй половины октября 1919 г. Северо-западным правительством и главным командованием, показывает, как сильна была у них

---

[1] Г. Кирдецов — «У ворот Петрограда», стр. 316.

[2] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 60, 61.

уверенность в победе над Советской республикой. Однако, все эти приготовления были напрасны.

Никакой серьезной экономической программы Северо-западное правительство не имело. Так, например, на вопрос эстонцев, как белые будут регулировать цены в Петрограде, министр торговли и промышленности Северо-западного правительства Маргулиес ответил: «никаких нормировок, лишь продажа правительством продуктов по себестоимости для того, чтобы не дать ценам вздуться свыше меры» [1].

Временным подвозом продовольствия контр-революционные дельцы надеялись задобрить население красной столицы и под маской этого благодеяния произвести кровавую расправу над революционным пролетариатом.

Коммерческими и различного рода финансовыми комбинациями были заражены почти все руководители белого движения. Это было манией, стоившей впоследствии нескольких неприятных конфликтов для Северо-западного правительства, подчас юмористического характера. После потери Луги и Гатчины Северо-западное правительство получило категорическое требование уплатить свыше полумиллиона финских марок за какую-то колбасу, закупленную в целях «спасения» голодавшего населения Петрограда уполномоченным Красного креста по Петрограду профессором Г. Ф. Цейдлером и председателем комитета по организации городской управы в Петрограде бывшим сенатором С. В. Ивановым.

В дни максимальных успехов Северо-западной армии генерал Юденич открыто стал высказывать свое недовольство составом правительства. Юденич говорил, что Северо-западное правительство, как таковое, необходимо ликвидировать, ибо оно недостойно въехать в Петроград. Мотивировка была до крайности проста: одна часть министров является просто «провинциалами», другая же — «дельцами». Относительно председателя совета министров Северо-западного правительства, бывшего крупного нефтепромышленника на Кавказе — С. Г. Лианозова, Юденич заявил: «какой-то нефтепромышленник — какой там премьер?» Контр-адмирал В. К. Пилкин на одном из заседаний совета министров доказывал, что въезд министров Северо-западного правительства в Петроград, в качестве правительства, будет позором

[1] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 52.

для всего белого дела, потому что это правительство сконструировано и вызвано к жизни не волей русского «народа», а по приказу английского генерала. Члены Северо-западного правительства были серьезно обеспокоены создавшимся положением, в их среде часто стали раздаваться возгласы негодования и возмущения по адресу кучки генералов во главе с Юденичем. Предлагались решительные меры для того, чтобы заставить Юденича подчиняться воле правительства. Но поскольку еще в те дни Юденич находился в зените славы, то министры боялись объявлять открытую борьбу с ним. С. Г. Лианозов держался примиренческой тактики, он говорил, что ни на какие острые и резкие конфликты с генералами не пойдет, потому что он является промышленным деятелем, а не революционером, и не хочет закрывать себе дорогу для возвращения в Россию. Если Северо-западное правительство и имело некоторое влияние на жизнь армии в процессе ее подготовки к наступлению, то в момент боевых успехов вся власть как военная, так и гражданская, находилась в руках генералитета, и главнокомандующий армией генерал Юденич был бесконтрольным, полновластным диктатором, но в то же время прямым ставленником и пешкой в руках английского империализма.

Действительный хозяин событий находился далеко от своих слуг и в лице своего министра В. Черчилля выразил бывш. русскому послу Е. В. Саблину живейшую радость по поводу удачного наступления Сев.-зап. армии.

Черчилль, лично беседуя с Саблиным, указал на необходимость командирования в штаб Юденича полномочного лица и очень интересовался дальнейшими планами и организацией управления по взятии Петрограда [1].

Части Северо-западной армии 21 октября были остановлены на линии Пулковских высот. Последним их успехом 21 октября было незначительное продвижение на правом фланге 6-й советской дивизии, в 15 километрах от форта «Краснофлотского», по правому берегу реки Коваши. Азарт противника был настолько велик, что генерал А. П. Родзянко на предложение посмотреть в бинокль на Петроград ответил, что на следующий день он будет гулять по Невскому проспекту (ныне проспект 25 Октября).

---

[1] «Пролетарская революция», № 1, 1921 г., Гос. изд., стр. 140, 141.

Готовился к въезду в Петроград и Юденич. Он 20 октября 1919 г., находясь в Гатчине, обратился со следующим воззванием к защитникам города:

«Граждане города Петрограда и вы, заблудшие люди, обманутые насильниками комиссарами, солдаты и матросы Красной армии!

Пушки Северо-западной армии гремят под Петроградом... Сопротивление бесполезно...

Верховный правитель адмирал Колчак, генерал Деникин и я ведем борьбу с большевизмом, за право русского народа решить свою судьбу и наболевшие вопросы о земле и капитале через своих представителей в Народном собрании...

Демократия Америки и Англии прислала для вас муку, консервированное молоко, крупу и мясо. Финляндия заготовляет молочные продукты, скот и дрова, тоже делает и Эстляндия... Корабли, нагруженные съестными припасами, стоят во всех портах Балтийского моря, поезда наготове итти к вам и спасать вас от голодной смерти... Ваши светлые дни близки.

С колокольным звоном, с молитвенным пением хвалебных гимнов.. идите нам навстречу и забудем, что была между нами распря..., и пойдем строить новую, свободную и светлую жизнь...

При проходе войск Северо-западного фронта, все красноармейцы и матросские части должны вынести и сложить все имеющееся у них оружие, самим же построиться в версте от сложенного оружия и выслать вперед переговорщиков с белыми флагами.

Все окна и двери в домах должны быть закрыты. При этих условиях не будет лишних жертв, и город в ближайшие дни получит первые транспорты продовольствия, которые стоят наготове» [1].

Затем Юденич отдал еще одно «предусмотрительное» приказание, которое относилось не только к подчиненным ему войскам, но и к домовым комитетам бедноты гор. Петрограда:

«Предписываю всем частям, действующим против Петрограда с моря и с суши, не открывать огня по городу без предупреждения о сем сигналом.

Домовым комитетам вменяется в обязанность, в целях избежания жертв среди мирного населения, предупредить граждан об опасности появления на улице после сигнала» [2].

Одновременно с этим велась другая, более нужная для белогвардейцев, работа. Начальник разведки штаба Северо-запад-

---

[1] Ленинградский музей революции.

Настоящее воззвание выпущено в свет издательством шаба войск театра военных действий Северо-западной армии, редактором которого был писатель А. И. Куприн.

[2] ЛАБ, политсекция, фонд № 54, связка № 4, дела 1-го городского района, дело № 17, по описи № 42, л. 71.

ной армии генерал Владимиров (К. С. Новогребельский) организовал специальную автомобильную колонну, которая должна была войти в Петроград накануне торжественного въезда Юденича и произвести там предварительную расправу по заранее составленному списку [1].

В это время чья-то судорожная белогвардейская рука по телеграфу передала весть о падении Красного Петрограда. Эта телеграмма была подхвачена радио-волной, и в ночь на 20 октября уже весь мир облетело сообщение о падении Красного Петрограда. Белогвардейские своры адмирала Колчака и генерала Деникина торжествовали.

Осведомительное агентство (Осваг) при штабе генерала А. И. Деникина в массовом количестве распространило следующую листовку [2]:

«Экстренная телеграмма. Из официальных источников нам сообщают: английский флот бомбардировал Кронштадт и взял его. Генерал Юденич вступил в Петроград».

«Донская речь», в № 10 от 15 ноября 1919 года, в статье: «В туманах севера» писала: «Пал Петербург. Ожила чудесная северная сказка, желанная русская мечта»... [3].

Лондонские, парижские и берлинские газеты крупным шрифтом сообщали о падении Красного Петрограда.

Согласно сообщения «Известий германского министерства иностранных дел» о том, что Петроград взят Сев.-зап. армией, русские белые генералы в Берлине назначили на следующий день молебен в церкви старого русского посольства [4].

Белогвардейские борзописцы забыли только упомянуть, что в эти дни борьбы за Петроград действительной «чудесной сказкой» было занятие Красной армией на Южном фронте гор. Орла, разгром конницей С. М. Буденного объединенной белой конницы К. К. Мамонтова и А. Шкуро и занятие гор. Воронежа. На Южном фронте произошел окончательный перелом,

---

[1] Г. Кирдецов — «У ворот Петрограда», стр. 287, 288.

[2] Музей ПП ОГПУ при ЛВО.

[3] И. Калинин — «Русская Вандея», Гос. изд., 1926 г., стр. 288.
Но дальше в этом же номере «Донской речи» говорилось о том, что весть о падении Петрограда была только легендой и призрачной мечтой, так как никаких официальных подтверждений этого сообщения не было.

[4] «Борьба за Петроград», Гос. изд., 1920 г., стр. 109.

поворот событий в пользу Красной армии. То же происходило и на Восточном фронте. Армия адмирала Колчака поспешно отступала, а красные полки подходили к Омску — резиденции «верховного» правителя.

Только одному Петрограду угрожала еще серьезная опасность.

Необходимо было напрячь все силы и мобилизовать все средства для скорейшего перехода Красной армии в контрнаступление против армии генерала Юденича.

ГЛАВА 9.

СОСТОЯНИЕ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ, ОБОРОНЯВШИХ ПОДСТУПЫ К ПЕТРОГРАДУ. СНАБЖЕНИЕ. ДЕЗЕРТИРСТВО. — НАСТРОЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. — ПЕРИОД ОТСТУПЛЕНИЯ. — ПОПЫТКИ ПРИОСТАНОВИТЬ НАСТУПЛЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ. — БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА МОРЕ. — ГИБЕЛЬ ТРЕХ ЭСКАДРЕННЫХ МИНОНОСЦЕВ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА.

На подступах к Петрограду, к осени 1919 г., по-прежнему стояли части 7-й советской армии. После ликвидации первой белогвардейской попытки захватить Петроград, 7-я армия растянулась по всей линии фронта от Копорского залива до разграничительной линии с 15-й армией по реке Вердуге, общим протяжением в 250 километров. Протяжение фронта Северо-западной армии белых, находившейся в боевом соприкосновении с 7-й армией и имевшей на своем левом фланге эстонские войска, равнялось 145 километрам.

Численность 7-й армии, к моменту перехода во второе наступление Северо-западной армии, достигала 24.850 штыков и 800 сабель, при 148 орудиях, 2 бронепоездах и 8 бронемашинах. По сравнению с силами противника, 7-я армия имела количественный перевес и значительное превосходство своей артиллерии [1]. Но это благоприятное для 7-й армии соотношение вооруженных сил уравновешивалось большой протяженностью линии ее фронта, что, в среднем, выражалось в следующем соотношении: на 1 километр фронта Северо-западная армия располагала 120 штыками, а 7-я армия—100 штыками. Это обстоятельство и создало возможность для белого командования

---

[1] Сборник трудов ВНО при Военной академии, книга 2-я, 1922 г., статья В. Драгилева — «Второе наступление Юденича на Петроград».

предпринять ряд переброс своих воинских частей с целью сосредоточения своих сил для прорыва советского фронта.

Боевые действия на фронте при подобном соотношении сил должны были бы принять упорный, затяжной характер. Только искусно проводимые операции и наличие целого ряда факторов, влияющих и обусловливающих боевую способность воинских частей, могли бы дать некоторые шансы на победу одной из сторон. В момент второго наступления на Петроград, помимо искусного управления некоторыми ударными частями Северо-западной армии, как раз и были налицо условия, понижавшие стойкость частей 7-й армии. Находясь непрерывно на фронте, в условиях непосредственной боевой обстановки, не получая кратковременного отдыха или значительных подкреплений, 7-я, советская, армия не была в то время стойким боевым организмом. В этих условиях, вообще, необходима неослабевающая воспитательная работа для того, чтобы армейский организм не был бы подточен изнутри. Как и летом 1919 г., при первом белогвардейском наступлении на Петроград, политико-моральное состояние красноармейцев 7-й армии требовало серьезнейшей и длительной политической работы, так и осенью того же года, во время второго наступления белых на Петроград, красноармейский состав 7-й армии нуждался в систематическом партийном и политическом воспитании.

Общая усталость частей 7-й армии и понижение боеспособности отмечались почти во всех сводках и донесениях того времени. Однако, общее положение Республики не позволяло уделять исключительного внимания Петроградскому фронту, а, наоборот, требовало исключительного внимания петроградского пролетариата и полевых частей Петроградского фронта к событиям на Восточном и, в особенности, на Южном фронтах. Сразу же после ликвидации первого наступления белых на Петроград, высшим командованием Красной армии были произведены переброски некоторых частей и ряда военно-политических работников на Южный фронт. Все очередные запасные формирования и резервы направлялись для организации противодействия южной контр-революции. Партийная организация Петрограда не была в состоянии компенсировать убыль работников из 7-й армии своими партийными силами. Политическая работа в 7-й армии ослабла, оставшиеся молодые, не квалифицированные политработники и командиры не в состоя-

нии были справиться со своими задачами и противодействовать понижению боеспособности красноармейских частей. С другой стороны, относительное боевое затишье на фронте и начавшиеся предварительные переговоры о мире с Эстонией были той психологической предпосылкой, которая не в состоянии была своевременно мобилизовать все наличные силы для поднятия политической и партийной работы в армии. Физическая усталость красноармейцев, их выжидательное, не напряженное, вялое состояние с возрастающей быстротой стали затемнять их политическое самосознание, притуплять критическое чутье к мирным переговорам и боевому затишью на фронте и превращать постепенно всю красноармейскую массу в дряхлеющий, разлагающийся организм, готовый распасться при первых же ударах врага.

Вялому состоянию частей в сильнейшей степени способствовало общее критическое продовольственное положение, остро чувствуемый недостаток вооружения, обмундирования, медикаментов и чрезвычайно неудовлетворительное состояние обозов.

Сводки за первую половину сентября 1919 г. отмечали кризис хлебных запасов; в течение нескольких дней суточная дача хлеба на фронте была сокращена до $^1/_2$ фунта, в тылу—до $^1/_4$ фунта. Было неблагополучно и с другими продуктами, которые также выдавались по сильно сокращенной норме. Только в середине октября продовольственное положение несколько улучшилось в связи с прибытием хлебных грузов из Челябинского и Оренбургского губпродкомов. В области снабжения остальными продуктами коренного улучшения в начале октября не произошло, рыбы совершенно не было, мясом войсковые части снабжались в среднем на 2 — 3 дня в неделю. Общее количество довольствовавшихся в Петроградском военном округе воинских частей, превосходившее всякие возможности по регулярному снабжению и достигавшее колоссальных размеров, ставило в чрезвычайно затруднительное положение центральные и окружные снабженческие органы.

Так, например, с 1 по 15 сентября 1919 г. на довольствии в Петроградском военном округе числилось 231.739 человек и 5.171 лошадь; с 15 сентября по 15 октября—206.763 человека и 2.847 лошадей; с 15 октября по 1 ноября—164.000 человек

и 4.800 лошадей и с 1 ноября по 1 декабря—162.427 человек и 8.311 лошадей [1].

Отсутствие транспортных средств усиливало общий продовольственный кризис. Осенняя распутица, превратившая район боевых действий в сплошное болото, не позволяла наличным транспортным единицам, преимущественно крестьянскому обозу, своевременно и регулярно доставлять продукты питания, фураж, боевое снаряжение, огнеприпасы. Климатические условия и отсутствие хороших дорог затрудняли движение артиллерии, кавалерии и влияли даже на всякие передвижения пехотных частей.

Помимо продовольственного кризиса сводки и донесения частей отмечали также недостаток обмундирования и вооружения. За период с 16 по 31 октября 1919 г., в дни серьезных, напряженнейших боев на подступах к Петрограду, когда центром были предприняты экстренные меры для удовлетворения всех нужд 7-й армии, из 84 частей этой армии, давших показания о состоянии снабжения, 68 частей отмечали недостаток обмундирования, при чем из них 23 части отмечали недостаток обмундирования вообще, 9 частей жаловались на недостаток шинелей, 5—на недостаток белья, 7—теплой одежды, 18—обуви и 6—на недостаток прочих предметов обмундирования. Из 84 частей 7-й армии, давших показания о снабжении, 41 часть ощущала недостаток вооружения, из них 6 частей требовали пулеметов, 6 частей — винтовок, 7 частей — патронов и т. п. и, наконец, в пополнении специального инженерного имущества нуждалось 7 частей [2]. Эти официальные цифровые данные, естественно, необходимо увеличить при характеристике снабжения воинских частей Петроградского фронта в период, предшествовавший переходу в наступление Северо-западной армии белых.

На этом общем фоне недостатков 7-й армии и громоздких ее тылов, рыхлости и дряблости красноармейского состава, не-

---

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 25, дело № 19-а,—«Отчеты о политическом состоянии, мобилизации, всеобуче о агитпросветработе среди населения и воинских частей Петроградского округа» за указанные выше периоды.

[2] Там же, связка № 45, дело № 20, лист 268, — «Сводка сведений о состоянии снабжения действующих армий по данным ежедневных бюллетеней информационного отделения ПУР'а за время с 16 по 31 октября 1919 г.».

удовлетворявшей своему назначению некоторой части командного состава и политработников — образовался гнойник дезертирства, сопутствуемый целым рядом специфических явлений и требующий от органов советской власти и партии колоссальных усилий для его ликвидации. Дезертирство в 1919 г. широкой волной захлестнуло все попытки советского командования максимально усилить действующие на фронтах армии. Бороться с этим злом одни военные власти были не в силах, необходимо было привлечение для этой борьбы всего советского и партийного аппаратов в тылу. Разнообразными формами политическо-просветительной работы среди населения партия и советы старались изжить дезертирство в Красной армии, как массовое явление,— периодическим назначением сроков добровольной явки дезертиров на сборные пункты, улучшением материального положения семей красноармейцев, наряду с посылкой специальных отрядов для ловли дезертиров и постановкой показательных процессов над злостными дезертирами.

Петроградский военный округ в этом отношении в 1919 г. занимал последнее место в ряду остальных военных округов Советской республики и из 1.761.104 дезертиров, задержанных и добровольно явившихся по всей Республике за 1919 год, имел 148.133 дезертира [1]. Максимальное напряжение всех сил и средств, продиктованное угрожающей военной обстановкой для экономического и политического центра северо-запада Советской России — Петрограда, должно было включить в орбиту своего практического проявления и усиленную борьбу с дезертирством.

Методы борьбы с дезертирством в Петроградском военном округе были аналогичны методам, практиковавшимся и в остальных округах. Широкая агитация почти всегда предшествовала посылке вооруженной силы, которая в иных местах должна была только бескровно реализовать результаты предварительно проведенной политическо-просветительной кампании. Губернские и уездные комиссии по борьбе с дезертирством (комдез), получая директивы и по линии комдез'а и от партийных организаций, делали все возможное для скорейшей ликвидации дезертирства

[1] С. Оликов — «Дезертирство в Красной армии и борьба с ним» издание военной типографии Управления делама Наркомвоенмер и РВС СССР, Л., 1926 г., стр. 30, 31.

в своих районах. Второе наступление белогвардейцев на Петроград несколько затормозило эту планомерную работу комдез'ов и заставило Советскую власть шире прибегнуть к вооруженной силе для скорейшей ликвидации дезертирства. Оперативная сводка о борьбе с дезертирством в Петроградском секторе войск внутренней охраны за октябрь 1919 г. говорит о действиях мелких отрядов, численностью от 10 до 80 человек, по ловле дезертиров в Новгородской, Череповецкой и Петроградской губерниях. В Новоладожском и Шлиссельбургском уездах Петроградской губернии оперировали отряды силою в 50 человек. Наиболее благоприятные результаты дал отряд, действовавший в Петроградском уезде, здесь с 16 по 23 октября добровольно явилось 177 человек, выловлено было отрядом 68 злостных дезертиров и 1.787 — незлостных, количество же оставшихся невыловленными не было выяснено [1].

В Петрограде, во второй половине октября 1919 г., был организован политический отдел полевой комиссии по борьбе с дезертирством, при котором специально созданная особая коллегия проводила политическую работу в местах расквартирования, как среди добровольно явившихся, так и задержанных дезертиров. Ежедневно с 10 до 12 часов работники коллегии проводили по казармам и на этапном пункте чтение газет и агитационной литературы. С 14 до 16 часов велась специальная работа также в казармах по выяснению причин дезертирства. С 18 до 24 часов проводились собеседования на разные темы, чтение газет и литературы, организовывались спектакли, концерты, кино-сеансы и т. д. Читки газет и собеседования проводила специально выделенная группа политработников в 11 чел., лекции же и доклады читались 5 лекторами, являвшимися одновременно и членами коллегии.

Все казармы беспрерывно обходились политработниками и дежурными членами партийных коллективов, они принимали заявления от дезертиров, которые в дальнейшем разбирались на заседании коллегии.

При учетно-пересыльном пункте были организованы: клуб, чайная, библиотека, читальня и школа грамоты.

Таким образом, работу местных комиссий по борьбе с дезертирством дополнял и углублял политический отдел полевой

---

[1] АЛОИ, связка № 4-а.

комиссии по борьбе с дезертирством в Петрограде. Прежде, чем влиться в части Красной армии и там раствориться в массе сражающихся на фронте красноармейцев, каждый дезертир подвергался основательной политической обработке, которая должна была поднять его политическое самосознание. В сводках за вторую половину октября говорилось уже о весьма удовлетворительном настроении дезертиров, расположенных в районах г. Петрограда.

О размахе дезертирства по Петроградскому военному округу, в том числе по Петроградской и Псковской губерниям и по городу Петрограду, за три месяца 1919 г. — сентябрь, октябрь и ноябрь — дают представление следующие данные [1]:

По Петроградскому военному округу			
Месяцы	Задержано	Добровольно явилось	Всего
Сентябрь	10.386	5.905	16.291
Октябрь	11.263	4.286	15.549
Ноябрь	7.960	7.417	15.377
Итого	29.609	17.608	47.217

Эти суммарные данные распределяются по двум только губерниям Петроградского военного округа следующим образом [2]:

---

[1] С. Оликов — «Дезертирство в Красной армии и борьба с ним» изд. военной типографии Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР Л., 1926 г., стр. 30, 31.

[2] ЦВПА при ВПАТ, связка № 25, дело № 19-а; таблица составлена на основании цифровых данных, помещенных в уже упомянутых выше отчетах.

По материалам Петроградской губернской комиссии по борьбе с дезертирством общее количество задержанных и добровольно явившихся по Петроградской губернии дезертиров за указанные три месяца 1919 г. равняется 15.334 чел., что не меняет выраженной в таблице общей картины дезертирского движения (АЛОИ, связка № 18, дело № 6, л., 19).

Губернии / Месяцы	Петроградская губерния				Псковская губерния		Всего по Петр. г. и Псковск. губ., искл. Петроград
	По губернии с Петроградом		Отдельно по Петрограду				
	Задержано	Добр. явилось	Задержано	Добр. явилось	Задержано	Добровольно явилось	
С 1 по 15 сентября	1.847	727	—	—	366		2.940
С 15 сент. по 15 окт.	3.973	1.131	2.869	326	2.535	891	8.530
С 15 окт. по 1 ноября	3.053	335	2.269	165	—	—	3.388
С 1 ноября по 1 дек.	2.940	2.688	2.061	1.184	—	—	5.628
Итого . . .	11.813	4.881	7.199	1.675	3.792		20.486

Этот цифровой материал нельзя признать достаточно полным, так как находившаяся в полосе военных действий Псковская губерния не дала своевременно отчетов о результатах борьбы с дезертирством. Однако, два основных вывода из этих таблиц напрашиваются сами собою. Первый из них заключается в том, что две губернии Петроградского военного округа, являвшиеся ареной гражданской войны, по количеству дезертиров, как выловленных, так и добровольно явившихся, имели почти половину всего количества дезертиров в округе. Боевые действия на фронте, доставившие легкую победу противнику, стимулировали дезертирство, способствовали скорейшей своеобразной реализации колеблющегося, выжидательного настроения политически необработанной красноармейской массы, толкая ее по пути наименьшего психологического сопротивления.

Однако, не соответствующим действительности будет утверждение, которое сочтет дезертирство на Петроградском фронте исключительно, как следствие осложнившейся военной обстановки. Темп дезертирства в октябре 1919 г. нисколько не превосходил темпа дезертирства за сентябрь того же года, характеризовавшийся со стороны военной, как месяц относительного затишья на ближайшем к Петрограду фронте. Общее количество дезертиров за каждый из этих двух месяцев почти равно. Это обстоятельство лишний раз иллюстрирует только процесс внутреннего гниения боевой ткани 7-й армии,

предшествовавший второму белогвардейскому походу на Петрограду, и, в особенности, всех тыловых запасных частей, не дававших надежных пополнений в армию.

Боевая активность противника в октябре 1919 г. только затянула и несколько видоизменила характер ранее действовавших внешних причин дезертирства; за два месяца произошло переключение причин дезертирства, хотя основной его мотив, питаемый происходившим повсюду сложным процессом расслоения деревни — нежелание воевать — оставался прежним. Петроград занимал видное место по количеству дезертиров, как наиболее населенный пункт округа и центр сосредоточения непомерно разросшихся тыловых учреждений и всякого рода запасных формирований.

Масштаб дезертирства в округе с сентября по ноябрь включительно почти в два раза превосходил численность действовавшей на фронте 7-й армии, а количество дезертиров только в двух — Петроградской и Псковской — губерниях полностью и даже с некоторым избытком поглощало силы Северо-западной армии.

Другой вывод лежит в плоскости широкого и разностороннего политического воздействия органов гражданской и военной власти на дезертиров. Усиленная политическая работа по разъяснению причин и характера войны, по уяснению основных законоположений советского правительства, в ноябре дала свои первые плоды, которые совпали во времени с обнаружившимся уже полным провалом попытки генерала Юденича овладеть Петроградом. Кривая добровольно явившихся почти совпала с кривой задержанных дезертиров, как по всему округу, так и по Петроградской губернии.

В тесной связи с дезертирством находилось и настроение крестьянства. Дезертирство являлось одной из форм выражения настроения деревни. Помимо влияния зажиточных кулацких слоев, голод и близость фронта иногда толкали на отдельные выступления против советской власти и середняцкие массы с привлечением некоторых несознательных элементов деревенской бедноты. Подлежащие мобилизации и уже мобилизованные, в некоторой своей наиболее отсталой части, являлись носителями этих настроений. Как и летом 1919 г., так и осенью, но только в меньшем масштабе, дезертировавшие из частей Красной армии и уклонявшиеся от мобилизации создавали предпосылки для антисоветских волнений.

В первой половине сентября 1919 г. отмечались восстания в Бежаницкой и Старицкой волостях, Торопецкого уезда, Псковской губернии. В Петроградской губернии настроение населения квалифицировалось, как «среднее». Мобилизованные были настроены враждебно, не понимали необходимости, причин и характера гражданской войны.

С 15 сентября по 15 октября среди населения Петроградской губернии проводилась агитационно-просветительная работа по деревням. Устраивались митинги, собеседования, лекции на темы: «Текущий момент», «Борьба с дезертирством», «Причины мобилизаций», «Наши задачи», «Международное положение» и т. п. В Петроградском уезде велась работа в 3 волостях; в Белоостровской волости было проведено 7 митингов, на которых в среднем присутствовало по 350 человек, в Вартемякской волости — 3 митинга — по 100 чел., в Левашевской волости — 3 митинга — по 275 чел.

В Лужском уезде — в Заклинской волости проводились собеседования в 5 деревнях, в Югостицкой волости — 4 собрания. В Луге было проведено 2 митинга, кроме этого было организовано по уезду 7 концертов-митингов и прочитано несколько лекций.

В Ямбургском уезде было проведено 5 митингов.

В Петергофском уезде — в деревне Шунгорово, Витинской волости, производились собеседования.

Общее политическое настроение населения Петроградской губернии за этот период отмечалось как удовлетворительное, в Псковской губернии, наряду с общим успокоением, отмечалось также скрытое недовольство в связи с производившимися реквизициями хлеба, скота и пр.

Удовлетворительное настроение населения в прифронтовой полосе было и в ноябре. Когда части Красной армии стали по всему фронту теснить противника, то они получили всемерную поддержку от населения, своим собственным опытом убедившегося в превосходстве советской системы над белогвардейским военным режимом. Помощь оказывалась предоставлением фуража, квартир, подвод, рабочей силы.

Тыловые губернии округа, не испытавшие на себе всей прелести белой власти, являлись более благоприятной ареной для волнений населения, чем прифронтовая полоса. Так, например, в ноябре, при общем удовлетворительном состоянии Петроградской и Псковской губерний, в Череповецкой губернии,

в Званецкой и Усадьевской волостях Тихвинского уезда, на почве реквизиции скота и взятия на учет хлеба вспыхнуло крестьянское восстание, вовлекшее до 500 человек.

Таким образом, сложная, по своим конкретным проявлениям и задачам, обстановка на Петроградском фронте в сентябре и октябре 1919 г. способствовала успешному продвижению к Петрограду Северо-западной армии. Последняя встретила перед собою потерявшие боевую устойчивость красноармейские части, и рядом искусных маневрирований принудила их к поспешному, местами просто паническому, отступлению. Связь между частями 7-й армии часто порывалась, отступление происходило самостийно и в расходящихся направлениях. Противник всемерно использовал принцип внезапности, практиковал удары по стыкам полевых советских частей и форсированным маршем, с большими суточными переходами, приближался к Петрограду.

Политсводка частей 7-й армии за 12, 14 и 15 октября отмечала растерянность командного и политического состава 6-й стрелковой дивизии, полную неустойчивость частей дивизии, из состава которой только одна 1-я бригада имела боевое соприкосновение с противником, остальные же части дивизии отступали, оторвавшись от наседавшего противника.

2-я стрелковая дивизия в панике отступала по Ямбургскому шоссе; из всех частей дивизии в порядке отступал только 46-й стрелковый полк. В 10-м стрелковом полку красноармейцы не желали сражаться и требовали отдыха, в 1-й бригаде дивизии отмечалась склонность к переходу на сторону противника, разведчики уклонялись от выполнения поставленных им боевых заданий и частично переходили к белым, в 13-м стрелковом полку были отмечены симптомы разложения 3-го батальона.

10-я стрелковая дивизия была занята экстренной работой по укреплению своих позиций. Из партийцев тыловых дивизионных учреждений и работников политотдела дивизии был сформирован отряд, из которого на фронт было направлено 100 коммунистов. При окружении белыми штаба 84-го стрелкового полка военный комиссар этого полка попал в плен и был зарублен.

В 19-ю стрелковую дивизию прибыло 110 коммунистов, правый дивизионный участок был ненадежен, бойцы требовали отдыха. В 171-м стрелковом полку осталось несколько десятков человек, 168-й стрелковый полк был полностью деморализован, два ба-

тальона (1-й и 2-й) 5-го стрелкового полка отказались итти в наступление. Вся 1-я бригада дивизии была деморализована, приказы не исполнялись, полки бригады панически бежали. Разложение стало распространяться и в 3-й бригаде. Из состава дивизии стойко держался только один—170-й стрелковый полк. Этот полк, ранее бывший 49-м стрелковым полком, был наиболее боеспособным в дивизии. 4 сентября Лужский уездный комитет РКП(б) ходатайствовал перед Петроградским губернским комитетом РКП(б) о поднесении полку Красного знамени, а 25 сентября губернский комитет партии постановил поднести знамя полку за храбрость.

Политические донесения за 15 октября дополняли картину. По отношении к 6-й стрелковой дивизии, как достижение, отмечалось, что с 1-й бригадой удалось наладить живую связь, со 2-й же бригадой связь по-прежнему отсутствовала.

У штаба 2-й стрелковой дивизии была потеряна связь с большинством частей дивизии, 52-й полк разбежался. Политотдел дивизии мобилизовал заменимых коммунистов штаба дивизии. Штаб армии совершенно не информировал командование дивизии об общем положении на фронте.

Штаб и политотдел 19-й стрелковой дивизии расположились на жел.-дор. станции Батецкая. Сборный коммунистический отряд, сформированный из воинских частей гор. Луги, понес в боях большие потери.

В 10-ю стрелковую дивизию из 1-го запасного полка, формировавшегося в гор. Ельня, Смоленской губ., прибыло незначительное пополнение, так как из отправленных 1.000 человек в пути дезертировало 761 человек. Из отправленных из Дорогобужа 450 чел. в пути дезертировало 291 чел. Из Вязьмы прибыла маршевая рота, и в ней, из отправленных 250 чел., в пути дезертировало 89 чел. Все пополнения прибывали без обмундирования, снаряжения и вооружения, и среди этих воинских частей настроение было вообще подавленное [1].

События на фронте, принимавшие катастрофический характер, вызвали у некоторых ответственных военных работников растерянность, потерю ясной ближайшей перспективы, породили нервозность. Военный комиссар 6-й стрелковой дивизии

---

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 39, бюллетени ПУР'а за октябрь 1919 г.

В. О. Мазин (Лихтенштадт) в письме Г. Е. Зиновьеву, написанном им 15 октября, за 2—3 часа до своей смерти в бою, в общем, здраво оценивая боевую обстановку, пришел к неправильному решению сложить с себя ответственность и звание комиссара дивизии и пойти комиссаром в один из полков дивизии. Рекомендуя посадить на гатчинские позиции совершенно свежие войска или бросить отборную ударную группу в тыл противнику, а при возможности — сделать и то и другое, В. О. Мазин рисовал состояние 6-й дивизии безнадежным. В самых отрицательных тонах он характеризовал руководство дивизией командиром, отмечал, что, по самым последним данным, к 5 часам утра 15 октября части 6-й дивизии оставили деревню Витино, откатились к жел.-дор. станции Кипень, что в 46-м стрелковом полку осталось на лицо 50 человек, в 48-м стрелковом полку — еще меньше, а в 51-м стрелковом полку — 100 чел. с небольшим. В. О. Мазин решил принять непосредственное участие в боевых действиях; «это агония, надо лететь туда и вместе умирать — без сознания, что сделано все возможное», — писал он [1].

Усталый до изнеможения, не спавший подряд шесть ночей, Мазин, прибыв на передовые позиции, был захвачен противником в бою под колонией Кипень и расстрелян.

По мере приближения противника и расстройства частей 7-й армии, на фронт в спешном порядке, по частям, бросались свежие части красноармейцев, взятые из состава Петроградского гарнизона.

Штабом Петроградского укрепленного района, из сформированных им из состава гарнизона до 35 воинских частей, общей численностью до 18.000 человек при 59 орудиях, было брошено значительное количество бойцов на фронт. При подходе противника к Пулковским высотам были двинуты и последние резервы [2].

Срочность таких переброс не могла не внести некоторого расстройства в перебрасываемые красноармейские части. Только наиболее выдержанные, стойкие отряды при этих перебросках сохраняли боевое настроение и горели искренним коллективным желанием отбить противника.

---

[1] АЛОИ связка № 23, дело № 58.

[2] «Борьба за Петроград», Гос. изд., 1920 г., стр. 61.

Примером первого может служить 628-й стрелковый полк 10-й стрелковой бригады, расположенной в Петрограде. По распоряжению штаба Петроградского укрепленного района, этот полк должен был выступить на фронт двумя эшелонами в ночь на 11 октября. В виду расхода людей в караулы и отсутствия в полку лошадей, приказ во время не был выполнен. Только на другой день, 12 октября, в 9 часов утра был отправлен эшелон с 400 красноармейцами при полном вооружении, с необходимым обозом, с оперативным штабом бригады и комендантской командой. В 14 часов того же числа отбыл второй эшелон с 310 красноармейцами. Отправка происходила в беспорядке. Значительная часть красноармейцев оказалась уволенной на ночь домой, часть их убежала из казарм, многие не возвратились из караула, узнав о предстоящей отправке на фронт. Через несколько дней стало замечаться массовое дезертирство из полка в город, и численность красноармейцев в полку равнялась уже 345, численность командного состава — 27 человек, при 11 коммунистах, которые приступили к организации полковой партийной ячейки [1].

В качестве иллюстрации сохранения боевой устойчивости и выдержанности, в условиях срочной переброски на фронт, могут служить подобранные по специальному признаку части, как, например, отряды курсантов, коммунистов, моряков.

16 октября 1919 г. выступили на фронт курсы командного состава Балтийского флота. Отряд состоял из 485 чел., из которых 99% было старых моряков и на 90% — партийных, — при пяти пулеметах и по паре бомб у каждого. Настроение курсантов было бодрое. Когда отряд высадился на жел.-дор. станции «Сергиевская пустынь», то в штабе отряда была задержана шпионка, работавшая под видом сестры милосердия. При обыске у нее была найдена, написанная ею записка в штаб Юденича, в которой она сообщала сведения об отряде и просила обратить внимание на этот отряд, выставив против него надежные силы.

«Отряд состоит исключительно из коммунистов, все моряки—будущие красные командиры флота. Бодры и хорошо вооружены»,—сообщала она штабу белых. [2]

---

[1] АЛОИ, связка № 18.

[2] «Красный флот», № 20, октябрь 1927 г., Л., статья Колышкина — «Против Юденича».

Затем, по распоряжению командующего 7-й армией, 6-я стрелковая дивизия была усилена прибывшей в Петроград Башкирской группой в составе Башкирской кавалерийской дивизии и отдельной Башкирской стрелковой бригады. 17 октября командующий Башгруппой вступил в командование Пулковским участком. Группа вела бой с наседавшим противником и понесла большие потери людьми и лошадьми.

По южному побережью Финского залива, в районе фортов Серая лошадь и Краснофлотского, и вплоть до предместий Петрограда действовали отряды матросов Балтийского флота, общим количеством в 11.000 человек.

Для укрепления фронта до 21 октября бросались также наспех сколоченные отряды коммунистов. Геройство матросов, курсантов и коммунистов отмечено было даже самими белогвардейцами:

«Некоторые отряды, составленные из коммунистов или матросов и в самом начале нашего наступления окруженные белыми полками, не имея никакой надежды на спасение, все же не сдавались, а все гибли геройской смертью. Крайнюю самоотверженность проявляли и советские курсанты и команды бронепоездов, из которых большой преданностью к советской власти отличилась команда «Ленина»[1].

Но отдельные отряды не в состоянии были изменить общее положение на фронте, которое, по оперативным и политическим сводкам красноармейских частей за 18 октября, продолжало ухудшаться.

Штаб 6-й стрелковой дивизии переехал в Лигово, где был организован Лиговский боевой сектор. С 1-й бригадой связи не было. Дальше сводка говорила о том, что

«пропали без вести военный комиссар дивизии Мазин, командир 48-го стрелкового полка Воробьев, военный комиссар 48-го стрелкового полка Симотин, организатор 1-й бригады Громов».

Через некоторое время командир и комиссар 48-го стрелкового полка нашлись.

---

[1] «Записки белого офицера» — «Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода», Гельсингфорс, 1920 г., стр. 58.

В октябре на Петроградский фронт прибыл поезд председателя Революционного военного совета Республики. Из состава этого поезда была выделена одна команда на бронепоезд имени В. И. Ленина, другая была влита в части Красной армии, действовавшие в районе Лигово. За участие в боях на подступах к Петрограду поезд председателя рев. военсовета был награжден орденом Красного знамени.

51-й стрелковый полк был в разбросанном состоянии два батальона и командир полка находились за Детским селом полк потерял в боях 500 чел.

1-я бригада дивизии находилась в районе Стрельны.

В Детское село по приказу председателя Реввоенсовета прибыла инспекционно-политическая группа в составе 24 чел. во главе с помощником заведующего политотделом 7-й армии М. А. Левиным. Группа эта должна была выяснить поведение командного, политического и красноармейского состава за время отступления и принять все меры для усиления политработы в частях.

При обороне жел.-дор. станции Сергиево понесли большие потери Шлиссельбургский отряд, сводный отряд курсантов, отряд матросов и комендантская команда 1-го Гатчинского боевого сектора. Во 2-й и других дивизиях настроение по-прежнему было плохое [1].

Только начиная с 21 октября в сводках советских воинских частей стали мелькать указания на частичный подъем духа красных бойцов и уверенность в скорой победе. Несмотря на чрезвычайно большие потери, знаменовавшие собою кризис операций, настроение красноармейских частей в связи с известиями о победах Красной армии на Южном фронте и приостановкой наступления Северо-западной армии стало медленно, но уверенно подниматься. Были, конечно, еще рецидивы упадничества, прежнего расстройства, но они являлись уже исключением. Командный и политический состав, частично замененный, получил ясную перспективу и твердое руководство.

Бои за Пулковские высоты, сохраненные в руках Красной армии, по своему значению явились уже переломным моментом операций и тем самым знаменовали приобретенную советскими частями боевую упругость и сопротивляемость. Противник, зарвавшись далеко вперед, не располагая достаточными силами для ведения борьбы по всему фронту, стал усиленно прибегать к принципу частной победы и, быстро группируя ударные кулаки, — то в одном, то в другом месте, пытался разбить сопротивление красноармейских частей.

Надежда генерала Н. Н. Юденича на получение своевременной и серьезной поддержки от английской эскадры с моря была только

---

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 39, бюллетени ПУР'а за октябрь 1919 г.

результатом наивной доверчивости. События в Прибалтике, о которых будет сказано ниже, потребовали срочного вмешательства в эти события английской эскадры, эстонских бронепоездов и воинских частей.

Поползновения на захват всех боевых единиц Красного Балтийского флота были не только у англичан, но и у поднявшейся на ноги, благодаря помощи английского империализма, эстонской буржуазии.

Командующим эстонским флотом И. Питка был выработан план операций эстонского флота и приданных ему сухопутных частей (ингерманландцы, скауты, партизанские отряды). Этот план, заключавшийся в высадке десанта в Копорском заливе, в тылу Красной армии, с целью занятия форта Краснофлотского и дальнейшего артиллерийского обстрела Кронштадта орудиями этого форта, был утвержден эстонским главнокомандующим генералом И. Я. Лайдонером. Последний настаивал только на том, чтобы этот план проводился одновременно с переходом в наступление Северо-западной армии. Питка был принципиальным противником оказания помощи Северо-западной армии и преследовал своим планом интересы национальной буржуазии. После получения санкции от генерала Лайдонера Питка стал мечтать о захвате Кронштадта до прибытия туда Северо-западной армии. В своих воспоминаниях он говорит:

«Если бы силами Северо-западной белогвардейской армии удалось завладеть Петроградом и в ее руках очутился бы флот, то через несколько недель этот флот появился бы под андреевским флагом под Ревелем, чтобы вновь превратить последний из столицы Эстонской республики в губернский город России» [1].

Нельзя отказать в проницательности Питка в отношении будущих действий «воссоздаваемой» контр-революцией на всех фронтах «единой» России. Национальный вопрос явился лезвием для русской контр-революции, на котором она собственноручно разрезала свой организм на части и поочередно подставляла их под удары Красной армии.

Сговорившись с командующим отрядом английских судов адмиралом В. Кованом о содействии английских судов и аэропланов, Питка с 10 октября приступил к подготовке операции.

---

[1] «Гражданская война. — Боевые действия на морях, речных и озерных системах», т. 2, часть 1-я — «Балтийский флот 1918—1919 гг.», Ленинград, 1926 г., стр., 195.

С 12 октября уже начались активные действия эстонского и английского флотов; встретив бдительность советских фортов, а на суше — красноармейских частей, наиболее серьезные попытки англо-эстонцев были обречены на неудачу.

Однако, положение в прибрежном районе создалось чрезвычайно напряженное, усугублявшееся к тому же все развивавшимися успехами Северо-западной армии. Главной защите Кронштадта — форту Краснофлотскому угрожала серьезная опасность. Наспех сформированные и брошенные сюда отряды матросов должны были, за неимением других сил, взять на себя защиту южного побережья Финского залива.

Действовавшие с моря англо-эстонцы, воспользовавшись уничтожением советскими войсками, при их паническом отступлении, береговых батарей в Систо-Палкино и в Устье, безнаказанно для себя приближались на миноносцах к берегу и, скрываясь за мысом «Долгий нос», открывали огонь. Не имея возможности определить место стрельбы неприятельской артиллерии, орудийный обстрел со стороны красных не достигал своей цели.

В силу этого и из-за недостатка сил прибрежная полоса только оборонялась, не имея возможности нанести решительный удар по численно также слабым отрядам Северо-западной армии.

В ночь с 17 на 18 октября белогвардейцы повели первую атаку на передовые позиции форта Серая лошадь. Гарнизон форта, насчитывавший около 250 чел., представлял собою крепко сколоченную, преданную советской власти боевую единицу. Не взирая на близость противника и обстрел форта сильным артиллерийским огнем с суши и с моря, защитники Серой лошади решили до последней минуты отбивать атаки врага и не сдавать доверенный им Советской республикой маленький угрюмый форт. Героизм маленького отряда являлся одним из немногих светлых пятен на общем фоне неблагополучия воинских частей 7-й армии. 21 октября этот форт самим гарнизоном его был переименован в форт — Передовой.

Форт Серая лошадь так и оставался передовым прибрежным советским узлом обороны в течение всего второго белогвардейского наступления на Петроград.

Частые налеты английских и финских аэропланов не причиняли большого вреда и разрушения. Вынужденные держать большую высоту, дабы не быть сраженными артиллерией фортов, самолеты противника своими бомбами вырывали из рядов

красных бойцов и мирного населения отдельные жертвы и затем скрывались обратно.

С приближением противника к предместьям Петрограда было решено использовать линейный корабль «Севастополь», стоявший в Петрограде, — для обстрела из 12-дюймовых орудий занятых Северо-западной армией участков. 20 октября в течение получаса «Севастополь», стоя у Гутуевского острова, обстреливал трехорудийными залпами район Красного села. 21 октября велся обстрел района Красного села — Павловска — Большое Пикко. Артиллерийский обстрел велся еще постановленными у устья дамбы Морского канала — эскадренными миноносцами «Всадник» и «Гайдамак».

Наступление кризиса операций заставило командование Красного Балтийского флота дать активные боевые задания судам флота. В виду острого кризиса с топливом и неудовлетворительного технического состояния подводных лодок, было решено ограничиться постановкой минного заграждения в Копорском заливе с целью помешать неприятелю подойти к восточному побережью залива.

В докладе Революционного военного совета Балтийского флота по этому поводу говорилось, что он,

...решаясь на производство этой операции, вполне отдавал себе отчет в рискованности и трудности ее выполнения, но обстановка, сложившаяся в это время на подступах к Петрограду и острый кризис боев, разрешения которых в благоприятную сторону совершенно нельзя было предсказать, требовали решительных действий, которые бы способствовали интенсивным операциям на Красногорском участке. Это необходимо было для облегчения положения наших войск, действовавших на важнейшем Петроградском участке» [1].

Как жестоко в то время ошибался весь состав Реввоенсовета Балтийского флота, насколько далеки были члены Совета от действительного положения вещей на подчиненных им судах флота!

Для операции были назначены четыре эскадренных миноносца типа «Новик», — «Гавриил», «Свобода», «Константин» и «Азард», которые в ночь с 20 на 21 октября, в 2 часа, снялись

---

[1] «Гражданская война. — Боевые действия на морях, речных и озерных системах», т. 2, ч. 1-я — «Балтийский флот 1918-1919 гг.», Л., 1926 г., стр. 198.

Разрядка наша.

с якоря с Большого Кронштадтского рейда и прошли в море. При походе соблюдались все меры предосторожности и миноносцы шли с затемненными кильватерными огнями. В глубине Копорского залива с миноносцев был замечен луч прожектора, светивший в продолжении пяти минут.

«Миноносцы, тяжело качаясь от высокого груза, шли все дальше в непроглядную тьму. Повернули на последний курс. Ветер со свистом задувал в снастях и проносил мелкий, но частый дождь, слепивший глаза. Друг друга мы уже не видели и только чутьем удерживали строй. Счисление пути показало близкое место начала операции. Вокруг мелькали неопределенные огни, говорившие о близости противника. На «Азарде» отдавалась предварительная команда о постановке мин. Ему, как концевому, приходилось ставить первому», — так описывает этот поход эскадренных миноносцев командовавший в то время «Азардом» Н. Н. Несвицкий [1].

Однако, выполнить задачу эскадренные миноносцы не смогли. Все они одновременно вошли в опасную зону, попав на густое минное поле противника.

В 5 часов 48 минут 21 октября, около параллели мыса «Долгий нос», взорвался первым эскадренный миноносец «Гавриил», а через непродолжительное время раздался взрыв на «Константине» и «Свободе». Миноносец «Азард», давший после первого взрыва задний ход, благодаря дальнейшему умелому маневрированию командира, прошел вдоль самой кромки минного заграждения и, не имея никакой возможности оказать помощь тонувшим командам взорвавшихся эскадренных миноносцев, к 8 часам 15 минутам вернулся в Кронштадтскую гавань.

«Гавриил» тонул около 20 минут, «Свобода» — около 15. Взрыв на «Константине» был исключительной силы, — миноносец переломился и быстро пошел ко дну.

Когда «Азард» пошел обратным курсом, то в середине Копорского залива им был замечен огневой факел из дымовой трубы неизвестного судна. Затем, по показанию командира «Азарда» Н. Н. Несвицкого, с мостика «Азарда» был замечен «быстро промчавшийся под кормой темный силуэт, блеснувший факелом пламени. Силуэт, несомненно принадлежал противнику».

Команды взорвавшихся эскадренных миноносцев погибли, тела их потом морской волной выбрасывало на берег Финского

---

1. «Красный флот», № 8, Л., 1925 г., статья Н. Несвицкого — «В боях против английского флота».

залива. На советском берегу они были подобраны и, затем, похоронены в братской могиле на форту Краснофлотском.

Спаслись с «Гавриила» только 19 человек, со «Свободы» — 6 человек; они на шлюпках к 10 часам утра 21 октября подошли попутной волной к советскому берегу.

Гибель трех миноносцев нанесла большой удар Балтийскому флоту. Для выяснения всех причин гибели их была создана специальная следственная комиссия, которая, по ознакомлении с делом, пришла к выводу, что гибель миноносцев «представляла вообще неизбежное явление войны» и что «командный состав погибших миноносцев принял все зависящие от него меры к спасению своих кораблей и личного состава, не заботясь совершенно о своем собственном спасении» [1].

Найденные материалы проливают новый свет на гибель этих трех миноносцев и дают право со всей определенностью констатировать неудовлетворительное ведение разбора дела следственной комиссией.

Получив от спасшихся матросов сведения о том, что тонувшие в бушующем море команды взорвавшихся миноносцев кричали «ура», у комиссии установился взгляд на абсолютную преданность Советской власти команд «Гавриила», «Свободы» и «Константина» и полное убеждение в том, что командный состав честно выполнял оперативный приказ Реввоенсовета Балтийского флота.

Эта ужасная катастрофа, постигшая Балтийский флот в самый напряженный период борьбы за Петроград, вызывала в свое время целый ряд догадок, но, за отсутствием конкретных данных, с течением времени стала покрываться дымкой давнего печального прошлого.

В печатном периодическом органе Управления военно-морских сил РККА — журнале «Красный флот» (№ 5 за 1926 год) было помещено стихотворение Н. Иванова — „«Гавриил», «Константин» и «Свобода»", в котором, между прочим, говорится:

...«Поэтому ли, потому ли...
Не все-ль равно, не спрашивай причин,
Они во мраке ночи потонули,
Нырнув во мрак бесившихся пучин».

---

[1] «Гражданская война. — Боевые действия на морях, речных и озерных системах», т. 2, часть 1-я, М., 1926 г., стр. 201.

Однако, все обстоятельства гибели миноносцев, зафиксированные в протоколах следственной комиссии, должны быть дополнены новыми сведениями, изобличающими предательскую роль некоторой части командного состава миноносцев.

В середине октября 1919 г. в Выборг прибыло предложение от группы морских офицеров, служивших в Балтийском флоте, сдать белым четыре эскадренных миноносца типа «Новик». В этом предложении точно указывалось, когда, где и как пройдут эти миноносцы из Кронштадта на разведку, и предлагалось английской эскадре не чинить никаких препятствий к выходу их в море, а, затем, выставить в узком проходе между минными полями английский монитор, который должен был преградить обратный путь в Кронштадт миноносцам. Этот план попал в руки к начальнику русского разведывательного пункта в Выборге Юриссону, который, затем, по сходной цене перепродал этот план англичанам. Дальнейшая судьба документа белых заговорщиков не известна [1].

Вышедшие в ночь на 21 октября в Копорский залив четыре миноносца, действительно, несмотря на мелькавшие кругом огоньки, подтверждавшие близость судов англо-эстонцев, и светящийся луч прожектора, на своем пути не встречали никаких препятствий, пока не взорвались на минном поле, выставленном английской эскадрой.

Виденный с «Азарда», при его обратном возвращении, в середине Копорского залива «огневой факел из дымовой трубы неизвестного судна», и промчавшийся затем под кормой «Азарда» «темный силуэт», блеснувший «факелом пламени», принадлежавший, «несомненно», противнику, дают все основания предполагать, что англичане были недалеки от практического осуществления предложения работавших в Балтийском флоте белых заговорщиков.

Только случайная, не предусмотренная, очевидно, и самими англичанами, катастрофа трех миноносцев не дала возможности им осуществить план их пленения.

С другой стороны, явно беспечное поведение командного состава эскадренных миноносцев в походе, приведшее к катастрофе, повидимому, обусловливалось абсолютной уверенностью командного состава в целом или, по крайней мере, части его

[1] АЛОИ, особая папка.

XVIII

в легкости выполнения плана измены. Поэтому, «случайность», с этой стороны, явилась вполне закономерным и объяснимым явлением, так как предполагать полную неосведомленность штаба Балтийского флота и командиров миноносцев в отношении действий враждебной эскадры и района выставленного ею минного поля—нет никаких серьезных и заслуживающих внимания данных.

Отсюда будет вполне правильным такой вывод, который в действиях командного состава погибших эскадренных миноносцев будет находить не столько выполнение оперативного приказа Реввоенсовета Балтийского флота, сколько использование представившейся возможности привести в исполнение план белых заговорщиков.

Понадобилась гибель миноносцев для того, чтобы предупредить реализацию плана измены, которая не могла не найти соответствующей почвы среди командного состава вышедших в Копорский залив миноносцев. Иначе нельзя объяснить такой нелепой катастрофы, именуемой в протоколе следственной комиссии «неизбежным явлением войны», так как командный состав миноносцев всем своим поведением в процессе похода подчеркивал наличие каких то особых, обнадеживающих его и недопускающих никаких опасений, моментов. «Неизбежность» катастрофы, таким образом, была предопределена самим поведением командного состава миноносцев, который в своей надежде на беспрепятственное выполнение задачи, только не советско-оперативной, а своей, изменнической, не допускал даже и мысли о столь печальном конце.

Одновременно с этим представляется совершенно необходимым отметить роль команд погибших миноносцев, которые в своей массе являлись преданными делу революции и явились жертвой подготовлявшейся измены. В противном случае, не было бы никакой необходимости для заговорщиков прибегать (по плану) к услугам английского монитора, который должен был бы, став на узком проходе между минными полями, создать действительную угрозу и побудить команды миноносцев к капитуляции.

Итак, гибель советских миноносцев есть результат преступного служебного отношения их командного состава, беспечное поведение которого было, в свою очередь, следствием прямого или косвенного участия его в контр-революционных организациях.

Тяжелый удар, перенесенный Красным Балтийском флотом и всеми трудящимися Советской республики, вызвал ропот и негодование даже в стане русских эмигрантов в Финляндии, среди которых с этого момента стала усиливаться партия, требовавшая невмешательства в русские дела иностранцев.

Чувство русского патриота заговорило среди эмигрантов, которые лелеяли надежду на скорое восстановление великой России, нуждавшейся в своем собственном сильном морском флоте. Попытки англичан ликвидировать Красный Балтийский флот воспринимались русскими эмигрантами, как покушение вообще на русский флот. Налет английских катеров на Кронштадт в ночь на 18 августа, как и потопление одним из них в свое время крейсера «Олег», вызвали аналогичные серьезные опасения русских эмигрантов. Не гибель судов Балтийского флота, а их пленение с дальнейшей передачей их в руки Юденича — вот, что соответствовало желаниям русской эмиграции и белогвардейщины.

ГЛАВА 10[1].

РАБОТА В БЛИЖАЙШЕМ ТЫЛУ. — ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОГО СОВЕТА ПЕТРОГРАДСКОГО УКРЕПЛЕННОГО РАЙОНА. — ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б). — ПИСЬМО ЛЕНИНА. — ЗАСЕДАНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ПЕТРОГРАДСКОГО УКРЕПЛЕННОГО РАЙОНА ОТ 17 ОКТЯБРЯ. — ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ОБОРОНЫ ПЕТРОГРАДА. — ЗАСЕДАНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА ОТ 19 ОКТЯБРЯ. — ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА ВНУТРЕННЕЙ ОБОРОНЫ ПЕТРОГРАДА ОТ 21 ОКТЯБРЯ. — РУКОВОДЯЩИЕ ДИРЕКТИВЫ НАЧАЛЬНИКА ВНУТРЕННЕЙ ОБОРОНЫ ПЕТРОГРАДА. — ПЛАН ВНУТРЕННЕЙ ОБОРОНЫ ПЕТРОГРАДА.

Неустойчивость полевых частей Красной армии поставила в порядок дня принятие срочных, энергичных мер по обороне Петрограда изнутри. В случае невозможности остановить рвущуюся вперед Северо-западную армию на подступах к Петрограду, было решено дать бой в кварталах самого города. Поставленная советскому командованию задача, таким образом, состояла из двух основных частей: первая заключалась во всемерном укреплении частей 7-й армии и решении участи противника на фронте, вторая предусматривала необходимость мобилизации всех внутренних ресурсов крупного промышленного и политического центра и такой организации внутренней обороны его, которая должна была бы выполнить задачу по разгрому всех сил белогвардейской армии на улицах самого города. Укрепление подступов к Петрограду в виде фортификационных сооружений, производившееся в течение всего лета 1919 г., несколько, затем, усиленное к осени, в общем, не дало положительных результатов, так как отступавшие части 7-й армии не в состоянии были на них задержаться. Поэтому план внутренней обороны Петрограда предусматривал также и серьезные инженерные работы по укреплению районов города.

[1] См. в приложениях карту № 5.

Все эти ставшие на очередь, чрезвычайной важности и срочности, вопросы являлись заботой ранее созданного Военного совета (Комитета обороны) Петроградского укрепленного района.

Деятельность Военного совета характеризуется тем количеством разнообразнейших вопросов, которые подлежали разрешению на заседаниях Совета. В этом отношении представляется следующая картина поставленных и разрешенных им вопросов в октябре 1919 г.:

Дата заседаний Военного совета	Количество вопросов на повестке дня	Дата заседаний Военного совета	Количество вопросов на повестке дня
6 октября . . .	18	13 октября . . .	20
9 »	15	17 » . . .	32
11 » экстренное заседание)	3	21 » . . .	12
		27 »	16

13 октября 1919 г. Военный совет Петроградского укрепленного района на своем заседании в присутствии Г. Е. Зиновьева, В. И. Зофа, Д. Н. Аврова и П. П. Исакова постановил: усилить осадное положение в Петрограде; проверить личный состав служащих железнодорожных станций сменив ненадежный элемент; сорганизовать сводный отряд милиционеров и перевести его на боевое положение; мобилизовать в трехдневный срок всех рабочих, прошедших курс всеобуча; произвести в течение ближайших трех дней две пробных мобилизации всех боеспособных коммунистов. Тогда же было решено поручить Петроградскому окружному военному комиссариату (Окрвоенкомпету) приступить к срочному формированию бригады и артиллерийского дивизиона; передать в распоряжение коменданта Петрукррайона 12 трехдюймовых орудий с полным оборудованием и т. д. В Петергофе, Лигове, Гатчине, Тосне, Колпине и Детском селе должны были образоваться немедленно ревкомы в составе представителей партийного комитета, исполкома и военкомата. Во всех советских учреждениях работа должна была итти полным ходом и таким образом, чтобы во всякое время можно было получить там любую справку.

В связи с положением на Петроградском фронте Военный совет решил обратиться к пяти губерниям за помощью.

Некоторые решения Военного совета, в том числе и последнее, были выполнены только по прошествии нескольких дней.

14 октября 1919 г. В. И. Ленин телеграфировал Г. Е. Зиновьеву в Петроград:

«Ясно, что наступление белых есть маневр, чтобы отвлечь наш натиск на юге. Отбейте врагов, ударьте на Ямбург и Гдов. Проведите мобилизацию работников на фронт. Упраздните девять-десятых отделов. Мобилизация всех сил на фронт у нас еще нигде не проводилась, хотя много писалось о том, есть и постановление Центрального комитета и циркулярные письма. Надо успеть их прогнать, чтобы вы могли опять оказывать свою помощь югу» [1].

Общее военное положение Республики заставило Политическое бюро ЦК РКП (б) поставить на повестку дня своего заседания 15 октября 1919 г. вопрос о положении на фронтах. На этом заседании, где рассматривалось также положение и Петроградского фронта, присутствовали В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский и Л. П. Серебряков.

Политбюро ЦК Российской коммунистической партии (большевиков) на этом заседании, «признавая наличность самой грозной военной опасности», постановило «добиться действительного превращения Советской России в военный лагерь», для чего выработало целый ряд конкретных мероприятий, вытекавших из общего положения Республики. Перейдя к оценке положения на Петроградском фронте Политбюро постановило:

«Петрограда не сдавать. Снять с Беломорского фронта максимальное количество людей для обороны Петроградского района. Помочь Петрограду посылкой некоторого количества кавалерии. Вопрос о Северном и Западном фронтах рассматривать лишь под углом зрения безопасности Московско-Тульского района в первую очередь, Петрограда — во вторую очередь... Предложить Троцкому, после проведения в Реввоенсовете срочных мер, съездить на сутки в Петроград» [2].

15 октября, во исполнение постановления Военного совета Петроградского укрепленного района от 13 октября, был

[1] «Красная газета», № 233 от 15 октября 1919 г.
Разрядка наша.

[2] АЛОИ, связка № 28, дело № 10.
Разрядка наша.

опубликован приказ за подписью коменданта Петроградского укрепленного района Д. Н. Аврова, члена Военного совета П. П. Исакова и начальника гражданского отдела М. А. Ческиса об усилении осадного положения в Петрограде. Согласно этого приказа было запрещено всякое свободное движение по улицам города после 20 часов, театры и кинематографы закрывались, прекращалась частная торговля кафэ, квасных, фруктовых, устанавливалась проверка в течение всех суток автомобилей, мотоциклетов, экипажей, все частные абоненты лишались возможности пользоваться телефонной сетью.

В тот же день Петроградский совет на своем заседании обратился с воззванием к рабочим, красноармейцам и матросам, в котором призывал всех встать на защиту родного города, помочь Красной армии отбросить белогвардейские части от Петрограда и быть готовыми по первому зову стать под ружье.

На заседании Петроградского совета выступивший с докладом Г. Е. Зиновьев отметил чрезвычайную серьезность положения на ближайшем фронте, говорил о необходимости той же ночью перевести всех рабочих и работниц на военное положение, немедленно приступить к организации рабочих профсоюзных отрядов. Указав, что поводов для паники нет, но есть повод для тревоги, Г. Е. Зиновьев убеждал членов Петроградского совета в чрезвычайной малочисленности сил Северо-западной армии, уступавшей по своему составу силам Северного корпуса белых при его первом наступлении на Петроград, — и в том, что противник слаб также и техническими средствами, что белые не располагают ни танками, ни бронемашинами. Выступавший затем П. Л. Пахомов, подтвердивший основные положения Зиновьева о слабости противника, со стороны которого, якобы, наступают только разведчики, сказал:

«Нет значительных сил у противника, чтобы заставить нас серьезно беспокоиться, чтобы, действительно, поставить перед нами диллему: либо отстоять Петроград, либо умереть» [1].

Оратор, возлагая надежды на укрепленные еще в годы империалистической войны позиции, на которых он полагал возможным задержать полевые части Красной армии, обращался к Петроградскому совету с предложением послать на фронт за

[1] «Борьба за Петроград», Гос. изд., П., 1920 г., стр. 176.

Гатчину и Красное село возможно большее количество бойцов, дабы противник не мог продвинуться дальше.

Вопрос об организации в Петрограде внутренней обороны на этом заседании Петроградского совета не поднимался. Считалась только весьма необходимой срочная посылка сил для укрепления действовавших на фронте частей 7-й армии.

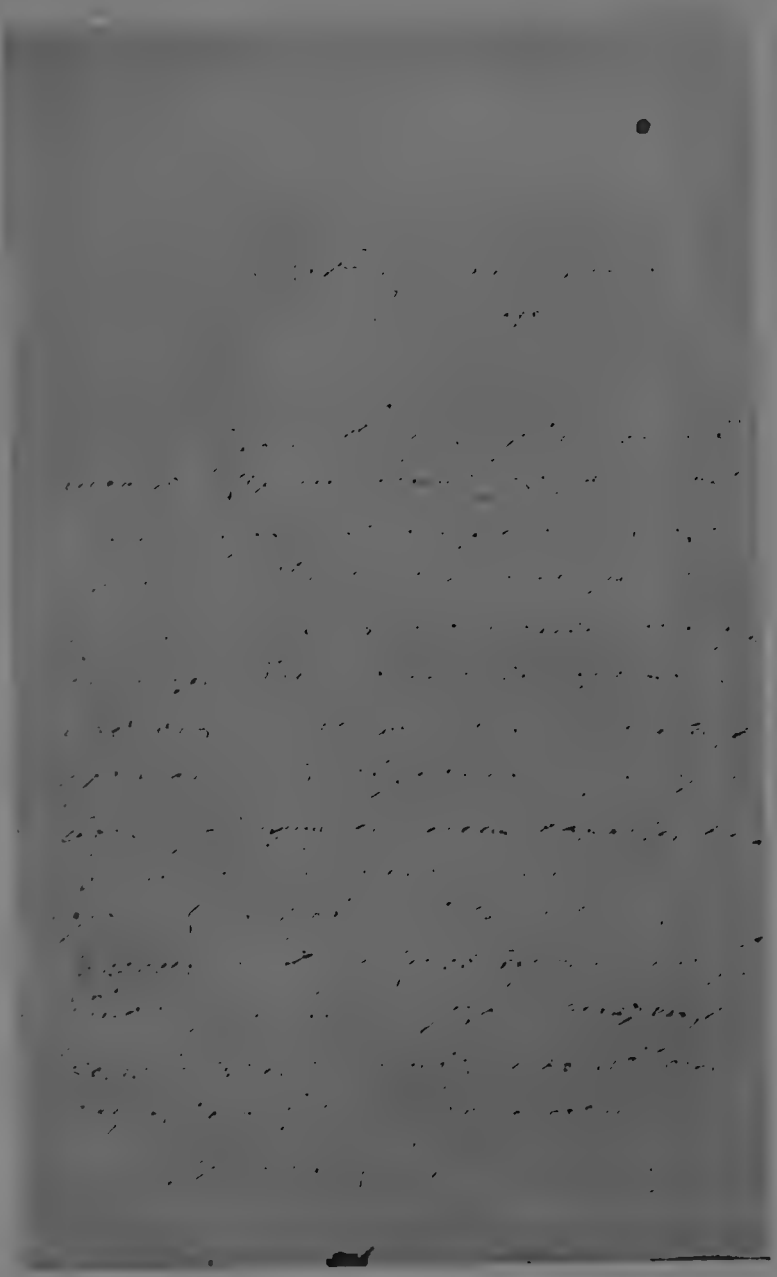
Наряду с этим не отдавалось ясного отчета о действительных силах белой Северо-западной армии, которые не дооценивались. Ссылка на то, что, по мнению многих работников фронта, количество белых бойцов, наступавших на Петроград, было меньше, чем при первом наступлении, совершенно не соответствовала действительному ходу событий. Относительная слабость Северо-западной армии в октябре 1919 г. превосходила, однако, больше чем в четыре раза абсолютную численность Северного корпуса в мае того же года. Техническое обеспечение второго наступления белых на Петроград также коренным образом, в лучшую для противника сторону, разнилось от летнего периода боев на Петроградском фронте. В отношении же боевых действий белофиннов и бело-эстонцев против Советской России необходимо сказать, что эта помощь со стороны, вообще, была на лицо осенью 1919 г., а несколько меньший ее масштаб, по сравнению с летом 1919 г., компенсировался боевыми операциями судов находившейся в Финском заливе английской эскадры.

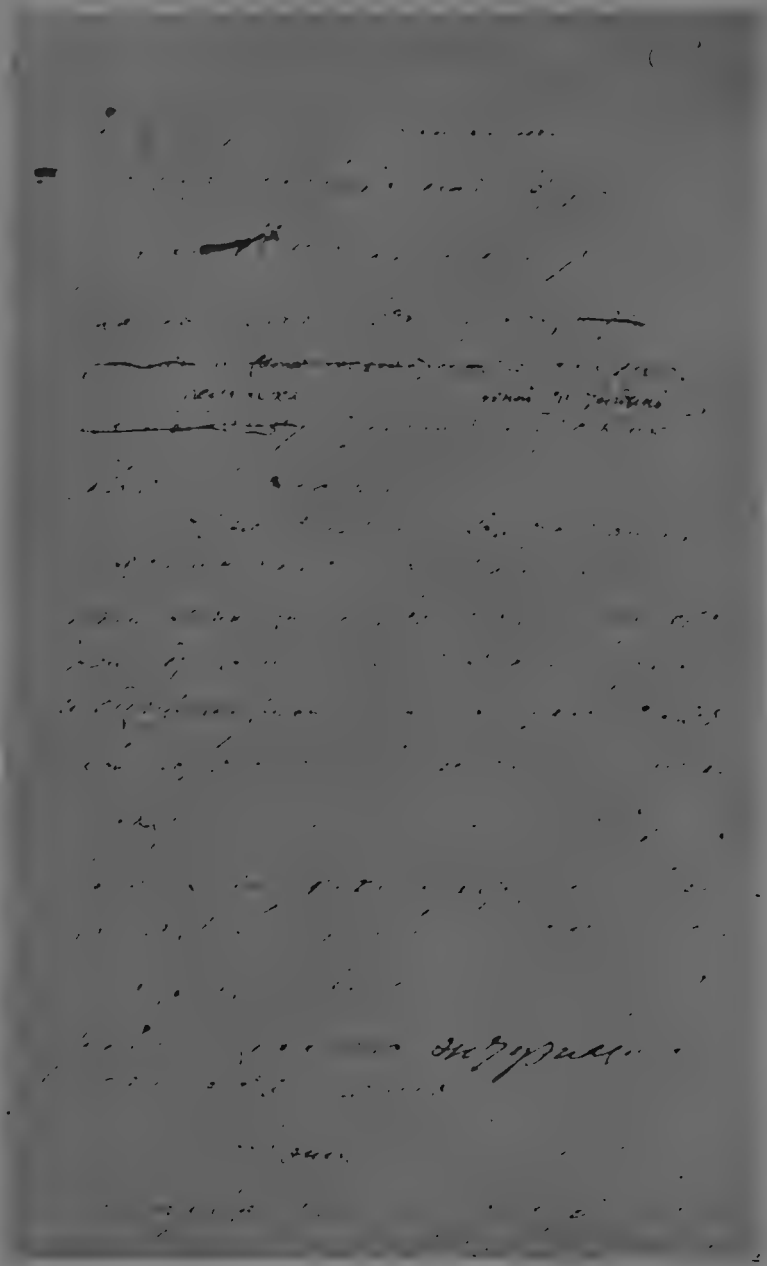
Этот, далекий от действительности, вывод о численности сил противника и о его необеспеченности техническими средствами нашел также место в изданном 16 октября за подписью председателя Петроградского совета воззвании к «красноармейцам, командирам». Там говорилось:

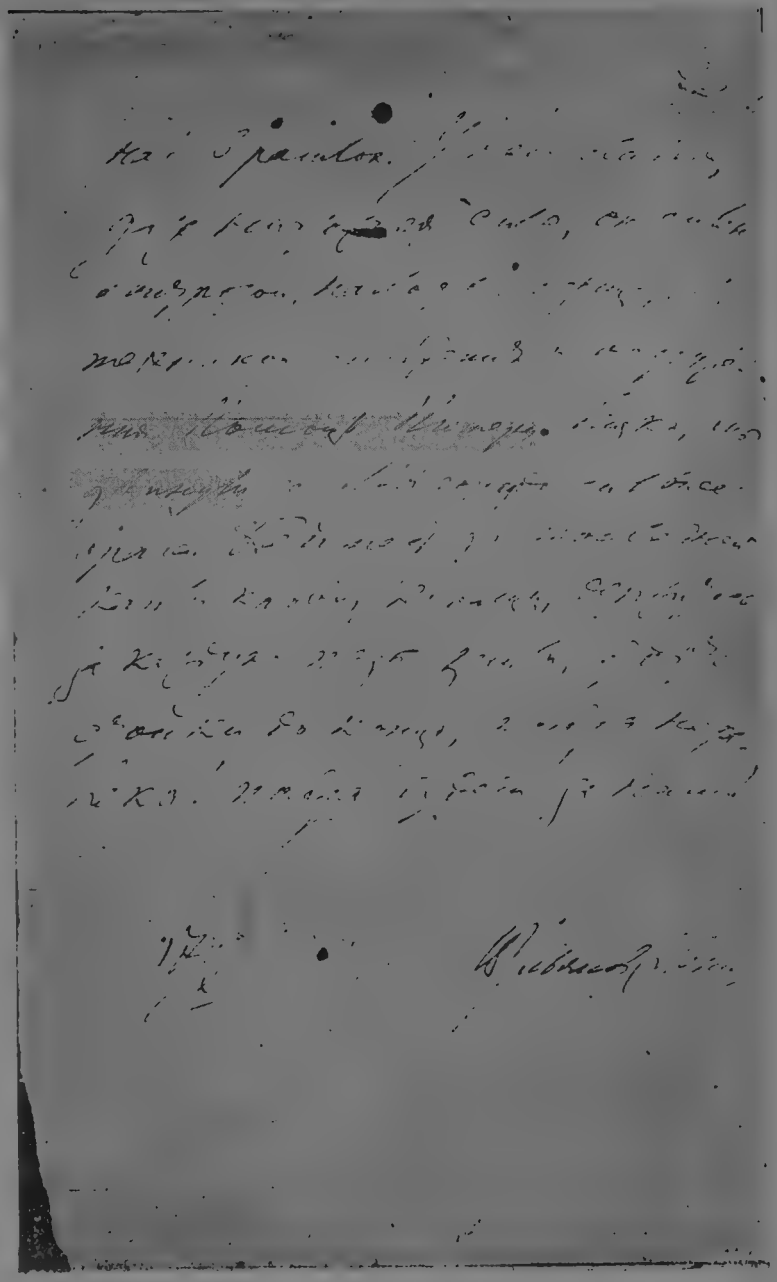
«Опомнитесь! Перед кем вы отступаете? У белых банд никаких серьезных сил нет. Число их в пятьдесят раз меньше, чем ваше число. У белых нет артиллерии. У белых нет тыла. У белых нет войска. У белых нет бронепоездов. Пресловутые танки белых существуют только в воображении дураков. Белые банды берут вас только на испуг»... [1]

За исключением указания на отсутствие у белых тыла, все остальное явилось плодом недооценки нависшей над Петроградом серьезной опасности и переоценки в действительности имевшего место панического отступления частей Красной армии в силу только их «пугливого» состояния.

[1] «Борьба за Петроград», Гос. изд., П., 1920 г., стр. 180.







Не трудно судить, насколько такой метод укрепления боеспособности красноармейских частей соответствовал действительному, практическому своему назначению.

Северо-западная армия, прорвав фронт советских войск у Ямбурга, одерживала ряд тактических побед над частями 7-й армии, в конечном итоге принявших характер стратегического успеха противника, применительно к территориально незначительному Петроградскому району. Отступление советских войск на Петроградском фронте было обусловлено не только внутренним их состоянием, но было вызвано, с другой стороны, и удачным маневрированием лучших, отборных воинских частей Северо-западной армии.

Для укрепления красноармейских частей Петроградского фронта, как и при ведении военных действий вообще, необходимо было показывать бойцам истинное лицо врага, а не зарисовывать его в таких тонах, ложность которых обнаруживалась бойцами при очередных боевых столкновениях с противником. Успех Северо-западной армии, продолжавшийся после выхода в свет вышеуказанного воззвания председателя Петроградского совета еще в течение пяти суток, говорит о том, что образ противника давался в искаженном виде.

Совершенно иначе и абсолютно правильно давалась оценка серьезного положения на Петроградском фронте В. И. Лениным, который 17 октября 1919 г. обратился «К рабочим и красноармейцам Петрограда» со следующим письмом:

«Товарищи! Наступил решительный момент.

Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки. Еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять Красный Питер. Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире, напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения отчасти объясняет быстрые успехи врага. Взяты Красное село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом.

Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза повисла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь Советской власти в России.

Мне незачем говорить петроградским рабочим и красноармейцам об их долге. Вся история двухлетней, беспримерной по трудностям и беспримерной по победам, советской борьбы с буржуазией всего мира

показала нам со стороны питерских рабочих не только образец исполнения долга, но и образец высочайшего героизма, невиданного в мире, революционного энтузиазма и самоотвержения.

Товарищи! Решается судьба Петрограда. Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротою, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека. Победа будет за нами!

В. Ульянов (Ленин)» [1].

Это ленинское обращение, подчеркивая вообще малочисленность противника, указывало одновременно и на то, что он (противник) силен быстротою, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения.

Во исполнение постановления Политбюро ЦК РКП(б), в Петроград 17 октября прибыл председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий, в присутствии которого состоялось заседание Военного совета (Комитета обороны) Петроградского укрепленного района. На этом чрезвычайно важном заседании, послужившем началом серьезной организации внутренней обороны Петрограда, присутствовали: Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, А. А. Иоффе, С. С. Зорин, В. И. Зоф, П. П. Исаков, Д. Н. Авров, Г. Е. Евдокимов и П. Л. Пахомов.

Повестка дня этого заседания состояла из 32 вопросов — об общих задачах, о назначениях в связи с новыми задачами, об обращении к пяти северным губерниям о присылке помощи Петрограду, о вооружении, о создании штаба внутренней обороны Петрограда, о взаимоотношениях начальника внутренней обороны Петрограда и Реввоенсовета 7-й армии, об охране вокзалов, о военных ресурсах Петрограда, об инженерной и артиллерийской обороне, об авиации, о продовольствии, о фабриках и заводах, и т. д., и т. п.

По первому вопросу была принята следующая, предложенная председателем Реввоенсовета РСФСР, резолюция, ставившая по новому очередные задачи обороны Петрограда:

«В виду тяжелого положения на Петроградском фронте, Военный совет считает необходимым, наряду с самыми энергичными мерами

---

[1] «Борьба за Петроград», Гос. изд., П., 1920 г., стр. 195. Разрядка наша.

которые принимаются для поднятия боеспособности Н-ской [7-й] армии и для привлечения на фронт новых боеспособных частей, принять немедленно меры, которые могли бы создать возможность успешной внутренней обороны Петрограда в случае, если бы белогвардейцам удалось проникнуть в его стены.

С этой целью петроградская организация [РКП6] немедленно приступает к организации внутренней обороны. Во главе внутренней обороны становится начальник внутренней обороны.

В районах учреждаются районные начальники внутренней обороны.

Районы разбиваются на секторы в зависимости от тактических соображений со своими начальниками обороны каждого сектора.

Из среды рабочих и работниц Петрограда выделяются дружины команды и отряды, которым ставится цель — под общим централизованным руководством встретить огнем и мечом белогвардейцев на улицах и площадях Петрограда.

Такие дружины вооружаются винтовками, наганами, ручными гранатами, пулеметами и располагаются в узловых пунктах обороны в соответствии с организацией инженерной обороны (проволочные заграждения). Вся оборона строится на тесной связи рабочих и работниц с условиями и обстановкой районов и кварталов. Помимо отдельных мелких отрядов создается главный резерв и районные резервы в распоряжении соответственных начальников внутренней обороны. Организуются аппараты связи, общегородской и районный, разведка, авиосвязь, перевозочные средства, санитарная часть и т. п.

Если даже белогвардейцы прорвутся в город, то они окажутся в чуждой им обстановке и вынуждены будут разбиться на отдельные группы, их положение станет гибельным при условии боевой организации внутренней обороны. Условием успешной обороны является железная дисциплина и беспощадная расправа над всеми теми, кто прямо или косвенно подрывает интересы внутренней обороны. Борьба с дезертирами, шкурниками, распространителями панических слухов является обязанностью всех учреждений, организаций и отдельных работников» [1].

Право окончательного решения всех вопросов относительно внутренней обороны города было оставлено за Реввоенсоветом 7-й армии, которому начальник внутренней обороны Петрограда подчинялся в оперативном отношении.

Все силы и средства Петрограда и всего военного округа с предварительного разрешения Реввоенсовета 7-й армии переходили в распоряжение начальника внутренней обороны; последнему было поручено заранее ознакомить все части гарнизона Петрограда с тактикой уличного боя.

Военный совет поручил начальнику внутренней обороны также составление плана инженерной и артиллерийской обороны

[1] АЛОИ, связка № 18; «Борьба за Петроград» Гос. изд., 1920 г., стр. 181, 182; «Гражданская война», 1928 г., т. 1, стр. 273.

Петрограда, очистку города от нежелательных элементов, учет всех отрядов и воинских сил, укрепление Смольного, выставление застав, снабжение районов картографическим материалом и т. д.

На обязанности штаба внутренней обороны гор. Петрограда лежало: 1) выяснение, насколько особо важные, государственного значения, сооружения подготовлены к взрыву на случай возможного падения Петрограда, что должно было приводиться в исполнение только по специальному приказанию командования 7-й армии; 2) создание общегородской и районных автобаз; 3) разработка плана использования ловучих средств; 4) организация внутренней связи по районам таким образом, чтобы каждый район был технически независим от центра; 5) использование, в связи с общим планом обороны, отряда особого назначения.

На обязанности организуемой при штабе внутренней обороны санитарной части лежала забота о своевременной эвакуации всех больных и раненых, руководство организацией санитарных отрядов по районам и т. п.

Петроградский комиссариат продовольствия обязывался поставить на колеса и вывезти для нужд 7-й армии часть продовольственного груза, остальное по особому распоряжению должно было быть роздано населению.

Часть фабрично-заводских предприятий обязана была продолжать работу, на другой же части предприятий, в связи с мобилизацией, работа временно приостанавливалась.

При штабе внутренней обороны Петрограда и районных штабах создавались трибуналы.

Все районы обязаны были того же 17 октября, в 14 часов, организовать через фабрично-заводские комитеты общие собрания рабочих для заслушания докладов о положении на фронте и принятых Военным советом решениях [1].

На основании всех этих принятых решений и во имя их немедленного исполнения и претворения в жизнь, заработали, получив мощный приток свежей силы, все военные и гражданские учреждения Петрограда. Беспрерывно отдавались устные распоряжения и приказания, письменные приказы, назначались ответственные работники на целый ряд должностей, создавались комиссии и группы со всякими специальными за-

[1] АЛОИ, связка № 18.

даниями, привлекалось все то, что в какой-либо степени могло быть использовано в деле подготовки сопротивления стоявшему в непосредственной близости врагу.

17 октября было опубликовано обязательное постановление комиссариата по военным делам гор. Петрограда и губернии о мобилизации рабочих города, родившихся с 1879 по 1901 г.г. Срок явки мобилизованных совпадал с днем опубликования приказа [1].

Того же числа был издан и первый приказ по войскам внутренней обороны гор. Петрограда. Этим приказом устанавливался штат районных управлений и штабов внутренней обороны; районное управление внутренней обороны составлялось из начальника внутренней обороны района, двух его помощников и двух сотрудников для поручений; штаб внутренней обороны района должен был состоять из начальника штаба, двух его помощников, из которых один работал по оперативной, а другой — по административной частям, руководителя инженерной обороны, начальника артиллерии, начальника санитарной части, начальника связи и начальника авто-связи. Всего в управлении и в штабе внутренней обороны каждого района было установлено, таким образом, 13 штатных единиц.

Количество районных штабов внутренней обороны должно было соответствовать установленному в Петрограде районному партийному подразделению — 11.

На обязанности каждого начальника обороны района в первую очередь ложилось формирование отряда с командой пулеметчиков и разведчиков, который должен был являться районным резервом и комплектоваться рабочими из подлежавших закрытию фабрично-заводских предприятий, не включая сюда тех, кто призывался в Красную армию распоряжением Петроградского губернского комиссариата по военным делам. Кроме этого, должны были организовываться отряды на всех фабриках и заводах гор. Петрограда.

Эти районные формирования являлись исключительной заботой самих районов, которые обязывались принять все меры к размещению и довольствию отрядов, исходя из средств своего района. Начальники внутренней обороны наделялись полномочиями по использованию всех возможностей для быстрой и успешной организации отрядов.

---

[1] «Петроградская правда», № 235 от 17 октября 1919 г.

Помимо этого, районные начальники обороны должны были немедленно приступить к учету вооружения, всего имевшихся в пределах района авто-вело-мото-технического имущества и горючего и смазочного веществ.

Донесения о ходе всех работ по укреплению районов должны были посылаться ежедневно к 21 часу в Штаб внутренней обороны Петрограда.

Начальнику артиллерии внутренней обороны Петрограда было предписано немедленно приступить к выработке плана артиллерийской обороны, а начальнику инженеров внутренней обороны — выработать план инженерных работ по укреплению города. Начальнику санитарной части внутренней обороны было поручено выработать план соответствующих санитарных работ, при чем, последний должен был при составлении плана исходить из принципа децентрализации всего санитарного дела, уделив максимум внимания организации по районам санитарных команд и летучек. При эвакуации больных и раненых должны были быть использованы водный транспорт по реке Неве и Северная и Ириновская железные дороги с общим направлением на Шлиссельбург; весь санитарный авто-транспорт распределялся по районам.

Штаб внутренней обороны Петрограда совместно с правлением Мариинского водного транспорта мобилизовал все пригодные для дела обороны плавучие средства и через Реввоенсовет Балтийского флота получил часть боевых судов, которые затем были, согласно особых указаний, распределены по районам. Некоторые суда из состава Балтийского флота с 20 октября уже стали обстреливать артиллерийским огнем позиции противника.

Главные телефон и телеграф были объявлены полевыми. Начальнику штаба внутренней обороны поручалось наметить места станций и взять их под особый надзор, а также установить телеграфную связь центрального штаба внутренней обороны с районами. Высказывалось пожелание, чтобы каждый район создал свою центральную станцию и, воспользовавшись городской телефонной сетью, стремился к полевой связи. Наряду с технической связью всем районам было приказано наладить и живую связь [1].

---

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 19, дело по описи № 7, л. 76.

19 октября, приказом № 2 по войскам внутренней обороны гор. Петрограда за подписью начальника внутренней обороны Д. Н. Аврова и вступившего в должность начальника Штаба внутренней обороны Петрограда А. А. Бобрищева, было положено начало организации специального «речного партизанского отряда», который должен был находиться в непосредственном ведении начальника внутренней обороны Петрограда. Отряд [1] формировался при Петроградском речном портовом управлении Мариинской области водных сообщений в составе 6 вооруженных пароходов с их личным составом в количестве 100 человек. Денежное довольствие и обмундирование отряд получал из Петроградского речного портового управления, вооружением, снаряжением и остальными видами довольствия удовлетворялся из отдела снабжения управления начальника внутренней обороны Петрограда. Командиром речного партизанского отряда был назначен И. Г. Рудаков и его помощником — Г. А. Клемент.

19 октября вновь было созвано заседание Петроградского совета, на котором с основными докладами о положении фронта выступили Г. Е. Зиновьев и Л. Д. Троцкий. Докладчики, констатируя ухудшившуюся за последние дни обстановку на фронте, вновь призывали представителей петроградского пролетариата к напряжению всех сил и к скорейшему созданию предпосылок для оказания сопротивления врагу на случай вторжения его в пределы города. Однако, данная Г. Е. Зиновьевым информация о силах противника, как и на заседании Петроградского совета от 15 октября, не соответствовала действительности. Зиновьев говорил, что:

> «можно считать незыблемым тот факт, что против нас на всем участке фронта протяжением в 200 верст наступает самое большее 3—4 тысячи белогвардейцев»,

и что эта цифра подтверждена, якобы, событиями последней недели [2].

Квалифицируя Северо-западную армию как «наезднические отряды налетчиков», составленные из местных уроженцев — офицеров, знающих хорошо местность, докладчик уже счел необходимым особо подчеркнуть их «превосходное вооружение»,

---

[1] Отряд был размещен к 22 октября 1919 г. в доме № 26 (кв. № 9) по Шпалерной (ныне — И. А. Воинова) улице.

[2] «Борьба за Петроград», Гос. изд., 1920 г., стр. 201.

данное Англией. Не было также дано ясной картины состояния в те дни частей 7-й армии. Наряду с указанием, что «армия несколько дней переживает нечто вроде эпидемии тревоги, страха, паники», — говорилось и о «небывалом подъеме настроения», ссылаясь при этом на две роты одного из стрелковых полков, расположенных в болоте, что, естественно, не давало оснований делать широкие обобщения.

Несомненно было, что противник, уступавший по численности 7-й армии, не имевший резервов и обеспеченного тыла, будет разбит перешедшей в наступление Красной армией, но это не исключало худшей возможности — удачного налета противника на Петроград, что справедливо и указывалось на заседании Петроградского совета. Информация о силах Северо-западной армии, данная вторично на заседании Петроградского совета, не способствовала, однако, своевременному принятию всех необходимых мер и порождала излишний оптимизм, базировавшийся на том, что Петроград похоронит («шапками закидает») шайку белых в 3—4 тысячи человек. Сам докладчик отмечал, что

«отклик, который был результатом нашей тревоги, недостаточен. Мобилизация проходит недостаточно удовлетворительно. Число вооруженных людей ничтожно. Пока настоящей военной боевой организации мы еще не имеем. Она еще в самом зародыше. Не видно еще той тревоги волнения и готовности среди самых широких кругов петроградских рабочих и работниц, которые должны быть и будут не сегодня — завтра» [1].

В качестве иллюстрации медленного темпа оборонительных работ делалась ссылка на транспорт. Некоторые эшелоны вместо срочного внеочередного продвижения, простаивали на некоторых железнодорожных станциях до полуторы суток. Переброска бронепоездов с Николаевского на Балтийский вокзал иногда требовала полусуток и больше. Естественно, что здесь, наряду с проявляемым некоторой частью старых железнодорожных служащих саботажем, имел место и недостаточный контроль низших железнодорожных служащих.

Второй докладчик, осветив общее военное положение Республики, условно допускал возможность наличия у Северо-западной армии до 10 тысяч бойцов, которые и вели наступление на Петроград [2]. Эта цифра, только взятая без всяких условностей,

[1] «Борьба за Петроград», Гос. изд., 1920 г., стр. 206.

[2] Там же, стр. 224; Л. Троцкий—«Как вооружалась революция», т. 2-й книга 1-я, изд. ВВРС, М., 1924 г., стр. 397.

значительно разнилась от данных Зиновьева и приближалась к действительной численности сил белых (1-й корпус Северо-западной армии), наступавших на петроградском направлении.

После заслушания докладов по текущему моменту Петроградский совет, не открывая прений, единогласно принял следующую резолюцию:

«Петроградский совет постановляет:

Положение Петрограда грозное. Не может быть никакого места беспечности. Опасность велика. Надо бить в набат. Надо указывать всем трудящимся, как велика опасность. Надо поднять на ноги все рабочее население. Надо всем вооружиться. Надо готовиться отстаивать каждую пядь нашей земли, каждый дом и каждую улицу в самом Петрограде.

Петроградский совет одобряет учреждение Совета внутренней обороны Петрограда, к которому внутри Петрограда должна перейти вся военная власть.

Петроградский совет требует от железнодорожников самого быстрого и самого энергичного продвижения войнских эшелонов. Петроградский совет предлагает Совету внутренней обороны немедленно учредить специальный трибунал на железных дорогах и всех виновных в затягивании переброск предавать немедленному суду этого трибунала.

Петроградский совет требует от всего трудящегося населения Петрограда напрячь все силы для помощи нашей Красной армии: усилить производство шинелей, обуви, усилить мобилизацию, усилить охрану, подтянуться всем до единого. Глубоко уверенный в победе нашей над белыми бандами, которые бродят вокруг Красного Питера, Петроградский совет зовет всех трудящихся отдать все на дело обороны великого нашего города»[1].

Только после этого заседания Петроградского совета, в течение нескольких последующих дней, когда враг еще ближе придвинулся к Петрограду, чем показал себя несколько сильнее, чем это предполагалось раньше, работы по внутренней обороне города пошли полным ходом и весь пролетарский организм Петрограда получил максимальное напряжение.

Стальное сердце фабрик и заводов, дававшее перебои из-за недостатка топлива, сырья и рабочих рук, было заменено другим сердцем, сердцем революционера, которое, несмотря ни на какие трудности, стало работать с неимоверной быстротой и максимальной точностью. Город, представлявший еще недавно вековой устой русского самодержавия, но имевший уже за собою Великий Октябрь, силой массового подъема, воодушевления, беззаветного героизма сковывался с молниеносной быстротой в неприступную первоклассную крепость диктатуры пролетариата.

[1] «Борьба за Петроград», Гос. изд., 1920 г., стр. 228.

Оборонительное сооружение у Калинкина моста.

Для организации сопротивления противнику на фронте, Реввоенсовет 7-й армии, во исполнение приказа председателя Реввоенсовета Республики, отдал приказ о формировании к 24 октября пяти авто-пулеметных отрядов в составе трех грузовиков, одной легковой машины и двух мотоциклов в каждом. Формирование этих отрядов возлагалось на комиссара автотранспорта 7-й армии. Каждый отряд должен был получить соответствующее количество пулеметов и после формирования поступить в распоряжение штаба 7-й армии.

20 октября начальник внутренней обороны Петрограда в своем приказе за № 4 возлагал на районные штабы внутренней обороны проведение мобилизации всех трудящихся в возрасте от 18 до 43 лет, для чего районные штабы обязаны были издать свои приказы о призыве. Мобилизация трудящихся не распространялась на все фабрично-заводские предприятия, так как часть из них должна была бесперебойно продолжать свою работу. Мобилизация должна была проходить при полном содействии фабрично-заводских комитетов и партийных коллективов, ответственных за несвоевременную явку мобилизуемых. Сборными пунктами являлись районные штабы внутренней обороны. Там мобилизованные обращались исключительно на формирование рот и команд по территориальной системе, составляя территориальные полки города Петрограда. Все призванные переводились на боевой красноармейский паек, семьи же их сохраняли за собой право на получение общегражданского пайка.

Таким образом, живой силой внутренней обороны районов города Петрограда должны были являться территориальные полки, комплектовавшиеся мобилизованными рабочими петроградской промышленности, и в качестве резерва — районные отряды с командами пулеметчиков и разведчиков, формировавшиеся из остальных, не подлежавших мобилизации рабочих, закрывавшихся фабрично-заводских предприятий.

С 23 часов 21 октября 1919 г. до 2 часов 22 октября происходило заседание Совета внутренней обороны Петрограда [1]. На этом заседании присутствовали: Л. Д. Троцкий, А. А. Иоффе, Д. Н. Авров, Г. Е. Евдокимов, Я. Х. Петерс и П. П. Исаков.

---

[1] Копия протокола этого заседания хранится в музее ПП ОГПУ при ЛВО.

Разрядка наша.

На заседании был заслушан доклад А. А. Бобрищева о плане внутренней обороны гор. Петрограда. Доклад этот, в целом, был одобрен и Совет внутренней обороны принял следующее постановление:

«Задачей обороны является уничтожение возможно большего числа противника при вступлении белых в город, а не выигрыш времени до подхода подкрепления. Поэтому оборона должна быть активной.

Оборонительные работы производятся районами, однако, на обязанности центра лежит усиление технического контроля над выполнением работ.

Кроме того, начальник внутренней обороны должен координировать работу с тем, чтобы первая линия была готова прежде других линий. В случае необходимости, руководитель инженерной работы гор. Петрограда должен перебросить рабочую силу из более отдаленных районов в районы первых линий».

Согласно постановления Совета внутренней обороны от 21 октября, каждый район должен был выделить по 10—15 смельчаков для обучения их инструкторами штаба внутренней обороны бросанию гранат и бомбометанию, а также учесть по районам всех пулеметчиков. Было решено аннулировать существовавшие кое-где особые дружины анархистов, — начальник внутренней обороны должен был немедленно разоружить анархистов и предложить желающим, не подлежащим военной повинности, поступить добровольцами в Красную армию.

Все отделы штаба внутренней обороны, переехавшие в крепость должны были в ней оставаться и немедленно подготовить в заречной части Петрограда пункт на случай необходимости оставить крепость, установив заранее все необходимые прямые связи.

По девятому вопросу из повестки дня — о мостах — Совет внутренней обороны принял постановление, по которому красноармейским частям должна быть обеспечена свобода действий в оперативном отношении, в смысле переброски сил через реку Неву. В виду этого, было решено мосты взрывать лишь в крайнем случае, но принять все необходимые меры по подготовке разводных частей мостов к порче посредством парализования электрических агрегатов и взрыва аппаратов разводки и, в случае необходимости, приступить к забаррикадированию переправ. Весь вопрос о взрыве и порче мостов был передан на рассмотрение и утверждение Реввоенсовета 7-й армии [1].

[1] Подробнее см. на карте № 5 в приложениях.

По пункту 10 повестки дня — об отступающих через Петроград красноармейских полевых частях — было постановлено, что в случае, если полевые войска будут вливаться на территорию внутренней обороны города, то они должны немедленно подвергаться чистке и классификации на три категории: 1) наиболее деморализованные части немедленно выводятся из сферы внутренней обороны вглубь Республики; 2) части небоеспособные, но сохранившие способность подчинения командному составу, должны использоваться как рабочая сила при оборонительных работах и 3) боеспособные части включаются в общую схему внутренней обороны Петрограда. Проведение всей этой работы было возложено на начальника заградительных отрядов 7-й армии, подчиняющегося, с момента перехода полевых войск на территорию внутренней обороны, начальнику внутренней обороны города, или для этого Совет внутренней обороны назначает особо уполномоченного товарища.

Руководителю работ по инженерной обороне Петрограда было предложено представить не позже 12 часов 22 октября точный план проволочных заграждений, увязанный с общим планом оборонительных работ. Заместителю начальника внутренней обороны Я. Х. Петерсу поручалось проверять состояние оборонительных работ в районах города.

Члену Совета внутренней обороны П. П. Исакову было предложено осуществлять общий надзор за формированием всяких частей и дружин по районам, изыскивать инструкторов для гранатометчиков, пулеметчиков, саперов и следить за приспособлением домов и дворов к условиям баррикадной, уличной борьбы. К 20 часам 22 октября он уже должен был представить доклад о проделанной работе.

Того же 21 октября Совет внутренней обороны города дал директиву по районам о том, чтобы последние при сформировании частей, дружин и партизанских районных отрядов использовали кадры территориальных полков.

Впоследствии, приказом по войскам внутренней обороны города Петрограда за № 13 от 23 октября, вносились некоторые изменения в дело формирования отрядов по районам. Всем районным начальникам внутренней обороны было приказано немедленно приступить к формированию районных отрядов применительно к несколько видоизмененным штатам отдельного стрелкового батальона. Каждый район должен был формировать

Орудийное прикрытие на Мариинской площади.

из мобилизованных района по одному отряду, который получал наименование «отряд (такого-то) района внутренней обороны».

Каждый такой районный отряд внутренней обороны должен был состоять из трех рот (рота — из трех стрелковых взводов), из пулеметной команды, команды связи, команды пеших разведчиков и перевязочного отряда.

Штаб районного отряда внутренней обороны составлялся из 30 человек, — командира отряда, его помощника, военного комиссара, секретаря, адъютанта и т. п. Рота должна была насчитывать 230 человек, в том числе — 162 стрелка; пулеметная команда — 188 человек; команда связи — 50 человек; команда пеших разведчиков — 61 человек и перевязочный отряд — 71 человек. Всего в районном отряде внутренней обороны (батальоне) должно было насчитываться 1.072 человека.

Подтверждалось прежнее приказание относительно использования всех средств и сил района для быстрого формирования этих отрядов, сведения о которых ежедневно требовались штабом внутренней обороны Петрограда. Командный состав отрядов назначался усмотрением начальников внутренней обороны районов с последующим утверждением начальником внутренней обороны Петрограда.

На основании соответствующих приказов начальника внутренней обороны Петрограда от 22 октября производились обследования специально назначенной комиссией каналов города с целью выяснения возможностей лучшей расстановки или удаления барж для того, чтобы противник не мог бы воспользоваться ими при переходе через каналы.

Речному партизанскому отряду было приказано заградить потопленными баржами устья всех каналов, выходящих в Неву, и сконцентрировать все ловучие средства у управления речного порта.

Для инструктирования районных штабов внутренней обороны была назначена постоянная комиссия, которая должна была незамедлительно приступить к работе. Состав комиссии был утвержден следующий: председатель — Борис Рогачев, члены — А. Г. Верховцев (пехота), В. Н. Смородинов (инженер) и П. К. Смирнов (артиллерия).

Того же числа была назначена и другая комиссия, которая в течение 24 часов обязывалась привести Петропавловскую кре-

пость в оборонительное состояние и создать из нее опорный пункт — цитадель Петроградского района.

Завершением этих и других многочисленных, как письменных, так и устных распоряжений центрального руководства внутренней обороны города Петрограда, была выработка оперативного плана внутренней обороны города; первый вариант плана, предусматривавший наступление противника с юга и юго-запада, был разослан по районам для руководства, исполнения и внесения диктуемых местными условиями дополнений 26 октября 1919 г.

Согласно этого плана, борьба за Петроград должна была вестись на трех последовательных, оборонительных позициях — рубежах.

Первый оборонительный рубеж являлся внешней позицией, окаймлявшей город Петроград по обводу: Путиловский завод — Интендантские магазины, что у Александровской слободы, — Воздухоплавательный парк — станция Петроград 2-й (Николаевской железной дороги) — Фаянсовый завод — поселок Клочки — поселок Яблоновка — поселок Малиновка, — с общим протяжением около 20 верст.

Эта первая позиция имела исключительное значение, так как допускала возможность централизованного руководства боевыми операциями сверху, вследствие чего действия советских частей здесь могли носить организованный характер. Близость к левому флангу внешней позиции (участок реки Невы — поселок Малиновка) Ириновской железнодорожной ветки, представлявшей единственный железнодорожный путь отступления для частей гарнизона, требовала усиленной обороны этого первого внешнего оборонительного рубежа. Учитывая это, авторы плана предусматривали концентрацию на внешней позиции наибольшего количества живой силы и сильное насыщение ее техническими средствами. Первая линия должна была состоять из отдельных узлов сопротивления, намечение которых ставилось в зависимость от направлений магистральных путей, ведущих от противника, как, например, Петергофское шоссе, линии Балтийской, Варшавской, Московско-Виндаво-Рыбинской и Николаевской железных дорог, Шлиссельбургский проспект и дорога, идущая по правому берегу реки Невы. Из всей внешней позиции только участок поселок Клочки — Малиновка насыщался более значительными силами.

Для придания большей стойкости сопротивления, в связи с относительно открытым характером внешней позиции, абсо-

лютной невозможностью ведения артиллерийского огня со среднего укрепленного рубежа и ограниченным обстрелом со стороны третьей, тыловой, позиции, было решено выделить около двух третей всего наличного состава артиллерии для обороны первой, внешней, позиции.

Войска, предназначенные для занятия внешнего рубежа, в целях гарантии от неожиданных внезапных нападений противника, в особенности ночью, должны были нести службу охранения с выставлением на ночь густой сети секретов.

Второй, средний, рубеж представлял собою укрепленную полосу, состоявшую из четырех последовательных линий обороны. Первая линия шла по Обводному каналу от реки Екатерингофки до реки Невы и была общим протяжением около 9 верст; вторая — проходила по реке Фонтанке и была общим протяжением $7^1/_2$ верст; третья — шла вдоль Екатерининского канала, была общим протяжением около 7 верст, и четвертая — по реке Мойке, была протяжением около 7 верст.

Вследствие совершенно закрытого характера второй оборонительной позиции — укрепленной полосы, вся борьба за ее обладание основывалась на использовании пулеметного и ружейного огня защитников и метании ручных гранат. Артиллерия здесь должна была выставляться только в тех местах, которые позволяли продольный обстрел главных магистральных направлений, ведущих к центру города. Общее количество потребной здесь артиллерии намечалось в 5 пушечных взводов.

Первая укрепленная линия средней позиции, идущая по линии Обводного канала, должна была заниматься свободными от нарядов частями гарнизонов, одновременно с занятием войсками первого, внешнего, рубежа. Остальные линии второй позиции (линия реки Фонтанки — Екатерининский канал — река Мойка — части проспекта 25 Октября от Аничковского дворца до Александро-Невской лавры включительно) должны были подготавливаться к постепенному занятию их войсковыми частями, но заблаговременно не заниматься.

Общий ход боевых действий на второй позиции коренным образом должен был отличаться от такового на первой и третьей позициях.

В плане об этом говорится так:

«В виду самой природы уличного боя, борьба здесь не может вестись по заранее намеченному плану. При всей налаженности службы связи

Орудийная установка в Александровском (ныне — Трудящихся) саду для обстрела Гороховой (ныне Ф. Э. Дзержинского) улицы.

по районам, общего плана борьбы выработать невозможно. Успех борьбы будет основан исключительно на стойкости отдельных бойцов и отдельных отрядов, а также проявления начальниками личной инициативы».

Третий, тыловой, рубеж заключал в себе приведенные в оборонительное состояние южные окраины Васильевского острова, Петроградской и Выборгской сторон, — последняя до Канатной фабрики в районе Палюстрово и дальше к больнице имени Петра Великого и села Рыбацкого включительно, общим протяжением в 16 верст.

С отходом войсковых частей на третью, тыловую, позицию боевые действия снова приобретали организованный сверху характер. На этой позиции отошедшие войска занимают правый берег реки Невы, где они должны организовать последнее сопротивление.

При условиях неудачных боевых действий на первой — внешней и второй — средней позициях и вынужденного отступления частей требовалось обратить серьезное внимание на своевременную подготовку мостовых переправ в целях быстрой переброски частей с одной позиции на другую. Все действующие мостовые переправы должны были заранее баррикадироваться устройством завес, установкой рогаток с проволокой и пр.

Начальникам внутренней обороны районов вменялось еще раз в обязанность установление самой прочной, как технической, так и живой связи между отдельными районами и штабом внутренней обороны Петрограда.

Общее руководство всеми работами по обороне, по инженерной, артиллерийской и санитарной частям и по снабжению, концентрировалось в одних руках по принадлежности.

Общий ход внутренней обороны намечался в следующем виде: части полевой армии, под прикрытием защитников первой, внешней, позиции, проходят в тыл этой позиции и останавливаются, выделив из своего состава частные участковые резервы по районам. Одновременно начальником внутренней обороны распределяются по районам рабочие роты для ведения уличной борьбы. Последние должны были обращать особенное внимание на обеспечение флангов своих участков устройством баррикад, установкой проволочных заграждений и т. п. и заранее принять всевозможные меры для обеспечения за собой путей отступления.

При невозможности удержаться на первой, внешней, позиции войска, под прикрытием своих частных резервов, должны быстро

1) Г. Е. Зиновьев. 2) Д. Н. Апров. 3) П. П. Исаков.

отходить на третью, тыловую, позицию, заняв линию реки Большой Невы. При отступлении от частей требовалось проявление максимального упорства на левом фланге первой позиции, на линии селений Клочки — Малиновка, прикрывающей Ириновскую железную дорогу. После оставления войсками первой позиции, должны были сниматься и частные резервы, которые, пройдя по тыловым путям мостовые переправы через Обводный канал и реку Фонтанку (для районов Петергофско-Нарвского, Московского, 1-го и 2-го городских), занимают с целью обороны линию реки Фонтанки; частные резервы Невского района отходят через Охтенский мост в район Большой и Малой Охты.

В связи с тем, что с отходом частей от первой, внешней, позиции сокращается оборонительный плацдарм, свободные части, выделенные защитниками реки Фонтанки, организуют оборону Екатерининского канала и реки Мойки.

Уличный бой должен был начаться после занятия противником первой, внешней, позиции. Бой должен был вестись рабочими по районам; в случае неуспеха, рабочие отряды должны были отходить по тем же путям, по которым отступали войска с первой, внешней, позиции. Уличный бой должен был вестись в районах по особой инструкции[1] с учетом всех местных особенностей каждого района. Как уже указывалось выше, борьба в этой срединной полосе — второй позиции — основывалась на частной инициативе, проявляемой рабочими отрядами и командным составом.

Авторы плана отдавали себе ясный отчет о последствиях захвата противником второй, средней, укрепленной полосы, т. е. той позиции внутренней обороны, в пределах которой ведется неорганизованный сверху уличный бой. Защитники этой позиции, при условии преодоления противником их сопротивления, ставились в крайне тяжелое положение в смысле их отступления с правобережных участков города, так как они вынуждены были бы совершать фланговое движение по единственному железнодорожному пути — Ириновской железной дороге — в направлении на Шлиссельбург. Отсюда, указывалось на большое значение Охтенского флангового участка, удержание которого

---

[1] Этой инструкции по ведению уличного боя в Петрограде в архивохранилищах не удалось найти.

ставилось, как «одна из главных основ внутренней обороны города Петрограда».

От Шлиссельбурга отступление частей, оставивших город Петроград, могло быть обеспечено только достаточным наличием плавучих средств, позволявших переправу частей на восточный берег Ладожского озера для соединения с частями действовавшей в то время на Северном фронте 6-й армии.

Одновременно с выработкой этого плана были точно намечены тыловые пути на случай возможного отступления частей с первой внешней позиции.

Части Петергофско-Нарвского района должны были отступать, например, по следующим трем маршрутам: 1) деревня Волынкина — Лифляндская улица — Эстляндская улица — Калинкин мост — Екатерингофский проспект — Английский проспект — Храповицкий мост — Адмиралтейский канал — Николаевский мост — Большой проспект; 2) Петергофское шоссе — Петергофский проспект — Калинкин мост и далее по маршруту № 1; 3) Тентелево — Майков переулок — Николаевский переулок — Лермонтовский проспект — набережная Крюкова канала — Николаевский мост — Большой проспект.

Для частей Московского района: 1) Александровская слобода — Забалканский проспект и далее: а) Обводный канал — Измайловский проспект — Вознесенский проспект — Дворцовый мост и б) Забалканский проспект — Садовая улица — Гороховая улица — Адмиралтейский проспект и далее по маршруту «а»; 2) Воздухоплавательный парк — вдоль полотна Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги — Рыбинская улица — набережная Обводного канала — Можайская улица — Загородный проспект — Забалканский проспект и далее по маршруту № 1-«б».

Для частей 1-го городского района: Лиговская улица — Разъезжая улица — Чернышев переулок — набережная Екатерининского канала — Кокушкин мост — Царицынская улица — Троицкий мост — Кронверкский проспект.

Для частей Невского района: Невский механический и судостроительный завод — Шлиссельбургский проспект — Невский проспект — Литейный проспект — Литейный мост.

Для частей Смольнинского района: Охтенский мост — Большая Охта [1].

[1] ЛАБ, политсекция, фонд № 54, связка № 4, дело № 18, по описи № 43, лл. 94—99.

Не вдаваясь в подробный оперативный анализ этого плана внутренней обороны Петрограда, его положительных и отрицательных сторон, остановимся только на его основной идее, которой проникнуты все детали первого варианта плана обороны города.

План обороны, тщательно разработанный и детализованный только в одной части, вполне удовлетворительно ориентировал командный состав гарнизона в путях отступления, в деле ведения, в общем, пассивной обороны; с другой стороны, нет никаких серьезных признаков, подтверждающих тщательность разработки плана по линии предварительной постановки целого ряда активных задач войскам внутренней обороны, когда они вынуждены были бы оставить первую, внешнюю, позицию и отходить на третью — тыловую. Для ведения борьбы на средней, укрепленной, полосе, т. е. на улицах самого Петрограда, части должны были заранее получить конкретные указания, продиктованные основной идеей полного разгрома противника, ворвавшегося в пределы города. Только связанный основными директивами, ориентирующими красноармейские и рабочие части в процессе уличной борьбы, план обороны мог бы способствовать действительной обороне города. Наряду с указанием тыловых путей для отступления, план должен был заострить внимание защитников на тех путях и линиях, которые приближали бы защитников к неприятелю, сталкивали бы их с врагом, указывали бы, как лучше и организованнее обойти белогвардейцев, как сознательно распылить их силы и затем уничтожить, не выпуская из города. Вместо этого, план, несмотря на некоторые его пункты, указывавшие на необходимость самой упорной обороны некоторых участков, объективно способствовал пассивной обороне, отводу частей от слабого противника, оттягиванию момента решительного, упорного сражения.

Все, предусмотренные планом, действия частей обусловливались исключительной заботой сохранить за собою пути отступления, дабы не быть окруженными противником. Пути, сближающие защитников города с врагом, не нашли должного и соответствующего освещения.

Положение противника, рассредоточенного на значительном пространстве большого города, укрепленного к тому же изнутри, в своих оперативных решениях находящегося в неко-

торой зависимости от характера возведенных оборонительных сооружений в городе и возможных активных действий защищающего город гарнизона,—командованием внутренней обороны Петрограда игнорировалось. Внешняя оболочка плана обороны, нарочито подчеркивавшая необходимость отстоять Петроград, находилась в противоречии с конкретным содержанием плана. Форма плана не соответствовала его содержанию. Пути отступления совершенно затемняли в сознании командного состава и бойцов задачи и цели по окончательному разгрому противника, абсолютной ликвидации всех его незначительных сил в процессе активной уличной борьбы, которая должна была преследовать исключительно единственную цель победы и исключать всякую возможность отступления из Петрограда.

Победа над немногочисленным вообще врагом, ворвавшимся в крупный пролетарский революционный центр, и только победа — должна была быть девизом плана внутренней обороны города, а отсюда и лозунгом для всех, как полевых, так и тыловых частей Красной армии. Единственный лозунг победы вытекал из решения Совета внутренней обороны Петрограда от 21 октября 1919 г., в котором говорилось, что задачей обороны является уничтожение возможно бо́льшего числа противника при вступлении его в город, и из постановления Политбюро ЦК РКП (б) — «Петрограда не сдавать».

Таким образом, несостоятельность плана внутренней обороны города Петрограда, который следует скорее назвать планом не внутренней обороны, а планом постепенного оставления города в руках врага, дополняющаяся еще слишком поздней выработкой его, не совпадавшей с моментом самого критического положения на фронте, является, пожалуй, единственной отрицательной стороной общей деятельности военного руководства по внутренней обороне города.

Однако, неудовлетворительность плана внутренней обороны и его отрицательный удельный вес в процессе подготовки города к встрече противника в значительной степени, к счастью, умалялись той созидательной энергией петроградского пролетариата, той широкой массовой инициативой, которой суждено было показать всему миру, как врагам, так и друзьям, непреклонность принятого единственного решения, не допускающего никаких колебаний, отстоять город Петроград во что бы то ни стало и сделать его местом гибели для контр-революции,

наступавшей извне и находившей некоторые отклики внутри самого Петрограда.

Работу центрального военного руководства по внутренней обороне города дополняли в значительной степени районы Петрограда, инициатива и работоспособность которых дали классический пример мобилизации всех сил и средств для действительной победы над врагом, как в случае его вторжения в пределы города, так и для ликвидации всей контр-революционной авантюры на фронте.

ГЛАВА 11 [1]

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЙОННЫХ ШТАБОВ ВНУТРЕННЕЙ ОБОРОНЫ ПЕТРОГРАДА. — НАРВСКО-ПЕТЕРГОФСКИЙ РАЙОН. — МОСКОВСКО-ЗАСТАВСКИЙ. — НЕВСКИЙ. — ПЕРВЫЙ ГОРОДСКОЙ. — ВТОРОЙ ГОРОДСКОЙ. — ВАСИЛЕОСТРОВСКИЙ. — ПЕТРОГРАДСКИЙ. — ВЫБОРГСКИЙ. — СМОЛЬНИНСКИЙ. — ОБУХОВСКИЙ. — ПОРОХОВСКОЙ РАЙОН. — БОЕВАЯ ГОТОВНОСТЬ РАЙОНОВ.

Значительная тяжесть работы по проведению в оборонительное состояние гор. Петрограда ложилась на районные революционные тройки, которые возникли в Петрограде в летние дни 1919 г. и продолжали свое существование еще в течение длительного периода, заостряя внимание то на одних, то на других актуальных вопросах, поставленных в порядок дня самой жизнью [2].

Момент возникновения районных революционных троек обусловливался введением в городе осадного положения. Состав их назначался Петроградским комитетом РКП (б) из числа членов районного комитета партии и членов исполкома районного совета. Революционные тройки по районам являлись исполнительными органами Комитета обороны г. Петрограда и находились в непосредственном подчинении коменданта Петроградского укрепленного района. Комитету обороны принадлежало право окончательного утверждения состава троек.

На обязанности районных революционных троек лежало в основном максимальное обеспечение обороноспособности района. В целях выполнения этой основной задачи районные тройки обязывались проверять состояние расположенных в районе воинских частей, следить за настроением, вооруже-

[1] См. в приложениях карту № 5.

[2] Постановлением Военного совета Петроградского укрепленного района от 3 декабря 1919 г. районные революционные тройки были упразднены; всю текущую работу они должны были передать районным штабам внутренней обороны.

нием и снабжением их, подготовлять боевые дружины и создавать в случае необходимости общие пролетарские резервы, привлекать все партийные силы к обучению пулеметному, бомбометному и вообще военному делу, использовать нетрудовые элементы для работы по обороне, наблюдать за своевременным выполнением всех приказов и распоряжений коменданта Петроградского укрепленного района.

Для сохранения в районе революционного порядка районные тройки должны были нести неослабное наблюдение за организациями, несущими службу охраны города.

На районные тройки возлагалась также борьба с контр-революцией, дезертирством и преступлениями по должности. В первом случае тройки должны были своевременно озаботиться не только об отобрании оружия у буржуазного населения, но и об очищении своих районов от контр-революционных элементов, содействуя в этом отношении соответствующим органам советской власти [1].

Осуществляя все эти задачи в пределах территории своего района, районные революционные тройки являлись тем мощным аппаратом, при помощи которого только и можно было рассчитывать на своевременное приведение города в полную боевую готовность.

С самого начала второго наступления белогвардейцев на Петроград и в связи с раскрытием контр-революционного заговора в Москве, Военный совет Петроградского укрепленного района предписал всем районным революционным тройкам установить с 27 сентября постоянные дежурства в районных тройках, принять срочные меры к охране районных комитетов РКП (б), троек и районных советов и представить сведения, на какое количество коммунистов может рассчитывать каждый район. В последующих инструкциях, предназначенных для районных троек, говорилось о необходимости немедленного перевода на казарменное положение всех коммунистов, за исключением только тех, кто обязан ночью присутствовать на своих фабрично-заводских предприятиях. Днем в казармах должны были оставаться коммунисты, присутствие которых на месте постоянной работы было не обязательно и не требовалось

[1] ЛАБ, партсекция, дела Володарского района, связка № 19, дело по описи № 7, л. 40.

обстоятельствами, на ночь же в казармы должны собираться все. Вооружение коммунистов должно было производиться по распоряжению районных военных комиссариатов. С прибытием в Петроград красноармейских подкреплений и после их расквартирования районные тройки должны были немедленно с ними связаться, посылать в эти прибывшие красноармейские части агитаторов рабочих и работниц, принять все меры к снабжению красноармейцев литературой и т. п.[1].

В связи с грозным положением на фронте Петроградский совет в своем заседании от 15 октября постановил расширить сеть революционных троек, организовав их на всех фабрично-заводских предприятиях. С созданием троек на фабриках и заводах, к которым и переходила вся полнота власти, видоизменилась обычная форма заводоуправления, но это было продиктовано военными событиями, требовавшими применения особых методов, обеспечивающих своевременное и точное исполнение директив высших советских органов.

В период серьезнейших боев на подступах к Петрограду были вызваны к жизни другие органы управления — районные штабы внутренней обороны, начальники которых удачно объединяли в своем лице партийное, советское и военное руководство.

Ударная целевая работа, не допускавшая никакого промедления и имевшая перед собою исключительно военные задачи, продиктовала необходимость организации районных штабов внутренней обороны, которые, обладая всей полнотой власти в своем районе, с первых же дней своего существования всю текущую работу перевели на военные рельсы.

Районные ревтройки частично, а в иных местах и целиком вошли в состав сконструированных ими же районных штабов внутренней обороны и, не изменяя существа своей прежней работы, облеклись только в несколько другую форму, вполне объяснимую в условиях экстренных работ по внутренней обороне Петрограда.

Такое решение Петроградского совета было результатом опыта по организации внутренней обороны Петрограда летом 1919 г., когда Петроград был разделен на четыре боевых

[1] ЛАБ, партсекция, дела Выборгского района, связка № 22, дело по описи № 2, л. 17.

участка. Вся текущая работа штабов боевых участков тогда была осложнена, так как границы их не совпадали с давно существовавшим в городе административным порайонным делением. Осенью 1919 г., с организацией штабов внутренней обороны, не было нарушено административное деление города, что давало полную возможность учесть и максимально использовать все ресурсы районов для приведения их в оборонительное состояние. С сохранением прежнего административного деления и границ районов Петрограда для созданных районных штабов внутренней обороны представлялось широкое поле деятельности, которое не претерпевало ни территориальных, ни организационно-административных изменений. Отсюда и деятельность районных штабов внутренней обороны не носила в себе ничего принципиально нового, не затруднялась организационными моментами, а только должна была на несколько новой основе, в предвидении борьбы с врагом на улицах города, продолжать выполнение тех функций, которые до этого выполнялись в более нормальных условиях районными революционными тройками.

Штабы внутренней обороны были созданы в следующих районах Петрограда: 1) Нарвско-Петергофском; 2) Московско-заставском; 3) Невском; 4) 1-м городском; 5) 2-м городском; 6) Василеостровском; 7) Петроградском; 8) Выборгском; 9) Смольнинском; 10) Обуховском и 11) Пороховском.

Через несколько дней общее количество районных штабов внутренней обороны с одиннадцати уменьшилось до девяти, так как с 25 октября произошло слияние Обуховского района с Невским и Пороховского со Смольнинским.

В соответствии с общими директивами, дававшимися Комитетом обороны города, протекала повседневная кропотливая работа районов, насыщенная пафосом революционной борьбы и питаемая энергией и массовой инициативой петроградского пролетариата.

В наших архивохранилищах мало сохранилось материалов, характеризующих эту напряженную работу, но значение ее было столь велико, что необходимо дать, по возможности, хоть общий порайонный обзор, который позволил бы читателям проникнуться чувством величайшего удовлетворения от того пролетарского энтузиазма, который привел к окончательной победе пролетариата над вооруженными силами контр-революции.

Женский боевой отряд перед отъездом на Ямбургский участок фронта.

Сохранившиеся сведения не представляют из себя однотипных докладов и по своему характеру далеко не однородны. Но, с другой стороны, в этом выражены особенности работы каждого района в отдельности, специфические черты ее, которые не могут, в свою очередь, не вызвать соответствующего интереса.

Итак, работа районов, на основании сохранившихся материалов, может быть представлена в следующем виде:

В Нарвско-Петергофском районе работала революционная тройка в составе: А. Г. Васильева, Э. М. Иткиной и И. В. Огородникова. После получения приказа об организации районного штаба внутренней обороны, районный комитет РКП(б) в своем заседании от 17 октября постановил возложить функции начальника обороны района на А. Г. Васильева. Комендантом этого района был назначен П. И. Либерман, должности начальников специальных отделов районного штаба были замещены специалистами — бывшими офицерами, присланными из центрального штаба внутренней обороны города. Штаб обороны района расположился по Рижскому проспекту, в доме № 17.

С первых минут своего создания работники районного штаба приступили к подысканию помещений для размещения различных боевых отрядов, прибывавших из других районов, разрабатывали вопрос о мобилизации коммунистов и рабочих своего района, организовали службу охранения и налаживали живую и техническую связь.

С получением известий о том, что в пределы района просачиваются отступающие с фронта красноармейцы, районный штаб немедленно выслал несколько человек коммунистов и комсомольцев на Новосивковскую и Балтийскую улицы, к Тентелевскому химическому заводу, к железнодорожной ветке, ведущей к станции Пущино, и на Путиловскую верфь. У Нарвских ворот был установлен постоянный патруль из милиционеров. Все отступавшие красноармейцы задерживались этими патрулями и, затем, партиями по 25 человек в сопровождении конвойных отправлялись на Фонтанку, дом № 90 (проходящие казармы). Были посланы патрули и в Стрельну, там вскоре была поставлена застава в 18 человек, а по дороге от станции Лигово до селения Привал была налажена патрульная служба.

Вечером 17 октября в распоряжение штаба района прибыл коммунистический отряд в 60 человек, который был размещен в соседнем с районным штабом доме. Из этого отряда одному

товарищу — пулеметчику было поручено сформировать районную пулеметную команду. Команда составилась из 18 человек при трех пулеметах «Максима». Вскоре прибыл еще один отряд связистов и минеров. Первые были распределены по району и должны были наладить техническую связь и в дальнейшем следить за ее состоянием. Вторые — сразу же приступили к минировке линии Ораниенбаумской железной дороги и всех мостов, расположенных по шоссе до с. Привала. Необходимый для этой работы материал был срочно доставлен в район. Центральным штабом внутренней обороны города было отпущено Нарвско-Петергофскому району большое количество бомб, гранат, пироксилиновых шашек, динамита и проч. В виду концентрации большого количества взрывчатых веществ, районный штаб обороны принял самые серьезные меры по охранению, поручив это дело особо выделенной команде коммунистов. Взрывчатые вещества были сосредоточены в помещении б. Экипажного сарая, куда кроме начальника охраны и коменданта района никто не имел права входить.

Когда части 7-й армии отступили к Лигову, то работники района немедленно послали туда своих людей для связи. В наиболее тревожные дни на фронте за работой районного штаба обороны лично следил начальник внутренней обороны города Д. Н. Авров. Район по своему расположению приковывал к себе внимание всех остальных районов города и центральных учреждений. Работа района приобретала еще большее значение в связи с нахождением в его пределах Путиловского завода [1]. С работниками завода поддерживалась самая теснейшая связь. В виду того, что рабочие Путиловского завода были заняты срочной работой на заводе, мобилизация их не касалась. Районный боевой отряд состоял из коммунистов района, а затем из прибывших товарищей из других районов города. Значительной живой силы районный штаб не имел, но все же к 19 октября мог располагать боевой единицей в 400 человек.

Когда был решен вопрос о необходимости подготовить город к обороне изнутри, районный штаб немедленно же приступил к укреплению своего района. На перекрестках улиц были приготовлены специальные опорные пункты для защитников района, угловые квартиры были приготовлены для метания оттуда гра-

[1] О работе Путиловского завода см. дальше 13-ю главу.

нат и бомб. На Нарвской площади в доме № 23/2 укреплялся весь второй этаж, тоже делалось на углу Нарвского и Петергофского проспектов, Калинкина моста, по Обводному каналу. Как в этих, так и в других квартирах — преимущественно во вторых этажах зданий окна закладывались набитыми песком мешками, делались пулеметные гнезда, в некоторых местах устанавливались железные щиты для прикрытия мелкокалиберных орудий [1].

Революционная тройка Московско-заставского района в 10 часов 17 октября на своем заседании, в присутствии представителей от всех фабрично-заводских троек, заслушала информационное сообщение о положении на фронте, о необходимости организации самозащиты района, об организации рабочих отрядов и т. п. Из сообщений с мест было выяснено, что на территории района численность всех рабочих отрядов достигала 1.552 чел. Заседание организовало штаб внутренней обороны района; начальником обороны был утвержден А. Я. Клявс-Клявин, в совет обороны района, организация которого не предусматривалась соответствующими директивами, вошли Ф. Т. Колгушкин, М. А. Волков и И. А. Алексеев. Одновременно был создан и революционный трибунал в составе И. В. Васильева, В. Е. Алексина и И. П. Морозова [2].

Районный штаб немедленно приступил к своей работе; к 19 октября он мог выставить 150 штыков и отмечал хорошее настроение района, а к 24 октября — сумел создать отряд внутренней обороны района в количестве уже 69 чел. командного состава, 426 штыков и 259 «людей» при 1 пулемете. Кроме этого, при самом штабе обороны района находилось 79 чел., в том числе 19 чел. командного состава [3]. Штабом обороны формировалась артиллерия в составе двух полевых скорострельных и четырех горных орудий при обслуживающем персонале в 35 красноармейцев и 10 чел. командного состава. Четыре орудия были установлены на трамвайные площадки [4]. Установка орудий происходила на заводе бывш. Речкина, там же производились работы по бронированию трамвайных площадок, одна из которых была готова

[1] Материалы истпарткомиссии Московско-нарвского района.

[2] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 21, л. 44.

[3] Там же, дело по описи № 19, лл. 53, 54.

[4] АЛОИ, связка № 18, политсводка политического отдела управления внутренней обороны г. Петрограда за 26 октября 1919 г.

к 24 октября. Для подвоза снарядов к этим движущимся орудийным установкам прибыло четыре трамвайных вагона. Усиленно велась работа по инженерной обороне района; к этому времени было набито землею и распределено по отдельным укрепленным пунктам 10.000 мешков [1].

Штаб внутренней обороны Московско-заставского района при выработке плана обороны правильно ориентировался в ходе уличного боя, что видно, например, из рапорта начальника внутренней обороны района от 25 октября, поданного на имя начальника внутренней обороны города. В этом рапорте, мотивировавшем решение принять Московские ворота за оборонительный рубеж Московского шоссе и Международного проспекта, указывалось, что противник, войдя в пределы города, в своем движении будет придерживаться направления главных улиц, ведущих к центру, для того, чтобы не распылять своих сил, а держать их в кулаке [2]. Такое вполне правильное заключение о возможных действиях Северо-западной армии способствовало целесообразному распределению сил и средств района и делало работу по возведению оборонительных сооружений вполне продуктивной и соответствующей боевой задаче — отстоять город от наступавшего врага.

К 28 октября было закончено формирование легкого артиллерийского взвода из двух 3-дюймовых орудий с наличным запасом в 250 гранат и 50 шрапнелей. Обслуживающий персонал был составлен из старых опытных артиллеристов. Несмотря на плохое обмундирование и питание настроение красноармейцев взвода было удовлетворительное. Газеты получались редко и в малом количестве, почти никакой политико-просветительной работы не велось.

Одновременно закончилось формирование горной железнодорожной батареи на заводе бывш. Речкина из четырех 3-дюймовых горных орудий при наличии всего 54 шрапнелей. Настроение так же, как и в легком артиллерийском взводе, несмотря на недостатки в снабжении, усталость, отсутствие политической работы, было удовлетворительным.

Формирование в районе «1-го рабочего Московского отряда» (Рузовская улица, дом № 12) затормозилось роспуском некоторых

---

[1] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 28, л. 42.

[2] Там же, дело по описи № 19, л. 59.

рабочих по заводам, — оставшиеся в отряде 25 человек командного состава и 341 человек рабочих продолжали ежедневно с 8 до 12 часов проходить строевую учебу. В отряде был организован партийный коллектив из 44 коммунистов и 3 сочувствующих. Отряд этот располагал 1 пулеметом, 343 винтовками, 45 берданками, 18.500 патронов и т. д. Обмундированием удовл творены были не все бойцы отряда, но настроение их было бодрое [1].

В Невском районе штаб внутренней обороны окончательно сконструировался к 20 октября — во главе с начальником внутренней обороны А. Л. Варгазиным. В районе к этому времени находился отряд коммунистов в 250 штыков, из которого вскоре 200 чел., по распоряжению председателя Реввоенсовета Республики, отданному через начальника внутренней обороны города, были выделены в особый отряд и срочно выбыли из района в Московскую Славянку. Оставшаяся часть отряда выставляла заставу в Обуховском районе. Оружие на наличный состав бойцов было, имелся 1 пулемет, но в пулеметных лентах и патронах ощущался недост ток. Инженерные работы в районе велись 16-м и 21-м строительствами, связь с соседними районами была живая. Вообще в районе был недостаток в специалистах [2].

В районе было приступлено к формированию районного отряда, который к 25 октября насчитывал в своем составе приблизительно 700 мужчин (село Смоленское, по Шлиссельбургскому проспекту, Невский стеариновый завод, дом № 48). Отряд этот должен был еще пополниться, так как мобилизация не была закончена. Учета командного состава и коммунистов к тому времени по отряду не велось, но партийный коллектив был все же организован из 16 коммунистов и 4 сочувствующих. Отряд был вооружен 3-линейными винтовками, точное количество которых выяснялось. Отряд в строевом отношении был разделен на три группы, из коих в первые две вошли лица, прошедшие в свое время программу всеобщего военного обучения, с третьей же группой велись строевые занятия. Бойцы отряда в большинстве пришли в собственной одежде. Ощущался недостаток обуви перевязочных средств, табаку; были жалобы на несвоевременное приготовление обеда.

---

[1] АЛОИ, связка № 18, политсводка политотдела управления внутренней обороны Петрограда.

[2] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 21, л. 37.

Группа партийных работников 2-го городского района г. Петрограда перед отправкой на фронт в октябре 1919 г.

Общее настроение отряда было несколько пониженным в связи с тем, что бойцы полагали, что их мобилизовали на 1—2 ночи. Культурно-просветительная и политическая работа велась слабо, хотя коллектив коммунистов принимал все меры к ее оживлению. 24 октября было проведено общее собрание бойцов отряда, которое прошло слабо.

По инициативе женской секции в районе организовались санитарные отряды. Женщины принимали активное участие в обороне района. Несмотря на то, что некоторое время эти работницы не получали пайка, работы по укреплению района близились к концу [1].

К 29 октября были получены более подробные сведения об отряде района, находившемся уже в последней стадии формирования. Успешному формированию мешали плохое снабжение обмундированием (недостаток шинелей, обуви, белья) и низкая политическая подготовленность рабочих, политическое воспитание которых требовало «долгой и упорной работы». В деле строевого обучения велось ознакомление бойцов с винтовкой, элементарным строем, метанием гранат. Отряд к этому времени уже состоял из 3 рот (прежде «групп»), из коих 1-я рота являлась наиболее обученной, 2-я мало обученной и 3-я совсем не была знакома с военным делом.

Сформированная команда связи знакомилась с проводкой сети и телефонными аппаратами. Установлена была телефонная связь со штабом района и другими ротами, предполагалось наладить связь с командами отряда. Команда гранатчиков в 36 человек обучалась владеть бомбой. Из всего отряда было вооружено винтовками 500 человек. Пищевое довольствие было удовлетворительным.

Настроение красноармейцев, безразличное в первые дни, в результате проведения нескольких политических бесед, улучшилось, но не были окончательно изжиты тенденции бойцов получать отпуска домой на ночь. Дезертирствовал за все время существования отряда только 1 человек, но самовольные кратковременные отлучки все же наблюдались, в частности, при посещении бани и околотка. Отряд давал большой процент больных, что объяснялось как возрастным составом мобилизованных, так и их

---

[1] АЛОИ, связка № 18, политсводка политотдела управления внутренней обороны гор. Петрограда за 25 октября 1919 г.

физической изношенностью вследствие голода. Род болезни — слабость, грыжа, ненормальность корпуса, вывихи и пр. — свидетельствовал, что эти болезни являлись результатом чрезмерного труда и лишений [1].

На одном из заседаний командного состава района под председательством командира районного отряда М. Г. Григорьева, в связи с характером недовольства бойцов отряда, было принято постановление установить отпуска на ночь 1/5 части каждого взвода, за исключением только той роты, которая несет караульную службу. Было решено усилить политическую и культурно-просветительную работу в отряде, ответственность за которую нес политический комиссар И. А. Варфоломеев.

К 30 октября в Невском рабочем отряде числилось 881 человек, из них командного состава — 42, красноармейцев — 100 и рабочих — 739. Коммунистов в отряде было 25 человек. Было получено обмундирование (700 фуражек, 400 гимнастерок, 400 шаровар, 400 поясных ремней). Боевая подготовленность отряда возросла, проводились тактические занятия. Отряд имел 8 пулеметов, но винтовок по числу людей не хватало. Настроение отряда улучшилось [2].

Таким образом, в тревожные дни октября 1919 г., Невский район располагал вначале боеспособным отрядом коммунистов в 250 человек, а впоследствии, к концу октября, имел уже вполне сформированный рабочий отряд. Условия района создали такое положение при формировании отряда из мобилизованных рабочих, когда наряду с их боевой выучкой необходимо было обращать внимание на поднятие политического самосознания мобилизованных, хотя никаких более или менее серьезных симптомов плохого настроения отряда на лицо не было. Но с точки зрения революционной дисциплины даже такие тенденции, как желание пожилых рабочих, у которых тут же в пределах района проживала семья, уходить из казарм на ночь домой, — не могли не привлечь внимания командования отряда. Слабое физическое здоровье мобилизованных рабочих и их сравнительно преклонный возраст являлись вполне естественным фактором, несколько понижавшим их не столько политическое,

[1] АЛОИ, связка № 18, политсводка политотдела управления внутренней обороны г. Петрограда за 29 октября 1919 г.

[2] Там же, политсводка политотдела управления внутренней обороны г. Петрограда за 30 октября 1919 г.

сколько боевое настроение, что не могло, в свою очередь, не отразиться на дисциплинированности отряда.

Революционная тройка 1-го городского района Петрограда (А. М. Аменицкий, И. А. Хименко и Д. И. Анучин) при формировании штаба обороны вся целиком вошла в состав вновь созданного органа. На заседании тройки и бюро районного комитета РКП (б) состав районного штаба внутренней обороны был сконструирован так, что все члены тройки получили в нем назначение: организатор района А. М. Аменицкий был назначен начальником внутренней обороны, другой член тройки, из военной секции, Анучин — начальником штаба, третий, заведывавший отделом коммунального хозяйства, Хименко — по автоотделу. Кроме этого, согласно директивы центра, были назначены начальники инженерной части, санитарной части и снабжения. Спустя некоторое время был организован отдел связи и артиллерийский отдел. Штаб расположился в здании районного совета.

К 18 октября при районном штабе создался уже боевой коммунистический отряд при районном комитете РКП(б) численностью в 300 человек. Отряд состоял из штаба, двух рот и команд: пулеметной — 8 чел., артиллерийской — 16 чел., связи — 80 чел., разведчиков — 25 чел. и инвалидов — 40 чел. Команда инвалидов несла службу по внутреннему охранению штаба отряда и районного комитета РКП(б). Инициатива создания этой боевой единицы исходила исключительно от товарищей из отряда; штаб внутренней обороны района, в этом отношении, был поставлен перед совершившимся фактом.

В ночь на 18 октября весь район был разбит на 5 секторов, во главе обороны которых были поставлены выделенные из боевого коммунистического отряда товарищи — бывшие унтер-офицеры. Все начальники внутренней обороны секторов получили соответствующие инструкции от районного штаба, при чем, в деле выработки этих инструкций принимали участие и сами начальники секторов. Вскоре определился штат обороны сектора, который состоял из начальника обороны, его помощника, двух сотрудников (по мобилизации гражданского населения и по снабжению), двух велосипедистов для связи и двух телефонисток [1].

[1] АЛОИ, связка № 37, «Оборона 1-го городского района».

Того же 18 октября районным штабом была составлена начальная схема обороны 1-го городского района. Согласно этой схемы внутренняя оборона района должна была происходить по общим директивам, данным к тому времени центральным штабом.

Начальная схема обороны, выработанная местными работниками, была составлена на основании учета всех местных условий 1-го городского района и заключалась в нижеследующем:

Артиллерийская оборона. — Подступы к 1-му городскому району охраняются двумя батареями по две пушки: у Американского моста—1 гаубицей, у Воздухоплавательной платформы Детскосельской жел. дор. — 2 легкими орудиями с наблюдательным пунктом на 4-м секторе. Батарея Американского моста имеет под своим обстрелом район сел: Романово, Смоленское и Михаила Архангела. Батарея Воздухоплавательной платформы имеет в виду Моск.-Винд.-Рыб. жел. дор. и участки левого фланга Московско-заставского района. Третий укрепленный пункт с двумя гаубицами был на Знаменской площади и по Лиговской улице, с обстрелом по Лиговке и Николаевской жел. дороге. При отступлении гаубичная батарея непосредственно переходит на правую сторону реки Невы, легкое же орудие переносится к Знаменской часовне — в 1-й сектор, с обстрелом на Знаменскую площадь.

Пехотная и пулеметная оборона. —На предполагавшейся первой линии позиции оборона происходит в районе 5-го сектора: от Сортировочного парка Моск.-Винд.-Рыб. ж. д. до Фарфоровой улицы. Здесь, в виду пустынной местности, было признано необходимым иметь окопы с пулеметными гнездами и проволочные заграждения. Для выяснения этого вопроса было решено произвести дополнительный осмотр местности. Предполагалось в данном районе, кроме того, устроить пулемет на вышке около керосинного склада Нобеля с хорошим обстрелом и обзором по всему впереди лежащему району.

4-й сектор должен был обороняться преимущественно по своей границе [1].

Оборона этого сектора была относительно слабой. Затем шли укрепления: у Воздухоплавательной платформы, на железно-

[1] К сожалению, по сохранившимся документам, не представляется возможным установить точные границы секторов 1-го городского района.

дорожной будке, наблюдательный пост, и там же впереди батареи пулемет, каковой перебрасывается в приготовленное место на углу Московско-Ямского проспекта и Камчатской улицы. В этом районе возводятся на некоторых улицах проволочные заграждения и баррикады, а именно: 1) у Дунайской улицы загораживается Московско-Ямской проспект; 2) Касимовская улица в центре и 3) Черноморская улица у входа в Московско-Ямской проспект. У этого заграждения при движении противника открывается из подвалов и окон домов ружейный огонь. На Волково-кладбищенской пожарной каланче устраивается наблюдательный пост для всей оборонительной линии и устанавливается пулемет. Проволочное заграждение проходит по деревьям кладбища. В районе кладбища должен вестись ружейный огонь от Американского моста, где устраивается так-же пулемет. На углу Черниговской и Рыбинской или Боровой улиц — пулемет с обстрелом на Моск.-Винд.-Рыб. ж. д. и Черниговскую улицу. Наблюдательный пост соседнего Московско-заставского района — на углу Расстанной и Боровой улиц, в 5-этажном доме.

За описанными двумя секторами идет вторая, намеченная полоса обороны — Обводный канал, т. е. районы 2-го и 3-го секторов, где должна была вестись уже чисто баррикадная борьба. На 3-м секторе были намечены лишь районы более выгодных обстрелов и места для установки пулеметов: 1) на Американском мосту с обстрелом вдоль канала и кладбища; 2) в здании Северной гостиницы с обстрелом Лиговки и Знаменской площади; 3) сооружения и пулеметы у часовни на Знаменской площади; 4) пулемет в здании Николаевской ж. д. с обстрелом площади на случай засады, и 5) пулемет в Александро-Невской лавре с обстрелом лавры и Старо-Невской улицы. Специальных сооружений баррикад и проволочных заграждений на данном секторе возводить не предполагалось. Обращалось внимание лишь на использование Обводного канала, а в случае подхода неприятеля — на необходимость уничтожения мостов.

Во 2-м секторе устанавливались пулеметы и размещались гранатчики. Ружейный огонь должен был открываться у Владимирской церкви и у заграждения улиц. Решено было использовать дровяной склад для обстрела Загородного проспекта. План укрепления тылового, 1-го, сектора разрбатывался.

Обучение сводно-боевого отряда РКСМ при ПК РКП(б).

Все вышеуказанные соображения должны были претворяться в жизнь после тщательного осмотра работниками района всех секторов и отдельных участков.

Отдел связи при штабе внутренней обороны района к 18 октября находился в стадии организации.

По прилегающим районам: 2-й городской, Смольнинский, Московский и Невский была послана живая связь, которой была дана определенная инструкция. Для этой связи район использовал работниц-коммунисток, которых предполагалось сорганизовать в команду ординарцев, доведя ее численность до 20 чел. Послана живая связь (2 велосипедиста) в штаб укрепленного района и в отдел связи. Устанавливалась связь с Петропавловской крепостью. Силами, выделенными из боевого отряда коммунистов (5 человек), был проведен прямой провод из Петроградского комитета РКП(б) в штаб обороны 1-го городского района и провод, связывавший штаб обороны 1-го городского района с боевым коммунистическим отрядом, расквартированным по проспекту 25-го октября. Предполагалось наладить техническую и живую связь с секторами, с 12 часов 18 октября к этой работе уже было приступлено. В каждом секторе намечалось устроить наблюдательный артиллерийский пост, связанный со штабом обороны сектора. Между секторами была установлена живая связь; штаб района принимал меры к тому, чтобы секторы со штабом района были связаны прямым проводом.

В распоряжении отдела связи имелось к 18 октября 5 исправных велосипедов.

При отделе имелся список всех телефонов воинских учреждений г. Петрограда [1].

Не лишена интереса выработанная 22 октября штабом внутренней обороны 1-го городского района нижеследующая инструкция по связи, так называемый «Наказ товарищам для связи»:

«Каждый товарищ, несущий службу связи, должен проникнуться сознанием, что роль [его], как связующего звена, — роль ответственная и важная. Он должен знать, что от успеха связи зависит успех всего дела. Поэтому:

1) Исполняя данное поручение, он должен быть занят исключительно им. Ничто не должно отвлекать товарища от поручения. Все силы, всю инициативу, всю энергию он должен направлять в сторону поручения.

---

[1] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 19, лл. 70, 71.

2) Каждый товарищ для связи обязан отлично быть знаком с районом, знать все его улицы и кратчайшие маршруты к известным пунктам. Кроме того, необходимо знакомство вообще с Петроградом. Это необходимо для быстрой ориентации и ускорения доставки.

3) Для товарища, [несущего службу] связи при исполнении поручения не должно быть преград. Он [должен] обойти все препятствия. В боевой обстановке он ни в коем случае не должен теряться. Нужно доставить распоряжение или донесение — и необходимо это сделать. Нет прямого пути — нужно пойти окольными. Является преграда — нужно ее уничтожить. Есть заслон — нужно через него пробиться. Прибегать к открытому столкновению и оружию нужно только тогда, когда других мер нет.

4) Всякое поручение должно быть выполнено точно, аккуратно и в самый короткий срок. Нужно запомнить, что от быстрой связи, от своевременной доставки распоряжения или донесения зависит успех всей операции.

5) Посланный с известными поручениями не должен никому перепоручать исполнение. Прибегать к перепоручению лишь в том случае, когда по дороге в полной мере лишается физической возможности сам закончить поручение, но при непременном условии, что тому, кому он перепоручает, он верит как самому себе. Если такого лица нет, то пакет должен быть уничтожен, дабы не попал в руки тех, кому попасть не должен.

6) Получив поручение и исполнение его, товарищ для связи должен воздерживаться от принятия пищи, напитков, курева и т. п. от посторонних лиц или купленных на улице или в лавочках. Вообще должен помнить, что у врага может быть отличная контр-разведка, которая пользует решительно все средства и способы в собирании нужных сведений.

7) Если на пакет производится покушение и товарищу для связи невозможно его отстоять, он обязан пакет уничтожить во что бы то ни стало (сжечь, если возможно — даже съесть, или так вообще уничтожить, чтобы прочесть не было возможности). Надо иметь в виду, что если только — смять или разорвать, то этого еще мало, ибо клочки всегда можно сложить и прочесть.

8) По причинам особой срочности или по другим причинам товарищу для связи могут быть даны поручения для устной передачи. В этом случае получающий определенное поручение должен тут же переспросить все неуясненное, непонятное и затем дословно повторить, дабы не было сомнений в безусловном усвоении. По исполнении поручения, товарищ обязан явиться [к] пославшему и должен повторить еще раз буквально, что именно он передал.

9) Порученное для устной передачи или маршрут поручения должны соблюдаться в безусловной тайне. Передача каких-либо, хотя бы отдельных и кажущихся незначительными, сведений известного поручения даже близким товарищам, лицам или родственникам — есть преступление.

10) [При] передаче какого-либо поручения отдельным товарищам для связи могут быть преподаны особые инструкции специально на данное поручение.

11) Товарищам для связи с мест надлежит произвести заранее разведку местности от коллектива до штаба, чтобы установить окольный маршрут (через пустыни, задворки, заборы и т. п.) на тот случай, если прямые пути будут отрезаны.

12) В соответствии с этим, при выделении товарищей для связи, нужно иметь в виду привлекать ловких и искусных [в] преодолении таких препятствий как заборы, рвы, канавы и т. п.

Примечание. Это касается не только товарищей с мест; желательно, чтобы все товарищи для связи обладали такой способностью.

Начальник внутренней обороны 1-го городского района *А. Аменицкий*» [1].

Этот «Наказ» свидетельствует, какое серьезное и вполне правильное значение придавали товарищи вопросам связи вообще и в условиях уличной борьбы в особенности. Поэтому так тщательно была выработана инструкция, выполнение которой лежало на обязанности лиц, несущих службу связи, преимущественно женщин-работниц [2].

После составления начальной схемы обороны района весь день 19 октября ушел на подготовительные работы, а 20 октября началось возведение укреплений.

21 октября приказом начальника внутренней обороны района за № 8, во изменение дополнения обязательного постановления Комиссариата по военным делам гор. Петрограда и губернии от 17 октября и согласно приказа начальника внутренней обороны Петрограда от 20 октября, была объявлена мобилизация трудящихся фабрик, заводов, предприятий, расположенных на территории 1-го городского района. Мобилизации подлежали все трудящиеся в возрасте от 18 до 43 лет, за исключением тех, кто был освобожден от военной службы по последнему медицинскому переосвидетельствованию, и рабочих следующих предприятий: табачной фабрики, хлебопекарни, авто-заводов, аэро-заводов, электрических станций и государственной фабрики производства одежды. Комитеты и коммунистические коллективы фабрично-заводских предприятий и советских учреждений обязывались в 3-часовой срок с момента опубликвоания приказа представить в приемную комиссию именные списки

[1] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело № 10, л. 139.

[2] В соответствующих материалах, характеризирующих деятельность штаба внутренней обороны 1-го городского района, есть указание на то, что в первые дни существования районного штаба не было уделено внимания службе связи и только в последующие дни этот «недосмотр» был исправлен полностью.

мобилизуемых. Призванные по мобилизации подлежали зачислению на боевой красноармейский паек, за семьями же мобилизованных оставалось право получения обще-установленного гражданского пайка.

Срок явки мобилизованных начинался с момента опубликования приказа и длился до 16 часов 22 октября; за несвоевременную явку лиц, подлежавших мобилизации, были ответственны, кроме непосредственных виновников, также фабрично-заводские комитеты и партийные коллективы.

Так как срок явки мобилизованных был чрезвычайно мал, то, фактически, процесс мобилизации растянулся на три дня. Всего явилось 443 чел., из них годных к военной службе оказалось только 337 чел. Такое незначительное число мобилизованных объяснялось тем, что большинство фабрик и заводов района обслуживалось женским трудом. Кроме мобилизованных, на 4 забронированных предприятиях района были организованы боевые группы, которые находились на казарменном положении.

В последующие дни октября окончательно уже была налажена как связь внутренняя (с 6-ю наблюдательными пунктами района, артиллерийским взводом, отрядом, с секторами), так и межрайонная (с Московско-заставским, Смольнинским, 2-м городским и Обуховским районами, а затем через коммутаторы этих районов и через коммутатор Петропавловской крепости — и с другими районами). Связь с центром осуществлялась посредством прямых проводов с крепостью, телеграфа, городского телефона и велосипедистов.

По распоряжению штаба внутренней обороны района был взят на учет весь транспорт — 12 легковых и 9 грузовых машин, затем машины гаража Николаевской жел. дор., а всего около 30 машин. Из этого количества на фронт было послано 17 грузовых и 5 легковых машин. Ремонт портившихся машин производился в гараже Николаевской жел. дор. Был взят на учет также и гужевой транспорт в количестве около 150 ломовых лошадей, которые в течение двух суток находились в полной готовности.

В санитарном отношении районный штаб создал 20 летучих санитарных отрядов, при чем организация этих отрядов, при недостатке квалифицированного персонала, была весьма целесообразной. Так, например, каждый отряд состоял из 1 студента

последнего курса медицинского факультета 2-го государственного университета, 2 студентов младших курсов и 2 работниц. Были взяты на учет 5 отрядов скорой помощи № 2 и все лечебные заведения; последние должны были выделить свои отряды для работ в районе расположения лечебных заведений. В каждом секторе было по четыре перевязочных пункта.

Снабжение районного отряда было удовлетворительным; единственным недостатком, как отмечали работники района, было то, что приходилось тратить много времени на получение пищи из общественной столовой, к которой был прикреплен отряд.

Снаряжение получалось из штаба внутренней обороны города.

За все время деятельности штаба внутренней обороны района был послан на фронт ряд мобилизованных товарищей, затем 11 санитарных отрядов из работниц, общим количеством в 110 человек [1].

В течение последних дней октября в план внутренней обороны района были внесены изменения в соответствии с общим планом обороны города, разосланным районным штабам 26 октября. За это время и в течение ноября были некоторые изменения в деле районных формирований, но эти моменты, как не столь характерные при выяснении обороноспособности районов города в наиболее критические дни борьбы за Петроград, сознательно здесь не освещаются.

Выводом из всей той работы, которая была проделана в 1-м городском районе, может служить то, что местными работниками района, в решающий период борьбы на подступах к Петрограду, в условиях не вполне достаточной осведомленности с порученным им делом, было сделано все возможное, чтобы подготовительные работы по сооружению укреплений на территории района проходили целесообразно. Начальная схема обороны района, составленная 18—19 октября, свидетельствовала, что товарищи сразу же стремились придать по возможности плановое, заранее обдуманное направление работам по обороне района с тем, чтобы избежать распыления сил и средств. В этом — большое преимущество штаба внутренней обороны 1-го городского района, который сумел в условиях неналаженности еще центрального аппарата по внутренней обороне го-

[1] АЛОИ, связка № 37, «Оборона 1-го городского района».

Отряд Петроградского губпрофсовета перед выступлением на Петроградский фронт.

рода и при отсутствии руководства сверху, создать некоторые предпосылки для последующей централизованной оборонительной работы, начавшейся по районам с момента получения первого варианта общего плана внутренней обороны гор. Петрограда.

Штаб внутренней обороны 2-го городского района был создан на экстренном заседании районного комитета РКП (б). Начальником внутренней обороны был назначен Т. Л. Самуйлов, его помощником М. У. Жуков.

Районным штабом в первую очередь была произведена мобилизация коммунистов из гражданских коллективов. Партийная мобилизация прошла быстро. Все мобилизованные коммунисты были разбиты на две группы, из коих одна группа в количестве около 100 человек была направлена в коммунистический отряд особого назначения для защиты подступов к Петрограду, а другая, около 200 чел., была влита в отряд внутренней обороны района.

Из женщин — членов РКП (б) и беспартийных рабочих были немедленно сорганизованы три группы санитарно-боевого отряда в количестве 80 чел. и отправлены на Петроградский фронт. Кроме этого, женщины были призваны нести службу связи и выполнять саперные работы, для чего в первом случае в команду связи районного штаба обороны женсекцией было командировано до 50 человек и во втором — в саперную каманду — до 30 чел. работниц.

Мобилизованные рабочие от 18 до 43 лет шли на формирование отряда внутренней обороны района, который состоял из коммунистической и караульной рот и команд: пулеметной, бомбометной, саперной и связи и легкой батареи. Командиром этого отряда внутренней обороны района был назначен А. Т. Синицын, комиссаром Д. Л. Неймушин.

На фабриках, заводах и в советских учреждениях были организованы боевые отряды для несения службы охраны; этими отрядами руководили местные революционные тройки. Из таких отрядов наибольшей численностью отличались отряды: 1) на почтамте и телеграфе, где было 160 чел., 2 пулемета и бомбометчики; 2) при Центральном управлении красноармейских лавок — 120 чел. (из военнослужащих); 3) при телефонной городской станции — 80 чел. из рабочих и служащих; 4) при Ново-Адмиралтейском заводе — небольшой отряд и 5) другие

более мелкие отряды, бывшие на остальных фабрично-заводских предприятиях.

Кроме районного отряда внутренней обороны и местных боевых отрядов на предприятиях и в учреждениях, штабом обороны района были сформированы две роты численностью в 235 чел. из членов Коммунистического союза молодежи; из этих рот часть комсомольцев была отправлена на Петроградский фронт.

При штабе обороны была авто-часть, выполнявшая задания по перевозке вооруженной силы по району, продовольствия, вооружения и прочих грузов [1].

Оперативный план обороны 2-го городского района был составлен только 24 октября. В это время наличные силы и средства района равнялись 1 батальону пехоты, 4 орудиям и 4 пулеметам. Для удобства управления, район был разбит на три боевых участка; первый боевой участок имел свою границу по линии реки Фонтанки, Крюкова канала и реки Невы; второй боевой участок Крюков канал—Фонтанка—Гороховая улица—р. Нева; третий боевой участок—Гороховая—Фонтанка—р. Нева. Во главе каждого боевого участка был поставлен начальник—командир роты. На обязанности последних лежала расстановка постов на заранее заготовленных местах и обеспечение участка резервом, который должен был располагаться в центре каждого участка, а именно: для 1-го боевого участка — здание Совета 2-го городского района, для 2-го боевого участка — Дом Совета (бывш. гостиницы «Астория») и для 3-го боевого участка — Зимний дворец.

В соответствии с разделением района на три боевых участка, в районе были намечены три линии обороны. Первая линия обороны проходила вдоль р. Фонтанки; важнейшие подступы к ней укреплялись пулеметами, а остальные — постами, располагавшимися на заранее укрепленных пунктах. Укрепленные пункты были оборудованы всеми техническими средствами, какие только имелись в распоряжении штаба обороны. Установка орудий, пулеметов и проволочных заграждений, укрепления домов, садов, мостов и других оборонительных пунктов производились специалистами. Связь между постами, соседними районами и орудиями — телефонная и живая. 2-я линия обороны

---

1 АЛОИ, связка № 37, «Оборона 2-го городского района».

шла по Екатерининскому каналу и перехватывала все главнейшие направления. Оборона линии лежала на постах, находившихся на укрепленных пунктах. Особое внимание было обращено на укрепление Государственного банка.

3-я линия обороны должна была прикрывать подступы к районному совету и к мостам через р. Неву. Здесь особенно укреплялись Марсово поле, Летний сад, Зимний дворец, дворец Труда и все прилегающие к ним мосты. Налаживалась связь и было приступлено к саперным работам. Опорные пункты этой линии были местом сбора всех команд и вооруженных одиночек, вынужденных в силу боевой обстановки, отступать со своих постов. Этим опорным пунктам придавалось значение маленьких крепостей, на которых должен был приниматься решительный бой.

Всех укрепленных пунктов в районе было 37. В домах, приспособленных к обороне, для стрелков должны были иметься приспособления и запасные пулеметные гнезда. Некоторые дома по набережной р. Фонтанки имели специально оборудованные проходные дворы.

Согласно проекта оборонительных работ 2-го городского района намечались, например, следующие сооружения для укрепления 1-й оборонительной линии, идущей вдоль р. Фонтанки: Калинкин мост — окоп на 1 взвод и пулеметная площадка на 1 пулемет; фасад Александровского рынка вдоль р. Фонтанки, здание редакции «Известий», здание малого театра и пр. — приспосабливался к обороне 2-й этаж; Инженерный замок — приспосабливался к обороне овальный балкон и угол у Летнего сада, в Летнем саду — по углам окопы на 1 отделение, и т. д.

Вдоль второй оборонительной линии — набережная Екатерининского канала—Садовая улица—Марсово поле были спроектированы аналогичного характера сооружения: Марсово поле— 2 взводных окопа, пулеметная площадка на 2 пулемета и ходы сообщения к могилам жертв революции; Мариинская площадь— прикрытие для одного полевого орудия; район Совета 2-го городского района — весь район обносился проволочными заграждениями, в окнах устраивались бойницы; во Дворце Труда, Адмиралтействе и Зимнем дворце в окнах устраивались бойницы и пулеметные площадки.

Имевшиеся в распоряжении штаба обороны 4 пулемета были расположены в следующих пунктах: 1) на углу цирка Чини-

зелли с обстрелом Симеоновской, Инженерной и Караванной улиц; 2) у Чернышева моста с обстрелом Чернышева моста, Чернышева переулка и линии р. Фонтанки; 3) у дома № 170 по набережной р. Фонтанки с обстрелом здания Экспедиции заготовления государственных бумаг, Английского мостика и р. Фонтанки; 4) у Калинкина моста с обстрелом моста, Петергофского проспекта и р. Фонтанки.

Деревянные мосты (маловажные) были приготовлены к сожжению.

План артиллерийской обороны был выработан районным начальником артиллерии. Имевшиеся 4 орудия образца 1902 г., взятые из запасной легкой батареи, были установлены на таких пунктах, от которых имелся наилучший обстрел подступов ко 2-му городскому району. Одно орудие было поставлено на Галерном острове и должно было обстреливать районы Екатерингофа и город, Лифляндскую и Эстляндскую улицы. Второе орудие стояло на Мариинской площади для обстрела всего Измайловского и Вознесенского проспектов. Третье и четвертое орудия стояли в Александровском саду для обстрела с одного — Комиссаровской улицы и с другого — проспекта 25-го Октября. На каждом орудии были разработаны все данные для стрельбы по участкам и перекресткам улиц, при чем приказано было, чтобы эти данные были бы написаны на дощечках у каждого орудия. Из-за тесноты обстреливаемых улиц при такой постановке орудий трудно было наблюдать за происходящим на улицах, а потому на всех важнейших пунктах района артиллерийского обстрела было организовано наблюдение. Таких «пунктов оповещения» было несколько для каждого орудия. Места для этих пунктов выбирались в зданиях, из которых хорошо был виден ближайший участок, перекрестки и т. п. Все наблюдательные пункты, согласно плана артиллерийской обороны, должны были заниматься наблюдателями и телефонистами во время самого боя, при чем для успеха боя и его организованности эти пункты должны были своевременно получать информацию о том, что происходит в ближайших кварталах.

Снаряды между орудиями были распределены равномерно по 200 выстрелов на орудие, при чем по 48 снарядов находилось при каждом орудии, остальные составляли запас, который находился в бывш. манеже Конной гвардии и в сарае на Галерном острове вместе с орудийными передками и зарядными ящиками

и должен был подвозиться к орудиям при начале внутреннего боя в Петрограде.

В начале боевых действий в пределах города управлением артиллерии должна была высылаться живая связь в передовые Нарвско-Петергофский, Московско-заставский и 1-й городской районы.

Вполне правильно указывалось в плане артиллерийской обороны района, что успех боя будет зависеть от взаимной связи и своевременного осведомления пехотных и артиллерийских начальников о всем происходящем.

Таковы были планы и предположения у штаба внутренней обороны 2-го городского района к 24 октября 1919 г.

В сопроводительной бумаге к этому плану, который препровождался начальнику внутренней обороны г. Петрограда 24 октября 1919 г. за № 340, говорилось, что все оборонительные работы, намеченные планом, по состоянию к 24 октября выполнены на 65%[1].

При напряженнейшей работе в течение недели штабу обороны и районному комитету РКП(б) удалось привести район в боевую готовность. Выработанный районным штабом план обороны района отличался в общем своей целесообразностью и конкретностью. Точно установленные границы боевых участков, ясно намеченные оборонительные линии, укрепленные пункты и т. п. — являются положительной отличительной чертой этого плана. В этом отношении план обороны 2-го городского района в выгодную для себя сторону отличался от такого же плана, составленного для обороны 1-го городского района. Однако, при сравнении этих двух планов обороны смежных районов, план обороны 1-го городского района значительно выиграл во времени и сумел с первых же дней существования районного штаба внести некоторую плановость в работу, так как был составлен 18—19 октября; план обороны 2-го городского района был более продуманным и точным, но, как составленный только 24 октября, не совпадал во времени с моментом наиболее острого положения на фронте. Хотя он (план) и предупредил появление в районах общего плана внутренней обороны города, но все-таки являлся несколько запоздалым в работе штаба внутренней обороны 2-го городского района.

---

[1] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 19, лл. 63—66.

Для Василеостровского района период с 13 по 21 октября 1919 г. явился периодом мобилизаций и предварительных работ по приведению района в оборонительное состояние.

13 октября было созвано экстренное заседание Василеостровского районного комитета РКП(б). На повестке дня стояли вопросы: 1) военное положение; 2) о чрезвычайной районной тройке и 3) о мобилизации. На заседании была сделана информация о постановлении собрания организаторов при Петроградском комитете РКП(б), после чего заседание решило всех коммунистов зачислить в отряд особого назначения и произвести в ночь на 15 октября по району обыски. По предложению — организовать в районе специальный женский отряд было вынесено поста новление договориться об этом формировании с секцией работниц [1].

За эти и последующие дни октября штаб внутренней обороны района приступил к формированию вооруженной силы для защиты района. Помимо отряда особого назначения, куда входили только коммунисты, было начато формирование боевого рабочего отряда, боевого отряда работниц и двух партизанских отрядов. Настроение трудящегося населения района вполне способствовало такой широкой программе формирований. Руководители обороны района в таких, например, словах характеризовали настроение рабочих:

«С момента наступления [Юденича на Петроград] в настроении рабочих произошел значительный перелом. Усталость и апатия, вызванные голодовкой и постоянным нервным напряжением, словно в воду канули. Рабочие подтянулись. Резко поднялась производительность труда на заводах, получивших срочные военные заказы» [2].

Рабочие Финляндского речного пароходства вместе с женщинами и подростками изъявили добровольное свое согласие быть мобилизованными и в знак этого все явились в казармы, где был расположен боевой коммунистический отряд района.

Партизанских отрядов было сформировано два, туда вошли смелые, энергичные рабочие и часть красноармейцев. Эти отряды были отправлены на фронт и принимали участие в боевых действиях под г. Гатчиной и на других участках фронта; в результате боев отряды потеряли больше половины своего наличного состава.

---

[1] АЛОИ, связка № 8, дело № 102.

[2] Там же, связка № 37, «Оборона Василеостровского района».

Ядром сформированного в районе боевого отряда женщин-работниц были коммунистки. Военное обучение в этом отряде велось с утра до поздней ночи. По истечении десяти дней отряд превратился в прочную, дисциплинированную военную единицу. Однажды отряд по тревоге собрался в течение 4 минут.

Боевой отряд женщин-работниц Василеостровского района насчитывал около 200 чел., из коих 25 чел. были в пулеметной команде, 40 чел. — в саперной, 52 чел. — в бомбометной и 50 чел. — в санитарной команде. Значительная часть санитарного отряда 17 октября была отправлена на фронт [1].

Работники района отмечали, что в деле обороны отряд сыграл большую роль. Он нес охрану наиболее важных пунктов района, как фабрично-заводские предприятия, электрическая станция, мосты и т. п. и часто, за неимением свободных людей, нес караулы круглые сутки. Через некоторое время часть работниц добровольно поехала на фронт в качестве заградительного отряда против дезертиров. Окончательное расформирование отряда произошло после благополучного завершения контр-удара частей Красной армии на Петроградском фронте [2].

20 октября, в 23 часа 25 минут, штаб внутренней обороны района доносил начальнику внутренней обороны города, что из отряда коммунистов выставлены заставы у Николаевского, Дворцового и Тучкова мостов. По району были высланы патрули. Была произведена облава на рынке, в результате которой было задержано 52 чел. спекулянтов и подозрительных лиц, которые были привлечены к работам по укреплению района. К этому времени был произведен осмотр квартир во всех домах, расположенных на набережной р. Большой Невы. Коммунистический отряд был приведен в боевую готовность; 20 коммунистов из отряда направлено было в Смольный. Закончилась разбивка некоторых позиций, пулеметных площадок и гнезд. Приняты были все меры к подготовке мобилизации трудящихся, объявленной на 21 октября [3].

---

[1] А. Богат — «Работница и крестьянка в Красной армии», Гос. изд. 1928 г., стр. 43.

[2] АЛОИ, связка № 37, «Оборона Василеостровского района».

[3] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 28, л. 1.

К 24 октября в районе было установлено пять легких орудий, два из коих — у здания Биржи и три — около Балтийского завода. К этому времени были получены и снаряды. Тогда же районный штаб внутренней обороны приступил к формированию «отряда внутренней обороны Василеостровского района», использовав для этого коммунистический отряд и мобилизованных рабочих [1]. К 30 октября этот отряд внутренней обороны района насчитывал 300 человек; из партийцев был организован коллектив. Настроение бойцов было хорошим [2].

Для укрепления района штаб внутренней обороны приступил к поголовной мобилизации населения. Всего по рытью окопов, установлению проволочных заграждений, рогаток и т. п. работало свыше 47.000 граждан, в числе коих даже средние обывательские элементы населения «работали вполне добросовестно» [3].

Саперная команда женщин ежедневно наряжала 40 своих саперов в качестве инструкторов по возведению оборонительных сооружений. В распоряжении этих 40 женщин — саперных инструкторов фабрично-заводские предприятия давали ежедневно до 900 работниц [4].

В результате всех работ с течением времени район был укреплен в достаточной степени [5]. Были сделаны пулеметные гнезда, установлены орудия (одно из них было направлено на Николаевский мост), были укреплены здания и прочие пункты города. Работники района писали:

---

[1] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 28, л. 47.

[2] АЛОИ, связка № 8, дело № 109.

[3] Там же, связка № 37, «Оборона Василеостровского района».

Указанная цифра мобилизованных на оборонительные работы является итоговой данной всего количества рабочих рук, которое было использовано для дела обороны с момента организации внутренней обороны районов и до конца существования таковой.

[4] А. Богат — «Работница и крестьянка в Красной армии», Гос. изд. 1928 г., стр. 43.

[5] Использованный здесь доклад штаба внутренней обороны Василеостровского района отличается полным отсутствием точных цифровых данных и дат производства тех или других оборонительных работ. Дается только положительная оценка работы штаба в общих формулировках, не позволяющих сделать абсолютно верный вывод о степени боевой готовности района в наиболее критический момент на фронте.

«Район приготовился... Мы ждали белых спокойно, уверенные, что, переступив пределы (Васильевского) острова, они уже больше не выйдут из него» [1].

За время оборонительных работ в районе почти ежедневно производились облавы и массовые обыски, для чего были брошены тысячи рабочих, работниц. Руководившие обороной района утверждали, что не осталось ни одного буржуазного чердака, который не был бы трижды перерыт до основания. Одновременно с этим велась усиленная борьба с дезертирством.

Партийная работа в районе, как указывалось на собрании организаторов Василеостровского районного комитета РКП(б) 30 октября 1919 г., за последние дни совершенно не велась. На фабрично-заводских предприятиях оставалось по 2—3 коммуниста. Некоторые заводы, как Трубочный, не работали; рабочие были мобилизованы, на заводах остались только местные революционные тройки.

Только на Балтийском заводе продолжалась работа; работало 2.500 человек, которые не были мобилизованы. Партийной работы не велось, так как на заводе осталось только 6 коммунистов-инвалидов [2].

Общее же настроение трудящихся района в течение всего времени оборонительных работ было вполне устойчивым и бодрым.

Таким образом, в деле внутренней обороны Василеостровский район приложил все силы к тому, чтобы не отставать в этом отношении от других районов города. Отсутствие документов, характеризующих деятельность районного штаба обороны, не позволяет сделать другие выводы о степени обороноспособности района. Район в боевую готовность приводился постепенно, и для этого был использован довольно значитель-

---

[1] Весьма характерно, что аналогичная уверенность в целесообразном использовании свойств Васильевского острова была и у лиц, ведущих в то время (октябрь) в самом районном штабе внутренней обороны контрреволюционную, предательскую работу. Разница заключалась только в том, что первые ожидали поражения частей Северо-западной армии, в случае проникновения их в пределы района, вторые — подготавливали тот же Васильевский остров для того, чтобы сделать его местом гибели Коммунистического боевого районного отряда.

[2] АЛОИ, связка № 8, л. 109.

ный отрезок времени второй половины октября и первой половины ноября 1919 г. Утверждения местных работников о боевой готовности района вообще, приведенные выше, следует отнести, в лучшем случае, к последней неделе октября.

С другой стороны, нельзя не констатировать инициативы штаба обороны района, проявленной в деле использования всех ресурсов района для формирования нескольких отрядов, часть бойцов из которых была отправлена на фронт, другая — составляла живую силу внутренней обороны района. Необходимо также отметить, что первой боевой, вполне стойкой, единицей в районе был коммунистический отряд особого назначения, на который выпала бы вся тяжесть обороны района в случае вторжения в пределы города в двадцатых числах октября Северо-западной армии. После 20—21 октября район уже мог располагать большими силами и тем самым защита района имела бы больше шансов на успех.

В отношении производимых часто обысков в районе, которые должны были в своем результате увеличивать предпосылки для победы над врагом, нужно отметить, что полного эффекта эти обыски не дали. Бдительность работников района не нашла своего конкретного выражения в большом масштабе. Притаившаяся измена, подготавливавшая почву для победы противника, свила себе прочное гнездо в самом штабе внутренней обороны, в лице начальника штаба, и имела связь с одной из руководительниц контр-революционной организации, состоявшей членом Василеостровской организации РКП(б). Она присутствовала иногда на заседаниях районного комитета РКП(б) и под видом деятельного участия в формировании санитарных женских отрядов, проводила в жизнь планы заговорщиков.

В Петроградском районе революционная районная тройка в составе: А. Ф. Смирнова (ответственный организатор района), А. Гусева (председателя районного совета) и А. Соболева (зав. гражданским отделом районного совета), после получения 16—18 октября директив из Петроградского комитета РКП(б), немедленно приступила к организации штаба внутренней обороны, укреплению района и мобилизации коммунистов.

В районный штаб внутренней обороны вошли: в качестве начальника обороны—А. Гусев, его заместителя—А. Смирнов и начальника штаба—Сайко.

С момента объявления осадного положения в районе был создан Революционный трибунал, который за все время своего существования рассмотрел несколько десятков дел и вынес несколько смертных приговоров белогвардейцам и бандитам, за другие преступления виновные приговаривались к нескольким годам принудительных работ. В результате деятельности трибунала преступления по району сократились до минимума.

Партийная мобилизация закончилась в несколько часов. Из мобилизованных сразу же был создан боевой отряд в 137 мужчин и 80 женщин-работниц; все поставленные под ружье получили снаряжение и обмундирование.

При проведении партийной мобилизации были освобождены только те товарищи, которые числились в партийных коллективах фабрично-заводских предприятий, работавших по заказам военного ведомства, хотя и здесь, в зависимости от обстоятельств и характера работы, часть партийных коллективов некоторых предприятий становилась под ружье.

Районный штаб немедленно приступил к оборонительным работам по укреплению района. Были осмотрены все крепостные стены Петропавловской крепости, намечены наиболее выгодные для частей гарнизона позиции и т. п. Было решено поставить на набережной р. Невы 2 орудия и несколько пулеметов для обстрела всей противоположной стороны р. Невы и мостов; в окнах одного из домов на площади и набережной были устроены бойницы; были указаны места на площадях и в парках для рытья окопов и постановки проволочных заграждений. Всю эту предварительную работу в спешном порядке выполняли указанные выше силы района. Мосты и улицы охранялись круглые сутки. В эти тревожные для Петрограда дни штаб района единогласно решил не отступать. «Победить или умереть»—таков был лозунг дня. Это решение районного штаба было вынесено на общее собрание всего отряда района, где получило, в свою очередь, единогласное одобрение. Предложение об эвакуации семей бойцов отряда не встретило никакого сочувствия и желающих воспользоваться им не нашлось.

19 октября в районе было получено распоряжение о мобилизации всех лиц в возрасте от 18 до 43 лет, не эксплоатирующих чужого труда. Во исполнение этого приказа районным штабом была выделена мобилизационная комиссия, которая в своей работе должна была руководствоваться тем, чтобы моби-

Орудийная установка в Александровском саду (ныне — Сад Трудящихся) для обстрела Гороховой улицы (ныне — улица Ф. Э. Дзержинского).

лизация ни в коем случае не отразилась бы на работе фабрично-заводских предприятий и в особенности на тех, которые удовлетворяли военные нужды.

Относительно этой широкой мобилизации руководители района в свое время писали:

«На мобилизационный пункт рабочие приходили дружно, всем заводом или фабрикой; ни у кого из них не было и тени каких-либо сомнений, все относились спокойно и серьезно».

Все принятые по мобилизации отправлялись немедленно в отряд и там зачислялись в одну из формирующихся команд специального назначения. Мобилизованные, не исключая и женщин, проходили ежедневно военное обучение, главным образом учились владеть винтовкой и знакомились с азбукой военного дела.

К 21 октября всего по району было мобилизовано мужчин и женщин около 600 чел. Одновременно производились ежедневные мобилизации населения до 500—700 чел. для рытья окопов и прочих оборонительных работ. Для этой работы были использованы и задержанные при обысках и облавах спекулянты.

Того же 21 октября были закончены некоторые окопы, поставлены проволочные заграждения, набиты песком мешки, установлены на позициях орудия. Началось также укрепление района и со стороны Карельского боевого участка (Новая деревня — Коломяги и прилегающая местность).

В 1 час ночи на 21 октября районный штаб внутренней обороны получил приказание о немедленном занятии отрядом района позиций, во исполнение чего, по истечении 10 минут, бойцы отряда, получив по 30 штук патронов на каждого, отправились в боевом порядке во главе с начальником районного штаба на укрепленные к тому времени пункты. С отрядом выступили и женщины в качестве санитарок и команда связи в количестве 30 человек.

22 октября из отряда района 75 чел. было откомандировано в Невский район с дальнейшим направлением на Колпино [1].

23 октября по распоряжению районного штаба был оцеплен Центральный рынок, где было задержано 120 чел., не имевших на руках установленных документов; аналогичная работа была проделана и на следующий день на Центральном и Дерябинском

---

[1] АЛОИ, связка № 37, «Оборона Петербургского района».

базарах, где было задержано 60 человек. Все арестованные при облавах 23 и 24 октября были посланы на окопные работы [1].

Численность отряда внутренней обороны района в зависимости от хода мобилизации постепенно увеличивалась. Так, на 25 октября в отряде числилось 1.246 чел., в том числе 503 чел. приходивших на окопные работы. В тот же день состоялось общее собрание отряда по вопросу о положении на фронте.

За 26 октября прибыло в отряд еще 52 чел. мобилизованных. 12 женщин-санитарок получили командировку на финский участок фронта. Состоялось партийное собрание в отряде, на котором решено было произвести выборы организатора коллектива [2].

К 12 часам 26 октября были сформированы три роты и несколько команд. В 1-й роте насчитывалось 146 чел.; во 2-й роте — 228 и в 3-й роте — 190 человек. В командах: пулеметной — 28; связи — 18; гранатчиков — 26; нестроевой — 22 и при штабе отряда — 22 чел.

Женский отряд, постоянный, имел в своих рядах 138 работниц [3].

По другим источникам, этот женский отряд насчитывал по списку всего 124 чел. и именовался «женским коммунистическим отрядом Петроградского района». Все женщины были мобилизованы еще 14 октября 1919 г.

Чрезвычайно интересны сохранившиеся сведения об этом отряде. В отношении партийности женщины отряда делились следующим образом: из 124 чел. беспартийных было 20, сочувствующих 48, остальные 56 чел. — кандидаты и члены РКП(б). Возраст определялся следующими данными: из 124 чел. сведения о возрасте были получены на 96 чел., из коих до 20 лет включительно было 47 чел., от 21 до 30 лет включительно — 41 чел., и свыше 30 лет — 8 человек.

Отряд сформировался при ближайшем участии организатора женсекции Петроградского района А. А. Евстигнеевой, 23 лет, члена РКП(б), работавшей в 1-й государственной типографии.

Политическим организатором отряда была П. А. Шеметова, 26 лет, член РКП(б), советская служащая. Помощником

---

[1] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 28, л. 33.

[2] АЛОИ, связка № 18. Политсводки политотдела управления внутренней обороны гор. Петрограда за 25 и 26 октября 1919 г.

[3] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 28, л. 37.

организатора и заведывавшей санитарками отряда состояла Р. А. Каплан, 24 чет, член РКП(б), школьный инструктор.

Для военного обучения женского отряда к нему был прикомандирован инструктор П. В. Яковлев, 30 лет, беспартийный, красноармеец, слесарь.

Из числа женщин назначались и взводные командиры. В числе таковых была М. В. Дроздова, 16 лет, член РКП(б), фальцовщица с фабрики «Светоч», А. Д. Мельникова, 25 лет, сочувствующая, швея с трикотажной фабрики бывш. Керстен, и Л. В. Сухарева, 24 лет, член РКП(б), работница.

Отряд комплектовался исключительно из работниц, среди которых была разбивка в отряде на рядовых, санитарок и связисток [1].

В другом женском отряде, с переменным составом, числилось 434 человека.

Всего, таким образом, в отряде внутренней обороны района, включая и переменный состав, к 26 октября было 1.252 чел.

Отряд располагал следующим вооружением: 3-линейных винтовок было 328, гранат разных систем — 192 и 4 пулемета (2 системы «Кольта» и 2 — «Максима»).

К этому сроку были заготовлены рогатки для забрасывания проходов между проволочными заграждениями, были поставлены проволочные заграждения в два ряда в районе Троицкой площади на протяжении 28 сажен. На набережной Петра I было сделано 22 траверса из мешков, набитых землей, блиндаж, закончена максировка орудий и т. д. [2].

К 28 октября 1919 г. отряд внутренней обороны Петроградского района насчитывал всего 939 чел., из них 774 мужчин и 155 женщин. Коммунистов в отряде было 93 чел., кандидатов 7, сочувствующих 102 и интернационалистов 1 чел. Были организованы 4 ротные коммунистические ячейки.

28 октября состоялось собрание организаторов, где говорили о постановке партийной работы в отряде. В тот же день отряд получил впервые газеты. Отрицательной стороной в жизни отряда были самовольные отлучки бойцов отряда, насчитывавшие до 10 случаев в день. В бегах с начала существования отряда

---

[1] ЛАБ, партсекция, дела Петроградского района, связка № 22, по описи № 16, лл. 12—17.

[2] Там же, АКА, фонд № 249, дело по описи № 28, л. 37.

и до 28 октября числилось всего 17 человек, из коих 16 беспартийных и 1 коммунистка. По отношению к этим лицам применялись дисциплинарные взыскания. К 30 октября самовольные отлучки стали выражаться в 50% ежедневно. Было принято решение делать ночную проверку и ввести строгий контроль со стороны дежурных.

Строевые занятия производились ежедневно. Ощущался недостаток в обмундировании.

На общем партийном собрании, состоявшемся 29 октября, было избрано бюро партийного коллектива отряда. Газеты, литература, плакаты стали поступать регулярно [1].

Распоряжением штаба внутренней обороны в районе было открыто 14 санитарных пунктов, дежуривших круглые сутки. Для подготовки персонала были организованы краткосрочные курсы. Были мобилизованы также все транспортные средства района.

Со времени организации внутренней обороны города в районном комитете РКП (б) был оставлен для ведения текущей работы только один секретарь районного комитета — И. И. Емельянов. Вся основная партийная работа была возложена на районный штаб обороны.

Результаты партийно-политической и культурно-просветительной работы в отряде выразились в пополнении партийного коллектива отряда новыми партийцами. Партийная неделя дала 53 товарища из отряда, в том числе 8 женщин. В течение 46 дней существования отряда внутренней обороны Петроградского района было проведено 27 партийных собраний и 4 общих собрания всего отряда, где ставились вопросы о защите Петрограда, о текущем моменте и пр. Бойцам отряда раздавалась в большом количестве литература, проведено было празднование 2-й годовщины Октябрьской революции, во время которого отряд получил знамя.

В первой половине декабря 1919 г. весь отряд был распущен, только 25 чел. из него было послано на командные курсы [2].

---

[1] АЛОИ, связка № 18, политсводки политотдела управления внутренней обороны гор. Петрограда за 28, 29 и 30 октября 1919 г.

[2] Там же, связка № 37, «Оборона Петербургского района»; отчет о работе районного штаба обороны был написан 16—18 апреля 1920 г. быв. ответственным организатором Петроградского района в октябре 1919 г. А. Смирновым.

На основании вышеизложенных данных о работе штаба внутренней об роны Петроградского района представляется возможным сделать следующее заключение.

Работники района принимали все меры к укреплению района и к созданию боевой силы, при чем эти меры, согласно сохранившихся материалов и в связи с общими директивами центра, принимались своевременно.

Мобилизация коммунистов прошла чрезвычайно быстро и тем самым дала возможность районному штабу обороны начать срочные подготовительные работы по укреплению участков района. Работницы оказывали самую действенную поддержку в обороне района, в деле несения службы охранения и т. п.

Общее настроение трудящегося населения позволило провести широкую мобилизацию последних живых ресурсов и создать к 24—25 октября сравнительно сильный районный отряд.

Партийная политическая работа в районе и в отряде, несмотря на ее общую свернутость, обеспечила бодрое настроение бойцов отряда и в чрезвычайно серьезный момент для Республики дала приток в партию свежих сил.

Самовольные отлучки бойцов отряда в последних числах октября были естественой реакцией после дней максимального напряжения физических и моральных сил и, с другой стороны, имели своим основанием те же причины, которые были указаны выше в отношении других районов.

Представление о работе штаба внутренней обороны Выборгского района дают самые скудные источники.

19 октября 1919 г. революционной тройкой были сформированы штаб внутренней обороны района и отряды на фабрично-заводских предприятиях. Начальником внутренней обороны («комендантом») района был назначен И. И. Моисеев, начальником штаба Н. К. Большаков.

Мобилизация рабочих и служащих прошла успешно, всего к 19 октября было призвано 1.300 человек, которые впредь до распоряжения продолжали оставаться на своих предприятиях, образовав там местные отряды. В каждый такой отряд назначались командир и политический руководитель, которые обязывались озаботиться приведением отряда в боевую готовность. Для отрядов было затребовано оружие и обмундирование. Были приняты срочные меры по снабжению мобилизованных продо-

вольствием и для подыскания им казарменных помещений. В распоряжении штаба обороны находился отряд милиционеров и курсантов в 50 чел. [1].

Работницы приняли и в этом районе активное участие в деле обороны. Ими был организован боевой отряд в 250 чел. и санитарный отряд в 150 чел. Боевой женский отряд нес службу охраны, проходил военное обучение и в дальнейшем выделил часть на фронт. Для окопных работ район дал 1.200 работниц [2].

Оборонительные работы по укреплению позиций в районе были закончены к 25 октября. К этому времени были поставлены на заранее приготовленные места и орудия [3].

Из этих отрывочных данных деятельности штаба внутренней обороны Выборгского района можно сделать только единственный, наиболее соответствующий действительности вывод о ранней и, в общем, успешной мобилизации трудящихся района. Если по другим районам сохранившиеся материалы говорят о проведении широкой мобилизации только после 21—22 октября, то использованный выше документ тройки революционной обороны Выборгского района со всей определенностью констатирует факт закончившейся широкой мобилизации к 19 октября. В этой инициативе работников района заключалась весьма положительная сторона всей их деятельности, так как в наиболее критический момент для Петрограда район мог располагать довольно значительными силами, которые в организационном отношении были своевременно закреплены за районом.

В Смольнинском районе штаб внутренней обороны был организован 18 октября на заседании революционной районной тройки. Начальником внутренней обороны был назначен С. Н. Янус, его помощниками — члены революционной тройки С. Н. Овсянников и И. Орлов, начальником штаба — А. М. Петров. Были утверждены также начальники частей штаба и члены районного революционного трибунала [4].

Благодаря энергичной деятельности штаба район к 20 октября находился в разгаре оборонительных работ. Все боеспособные

---

[1] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 21, л. 13.

[2] А. Богат — «Работница и крестьянка в Красной армии», Гос. изд., 1928 г., стр. 44.

[3] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 21, л. 36.

[4] Там же, л. 46.

ммунисты встали под ружье. Начальник внутренней обороны района 20 октября доносил начальнику внутренней обороны города, что:

«Все имеющиеся силы приведены в общую боевую готовность. Люди находятся на своих местах. В районе все спокойно» [1].

Мобилизация трудящихся была назначена на 21 октября. В районе за эти дни наблюдалось разбрасывание белогвардейских воззваний за подписью генерала Юденича с призывом к населению не повиноваться советским властям. 4 экземпляра этой листовки в конверте и за печатью 63-й почтовой конторы были отправлены работниками района в Петроградскую чрезвычайную комиссию [2].

Связь в районе была живая и техническая. Работницы составляли основное ядро связистов в районе. Применялись для службы связи и самокатчики.

Для возведения укрепленных позиций ежедневно с фабрик и заводов являлись сотни рабочих и работниц, которые работали под руководством 25-го военного строительства. В общем итоге—в работах по обороне принимало участие до 21.000 человек.

Орудия и пулеметы были расставлены на позиции. В районе было установлено 3 наблюдательных пункта. Для переброски орудий применялись трамвайные площадки.

На станциях скорой помощи были организованы перевязочные отряды; кроме этого, было создано несколько летучих санитарных отрядов из работниц.

Все мобилизованные проходили ежедневные военные занятия; с момента слияния всех районных отрядов внутренней обороны в 1-й стрелковый полк внутренней обороны Петрограда на фабрично-заводских предприятиях было приступлено к организации партизанских отрядов и отрядов всеобщего военного обучения. Для несения караульной службы по району были призваны работницы, которые на добровольных началах сформировали женский партизанский отряд.

Революционный районный трибунал всей своей работой способствовал обороне района. За время своего существования трибу-

---

[1] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 19, л. 9.

[2] Там же, дело по описи № 21, л. 12.

нал рассмотрел 120 разнообразнейших дел, большая часть из которых заканчивалась приговорами к принудительным работам и только 7 чел. за контр-революционную и чисто уголовную деятельность были приговорены к расстрелу.

Настроение трудящихся района за время осадного положения, несмотря на трудности и всевозможные слухи, было бодрым и уверенным [1].

Такова была, в общих чертах, работа штаба внутренней обороны Смольнинского района. За неимением материалов не представляется возможным сделать ряд конкретных выводов о ходе оборонительных работ в районе, которые к 21 октября были только в самом разгаре.

В Обуховском районе штаб внутренней обороны сформировался 18 октября 1919 г. Назначенный начальником обороны К. Ильин того же числа доносил начальнику внутренней обороны города, что в районе, в клубе коммунистов, имелось 687 винтовок, 2.000 патронов, 1 пулемет, 4 пулеметных ленты, 2 гранаты [2].

20 октября штаб внутренней обороны района выставил две заставы силой каждая в 31 чел. на жел.-дор. станции Обухово и на жел.-дор. станции Славянка. Эти заставы за истекшие сутки задержали 8 дезертиров, из коих 4 были вооружены [3].

По состоянию на 22 октября в районе, в казармах при Обуховском заводе был расположен отряд добровольцев из коммунистов и беспартийных, насчитывавший 60 чел., из коих 30 чел. числилось в караульном отряде, 20 чел. — в команде связи и 10 чел. — в пулеметной команде. Имевшийся в районе 1 пулемет был расположен на мосту, перекинутому через полотно Николаевской железной дороги, по дороге от Александровской фермы к бывш. Солдатскому кладбищу.

Связь района со штабом внутренней обороны Петрограда поддерживалась при помощи телефона, телеграфа и специальной команды посыльных (пешая, конная и самокатная), а с другими районами города — посредством телефона и живой связи [4].

---

[1] АЛОИ, связка № 37, «Оборона Смольнинского района».

[2] ЛАБ, партсекция, дела Володарского района, связка № 22, дело № 47, л. 84.

[3] Там же, л. 118; там же, АКА, фонд № 249, дело по описи № 28, л. 4.

[4] Там же, партсекция, дела Володарского района, связка № 22, дело № 47, л. 135.

Таковы краткие сведения о работе в Обуховском районе в октябре 1919 г.

Наконец, в последнем по счету—Пороховском районе работы по обороне протекали следующим образом.

18 октября на заседании чрезвычайной политической тройки был сконструирован, в основном, штаб внутренней обороны района из начальника обороны и двух помощников. Соответствующие отделы штаба были развернуты только 22 октября. Начальником внутренней обороны был В. И. Иванов, его заместителями — члены районной тройки Н. И. Евлашин и А. И. Выборец.

Проведение мобилизации трудящихся в районе было сопряжено с своеобразными трудностями, вытекавшими из того, что находившиеся в пределах района фабрично-заводские предприятия частью были забронированы и частью выполняли работы неотложного военного характера.

Из числа мобилизованных рабочих, главным образом Охтенского порохового завода, ежедневно освобождалось до 100 чел. для обслуживания необходимого количества паровых котлов и машин.

Несмотря, однако, на эти затруднения, районному штабу обороны удалось из своих ресурсов сформировать следующие части: 1) отряд внутренней обороны района из рабочих Порохового завода и гражданского населения сел. Пороховых в 350 чел., разбитый на две роты; 2) роту на морском полигоне из 148 чел.; 3) роту на сухопутном полигоне из 180 чел. и 4) добровольческий отряд пулеметчиков из рабочих завода взрывчатых веществ силою в 87 чел. Эти части получили соответствующую военную организацию и некоторые военные навыки для того, чтобы в нужный момент могли бы занять свои позиции. Положение с вооружением отряда было не вполне удовлетворительным. На отряд в 350 чел. насчитывалось только 112 винтовок, из которых—102 берданки. Пулеметов в районе было 4, патронов 3-линейных — до 50.000 и берданочных — до 40.000 штук. Обмундирование мобилизованных было в большинстве рваным, патронташей и сумок не было.

Вследствие разбросанности района и его отдаленности от центра приобретала большое значение работа связи. Последняя была налажена в первые же дни; с Петропавловской крепостью район был связан телефоном и телеграфом, с районами города—

через коммутатор городской сети, полевым телефоном — с укрепленными пунктами района. Кроме этого, в распоряжении районного штаба были и самокатчики. Все наличные средства транспорта были мобилизованы.

При местной больнице Охтенского порохового завода и районном медико-санитарном отделе были организованы летучие санитарные отряды с повозками и необходимыми принадлежностями.

Слабый темп оборонительных работ в районе был обусловлен тем, что по предположениям штаба внутренней обороны Петрограда и согласно первого варианта общего плана обороны города, Пороховской район имел второстепенное значение. Природные условия давали возможность иметь две оборонительные линии по ручьям Яблоновки и Малиновки, из коих первая не имела особых укреплений, а вдоль второй — были устроены стрелковые окопы с пулеметными площадками. Правый фланг этой второй оборонительной линии района примыкал к Смольнинскому району, а левый упирался в сплошную массу лесов и на Обуховскую жел. дор., по которой предполагалось пустить платформу с поставленными на ней орудиями. Эти укрепления были усилены двумя батареями: одной легкой — из четырех 3-х дюймовых пушек и одной гаубичной — из двух 48-линейных пушек. Батареи были снабжены 400 снарядами.

Районный комитет РКП (б) выделил на фронт 6 ответственных товарищей, кроме того 18 членов партии было послано в Коммунистический отряд особого назначения.

Район сделал многое и для укрепления полевых частей Красной армии техническими средствами, в частности артиллерией. С морского полигона было отправлено на фронт 4 орудия и 10 чел. команды. С заводов—Охтенского порохового и взрывчатых веществ и с полигонов—Главного артиллерийского и морского было отправлено на фронт до 10 грузовых автомобилей подъемной силы от $1^1/_2$ до 5 тонн. В своей работе штаб внутренней обороны находил всегда посильную помощь и поддержку от всех учреждений и работников района. Все члены партии находились на казарменном положении и некоторые занимали командные должности в отрядах района. Такое же отношение к делу обороны проявили Союз коммунистической молодежи и секция работниц, — они обращали особое внимание на постановку службы связи и санитарного дела.

В отношении общего настроения трудящихся района руководившие обороной района товарищи писали:

«Все пролетарские слои населения нашего района, с необычайным единодушием отбросив в сторону повседневные мелочные заботы и вопросы, жили одной мыслью—не дать врагу войти в город, а в случае же вступления беспощадно биться до полного уничтожения его» [1].

В отношении степени боеспособности района и темпа возведения оборонительных сооружений в нем необходимо констатировать то же, что было сказано в заключении о деятельности штабов внутренней обороны и по другим районам, т. е. что в наиболее критический момент для Петрограда Пороховской район не располагал еще всем тем, что должно было способствовать наилучшей внутренней обороне района, которая (оборона) должна была экономить живые силы и базироваться на сети оборонительных сооружений. Так, например, по сохранившимся в архивохранилищах данным, следует, что к мобилизации трудящихся, формированию частей и их вооружению район приступил только 23 октября. Тогда же были поставлены на позиции три орудия, подвезены снаряды, проведена телефонная линия от батарей к наблюдательному пункту.

День 24 октября прошел в устройстве стрелковых окопов и пулеметных площадок [2].

В приказании члена военного совета гор. Петрограда Я. Х. Петерса коменданту Пороховского района от 23 октября о представлении в инженерный отдел штаба внутренней обороны города точных планов укреплений с указанием исполненных работ и пр. указывалось, между прочим, и на то, что «многие постройки плохо выбраны» и что выбор оборонительных построек должен обязательно производиться техническими руководителями совместно с комендантами и начальниками районных штабов внутренней обороны [3].

Наконец, в рапорте ответственного организатора и командира коммунистических отрядов особого назначения указывалось, что в Пороховском районе по состоянию к 25 октября

---

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 19, дело по описи № 335, л. 71; АЛОИ, связка № 37, «Краткая характеристика работ по организации внутренней обороны Пороховского района».

[2] Там же; АКА, фонд № 249, дело по описи № 28, л. 9.

[3] Там же, партсекция, дело Выборгского района, связка № 21, дело по описи № 405, л. 10.

Женский боевой отряд Василеостровского района перед отправкой на фронт.

нет плана внутренней обороны района и что начальник районного штаба с задачами района не был знаком [1].

Однако, все эти дефекты в работе штаба внутренней обороны Пороховского района, не являвшиеся к тому же единственным исключением в общей деятельности штабов обороны в других районах, не могли иметь решающего влияния на оборону города в целом в силу самого географического расположения района.

Общий характер всей работы Пороховского районного штаба обороны был пропитан колоссальной энергией рабочих, работниц, коммунистов и комсомольцев района, что выразилось в оказании помощи фронту, в создании отрядов и т. д. В этом отношении работа района в выгодную для себя сторону отличалась от других районов гор. Петрограда с меньшей насыщенностью фабрично-заводскими предприятиями.

Итак, на основании вышеприведенных, крайне скудных, не однородных и чрезвычайно неполных данных о работе районных штабов внутренней обороны города Петрограда в течение всей второй половины октября 1919 г. представляется все же возможным сделать несколько общих выводов, характеризующих деятельность районов города в целом.

Весь процесс укрепления города изнутри, взятый только в отношении второй половины октября 1919 г., может быть разделен на два периода.

Первый период от 17 по 26 октября в основном характеризуется тем, что районы города, с момента создания районных штабов внутренней обороны и до получения общего оперативного плана обороны города (вариант № 1), проявляли свой частный почин и инициативу, которые в некотором отношении предопределили выработку директив центрального руководства. В течение этого времени каждый район по своему разрешал целый ряд проблем, связанных с укреплением района, самостоятельно вырабатывал оперативный план обороны района, мобилизовал все внутренние районные ресурсы и т. п. Получив самую общую директиву о необходимости укрепления города, районные штабы внутренней обороны должны были исходить прежде всего из местных соображений и специфических условий каждого района в отдельности.

---

[1] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 21, л. 61.

В деле мобилизации и проведения оборонительных работ в первые дни существования районных штабов обороны можно видеть проявление только инициативы местных работников, их творчества, энергии и работоспособности. Центрального руководства — прочного, ясного, неослабного и постоянного, за это время районы не имели и не чувствовали. Это в особенности относится к периоду с 17 по 21 октября, т. е. в дни наиболее критические для Петрограда. Каждый районный штаб обороны, исходя из самых общих директивных указаний своего непосредственного центра, должен был немедленно приступить к возведению в районе оборонительных сооружений, понятных только для работников района, но не всегда увязанных с общими задачами обороны города. Отделы штаба внутренней обороны Петрограда не сумели во время дать соответствующие конкретные указания на места, не сумели придать с первых же дней стройный, плановой характер всем работам по укреплению города. Начало такой плановости было положено только с 26 октября, с момента рассылки по районам плана обороны города в целом. Только после этого местные и частные задачи районов были подчинены общим целям всего города.

Таким образом, период с 17 по 26 октября, характеризующийся в основном творчеством районов, являлся периодом децентрализованного руководства всеми оборонительными работами в городе.

Этим в значительной степени была обусловлена и степень готовности районов города ко встрече врага. Выше, в связи с работой отдельных районов, указывалось на то, что районы для своего укрепления требовали довольно значительного отрезка времени и что этот растянувшийся во времени процесс внутренней обороны по состоянию к 21 октября не имел особого эффекта. За неимением точных данных предположительно можно указать, что план намеченных по районам оборонительных сооружений к 21 октября был выполнен на 30%.

В последующие за 21 октября дни работы по обороне проходили усиленным темпом и к 29 октября Совет внутренней обороны гор. Петрограда опубликовал следующее заявление:

«Работы по внутренней обороне Петрограда заканчиваются. Оборонительные сооружения против наступления на Петроград белогвардейских банд с южной стороны почти все уже возведены. Точно также закончены

формированием и спешно обучаются рабочие красные отряды, предназначенные для уличной борьбы.

На последнем заседании Совета внутренней обороны 27 октября постановлено в самом спешном порядке приступить к сооружению линии обороны Петрограда с севера для того, чтобы обеспечить его на случай каких-либо покушений и с этой стороны.

План этой оборонительной линии уже разработан и к возведению укреплений уже приступлено» [1].

С другой стороны, в отношении живой силы районов положение к 21 октября было таковым, что каждый район располагал к этому времени незначительными — абсолютно боевыми отрядами, укомплектованными в большинстве, а по некоторым районам исключительно, коммунистами.

Абсолютную незначительность таких отрядов как по самим районам, так и в масштабе всего города по состоянию к 19 октября представляется возможным иллюстрировать таблицей, которую см. на стр. 361.

Можно предположить, что к 21 октября количество бойцов в районных отрядах несколько увеличилось, но все же до окончательного завершения мобилизации трудящихся это увеличение не могло быть значительным. С поставленными под ружье мобилизованными рабочими от 18 до 43 лет общая численность всех районных отрядов к 1 ноября, по ряду косвенных показателей, достигала 7.000 человек.

Таковы были живые силы внутренней обороны города. Абсолютная их малочисленность в условиях осени 1919 г. для Петрограда была относительно великой и могла с успехом для дела внутренней защиты города быть применена в уличной борьбе.

К 21 октября все наличные силы районов были приведены в полный боевой порядок и заняли укрепленные пункты.

Чрезвычайно показательной в деле обороны города была роль работниц. Последние своим активным участием и продуктивной работой засвидетельствовали, что в защите города и в предполагавшейся уличной борьбе работницы могут нести полезную военную службу наряду с мужчинами. Взяв на себя по преимуществу работу связи и санитарное дело, работницы освобождали от этой отрасли работы боеспособных мужчин,

[1] «Известия Петроградского совета», № 246/439 от 29 октября 1919 г.

СВЕДЕНИЯ [1]

по районам гор. Петрограда по состоянию к 19 октября 1919 г.

№№ по порядку	РАЙОНЫ	Общее настроение	По первому требованию могут выставить		Имеется на-лицо вооружение			
			Мужчин	Женщин	пулемет.	Винтовок	Патронов	Гранат
1.	Нарвско - Петергофский	бодрое	400	—	3	—	мало	—
2.	Московско-заставский	хорошее	150	—	—	—	есть	—
3.	Невский	бодрое	170[2]	—	1	180	—	—
4.	1-й городской	хорошее	120	50	2	125	—	—
5.	2-й городской	хорошее	200	—	2	70	6 пул. лент	—
6.	Василеостровский	хорошее	230	120	—	200	мало	—
7.	Петроградский	бодрое	500	80[3]	5	400	20000 [4]	есть
8.	Выборгский	среднее	1000	85[5]	—	200	5000	—
9.	Смольнинский	хорошее	110	—	—	100	—	—
10.	Обуховский	хорошее	60[6]	—	1	86	2500	—
11.	Пороховской	хорошее	70	—	2[7]	100	41000	—
	Итого	хорошее	3010	335	16	1461	—	—

[1] АЛОИ, особая папка.

Документ, данные которого приведены в таблице, был представлен Г. Е. Зиновьеву и подписан Д. А. Трилиссером, секретарем Петроградского совета.

[2] Район мог выставить еще до 250 чел., но не хватало винтовок и патронов.

[3] Из них годных для боевой работы было 40 чел.

[4] И 30 пулеметных лент.

[5] Из коих 60 санитарок и 25 годных для боевой работы.

[6] Рассчитывали еще на 300 чел., но при условии остановки завода.

[7] Имелась одна 4-дюймовая морская пушка.

На Путиловском заводе к этому времени было 47 различного калибра пушек.

увеличивая тем самым количество строевых бойцов в районных отрядах.

Эта роль женщин в обороне Петрограда иллюстрируется следующими данными: для нужд обороны было всего мобилизовано 14.000 женщин; из этого общего числа 11.340 человек пошло на всякие тыловые и окопные работы, а 2.660 чел. — на непосредственно фронтовые работы. Из числа последних санитарок было 1.079, саперок 521, в командах связи 445 и в других командах, как пулеметной, бомбометной — 615 человек [1].

Распределение работниц по боевым районным отрядам было следующим: в Нарвско-Петергофском районе, кроме 200 санитарок, был довольно сильный женский боевой отряд, численность которого точно неизвестна; в Московско-заставском районе в боевом отряде было 140 работниц, такое же количество было в санитарном районном отряде; в Невском районе женский боевой отряд насчитывал 200 человек; в 1-м городском районе в боевом отряде было 200 работниц, в санитарном — 150; во 2-м городском районе — в боевом отряде было 300 чел., из них 100 было отправлено на фронт; в Василеостровском — в боевом отряде 200; в Выборгском — в боевом отряде 250, в санитарном 150; в Петроградском — в боевом отряде 65; в Смольнинском — 217; в Обуховском — 142; о женском боевом отряде Пороховского района сведений нет [2].

Вооружение и боевое снаряжение районных отрядов находилось в далеко неблагоприятных условиях, так как количество людей уже в двадцатых числах октября превышало наличие в районах винтовок. Но это обстоятельство в меньшей степени зависело от районных штабов внутренней обороны, которые с первых дней посылали требования о присылке вооружения. Только впоследствии, когда все работы по внутренней обороне были введены в строго-плановое русло, районные отряды получили соответствующее количество винтовок.

Настроение трудящихся города способствовало всем начинаниям районных штабов и тем самым создавало необходимые предпосылки для успешного хода уличного боя в пределах города.

Отмеченные выше дефекты в работе районов, обусловленные независящими от них обстоятельствами, компенсировались

[1] «Борьба за Петроград», Гос. изд., П., 1920 г., стр. 99.

[2] А. Богат — «Работница и крестьянка в Красной армии», Гос. изд., 1928 г., стр. 42 — 45.

боевым настроением районных отрядов внутренней обороны. Этот моральный фактор должен был преодолеть отрицательные стороны процесса оборонительных работ и перетянуть—в итоге уличного сражения на второй, средней, укрепленной позиции, намеченной первым вариантом общего плана обороны — чашу весов на сторону защитников Петрограда.

В условиях тогдашней конкретной действительности такая победа над ворвавшимися в город незначительными силами Северо-западной белой армии, если бы это имело место, была абсолютно вероятной и не порождала никаких сомнений. Наличные силы защитников города по состоянию к 21 октября, значительно подкрепленные к тому же отдельными красноармейскими и краснофлотскими частями, имели полную возможность одержать победу над врагом. Возможно, что для этого понадобилось бы только несколько больше времени, чем в условиях 100% выполнения всего плана укреплений районов города. Но это обстоятельство не должно было повлиять в отрицательную сторону на районные отряды, которые в силу своего удовлетворительного политико-морального состояния имели все данные в наиболее трудные моменты еще более повысить свою стойкость и увеличить боевую упругость.

ГЛАВА 12.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ В ОБОРОНЕ ПЕТРОГРАДА. — СОСТОЯНИЕ ПЕТРОГРАДСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП (б). — ПЕТРОГРАДСКИЙ КОМИТЕТ И РАЙОННЫЕ КОМИТЕТЫ РКП (б). — ПЕТРОГРАДСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ КОМИТЕТ РКП (б). — ПОМОЩЬ ПЕТРОГРАДУ СО СТОРОНЫ ДРУГИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РКП (б). — КОМСОМОЛ.

Колоссальную работу по обороне Петрограда выполняла коммунистическая партия. Петроградские городской и губернский комитеты РКП(б) приняли все меры к тому, чтобы обеспечить перелом на ближайшем фронте и наряду с этим подготовить город к обороне изнутри. На призыв Петрограда откликнулись не только ближайшие губернские комитеты партии, но и более отдаленные. Посильная помощь оказывалась со всех сторон. Под непосредственным руководством партии проходила вся работа внутренней обороны города; коммунисты, поставленные под ружье, с первых же дней поражения полевых частей Красной армии, явились той внутренней силой, на которую ложилась тяжелая обязанность встретить противника в случае его вторжения в пределы города. В последующие дни октября коммунисты играли роль связующего звена, цементировали районные отряды внутренней обороны, поднимали боевое настроение бойцов отряда, выполняли самые трудные и сложные задания по обороне города. Наряду с мужчинами-партийцами принимали активное участие и женщины — члены партии, роль которых, как и работниц вообще отмечалась выше в связи с деятельностью районов. Значительная часть коммунистов пошла на усиление полевых частей Красной армии и, принимая участие в целом ряде боев на фронте с Северо-западной армией, показывала пример стойкости и героизма.

Общую картину состояния организации гор. Петрограда в 1919 г. можно восстановить только по тем статистическим

данным, которые были результатом произведенной в январе 1920 г. переписи наличного состава членов Петроградской организации по спискам коллективов и при проверке членских карточек, но без непосредственного опроса членов организации. Выяснение состояния партийной организации Петрограда было начато еще и раньше. В 1918 г., по состоянию к 1 августа, было произведено анкетное обследование, которое, хотя и страдало неполнотой, но дало все же некоторые сведения для характеристики состояния организации. Второе обследование (перерегистрация членов организации) было произведено в июле 1919 г. и дало более правильные не только относительные, но и абсолютные величины.

Данные этих трех проверок дают следующую картину численности партийной организации Петрограда [1].

	К августу 1918 г.		К августу 1919 г.		К январю 1920 г.	
	Абсолютные данные	в %	Абсолютные данные	в %	Абсолютные данные	в %
Мужчин	3.205	90,01	6.340	82,4	13.368	79
Женщин	354	9,9	1.336	17,6	3.552	21
Всего . . .	3.559	100	7.676	100	16.920	100

В настоящей таблице отмечается большой рост партийной организации и женщин, в частности, за время с августа 1919 г. по январь 1920 г. Численное увеличение партийных рядов было результатом проведенной осенью 1919 г. партийной недели. Согласно директивы ЦК РКП(б) во время партийной недели, которая должна была закончиться повсюду в течение октября 1919 г., подлежали приему в партию только рабочие, работницы, красноармейцы, матросы, крестьяне и крестьянки. Увеличение количества коммунисток обусловливалось тем, что в общей

[1] «Сборник материалов Петербургского комитета РКП (б)», выпуск 1-й, январь-июль 1920 г., изд. Петерб. комитета РКП (б), 1920 г., стр. 1.

массе фабрично-заводских рабочих г. Петрограда на 1 октября 1919 г. работницы составляли 46,1%.

Представление о численности партийных организаций по районам г. Петрограда на 1 сентября 1919 г. дают следующие данные [1]:

№№ п/п	РАЙОНЫ	Численность организации к 1 сентября 1919 г.		Всего
		После перерегистрации	Вступило за партнеделю	
1.	1-й городской	558	1.415	1.973
2.	2-й городской	1.728	803	2.531
3.	Выборгский	695	1.000	1.695
4.	Василеостровский . . .	733	916	1.649
5.	Петроградский	431	515	946
6.	Нарвско-Петергофский.	2.262	620	2.882
7.	Московский	284	330	614
8.	Смольнинский	327	409	736
9.	Невский	165	137	302
10.	Обуховский	194	142	336
11.	Пороховской . . .	86	113	199
12.	Железнодорожный . . .	1.355	350	1.705
	Итого	8.818	6.850	15.568

Из этой таблицы видно, что основная масса вновь вступивших в коммунистическую партию по Петрограду относится к августу 1919 г. и к 1 сентября равнялась 6.850 чел., увеличив численность Петроградской организации до 15.568 чел. За время последних месяцев 1919 г. партийная организация еще пополнилась на 1.352 чел., достигнув к 1 января 1920 г. 16.920 членов.

В отношении своего классового состава Петроградская партийная организация отличалась абсолютным преобладанием рабочих. Из 16.920 чел. полные сведения о себе дало 13.545 чел., из коих рабочих было 10.401 чел., крестьян 764, людей интеллигентных профессий 807 и служащих 1.573 чел.

[1] АЛОИ, связка № 1.

В возрастном отношении коммунисты до 25 лет включительно составляли 37,3%, свыше 30 лет — 30,4%.

Среди коммунистов, занятых физическим трудом, на первом месте стояли металлисты (25,1% всех организаций), на последнем—рабочие по обработке минеральных веществ (0,1%).

Среди коммунистов, не занятых физическим трудом, на первом месте стояли служащие советских учреждений без определенных профессий (12,6%), на последнем — партийные профессионалы (0,7%).

Неграмотных коммунистов во всей партийной организации города насчитывалось 164 чел., что составляло к общему числу членов партии 1,2%.

В отношении партийного стажа коммунистов за время с 1918 г. по январь 1920 г. произошли значительные перемены, объяснявшиеся общим положением Республики, требовавшим перемещения квалифицированных партийных сил в действующие части Красной армии и флота. Если, по данным учета 1918 г., в Петроградской партийной организации товарищей, вступивших в партию до 1905 г., числилось 4%, то к январю 1920 г. эта цифра уменьшилась до 0,8%; то же произошло и в отношении членов партии с 1905 по 1917 гг.—в 1918 г. их насчитывалось 14,5%, к январю 1920 г. — только 2,9%.

Другой стороной этого естественного изменения партийной организации в отношении партийного стажа было то, что в годы гражданской войны партия получила значительный приток новых молодых сил, убедившихся в ходе исторических событий в правильности теории и тактики РКП(б). К январю 1920 г. Петроградская организация имела 61,4% товарищей, вступивших в партию в течение только одного 1919 г., и 34,9% — вступивших в 1917 и 1918 гг.

Общее направление деятельности партийной организации в годы гражданской войны находилось в зависимости от соответствующей обстановки на фронтах Республики. В 1918 г в Красной армии и частях внутренней охраны было занято из состава Петроградской организации 22,7%; к январю 1920 г. эта цифра увеличилась до 42% (7.046 чел.), в предприятиях и учреждениях невоенного ведомства оставалось 58% (9.874) членов организации [1].

[1] «Сборник материалов Петербургского комитета РКП(б)», выпуск I, январь — июнь 1920 г., изд. Петерб. комитета РКП(б), 1920 г., стр. 1—6.

В течение всего 1919 г. Петроградская партийная организация неоднократно производила мобилизации на фронты Республики и если бы не было широкого пополнения ее рядов, то Петроград был бы в значительной степени обескровлен в отношении партийных сил. Осенью 1919 г., в связи с успехами южной контр-революции, ЦК РКП(б) дал директивы целому ряду губкомов произвести частичные мобилизации коммунистов-рабочих для немедленной отправки их на Южный фронт. Петроград в этом деле занял первое место и дал образец своевременного выполнения директив центра.

В. И. Ленин, узнав о первых результатах петроградской мобилизации для Южного фронта, обратился со следующей телеграммой к Г. Е. Зиновьеву:

«Горячо приветствую всех питерских рабочих за энергичную работу. Уверен, что доведете мобилизацию до максимальных размеров» [1].

На следующий день В. И. Ленин в статье «Пример петроградского рабочего» писал:

... «В Петрограде рабочим давно уже приходится нести на себе еще больше тягот, чем рабочим в других промышленных центрах. И голод и военная опасность, и вытягивание лучших рабочих на советские должности по всей России — от всего этого питерский пролетариат страдал больше, чем пролетариат других мест.

И все же мы видим, что ни малейшего уныния, ни малейшего упадка сил среди питерских рабочих нет. Наоборот. Они закалены. Они нашли новые силы. Они выдвигают свежих бойцов. Они превосходно выполняют задачу передового отряда, посылая помощь и поддержку туда, где она более всего требуется.

Товарищи рабочие! Возьмемтесь все за новую работу по примеру петроградских товарищей!..» [2]

статья Вс. Васильевского — «Наличный состав Петроградской организации в январе 1920 г.» Автор статьи на стр. 6 «Сборника» говорит, что в Красной армии и во флоте к январю 1920 г. из состава Петроградской парт. организации было занято 48,5%. Эту цифру повторяет А. Коган в статье «Состав и движение Петроградской организации РКП(б)», помещенной в 3-м выпуске «Сборника материалов ПК РКП(б)» за 1921 г., стр. 87. Из данных, приведенных В. Васильевским, следует, что в 1919 г. Петроградская парт. организация поставила под ружье всего 42% своего состава, из коих 6,5% было в рядах милиции.

[1] «Известия Петроградского совета», № 224 (417) от 3 октября 1919 г.

[2] Н. Ленин (В. Ульянов), собрание сочинений, т. 20, дополнительный, ч. 2-я, Гос. изд., М., 1926 г., стр. 343.

События на Петроградском фронте, принявшие в октябре 1919 г. также серьезный характер, заставили парторганизацию собрать последние силы для отражения Северо-западной армии противника.

Эту непосредственно военную работу партии следует рассматривать по трем направлениям — работа Петроградского городского и районных комитетов, Петроградского губернского и уездных комитетов и других партийных организаций, оказавших помощь Петрограду.

Деятельность Петроградского городского и районных комитетов РКП(б) растворялась в работе Совета и штабов внутренней обороны, все партийные директивы претворялись в жизнь этой сетью штабов внутренней обороны города. Количество заседаний районных комитетов значительно сократилось, созывались только в исключительных случаях заседания бюро партийных комитетов и изредка общие партийные собрания по коллективам.

Члены Петроградского городского и районных комитетов РКП(б) принимали непосредственное участие в руководстве работами по внутренней обороне города, в формировании боевых районных отрядов, в проведении широкой мобилизации рабочих и т. п. Основной линией в текущей партийной работе во второй половине октября 1919 г. было всемерное укрепление города. Все партийные коллективы города имели перед собою исключительно военные задачи, перед которыми отступала на задний план даже партийно-политическая работа коллективов.

К этой деятельности партийной организации Петрограда можно добавить еще несколько отдельных фактов.

На заседании Комитета обороны Петроградского укрепленного района от 4 сентября было постановлено приступить к организации коммунистических отрядов особого назначения. Ответственным организатором и командиром этих отрядов при ПК РКП(б) был назначен освобожденный от должности комиссара штаба Петроградского укрепленного района А. Я. Клявс-Клявин. Комитет постановил еженедельно заслушивать доклады о ходе формирования коммунистических отрядов.

Согласно постановления ПК РКП(б) от 13 октября, на 15 октября была назначена пробная мобилизация всех зачисленных в коммунистические отряды коммунистов с временным переводом их на казарменное положение (Егерские казармы по Рузовской улице, дом № 12).

Все государственные и частные учреждения, заводы и фабрики обязывались с 12 часов 14 октября освободить от занятий всех зачисленных в коммунистические отряды с сохранением за ними должностей и содержания.

В приказе ответственного организатора и командира коммунистических отрядов особого назначения при ПК РКП(б), отданному по поводу этой мобилизации всем ответственным организаторам районов с копией всем партийным коллективам, командирам батальонов и рот, предлагалось всем зачисленным в особые отряды коммунистам явиться к 10 часам 15 октября в свои районные комитеты РКП(б), где они должны были забрать имевшееся там вооружение и снаряжение и затем под командой командиров взводов и рот отправиться в казармы бывшего Егерского полка. Районные комитеты, партийные коллективы и командный состав отрядов должны были принять самые энергичные меры и провести мобилизацию, пользуясь всеми средствами сообщения и связи [1].

Коммунистический отряд особого назначения при ПК РКП(б) к 24 октября насчитывал командного состава 52 чел., штыков — 372, административного состава — 12 чел., в строевых командах — 88 чел. и в нестроевых командах (канцелярия штаба отряда, команды: музыкантская, хозяйственная и санитарная) — 97 чел., а всего — 621 чел. [2].

Настроение коммунистов всецело способствовало успешному ходу мобилизации. Как в коммунистический отряд особого назначения при ПК РКП(б), так и в районные боевые отряды коммунисты являлись немедленно после отдачи приказа. Не было ни ропота, ни мелких недовольств. Под знаком надвигавшейся на город опасности товарищи проявляли большую выдержку, дисциплинированность и готовность сразу же ринуться на врага.

Одной из многочисленных иллюстраций готовности итти на фронт со стороны коммунистов является нижеследующий документ [3] — обращение бюро коллектива при Петроградском рабоче-крестьянском университете имени Г. Е. Зиновьева от 22 октября 1919 г., адресованное на имя председателя Петроградского совета Г. Е. Зиновьева:

---

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 21, дела Выборгского района, по описи № 408, л. 24.

[2] Там же, АКА, фонд № 249, дело № 19, лл. 53, 54.

[3] АЛОИ, связка № 18.

«От имени курсантов Рабоче-крестьянского университета имени тов. Зиновьева.

При этом препровождаем делегата т. Филатова от имени вверенного нам курса, просим вас решить настоящую судьбу нас; в виду надвигающегося врага на красный Петроград, наши молодые коммунистические сердца не желают находиться бесполезными работниками в настоящий серьезный момент, а всецело, как один, желают оказать содействие военному делу.

Ответственный организатор *В. Филатов.*

По докладу курсантов секретарь *А. Васильев*» [1].

Для иллюстрации другого положения, когда среди коммунистов появлялись трусы и шкурники, можно привести, например, два следующих факта. Раз, перед отправкой на фронт части коммунистов из коммунистического отряда особого назначения при ПК РКП(б), состоявшие в отряде два члена партии, один — Абрамов из Петергофско-Нарвского, другой — Бабурский из Обуховского района, заявили, что согласно своих убеждений они не будут стрелять во время боя с противником. После такого заявления от них немедленно были отобраны и посланы в их районы партийные билеты, сами они были переведены в санитарный отряд, а затем исключены из списков отряда и направлены в распоряжение своих районных военных комиссариатов для призыва их на военную службу в общем порядке [2].

Другой любопытный в отношении члена партии случай рассматривался Военно-революционным трибуналом Обуховского района 29 октября 1919 г. Слушалось дело Ретинского, находившегося в коммунистическом отряде особого назначения и числившегося в партии с августа 1919 г. Подсудимый на суде показал, что его отряд участвовал в боях, затем был отведен на отдых и размещен по деревенским избам. Однажды утром, когда проснулся Ретинский, отряда в деревне не оказалось. Посоветовавшись еще с одним «бойцом», проспавшим уход отряда, Ретинский решил итти в Петроград, а потом разыскать свою часть. Дома в Петрограде Ретинский пробыл $1^1/_2$ суток и по совету своего брата Александра хотел пойти в партийный комитет, но сделать этого не успел вследствие своего ареста. Допрошенный в качестве свидетеля Александр Ретинский под-

[1] Стиль документа сохранен.

[2] ЛАБ, партсекция, связка № 19, по описи № 7, л. 2, из приказа по коммунистическому отряду особого назначения при Петроградском комитете РКП(б) от 25 октября 1919 г. за № 15, § 12.

твердил то, что брату он действительно советовал немедленно явиться в партийный комитет, но тот не успел. Никаких других показаний за и против Ретинского не было и Военно-революционный трибунал вынес следующий приговор [1]:

«Именем РСФСР Революционный военный трибунал Обуховского укрепленого района, рассмотрев на заседании от 29 октября в составе председателя тов. Серова и членов его т.т. Ушинского и Блюм дело Ретинского, коммуниста, состоявшего в отряде особого назначения, бежавшего с фронта, признал факт дезертирства установленным, в чем сам обвиняемый и сознался; вина Ретинского отягчается тем, что он состоит членом РКП(б), но, принимая во внимание, что им является только с августа 1919 г. и не успел проникнуться пониманием долга коммуниста, постановил: 1) исключить его из рядов РКП(б), как недостойного носить звание коммуниста, 2) и приговорить его к принудительным работам с содержанием под стражей на все время гражданской войны.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председатель *В. Серов*, члены *Ушинский, Блюм*».

Таковы были случаи невыполнения революционного долга со стороны коммунистов и те меры партийного взыскания, коим подвергались трусы и шкурники.

Деятельность районных комитетов РКП(б) после 15 октября выражалась в том, что с момента организации штабов внутренней обороны, они провели большую работу по созданию боевых районных отрядов с численным преобладанием в них коммунистического ядра. Соответствующие данные об этих первых районных отрядах на 19 октября были даны выше.

Вследствие того, что партийные комитеты со второй половины октября преследовали исключительно военные задачи, партийная и политическая работа коллективов за это время ослабла.

Собрание ответственных организаторов районов, состоявшееся при ПК РКП(б) 29 октября 1919 г., вскрыло со всей отчетливостью степень интенсивности чисто партийной работы.

Докладчики с мест в следующих чертах нарисовали картину состояния районов.

Василеостровский район. — Все партийные силы мобилизованы. Большая часть товарищей отправлена в отряд особого назначения, из остальных был организован коммунистический

---

[1] ЛАБ, партсекция, дела Володарского района, связка № 19, по описи № 9, лист 55.

отряд при районе, часть которого отправилась на фронт. Существовавший в районе коммунистический отряд работниц получил элементарную военную подготовку, другая группа работниц обучалась санитарному делу. Отношение их к занятиям очень серьезное.

На территории района расположено много фабрично-заводских предприятий, часть из которых продолжала работать. На остальных заводах рабочие были мобилизованы. В связи с этим партийных сил в районе осталось мало, работа в коллективах была очень слаба. На некоторых крупных заводах, как, например, на Балтийском, были образованы тройки, на остальных предприятиях осталось не более как по одному коммунисту.

Районный комитет состоял из четырех членов и трех кандидатов.

Петроградский район. — Все коммунисты были поголовно мобилизованы и влиты в коммунистический отряд района, где находились вместе с беспартийными мобилизованными рабочими. В отношении последних районный комитет поставил перед собою задачу по привлечению их в ряды партии, но выполнение этого тормозилось вследствие частых переброс партийцев отряда.

На заводах остались большей частью одиночки и инвалиды, на которых была возложена ответственность по охране предприятий. Все работницы в районе были мобилизованы.

Районный комитет состоял из 5 человек.

Выборгский район. — Все коммунисты были мобилизованы. В 21 коллективе находилось 63 члена партии. Согласно последнему требованию штаба внутренней обороны все ответственные работники были посланы на фронт. Докладчик требовал присылки в район ответственных партийных товарищей, без которых работа в районе невозможна.

Смольнинский район. — Районный комитет состоял из 6 человек. К организационной партийной работе приступили недавно.

1-й городской район. — В районе осталось только 45 абсолютно необходимых партийцев, остальные — инвалиды, из которых была организована команда для несения охраны.

Пороховской район. — Партийная работа не велась. Митинги по предприятиям прошли с большим подъемом. В отряд при районном комитете записалось 105 чел. В отряд особого назна-

чения было выделено 17 человек. Районный комитет состоял из 5 чел. (3 мужчин и 2 женщин).

Невский район. — Из мобилизованных рабочих был образован отряд в количестве 1000 чел., среди которых велась партийная и политическая работа оставшимися силами района совместно с работниками Василеостровского района. В вагонных и паровозных мастерских остался только комиссар и председатель коллектива. На остальных предприятиях коммунистов не осталось. Всего было мобилизовано 252 коммуниста. В отряд особого назначения было отправлено 80 чел., остальные пока числились при районе. Мобилизация, произведенная по требованию центрального штаба внутренней обороны, совершенно обескровила район. Отряд коммунистов при районе состоял из 35 инвалидов, которых при условии расформирования отряда можно было бы использовать для работы по заводам и фабрикам. Секция работниц работала очень хорошо; на фронт было отправлено 40 работниц, остальные состояли на учете. На состоявшемся общем собрании членов секции работниц было принято решение вступить всем в партию.

Районный комитет состоял из двух представителей от Невского района, трех от Обуховского и трех женщин. В Обуховском районе партийную работу, по мнению докладчика, можно было бы наладить своими силами.

Московский район. — Из районного штаба было откомандировано 6 чел. коммунистов. На собрании районного комитета было постановлено всех коммунистов инвалидов вернуть на заводы для ведения партийной работы. Объявленная общая мобилизация проходила слабо. Докладчик объяснял это тем, что на заводах не осталось товарищей, которые могли бы провести эту мобилизацию. Районный комитет решил перевести всех рабочих района на казарменное положение, предварительно приготовив помещение и наладив аппарат по обслуживанию их. Из партийных товарищей на заводах почти никого не осталось. На больших заводах были образованы тройки (из 2 партийцев и 1 беспартийного). На остальных заводах осталось по одному коммунисту. Часть заводов уже закрылась и рабочие подлежали мобилизации.

Нарвско-Петергофский район. — Все коммунисты были мобилизованы. На фронт были отправлены два отряда, один из которых во главе с И. Я. Пановым отправился добровольно. На

фабриках и заводах остались кое-какие силы, которые можно было сгруппировать и использовать соответствующим образом. Работницы принимали очень большое участие в общей работе района.

Железнодорожный район.—Несмотря на мобилизацию, на каждой службе остались маленькие ячейки из партийных работников, которые должны были наладить работу. Районный комитет состоял из четырех членов.

После заслушания докладов с мест секретарь ПК РКП(б) С. С. Зорин в своей речи предлагал «перестать думать об ушедших», все внимание сосредоточить на усилении партийной работы путем привлечения новых членов в партию и создания в каждом предприятии крепкого ядра, могущего послужить основанием для дальнейшей работы. С. С. Зорин предлагал выпустить листовку с обращением к рабочим: «идите помогать в работе нам, оставшимся», затем говорил о необходимости устраивать заседания коллективов, на которые стараться привлекать возможно большее число беспартийных. В отрядах, образованных при районных штабах,—вести агитацию за вступление в РКП(б). Самое серьезное внимание уделять работе среди работниц.

Собрание организаторов приняло следующие конкретные предложения:

1. В предприятиях поручить тройкам, где таковые имеются, или одному-двум оставшимся коммунистам, устроить общее собрание рабочих.
2. Вести работу среди бойцов в отряде при районных штабах.
3. Обратиться к беспартийным с призывом вступать в ряды РКП(б) и заменить тем самым ушедших на фронт.
4. Усилить работу среди женщин.
5. Возобновить занятия в партийных школах.
6. Устроить собрание активных партийных работников в ближайшие дни.

Кроме этого, предлагалось всем районам обратить серьезное внимание на работу среди воинских частей, расположенных в районах города [1].

Такова была работа Петроградской городской партийной организации в дни наибольшего напряжения борьбы за Петро-

[1] АЛОИ, связка № 1.

град. На каждом заседании, будь это заседание Совета обороны, центрального и районных штабов внутренней обороны, бюро районных комитетов, ответственных организаторов, партийных коллективов и т. п., ставились и обсуждались злободневные вопросы внутренней обороны Петрограда.

Несколько другое направление носила работа Петроградского губернского и уездных комитетов РКП(б) в том смысле, что все мероприятия этих партийных органов были направлены для усиления и укрепления частей Красной армии, действовавших на подступах к Петрограду, а основной задачей районных партийных организаций города в рассматриваемый период второй половины октября 1919 г., и в особенности в двадцатых числах этого месяца, являлось создание всех необходимых предпосылок для своевременного приведения города в оборонительное состояние изнутри.

Последнее, однако, не исключало возможности, а затем и необходимости, посылки на фронт коммунистов также и из Петрограда.

Первым мероприятием такого рода в октябре 1919 г. было, например, постановление Комитета обороны Петроградского укрепленного района и ПК РКП(б) произвести в трехдневный срок, с 7 по 10 октября, мобилизацию рядовых членов партии, исходя из расчета — 1 мобилизованный на каждые 10 человек членов как гражданских, так и военных коллективов. Такой мобилизации подлежали только члены партии, вступившие в ряды партии до партийной недели. Все мобилизованные направлялись в политический отдел 7-й армии с ударной задачей ликвидировать опасность на Гдовском участке фронта, занять Гдов, после чего их предполагалось перебросить на Южный фронт [1].

После 21 — 22 октября из районов Петрограда посылались на фронт коммунисты, рабочие и работницы, которые принимали личное участие в боях с частями Северо-западной армии противника.

Таким образом, Петроградская партийная организация, помимо своей основной работы по укреплению города, оказывала поддержку фронту, но эта помощь носила соподчиненный харак-

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 8, еженедельный бюллютень осведомительного отдела политпросветительного управления Петроградского военного округа о политической и культурно-просветительной жизни Красной армии, № 3 от 1 ноября 1919 г.

тер, а для губернской партийной организации, в силу вполне естественных причин, она была основной, так как, исходя из целесообразности и соответствующих директив ЦК РКП(б), местные партийные организации при отступлении частей Красной армии должны были вливаться в эти части.

Состояние партийных организаций по Петроградской губернии может быть иллюстрировано следующими данными, которые были результатом, закончившейся по губернии к 5 сентября 1919 г. перерегистрации членов партии [1]:

№№ п п	Организации	В результате перерегистрации. Переведено		Исключено	Не подано заявлений при перерегистрации	Не получены сведения на отсутствовавших	Осталось после перерегистрации
		в кандидаты	в сочувствующие				
1.	Кронштадтская .	—	53	32	20	20	617
2.	Новоладожская .	18	2	18	—	6	126
3.	Петроградская . .	—	18	12	—	—	251
4.	Петергофская . .	—	—	22	—	—	208
5.	Шлиссельбургская	—	13	15	—	—	200
6.	Детскосельская .	4	2	11	8	—	74
7.	Выритская	—	—	—	13	—	11
8.	Гатчинская . . .	31	13	11	—	—	205
9.	Колпинская . . .	1	1	5	7	10	121
10.	Лужская	29	7	8	—	—	247
	Итого . .	83	109	134	48	36	2.060

Характер повседневной работы губкома РКП (б) обусловливался политическим и военным положением Республики и губернии. После очищения от белогвардейцев Ямбургского и Гдовского уездов, губком принял все меры к налаживанию там партийной работы. Местные работники совместно с представителем губкома разработали план этой работы и начали подготовку к созыву уездной партийной конференции, но провести

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 1, по описи № 7, дела Петроградского губкома РКП(б), лл. 161—167.

ее не удалось, вследствие захвата Ямбурга вновь белыми при их втором наступлении. Аналогичная работа проделывалась и в Гдовском уезде, где также развернувшиеся в октябре события на этом фронте затормозили проведение всего плана работы.

Партийные конференции удалось провести только в Луге, Петроградском уезде и Новой Ладоге. На этих конференциях выяснилось, что работа уездных партийных организаций значительно упала в силу постоянных мобилизаций и военных событий. В работниках ощущался недостаток, в волостях было по 3—5 коммунистов, агитационная работа проводилась только уездными комитетами РКП (б), в волостях она не велась совершенно.

Наиболее сохранившимися организациями к октябрю 1919 г. была Петроградская (уездная), Детскосельская и Шлиссельбургская. Петроградская организация разбила свой уезд на районы, поставив во главе каждого из них опытного товарища. Детскосельская организация была усилена новыми работниками и ее работа шла хорошо, но с приближением фронта совершенно разрушилась.

Ответственные работники Петроградского губернского комитета РКП(б) так характеризовали влияние колебаний фронта на партийную работу уездов губернии:

... «В связи с последним [октябрь 1919 г.] налетом белых, работа разрушена по всем уездам, так как Ямбургский, Гдовский и большие части Лужского, Детскосельского и Петергофского уездов оккупированы, что касается остальных, то поголовная мобилизация коммунистов, проведенная губкомом, совершенно их обезлюдела, так что в настоящее время перед губкомом стоит вопрос о налаживании почти заново всей работы...» [1].

Губком провел с 25 июля по 11 ноября 1919 г. три партийных мобилизации. Первая проводилась по почину ПК РКП(б) на Карельский фронт и дала 40 чел. Вторая проводилась для Южного фронта, она прошла с большим подъемом и успехом. Вместо намеченных 60 чел., прибыло вдвое больше. Во время этой мобилизации снимали товарищей с ответственных постов. Всего было отправлено на Южный фронт 120 чел.

Третья мобилизация, в связи с наступлением Северо-западной армии на Петроград, была поголовной. Согласно постановления губернского комитета РКП (б) от 14 октября в уездах осталось

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 1, по описи № 7, дела губкома РКП(б), лл. 161—167.

по 3, а в волостях — по 2 коммуниста. В губисполкоме было оставлено всего 6 чел., остальным была поручена военная работа.

Из мобилизованных было сформировано и отправлено на фронт два коммунистических отряда, сведения о боевой работе которых были положительные. В боях особенно пострадал отряд Шлиссельбургского порохового завода. Рабочие этого завода, как и Сестрорецкого, были мобилизованы целиком. Среди мобилизованных были также работницы, которые исполняли работу санитарок, связи, охранения и просто бойцов.

Количество мобилизованных коммунистов на Петроградский фронт за время с 17 по 22 октября представлено в следующей таблице [1]:

№№ п/п	Организация	Было мобилизовано	Примечание
1	Лужская	22	
2	Новоладожская	61	
3	Петергофская	55	
4	Петроградская	55	
5	Детскосельская	40	
6	Шлиссельбургская	8	
7	Ямбургская	43	
8	Кронштадтская	1	* В том числе были коммунисты и беспартийные рабочие.
9	Коммунистический союз молодежи	30	
10	Ярославская губ.	1	
11	Гдовская	1	
12	Школа высш. пилотажа	2	
13	Сестрорецкий завод	250 *	
14	Шлиссельбургский пороховой завод	600 *	
	Итого	1.169 чел.	

Эти три мобилизации на Карельский, Южный и, в особенности, на Петроградский фронты обессилили в значительной степени местные парторганизации, прервали на время их партийно-политическую работу. В Кронштадте, например, с 6 октября 1919 г. не созывались заседания партийного комитета. Там 14 октября был сформирован из оставшихся в организации

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 1, по описи № 7, дела губкома РКП(б) л. 161—167.

коммунистов и сочувствующих особый коммунистический отряд, которому поручено было нести караульную службу. Партийная школа прекратила учебные занятия и пошла на фронт, кроме этого, на фронт было послано еще 50 чел. из состава Кронштадтской организации [1].

Во время отступления красноармейских частей от Ямбурга в октябре 1919 г. все члены Ямбургской партийной организации влились в части Красной армии; после освобождения уезда от белогвардейцев Ямбургский уездный военно-революционный комитет просил губернский комитет РКП(б) содействовать обратному возвращению из армии некоторых товарищей [2].

Некоторые дополнительные сведения о работе уездных партийных организаций были даны уже позже, например, 29 ноября 1919 г. на совещании секретарей и организаторов уездных и городских организаций РКП(б). Все товарищи с мест констатировали на этом совещании, что во время октябрьского наступления на Петроград партийная работа в местных организациях не велась, все члены партии были мобилизованы, часть их находилась на месте, часть была отправлена на фронт. В Петергофе был создан коммунистический отряд особого назначения около 200 чел., из Гдовской партийной организации некоторые были расстреляны белыми, многие убиты и ранены в боях, так что после освобождения Гдова от Северо-западной армии не хватало товарищей, чтобы по 1 чел. послать для налаживания работы по волостям. В связи с таким положением местных партийных организаций уже 16 ноября на заседании бюро Петроградского губернского комитета РКП (б) было постановлено обратиться в политический отдел 7-й армии с просьбой вернуть с фронта 100 коммунистов [3].

Лужская партийная организация также целиком влилась в части Красной армии. Во время отступления, 18 октября, на жел.-дор. станции Уторгош было созвано собрание Лужской городской и волостных партийных организаций, на котором присутствовало 36 чел. На этом собрании было объявлено, что согласно указаний губернского комитета РКП(б) все члены организации

---

[1] АЛОИ, связка № 9, дело № 175, из протокола заседания Кронштадтского партийного комитета от 13 ноября 1919 г.

[2] Там же, связка № 5, папка № 7.

[3] ЛАБ, партсекция, связка № 1, по описи № 7, дела губкома РКП(б) лл. 222, 227.

переходят в распоряжение политического отдела 19-й стрелковой дивизии. Срок явки назначался на 17 часов 19 октября [1].

Таковы те краткие сведения, которые дают некоторое представление о работе Петроградской губернской партийной организации.

Партийные организации всех уездов были поставлены под ружье, половина мобилизованных была послана на фронт, остальные выполняли военные задания, оставаясь на местах.

На события под Петроградом живо откликнулись и другие партийные организации, как находившиеся в районе Петроградского военного округа, так и территориально далекие от Петрограда.

Имеющиеся сведения, чрезвычайно неполные, позволяют все же дать картину той помощи людьми, которая была оказана Петрограду различными партийными организациями РКП(б) за время с 21 октября по 8 ноября 1919 года (см. на стр. 382 таблицу).

Эти, приведенные в таблице на стр. 382, цифры показывают, как реагировала коммунистическая партия на события под Петроградом. Партийные организации различных городов и губерний десятками и сотнями направляли коммунистов на помощь петроградскому пролетариату. Петроград, зорко следивший за положением на остальных фронтах Республики и бросавший то на один, то на другой фронт стойких борцов, в критический для себя момент получил взаимную помощь и поддержку.

По количеству присланных на Петроградский фронт коммунистов первое место заняла Череповецкая губерния. Череповецкий губернский комитет РКП(б), в целях извлечения максимального количества бойцов, постановил по примеру Петроградского губкома РКП(б) оставить в городе и уездах по ответственной тройке членов партии, всех остальных мобилизовал. 17—18 октября в Череповце было мобилизовано 50% красноармейских партийных коллективов. Общее количество партийных сил, присланных Череповецким губкомом РКП(б) для защиты Петрограда, превышало 500 человек [2].

Помимо этой волны коммунистов, двинувшихся на Петроградский фронт от целого ряда партийных организаций РКП(б),

[1] АЛОИ, связка № 11, дело № 199.

[2] ЦВПА при ВПАТ, связка № 8, упоминавшийся выше еженедельный бюллетень № 4 от 8 ноября 1919 г.

№№ п/п	Число и месяц прибытия	Организации	Количество прибывших	Всего за сутки
1	21 октября	Череповецкая [1]	200	200
2	» »	Устюженская, Череповецкой губ. [2]	—	—
3	22 »	Череповецкая [2]	42	42
4	23 »	Тихвинская, Череповецкой губ. [3]	34	34
5	» »	Вытегра, Олонецк. губ. [2]	—	—
6	25 »	Москва, железнодорожники [5]	2	
7	» »	Сызранская	10	
8	» »	Северо-Двинская	12	
9	» »	Тверская	16	105
10	» »	Ярцевская, Смоленск. губ.	16	
11	» »	Костромская	24	
12	» »	Череповецкая [2]	25	
13	27 »	Вятская	11	
14	» »	Бельская, Смоленской губ.	25	121
15	» »	Владимирская	85	
16	28 »	Судогская, Владимир. губ.	6	137
17	» »	Пензенская	131	
18	30 »	Москва, слушатели центр. школы сов. и парт. раб.	15	15
19	31 »	Псковская [4]	34	34
20	5 ноября	Пензенская	22	22
21	6 »	Костромская	13	40
22	» »	Вятская	27	
23	8 »	Новгородская	44	44
		Итого на Петроградский фронт с 21 октября по 8 ноября 1919 г. прибыло		794 чел.

[1] ЦВПА при ВПАТ, связка № 8, еженедельный бюллетень осведомительного отдела полит.-просвет. управления Петроградского военного округа о политической и культурно-просветительной жизни Красной армии, № 3, от 1 ноября 1919 г.

[2] Там же, бюллетень № 4 от 8 ноября 1919 г.

О количестве прибывших товарищей из Устюжны, Череповецкой губ., и из Вытегры, Олонецкой губ., сведений нет. В числе 25 чел., прибывших 25 октября, было 12 членов РКСМ.

[3] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело № 11, л. 621.

Отрядом командовал коммунист Тихвинской организации Соловьев, отряд по прибытии в Петроград был послан в распоряжение коменданта Петропавловской крепости Я. В. Зайдлера.

[4] «Псковский набат», № 53 от 31 октября 1919 г.

Коммунисты в количестве 34 чел. были мобилизованы на Южный фронт, но, в связи с событиями под Петроградом, Псковский губком РКП(б) решил их использовать на Северо-западном фронте.

[5] Все остальные данные заимствованы из ЦВПА при ВПАТ, связка № 45, дело № 20, л. 139.

Коммунисты из указанных в таблице, на основании данных этого источника, организаций прибывали непосредственно в распоряжение политического отдела 7-й армии.

в политический отдел 7-й армии направлялись партийные работники из Политического управления Республики. Соответствующие данные о передвижении партийных работников в Красной армии через центральный аппарат Политического управления Республики показывают, что максимальных размеров в отношении пополнения 7-й армии партийными силами эта переброска достигла именно в октябре 1919 г.

При сопоставлении количества прибывших коммунистов в 7-ю армию через Политическое управление Республики с мая по ноябрь 1919 г. получаем следующую таблицу [1]:

Месяца	Прибыло	Месяца	Прибыло	Месяца	Прибыло
май	9	июль	7	октябрь	429
июнь	5 [2]	август	20	ноябрь	239
		сентябрь	17		
Итого					726

Кроме организаций РКП(б) большую работу в деле оказания помощи Петрограду проделал Коммунистический союз молодежи. Коммунистическая молодежь нашла должное применение своему юношескому пылкому, революционному энтузиазму.

В вышедшем 24 октября 1919 г. № 20/27 «Листке юного пролетария» — органе Петроградского губернского комитета РКСМ говорилось:

«Не сегодня, завтра решаются судьбы Петрограда. В борьбе будет принимать участие рабочая молодежь. Молодежи дорог Питер, как и дороги все завоевания революции. И ни того, ни другого молодежь не отдаст. Только через бездыханные трупы рабочей молодежи белогвардейцы войдут в Питер...

Не быть Питеру под белогвардейцами и не быть красной молодежи порабощенной. И лозунгом юного пролетария будет: иду на бой!» [3].

Петроградским комитетом РКСМ была объявлена мобилизация всех членов организации от 16 лет, которая в течение

[1] ВЦПА при ВПАТ, связка № 45, дело № 20, «сводка передвижений партийных работников.

[2] По другим данным из той же сводки в 7-ю армию, за время с 8 по 14 июня 1919 г. прибыло всего 191 партийный работник.

[3] П. Беляков — «Комсомол на фронтах», изд. «Молодая гвардия», 1928 г., стр. 166, 167.

6 часов с момента объявления (мобилизации) дала около 500 человек. Из этого числа были выделены физически сильные комсомольцы для фронтовой работы, остальные работали в тылу по укреплению города. Для работы в санитарных дружинах было мобилизовано около 150 комсомолок, которые успели пройти краткосрочные санитарные курсы.

Комсомольцы входили в сформированный в Петрограде сводно-боевой отряд, отряд Невского и Обуховского районов, работали по связи и санитарному делу. В 1-м городском районе Петрограда союзом молодежи был сформирован отряд в 260 чел., который взял на себя обязанности по охране Петропавловской крепости. На фронте сражались отряд комсомольцев Невского района, участвовавший в боях под Детским селом, рота самокатчиков под Красным селом и несколько других отрядов работало на линии огня.

Почти вся молодежь от 17 до 22 лет была в коммунистических, комсомольских отрядах и в частях Красной армии. В союзе все заглохло. В зданиях районных комитетов помещались отряды, некоторые клубы превратились в казармы. Постоянными посетителями клубов Петроградской организации РКСМ были подростки от 14 до 16 лет [1].

Инициативой Петроградского губернского комитета РКСМ было мобилизовано по губернии в течении 7 дней [2] всего 477 чел., которые по организациям распределялись следующим образом: Детскосельская дала 350 чел.; Шлиссельбургский пороховой завод 25; Званковская организация, Новоладожского уезда, с завода — 30; Новоладожская — 17; Гатчинская — 15; Сестрорецкая — 18 чел.; Слуцкая дала 75% своего состава, Карлинская, Петергофская и Кронштадтская организации РКСМ были мобилизованы целиком, при чем комсомольцы Гатчинской, Шлиссельбургской, Сестрорецкой (последние были брошены на Лиговский участок фронта), Петергофской и Кроштадтской участвовали в боевых действиях на фронте.

В связи с такой мобилизацией в губернии, как и в самом Петрограде, работа комсомола замерла, налаживавшаяся работа

---

[1] «За пять лет. 1917—1922», изд. «Юный пролетарий», 1922 г. («Исторический сборник к пятилетию питерской организации РКСМ).

[2] Этот срок губернской мобилизации комсомола указан в книге П. Белякова — «Комсомол на фронтах», изд. «Молодая гвардия», 1928 г., стр. 73.

уездных организаций РКСМ была прервана успехами противника на фронте. Только Новоладожская, Петроградская и Шлиссельбургская комсомольские организации, в силу своего территориального положения, сохранили возможность работы на собственной территории.

При мобилизации комсомольцев особенное рвение проявила партийная тройка Шлиссельбургского порохового завода, мобилизовавшая и отправившая на фронт даже 14 и 15-летних подростков, из числа которых впоследствии были убитые. После такой мобилизации на месте создалось впечатление, что коммунистический союз молодежи существует только для того, чтобы завербованных в союз членов отправлять вскоре на фронт. В отряде шлиссельбургских комсомольцев вообще было много убитых и раненых в боях с противником [1].

На помощь Петрограду прибывали комсомольцы и из других организаций. Череповецкий губернский комитет РКСМ постановил мобилизовать и отправить на Петроградский фронт 30% своего состава [2].

Из Москвы в Петроград прибыл отряд комсомольцев в 22 чел. вместе с председателем ЦК РКСМ О. Л. Рывкиным, при чем два человека из этого количества ехали тайком, так как в список отряда Московским комитетом РКСМ они внесены не были. По прибытии в Петроград отряд образовал специальный московский взвод в сводно-боевом отряде при ПК РКСМ. Во главе отряда стояла особая тройка, командиром взвода был М. Глерон. Отряд был размещен в Петрограде (Красная ул., в доме № 35) и на позиции не выходил [3].

Из Вятки прибыло 58 комсомольцев, прибывали отдельные группы молодежи также из Новгородской, Вологодской, Череповецкой и других организаций РКСМ.

Всего в обороне Петрограда в октябре 1919 г. приняли активное участие около 1500 членов РКСМ [4] различных орга-

---

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 1, по описи № 7, лл. 167—170.

[2] ЦВПА при ВПАТ, связка № 8, уже упоминавшийся выше еженедельный бюллетень, № 4 от 8 ноября 1919 г.

[3] «На фронт и на фронте», сборник воспоминаний Московского истмола, изд. «Московский рабочий», 1927 г., статья Ф. Зуйкова — «На защиту Питера», стр. 76.

[4] «За пять лет. 1917—1922», изд. «Юный пролетарий», 1922 г., стр. 36.

низаций, из коих $^3/_4$ падало на местные — Петроградскую городскую и уездные организации РКСМ, и остальная часть — на другие организации, откликнувшиеся на призыв Петрограда о помощи.

Таким образом, изложенная выше деятельность коммунистической партии, проходившая по трем направлениям — со стороны петроградской городской (районных), петроградской губернской и других организаций РКП(б) и имевшая в качестве своей основной задачи в первом случае укрепление города изнутри, во втором и третьем — оказание помощи действующим на подступах к Петрограду красноармейским частям, — достигла максимального напряжения в октябре 1919 г., когда Петрограду угрожала серьезная опасность от Северо-западной армии. Мобилизация партийцев дала возможность в короткий срок оказать реальную поддержку частям Красной армии, поднять их политико-моральное состояние, восстановить их боеспособность и вселить надежду на победу над врагом. Вышеприведенные данные о мобилизации коммунистов по Петроградской губернии и о прибывших в 7-ю армию из других партийных организаций РКП(б), а также и из Политического управления Республики показывают, что для такой серьезной работы по цементированию красноармейских частей коммунистическая партия бросила в срочном порядке больше 2.000 своих членов.

Комсомол не остался равнодушным в октябрьские дни в деле обороны Петрограда. В своей работе он шел по пути коммунистической партии и проделал громадную работу по мобилизации всех своих членов и отправке некоторых наиболее боеспособных отрядов на фронт.

7-я армия, получившая мощный приток коммунистических сил, приобрела добавочные и серьезные шансы на успех предпринимаемого ею контр-удара по всему фронту.

ГЛАВА 13.

ПУТИЛОВСКИЙ ЗАВОД В ДНИ ОБОРОНЫ. — ИЖОРСКИЙ ЗАВОД. — СЕСТРОРЕЦКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД. — ОХТЕНСКИЙ ПОРОХОВОЙ ЗАВОД. — ПОЛОЖЕНИЕ С ТОПЛИВОМ. — ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. — РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ И ВОЕННО-ПИТАТЕЛЬНЫЕ ПУНКТЫ.

Наряду с деятельностью районных штабов внутренней обороны представляется в высшей степени желательным просмотреть соответствующую подготовку к обороне со стороны наиболее крупных фабрично-заводских предприятий. В таких предприятиях кипела своя производственная работа, направленная исключительно к тому, чтобы оказать посильную поддержку в первую очередь полевым частям Красной армии. Промышленные гиганты Петрограда являлись своего рода революционными очагами, где ковалось оружие для фронта и где в процессе производства, не знавшего часов отдыха, вырабатывалась коллективная воля к победе над врагом.

В связи с этим работа крупных фабрично-заводских предприятий Петрограда носила отнюдь не местный и не районный характер, а имела широкое значение в ходе подготовки всего города к обороне изнутри. Она являлась одним из действенных реальных факторов, способствовавших обороне Петрограда.

Сохранившиеся материалы дают возможность остановиться только на работе Путиловского, Ижорского, Сестрорецкого оружейного и Охтенского порохового заводов.

На Путиловском заводе после 14 октября была проведена партийная мобилизация, которая дала около 300 чел. по заводу и около 200 чел. от Путиловской судостроительной верфи.

Под наблюдением заводского комитета рылись окопы, для чего вначале было брошено более 150 рабочих завода.

К артиллерийскому, вагонному, автомобильному и паровозному отделам завода военным ведомством были предъявлены срочные требования.

Руководившие работой завода товарищи писали, что в целях обеспечения Красной армии средствами вооружения:

«Все и вся слилось в единую волю, в единую мысль отогнать врага, отстоять дорогой нашему сердцу Красный Петроград... Каждый нажим неприятеля чувствовался на заводской работе, вызывая у всех нечеловеческие усилия, энергию и во все дни они ни на каплю не ослабевали, хотя многие наши сотоварищи почти неделю не выходили из завода... В те приснопамятные дни язык фронта заразил и нас, а звуки пушечного грохота оглушили всех основательно.

Для достижения наискорейшего выпуска и отправки к месту боя бронепоездов, орудий и других боевых припасов, сплошь и рядом среди ночи завкомом вызывались с квартир товарищи специалисты, которые, не взирая на расстояние от местожительства к заводу, иногда после 10 — 12-часовой дневной работы, без промедлений являлись по этим вызовам и приступали вновь к работам, без всякого ропота и неудовольствия» [1].

Заводом подавались подъемные краны для установки бронебойных щитов у Нарвских ворот, проводилось электрическое освещение к окопам, переделывались под жилье старые военные бараки и т. п.

Несмотря на то, что 19 октября положение на фронте еще более ухудшилось и что поблизости от расположения завода появлялись самолеты противника, стальное сердце завода своей работы не прекращало и разборка машин не производилась. Проявлявшиеся нотки пессимизма, отчаяния, а подчас и просто злорадства, как со стороны явно враждебных элементов из среды заводской интеллигенции, так и незначительной части рабочих, были только отдельными и не имеющими абсолютно никакого широкого размаха эпизодами в жизни основной рабочей массы завода.

Производительность и интенсивность труда повысилась по некоторым отраслям работы более чем в 3 раза. Так, например, вагонным отделом завода из 4 старых конно-железнодорожных вагонов в течение 3 дней два вагона были приспособлены для санитарных нужд. Бронепоезда №№ 5, 6 и 45 были отремонтированы менее чем в сутки, при чем помимо общего ре-

[1] АЛОИ, связка № 18, дело № 31.

монта паровоза на бронепоезде № 5 была поставлена новая 6-дюймовая крепостная пушка, а на бронепоезде № 45 — поставлена одна новая пушка и три — отремонтированы. Бронепоезд № 6, присланный с Ижорского завода в полуготовом виде, ремонтировался вместо нескольких дней всего одни сутки и тотчас же после окончания ремонта был отправлен на Николаевский вокзал. В ремонте бронепоезда № 43 наряду с работой слесарей принимали активное участие ответственные работники завода, как председатель завкома, так и другие, например, командир бронепоезда «Черноморец».

В минно-сборочной мастерской завода по ночам производилась ковка лошадей из военного обоза, а по заводу—растопка необходимых для производства печей. Так как в целях экономии топлива электрическое освещение по заводу было сильно сокращено, работникам завода часто приходилось прибегать к целому ряду ухищрений только для того, чтобы выполнить в срок очередной заказ.

Автомобильной мастерской завода с 16 октября по 10 ноября 1919 г. было выпущено после большого и малого ремонта 25 машин (капитальный ремонт 7 грузовых «Уайтов»; средний ремонт — 3 грузовых и 3 легковых машин); 2 мотоцикла, 8 разных боевых небронированных машин и 8 бронированных машин. Аналогичная работа в нормальных условиях требовала одного месяца для ремонта каждых 5 машин.

В лафетно-снарядной мастерской большинство слесарей и токарей работало по 12 — 16 часов в сутки; в экстренном порядке мастерская оборудовала 5 броневых автомобилей «Остин» с двигателями в 50 сил и со специальными приборами системы «Кегресса». Последнее оборудование давало возможность такому автомобилю преодолевать канавы, рвы и другие заграждения на своем пути, приближаясь в этом отношении к танкам.

Большую сравнительно работу проделал и вагонный отдел завода, где было отремонтировано и заготовлено новых 16 вагонов для бронепоездов; там производились работы по устройству 2 вагонов-бань, вагона-кухни, ремонт вагона-лазарета и т. п.

Основная же работа завода заключалась в производстве и ремонте орудий. В период с 10 октября по 10 ноября 1919 г. было сделано 40 новых орудий, отремонтировано 32 пушки, а всего 72 орудия. Также было сделано 24 новых панорамы к прицелам разных пушек.

Кроме этого было отремонтировано 8 бронированных поездов (№ № 7 — «Стенька Разин», 44 — два раза, 45, 6, 39/60, 67 и 17). Производился ремонт бронепоездов и броневых автомобилей. Была отремонтирована также 1-я зенитная батарея, предназначенная для Северного фронта [1].

Все эти фактически произведенные на Путиловском заводе работы в период с 10 октября по 10 ноября 1919 г. значительно превзошли ориентировочные данные производительности завода, составленные дирекцией завода 8 августа 1919 г. Согласно этой программы работа Путиловского завода только в отношении нового производства и ремонта артиллерийских средств по месяцам предполагалась в следующем виде: 1) при условии пополнения запаса заготовок некоторыми изделиями со стороны, завод мог дать новых и отремонтировать: в августе 38 пушек, в сентябре—28, в октябре—23, в ноябре—23 и в декабре 1919 г. — 23 пушки. Без получения каких-либо изделий (заготовок) со стороны, завод мог выпустить в августе 38 пушек, в сентябре — 26 и в октябре — 9 [2]. К ноябрю и декабрю 1919 г. наличный запас изделий завода был бы исчерпан полностью. Никаких соответственных предположительных данных производства за эти месяцы нет.

Работу Путиловского завода дополнял Ижорский завод. Настроение рабочих и тут было вполне бодрым и устойчивым. Несмотря на близость врага, работы на заводе не приостанавливались, только некоторые наиболее ценные механизмы и части машин были поставлены на колеса, все же остальное было на ходу.

Работники завода так описывают этот период из деятельности завода:

---

[1] АЛОИ, связка № 18, дело № 31, «О деятельности и настроении трудящихся Путиловского завода в связи с событиями, начавшимися 12 октября 1919 г. (наступление Юденича на Петроград). Ответ на телефонограмму за № 555 члена РВС 7-й армии Н. И. Подвойского». Доклад этот подписан был председателем рабочего правления заводов тяжелой индустрии М. С. Вилисовым. Текст доклада был опубликован в сборнике «Борьба за Петроград», Гос. изд., П., 1920 г., и в ж. «Красная летопись», № 3/27 за 1928 г., изд. «Красная газета», Л., 1928 г. Некоторые цифровые данные из этого отчета использованы Н. И. Подвойским в его брошюре — «Коммунары защищают Красный Петроград», Гос. изд., 1927 г.

[2] АЛОИ, связка № 21, дело № 32.

...«Через каждый час получаются все новые сведения и запросы о бронепоездах и броневиках. На Ижорском заводе кипит работа по бронированию. Все рабочие с инструментами в руках, молча, нахмурив брови, изредка переговариваясь по вопросам дела, не отходя ни на минуту, не считаясь ни с временем, ни с усталостью, строят боевые броневые единицы. Здесь нет ни старших, ни административно-выделившихся, все одинаково копошатся у этих броневых гигантов, которые в порядке очереди должны выходить готовыми для немедленного боевого действия»...

Представление о характере работы завода и его производительности дают следующие данные:

Наименование предметов производства и характер работы / Время	Боевые поезда в полном составе	Ремонт бронепоездов	Ремонт паровозов по бронированию	Ремонт бронированных автомобилей	Бронирование дрезин	Прием исправности брони поезд. вагонных электрических станций	Гильзы 4" и 75 м/м	Сталь для бронирования в пудах
Январь — апрель 1919 г. (4 мес.)	3	—	10	—	—	15	4836	—
Май — сентябрь 1919 г. (5 мес.)	1[1]	5	2	2	—	2	32884	39301
Октябрь — ноябрь 1919 г. (2 мес.)	2	3	—	13	1	—	5270	13295

Кроме указанных работ в течение 1919 г. и в особенности в октябре исполнялись и другие мелкие работы по бронированию, изготовлялись полубашни для пулеметов на поезда, отдельные листы для бронирующихся на других заводах автомобилей и т. п.

Для авиации завод в спешном порядке отпускал водород. Для укрепления позиции завод отправил до 30 штук броневых пушечных башен, ранее изготовленных и употреблявшихся как

[1] АЛОИ, связка № 37, «Доклад реввоентройки Колпинского района о военных событиях в гор. Колпино и его окрестностях» и цифровой отчет о производительности завода, подписанный председателем правления завода и председателем завкома, от 29 февраля 1920 г.

для защиты крепостных орудий мелкого и среднего калибра, так и орудий крейсеров [1].

Такова была работа Ижорского завода в октябрьские дни 1919 г., в условиях продовольственного и топливного кризиса и серьезного положения на Петроградском фронте.

Сохранившиеся материалы о Сестрорецком оружейном заводе позволяют нарисовать общую картину деятельности завода только в период трех суток — с 15 по 17 октября 1919 года.

Немедленно по получении приказа от ревтройки Приморско-Сестрорецкого района о мобилизации рабочих в возрасте от 18 до 43 лет были созваны все рабочие завода, которые серьезно отнеслись к мобилизации и сразу же стали являться в военный комиссариат района. Рабочие созывались тревожными заводскими и пожарными гудками, которые с перерывами длились целую ночь до 7 часов утра. Был проверен список всех работавших на заводе, по списку были оставлены только незаменимые работники, остальные должны были итти на сборный мобилизационный пункт.

Всего на заводе было мобилизовано до 120 чел., на производстве осталось 130 чел., женщины и старики. С оставшимся количеством рабочих завод продолжал работу и, несмотря на уменьшение рабочих рук по некоторым отделам, повысил свою производительность. Так, например, 14 октября было отремонтировано 100 винтовок, 15 октября — 120 винтовок, 17 октября завод отправил в Петроград 800 винтовок.

Охрана завода была тщательной, было организовано всестороннее внимательное наблюдение за работой завода [2].

Работа Охтенского порохового завода в октябрьские дни 1919 г. резко отличалась от работ Путиловского и Ижорского заводов вследствие того, что завод был причислен к таким предприятиям, производство которых приостанавливалось, а поэтому Охтенский пороховой завод не имел в те дни такого значения, как предыдущие два завода.

Интерес в работе Охтенского порохового завода представляет чисто организационная сторона, которая в силу специфических условий получила яркое проявление в его работе.

---

[1] Один новый бронированный паровоз, кроме указанного пошел в резерв. Кроме того заводом за время с января по ноябрь 1919 г. было выпущено 41 броне-автомобиль.

[2] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 28, л. 14.

Это и заставляет наряду с Путиловским и Ижорским заводом специально остановиться на Охтенском пороховом заводе.

Ночью 15 октября 1919 г. на чрезвычайном собрании завкома, отдела труда, представителей заводоуправления, продовольственной комиссии и делегатов от мастерских Охтенского порохового завода был заслушан информационный доклад о постановлениях Петроградского совета от 15 октября. На основании решения Петроградского совета на заводе была избрана местная революционная тройка в составе К. Александрова Я. И. Анасовского и Г. Т. Блохи, которая тотчас приступила к работе, сделала распоряжение о выключении всех телефонов из городской сети, ввела дежурство по завкому и заводу, выставила патруль и удвоила караул на 9 наиболее важных постах. Все рабочие завода были оповещены о существовании ревтройки, «обладающей всей полнотой власти для принятия всех необходимых и спешных мер по поддержанию порядка и деятельности на заводе».

На другой день была открыта запись честных и преданных товарищей в отряд особого назначения, численность которого определилась в 35 чел. Существовавшая охрана завода в 100 чел. была распущена и службу охранения завода взял на себя сформированный отряд особого назначения.

16 октября, согласно распоряжения ревтройки завода, в завкоме был сосредоточен весь наличный запас оружия, который состоял из 96 берданок, 11 штук 3-линейных и 7 японских винтовок.

17 октября было созвано общезаводское собрание-митинг, на котором после доклада о положении на фронте была принята 407 голосами при 3 воздержавшихся следующая резолюция:

«Мы, трудящиеся Охтенского порохового завода, собравшиеся для обсуждения вопроса о создании внутренней обороны, заслушав доклад тт. Якимовича и Аносовского, заявляем, что золотопогонники-генералы, ведущие белогвардейские банды на Красный Питер, несут цепи рабства и насилия для рабочего класса. Стоя за завоевания рабочей революции, мы, организуясь, дадим жестокий отпор белогвардейской своре.

Всем честным сознательным рабочим место в создаваемом при заводе для отражения врага отряде.

Все способные держать винтовку в руках — в отряд!»

18 октября штаб внутренней обороны Пороховского района назначил комендантом завода представителя райисполкома и районного штаба С. И. Исакова, который сразу же возглавил работу заводской ревтройки.

В течение времени с 16 по 19 октября производилась подготовка заводского отряда к выступлению, снабжение его обувью, вещевыми мешками и т. п. К вечеру 19 октября отряд был готов к выступлению; перед выступлением было созвано общее собрание бойцов отряда, на котором было внесено предложение оставить на заводе не больше 6 человек, всем остальным итти вместе с отрядом. Вскоре, однако, приказание о выступлении отряда было отменено и он остался при заводе.

20 октября заседание ревтройки завода постановило оставить на своих местах тех рабочих, которые были нужны для поддержки водоснабжения и освещения, возложив на них в то же время охрану заводских помещений. Начальником добровольческого отряда завода был назначен Я. Анасовский, помощником его — К. Смирнов.

23 октября ревтройка завода решила считать упраздненным старый состав заводоуправления и для ведения всей текущей работы организовала на заводе подсобные тройки: 1) по заведыванию производством завода (техник А. П. Жуков, Г. Иванов и Муратов); 2) по заведыванию механической частью завода (механик Г. О. Фракман, А. Мерингов и И. Кузьмин); 3) коммерческо-хозяйственная тройка для управления и делопроизводства и 4) продовольственная.

Заведующим внутренней обороной завода был оставлен Ф. Ф. Курдюков.

Подсобные тройки получили право принимать все решения, сводящиеся к улучшению и упорядочению деятельности завода при условии утверждения этих решений ревтройкой завода. Все трудящиеся завода обязывались безусловно подчиняться распоряжениям этих троек, ответственных, в свою очередь, по законам осадного положения перед ревтройкой завода.

«Всякое промедление, нежелание и недобросовестное выполнение своих обязанностей будет соответственно оценено и в достаточной мере компенсировано», — так заканчивалось постановление ревтройки завода.

Всем выделенным лицам в подсобные тройки ревтройкой завода было поручено определить необходимый штат работников из мужчин старше 43 лет и моложе 18 лет и женщин. Заявки на рабочие руки должны были ежедневно подаваться в штаб внутренней обороны Пороховского района, который предоставлял для необходимых работ часть мобилизованных.

Швейная мастерская завода получила срочный заказ на изготовление для мобилизованных всего района 300 наволочек и 300 матрацов.

В общем до 25 октября ревтройка завода была погружена в кропотливую повседневную работу. Караул завода был доведен до 110 чел., налажена была систематическая поверка постов, высылались патрули и т. п. За эти дни была организована учебная стрельба. Поддерживалась связь с районным штабом внутренней обороны и центром; средствами завода выполнялись задания районного штаба по перевозке и установке на позиции орудий, доставке снарядов и других материалов, по проводке телефонных линий на батареи, электрического освещения в казармы, выполнялся ремонт казарм, оборудование походных кухонь, изготовление матрацов, наволочек, обеденной посуды и т. п.

25 октября была объявлена по заводу мобилизация рабочих от 18 до 43 лет, при чем лица, подлежавшие мобилизации, обязывались к 12 часам того же дня явиться в районный мобилизационный отдел, где переводились сразу на казарменное положение.

После проведения мобилизации в качестве основной очередной задачи для ревтройки была подготовка завода к закрытию.

Все занимавшие заводские квартиры были уплотнены с тем, чтобы освобожденную жилую площадь заселить трудящимися завода. Были приняты меры к максимальному сокращению электрического освещения.

Вследствие не прекращавшихся случаев утечки спирта на сторону, ревтройка постановила прекратить всякий отпуск спирта за исключением особо важных случаев, при чем отпуск спирта и тогда должен был производиться только в присутствии представителя районного штаба внутренней обороны; весь спирт, не требующийся для пороходелия, решено было денатурировать.

Текущая работа завода, который был причислен к числу закрытых предприятий, так как весь наличный запас сырья и значительная часть механизмов была вывезена, сводилась в основном к продолжению эвакуации, поддерживанию водоснабжения и водоосвещения и только частично — к прессованию подрывных шашек. Все работы в указанных направлениях не приостана-

вливались, все наличные силы завода были на своих местах. Случаев отказа от работ и недовольств в связи с трудным общим положением на заводе не было, настроение было спокойным и бодрым.

Но, в связи с закончившейся мобилизацией рабочих и необходимостью в срочном порядке подготовить завод к зимней стоянке, ревтройка завода уже 28 октября констатировала, что выполнять срочные задания военного ведомства и химической секции ВСНХ, как и других организаций, завод был более не в состоянии. Было признано необходимым иметь рабочую команду и значительно усилить охрану. О таком положении завода было решено информировать ВСНХ и специально А. И. Рыкова.

К обсуждению этого вопроса ревтройка возвращалась не раз и принимала все меры к тому, чтобы создать условия для своевременного приведения завода к зимней стоянке.

Деятельность ревтройки и назначенных ею подсобных троек на Охтенском пороховом заводе вызвала любопытный, отнюдь не по содержанию, а по своему времени, протест со стороны незначительной группировки служащих завода. Мотивы протеста были чрезвычайно устарелыми и избитыми, они указывали, во-первых, на незаконность возникновения ревтройки на заводе и, во-вторых, на неподготовленность членов тройки к управлению заводом, исходя из того, что «законное» правление завода было «самочинно упразднено» ревтройкой. Известная группа лиц поэтому требовала восстановления того положения на заводе, которое было до момента организации ревтройки. Такие нападки на деятельность революционных органов власти, вызванных к жизни осадным положением всего Петроградского района, ничего общего не имели с действительным положением вещей и являлись только досадным препятствием в работе.

Ревтройка завода, как и ее подсобные органы, оказалась наиболее деятельной и жизнеспособной из всех организаций завода во второй половине октября 1919 г., — даже после того, как на своем заседании от 29 октября она нашла возможным, в связи с общим положением, перейти к более нормальному порядку в заводоуправлении — на основе постановления 2-й Всероссийской конференции представителей правлений и завкомов от артиллерийских заводов от 27 августа. Когда было на заводе организовано заводоуправление в составе двух рабочих и одного

военного специалиста, ревтройка осталась и продолжала выполнять свою работу.

С согласия химической секции ВСНХ, райисполкома и районной ревтройки в новое заводоуправление вошли в качестве председателя правления С. Исаков, заместителя председателя Я. Анасовский и по должности главного инженера А. П. Жуков. В продолжавшей свою работу заводской ревтройке, получившей функции высшего контрольного заводского органа, были С. Исаков, Я. Анасовский и Г. Блоха. Таким образом, никаких перемен в личном составе ревтройки в связи с организацией нового заводоуправления не произошло, что подчеркивало работоспособность и полную пригодность тех лиц, на обязанности которых лежала труднейшая работа в двадцатых числах октября 1919 г. [1].

Итак, Охтенский пороховой завод самостоятельного и прямого участия в деле отражения противника, как, например, Путиловский и Ижорский заводы, не принимал, но способствовал штабу внутренней обороны Пороховского района в выполнении оборонительных работ.

Кроме указанных заводов и другие фабрично-заводские предприятия Петрограда работали с максимальной напряженностью. Производительность труда рабочих была выше всяких возможных в тех условиях рекордов. Производство шинелей поднялось до 500% и дошло до 7.000 в день, производство снаряжения увеличилось на 400% и т. д. [2].

Условия же для производственной деятельности фабрично-заводских предприятий Петрограда были чрезвычайно ненормальными. Особенно остро стоял вопрос с топливом, из-за которого петроградская промышленность стояла все время под знаком острого кризиса. Нормальная потребность Петрограда в топливе исчислялась в переводе на уголь в 135.000.000 пудов или в переводе на дрова в 1.230.000 куб. саженей. Однако, такого количества дров Петроград никогда не получал, даже до мировой империалистической войны. Минимальная потребность петроградской промышленности и группы водосвета в топливе выражалась в 48 миллионов пудов.

Действительное положение фабрично-заводских предприятий г. Петрограда в 1919 г. показывает нижеследующая таб-

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 19, по описи № 335, лл. 65 — 68.

[2] Там же, связка № 21, по описи № 400, лл. 1 — 27.

лица [1], где приведены сравнительные данные за три года — 1917, 1918 и 1919 гг.:

Годы: / Виды топлива:	Поступление в Петроград водным и железнодорожным транспортами условного 7.000 калорийного топлива и его расходование в пудах:					
	1917		1918		1919	
	Поступление	Расход	Поступление	Расход	Поступление	Расход
Твердое минеральное	49.607.000	56.449.000	6.442.600	12.388.000	1.464.000	451.000
Жидкое .	25.807.000	38.989.000	6.916.000	12.829.000	808.000	4.695.000
Дрова . .	88.100.000	44.655.800	40.650.000	33.603.000	33.000.000	32.000.000
Бор. уголь	803.000	174.300	381.000	209.300	618.000	357.900
Торф . .	—	594.000	—	335.100	112.000	631.200
Итого . .	166.317.000	145.862.100	54.389.600	52.264.440	36.002.000	38.135.600

Из данных таблицы видно, на какой значительно суженной топливной базе приходилось работать петроградской промышленности. В 1919 г., в особенности с осени, в Петрограде было приступлено к разбору нежилых домов с тем, чтобы оказать, исходя из местных «ресурсов», посильную помощь промышленности, при чем значительная часть полученного таким путем древесного топлива шла на отопление, главным образом, жилых помещений трудящегося населения и воинских частей Петрограда.

Недостаток фабричного сырья, рабочих рук, продовольствия и т. п. усиливало и без того труднейшее положение промышленности. Только массовой рабочей инициативе, находчивости, упорству и трудовой энергии суждено было не только с честью выйти из этого положения, но даже в октябрьские дни 1919 г. поставить рекорды производительности и интенсивности труда.

За неимением более или менее исчерпывающих данных о количестве рабочих, занятых в различных отраслях петроградской промышленности в октябре 1919 г., не представляется возможным специально останавливаться на этой чрезвычайно интересной стороне жизни Петрограда.

---

[1] «Справочник петроградского агитатора», № 4 от 15 июля 1921 г., П., стр. 63 — 65.

Общее же количество рабочих Петрограда, по данным за вторую половину 1919 г., доходило до 80.000 человек, при общей численности населения Петрограда в 800.000 жителей. Из общего количества рабочей силы в Петрограде в 53 фабрично-заводских предприятиях, производивших всякого рода машины, инструменты и аппараты, было занято 25.410 рабочих; в 35 предприятиях полиграфического производства было занято 7.976 чел.; в 10 предприятиях по обработке хлопка — 6.032 чел.; в 5 предприятиях табачного производства — 5.854 чел., и т. д. Всего в 150 предприятиях с различным производством, по которым были даны сведения, во второй половине 1919 г. работало 64.546 рабочих [1];

Большой интерес представляет продовольственное положение, от которого в значительной степени зависела деятельность всего трудоспособного населения Петрограда в дни обороны.

Количество едоков по районам г. Петрограда за вторую половину октября 1919 г. выражалось в следующих данных [2]:

№№ п/п	Районы	Взрослых едоков	№№ п/п	Районы	Взрослых едоков
1	1-й городской	153.678	6	Московско-заставск.	63.858
2	2-й городской	98.933	7	Василеостровский	62.673
3	Нарвско-Петергофск.	86.576 [3]	8	Выборгский	49.799
4	Петроградский	86.471	9	Невский	49.132 [4]
5	Смольнинский	65.712	10	Пороховской	7.273
	Всего по г. Петрограду				724.105 [5]

О количестве скота по гор. Петрограду имеются данные только за первую половину октября 1919 г. Согласно этих

[1] «Статистический ежегодник 1918 — 1920 гг.», Труды центрального статистического управления, т. 8-й, вып. 1-й, Москва, 1921 г.

[2] «Известия Петроградского совета», № 246 (439) от 29 октября 1919 г.

По данным местной статистики, учитывавшей количество прикрепленных по районам хлебных карточек.

[3] В том числе едоков 2-й категории — 2.436 и 3-й категории — 28.

[4] В том числе едоков 2-й категории — 412, 3-й категории — 2.

[5] В том числе едоков 1-й категории — 644.513, 2-й категории — 77.134 и 3-й категории — 2.458.

данных в Петрограде числилось на фуражном довольствии 10.404 ломовых лошадей, 1.050 легковых лошадей, 1.896 голов крупного скота, 1.993 голов мелкого скота и 300 штук свиней [1].

Кроме гражданского населения было большое количество воинских частей, расположенных в октябре 1919 г. в Петрограде. На 1 ноября 1919 г. при отделе снабжения штаба внутренней обороны Петрограда состояло на довольствии по фронтовому продпайку 39.265 чел., по тыловому продпайку 1.720 чел., а всего 40.985 чел. и 4.143 лошади. В это количество вошли не только штатные части внутренней обороны (районные отряды обороны и т. п.), но и части, как оперативно-подчиненные, так и не подчиненные начальнику внутренней обороны города [2].

Положение на частных рынках Петрограда в дни его обороны может быть характеризовано нижеследующими данными.

В связи с серьезным положением на фронте спекулянты значительно повысили цены на рынках. К 23 октября за фунт мука стоила 230 — 250 руб.; столовое масло 900 — 950; сухари 300 — 320; постное масло 700 — 750; творог 250; картофель 70—80; капуста 45—50; хлеб и другие продукты с рынка исчезли [3].

К 28 октября вольные цены на главнейшие предметы продовольствия на Клинском, Андреевском и Сенном рынках за фунт в рублях были таковы: хлеб 200—220; мука 200—300; мясо 350—450; конина 150; картофель 65—80; жиры растительные 860; масло коровье 1.200—1.400; сахар 650—750; сахарный песок 450—500; капуста квашеная 20; соль 150—160; чай настоящий 2.000; рыба свежая 80; рыба соленая 150—200; колбаса 320—450; творог 250; пшено 350—380; крупа перловая 350; крупа манная 320; пшеница в зерне 270—280; рожь в зерне 230—260; мука пшеничная 350—440; овес 160—180; дуранда 130; лук репчатый 60—75; свекла 60—70; брюква 45—55; репа 55; капуста свежая 45—65; морковь 60—65; сыр

---

[1] «Известия Петроградского совета», № 243(436) от 25 октября 1919 г.

По данным местной статистики, составленной на основании прикрепления фуражных карточек по районам.

[2] ЛАБ, АКА, фонд № 249, дело по описи № 21, лл. 153 — 155.

[3] «Известия Петроградского совета», № 241 (434) от 23 октября 1919 г.

900; сладости 500—580; икра сиговая, свежая, 500; десяток яиц 600—650; селедка 70—200 за штуку [1].

Нормы оплаты труда рабочих и служащих, естественно, не позволяли им в деле пропитания своей семьи обращаться к частному рынку. Максимальные ставки ответственных политических и профессиональных работников для Петрограда и 50-верстной зоны и гор. Луги, согласно постановления ВЦИКа, были установлены с 1 сентября 1919 г. в 6.300 руб. (150% по сравнению с Москвой, работники которой получали ставку в 100%). Основная же масса рабочих и служащих получала за свой труд в месяц такую реальную заработную плату, которую без особенных трудов можно было израсходовать на приобретение продуктов питания в течение 1—2 дней.

Соответствующие цифровые данные по снабжению Петрограда различными видами довольствия и фуража за период с 27 сентября по 29 октября 1919 г. [2] могут быть сведены в нижеследующую таблицу:

ВРЕМЯ	Прибыло продовольственных и фуражных грузов в вагонах	В том числе транзитных вагонов	Примечание
27, 28 и 29 сентября .	83	—	Продовольственные грузы прибывали в адреса Петроградского отдела продовольствия, губернского продовольственного комитета и других учреждений.
7 и 8 октября . .	225	10	
9 » . .	65	2	
13 и 14 » . .	268	17	
18 и 19 » . .	391	88	
21, 22 и 23 » . .	361	40	
26 и 27 » . .	386	32	
28 и 29 » . .	343	31	
Итого .	2.122	220	

Приведенные данные, хотя и не полные, дают все же некоторое представление о размерах прибывавших в Петроград в октябре 1919 г. продовольственных и фуражных грузов.

[1] «Известия Петроградского совета», № 246 (439) от 29 октября 1919 г. По данным статистического подотдела Петроградского губернского отдела труда.

[2] «Известия Петроградского совета» за октябрь 1919 г.

Продовольственные грузы были самого разнообразного характера. Так, например, в числе 391 вагона, прибывшего в течение двух суток — 18 и 19 октября в адрес одного Петроградского отдела продовольствия следовало 38 вагонов с пшеницей (из коих 22 вагона пришло из Оренбургской губ.), 32 вагона ржи (в том числе 26 — из Нижегородской губ.), 2—проса, 1—пшена, 10—пшеничной муки, 3—ржаной муки, 6—разных хлебных продуктов, 1—копченостей, 1—солонины, 32—капусты, 36—картофеля (из коих 32 вагона из Ярославской губ.), 5—свежих овощей и т. п. В адреса разных учреждений Петрограда, из общего числа 391 вагона, прибыло 22 вагона хлебных продуктов, 3—мясных грузов, 17—рогатого скота (198 голов из Вятской губ.), 7—рыбных грузов, 48—овощей, 2—соли, 4—варенья (для железнодорожников) и т. п.[1].

Чрезвычайная скудость поступления продовольственных грузов в октябре 1919 г. при наличии громадного количества едоков не создавала, однако, серьезных перебоев в снабжении, но, с другой стороны, и не позволяла удовлетворить потребности города.

Выходом из такого положения могло быть только планомерное и целесообразное распределение наличных продуктов питания, которое могло бы предотвратить перерастание продовольственного кризиса в катастрофу. Трудящееся население Петрограда, не имевшее возможности приобретать продукты на частном рынке, должно было находиться под полным обеспечением соответствующих продовольственных организаций. В этом заключалась тогда центральная задача всей текущей работы продовольственных органов г. Петрограда. В быстром осознании этой задачи и в своевременности принятых мер лежал залог победы на фронте. Вполне удовлетворительное, бодрое и устойчивое политическое настроение петроградского пролетариата нуждалось только в энергичных действиях органов советской власти, которые целиком способствовали бы общему настроению, поддерживали бы боевой дух и обеспечивали бы физическую работоспособность многочисленных трудящихся масс, призванных строить оборонительные сооружения в городе.

Согласно приказа председателя Реввоенсовета Республики вся работа по снабжению продовольствием полевых частей Петро-

---

[1] «Известия Петроградского совета», № 239(432) от 21 октября 1919 г.

градского фронта была централизована в руках начальника снабжения А. Е. Бадаева. Все организации, заинтересованные в снабжении красноармейских частей гор. Петрограда, обязаны были в продовольственном отношении выполнять все распоряжения начальника снабжения. Техническим органом, осуществлявшим приказы начальника снабжения Петроградского фронта, была распределительная часть Петрокоммуны. Этот аппарат работал при максимальном напряжении. Основные отделы—хлебный, фуражный, колониальный, скоропортящихся продуктов — функционировали круглые сутки. Беспрерывно дежурившим ответственным работникам было предоставлено право самостоятельного удовлетворения срочных требований. Все требования формального характера были упрощены, ряд контрольно-проверочных операций производился после фактического отпуска продуктов. После производства первоочередной работы по отсылке продовольствия на фронт удовлетворялись потребности местного населения. Иногда были запоздания в снабжении районов хлебом, но в дальнейшем, после овладения обстановкой, и они были устранены.

Беспрерывно работали все хлебозаводы Петрокоммуны. Выпечка хлеба с 20.000 пудов была увеличена до 44.000 пудов в сутки.

Нормы суточного хлебного пайка по Петрограду в течение октября были разнообразны. По трудовым карточкам хлеб выдавался по тем №№ проштемпелеванных купонов, кои соответствовали дате фактической выдачи, в размере $^1/_2$ фунта на каждый купон; для лиц, отнесенных к 1-й и 2-й категориям, $^1/_2$ фунта хлеба выдавалось на двое суток; для лиц 3-й категории—по $^1/_4$ фунта на двое суток. Все дети получали хлеб по нормам 1-й категории.

Норма хлебного пайка для находившихся в передовых позициях бойцов с $^1/_2$ фунта была доведена до 2 фунтов в сутки. Суточная норма мяса или рыбы была увеличена до $^3/_4$ фунта.

В последних числах октября, наряду с улучшением снабжения продовольствием действующих частей армии, наметилось некоторое улучшение и в деле снабжения населения города. Было приступлено к выдаче всему населению сахара, соли и картофеля. По трудовым карточкам была объявлена дополнительная выдача сахарного песку, соли, картофеля, варенья и огурцов. По детским карточкам, в зависимости от возраста и

группы, выдавались крупа, икра, сыр, варенье и картофель. Учреждения, столовые, больницы, приюты, детские дома и т. п. снабжались нормально.

Был призван к общей работе также и аппарат коммунального питания Петрокоммуны. Сеть коммунального питания в Петрограде в те дни образовала собою одну из главных артерий, в которой концентрировалась значительная часть питания населения города. До 20 октября все коммунальные столовые города работали обычным темпом, но с 21 октября все они перешли на военное положение и были объявлены военно-питательными пунктами. Работники коммунального питания были объявлены мобилизованными, во всех столовых были установлены непрерывные дежурства. В состав чрезвычайной дежурной тройки входили: представитель администрации столовой, дежурный повар, представитель комитета служащих или местного партийного коллектива и кухонный работник. В каждом районе были созданы главные дежурные питательные пункты, дежурные столовые, которые располагали запасом продуктов и удовлетворяли запросы других столовых района. В отношении организации военно-питательных пунктов аппарат коммунального питания Петрокоммуны являлся также исполнительным органом начальника снабжения армии и флота. Контингент пользовавшихся обедами из военно-питательных пунктов состоял в основном из пяти групп: 1) коммунистические отряды особого назначения; 2) красноармейские части, прикомандированные к районам внутренней обороны города; 3) рабочие отряды по разгрузке продовольствия и других предметов; 4) санитарные отряды и 5) строительные рабочие, мобилизованные для оборонительных работ по укреплению районов. Отпуск обедов производился по требованию штабов внутренней обороны или районных комитетов РКП(б). Каждый из столующихся получал одинаковый трудовой обед. Из всех военно-питательных пунктов с 21 по 26 октября было выдано свыше 50.000 обедов. Наибольшая работа по условиям боевой обстановки выпала на долю военно-питательных пунктов Нарвско-Петергофского и 2-го городского районов.

С переходом на бесплатное питание детей к столовым Петрокоммуны было прикреплено и питалось в октябре 1919 г. до 183.000 человек. Столовых в Петрограде в октябре 1919 года насчитывалось 189. Питательность обедов в столовых Петро-

коммуны была следующей: в июне — 637,6 калорий; в июле — 360 калорий; в августе — 280 калорий, в октябре — 217,5 калорий; при чем трудовой обед в августе 1919 г. имел 628 калорий, в октябре же было снижение трудового обеда по его питательности до 553,4 калорий [1].

Для более успешного удовлетворения запросов красноармейских частей и населения по приказу начальника снабжения в каждом районе были выделены особые уполномоченные, на обязанности которых лежало общее руководство всей продовольственной работой по району; в целях же достижения однообразия в работе было решено использовать только столовые Петрокоммуны, продовольствие которым отпускалось исключительно через распределительную часть Петрокоммуны.

С 29 октября все военно-питательные пункты стали отпускать обеды по боевой красноармейской норме; красноармейские части, в срочном порядке отправлявшиеся на фронт, получали продовольствие на 3 дня.

В начале деятельности военно-питательных пунктов были перебои так же, как и в аппарате распределения Петрокоммуны. Мобилизация перевозочных средств, коснувшаяся в значительной степени и продовольственного транспорта, поставила столовые в затруднительное положение. Но вскоре и это было устранено. Для доставки продовольствия в столовые были использованы трамвайные вагоны, которые работали главным образом ночью. Продовольствие доставлялось в те столовые, которые были расположены поблизости от линий городской железной дороги, а оттуда всеми доступными способами развозилось по остальным столовым района.

Руководившие в то время делом снабжения работники отмечали полное сознание своего долга со стороны всех служащих и рабочих как распределительного аппарата, так и аппарата коммунального питания Петрокоммуны [2].

Тяжелое продовольственное положение Петрограда, несмотря на равномерное и целесообразное распределение имевшихся

---

[1] АЛОИ, связка № 4, таблицы средней питательности обедов в столовых Петрокоммуны.

[2] «Известия Петроградского совета», № 244 (437) от 27 октября 1919 г. и № 247 (440) от 30 октября 1919 г.; А. Е. Бадаев — «Десять лет борьбы и строительства» (продовольственно-кооперативная работа в Ленинграде в 1917—1927 гг.), «Прибой», Л., 1927 г., стр. 78—80.

продовольственных грузов, вызвало большое повышение смертности среди жителей города. Соответствующие сведения по 1918 и 1919 гг. показывают значительное повышение смертности в 1919 г. Если в 1918 г. на 1.469.000 жителей Петрограда было 13.500 браков, 22.800 родившихся живыми и 64.150 умерших, то в 1919 г. на 800.000 жителей города браков было 18.672, родившихся живыми 12.428, и умерших 65.347. Таким образом, естественный прирост населения Петрограда для 1918 г. выражался в цифре — минус 41.350 чел. и для 1919 г. в цифре — минус 52.912 чел. На каждую 1.000 жителей Петрограда в 1918 г. приходилось 9,2 браков, 15,5 родившихся живыми, 43,7 умерших, а в 1919 г. на 1.000 жителей количество браков выражалось в 23,3, родившихся живыми 15,5, умерших 81,7. Следовательно, на 1.000 жителей города в 1918 г. естественный прирост выражался в цифре — минус 28,2, а для 1919 г. — минус 66,2.

В 1919 г. число умерших в Петрограде в 5 с лишним раз превышало число родившихся, при условии, что коэфициент брачности на 1.000 человек для 1919 г. по Петрограду давал чуть ли не мировой рекорд. Коэфициент смертности в Петрограде на 1.000 жителей в 1919 г. не может идти в сравнение с коэфициентами смертности в целом ряде государств, как и в самом Петрограде в прежние годы. Так, например, в Петрограде в 1914 г. на 1.000 жителей коэфициент смертности составлял 21,5, в 1915 г. — 22,8, в 1916 г. — 23,2, в 1917 г. — до 25. Затем, в 1918, 1919 и 1920 гг. коэфициент смертности постепенно повышался и в период январь — апрель 1920 г. дал средний годовой коэфициент, близкий к 90 на 1.000 жителей. Исключительно высокая смертность в Петрограде, таким образом, держалась в течение 2 лет и приняла затяжной характер.

Ни одна страна в мире не имела такого коэфициента смертности, какой был в Петрограде в годы гражданской войны. При осаде Парижа в дни Парижской коммуны в 1871 г. на 1.000 жителей умирало 46,9. В Финляндии в 1868 году, во время сильнейшего голода, на 1.000 жителей умирало 77,7. На Филиппинских островах в 1902 г. во время холерной эпидемии умирало 63,3 на 1.000 жителей. В провинции Пенджаб, в Британской Индии, в 1907 г. во время эпидемии чумы на 1.000 жителей умирало 62 человека. Таким образом, исключительно высокая смертность в Петрограде не имела исторических преце-

дентов. На этом общем фоне еще более значительной предстаёляется героическая борьба петроградского пролетариата, как и Советской республики в целом.

Все население Петрограда в октябрьские дни 1919 г. жило только одной мечтой — отбить наглых белогвардейцев от своего родного города. Это обстоятельство сказалось и на криминальной жизни города. Самые разнообразнейшие сведения, сохранившиеся до сего времени, дают следующую картину этой теневой стороны жизни великого города. За кражи, грабежи и т. д. в октябре 1919 г. было задержано на улицах города 668 человек (из 6.220 чел., задержанных в течение всего 1919 г.), за агитацию против советской власти в октябре было задержано 33 (из 153 за год), за нарушение постановлений власти — 36 (из 298 за год), за торговлю неразрешенными товарами (карты, наркотические вещества и проч.) — 242 (из 1.308 за год), за спекуляцию — 89 (из 1.216 за год), за хранение большого количества продовольствия — 23 (из 84 за год), за мошенничество — 60 (из 525 за год), за пьяное состояние 235 (из 1.765 за год) [1]. Всего арестов и задержаний в октябре 1919 г. было 2.008 человек (меньше, чем в августе и сентябре, но больше, чем в ноябре — декабре) из 17.886 чел., подвергшихся задержанию в течение всего 1919 г. [2].

С задачами чрезвычайной важности и сложности, вставшими в дни обороны Петрограда, продовольственные органы справились весьма успешно, что было обусловлено и самим характером советской системы. Продовольственный кризис не принял характера катастрофы. Это создало, в свою очередь, необходимые предпосылки для успешного хода борьбы на линии фронта и способствовало делу внутренней обороны районов города.

---

[1] «Материалы по статистике Петрограда», вып. 1-й, Гос. изд., Петроград, 1920 г., стр. 6 — 13, 26, 138—141.

[2] Там же.

ГЛАВА 14.

ДНИ ПЕРЕЛОМА НА ПЕТРОГРАДСКОМ ФРОНТЕ И ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ КРАСНОЙ АРМИИ. — ОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ В ПРИБАЛТИКЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ ПОД ПЕТРОГРАДОМ. — ОТНОШЕНИЕ К ЮДЕНИЧУ ЭСТОНИИ И ФИНЛЯНДИИ. — РОЛЬ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ.

Северо-западная армия генерала Юденича, приблизившись к Петрограду, 21 октября была остановлена советскими войсками на линии Лигово—Красное село—Детское село—Колпино. Враг получил первый решительный отпор частей Красной армии. В рядах армии Юденича впервые стало наблюдаться смятение, нервничанье, дерганье частей с одного участка на другой. Надежда стремительной атакой завладеть Петроградом и ликование белых по случаю занятия каждой деревни не давали возможности генералам здраво разобраться в сложившейся обстановке. Под Гатчиной и другими местами белогвардийские части сталкивались между собою, перемешивались, нарушалась вся организация дивизий, приказы не доходили по назначению. Северо-западная армия стала распыляться на отдельные самостоятельные боевые отряды, действующие на свой страх и риск без всякой связи с соседними колоннами[1]. Приказы штаба главнокомандующего если и доходили во-время по назначению, то своевременно не исполнялись. Было уже указано на неисполнение приказа о занятии станции Тосно на Октябрьской жел. дор. генералом Ветренко, который горел нетерпением первым ворваться в Петроград и пожать лавры победы над большевиками. Начавшееся соревнование между генералами и принятие ими в силу этого самостоятельных решений не позволяло главному белогвардейскому штабу целесообразно и своевременно использовать слабые места фронта Красной армии. По свидетельству самого

[1] Г. Кирдецов—«У ворот Петрограда», Берлин, 1921 г., стр. 353.

штаба, генерал Юденич в период с 17 по 20 октября не имел ясного представления о расположении своих частей и о создавшейся обстановке на каждом отдельном боевом участке фронта. Однако, несмотря на это, Юденича не оставляла пленившая его надежда на скорое падение Петрограда. Он, как азартный игрок, поставивший все на карту, упорно добивался своей цели. Зная о том, что на красной стороне силы все увеличиваются и крепнут морально, Юденич пытался повлиять на этот процесс своей откровенной агитацией, для чего обратился со следующим воззванием к красным матросам:

«Матросы! Час падения Петрограда настал. Наши войска стоят на ближайших подступах к городу. Расплата за ваши кровавые подвиги, ужаснувшие весь мир, — близится. Вы можете спасти вашу жизнь только лишь переходом на нашу сторону в момент занятия Петрограда. Всякий же, застигнутый на улице Петрограда с оружием в руках для сопротивления нам, будет беспощадно расстрелян на месте.

Командующий Северо-западной армией генерал-от-инфантерии *Юденич*» [1].

По действительной же обстановке к этому времени на Петроградском фронте можно было судить, что над зарвавшейся Северо-западной армией нависла угроза полного разгрома.

21 октября в 6 часов красным командованием был выработан план контр-наступления частей Красной армии. На помощь 7-й армии была привлечена 15-я армия, расположенная на правом фланге западного фронта—от Псковского озера до озера Белое. Задачей контр-удара ставился разгром прорвавшегося в Гатчинский район противника и выход на линию Керново—Бегуницы—ст. Волосово—ст. Мшинская для дальнейшего продвижения вдоль линии железной дороги Волосово—Ямбург.

Стремясь к выполнению боевого приказа, части Красной армии вели непрерывные бои с противником вплоть до 23 октября.

23 октября вечером 7-я армия уже принесла первые победы—были возвращены Советской республике Детское село и Павловск.

Части 15-й армии 24 октября получили боевое задание перейти в наступление на участке Псков—Луга для того, чтобы,

---

[1] АЛОИ, связка № 18; Ленинградский музей революции.

Листовка эта распространялась среди матросов Балтийского флота около 23 октября 1919 г.

соединившись с частями 7-й армии, совместно ударить по Северо-западной армии. Для осуществления задачи разгрома гатчинской группы белых, главный удар намечался со стороны Колпино в охват правого фланга противника группой С. Д. Харламова и вспомогательный удар 6-й стрелковой дивизии под командой В. С. Шатова с севера [1].

Противник, продолжавший свою тактику внезапных налетов и прорывов фронта, в свою очередь 24 октября перешел в наступление на Стрельну, но потерпел решительное поражение. Один полк дивизии князя А. П. Ливена потерял 50% своего состава, при чем был убит командир полка и 14 офицеров. Остатки полка в панике отхлынули назад, увлекая за собой и соседние части белых [2].

25 октября Красная армия, подкрепленная свежими резервами, вновь повела наступление и имела успех. Белые об этих атаках 25 октября пишут, что они велись 4 цепями, двигавшимися одна за другой, а за ними следовали «сплошные колонны резервов». Решительность защитников Петрограда так смутила белых, что они решились утверждать, что красные бойцы были «сильно возбуждены кокаином», который, якобы, специально выдавался всем красноармейцам до наступления [3]. Революционный энтузиазм красноармейцев, моряков, курсантов и коммунистов белые объясняли искусственной возбужденностью!

Генерал Юденич, сознавая приближавшуюся гибель своей армии, принимал все меры к тому, чтобы закрепиться на подступах к Петрограду. Обнаружив глубокий обход красных в районе Красного села, он предпринял переброску с Лужского района 1-й дивизии, оставив этим почти совершенно оголенными подступы к Луге.

В беседе с одним из корреспондентов Юденич 25 октября заявил:

«Положение моей армии крайне неопределенное. Большевики сражаются с неудержимой храбростью, оказывая сильное сопротивление нашему наступлению. Они сконцентрировали против нас самые отборные части, стянутые со всех участков их фронта. Красные курсанты и фин-

---

[1] «Борьба за Петроград», Гос. изд., 1923 г., стр. 44.

[2] «Белое дело», т. 2, Берлин, февраль 1927 г., — «Сообщение офицера Северо-западной армии о боях под Петроградом».

[3] Там же.

«ские красные части, как мне сообщают, не остановятся даже перед тем, чтобы вступить с нами в бой на улицах Петрограда» [1].

Белым генералам, ожидавшим, наоборот, вспышки контрреволюционного восстания в тылу красных, очевидно, совершенно не приходило в голову, что пролетариат Петрограда в случае неустойки полевых частей Красной армии, даст решительный и последний бой белым наймитам на улицах города.

25 октября на страницах «Берлинер Тагеблатт» военный обозреватель этой газеты, разбирая соотношение сил на Петроградском фронте, выразил сомнение в быстром захвате Юденичем Петрограда. Он писал, что военное положение Советской России «далеко не безнадежно», что гарнизонная служба в городах поставлена «превосходно», что мощь Красной армии значительно усилилась [2].

На 26 октября по 7-й армии был отдан приказ продолжать выполнение задачи — 6-й дивизии занять Красное село, группе Одинцова — с. с. Большой лагерь и Тайцы, группе Харламова — с. с. Царская Славянка и Владимирская [3]. К этому времени противник подтянул значительные подкрепления — Талабский полк генерала Б. С. Пермыкина и части русского дивизиона, бывшего в свое время на французском фронте. С подходом резервов Северо-западная армия продолжала вести ожесточенные бои. В течение 26 октября некоторые пункты, как Новый бугор, Тайцы, Новая буря и др., переходили по несколько раз из рук в руки.

К исходу 26 октября все атаки противника были отбиты, и Красная армия заняла Красное село и ст. Плюсса (по железной дороге Псков—Луга).

Хотя противник и был уже отброшен от Петрограда, однако, удовлетвориться этим было бы преступной близорукостью, потому что, отступив с сохранением значительного количества своих сил, Юденич имел бы возможность вновь повторить свой поход на Петроград. С приближением частей 15-й армии к Луге положение Северо-западной армии, по существу, было безнадежным. Армии Юденича угрожала опасность быть отрезанной от путей отступления. Несмотря на это, белогвардейские части

---

[1] «Петроградская правда», № 249 от 31 октября 1919 г.

[2] Там же, № 251 от 2 ноября 1919 г.

[3] «Борьба за Петроград», Гос. изд., 1923 г., стр. 53.

продолжали сохранять боевое расположение и обольщались видимостью своей силы и стойкости.

Халатность и пренебрежение основными правилами ведения войны со стороны командования отдельных красноармейских частей способствовали частичным успехам белых[1]. Так, в ночь на 28 октября Талабский полк белых развил успех в направлении Кипень—Ропша и, прорвав неожиданным наскоком фронт советских частей, 30 октября захватил Ропшу. В течение 29 и 30 октября положение на фронте 7-й армии было без особых перемен. Это вновь окрылило противника, со стороны которого в течение 31 октября опять наблюдался сильный нажим на правом фланге 6-й советской дивизии. Но эти боевые действия уже не представляли планомерного наступления, а были скорее предсмертными судорогами Северо-западной армии.

Эстонский главнокомандующий генерал И. Я. Лайдонер в эти дни счел необходимым подтвердить анализ положения на Петроградском фронте, сделанный на страницах «Берлинер Тагеблатт», указав в свою очередь, что Красная армия хорошо снабжена и организована[2].

Части 15-й советской армии в этот день—31 октября—нанесли жестокий удар врагу. После 15-часового боя, ловким обходным маневром с запада и одновременным нажимом с юга, 15-я армия заставила противника очистить г. Лугу. Около 18 часов 31 октября, когда уже город был в руках красноармейцев, вышедших на северную окраину Луги, в город с востока ворвались отступавшие от ст. Батецкая два полка Северо-западной армии—Нарвский и Гдовский. Красные части повели с севера наступление на ворвавшегося в город противника и разбили его наголову. В результате боя было захвачено 17 пулеметов «Максима», 250 пленных и другие трофеи. Белые стали поспешно отходить по железной дороге в направлении на Гатчину и на Гдов[3].

На участке 7-й советской армии противник, во-время не получивший, очевидно, сообщения о падении Луги и о продви-

---

[1] Л. Троцкий — «Как вооружалась революция», том 2-й, книга 1-я, изд. ВВРС, М., 1924 г., стр. 414, 415.

[2] «Петроградская правда», № 251 от 2 ноября 1919 г.

[3] Там же, из телеграммы члена РВС Западного фронта Р. Берзина.

жении частей 15-й армии по реке Плюссе в тыл белых, продолжал 1 и 2 ноября энергичные атаки с запада и юга в направлении Красного села. На юге им была занята дер. Вилози, а с западной стороны белогвардейские отборные части сделали прорыв на стыке двух красных полков и заняли дер. Высоцкое. Между прочим, во время прорыва у дер. Высоцкое белым удалось захватить в плен весь штаб 2-го советского запасного полка во главе с командиром и комиссаром, которые, использовав в дальнейшем смятение и наступившую во вражском лагере панику, из плена бежали.

Красное командование 7-й армии в течение первых трех дней ноября, прикованное событиями в районе Красного села, старалось изо всех сил сломить сопротивление противника. Занятые белыми деревни были вновь отбиты красными полками [1].

В это время в Гатчине, в связи с успешным продвижением 15-й армии, началась паника, которую, по утверждениям белых, сеяли сами верхи армии. В Гатчине паника пошла от коменданта города, который стал предупреждать всех, что нужно немедленно уезжать из города [2].

И в ночь на 3 ноября Гатчина была оставлена белыми без боя.

По словам генерала Ярославцева:

«При отходе от Гатчины войска, не имея руководящих указаний, отходили в беспорядке. Начальники дивизий ездили к генералу Юденичу в Нарву за инструкциями, но ни он, ни начальник штаба генерал Вандам, ни его коллеги — Малявин и Прюссинг не знали, на что решиться, и отход обратился в бесцельное, стихийное отступление» [3].

Однако, поспешное отступление Северо-западной армии от Гатчины не смогло остановить белогвардейцев от продолжения белого террора, жертвами которого были не только коммунисты и официально сочувствующие им, но и беспартийные. После занятия Гатчины красными войсками, Реввоенсоветом 7-й армии была создана специальная комиссия по обследованию всех преступлений и злодеяний, совершенных белыми за время их господства в Гатчине. До 11 ноября было найдено и вырыто из могил 16 трупов, при чем, это количество расстрелянных и повешенных белогвардейцами было далеко не полным. К концу месяца

---

[1] «Борьба за Петроград», Гос. изд., 1923 г., стр. 60, 61.

[2] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 127.

[3] В. Горн — «Гражданская война на северо-западе России», стр. 324.

местным работникам удалось установить еще целый ряд могил с жертвами белогвардейского террора [1].

Очевидцы рассказывали, что пребывание белых в Гатчине было поистине кошмарным. По городу разгуливали пьяные офицеры, производили аресты и расстрелы всех, кого по каким-либо случайным признакам заподозревали в неблагонадежности и принадлежности к коммунистической партии. За время господства белых в Гатчине, по самым предварительным подсчетам, было расстреляно и повешено 30 человек [2].

Город был во власти самых легендарных слухов. Обывательщина распространяла слухи о полном поражении Советской республики, о победах войск Деникина и Колчака, о падении Кронштадта, о восстаниях рабочих в Петрограде и т. д. и т. п. За два дня до оставления Гатчины белогвардейцы с аэроплана разбрасывали по городу фальшивые листовки и воззвания, исходящие, якобы, от представителей советской власти. В воззваниях говорилось, что по занятии Гатчины красноармейскими частями будет производиться расстрел 100 человек городского населения на каждой улице за то, что население города не ушло вместе с отступившими советскими войсками.

При помощи террора и лжи белые пытались укрепить свое положение в занятых местностях. Однако, в этом они столь же быстро разочаровались, когда при подходе Красной армии население городов и деревень оказывало добровольную посильную помощь красноармейцам. Во время отступления Северо-западной армии от Петрограда некоторые более откровенные офицеры прямо заявляли, что «умилялись и плакали при приближении белых лишь старики да интеллигенты,—народ оставался равнодушным» [3].

Во время очищения белыми Гатчины и Луги красные части едва не перехватили поезд, в котором удирали из Гатчины назначенный петроградским генерал-губернатором П. В. Глазенап и некоторые министры Северо-западного правительства. «Поезд мчался с потушенными огнями, генералы отчаянно нервничали, сидя с револьверами в руках»..., — пишет бывш. государственный контролер Северо-западного правительства В. Л. Горн [4].

---

[1] АЛОИ, связка № 18/23.

[2] «Петроградская правда», № 260 от 14 ноября 1919 г., статья Лейтиса — «Хозяйничанье белых в Гатчине».

[3] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 124.

[4] В. Горн — «Гражданская война на северо-западе России», стр. 309.

Оставление Гатчины было так тяжело для контр-революционной своры, что другой член Северо-западного правительства М. С. Маргулиес, еще 30 октября 1919 г., когда среди белых распространялись ложные сведения о падении Гатчины, в своем дневнике записал:

«Значит, опять докатимся до Нарвы, значит, опять начинать сначала. Опять претерпевать презрение и большевистские поползновения эстонцев, опять бороться с черной сотней, с гельсингфорсской кликой, с Карташевым, без кредита, без надежды на успех» [1].

После получения официального известия об оставлении Северо-западной армией Гатчины тот же Маргулиес в своем дневнике добавил:

«3 ноября. — Сказалось то, что можно было предвидеть: катятся обратно, катятся из-за органической неспособности политиков в Париже что-либо предвидеть, из-за бездарности генералов, не способных понять, что великая Россия, как они понимают ее — с фетишем в центре, — ушла навсегда в прошлое, и что путь к спасению будущей России, не менее великой, в благоволении соседей, помощью которых, быть может, можно будет купить освобождение Петрограда. И теперь, разбитые, они не допускают «позора» признания независимости Эстии и требуют «стратегических гарантий» от Финляндии...

5 ноября. — Отступаем, отступаем, отступаем... В Ямбурге будет гнездо скорпионов,—все генералы будут грызть друг друга, интриговать, устраивать заговоры» [2].

После оставления Гатчины ударные группы Красной армии под командованием С. Н. Одинцова и С. Д. Харламова с разных сторон врезались в гатчинский узел, вследствие чего части группы Харламова на два дня потеряли соприкосновение с противником, который в это время поспешно отводил свои главные силы. Аналогичное явление произошло и при оставлении противником фронта у с. с. Забородье—Михайловка—Кайналази—Ропани, где соприкосновение и связь были потеряны [3].

Все эти отдельные дефекты оперативного управления красноармейскими частями, хотя и в достаточной степени квалифицировали военное советское руководство и определяли качество командного состава, однако, они самим своим происхождением были обязаны окончательному перелому событий на Петро-

---

[1] М. С. Маргулиес —«Год интервенции», книга 3-я, стр. 78.

[2] Там же, стр. 85, 88.

[3] «Борьба за Петроград», Гос. изд., 1923 г., стр. 62.

градском фронте. Противник был вынужден начать поспешное, но все же организованное, отступление из-за боязни быть совершенно отрезанным от эстонской границы наступавшими частями 15-й армии. При сложившихся обстоятельствах такое решение Юденича, рельефно выразившееся в оставлении без боя Гатчины, было плодом здравой оценки и правильного анализа. Упорство Северо-западной армии у Гатчины только ускорило бы гибель всей живой силы противника и совершенно исключило бы возможность планомерного отступления и вывода частей из-под охватывавших ударов красноармейских групп. Целесообразное решение Юденича оставить Гатчину и оторваться от красноармейских частей неправильно оценивалось некоторыми министрами Северо-западного правительства. Однако, последние были абсолютно правы в своей общей оценке борьбы за Петроград. Период с 21 октября по 3 ноября 1919 г. принес победу защитникам Петрограда и знаменовал собою силовой сдвиг, который за эти дни произошел на красной стороне. Положение же Северо-западной армии оставалось, по существу, без перемен, так как никаких дополнительных материальных факторов, увеличивавших шансы на победу, она использовать не могла. Помощи вооруженной силой извне Юденич не получал, его армия могла только питаться теми возрастными контингентами населения, которые были в наличии на захваченной советской территории, но для этого необходим был большой отрезок времени.

Таким образом, никакого изменения и перемещения сил в стане Северо-западной армии за этот период времени не произошло и она, подскочив на полном ходу к ближайшим подступам к Петрограду и будучи задержана на них, должна была уже не столько смотреть вперед, сколько оглядываться назад, присматривать за теми путями, которые подвели ее к Петрограду. Такой вообще взгляд назад, на свой стратегический тыл, диктовался здравым рассудком и был необходим, как результат предусмотрительности, политической осторожности белых генералов. Однако, этими качествами не отличались военные вожди русской контр-революции на северо-западе России, а, наоборот, они всем своим поведением, в минуты значительных успехов белой армии, преждевременно раскрыли политические карты азартной военной игры под Петроградом. И если в этом повинны военные вожди Северо-западной армии, то, с другой

стороны, преждевременной политической откровенностью были проникнуты действия представителей русской контр-революции в Прибалтике. Северо-западная армия, своим поражением, помимо поведения своих руководителей, в значительной степени была обязана развернувшимся одновременно с ее переходом в наступление на Петроград военным событиям в Прибалтике, политические последствия которых в сильной степени стали сказываться на положении белого фронта под Петроградом в конце октября 1919 г.

Инициатива военных действий в Прибалтике исходила из руководящих военных сфер Германии, исполнителем же планов германского империализма и проводником лозунгов «единой великой России» явился П. М. Авалов-Бермондт, командовавший расположенной в Прибалтике Западной русско-немецкой добровольческой армией.

Личность полковника, князя П. М. Авалова-Бермондта была мало известна даже офицерам старой службы. О нем говорили, как о безвестном человеке, вскочившем на поверхность политической лужи с легкостью дождевого пузыря и могущем исчезнуть с такой же легкостью. Бывший личный ординарец, затем личный адъютант генерала П. И. Мищенко,—Бермондт являлся типичным для царской России держимордой, махровым защитником самодержавия. Не напрасно любимой его поговоркой было — «бить в морду, как в бубен». Вот этому «дождевому пузырю»—держиморде суждено было сыграть далеко не второстепенную роль в Прибалтике в октябре 1919 года, закончившуюся, в общем итоге, действительно с легкостью исчезновения дождевого пузыря.

Успешное наступление Северо-западной армии генерала Юденича не соответствовало интересам германской буржуазии и военщины, потому что захват Петрограда Юденичем означал бы усиление английского влияния в России и Прибалтике. Вся же политика Германии к тому времени сводилась к сохранению и укреплению своего влияния на прибалтийские государства. С этой целью еще летом 1919 г., когда Красная Латышская армия вынуждена была отступить из Прибалтики и оставить Ригу, немецкие войска К. фон-дер-Гольца сделали первую попытку овладеть Латвией и попытку организовать внутренний государственный переворот. Мысль о сохранении поместий немецких баронов в Прибалтике, заселение ее, а затем и России, немцами-коло-

нистами была настолько сильна, что Германия не хотела и думать о выводе своих войск [1].

Первое наступление фон-дер-Гольца не увенчалось успехом. На сторону правительства Латвии стал английский империализм. Антанта потребавала от германского правительства немедленного очищения всей занятой немецкими войсками территории и расформирования армии Гольца. Германии оставалось или немедленно подчиниться, или ждать благополучного случая для возобновления наступления. Германский милитаризм пошел по второму пути.

Так как сформированная Западная русско-немецкая армия П. М. Бермондта продолжала оставаться в Прибалтике под предлогом необходимости вести борьбу с большевизмом, то генерал Юденич делал неоднократные попытки договориться с Бермондтом о совместных действиях против Красной армии.

26 августа 1919 г. в Риге, в целях создания единого антисоветского фронта, было созвано военное совещание, на котором присутствовали русский генерал К. Н. Десино, как представитель Юденича, от Эстонии — генерал И. Я. Лайдонер, Латвии — генерал Симансон и полковник Калнин, Литвы — полковник Беньяшевич, Польши — капитан Масловский, Антанты — английский генерал Ф. Д. Марш и от Западного добровольческого корпуса — начальник штаба полковник П. Чайковский, генерал-квартирмейстер

---

[1] Генерал А. И. Деникин в 4-м томе «Очерков русской смуты» на стр. 33 пишет, что внутренние мотивы германской частичной интервенции в Прибалтике заключались: 1) сохранение сверх разрешенной Версальским договором стотысячной германской армии еще вооруженной силы; 2) сохранение баронских латифундий и своего влияния в Прибалтике; 3) барьер против Советской власти и 4) вооруженный кулак, нависший на фланге оперативных путей польской армии в Восточную Пруссию.

В. Горн в своей книге «Гражданская война на северо-западе России» на стр. 270 пишет, что основной причиной задержки немецких войск на территории Латвии являлось желание старой юнкерской Германии сделать из Прибалтики своего рода политический трамплин, для чего — оказать поддержку теснимым латышами остзейским помещикам.

Национальный состав Западной русско-немецкой добровольческой армии, по свидетельству самого Авалова-Бермондта, был таков, что большинство немецких частей состояло из немецких колонистов России, эльзасцев, лотарингцев, богемских и венгерских немцев и прибалтийцев «вынужденных с оружием в руках добывать себе новое отечество»... (П. Авалов—«В борьбе с большевизмом», стр. 216).

полковник Григоров и П. М. Авалов-Бермондт. Председательствовал на этом совещании генерал Ф. Д. Марш.

Согласно принятого совещанием постановления наступление по всему фронту было намечено на 15 сентября 1919 г., при чем на войска Бермондта была возложена задача наступать в направлении Двинск — Великие Луки — Бологое для перерезания Николаевской железной дороги Петроград — Москва. Соответствующие задания были даны и остальным членам совещания [1].

Принятые постановления на совещании от 26 августа не могли все же создать полной уверенности у Юденича в том, что Авалов-Бермондт свое задание выполнит. Мотивом для такой неуверенности служила теснейшая связь, которая существовала между Западной русско-немецкой добровольческой армией и реакционными кругами Германии. Юденич вполне справедливо придавал этим связям решающее значение, так как политическая ориентация Авалова-Бермондта определяла и характер боевой активности его армии.

Помимо идейных соображений Авалов-Бермондт был связан с германской крупной буржуазией и материально. Финансирование германских войск в Прибалтике под командованием фон-дер-Гольца производили представители остзейского юнкерства, курляндского баронства и германской крупной промышленности; за счет последней Крупп, Мендельсон и Блейхредер оказывали финансовую помощь фон-дер-Гольцу [2].

Повидимому, не все эти связи сразу были прерваны после ухода фон-дер-Гольца с поста командующего и образования Западной русско-немецкой добровольческой армии с П. М. Аваловым-Бермондтом во главе.

Последний вскоре решил непосредственно связаться с торгово-промышленными кругами Германии и уполномочил для этого А. Реммера, который, после прибытия в Берлин, принял участие в организации особой финансовой комиссии для заключения займа. В эту финансовую комиссию вошли генерал В. В. Бискупский, полковник Петр Дурново, сенатор А. В. Бельгард, бывший член Государственной думы Г. М. Дерюгин, полковник Д. Зякин,

---

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 172.

[2] «Петроградская правда», № 232 от 14 октября 1919 г.

Эти сведения были опубликованы в копенгагенской белогвардейской русской газете «Возрождение», №№ 66 и 68 от 19 и 21 сентября 1919 г.

Г. фон-Берг, барон Кнорринг и барон А. Ф. Пиллар-фон-Пильхау [1].

Эта группа лиц вскоре формально эмансипировалась от П. М. Авалова-Бермондта, сконструировав новое, так называемое, Западно-русское правительство, которое все же своей деятельностью имело в виду оказание материальной поддержки армии П. М. Авалова-Бермондта и в особенности ее русским белогвардейским формированиям.

После предварительных переговоров с представителями германской крупной промышленности, 6 сентября 1919 г. было подано следующее письмо:

«Лично. Господину директору Банкирского дома И. П. Морган, Берлин, Вильгельмштрассе, 34.

Ссылаясь на сегодняшние переговоры, объединенный военно-политический совет Западной России в делях создания нового Западного фронта для борьбы против большевиков просит предоставить в его распоряжение заимообразно 300 миллионов германских марок под залог казенного движимого и недвижимого имущества того государственного организма, который имеет быть когда-либо создан, благодаря деятельности вышеназванного Совета. Совет просит о сообщении ваших условий.

Председатель Совета генерал *В. Бискупский*, вице-председатель Совета барон *А. Ф. Пиллар*, секретарь Совета *В. Поппе*. Берлин, 6 сентября 1919 года».

Затем, 25 сентября 1919 г., был заключен следующий договор:

«Берлин. 25 сентября 1919 г. Банкирский дом И. П. Морган (отделение в Берлине) с одной стороны и Западно-русское правительство в лице председателя В. Бискупского, министра иностранных дел В. Бискупского, министра финансов Г. фон-Берга, военного министра П. Дурново, министра внутренних дел Г. Дерюгина, министра земледелия Д. Зякина, министра народного просвещения В. Поппе и министра торговли А. Реммера — с другой, заключили сегодня нижеследующий договор:

§ 1. Банкирский дом И. П. Морган открывает русскому правительству заем в размере 300 миллионов марок на 10 лет по 5%. После 10 лет заем может быть покрыт ежегодными взносами в 30 миллионов марок вместе со сбереженными процентами.

§ 2. Банкирский дом И. П. Морган получает в качестве обеспечения означенного займа все движимое и недвижимое имущество на территории, управляемой сейчас Западным правительством, а также на тех землях, которые впоследствии к этой территории будут присоединены. Если Западно-русское правительство будет дольше, чем три года, задер-

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 239.

живать уплату процентов, то означенное обеспечение в размере недоплаченной этим правительством суммы вместе с процентами переходит по желанию Банкирского дома И. П. Морган в полную собственность последнего.

§ 3. Банкирский дом И. П. Морган предоставляет Западно-русскому правительству право по восстановлении нормальных порядков в России обратить вышеозначенный заем в правильный государственный заем, который должен быть выпущен в обращение по 98% номинальной стоимости и выкуплен по 100%.

§ 4. Банкирскому дому И. П. Морган дается обязательство, что в случае всех выпущенных или имеющих быть выпущенными Западно-русским правительством государственных займов, означенное правительство прежде входит в сношение с Банкирским домом И. П. Морган и только тогда, когда другая фирма предоставит этому правительству более выгодные условия, последнее может заключить соглашение с подобной фирмой.

§ 5. Западно-русское правительство настоящим объявляет, что оно удостоверяет выдачу справок при требовании германским налоговым и финансовым ведомством, согласно § 1) а) и в) о налогах на капиталы и военную прибыль.

§ 6. Банкирский дом И. П. Морган изъявляет настоящим свою готовность обеспечить дальнейшие, допускаемые торговыми оборотами, займы. Одновременно Банкирский дом объявляет, что он будет отдавать предпочтение всем банковым операциям, ведущимся от лица Западно-русского правительства.

§ 7. Банкирскому дому И. П. Морган предоставляется право открыть центральное отделение в России, в Петербурге или в Москве, по его выбору, с филиальными отделениями по всей стране. При учреждении государственного банка и учетно-ссудного банка в России интересы и значение Банкирского дома И. П. Морган принимаются в расчет.

Изготовлено в двух экземплярах, всеми участвующими прочитано, принято и подписано. Берлин, в лице генерального уполномоченного (подпись) И. П. Морган, министр-председатель (подпись) В. Бискупский, министр иностранных дел (подпись) В. Бискупский, министр финансов (подпись) Берг, министр внутренних дел (подпись) Дерюгин, министр просвещения (подпись) Поппе, министр земледелия (подпись) Зякин, военный министр (подпись) Дурново, министр торговли (подпись) А. Реммер».

Одновременно с подписанием договора была притотовлена следующая любопытная куртажная расписка:

«Берлин. 26 сентября 1919 года. Куртажная расписка.

Северо-западное правительство в лице председателя В. Бискупского и кабинета, состоящего из министра иностранных дел В. Бискупского, министра финансов Г. Берга, военного министра П. Дурново, министра внутренних дел Г. Дерюгина, министра земледелия Д. Зякина, министра просвещения В. Поппе и министра торговли А. Реммера настоящим признает следующее положение:

1) Правительство обязуется немедленно, по осуществлении договора от 25 сентября уплатить в качестве временного комиссионного вознаграждения за посредничество при заключении займа в 300 миллионов марок у Банкирского дома И. П. Морган, директору этой фирмы полтора процента этой суммы, именно 4½ миллиона марок.

2) Оно предоставляет в дальнейшем господину директору (следует имя) право сооружать и устанавливать на территории России для него и для представленных им фирм заводы летательных аппаратов, верфи для подводных лодок и боевых морских судов, а также для всякого военного сооружения. Оно обязуется отдать предпочтение этим заводам и будет доставлять им по возможности выгодные заказы, которые заводы со своей стороны будут выполнять на выгодных условиях.

3) Правительство обязуется оказывать господину директору всякого рода покровительство и обеспечивать ему благоприятные отношения ко всем его делам. Особенно же оно обеспечивает ему разрешение на въезд и выезд в Россию, когда он этого пожелает, а также право русского гражданства и при его желании офицерскую службу в рядах Западно-русской армии.

Со своей стороны господин директор (следует имя) обязывается при всякой возможности содействовать и помогать Западно-русскому правительству.

Всем Западно-русским правительством прочитано, принято и подписано: председатель Бискупский, министр иностранных дел Бискупский, министр финансов Г. Берг, военный министр П. Дурново, министр внутренних дел Г. Дерюгин, министр земледелия Д. Зякин, министр просвещения В. Поппе, министр торговли А. Реммер. Подписано также директором Банкирского дома И. П. Морган в Берлине (подпись неразборчива)» [1].

Эти документы в фотографических снимках были представлены в свое время в Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР, и, таким образом, тайные планы и замыслы русских белогвардейцев, помимо их ожидания, получили широкую огласку.

Прямое назначение этих договоров не удалось скрыть всплывшему на политическую поверхность новому Западно-русскому правительству (в куртажной расписке именовавшему себя «Северо-западным правительством»), которое создавало видимость самостоятельного правительственного аппарата, не имевшего, якобы, никаких связей с армией Авалова-Бермондта. Сам же Авалов-Бермондт по поводу работ этой, как он называет, финансовой комиссии, возникшей по его инициативе, писал, что она

[1] «Известия ВЦИК», № 267 от 28 ноября 1919 г.; эти же документы были опубликованы и в «Петроградской правде», № 273 от 29 ноября 1919 г., но с некоторыми неточностями.

принесла ему много вреда своими интригами и договором с торговым домом Моргана и К° [1].

В целях усиления Северо-западной армии генерал Юденич, при поддержке англичан, требовал полного подчинения себе, как главнокомандующему, войск Бермондта и переброски частей Западной русско-немецкой добровольческой армии из района Митавы на северо-запад Советской России. На это приказание П. М. Бермондт-Авалов ответил отказом и оставил за собой свободу действий. Им была послана специальная делегация к генералу А. И. Деникину с просьбой заступничества и покровительства, но делегация принята не была и ни с чем вернулась обратно [2]. Свой отказ подчиниться Юденичу Бермондт официально в приказе по своей армии от 15 октября 1919 г. объяснил тем, что вслед за своими приказами генерал Юденич через офицеров передавал ему о необязательности исполнения этих приказов, так как он, Юденич, не является полным хозяином своих действий [3].

К моменту движения Северо-западной армии на Петроград вся организационная работа штаба русско-немецкой добровольческой армии, которая насчитывала в своих рядах 52.000 человек, по приказанию Бермондта была закончена [4]. 6 октября Авалов-Бермондт послал телеграмму председателю совета министров Латвии с требованием пропуска его войск, направлявшихся, якобы, на большевистский фронт, через Латвию. Получив отказ, Бермондт 7 октября приказал открыть боевые действия. В 10 часов 8 октября над Ригой появились 3 аэроплана, сбросившие несколько тяжелых бомб и прокламаций,

---

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 240.

[2] «Белый архив», т. 1-й — «Доклад главнокомандующему вооруженными силами юга России о положении дел на Западном фронте и об армии Бермондта», стр. 130.

Причиной неприема делегации Деникиным было то, что у Бермондта, лица малоизвестного, к тому же не подчинившегося Юденичу, служило значительное количество немецких солдат.

Делегация, после настойчивых просьб, была принята начальником штаба Деникина, генералом И. П. Романовским, который предложил делегатам написать письменный доклад. Этот доклад впоследствии был подвергнут частному обсуждению Особого совещания при Деникине.

[3] «Белый архив», т. 1, стр. 122.

[4] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 438.

написанных на русском языке, в которых латыши призывались подчиниться власти полковника Бермондта, чтобы быть присоединенными к великой и могучей России. 9 октября утром были заняты предместье Риги — Торенсберг и мосты через реку Западную Двину. Латвийское правительство спешно переехало из Риги в Венден и запросило помощи у Эстонии. В Риге началась паника [1].

Но Бермондт вместо продолжения наступления на Ригу 10 октября предложил Латвии перемирие. Эта медлительность в действиях русско-немецкой армии в течение 8 — 9 октября была роковой для Бермондта. К вечеру 10 октября в Ригу спешно прибыли 4 эстонских бронированных поезда, а ночью в Больдераа из Финского залива прибыла эскадра английских крейсеров в составе 4 крейсеров новейшего типа, одного крейсера-истребителя, 2 канонерок и 2 эскадренных миноносцев. Как эстонские бронепоезда, так и английская эскадра должны были как раз в это время поддерживать наступление Северо-западной армии Юденича. Эстония, обещавшая за признание ее государственной независимости поддержку Юденичу, но связанная теперь общностью интересов с Латвией, решила вместо помощи Северо-западной армии оказать немедленную поддержку Латвии. Правительственная газета Эстонии «Ваба Маа» в те дни писала:

«Планы Бермондта ясны — усмирить мятежную Латвию и присоединить ее к великой России. За Латвией настанет очередь и Эстонии... Нет сомнения, что Бермондт действует в полном согласии с Колчаком и Деникиным. Но Бермондту не так-то легко удастся втолкнуть Латвию и Эстонию в пасть русских монархистов...» [2].

Другая эстонская газета «Социал-демократ» по поводу выступления войск Бермондта писала:

«В связи с операциями Северо-западного правительства против Петрограда, в которых участвует и Эстония, мы стали на неизвестный путь. У власти стоят совершенно неизвестные нам люди, истинное лицо которых мы еще не рассмотрели. У Риги против латышей сражается Бермондт, считающий все малые государства мятежниками против России. Бермондт не только предводитель шайки, но и командующий войсками

---

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 199; «Историк и современник», т. 1, статья Н. Бережанского — «Бермондт в Прибалтике в 1919 г.».

[2] «Историк и современник», т. 1, стр. 51.

«Западного» правительства, целью которого является восстановление нѐделимой России. В свою очередь Бермондт составляет лишь звено цепи, окружающей Россию. Эстонское военное командование весьма благосклонно относилось к завоевателям Петрограда и потому в нашем положении накопилось много противоречий, нуждающихся в выяснении. Находиться с одной и той же властью в состоянии войны — с одной стороны и, ждать обеспечения нашей будущности от той же власти — с другой, нелогично. В сущности, мы не знаем, каковы отношения между представителями наиболее значительных течений: Колчаком, Деникиным и Юденичем. Весьма возможно, что Юденич и Бермондт — люди одной и той же идеи, но каждый из них стремится к ней разными путями. И если мы теперь не хотим участвовать в походе Юденича на Петроград, то пусть он в этом винит не нас, а Бермондта...»[1].

Из сопоставления этих двух статей видно, что вторая, социал-демократическая, не остановилась перед тем, чтобы поставить вопрос о политической физиономии самого Юденича и тем самым сказать гораздо больше, чем это сделал правительственный официоз. В основном же расшифровка планов Бермондта и Юденича, которые шли под одним идейным лозунгом, но под различными боевыми знаменами, была произведена вполне удовлетворительно и своевременно.

Характерно, что помощь Эстонии не дешево обошлась для Латвии. Буржуазия Эстонии, несмотря на соседство с такой же буржуазной Латвией и на нависшую над ними совместно опасность со стороны армии Бермондта, продолжала оставаться по своей природе хищным захватчиком. Кроме возмещения расходов по организации военной помощи Латвии Эстония выговорила себе латышский город Валк.

Юденич, встревоженный боевыми действиями армии Бермондта-Авалова, которые приняли серьезный оборот, и опасавшийся за свой тыл, 9 октября издал приказ о смещении Бермондта с должности командующего Западной русско-немецкой добровольческой армией. Северо-западное правительство, со своей стороны, также выпустило специальное воззвание к войскам Бермондта, уговаривая их покинуть ряды своей армии и перейти к генералу Юденичу.

Воззвание Северо-западного правительства отмечало:

---

[1] «Историк и современник», т. 1, стр. 51, 52.
Разрядка наша.

«Наше победоносное наступление может приостановиться, так как латышские войска будут оторваны от борьбы с большевиками. Эстонские войска пойдут на помощь Латвии, наш тыл будет не защищен и мы будем принуждены отступить в то время, когда у нас уже имеются большие надежды на успех»... [1].

Дипломатические и военные представители Англии и Франции в свою очередь потребовали немедленного отхода русско-немецкой армии от Риги. И так как Рига продолжала находиться под непосредственной угрозой, то 15 октября в 16 часов английская эскадра открыла по Усть-Двинску, занятому Бермондтом, ураганный огонь, при помощи которого был уничтожен целый батальон 1-го Пластунского полка и разгромлены другие части Западной русско-немецкой армии.

Сложившаяся обстановка уже не позволяла Бермондту вести дальнейшее наступление. Солдаты его армии превратились сразу в «более сговорчивых» в вопросе о возвращении на родину. Бермондт отдал приказ своим войскам отступать к германской границе. В ночь с 21 на 22 ноября 1919 г. части Западной русско-немецкой добровольческой армии оставили район Митавы и отошли на линию Шавли — Муравьево (лагерь у Ковно) [2].

Согласно договора с литовцами и латышами, эвакуация Западной русско-немецкой добровольческой армии должна была закончиться в отношении русских частей к 5 декабря и в отношении немецких — к 15 декабря 1919 года.

Союзническая комиссия по эвакуации Прибалтики официально известила чинов русской национальности, что страны Антанты готовы оказать свое содействие тем, кто пожелает отправиться в армию Юденича для борьбы с большевизмом, все же остальные русские подлежат эвакуации в Германию и что за их дальнейшую судьбу никакой ответственности Антанта нести не будет.

1 декабря началась отправка первых эшелонов в Германию в район Нейссе, Оппельн и Альтенграбов — места интернирования армии [3].

После перехода на германскую территорию, Авалов-Бермондт 15 декабря 1919 г. был приглашен к министру государственной

---

[1] «Историк и современник», т. 1, стр. 53.

[2] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 223.

[3] Там же, стр. 225.

обороны Густаву Носке в Берлин. По поводу этого свидания с Носке Авалов пишет:

«Носке был единственным министром социалистического правительства, который оказывал помощь моей армии и потому у меня осталось к нему чувство глубокой признательности и благодарности» [1].

Вскоре Авалов передал командование частями генералу Д. В. Альтфатеру, а сам, по настоянию представителя Антанты, выехал в Гарц.

Поведение его бывших подчиненных, после прибытия их в Германию, характеризовалось грабежами, провокацией жителей на националистические демонстрации и т. п. Реакционная германская пресса высказывалась против демобилизации этих частей, питая надежду, что они в будущем послужат материалом для воссоздания прежней армии Гинденбурга. Германский министр обороны также не пытался ускорить разрешение этого вопроса, несмотря на то, что суточное содержание этих частей равнялось 600.000 марок [2].

Такое отношение к прибывшим из Прибалтики русско-немецким войскам было продиктовано наличием новых планов у германских националистов и реакционеров, так как вскоре немцы-добровольцы непосредственно из армии отправились в Верхнюю Силезию и там принимали участие в восстании Корфанти [3].

События в Прибалтике, политические последствия которых стали сказываться на положении Северо-западной армии в наиболее серьезные дни ее борьбы у Петрограда, не могли не повлиять и значительно обострить взаимоотношения Юденича с прибалтийскими государствами.

Роль Эстонии и Финляндии во время боев Северо-западной армии под Петроградом была чрезвычайно поучительной для русского белого движения.

Поход на Петроград был предпринят генералом Юденичем без открытого одновременного выступления против Советской России со стороны Эстонии и Финляндии. Буржуазия этих государств, не имея ничего против того, чтобы уничтожить власть Советов, заботилась в первую очередь о самой себе, о сохранении своего

---

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 228.
[2] «Петроградская правда», № 23 от 1 февраля 1920 г.
[3] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 215.

господства, хотя и в миниатюрном, по размерам территории, но независимом, самостоятельном государстве. Поэтому все разговоры с Юденичем и Северо-западным правительством относительно совместного наступления на Петроград начинались с категорического требования делегаций Эстонии и Финляндии признать их независимость. Не давая никакого обещания в удовлетворении подобного рода требований и отсылая эти делегации к будущему Учредительному собранию России, ни генерал Юденич, ни Северо-западное правительство не могли заручиться необходимой для Северо-западной армии поддержкой. К тому же, все контр-революционные организации вели войну с большевиками под лозунгом воссоздания великой, неделимой России. Таким образом, победа Юденича под Петроградом превратилась бы в дальнейшую победу над отделившимися от «единой, неделимой России» национальными государствами — Эстонией, Финляндией и др. Никакие оговорки и уловки членов Северо-западного правительства не приводили к желанным результатам. Руководители белого движения не останавливались еще в сентябре 1919 г. даже перед прямой угрозой по адресу Эстонии, представителям которой с уверенностью говорили, что по занятии Петрограда русские не забудут предательства эстонцев, что все товары будут тогда идти через финляндские порты, что Эстонии не будет оказываться никакой помощи и т. д. [1].

---

[1] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 30.

Повидимому, подобная откровенность русских министров несколько смутила лидеров эстонской молодой буржуазной государственности, потому что последние, в лице своего министра И. И. Поска, высказались в том смысле, что если Колчак признает независимость Эстонии, то последняя не только не будет вести переговоры с РСФСР, но и своей армией активно поддержит наступление Юденича на Петроград.

Министр Северо-западного правительства М. С. Маргулиес, выслушав такое мнение И. И. Поска, немедленно послал одного и вслед ему другого курьера в Ревель, к премьер-министру Северо-западного правительства С. Г. Лианозову, с просьбой «сделать последнюю попытку... вразумить парижских бульварных политиков» (т. е. политическое совещание в Париже, представлявшее правительство Колчака). Учитывая, однако, возможные осложнения с признанием независимости Эстонии Колчаком, Маргулиес в письме к Лианозову от 1 октября 1919 г. указывал на следующий выход: «Если эстонцы откажутся, то наши социалисты доведут до сведения эстонских, что признание Колчака задерживается из-за бессмысленного преследования эстонцами наших» (М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 32).

Несмотря на участие 1-й эстонской дивизии в боях с красноармейскими частями в районе Гостилицы — Дятлицы, Эстония продолжала вести выжидательную политику, но когда обнаружилась беспомощность и слабость Северо-западной армии на подступах к Петрограду, то 1-я эстонская дивизия была немедленно отгянута ближе к своей границе.

Более решительные действия эстонское правительство хотело проявить в приморском районе. Заручившись в этом тайным согласием английского адмирала В. Кована, эстонский адмирал И. Питка, в момент успешного продвижения Юденича к Петрограду, послал по радио гарнизону форта «Краснофлотского» предложение сдаться, обещая за это эстонское гражданство. Через непродолжительное время эстонцами на побережье Финского залива был высажен десант в 3.000 человек, который, захватив по пути приготовленные для Северо-западной армии перевязочные средства, проявил намерение развивать свое наступление в направлении на форт «Краснофлотский» с целью дальнейшего обеспечения за Эстонией побережья Финского залива до Ораниенбаума. Когда генерал Юденич, узнав об этом, послал в резкой форме требование эстонскому правительству прекратить вмешательство в «русские» дела, то на защиту эстонцев выступил английский адмирал Кован, эскадра которого стояла в Финском заливе, потребовавший от Юденича увода частей Северо-западной армии из района форта «Краснофлотского» по той причине, что русские белогвардейцы ссорятся с эстонцами. В результате этого, взаимоотношения эстонского правительства с генералом Юденичем еще более осложнились. Узнав об этих событиях на заседани совета министров Северо-западного правительства, Маргулиес воскликнул: «и всего этого не знал никто из нас, в том числе и наш премьер»! и дальше стал говорить о «вопиющей бездарности руководителя похода, умудрившегося в самый важный момент поссориться с эстонцами» [1].

С Финляндией отношения были не лучше. Но надежда на получение от Финляндии помощи не переставала окрылять генерала Юденича и его Северо-западное правительство, несмотря на то, что линия поведения финляндского правительства оставалась, по существу, прежней. Вопрос о признании ее независимости

[1] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 73, 94.

выдвигался, как краеугольный камень всех переговоров с представителями Северо-западной армии. Кроме этого, финляндская буржуазия ставила целый ряд чисто экономических требований и требование о присоединении к Финляндии некоторых русских районов.

В момент ожесточенных боев на Петроградском фронте, когда в воздухе сгущались тучи, предвещавшие скорый разгром белогвардейской армии, генерал Юденич 29 октября сам обратился к председателю Северо-западного правительства С. Г. Лианозову с просьбой сделать все возможное для достижения соглашения о военной помощи с Финляндией. М. С. Маргулиес, со свойственной его характеру страстностью, опять воскликнул: «хорошо, что я принимал меры, не дожидаясь, когда просветлеет его высокопревосходительство». Меры Маргулиеса заключались в том, что он специально прибыл в Гельсингфорс и вступил в переговоры с председателем финляндского сейма доктором Реландером. Политику своего правительства Реландер в беседе от 31 октября объяснил следующими причинами: 1) старая Россия, царская,— ненавистна всем финнам, а новая Россия страшна, потому что ее еще не знают; 2) черносотенство новой России, которое подтверждалось уже хотя бы тем, что на юге генерал Деникин вступил в борьбу с украинским патриотом С. В. Петлюрой, что живущие в Финляндии бывшие русские царские чиновники лелеют мечту о присоединении Финляндии к России и т. д.; 3) посылка финляндских войск на русский фронт ослабит давление на большевистски настроенное население внутри Финляндии, вызовет рабочие забастовки, волнения и т. п.; 4) длительная война с большевиками ударит по слабому бюджету Финляндии и исчерпает небольшие запасы аммуниции и военных припасов [1].

Конечно, в том, что говорил Реландер, заключалась большая доля правды. Черносотенство русских генералов, выражавшееся в стремлении создать единую, неделимую Россию, не могло не тревожить мелкие национальные образования.

Настроение финских рабочих, не так давно принимавших деятельное участие в финской революции (январь — апрель 1918 г.), внушало опасения финской буржуазии прежде, чем она попыталась бы встать на открытый путь борьбы с Советской республикой.

[1] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 79.

Маргулиес и прибывший к нему на помощь Лианозов начали уговаривать финнов, обещая им и русское сырье и военное снаряжение. В конце концов представители буржуазной Финляндии согласились оказать помощь Юденичу, но при следующих условиях: 1) признание самостоятельности Финляндии и установление русско-финской границы специально созданной комиссией; 2) присоединение к Финляндии Печенги и части Карелии; 3) оплата военных расходов в размере 6 миллионов финских марок в день, но не более $1^1/_2$ миллиарда в общем итоге, при чем эту сумму может уплатить не Россия, а «великие державы» Англия, Франция и др.; 4) при занятии Петрограда — финские войска занимают линию железной дороги от Петрограда до Белоострова с целью «охраны движения по ней»; 5) договор подписывается в Париже представителем адмирала А. В. Колчака — С. Д. Сазоновым; 6) помощь финнов может быть оказана в две недели со дня объявления мобилизации [1].

Эти условия были переданы 24 октября представителю Франции в Прибалтике генералу Этьевану и представителю Юденича в Финляндии генералу А. А. Гулевичу.

Французский генерал, сравнительно недавно прибывший в Финляндию, пытался повлиять на взаимоотношения Финляндии с Юденичем в благоприятную для последнего сторону [2] и тем самым умалить роль Англии в Прибалтике.

Выехавший в Париж генерал К. Маннергейм на заседаниях русского политического совещания за границей (председатель —

---

[1] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 63, 68.

[2] Министерство иностранных дел Франции предупредило финляндское правительство о том, что Франция «решительно против соглашения финнов с большевиками и что если таковое соглашение состоится, она (Франция) изменит свое благожелательное отношение к Финляндии» (И. Субботовский — «Союзники, русские реакционеры и интервенция», Л., 1926 г., стр. 257, 258).

Английское правительство по тому же вопросу вело в то время двойственную политику; оно хотя и поручило своему агенту в Ревеле сделать предостережение Эстонии в отношении заключения мира с РСФСР, но, с другой стороны, фактически не препятствовало такому исходу мирных переговоров. Финляндию Англия обошла таким предупреждением, заставив тем самым выступить Францию в роли спасительницы русской контр-революции на северо-западе России.

Таким образом, уже с конца сентября 1919 г. обнаружились симптомы разногласий английского и французского правительств в отношении судеб Северо-западной армии.

князь Г. Е. Львов, члены: Н. В. Чайковский, В. А. Маклаков, С. Д. Сазонов и Б. В. Савинков) настаивал на признании Колчаком самостоятельности Финляндии с присоединением к ней Печенги и части Карелии, обещая в этом случае немедленную поддержку Юденичу. При дальнейшем обсуждении этого вопроса Сазонов, который, как говорил на своем судебном процессе Б. В. Савинков, «оставался прежним царским министром и в беседах своих с иностранцами разговаривал так, как будто в соседней комнате сидит царь и он царя представляет», — заявил: «Мы обойдемся без них (финнов), потому что Деникин через две недели будет в Москве» [1]. Такой оборот дела послужил началом конца всех дальнейших переговоров. И когда генерал Юденич попросил через французского генерала Этьевана у финского военного министра 300.000 пуль для танковых пулеметов, финский министр, согласившись оказать эту услугу, через несколько часов передумал и ответил, что дать патроны он может при условии возвращения их в трехнедельный срок и при условии продажи Францией Финляндии в тот же срок одного миллиона патронов [2].

Несмотря все же на свою внешне показную непримиримость с финляндскими условиями, С. Д. Сазонов своевременно принял некоторые меры для достижения военного соглашения с Финляндией. Он лично выработал ряд положений, могущих лечь в основу военной конвенции с Финляндией, и в телеграмме от 11 октября сообщил их верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку, в Омск, специально оговорив, что выработанные им положения являются пределом уступчивости и «пока не должны стать известны финнам». Сазонов в этой телеграмме писал:

«1) Можно согласиться на признание независимости финнов и на взаимное аккредитование посланников.

2) Для совместной охраны общих интересов в Балтийском море должен быть заключен впоследствии договор — охрана территориальной неприкосновенности Финляндии против покушения третьей державы признается общей задачей России и Финляндии.

3) Россия признает для себя обязательным манифест 1864 г. о возмещении Финляндии участка земли за выделение Сестрорецкого завода.

---

[1] «Борис Савинков перед военной коллегией верховного суда СССР», полный отчет по стенограмме суда, с примечаниями под общей редакцией И. Шубина (Самарина); изд. литиздата НКИД, М., 1924 г., стр. 82, 86.

[2] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 69.

4) Таможенно-тарифные отношения составляют предмет торгового договора.

5) Все правовые вопросы, вытекающие из признания независимости Финляндии, подлежат разрешению по взаимному соглашению, за отсутствием какового в определенный срок будут переданы Гаагскому международному суду.

6) Вышеупомянутое должно вступить в силу в день завершения военной задачи, которая будет поставлена особым военным договором, имеющим быть заключенным незамедлительно» [1].

Адмирал Колчак, однако, и слышать не хотел о каких-либо признаниях и давно высказывал свою неуверенность в том, что Финляндия, даже в случае признания ее независимости, окажет действительную поддержку Юденичу. Правительство Колчака исходило из аналогичных соображений. Так, например, главноуправляющий делами совета министров колчаковского правительства Г. К. Гинс пишет:

«Я не могу не разделить по существу точки зрения адмирала, но тактически я смотрел на дело иначе... Мне казалось, что и вопросы финляндский, эстонский, украинский тоже, относятся к области внутренней политики» [2].

Практический подход Гинса, имевшего в виду начать объединение России после свержения Советской власти, в ноябре 1919 г. в отношении Финляндии [3] получил одобрение и от

---

[1] И. Субботовский — «Союзники, русские реакционеры и интервенция», Л., 1926 г., стр. 258, 261.

Пункт 3-й этой телеграммы имеет в виду высочайший указ от 15 февраля 1864 г. о передаче Финляндии ближайшей к ее границе полосы, дающей выход к зимнему порту Ледовитого океана.

[2] Г. К. Гинс — «Сибирь, союзники и Колчак», 1921 г., Пекин, том 2, часть 3-я, стр. 317.

Разрядка наша.

[3] Весьма любопытна такая политическая неуступчивость и непреклонность взглядов Колчака на Финляндию в связи с тем, что он же сам несколько благосклоннее относился к Эстонии, Польше и Украине. В своей секретной телеграмме на имя Деникина, относящейся, повидимому, к началу сентября 1919 г., после получения сведений о вооруженном столкновении петлюровских войск с добровольческой армией, Колчак писал:

«Екатеринодар, генералу Деникину.

Вооруженное столкновение с петлюровскими войсками может иметь гибельные последствия. Вполне разделяя ваши отрицательные отношения к проявившимся стремлениям отдельных областей присвоить суверенные

Колчака, но в октябре платформа последнего не претерпела никаких изменений. В ответе на телеграмму Сазонова от 11 октября, Колчак 20 октября указывал, что переговоры с Финляндией, если только они начаты, необходимо рассматривать, как «пробные, предварительные шаги», и что его правительство, отказываясь декларировать признание независимости Финляндии, считает нужным на этот раз ограничиться негативной формулой, что «мы готовы ничем не нарушать ее фактической независимости» [1].

Положение Северо-западной армии под Петроградом в конце октября 1919 г., для оказания содействия которой и велись длительные переговоры с Финляндией, стало настолько тревожным, что заставило даже самого Юденича 27 октября сделать попытку уговорить Колчака в необходимости срочного признания независимости Финляндии. Юденич писал:

«Несмотря на крупные успехи, выпавшие на долю Северо-западной армии, считаю немедленное выступление Финляндии желательным. Красные усилились подвозом укрепления со всех фронтов и из Москвы. Упорные бои идут к северо-западу от Гатчины. Павловск и Красное село

права и к тенденциям воссоздать Российское государство на началах конфедерации, я полагаю, однако, что в сложившейся обстановке более опасны враждебные разногласия, несогласованность, тем более — столкновения отдельных частей освобожденной территории. Дальнейшее промедление в деле свержения большевиков грозит полным разорением государства. Перед этой опасностью тускнеют прочие. Поэтому я отношусь с полной терпимостью к объявление Юденичем самостоятельности Эстонии и готов, если это понадобится, временно считаться с фактическою независимостью Украины равно, как с установившеюся восточною границею Польши, с тем, чтобы согласовать военные действия наших украинских, польских и прочих антибольшевистских сил. Собирание Руси не может быть делом месяцев, поэтому я считаю временное раздробление единого Российского государства неизбежным злом. Оно исчезнет, когда установится мир в стране и сильная центральная власть, способная обслуживать насущные нужды истомившегося населения, будет притягивать к себе отпавшие временно части. Сообщая об этом, подчеркиваю, что я готов терпеть, но не покровительствовать описанным тенденциям. *Колчак*». (И. Субботовский — «Союзники, русские реакционеры и интервенция», Л., 1926 г., стр. 261, 262).

Под признанием Юденичем самостоятельности Эстонии Колчак имел в виду декларацию Северо-западного правительства, принятую по настоянию английского генерала.

[1] И. Субботовский — «Союзники, русские реакционеры и интервенция», стр. 261.

остались за красными. Пока успех еще на нашей стороне. Финляндия готова выступить на основаниях известного вам договора, потом будет поздно. Сазонов упорно охраняет державные права России, но ведь самой России еще нет, ее нужно создать.

Независимость Финляндии факт, с ним надо считаться и верить в мощь будущей России, которая сумеет экономическим путем связаться с... [пропуск] ей окраинами. Теперь же каждый месяц торжества большевизма разоряет и губит Россию...

Пока не поздно, прошу срочно уполномочить меня войти в соглашение с Финляндией для ее немедленного выступления» [1].

После такого «просветления» Юденича и в ожидании ответа от Колчака еще больше забегали министры Северо-западного правительства. Отбросив свои прежние аргументы, носившие наставнический характер в отношении непокорных и в своем «своеволии» успевающих учеников, министры Северо-западного правительства, носители идеи «единой, великой» перешли к циничному выпрашиванию от них же помощи. 31 октября Маргулиес и Лианозов, находившиеся в Финляндии, одновременно сделали визиты к лидеру старо-финской партии — сенатору Неваплину, младо-финской партии — Монтерху и шведской—профессору Э. Г. Эстландеру. «Всех просили не дать умереть с голода сотням тысяч петроградцев». Для полного успеха своих начинаний было признано весьма необходимым завязать переговоры и с финскими социал-демократами. Эта почетная миссия была возложена на государственного контролера Северо-западного правительства, бывшего русского социал-демократа, В. Л. Горна, который срочно был вызван в Финляндию и прибыл в Гельсингфорс 4 ноября. В тот же день финляндское правительство опубликовало официальное заявление об отказе Юденичу в помощи своей регулярной армией [2], в виду непризнания независимости Финляндии со стороны Колчака и в связи с тем, что Англия и Франция отказались, со своей стороны, оказать соответствующую помощь Финляндии. Но в этом же заявлении говорилось и о возможности использовать для овладения Петроградом финских добровольцев. Последнее навело на мысль русских белогвардейских министров воспользоваться этой

[1] И. Субботовский — «Союзники, русские реакционеры и интервенция», стр. 262.

[2] Финская регулярная армия к 1 октября 1919 г. насчитывала до 60.000 штыков, 4.000 сабель, 442 пулемета и 108 орудий («Кто должник», изд. Авиоиздательства, 1926 г., статья Ф. Костяева — «Интервенция в Прибалтике», стр. 490).

легальной возможностью. Маргулиес после переговоров по этому вопросу с финскими деятелями: Венола, профессором Ирьо Хирном и др. принялся за организацию специального организационного комитета, который вскоре и был составлен из Лео Эрнрота, генерала Б. Г. Окермана, директора одного банка и директора финских страховых обществ. Комитет возлагал также большие надежды на генерала К. Маннергейма. Члены комитета на первых порах занялись разработкой больших планов. Генерал Окерман взял на себя обязанность выяснить в финском генеральном штабе, во что обойдется намечавшаяся военная операция с 30.000 добровольцев. У других членов комитета возникла уже идея о посылке специального лица, в частности — А. И. Каминка, в Париж для выяснения — не могут ли французы дать взаймы финляндскому правительству для похода на Петроград 100 миллионов франков под какие-нибудь гарантии русских» [1].

Однако, никакой помощи Юденичу этот комитет не сумел оказать и его организация явилась только плодом особого хода мыслей в головах финских интервенционистов. Русские министры нашли на весьма непродолжительный срок только отдушину для накопившегося у них за время существования Северо-западного правительства запаса энергии.

Гораздо интереснее представлялись разговоры В. Л. Горна с финскими социал-демократами. 5 ноября Горн посетил редакцию «Социал-демократа», где виделся с видными финскими социалистами. Последние сразу дали свой анализ тех причин, в силу которых Финляндия вынуждена была быть абсолютно пассивной в делах Северо-западной армии.

Финские социал-демократы в беседе с Горном заявили:

«Юденич и вся белая армия — реакционеры, что на интервенцию они ни за что не пойдут, хотя все они антибольшевики, ибо тогда рабочие будут поголовно против них; что против добровольчества не пойдут, но что добровольцы — шюцкористы все равно и в России учинят реакцию; что сердцем они за помощь погибающим петроградцам, но умом — против, ибо Финляндия, подавая помощь, может и сама погибнуть» [2].

---

[1] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 80, 85, 86, 90, 92.

[2] Там же, стр. 89.

Разрядка наша.

На заседании президиума социал-демократической финской партии от 7 ноября, на котором присутствовало 12 человек под председательством Таннера, было окончательно зафиксировано, что партия относится отрицательно к интервенции, при чем в двух ее возможных проявлениях — как со стороны регулярной армии, так и отрядов добровольцев. В принятой резолюции в одинаковой степени давалась также политическая квалификация как русским генералам, так и всему составу Северо-западного правительства [1].

Министров Северо-западного правительства в их попытках толкнуть Финляндию на войну с РСФСР постигала неудача, их усиленная организационная и агитационная деятельность в области различного рода вопросов на разнообразные темы [2], не приносила соответствующего эффекта, их «унижение» в роли выпрашивателей помощи «для голодающих петроградцев» себя не оправдало.

Таким образом, неразрешение основного вопроса о признании независимости Финляндии, как и Эстонии, окончательно лишило генерала Юденича столь необходимой для его армии военной помощи.

Бесплодность всех мер Северо-западного правительства была формально опять-таки следствием «принципиальной» выдержан-

---

[1] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 93.

[2] Об общей агитационно-издательской деятельности центральных учреждений Северо-западной армии дают представление следующие данные. В течении октября и начала ноября 1919 г. последовательно были изданы следующие листовки: «Граждане солдаты белой армии» — 10 тысяч экземпляров; «Да здравствует Учредительное собрание» — 10 тыс.; «Белые офицеры — красным солдатам» — 10 тыс.; «Красноармейцы» — 25 тыс.; «К солдатам Красной армии» — 50 тыс.; «Декларация правительства» — 100 тыс.; «Граждане солдаты» — 40 тыс.; «Солдатам Красной армии» (сказка) — 50 тыс.; «Земля трудящимся» — 30 тыс.; «Братья красноармейцы» — 50 тыс.; «Победа близка» — 50 тыс.; «За что мы воюем» — 50 тыс.; «Стой и подумай, солдат-крестоносец» — 50 тыс.

Все эти прокламации были присланы по объявленному редакционным комитетом особому конкурсу. Характерно, что первую премию за составление этих листовок получил начальник псковской контр-разведки, офицер Вирбелауер. Из общего количества листовок 30 тыс. экземпляров с различным наименованием были разбросаны с английских гидроаэропланов над Кронштадтом в момент наступления Северо-западной армии на Петроград (В. Горн — «Гражданская война на северо-западе России» стр. 176).

ности Колчака, так как последний на обращение Юденича от 27 октября ответил 4 ноября 1919 г. следующей телеграммой:

«Продолжаю считать желательным привлечение финляндских войск к операции против Петрограда. Уполномочил Сазонова на переговоры в этом смысле с финляндским правительством. Готов вступить в прямые сношения с Финляндским правительством, аккредитовать при нем посланника и ничем не нарушить фактически независимости Финляндии. Согласен на заключение соответствующего военного соглашения о сотрудничестве русских и финляндских войск, а также дать обязательство, что военные расходы, связанные с совместными операциями, будут впоследствии оплачены российской казной. Дальше этого не считаю возможным идти и не могу согласиться на объявление «независимости Финляндии». Генерал Деникин разделяет это мое убеждение» [1].

Однако, Деникин не оправдал доверия Колчака и не оказался на высоте положения. Когда за «высотой» военных успехов началось катастрофическое падение вниз, то тогда Деникин совместно со своим правительством — особым совещанием, под давлением внешних сил в лице «советников» Антанты, решил поступиться «единой, великой» и признал независимость прибалтийских государств [2].

Что касается обещанной помощи со стороны английской эскадры, прибывшей в Финский залив, то Северо-западная армия генерала Юденича особенно значительной помощи от нее не получила. Если не считать гибели 21 октября трех крас-

---

[1] «Пролетарская революция», № 1, Гос. изд., 1921 г., стр. 141. Разрядка наша.

Любопытно, что французы, выступавшие в то время в роли спасителей российской контр-революции на северо-западе России, пустили слух о том, что Колчак признал в своей последней телеграмме независимость Финляндии. Такие «достоверные» сведения были сообщены французами, в частности, И. В. Гессену, а последний передал услышанное министру Северо-западного правительства М. С. Маргулиесу. Маргулиес, приняв за чистую монету, якобы, данное в конце концов признание независимости Финляндии, с грустью записал в своем дневнике: «Эх, вы, милые»..., указывая одновременно, что у самого-то Колчака Петропавловск взят Красной армией, а Омск эвакуируется (М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 93).

[2] Генерал А. С. Лукомский — «Воспоминания», том 2, Берлин, 1922 г., стр. 190.

ных эскадренных миноносцев, погибших не в открытом бою с противником, а на минном поле в Копорском заливе, то деятельность английской эскадры вообще не принесла больших разрушений на советском побережьи Финского залива. Англичане вели обстрел, главным образом, по фортам «Передовой» и «Краснофлотский».

27 октября, когда части Красной армии стали одерживать победы на восточном побережьи Копорского залива, заняв деревни Устье и Калище, английский монитор [1] производил обстрел сухопутных позиций и красных фортов из 15-дюймовых орудий. Однако, никаких значительных повреждений сделано не было, так как снаряды рвались частью за фортом «Краснофлотским», частью на форту «Передовом», в открытых местах.

Обстрел 15-дюймовыми снарядами советского побережья в районе форта «Краснофлотского» внес на первых порах расстройство в красноармейские и матросские части, которые, будучи оглушены взрывами, стали в панике бежать. Командный состав не в состоянии был остановить обезумевших от неожиданности и незнания действительных причин такого обстрела бойцов. Но как только было выяснено, что это стреляет английский монитор из 15-дюймовых орудий, паника прекратилась и бойцы сразу же заняли свои позиции [2].

Относительно Кронштадта, передового защитника Петрограда с моря, английские адмиралы не забывали, но медлили. Около 24 октября члену Северо-западного правительства М. С. Маргулиесу сообщили, что на-днях ожидается прибытие английского монитора с 15-дюймовыми орудиями, который будет обстреливать форт «Краснофлотский», чтобы дать возможность тральщикам очистить от мин Финский залив с целью обеспечения беспрепятственного прохода английских судов для бомбардировки Кронштадта. Было, однако, предупреждено, что это дело потребует для своего осуществления недельки две... В действительном ходе событий на Петроградском фронте английская эскадра никаких серьезных действий против Кронштадта не предприняла.

4 ноября артиллерийский обстрел фортов «Передового» и «Краснофлотского» вовсе был прекращен. После нескольких

---

[1] Мониторы — боевые суда прибрежного действия, на которых установлены крупные орудия.

[2] Материалы Василеостровской истпарткомиссии, воспоминания военмора А. Неволина.

залпов английские миноносцы быстро ушли в море и больше не появлялись.

Советские форты подверглись бомбардировке и с воздуха. Несколько раз над советским побережьем Финского залива появлялись неприятельские самолеты, причинявшие незначительные потери в рядах защитников фортов. Интересный случай произошел 30 октября. Поднявшийся для наблюдения и управления артиллерийским огнем аэростат 21-го советского воздухоплавательного отряда с наблюдателем инструктором-воздухоплавателем Конокотиным был атакован в воздухе 4 неприятельскими истребителями, которые обстреляли его пулеметным огнем и сбросили 3 бомбы. Не растерявшийся Конокотин не замедлил, в свою очередь, открыть сильный огонь из пулемета. Один из неприятельских самолетов попал под обстрел с аэростата, потерял устойчивость и, пролетев некоторое расстояние, камнем упал в Финский залив и утонул. Оставшиеся три неприятельских истребителя повернули обратно, а советский аэростат продолжал свою работу. Прилетавшие аэропланы противника имели задачей произвести панику в рядах красноармейцев, нежели серьезное разрушение тех или других оборонительных сооружений советского побережья. Выполнение первой задачи было сравнительно легким делом, выполнение же второй задачи было сопряжено с большим риском, потому что для верности попадания своих бомб противнику необходимо было спускаться ниже, что заканчивалось в большинстве случаев гибелью аппарата.

Английский империализм, таким образом, ни с моря, ни с воздуха не оказал реальной поддержки армии Юденича.

Помощь Англии в деле снабжения русских белогвардейцев также быа относительной. Качество же присланного и числившегося на вооружении Северо-западной армии боевого снаряжения и оружия было таково, что немедленное использование «помощи» в боевых действиях не представлялось возможным. В ходе наступления Северо-западной армии на Петроград все недостатки английского вооружения обнаружились со всей очевидностью. Шесть английских танков, переданные генералу Юденичу, оказались негодным хламом, без запасных частей, без металлических лент для танковых пулеметов и т. д. После 2—3 километрового перехода эти танки требовали ремонта. Команда танков, в свою очередь, не отличалась особым героизмом и

самопожертвованием, предпочитая боевой деятельности на фронте беспечную жизнь в Нарве. На Петроградском фронте со стороны белых принимали участие в боях лишь два маленьких французских танка, так называемые (по своим размерам) «Бэби», которые подоспели на фронт после взятия Северо-западной армией Гатчины. 20 английских орудий, присланных Юденичу, были заржавлены, испорчены и большинство их них не имело затворов, отсутствие которых объяснялось тем, что просто «забыли погрузить». Хороши были только германские орудия, имевшиеся в отряде князя А. П. Ливена. Броневики были не лучшего качества. Что же касается 6 аэропланов, то только два из них — русский и германский были годны к использованию, а на остальных 4 английских аэропланах даже отчаянные смельчаки не рисковали подняться. К этому нужно прибавить, что Северо-западная армия ощущала большой недостаток в походном снаряжении, в топорах, лопатах и других инструментах. Этим отчасти объясняется тот факт, что до 5 ноября железнодорожный мост у Ямбурга через Лугу не был исправлен, несмотря на все угрозы и крутые меры белых генералов. В силу этого обстоятельства ни танки — в большом количестве, ни броневики, ни бронепоезда не могли быть использованы в боях под Петроградом.

Английский империализм, толкнув Северо-западную армию на Петроград и не оказав ей соответствующей боевой поддержки, был занят более подходящим для себя делом. Еще с конца 1918 г. Англия проявляла большой интерес к прибалтийским новообразованиям и в скором времени приобрела решительное влияние на политику эстонского правительства. Эстонии выгодно было покровительство такого союзника как Англия, и поэтому, со своей стороны, эстонское правительство пыталось закрепить эти связи и получить экономическую и военную помощь от Англии. Последняя же, не довольствуясь фактически установившимся своим протекторатом над Эстонией, в лице Д. Ллойд-Джорджа вела настойчивые переговоры с Эстонией о долгосрочной аренде островов Эзеля и Даго. Переговоры эти имели успех и только вмешательство Франции остановило возникновение на Балтийском море нового Гибралтара [1].

[1] Генерал А. И. Деникин — «Очерки русской смуты», т. 4-й, стр. 22.

Роль Франции в походе Юденича на Петроград и сказалась главным образом в том, что Франция своим вмешательством в жизнь Прибалтики приостановила, до некоторой степени, дипломатические успехи Англии. Прибывшая в Прибалтику в сентябре 1919 г. французская военная миссия во главе с генералом Этьеваном своей официальной задачей имела оказание помощи Юденичу. Фактическая французская помощь Юденичу, шедшему на Петроград для воссоздания единой великой России, должна была иметь своим первым следствием умаление роли и значения Англии в Прибалтике, попрежнему продолжавшей придерживаться политики расчленения и ослабления бывш. Российской империи. И если Англия принимала активное участие в усилении армии Юденича, вопреки своей традиционной политике в отношении России, то эта же помощь вытекала из соображений текущего момента, т. е. преследовала цель нанести сокрушающий удар по Советской России. Франция, шедшая в 1918 и 1919 гг. в русском вопросе с лозунгами воссоздания великой России и имевшая в виду оказание в октябре — ноябре 1919 г. помощи Юденичу, не находилась в противоречии с принципиальной линией своей внешней политики.

Преследование различных целей в отношении России со стороны Англии и Франции закончилось тем, что Англия, толкнувшая на Петроград Юденича, в момент кульминационных успехов русских белогвардейцев, не поддержала их, и стала заниматься тем, чтобы официально закрепить свое положение в Прибалтике. Франция, не принимавшая почти никакого участия в делах Прибалтики до того времени, с осени 1919 г. встала на более решительный путь, изъявив свое желание помочь Юденичу и опротестовав попытки Эстонии и Финляндии начать мирные переговоры с РСФСР [1].

25 октября 1919 г. министру Северо-западного правительства М. С. Маргулиесу было сообщено французами, что 24 октября вышел из Бреста (французский порт) в Ревель для Юденича пароход с 58 пушками, 1.000 пулеметами, 10 танками и пр. Однако, эта информация не соответствовала действительности и была, повидимому, продиктована теми соображениями,

[1] Весьма характерным для французской политики было и то, что она, идя по пути срыва советских мирных предложений, сочувственно относилась к выступлению войск П. М. Авалова-Бермондта в Прибалтике.

чтобы поднять настроение белых генералов. 26 октября французский генерал Этьеван сообщил, что пароход из Бреста привезет 48 пушек и 200 пулеметов, но что он еще не вышел [1].

Сведения, данные генералом Этьеваном, были ближе к действительности, так как вскоре, 5 ноября 1919 г., из Лондона была послана следующая телеграмма Колчаку:

«Французское правительство отпустило Юденичу 49 полевых орудий и боевых комплектов. Есть надежда получить еще сорок. Отпущенное отправляется в ближайшие дни. С ними Юденич будет иметь около 120 орудий. Не хватает лошадей» [2].

Наконец, находившемуся во Франции Б. В. Савинкову один из активных сторонников французской интервенции — Тардье сообщил, что в скором времени французские корабли пойдут в Балтийское море для оказания помощи Юденичу [3].

Однако, быстрое поражение Юденича под Петроградом исключило необходимость в такой французской помощи, которая к тому же сильно медлила своим прибытием.

Французский империализм не оказал реальной поддержки Северо-западной армии в тот момент, когда от продолжения таковой отказался английский. Таким образом, и с этой стороны русская северо-западная контр-революция оказалась предоставленной самой себе.

Единый антисоветский Северо-западный фронт оказался призраком. Единение всех контр-революционных сил против Советской России имело место только на идеологическом фронте. Однако, это единение мировой буржуазии не могло быть решающим фактором победы над Советской Россией. Лагерь мировой контр-революции раздирался свойственными ему противоречиями империалистических государств, а это не давало возможности создать в действительности единый, деловой фронт против Советской республики. В этом и кроется причина того, что Северо-западная армия не получила своевременной и необходимой ей помощи и она одна должна была вступить в единоборство с вооруженными силами диктатуры пролетариата.

---

[1] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 67, 68.

[2] «Пролетарская революция», № 1, Гос. изд., 1921 г., стр. 140, 141. Разрядка наша.

[3] «Борис Савинков перед военной коллегией верховного суда СССР», по стенограмме суда, стр. 89.

ГЛАВА 15.

ВЗЯТИЕ КРАСНОЙ АРМИЕЙ ГДОВА И ЯМБУРГА. — СОСТОЯНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ. — ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. — МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ РСФСР С ЭСТОНИЕЙ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ. — РАСФОРМИРОВАНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ. — АРЕСТ ЮДЕНИЧА. — ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА С ЭСТОНИЕЙ. — РУССКИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ НА ЛЕСНЫХ РАБОТАХ В ЭСТОНИИ.

После оставления Гатчины Северо-западная армия отходила на ямбургские и гдовские позиции.

Для полного разгрома противника необходимо было продолжать энергичное наступление. Красной армии, однако, для достижения этой задачи необходимо было преодолевать целый ряд вновь возникавших трудностей. Спешность организации, при тяжелых условиях борьбы за Петроград, боевых групп Красной армии, усталость бойцов в результате непрерывных боев, расстройство с доставкой продовольствия и боевых припасов, недостаток перевозочных средств и т. д. — все это препятствовало быстрому движению и маневренным действиям Красной армии. Пользуясь этим, противник получил некоторую возможность сохранения своих расстроенных рядов и даже приводил их в порядок для организации отпора советским частям.

После занятия Луги части 15-й армии устремились в направлении на Гдов. Из боевых событий в этом районе заслуживают внимания операции в тылу у белых красной кавалерийской группы. Группа была сформирована к 31 октября из двух полков — кавалерийского полка 11-й стрелковой дивизии и Эстонского кавалерийского полка [1].

---

[1] Точных данных о численности всей группы не имеется. В кавалерийском полку 11-й дивизии к 1 ноября 1919 г. было 330 сабель и 4 пулемета. Можно предположить, что вся группа состояла из 350 — 400 сабель при нескольких пулеметах.

Группа получила боевое задание произвести налет на тылы белых в гдовском направлении и, при возможности, захватить Гдов.

В ночь на 3 ноября, в 4 часа 30 мин. утра, кавалерийская группа выступила в поход из района своего расположения у погоста Лосицкий, лесной дорогой добралась до дер. Сербино, находившейся в тылу белых на 12 километров, и заняла ее. Дальше группа направилась к дер. Гостичево, выдавая себя за белых. От местных крестьян были получены сведения, что на мызе Чернево расположены большие артиллерийские, интендантские и продовольственные склады, которые охранялись тремя комендантскими командами. Красные кавалеристы налетели на мызу Чернево, захватили в плен большое количество солдат, старые годы которых отпустили по домам, молодых — около 100 человек отправили в свой тыл. В нескольких, захваченных ими, громадных сараях находилось большое количество снарядов (более 20.000), гранат, бомб, винтовок и ружейных патронов, обмундирование и продовольствие. Захватив с собою часть трофеев и взорвав оставшееся в складах, группа двинулась на Гдов, уничтожая по дороге телефонно-телеграфные провода. По дороге на дд. Афанасово и Слутка был встречен отряд белых в 60 — 70 человек, который сопровождал казначея 6-й дивизии Северо-западной армии, везшего с собой крупную денежную сумму. Через непродолжительное время белый отряд был разбит на голову неожиданной для них атакой красной кавалерии и казначей с полутора миллионами юденических денег был взят в плен. Встречавшиеся на дальнейшем пути другие белогвардейские отряды, шедшие из Гдова на позиции, разоружались и распускались по домам, частью уводились с отрядом. К Гдову группа подошла на расстоянии около 10 км и, свернув в сторону, расположилась для ночлега в районе деревень Варваровщина, Большие и Малые Коколы. Сильное утомление людей и конского состава не позволило группе итти дальше на Гдов.

Утром 4 ноября группа направилась к берегу Чудского озера, продолжая уничтожать телефонно-телеграфную связь и разбивать встречавшиеся части белогвардейцев. Пленные передали, что начальник 6-й дивизии Северо-западной армии, собрав свои части, двинулся в направлении на Гдов для встречи красного отряда. Проехав около 10 км на юг от Гдова, красные разведчики обнаружили, что навстречу двигается отряд про-

тивника силою около 4 рот. Смелой кавалерийской атакой в течение 10 минут противник был опрокинут и, оставив большое количество зарубленных, рассеялся. По дороге, у погоста Рудницы, группа красных кавалеристов налетела на белую комендантскую команду и целиком захватила ее в плен. Оттуда группа направилась в дер. Кятицы, где был расположен штаб 1-го запасного белогвардейского полка. После 3-часового боя было взято в плен 3 офицера и 170 солдат, 1 пулемет, 3 повозки с винтовками. После этого последнего боя группа с большими трофеями и значительным количеством пленных (300 чел.) вышла 6 ноября навстречу одному из красных стрелковых полков и расположилась в районе деревень Ореховцы и Гаково [1]. Так доблестно был произведен рейд красной конницы в тыл белых в составе небольшого, сравнительно, но сильного духом, отряда.

За это время части 15-й армии взяли станцию Мшинскую, а части 7-й армии подошли к станции Волосово, в районе которой белогвардейцы оказывали наиболее сильное сопротивление. Со стороны красных по линии этой железной дороги успешно действовал бронепоезд «Черноморец», который, выйдя из Лигова, оказывал большую поддержку наступавшим колоннам. Станция Волосово была взята в ночь на 8 ноября 188-м стрелковым полком при поддержке 21-го кавалерийского полка. 7 ноября частями 15-й армии уже был взят Гдов. С 8 ноября войска группы С. Д. Харламова перешли в подчинение С. Н. Одинцову.

Темп наступления 10-й, 11-й и 19-й стрелковых дивизий 15-й армии при отсутствии железных дорог и чрезвычайно плохом состоянии транспорта был значительный. 19-я дивизия начала свое наступление 29 октября и до 7 ноября прошла с боем вперед 90 км по фронту в 70 километров; 11-я дивизия с 30 октября по 7 ноября продвинулась вперед на 100 км по фронту в 60 км, разбив противника под Лугой и совершив еще до этого при перегруппировке 70-километровый поход от Пскова; 10-я дивизия с 30 октября по 7 ноября, преодолев все

---

[1] «Петроградская правда», № 267 от 22 ноября 1919 г., статья П. Цельмина, написанная по рассказам участников рейда; «5 лет 11-й Петроградской стрелковой дивизии», изд. Политотдела дивизии, Петроград, 1923 г., статья Н. Кузнецова — «Рейд на город Гдов», стр. 91 — 94; ЛАБ, АКА, фонд № 249, связка № 1, дело № 21, л. 139.

укрепленные позиции противника на реке Желча под Гдовом, прошла с боями 70 км по фронту 40 км и заняла Гдов [1].

Наступление частей 7-й армии проходило в гораздо худших условиях, чем наступление 15-й армии. Выдержав на себе главный удар противника, 7-я армия не могла в короткий промежуток времени окончательно ликвидировать все свои недостатки, обусловившие в свое время успех противника. Постоянное нахождение в боях не давало возможности, несмотря на пополнения партийными силами, поднять на должную высоту боеспособность частей. Кроме этого, недостатки в снабжении продовольствием, обмундированием и боевыми припасами несколько резче сказывались в 7-й армии, чем в 15-й, хотя и в последней они занимали видное место. Наступившие сильные морозы также отразились на настроении плохо обмундированных бойцов. При подобном состоянии действующих частей 7-й армии представляется весьма знаменательным, что эти части, ранее панически отступавшие, с начала ноября успешно продвигались вперед. Некоторые части поистине вели себя геройски. Так, например, Шлиссельбургский рабочий батальон, имевший 650 человек, к 3 ноября насчитывал уже 279 чел., весь командный состав батальона выбыл в боях [2].

К 11 и 12 ноября советские войска обеих армий вышли к нижнему — северному течению р. Луги. Желая дать возможность своим тылам переправиться на территорию Эстонии, Северо-западная армия генерала Юденича напрягала последние силы для удержания за собой Ямбурга. Однако, несмотря на эти попытки закрепиться на последнем оборонительном рубеже и отстоять хотя незначительную часть советской территории, наступление частей Красной армии продолжалось.

---

[1] АЛОИ, связка № 18, доклад члена РВС Запфронта Р. Берзина председателю РВС Республики от 10 ноября 1919 г.

Несмотря на значительные успехи 15-й армии, действовавшей в далеко неблагоприятных условиях, в докладе Р. Берзина чувствуется все же преувеличение и переоценка роли 15-й армии в борьбе с Северо-западной армией. Так, например, в докладе говорится, что операция 15-й армии состояла из ряда «прекрасных маневров, прекрасно исполненных», и что «вся операция 15-й армии в целом является красивым и выдержанным маневром, давшим блестящие результаты»...., вследствие чего «окончательно рухнули планы Юденича взять Петроград».

[2] АЛОИ, связка № 18, политсводки политотдела 7-й армии за первую половину ноября 1919 г.

Во время этих успехов Красной армии английской военной миссией спешно было созвано в Нарве военное совещание, на котором присутствовали: начальник английской военной миссии генерал Рихард Хекинг, эстонский главнокомандующий генерал И. Я. Лайдонер, эстонский адмирал И. Питка и Н. Н. Юденич. Для участия в этом совещании был также вызван английский адмирал, командовавший английской эскадрой в Финском заливе, В. Кован, но прибыть он не мог. Открывший заседание и председательствовавший на нем генерал Хекинг сразу поставил Юденичу вопрос: «Будете ли вы продолжать свою операцию?» Юденич ответил: «Нет, я кончаю ее». Хекинг — «Почему?» Юденич — «Потому, что вы не поддерживаете нас с моря и не смогли взять Кронштадт». На это генерал Хекинг ответил:

«Очень удивлен вашим ответом. Когда я от вас требовал, чтобы вы поддержали правый фланг адмирала Питки у Красной горки, то вы ответили, что взятие Красной горки и Кронштадта не имеет никакого значения, так как в случае, если вы возьмете Петроград, то Красная горка и Кронштадт автоматически падут. Теперь же вы говорите что кончаете операцию потому, что не смогли занять Красной горки».

Присутствовавший на этом совещании эстонский адмирал Питка о дальнейших разговорах и о результате самого совещания пишет:

«На это Юденич открыто ничего не ответил, а пробормотал себе в бороду, что союзники недостаточно ему помогали и недостаточно снабдили крупной артиллерией. Со стороны же моря, мол, не было никакой помощи, так как он не считает помощью действия этих мелких судов. Ропот Юденича был настолько возмутителен, что я [Питка] был принужден вступить с ним в спор и потребовать справедливой оценки работ английской эскадры.

Совещание окончилось решением, что и нам следует кончить красногорскую операцию, так как выяснилось, что армия Юденича уже давно превратилась в беспорядочное стадо и что его последние сообщения о боях — ложь и выдумки.

Я уехал обратно в Копорье, дал распоряжение ликвидировать операцию. Когда я сообщил адмиралу Ковану об этом, то он предложил прикрыть наше отступление своей эскадрой. Это предложение я отклонил, сказав, что обойдемся без посторонней помощи» [1].

Нарвское совещание ничем не могло помочь армии Юденича. Во время завязавшейся борьбы в районе Ямбурга белые,

[1] «Морской сборник», военно-морской научный журнал, № 11, Петроград, 1923 г., стр. 36, 37.

в надежде оттеснить сосредоточившиеся силы красных, выслали по железной дороге полубронированный поезд в составе нескольких товарных платформ с установленными на них орудиями и пулеметами. Подоспевший во-время советский бронепоезд «Черноморец» несколькими залпами заставил уйти белых и, подойдя на расстоянии 2 км к Ямбургу, начал в упор расстреливать белогвардейские цепи. Прот вник в конце концов не выдержал и стал сдаваться целыми партиями, подходя с поднятыми вверх руками к бронепоезду [1]. Стрелковые красноармейские части, воспользовавшись паникой в рядах белых и поддержкой «Черноморца», 14 ноября в 14 часов 30 минут ворвались в город Ямбург. В результате боев было захвачено около 600 пленных, 35 пулеметов, 3 орудия и прочее имущество, а также было освобождено около 500 пленных красноармейцев, содержавшихся под охраной белогвардейцев в Ямбурге [2].

С выходом 7-й и 15-й армий в район северного течения р. Луги, Северо-западная армия противника была вынуждена отходить к эстонской границе. Последующие дни после 14 ноября проходили в ожесточенных, местами, столкновениях с частями противника. Прорвав фронт белогвардейцев на линии озер Копенское, Глубокое и Бабинское, красно-армейцы подошли к границе Эстонии и встретились с бело-эстонскими войсками.

Началась длительная нарвская операция, знаменовавшая собой ликвидацию планов русской контр-революции по захвату Петрограда и преследовавшая своей целью добиться скорейшего заключения мира с Эстонией.

23 ноября 1919 г. линия фронта 7-й армии стабилизировалась на побережье Лужской губы и Нарвского залива (район дер. Ропши — Дом рыбака), дальше по линии дд. Мертвицы — Волково — Переречье — Куровицы, восточнее дер. Орлы и Манновка по правому берегу р. Луги (весь этот участок для 6-й дивизии), дд. Захонье, Жабино, Александровская горка (участок 56-й дивизии). От Александровской горки фронт шел через железнодорожный путь Ямбург — Нарва и упирался в большой Пятницкий мох (участок для 2-й дивизии). Таков

[1] «Петроградская правда», № 269 от 25 ноября 1919 г.
[2] Там же, № 261 от 15 ноября 1919 г.

был фронт частей 7-й армии. Фронт 15-й армии к тому времени проходил вдоль позиций белых в районе дд. Криуши — Низы — Усть-Черново. Северо-западная армия сосредотачивалась в болотах у Нарвы, в районе дд. Дубровка — Анненская и затем в районе Криуши — Усть-Жердянка и Низы. Эстонские 1-я и 3-я [1] дивизии защищали район Нарвы и рубеж севернее от железной дороги Нарва — Ямбург [2].

Вся нарвская операция проходила в чрезвычайно неблагоприятных условиях. Боевое изнеможение красноармейских частей, трудности по регулярному снабжению обмундированием, продовольствием и огнеприпасами сильно влияли на политико-моральное состояние красноармейцев; нахождение в болотистом районе и сильные морозы отражались на выполнении оперативных заданий. Конкретно это состояние частей 7-й армии выражалось в следующем:

15 ноября. — 6-я стрелковая дивизия: в 1-м стрелковом полку отмечалось абсолютное отсутствие продуктов, было употреблено в пищу 5 негодных к езде лошадей. Боеспособность пала. В 3-м и 7-м стрелковых полках сильный недостаток командного состава, что отразилось на боеспособности полков. В 160-м полку отказались

---

[1] 2-я эстонская дивизия держала фронт против Пскова. В дни успехов 15-й армии против Юденича бело-эстонцы, ожидая наступления частей той же армии от Пскова, проявили свою активность в массовых поджогах крестьянских изб, мельниц и т. п. В течение двух дней с 5 по 7 ноября 1919 г. бело-эстонцы подожгли несколько деревень в Логазовской волости Псковского уезда. 7 ноября, около 17 часов, бушевало огненное море на полосе длиною 30 *км* и в 7 *км* шириною. Пожар принес колоссальный ущерб крестьянскому хозяйству. В дер. Поддубье из 34 домов осталось только 7; в дер. Перелозово было выжжено 77 домов, осталось только 6; в дер. Тупах сгорело 42 дома, в селениях Проницы, Токарево, Подлипье, Грядицы, Красная репка, Запутье, Поддубье второе, Приозерье, Стяглы, Корлы и др. сгорело все до тла. Всего в Логозовской волости бело-эстонцы сожгли 27 деревень. Поджог сопровождался грабежами, из одной только деревни Корлы было вывезено 50 подвод крестьянского имущества («Псковский набат», № 65 от 14 ноября 1919 г., из доклада председателя Логозовского военно-революционного комитета).

Таковы были действия «солдат эстонской демократической республики», руководители которых еще в свое время в листовке, написанной «всем, всем, всем, бедным, обманутым русским пролетариям», писали: «мы не азиатские безжалостные убийцы, как ваши... жиды и китайцы, мы — культурные европейцы» (листовка эта хранится в Музее ПП ОГПУ при ЛВО).

[2] Рукопись А. А. Геронимуса — «Разгром Юденича», глава 8-я.

выполнять боевой приказ 2 батальона. Группа С. Н. Одинцова: в 13-м полку отмечался случай неисполнения боевого приказа; настроение неудовлетворительное из-за сильной усталости. В 188-м полку боеспособность плохая, старых бойцов осталось мало, командный состав не соответствовал своему назначению. Фураж брался от населения.

18 ноября. — 6-я дивизия: в 1-м стрелковом полку три дня не получались продукты. Имели место грабежи населения. Было два смертных случая на почве голода и холода. Больных 90 человек, из них 46 обмороженных. Из-за отсутствия смеси пулеметы «Максима» не работали, отсутствовали принадлежности для чистки винтовок. Группа С. Н. Одинцова: в 15-м полку недостаток фуража, газеты не получались. В 479-м полку боеспособность низкая: из-за больших потерь и отсутствия снаряжения, ощущался недостаток младшего командного состава и коммунистов. Газеты приходили с опозданием на 5 дней. Снабжение из-за дальности продовольственной базы и недостатка транспорта неудовлетворительное. Разутых 100 чел., отсутствовало белье. В 189-м полку продукты доставлялись несвоевременно, ощущался недостаток обуви и обмундирования.

19 ноября. — 6-я стрелковая дивизия: 49-м полку — острый недостаток в ботинках, продовольствии, табаке. 1-я саперная рота в течение 6 дней только один раз получила продукты, люди буквально голодали. 1-й сводный полк — отсутствовало обмундирование, обувь; настроение пониженное из-за больших переходов и боев. 8-й полк — из прибывшего пополнения 200 человек не вооружены. Группа С. Н. Одинцова: 12-й полк — выбыло в боях 60% командного состава, обмундирование плохое, было 500 чел. босых. 7-й полк — 6 чел. за неимением обуви отморозили ноги. 21-й кавалерийский полк — командный состав не соответствовал назначению, недостаток фуража и постоянные переходы понизили боеспособность.

20 ноября. — Группа С. Н. Одинцова: разбросанные по дорогам белые листовки впечатления на бойцов не производили. 16-й полк — боеспособность слабая. 16 ноября один батальон полка отказался выполнить боевой приказ по причине сильной усталости и недоедания. Отношение населения открыто враждебное. В 1-м гаубичном артиллерийском дивизионе, в 4-й батарее, испортились орудия; отсутствовали огнеприпасы. Башкирские части вызывали конфликты с населением.

23 ноября. — 6-я дивизия: в 48-м полку были случаи невыполнения боевых приказов. Отмечался недостаток гранат, ножниц для резки проволочных заграждений, лопат, топоров. Прибывшее пополнение совершенно не обуто, необходим был отвод в резерв для обучения. Ощущался недостаток обмундирования в обоз было отправлено по 15 — 20 чел. босых с каждой роты. Подвоз горячей пищи был невозможен. 479-й полк — жалобы красноармейцев на неаккуратное снабжение. Выполняя в течение двух суток боевую задачу, бойцы массами окоченели, отморозили конечности, в строю осталось 45 стрелков и 42 пулеметчика. Полк пришел в полную небоеспособность.

24 ноября. — 6-я дивизия: в частях дивизии из-за острого недостатка фуража начался падеж лошадей. Отношение населения враждебное. В 15-м полку из-за большого количества босых боеспособность все понижалась. В 5-й роте из 58 стрелков 42 человека отправлены в обоз, в пулеметной команде из 186 красноармейцев 120 чел. босых, которые из-за этого отказались идти на позиции.

26 ноября. — 2-я дивизия: в 13-м полку боеспособность плохая, 2-й батальон полка из-за невыдачи продуктов и в связи с сильными холодами не исполнил боевой задачи. Все красноармейцы были сильно утомлены, просили отдыха.

27 ноября. — 6-я дивизия: происходила перегруппировка частей. 2-я дивизия: в 14-м полку были жалобы на усталость и на уменьшение пайка на полфунта хлеба. Из за отсутствия смазочного вещества половина винтовок не работала. В 12-м полку осталось 58 человек, командный состав почти весь выбыл из строя.

4 декабря.—6-я дивизия: 52-й полк—выбыло много командного состава, обмундирование и обувь не получены. Вне строя 540 босых. Газеты получались очень редко. 160-й полк—из-за малочисленности рот боеспособность была слабая, ощущался острый недостаток фуража, табаку. Замороженных около 24 человек. 56-я дивизия — 496-й полк: 2 декабря со стороны противника прибежала собака с привязанной прокламацией; была отправлена обратно с эстонскими газетами, листовками и обращением к эстонцам, написанном на обороте их прокламации,— взаимно прекратить артиллерийский обстрел деревень с мирным населением [1].

[1] АЛОИ, связка № 18, из политических сводок политотдела 7-й армии за вторую половину ноября 1919 г.

Такова беглая, далеко не полная, характеристика состояния частей 7-й армии. Естественно, что такое состояние не являлось характерной чертой исключительно 7-й армии, оно имело место и в частях 15-й армии. И несмотря на эти неблагоприятные условия, части 7-й и 15-й армий проявляли революционный энтузиазм там, где противник, в лице бело-эстонцев, находился в значительно лучших условиях (укрепленные позиции, лучшее обмундирование, снаряжение, технические средства, коммуникация), и тогда, когда это выполнение революционного долга не являлось прямой производной от материального состояния красноармейских частей. Защита чуждых классовых интересов базировалась исключительно на внутреннем материальном состоянии частей противника, защита советской власти была делом самих трудящихся. Поднятие настроения бойцов, укрепление их классового самосознания занимало одно из главных мест в работе политического аппарата Красной армии. Политическому аппарату 7-й, в особенности, и 15-й армий пришлось развить колоссальную работу по поднятию настроения бойцов, которые своей боевой активностью должны были привести Советскую Россию к миру с Эстонией.

Одновременно с обеспечением боеспособности красноармейских частей армейскому политическому аппарату приходилось восстанавливать органы советской власти на местах. Необходимость советизации района, недавно бывшего в руках противника, исходила и из требования самого фронта, так как вопросы снабжения действующих частей могли разрешаться только при участии и активном содействии местного советского аппарата [1].

Затяжной характер боевых действий в районе Нарвы был также следствием целого ряда дефектов в работе штабов, в особенности 7-й армии. Наступательные попытки красноармейских частей проводились без должной подготовки, в условиях неудовлетворительной информации об укрепленных позициях против-

---

[1] Состояние прифронтовой полосы — Ямбургского уезда характеризовалось, например, тем, что в январе 1920 г. в Наровской и Сойкинской волостях оперировала так называемая «святая армия», насчитывавшая около 100 человек и вооруженная автоматами и пулеметами. На заседании Ямбургского уездного комитета РКП(б) от 21 января 1920 г. в связи с этим было постановлено ходатайствовать перед командованием 6-й стрелковой дивизии о принятии соответствующих мер (АЛОИ, связка № 13, дело № 242).

ника, разрозненности действий, плохом взаимоотношении пехоты и артиллерии и т. д. [1].

О напряженности боев только одной 7-й армии свидетельствуют следующие данные: за время с 20 октября по 17 ноября армия потеряла ранеными около 10.000 чел, контуженными 500 чел., больными 7.500 чел., а всего с убитыми более 19.000 человек. Эти цифровые данные потерь одной 7-й армии приобретали еще большее значение в связи с тем, что наибольший боевой состав армии не превышал 20.000 человек [2].

Быстрое приближение к эстонской границе красноармейских частей создало тяжелое положение для Северо-западной армии.

Уставшая от непрерывных боев, голодная и раздетая армия белогвардейцев у границ Эстонии была встречена эстонскими войсками с приказом не переходить эстонской границы. Никакие частные ходатайства русских генералов о разрешении армии перейти на левую сторону реки Наровы и о предоставлении отдыха в районе Нарвы не удовлетворялись эстонцами. Изнуренные отряды продолжали теснiться на правом берегу Наровы и отбиваться от превосходящих численностью красных войск.

Сознавая катастрофическое положение армии, 14 ноября Юденич из Нарвы обратился со следующей срочной телеграммой к эстонскому главнокомандующему генералу И. Я. Лайдонеру:

«Красные подавляющими силами упорно атакуют и местами теснят части вверенной мне армии, особенно со стороны Гдова. Войска до крайности утомлены беспрерывными боями. На крайне тесном пространстве между фронтом и эстонской границей—в непосредственном тылу войск скопились все обозы, запасные, пленные беженцы, что до крайности стесняет маневрирование войск, малейший неуспех может создать панику в тылу и повести к катастрофе и гибели всей армии. Необходимо, не позднее завтрашнего дня перевести все тылы на левый берег Нарвы. Предвижу возможность и даже неизбежность дальнейшего отхода армии, что может вызвать конфликт в случае перехода границы Эстонии. Во избежание неминуемой гибели армии я прошу вас не отказать немедленно принять под ваше командова-

[1] «Революция и война», сборник 2-й, Смоленск, 1920 г., статья Е. Сысоева — «Стратегический очерк Нарвской операции», стр. 128-145.

[2] «Борьба за Петроград», 1920 г., стр. 69.

ние вверенную мне армию и назначить ей участок общего с вверенными вам войсками фронта. Прошу вас доложить мою просьбу Эстонскому правительству о принятии Северо-западной армии под покровительство Эстонии. Для переговоров командирую генерала Родзянко» [1]

Только 16 ноября последовало разрешение эстонского правительства перейти на левый берег Наровы пленным красноармейцам, запасным белогвардейским частям и некоторым группам беженцев—удравшей с советской территории буржуазии и некоторой части белой интеллигенции. Оружие оставлялось только тем частям, которые соглашались вести дальнейшую борьбу с Красной армией, остальные обезоруживались. Через границу русские белогвардейцы пропускались мелкими партиями, при чем эстонские солдаты производили форменный грабеж того, что в свое время было награблено русскими белогвардейцами у населения Советской России. Эстонцы отнимали не только оружие и пулеметы, но и обозы, лошадей, сбрую, снаряжение, деньги, и «личные» вещи белогвардейцев.

Один белый журналист, Г. И. Гроссен, описывая эти события, говорит:

«Несчастные русские, несмотря на зимнюю стужу, буквально раздевались и все беспощадно отнималось. С груди срывались нательные золотые кресты, отнимались кошельки, с пальцев снимались кольца. На глазах русских отрядов эстонцы снимали с солдат, дрожащих от мороза, новое английское обмундирование, взамен которого давалось тряпьё, но и то не всегда. Не щадили и нижнее теплое американское белье, и на голые тела несчастных побежденных накидывались рваные шинели» [2].

Очевидно, не мало золотых колец, крестов и кошельков было награблено белыми солдатами и офицерами во время наступления на Петроград, что эстонцы сами пожелали приобрести все это в свою собственность!

И все это эстонцы делали вопреки французской указке из Парижа. С. Д. Сазонов энергично добивался от французского правительства вмешательства в дела Северо-западной армии и имел успех, хотя в данном случае французский империализм не столько предавался чувству сожаления к этому энергичному представителю русского белого движения заграницей, сколько

---

[1] «Архив гражданской войны», т. 1-й, стр. 135, 136. Разрядка наша.

[2] «Историк и современник», вып. 5-й, 1924 г., стр. 138, 139.

преследовал свою собственную цель. О результатах деятельности Сазонова свидетельствует следующая его телеграмма, посланная 20 ноября Колчаку и Юденичу:

«По моей просьбе французское правительство в энергичных выражениях телеграфировало своему представителю в Ревель для передачи эстонским властям, что считает разоружение вашей армии, в случае перехода ее в Эстонию, недопустимым»... [1].

Однако, этот энергичный протест Франции не возымел успеха.

Переправившееся на левый берег реки Наровы части Северо-западной армии оказались еще в худших условиях, нежели они были до перехода эстонской границы. Они не получили определенного района для размещения и были согнаны в лес и болота и провели там при морозе в 10° под открытым небом несколько дней.

«Множество людей замерзло, многие умерли от истощения. В этом мрачном лесу впервые защевелила свои отвратительные лапки тифозная вша», — пишет Г. И. Гроссен.

Когда же некоторые части, решившись спастись от неминуемой гибели среди леса и болот, двинулись по линии железной дороги к ст. Иевве, то навстречу им эстонцы выслали свои войска. Солдаты Северо-западной армии вынуждены были вернуться обратно. Только через несколько дней всех перешедших эстонскую границу разместили по населенным пунктам восточной части Вирского (Везенбергского) уезда.

Большинство же частей Северо западной армии—примерно $^2/_3$—оставалось на правом берегу р. Наровы и совместно с эстонскими войсками принимало участие в боевых действиях против Красной армии и в обороне города Нарвы.

22 ноября эстонский генерал, начальник 1-й эстонской дивизии, стоявшей в Нарве, А. И. Тениссон заявил: «Северо-западной армии уже нет,—есть людская пыль» [2]. Многие генералы покинули ряды Северо-западной армии, другие входили в подчинение эстонскому главнокомандующему генералу И. Я. Лайдонеру. Полки и дивизии, оставшиеся на правом берегу Наровы, таяли не по дням, а по часам. Белые солдаты сотнями переходили на сторону Красной армии.

---

[1] И. Субботовский — «Союзники, русские реакционеры и интервенция», стр. 84.

[2] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 126.

Недовольство генералом Юденичем со стороны командиров отдельных частей выросло настолько, что они на специальном совещании постановили через командира корпуса графа И. К. Палена подать рапорт Юденичу о необходимости передачи командования армией эстонскому главнокомандующему Лайдонеру. Юденич, поняв, наконец, этот шаг, как выражение недоверия к себе, решил сдать командование Северо-западной армией. Выбор Юденича пал на генерала П. В. Глазенапа, которого он произвел в генерал-лейтенанты, наградил орденом Анны 1-й степени с мечами и 28 ноября передал ему командование Северо-западной армией, а сам оставил Нарву и переехал в Ревель [1].

В день передачи командования Юденич вторично послал телеграмму Лайдонеру:

«Красные заняли Монастырск, сильно напирают с юга. Если до вечера не будет разрешен переход на левый берег Наровы, катастрофа неизбежна. Большая часть армии рассеется и фронт Нарвы будет открыт. Еще раз прошу немедленного разрешения перехода армии на эстонскую территорию.

Армия поступит под ваше командование. Непосредственное командование армией я сдал другому лицу» [2].

1 декабря генерал Глазенап отдал свой первый и последний приказ по Северо-западной армии. В приказе говорилось, что Северо-западная армия цела, что переход реки Наровы некоторыми частями произошел совершенно случайно, что на северо-западе России во что бы то ни стало нужно держать белые войска, чтобы не дать возможности Советской России налаживать свой транспорт, хозяйство и т. п. Этим приказом Глазенап хотел поднять настроение своих бойцов и при помощи обмана нарисовать более лучшую картину состояния Северо-западной армии, чем это было в действительности.

Однако, несмотря на категорические заверения, что он, Глазенап, «крепко взял в свои руки дело и его не выпустит», новый командующий через несколько дней сам из Нарвы переехал в Ревель.

Наряду с армией переживало кризис и Северо-западное правительство. Поражение армии Юденича приближало конец политической жизни белых министров.

---

[1] В. Горн — «Гражданская война на северо-западе России», стр. 340.

[2] «Архив гражданской войны», т. I, стр. 135.

Согласившись формально на ведение мирных переговоров с Советской Россией, Эстония стала нажимать на находившееся на ее территории Северо-западное правительство и чинить всякие препятствия руководителям белого дела. Предъявив Северо-западному правительству еще до начала наступления Юденича на Петроград требование о переезде всех правительственных учреждений и военных штабов из Ревеля в Нарву и не настаивая на этом во время боевых успехов генерала Юденича под Петроградом, эстонское правительство 9 ноября, когда Красная армия гнала Северо-западную армию по всему фронту, сочло нужным напомнить белым русским министрам о своем прежнем требовании. Окончательным сроком выселения из Ревеля всех военных и гражданских учреждений и служащих Северо-западной армии было назначено 3 декабря. Обращение заинтересованных лиц за содействием к иностранным представителям не увенчалось успехом.

Заседания совета министров Северо-западного правительства стали принимать бурный характер. В заседании 9 ноября некоторые министры внесли предложение об удалении нескольких видных генералов с их постов; об исключении генерала Юденича из состава правительства и т. д. В случае несогласия Юденича, предлагалось всему составу министров коллективно выйти в отставку, опубликовав предварительно в печати свои требования. В качестве представителя настроений другой части министров выступил М. С. Маргулиес, который, соглашаясь на удаление Юденича вообще от всякого руководства Северо-западной армией, так как под его (Юденича) руководством «Петрограда не видать как ушей своих»,— возражал против немедленного предъявления требований Юденичу. «Если бы можно было удалить Юденича, получив посланные ему Колчаком деньги [1], тогда можно начать работу сначала; с сохранением же в деле Юденича—рассчитывать не на что»,—говорил Маргулиес» [2].

11 ноября было решено написать письмо генералу Юденичу об удалении некоторых генералов и «безответственных политических советников», о необходимости установления контроля над лицами, имеющими право въезда на русскую территорию,

[1] В августе 1919 г. Колчак прислал в личное распоряжение Юденича 260 миллионов рублей, или, в переводе на французскую валюту того времени, — 860 тысяч фунтов стерлингов.

[2] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 98.

и о передаче этого контроля из военных рук Северо-западному правительству и т. п. Передать письмо Юденичу было поручено председателю правительства С. Г. Лианозову и министру И. Ф. Евсееву, которые уполномочены были сообщить, что отказ от принятия этих условий повлечет за собою открытую борьбу с Юденичем, как с главнокомандующим, «вплоть до мер устранения его от этой должности». Но, принимая во внимание, что уполномоченные по передаче письма Лианозов и Евсеев — люди «слишком мягкие» и что в беседе с ними Юденич легко может уклониться от всякого ответа, после некоторого раздумья было принято решение ехать в Нарву, к Юденичу, всему составу правительства. Одновременно с этим было постановлено через генерала Владимирова «прощупать настроения офицеров о приемлемости генерала П. Н. Краснова [1] на пост Юденича». В результате всех этих приготовлений и разговоров было то, что, когда правительство прибыло в Нарву и пригласило на заседание к себе Юденича, последний, отговорившись чрезвычайной занятостью оперативными делами на заседание не явился.

15 ноября Северо-западное правительство постановило немедленно начать переговоры с эстонцами относительно сохранения остатков Северо- западной армии не как беженской массы, а как силы военной, и о создании соответствующих условий для нового похода белогвардейцев на восток. Но так как к этому времени английское правительство в лице Д. Ллойд-Джорджа повернуло свой курс в сторону сближения с Советской республикой и под давлением широких трудящихся масс Англии вынуждено было прекратить снабжение и поддержку русских контр-революционных организаций, то все попытки представителей Северо-западной армии сохранить ее кадры оставались голосом одиноко вопиющего русского белогвардейца на чужой территории.

21 ноября члены Северо-западного правительства собрались на частное заседание для решения вопроса — «что делать». Пришли к единогласному выводу — отказаться обсуждать с эстон-

---

[1] Генерал Краснов в октябре-ноябре 1917г. шел во главе казаков на Петроград и был пленен. Под честное слово не выступать против советской власти он был выпущен на свободу, приехал на Дон, был избран донским атаманом и объявил войну Советской республике. В дни наступления Юденича на Петроград Краснов прибыл в Северо-западную армию, но играл второстепенную роль.

ским правительством свою дальнейшую участь вообще, выяснив предварительно, сколько времени они, как правительство, могут оставаться на эстонской территории. Было решено послать членов правительства в Париж и Гельсингфорс для выяснения того, можно ли на что-либо рассчитывать для сохранения белой армии. В случае прекращения деятельности Северо-западного правительства было условлено, что специального протокола по этому поводу составлять не будут, а изберут С. Г. Лианозова центром, к которому будут стекаться все сведения о положении дел на северо-западе России. Белые министры также постановили, что при новых благоприятных условиях они вновь выступят на политическую арену в качестве русского правительства [1].

На заседании правительства 3 декабря генерал Юденич заявил, что считает дело Северо-западной армии безнадежным, что единственным выходом из сложившейся обстановки является переброска остатков армии на Южный фронт, к генералу Деникину, и что он, Юденич, подчиняющийся только верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку, уходит из состава Северо-западного правительства. Одновременно с этим заявлением Юденич послал правительству Эстонии ноту, состоявшую из следующих основных пунктов: 1) солдаты Северо-западной армии должны рассматриваться как резервные войска и получить разрешение вернуться на русскую территорию; 2) все оружие и снаряжение армии должно быть возвращено; 3) Эстония должна предоставить Северо-западной армии определенный район, как базу для нового наступления на Петроград [2]. На эту ноту Юденича, одобренную представителем Франции и совпавшую с открытием мирной советско-эстонской конференции, эстонское правительство ответило отказом со следующей мотивировкой: «было бы непростительной глупостью со стороны эстонского народа, если бы он сделал это» [3].

5 декабря происходило последнее заседание министров Северо-западного правительства, на котором было решено все денежные отчеты передать государственному контролеру В. Л. Горну, как оставшемуся пока в Эстонии с обязательством представления их С. Г. Лианозову, как министру финансов и премьеру.

[1] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 123.
[2] «Петроградская правда», № 290 от 19 декабря 1919 г.
[3] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 137.

Последнему же было предоставлено право передать все денежные документы и всю отчетность... «кому найдет нужным» (!?).

М. С. Маргулиес об этом историческом дне так записал в своем дневнике:

«Сегодня прекращаем свое существование в Эстонии. Без нескольких дней 4 месяца истинной каторги... Больше делать нечего... Пора уезжать...»

Весьма интересно сложились взаимоотношения эстонского, финляндского и германского правительств с министрами Северо-западного правительства с момента их самороспуска — «впередь до востребования». Так, на прощанье эстонцы отказались поставить выездную визу на министерских документах, как делали это всегда без всяких промедлений, и затребовали подачи ими письменных заявлений с приложением двух фотографических карточек, совсем «как для простых смертных». Финляндское правительство тормозило выдачу въездных виз, паспортов и вообще затрудняло разрешение вопросов о праве жительства на финской территории. Германское правительство, получив ходатайство Лианозова о разрешении ему проезда через Берлин во Францию, не так скоро его удовлетворило. Потребовали личной явки Лианозова, отметки о физических недостатках его в паспорте, засвидетельствования подписи его и личного выполнения ряда прочих формальностей [1].

Таков был конец печальной участи Северо-западного правительства.

Буржуазное правительство Эстонии, тормозившее дело мирных переговоров с РСФСР и выжидавшее результатов наступления на Петроград Северо-западной армии, к декабрю 1919 г. стало проявлять больший, чем раньше, интерес к миру.

В ответ на ноту министров иностранных дел Эстляндии, Латвии и Литвы от 4 октября (с извещением, что они готовы начать предварительные переговоры не позднее 25 октября), Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР изъявил со своей стороны готовность начать переговоры 12 октября. Прошел довольно значительный срок прежде, чем Эстония решила продолжать начатую дипломатическую переписку. 25 октября, когда уже обнаружилась тщетность всех попыток Юденича взять Петроград, эстонское правительство в телеграмме на имя НКИД сообщило, что назначенное на 25 октября первое совместное

[1] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 138—140.

собрание для ведения переговоров о мире состояться не могло, потому что литовское правительство склонно было вести переговоры только об условиях перемирия, а латвийское—«сильно поглощено борьбой против восставших германо-русских военных отрядов» (Западная русско-немецкая добровольческая армия). В отношении же самой Эстонии телеграмма указывала, что эстонское правительство не изменило своего отношения к вопросу о мире и готово вступить в переговоры после 25 октября.

26 октября НКИД, подтвердив свое первоначальное предложение вести переговоры отдельно с Эстонией, одновременно запрашивал о том, как согласуется миролюбивая платформа эстонского правительства с нападением эстонских войск на красноармейские части в Петроградской и Псковской губерниях:

«Эти наступательные действия ваших военных сил происходят в тот момент, когда бывший царский генерал Юденич направляет свои силы на Петроград, и они служат для него помощью при его нападении на нас, несмотря на ту смертельную опасность, которую представляет для всех малых национальностей бывшей российской империи русская контрреволюция...

Ваши представители... торжественно заявили нам, что ваше правительство преследует лишь оборонительные цели. Просим вас поэтому пояснить нам, почему военные действия ваших войск происходят на территории, являющейся несомненно нашей, чтобы мы могли знать, как смотреть на эти операции и на намерения вашего правительства, в виду того, что занимаемое им в настоящий момент положение не может остаться без влияния на будущие отношения между нами и на условия окончательного соглашения между вашим правительством и нашим» [1],— говорилось дальше в телеграмме».

Ответом на эту телеграмму НКИД было нечленораздельное объяснение эстонских дипломатов, которые 8 ноября писали:

«Недавние военные операции, предпринятые против советских войск, вызваны тем, что в тот момент, когда наша мирная делегация едва только выехала из Пскова [2], наступление было начато Советской Россией, и так

---

[1] Ю. В. Ключников и А. Сабанин - «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», часть 2-я, изд. Литиздата НКИД, М., 1926 г., стр. 393.

[2] В данном случае имелись в виду мирные переговоры между представителями Эстонии и РСФСР от 17—18 сентября 1919 г. в Пскове. Эти переговоры кончились тем, что уполномоченные эстонского правительства отказались от обсуждения мирных условий до получения ответа от соседних государств.

как перемирие не было заключено, наши военные операции продолжались, хотя между тем инициатива перешла в наши руки» [1].

В этой же телеграмме от 8 ноября эстонское правительство изъявило согласие начать обсуждение вопроса об обмене пленными 17 ноября в Тарту-Юрьеве.

Абсолютная несостоятельность эстонского разъяснения по поводу участия Эстонии в наступлении Юденича на Петроград была со всей прямолинейностью вскрыта в ответной ноте НКИД от 10 ноября, в которой говорилось:

«Утверждая, что советские войска напали на Эстляндию, ревельское правительство не указывает, какие пункты Эстляндии подверглись нападению, и с достаточным основанием, ибо факт тот, что военные операции все время происходили на территории, несомненно принадлежащей Советской России, и советские войска все время только защищались против производимых на них нападений, между тем как присутствие эстонских полков на подступах к Петрограду доказывает, что ревельское правительство участвовало в этой попытке, которой откровенно признанная цель заключалась в подготовке нападения на Москву после захвата Петрограда, другие же эстонские войска оказывали содействие Юденичу, нападая на Псков» [2].

Эстонские дипломаты, не сумевшие скрыть двойственной политики своего правительства при наступлении русских белогвардейцев на Петроград, и в своей неудавшейся попытке дать факту совместных действий эстонских войск с Юденичем подходящее разъяснение, получили должный ответ.

Советское правительство изъявило согласие послать своих делегатов в Тарту-Юрьев для переговоров об обмене пленными. Соглашение по этому вопросу с Эстонией, Латвией и Литвой было подписано 19 ноября 1919 г. уполномоченным РСФСР М. М. Литвиновым.

27 ноября эстонское министерство иностранных дел сообщило в радио-телеграмме на имя НКИД, что днем встречи делегатов для переговоров о мире назначено 2 декабря в Тарту-Юрьеве [3].

В книге «Десять лет советской дипломатии», изд. Литиздата НКИД, М., 1927 г., на стр. 59 ошибочно указано, что эти переговоры в Пскове велись 17 — 18 октября 1919 г.

[1] Ю. В. Ключников и А. Сабанин — «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», часть 2-я, стр. 393.

[2] Там же, стр. 393, 394.

[3] «Петроградская правда», № 273 от 29 ноября 1919 г.

29 ноября НКИД сообщил состав делегации РСФСР (члены ВЦИКа: Л. Б. Красин, А. А. Иоффе, М. М. Литвинов и К. Б. Радек) и указал, что советская делегация достигнет пункта для перехода фронта только 3 декабря пополудни.

Наконец, 5 декабря в Юрьеве открылась советско-эстонская мирная конференция. На первых же заседаниях определились позиции обеих сторон. Делегация Советской России заявила, что непременным условием прекращения военных действий со стороны Красной армии является разрешение вопроса о судьбе остатков Северо-западной белогвардейской армии. Вопрос этот имел тогда первостепенное значение. Скрывшись на территории Эстонии, контр-революционные силы снова могли бы в любой момент напасть на Петроград и держать под угрозой весь северо-западный район Советской России. Представители Эстонии, соглашаясь на принятие мер, противодействующих замыслам белых русских генералов, со своей стороны требовали признания независимости Эстонии в определенных границах. Если вопрос о государственной независимости Эстонии, как и других, отделившихся от России в результате Октябрьской революции и гражданской войны, национальных областей и районов, не вызывал никаких возражений со стороны представителей советского государства, то вопрос о государственных границах Эстонии требовал не мало времени для достижения соглашения.

Исходя из военных соображений, эстонцы требовали проведения границы между Эстонией и РСФСР около Ямбурга и Пскова. Принятие советской делегацией этих требований ставило бы в дальнейшем под угрозу не только Псков и Ямбург, но и Петроград.

Заседания мирной конференции затянулись.

Эта затяжка имела и другую, более глубокую, причину. Во время переговоров эстонское правительство не переставало вести двойную игру. В этом отношении весьма интересным документом является нота правительства Эстонии от 16 декабря, посланная в ответ на ноту Верховного совета союзников от 4 декабря. Эстонское правительство, оправдывая свое поведение во время наступления генерала Юденича на Петроград, сообщало, что начатые им переговоры с Советской республикой не имеют целью заключение полного мира, но лишь — прекращение военных действий. Подчиняя разрешение остальных вопро-

сов указаниям великих капиталистических государств, эстонское правительство писало:

«Чтобы иметь возможность ясно установить свое отношение к остатку Северо-западной армии или решить, какое принимать участие в случае ее реорганизации, правительство Эстонии принуждено просить Верховный совет не отказать сообщить ему, согласен ли он признать независимость и автономию Эстонии. Определенное решение этого вопроса со стороны Верховного совета крайне необходимо правительству Эстонии в данный момент, чтобы определить свои отношения с правительством Советской России» [1].

Отсюда видно, какой политики придерживалось буржуазное эстонское правительство. Спекулируя на вопросах признания своей независимости, буржуазная Эстония кланялась то Советской России, то «великим» державам. Требуя скорейшего ответа от Верховного совета, Эстония сознательно затягивала мирные переговоры с советской делегацией. Однако, за это время Эстония лишний раз убедилась в том, что ни буржуазные могущественные государства, ни Колчак, ни Деникин не могут дать ей никаких гарантий сохранения полной государственной независимости. Чашка весов перетянула на советскую сторону.

В конце декабря переговоры закончились обоюдным соглашением. Советско-эстонская граница была проведена по середине пути между Нарвой и Ямбургом, по Чудскому и Псковскому озерам и по линии Изборских высот в районе Пскова. На этих условиях 31 декабря был подписан следующий договор о перемирии между РСФСР и Эстонской демократической республикой:

«Обе договаривающиеся стороны, движимые желанием возможно скорее прекратить кровопролитие и придя к соглашению по некоторым вопросам, имеющим особую важность для обеих сторон в интересах заключения прочного между ними мира, т. е. 1) по вопросу о независимости Эстонского государства, 2) по вопросу о взаимных границах, 3) по вопросу об условиях, гарантирующих обе договаривающиеся стороны в военном отношении, — условились о нижеследующем:

1. Прекратить военные действия на всем русско-эстонском фронте на семь суток, начиная с 3 января 1920 года до 10 января 1920 года. По истечении означенного срока обе договаривающиеся стороны оставляют за собой право отказа от приостановки военных действий в любой момент,

---

[1] В. Горн — «Гражданская война на северо-западе России», стр. 410.

но с предупреждением за 24 часа; пока такового отказа не последует, приостановка военных действий автоматически продолжается.

2. На время приостановки военных действий российские и эстонские войска остаются на ныне занимаемых ими линиях, при чем полоса между расположениями российских и эстонских войск считается нейтральной. Проникновение с той или другой стороны кого бы то ни было в нейтральную полосу, а равно всякие действия в этой полосе с обеих сторон воспрещаются.

3. С момента прекращения военных действий обе договаривающиеся стороны обязуются не производить перевозок войсковых частей в тылу и на фронте своего расположения с целью войсковых перегруппировок.

4. Боевые действия, а также разведка на море и в водах прекращаются.

5. Боевые действия воздушного флота прекращаются; производство воздушной разведки допускается не ближе 5 верст до линии своего расположения.

6. Во избежание несчастных случаев и недоразумений на фронте воспрещается производить учебные стрельбы пехоты ближе, чем в 5 верстах от линии расположения своих войск; воздушные силы и привязные аэростаты должны держаться вне воздушной зоны шириною в 10 верст от линии расположения своих войск.

7. В случае возникновения недоразумений при выполнении настоящего договора, для рассмотрения их учреждаются распоряжением соответствующего фронтового командования смешанные комиссии из 3 человек с каждой стороны; одна комиссия для участка от Финского залива до Гдова, а другая — для участка от Гдова до фольварка Кудепи. Местопребывание комиссий определяется по соглашению между соответствующими фронтовыми командованиями...

Настоящий договор составлен в двух экземплярах — один на русском, а другой — на эстонском языках, — при чем оба текста считаются аутентичными» [1].

Заключение перемирия ускорило процесс дальнейшего разложения армии русских белогвардейцев.

Продолжавшая борьбу часть Северо-западной армии к концу декабря 1919 г., после долгих переговоров, была пущена в Нарву, обезоружена и размещена в громадных бараках — «гробах», где начался для нее «последний и самый жуткий круг страданий». Вместе с солдатами были размещены и беженцы

---

[1] Проф. Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин — «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», часть 2-я, изд. Литиздата НКИД, М., 1926 г., стр. 424, 425.

Договор подписан уполномоченными: от РСФСР — А. А. Иоффе и И. Э. Гуковским; Эстонии — И. И. Поска, А. И. Пийп, Пюман, Сельяма и Соотс.

из Псковского, Гдовского и Ямбургского уездов. При большой скученности людей в бараках, почти с первых же дней начались тифозные заболевания. К 20 декабря все госпитали в Нарве были переполнены больными. Общее количество тифозных больных превышало 10.000 человек. Смерть вырывала заживо обреченных людей десятками и сотнями. Когда был отдан приказ очистить бараки и госпитали от трупов, то их наваливали на повозки в несколько ярусов, сверху покрывали сеном, вывозили за город и сбрасывали на так называемое «трупное поле». Были такие случаи, когда целые грузовики с трупами застревали в снегу и стояли по несколько дней.

Единственным спасением для живых был переход на сторону красных. Эстонскими властями производились регулярные записи всех лиц, желавших перейти в Советскую Россию. Вот, что говорят цифры принятых на Советскую территорию перебежчиков: за 12 января 1920 г. было принято 430 чел., 18 января — 840, 21 января — 175, 24 января — 600, 25 января — 900, 6 февраля — 200 человек [1]. За весь период, с 3 января и до момента подписания мирного договора с Эстонией в начале февраля 1920 г., на фронте 7-й армии было зарегистрировано 7.611 человек белых перебежчиков [2].

Претерпевать мучения и болезни выпало на долю рядовых солдат армии в то время, как их бывшие «вожди» — генералы сумели заблаговременно удрать из нарвского тифозного мешка и с удобствами расположиться в лучших ревельских гостиницах.

22 января 1920 г. Юденич издал приказ о полной ликвидации Северо-западной армии. Была сформирована специальная ликвидационная комиссия под председательством графа И. К. Палена, которая обязана была в короткий срок привести в исполнение приказ Юденича.

В связи с приказом о ликвидации всех штабов и учреждений Северо-западной армии, должны были поспешить со своей работой образованные в Нарве и Ревеле еще по приказу генерала П. В. Глазенапа от 30 ноября 1919 г. комиссии по ревизии всех тыловых учреждений армии. Нарвская комиссия, руково-

---

[1] «Петроградская правда», №№ 8, 12, 14, 16, 17 и 27 от 13, 17, 21, 24 и 25 января и 6 февраля 1920 г.

[2] «Революция и война», сборник 2-й, Смоленск, 1920 г., стр. 144.

димая генералом Ярославцевым, просуществовала недолго, так как из работ комиссии выяснилось, что центр тяжести в работе нужно перенести на тыловые штабные учреждения. На обязанности же ревельской комиссии лежало производство ревизий учреждений, подведомственных главному начальнику снабжения армии. Эта комиссия также не получила возможности довести до конца обследование и только следующей за ней ликвидационной комиссии, образованной согласно приказа от 22 января, кое-что, главным образом, в отношении снабжения армии, удалось сделать. По собранным этой комиссией материалам было выяснено, что в отношении снабжения Северо-западная армия была поставлена в исключительно тяжелые условия. Белые части были одеты во все свое, обмундирование их поизносилось, сапоги рвались, подошвы были подвязаны веревками, белья, мыла и прочего не было. Были отмечены случаи, когда при распределении обмундирования в одну воинскую часть посылалась партия брюк, в другую — партия френчей, местные же интенданты, ждали получения соответствующей пары обмундирования и до тех пор ничего не выдавали своим солдатам. Наряду с этим первые большие партии френчей, шинелей и сапог, полученные в Ревеле, шли исключительно на обмундирование многочисленных тыловых частей в Ревеле и Нарве. Нарва, как ближайший тыловой пункт, была насыщена белыми офицерами и чиновниками в английском обмундировании, а Ревель — толпами «блестящих, щегольски одетых, гвардейских офицеров, бывших кавалергардов, гусар и кирасир, заполняющих все гостиницы, рестораны и увеселительные места».

Начальник снабжения Северо-западной армии генерал Г. Д. Янов не проявлял особого интереса к тому, чтобы самому проверить порядок распределения обмундирования и вполне доверялся словесным заявлениям начальника этапно-хозяйственного отдела о том, что 75% всего обмундирования отправляется обычно на фронт, а 25% распределяется среди тыловых учреждений. Материалы ликвидиционной комиссии показали, что по ведомостям этапно-хозяйственного отдела в Нарве было получено: 28.800 шинелей, 39.124 френча, 39.055 брюк, 109.810 пар ботинок, 38.251 пара кальсон, 62.773 пары носков, и офицерского обмундирования: 960 пальто, 1.464 френча, 708 длинных брюк и 1.034 коротких. По предположениям генерала Янова бойцов в армии в начале октября 1919 г. было около

Жертвы белого террора в Гатчине (ноябрь 1919 года).

18.000 чел., однако, оказалось, что 50% людей осталось без обмундирования и даже без сапог. Подобная картина состояния армии, вскрытая после ее окончательного развала, заставила комиссию объяснить действия начальника снабжения «неправильным пониманием генералом Яновым своих прав и обязанностей, что вызвало бездействие власти с его стороны».

Снабжение продовольствием также не стояло на желаемой для белого дела высоте. Недостатки продуктов на фронте ощущались в то время, когда они имелись в запасе в тылу. Северо-западное правительство неоднократно обращалось к Юденичу с просьбой воздействовать на интендантское ведомство, но из этого ничего не выходило. Министерству продовольствия Северо-западного правительства интендантство представляло чудовищные данные о количестве необходимых для армии пайков. Когда бойцов армии насчитывалось не более 25.000, пайков выдавалось ежедневно свыше 75.000. Когда же необходимо было выяснить заготовки на ноябрь 1919 г., то на первом заседании группы заинтересованных лиц интендантство предъявило ведомость потребных продуктов для армии в 200.000 человек. На специальный запрос С. Г. Лианозова по этому поводу у Юденича, а последнего у генерала Янова, начальник снабжения донес, что «число ртов в армии по последним сведениям — около 100.000 человек, что армия за последние две недели увеличилась на 25%, кроме того — объявлена мобилизация в захваченных областях» [1].

Все эти сведения военного интендантства, как и самого начальника снабжения армии, были чрезвычайно дутыми и не соответствовали действительности. Некоторое пополнение Северо-западной армии во время ее успешного наступления на Петроград не увеличило, однако, боевой состав армии даже до 25.000 человек, но тыловые части этой армии, вообще, были велики.

Впоследствии, в марте 1920 г., на Ревельском съезде русских общественных деятелей, представителей остатков бывшей Северо-западной армии и части русских эмигрантов, была избрана еще одна так называемая ревизионно-контрольная комиссия, которая должна была проверить работу ликвидационной комиссии. Однако, никакого практического значения эта комис-

[1] Г. Кирдецов — «У ворот Петрограда», стр. 294 — 299.

сия не имела, доделать работу ликвидационной комиссии и найти «действительных» виновников поражения Северо-западной армии она не могла.

Один из членов ревизионно-контрольной комиссии Г. И. Гроссен писал:

«Вакханалия злоупотреблений, хищничества и третирования отчетности царила всюду, начиная с высших центральных управлений и штабов и кончая ротными штабами и мастерскими. Спекуляция расцвела пышным цветом. Игра шла на страданиях несчастной армии и в ней принимали участие все темные элементы, независимо от чинов и званий» [1].

Своим приказом от 22 января 1920 г. Юденич подтвердил только то, что уже было в действительности при отступлении его армий от Петрограда. Понадобилось слишком много времени для того, чтобы белый главнокомандующий понял, что попытка взять Петроград провалилась окончательно и для него безвозвратно. После этого исторического приказа начались неприятности и для его автора.

Генерал Юденич, вынужденный отказаться от мысли переправить свою армию на Южный фронт [2], решил уехать из Ревеля и обратился с соответствующим ходатайством к эстонскому правительству. Но эстонское правительство отказало в выдаче разрешения на его выезд, заставляя этим самым Юденича быть свидетелем дальнейшей судьбы белой армии. Намерение Юденича вскоре стало достоянием гласности и привлекло к себе большое внимание со стороны некоторых групп русской белогвардейщины. Особенно их привлекал вопрос о денежных суммах, которыми бесконтрольно распоряжался Юденич. Денежная касса находилась все время в руках Юденича и к ней не имел доступа ни один из министров Северо-западного правительства, не исключая и государственного контролера. Такое единоличное распоряжение финансами со стороны главнокомандующего армией формально было обосновано соответствующей позицией в этом вопросе адмирала Колчака, который, посылая деньги, считал необходимым специально оговаривать, что эти денежные переводы отправляются исключительно в адрес Юденича.

---

[1] «Историк и современник», том 5-й, стр. 161.

[2] Стоимость перевоза армии была определена в 800.000 фунтов стерлингов.

Такое положение дела, естественно, предрасполагало многих офицеров и белых министров к недоверию к Юденичу и рождало подозрение его во всяких финансовых комбинациях, совершенно не оправдываемых интересами дела. На заседании Северо-западного правительства от 4 декабря 1919 г. Юденич сделал сообщение, из которого следовало, что ко дню ликвидации правительства было израсходовано Юденичем около 400.000 фунтов стерлингов и 250.000 фунтов оставалось на ликвидацию армий; об остальных же 200.000 фунтов стерлингов у правительства сложилось мнение, что они пошли «неизвестно куда» [1].

Подозрение в растрате Юденичем денег, предназначенных для белого дела, еще больше усилилось тогда, когда стало известно желание его покинуть территорию Эстонии. Это и побудило группу лиц, возглавляемых С. Н. Булак-Балаховичем [2], при

[1] Общая сумма ассигнований на все нужды Северо-западной армии составляла ежемесячно от 30 до 35 миллионов рублей. Из этой суммы 28 миллионов с лишним шло на жалованье; нормы «заработной платы» в белой армии были таковы: рядовой — 150 р.; ефрейтор — 175; младший унтер-офицер — 200; старший унтер-офицер — 250; фельдфебель — 300; прапорщик — 500; офицер — 600; командующий корпусом — 1.900. Суточные офицеру выплачивались в размере 16 р., солдату — 6 р. Кроме этого, офицерам и чиновникам выдавались пособия: 200 р. на жену и по 100 р. на каждого ребенка до 16 лет.

За время существования армии до конца ноября 1919 г. в обращение было выпущено 125 миллионов «своих» кредитных рублей, которые изготовлялись в Стокгольме под обеспечение части присланной Юденичу Колчаком суммы. На кредитках достоинством в 500- и 1.000 р., между прочим, были изображены две какие-то фигуры, одни их считали древнегреческими богами Гермесом и Герой, другие находили сходство в этих фигурах с последним русским императором Николаем и Александрой Романовыми. Государственный контролер Северо-западного правительства В. Л. Горн по этому поводу пишет: «пятиться было некуда, армия испытывала вопиющую финансовую нужду и потому правительство не стало особенно ломать голову над этими портретами. «Цари», а, может, «боги», скоро расплылись по разным полкам и канцеляриям».

После краха всей авантюры русской контр-революции под Петроградом, главная масса заготовленных в Стокгольме кредиток, на общую сумму около одного миллиарда рублей, прямо из главного казначейства была отправлена для переварки на ревельскую писчебумажную фабрику Иогансена (В. Горн — «Гражданская война на северо-западе России», стр. 219 — 221; Г. Кирдецов — «У ворот Петрограда», стр. 149).

[2] В 20-х числах января 1920 г. Булак-Балахович на страницах местной русской газеты «Верный путь» обратился с просьбой к главнокомандующему Эстонской армией, чтобы ему разрешили собрать своих добровольцев и снабдили их всем необходимым.

неофициальном одобрении со стороны эстонских властей, принять срочные практические меры к тому, чтобы заставить Юденича отдать имевшиеся у него денежные суммы. Сочувствие этому начинанию со стороны эстонцев вызывалось, по всей видимости, желанием доставить неприятность бывшему главнокомандующему русской белой армией, который шел с лозунгами «единой, великой России».

В ночь на 28 января 1919 г. в ревельскую гостиницу «Коммерс», в которой проживал генерал Юденич явилась группа лиц с Булак-Балаховичем во главе с целью арестовать Юденича. Вышедший навстречу генерал П. В. Глазенап заявил, что он и находившиеся в гостинице офицеры будут отстреливаться и не допустят ареста Юденича. После этого заявления Булак-Балахович удалился, но около 3 часов ночи снова пришло несколько человек с бывшим прокурором Северо-западной армии, которые войдя беспрепятственно в номер Юденича, предложили ему одеться и следовать за ними. Юденич был препровожден на вокзал, помещен в вагон и в составе товарного поезда отправлен в направлении на станцию Тапс. Эстонское радио от 29 января, передавая об этом случае, сообщало, что поводом к аресту Юденича послужило желание его бежать за границу с остатками денежных сумм, предназначенных для армии, что он уже успел перевести большие суммы в Англию и что остальных русских генералов ожидает такая же участь. Между прочим, при аресте Юденича присутствовали 3 эстонских полицейских чина. Через короткий срок, когда большой интерес к аресту Юденича проявили англичане и затребовали от Эстонии немедленного его освобождения, представители эстонского правительства поспешили опубликовать в своей прессе, что Эстония ни в какой степени не повинна в происшедшем и что виновные понесут соответствующее наказание. Однако, на деле никто к ответственности привлечен не был, а относительно главного и явного виновника ареста Юденича — Булак-Балаховича было сообщено, что он «скрылся», хотя последний и не думал оставлять территорию Эстонии. Поезд, в котором везли Юденича был остановлен на станции Тапс и отправлен обратно в Ревель [1]. Юденич, проживший несколько дней в помещении

---

[1] «Петроградская правда», №№ 22, 23, 24 и от 31 января, 1 и 2 февраля 1920 г.; Г. Кирдецов — «У ворот Петрограда», стр. 268, 269.

английской военной миссии в Ревеле, сдал имевшиеся у него наличные деньги и ордера и уехал за границу.

Весь январь 1920 г. прошел в переговорах о заключении мира между Эстонией и Советской Россией. Эстонское буржуазное правительство, вынужденное ходом событий вступить первым из других буржуазных государств в мирные переговоры с РСФСР, предъявляло чрезвычайно большие требования экономического характера. Путем этих требований эстонцы имели в виду затянуть мирные переговоры и выждать изъявления согласия на этот шаг своих капиталистических хозяев. Но поведение последних, в лице Англии в особенности, в значительной степени способствовало успехам советской дипломатии.

Поражение русской контр-революции на всех фронтах Советской России заставило английское правительство, поддерживавшее в течение долгого времени эти русские контр-революционные очаги, пересмотреть свое отношение к РСФСР. Уже 8 ноября на приеме у лорда-мэра и 13 ноября в палате общин глава английского правительства Д. Ллойд-Джордж высказал мысль, что поддержка антибольшевистских армий требует больших расходов от английской казны, положение которой и без того затруднительно, и что Англии пора вступить в торговые сношения с большевиками. Другое течение в английском правительстве возглавлялось попрежнему военной партией с В. Черчиллем во главе. Однако, позиция Ллойд-Джорджа встретила сочувствие со стороны части финансистов, заинтересованных в скорейшем установлении торговых связей с Россией и со стороны рабочей партии.

В связи с этим в лагере восточной контр-революции в очередных военно-политических обзорах писалось:

«Военные успехи большевиков в ноябре снова обостряют вопрос об отношении великих держав к большевизму. Большевизм в России грозит приобрести значение крупной военно-политической силы, которая нарушает мир и затрудняет проведение в жизнь постановлений мирной конференции. Смута, вносимая этой силой в социальную и политическую жизнь всего мира, угрожает новыми осложнениями и нарушением того равновесия, которое пытается установить мирная конференция» [1].

---

[1] «Последние дни колчаковщины», сборник документов Центрархива, Гос. изд., 1926 г., стр. 117, сводка военно-политических сведений об отношении союзников к русскому вопросу к 7 декабря 1919 г., составленная генерал-

Выступления Ллойд-Джорджа породили большую тревогу в лагере империалистов. 8 ноября, после первого выступления Ллойд-Джорджа, французское правительство в лице своего представителя сообщило «военному представителю верховного правителя при союзных правительствах и командовании» — генералу Д. Г. Щербачеву о том, что оно категорически осуждает высказанное Ллойд-Джорджем «предположение». Одновременно с этим парламентские деятели поручили президенту Французской республики Р. Пуанкаре, уезжавшему вечером 8 ноября в Лондон, решительно противиться каким бы то ни было попыткам сближения или компромисса с большевиками. Аналогичные инструкции были даны, в свою очередь, и со стороны Ж. Клемансо сопровождавшему Р. Пуанкаре Пишону.

В результате этих поездок, в Лондоне состоялось совещание заинтересованных держав, на котором было вынесено решение, что ни одно союзное правительство не приступит к переговорам с Советской Россией до тех пор, пока не будут достигнуты три основных условия: 1) уничтожение Советов, 2) роспуск Красной армии и 3) созыв совещания земских организаций и созыв Учредительного собрания [1].

квартирмейстером при верховном главнокомандующем адмирале Колчаке, генерального штаба генерал-майором М. И. Занкевичем.

В этой сводке указывалось также и на то, что постановления мирной конференции находятся под угрозой непринятия их представительными учреждениями некоторых держав, участниц конференции.

[1] «Красный архив», № 2 (21) за 1927 г., Гос. изд., М.-Л., стр. 220 — 223, — письмо генерала Д. Г. Щербачева генералу А. И. Деникину от 15 ноября 1919 г.

Характерно, что генерал Щербачев в этом своем письме анализировал внутреннее состояние Франции, которая держалась такой непримиримой позиции в отношении Советской России. Он писал, что Франция находится в самом остром периоде предвыборной агитации. «Выборы вызывают живой интерес только среди масс, примыкающих к двум политическим флангам. Средние классы как бы охладели к прелестям парламентского режима, превращенного французскими политиканами, с одной стороны — в игру личных интересов, с другой — в источник благосостояния народных избранников», что «шансы большевиков ограничиваются только Парижем, который несомненно даст большевистское большинство и несколькими фабричными центрами. Вся же провинция даст антибольшевиков, так что в результате, по уверению авторитетов, в палате будет большее преобладание партии порядка». Дальше Щербачев писал, что несмотря на старания правительства оказывать давление в пользу центра и правых партий и отводить кандидатов «большевистского толка», как, например,

На основании сведений о результатах этого совещания генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандующем генерал-майор М. И. Занкевич считал весьма вероятным, что «под влиянием военных успехов большевиков великие державы выработают в ближайшем будущем общий план борьбы с этим мировым злом» [1].

Однако, лондонское совещание было выражением политики французского империализма в отношении России и проходило только при формальном участии представителей английского правительства.

Позиция Ллойд-Джорджа принимала практическое направление в том отношении, что уже с 25 ноября 1919 г. в Копенгагене начались переговоры между британским делегатом О'Греди и М. М. Литвиновым по вопросу об обмене пленными. 11 января 1920 г. эти переговоры закончились тем, что британское правительство разрешило отправить в Советскую Россию пароходы с закупленными М. М. Литвиновым медикаментами, продовольствием и огородными семенами [2].

Одновременно Советскому правительству удалось подписать аналогичное соглашение 18 декабря 1919 г. с Данией (и только 20 апреля 1920 г. с Францией). Вслед за Ллойд-Джорджем последовала и Италия. 16 декабря 1919 г. итальянский парламент вынес постановление с требованием к итальянскому правительству добиться от Союзного совета снятия блокады, прекращения военной интервенции и восстановления сношений со всеми существующими в России правительствами, не исключая и Советского.

8 января 1920 г. Д. Ллойд-Джордж, Ж. Клемансо и Ф. Нитти съехались в Париж на заседание, так называемой, 2-й Парижской

известного капитана Жана Садуля, выставленного по 4-му парижскому округу, преданного правительством военно-полевому суду и приговоренного к смертной казни, — «не исключена возможность частичных успехов элементов, близких по духу русским большевикам».

[1] «Последние дни колчаковщины», Гос. изд., 1926 г., стр. 122.

[2] «10 лет Советской дипломатии», изд. Литиздата НКИД, 1927 г., стр. 59. История этих переговоров была такова: 13 февраля 1919 г. правительство РСФСР обратилось к Англии с просьбой разрешить въезд в пределы Англии советской комиссии для принятия подготовительных мер по обмену пленными; 16 июля 1919 г. Британское правительство выразило готовность вступить в переговоры о взаимном обмене военнопленных и только 25 ноября эти переговоры фактически начались.

конференции. На этой конференции, в связи с получением ряда новостей из России, главным образом, о победах Красной армии был поставлен всерьез вопрос об изменении политики европейских государств по отношению к РСФСР. Клемансо продолжал защищать свою политику «барьера из колючей проволоки вокруг России». Эта политика получила свое выражение 16 января 1920 г. в признании де-факто независимости Азербайджана, Грузии и Армении. В Англии же попрежнему продолжалась борьба между Ллойд-Джорджем и Черчиллем, в результате которой победу одержал первый. Под влиянием Ллойд-Джорджа Верховным советом 17 января 1920 г. уже было принято сделанное год назад предложение русского кооператора А. М. Беркенгейма—войти в торговые сношения не прямо с Советской властью, а с населением России через кооперацию. Это решение Верховного совета было прикрыто, как пишет П. Н. Милюков, мантией филантропии [1].

По поводу решения Верховного совета агентство Стефани в тот же день, 17 января 1920 г., по радио сообщало из Лондона в Рим:

«Верховный союзный совет, с целью восстановления внутреннего положения России, разрешил товарообмен между русским населением и союзными и нейтральными странами на основе взаимности и постановил облегчить ввоз в Россию одежды, медикаментов, сельско-хозяйственных машин и прочих продуктов, в которых Россия нуждается, в обмен на хлебные злаки и лен, которыми Россия обладает в избытке. Это постановление ни коем случае не означает изменения политики союзников по отношению к Советской России» [2].

Одновременно английская газета «Дэйли Хроникль» писала:

«Неудачи белых в России освобождают нас от священной обязанности поддерживать их. Самое лучшее теперь заключить с Россией мир, утвердить самостоятельность окраинных государств, отчего зависит строительство новой Европы» [3].

С таким решительным изменением курса внешней политики Англии не переставала бороться английская военная партия. На второй же день после принятия решения Верховным советом о снятии блокады, «неожиданно» приехал в Париж, в со-

[1] П. Милюков — «Россия на переломе», том I, Париж, 1927 г., стр. 282 — 284.

[2] «Петроградская правда», № 13 от 18 января 1920 г.

[3] АЛОИ, связка № 18, бюллетени агентурно-информационного отдела РВС 7-й армии.

провождении военных и морских экспертов, В. Черчилль. Цель его приезда иллюстрировалась официальной публикацией военного министерства в виде особой карты, показывавшей приближение Красной армии к границам Персии, Индии и Китая. Эта наглядная агитация имела в виду повлиять на умы и чувства руководителей внешней политики Англии и Франции. На почве черчиллевской агитации передавались различные слухи о том, что Англия посылает на Кавказ 200.000 своих войск, и о том, что английский флот уже вышел из Мальты в Черное море [1].

Но, несмотря на сопротивление своей военной партии и разногласия с Францией, новый официальный курс внешней политики Верховного совета был все же результатом победы возглавляемых Ллойд-Джорджем капиталистических группировок Англии и других европейских государств. Победа последних знаменовала собой применение западно-европейской буржуазии к новым условиям борьбы с Советской Россией и являлась прямым следствием героических побед Красной армии на всех внутренних фронтах Советской республики [2]. Гибель русской отечественной контр-революции принесла за собой поражение интервенционистской политики западно-европейских государств, поддерживавших белое движение в России.

Широкая информация о снятии блокады с Советской России не могла не повлиять на установление дальнейших (после пере-

---

[1] П. Милюков — «Россия на переломе», т. 1-й, стр. 284.

[2] Характерно, что до наступления окончательного перелома на фронтах Советской России, Верховный совет союзных и объединенных держав в первой половине октября 1919 года послал ноту на имя правительств нейтральных государств и Германии о необходимости участия их в усилении блокады Советской России. В ноте говорилось, что «явно выраженная вражда большевиков по отношению ко всем правительствам и распространяемая ими заграницей интернационалистская программа революции представляют собою опасность для национального существования решительно всех держав». На основании этого, союзные и объединенные правительства просили шведское, норвежское, датское, голландское, финляндское, испанское, швейцарское, мексиканское, чилийское, аргентинское, колумбийское и венецуэльское правительства принять участие в блокаде РСФСР. Такая же нота была послана и Германии, но последняя, однако, отказалась принять участие в блокаде, мотивируя это тем, что принудительные меры союзников лишь помогут реакции и тем самым создадут благоприятную почву для роста большевизма (Ю. Б. Ключников и А. Сабанин — «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», часть 2-я, стр. 397, 398).

мирия) взаимоотношений РСФСР с Эстонией. После длительных переговоров между РСФСР и Эстонией 2 февраля 1920 года был подписан, наконец, в г. Юрьеве мирный договор, основные пункты которого заключались в следующем:

«Статья 1-я.

Со дня вступления в силу настоящего мирного договора состояние войны между договаривающимися сторонами прекращается.

Статья 2-я.

Исходя из провозглашенного Российской социалистической федеративной советской республикой права всех народов на свободное самоопределение вплоть до полного отделения от государства, в состав которого они входят, Россия признает безоговорочно независимость и самостоятельность эстонского государства и отказывается добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав, кои принадлежали России.

Статья 7-я.

Обе договаривающиеся стороны обязуются:

1. Воспретить пребывание на своей территории каких-либо войск, кроме войск правительственных или войск дружественных государств, с которыми одной из договаривающихся сторон заключена конвенция, но которые не находятся в фактическом состоянии войны с другой из договаривающихся сторон, а равно запретить в пределах своей территории вербовку и мобилизацию личного состава в ряды армии таковых государств, а также организаций и групп, ставящих своей целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной.

... 4) а) Воспретить государствам, находящимся в фактическом состоянии войны с другой стороной, и организациям и группам, ставящим своей целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, перевозку через свои порты и по своей территории всего того, что может быть использовано для нападения на другую договаривающуюся сторону.

б) За исключением случаев, предусмотренных международным правом, воспретить пропуск и плавание в своих территориальных водах каких-либо военных судов, канонерок, миноносцев, и т. д., принадлежащих или организациям и группам, ставящим своей целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, или же государством, находящимся с другой договаривающейся стороной в состоянии войны, и имеющих своей целью нападение на другую договаривающуюся сторону» [1].

Кроме этого, согласно договора Советское правительство получило торговый транзит через Эстонию в Россию и из России. Таким образом, была пробита первая брешь, не только экономическая, но и политическая, что знаменовало фактический выход Советской России из кольца блокады.

---

[1] «10 лет Советской дипломатии», изд. Литиздата НКИД, 1927 г. стр. 74.

Со своей стороны, Советское правительство, стремившееся к миру и желавшее сохранить сотни тысяч человеческих жизней, согласилось уплатить Эстонии 15 миллионов рублей золотом и предоставить концессии на 1 миллион десятин леса [1]. Хотя это было немного дорогой ценой мира, но Советское правительство, учитывая, что Эстония первая вступила на путь мирных взаимоотношений с Советской республикой, сочло нужным пойти на эти сравнительно значительные, но вполне оправдываемые обстоятельствами, уступки.

Заключение мира с Эстонией было встречено всеми трудящимися Советской России и всего мира, как величайшая победа красного оружия и советской дипломатии.

В. И. Ленин, по поводу заключения мира с Эстонией, в своей речи на первой сессии ВЦИК 7-го созыва, 2 февраля 1920 г. говорил:

«Мир с Эстонией вчера подписан. Это значит, что мы оказались сильнее всего мира хищников, и в непосредственной борьбе с контрреволюцией, поддержанной империалистами всего мира, и на пути к миру, против которого выступал опять-таки весь капиталистический мир. Это чудо могло случиться только потому, что фактически, на деле, большинство населения всего мира оказалось на нашей стороне. Мы победили Деникина, Колчака и Юденича не потому, что у нас было лучшее оружие, а потому, что у враждебных нам сил не оказалось рук, которые готовы были бы направить это совершенное оружие капиталистического мира против нас» [2].

На конференции железнодорожников московского узла, происходившей 5 февраля 1920 г., В. И. Ленин дал следующую общую оценку мирному договору с Эстонией:

«Мир с Эстляндией — это окно, пробитое русскими рабочими в Западную Европу, это неслыханная победа над всемирным империализмом, знаменующая собою перелом в русской пролетарской революции в сторону сосредоточения всех сил на внутреннем строительстве страны» [3].

В Эстонии различные партии не одинаково оценивали окончательное оформление взаимоотношений с Советской Россией. Из отзывов эстонской прессы различных направлений наибольший

---

[1] И. Майский — «Внешняя политика РСФСР. 1917 — 1922», изд. «Красная новь», М., 1922 г., стр. 80.

[2] В. И. Ленин, сочинения, том XXV, изд. 2-е, Гос. изд., 1928 г., стр. 21, 23.

[3] Там же, стр. 23.

интерес представляет мнение прогрессивной и социал-демократической партий.

В органе прогрессивной партии Эстонии — «Пяйвалехт» — в передовой статье, озаглавленной «Холодный мир», писалось:

«Мы имеем дело не с обыкновенным противником, не было у нас и обыкновенной войны, мы не следовали общепринятым обычаям ведения войны—поэтому нет основания полагать, что нам придется иметь дело с тем, что обычно понимается под словом мир. Врагу не удалось сломить нас оружием, он будет пытаться сделать это «мирным путем».

Орган социал-демократической партии «Социал-демократ» в своей статье «Да здравствует мир» считал необходимым особенно подчеркнуть то обстоятельство, что единственной высшей властью в Советской России является Всероссийский центральный исполнительный комитет, желание которого есть желание всего русского народа и государства и, если советское правительство признать не правомочным в отношении его действий от имени русского народа, то и «у бывшего самодержавия было еще меньше права». Дальше газета писала, что Юрьевский мирный договор создаст прочные отношения между Россией и Эстонией, что освободившиеся от войны силы приступят к государственной работе, что мир как для Эстонии, так и для России будет «счастием и благословением». В конце статьи газета выражала надежду, что скоро и другие народы пойдут по стопам Эстонии [1].

5 февраля на 1-й сессии ВЦИКа по докладу народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина мирный договор с Эстонией был утвержден, а 13 февраля последовало утверждение договора и со стороны Учредительного собрания Эстонской народной республики.

Заключение мира нанесло последний удар по остаткам бывшей Северо-западной армии, расположенной в нарвских бараках.

К концу февраля 1920 г. состоялось полное расформирование армии, и она была обращена в беженскую массу, насчитывавшую в своих рядах около 13.000 больных и выздоравливающих. 2 марта 1920 г. Эстонское Учредительное собрание приняло закон о 2-месячных обязательных лесных работах для всех мужчин от 18 до 50 лет, не занимающихся никаким постоянным трудом. Общее количество мобилизуемых на лесные

[1] АЛОИ, связка № 18, бюллетень агентурно-информационного отдела РВС 7-й армии, № 94 от 15 февраля 1920 г.

работы определялось в 15.000 человек. Так как на территории Эстонии беженцев и солдат бывш. Северо-западной армии насчитывалось около 15.000 человек и все они не имели постоянной работы, то закон от 2 марта касался непосредственно их. Вся масса русских белогвардейцев была отдана в руки предприимчивых эстонских и русских подрядчиков. Отсутствие законов, определявших нормы заработной платы, условия труда и его охрану, давали полную возможность эксплоатировать эту массовую рабочую силу. Бывшие командиры Сев.-зап. армии, как полковник Стрекопытов [1], генерал Ветренко и др., не замедлили переменить военную работу на роль хищных подрядчиков, эксплоататоров. Они быстро приступили к организации своих «трудовых артелей», где условия работы и оплаты труда ничем не отличались от таких же условий целого ряда других артелей. Часть среднего офицерства взяла на себя обязанность надсмотрщиков — погонщиков белых рабов.

Все мобилизованные на лесные работы разбивались на партии и прикреплялись к определенным лицам — подрядчикам, причем никаких удостоверений личности мобилизованные не получали, вследствие чего лишились права свободного передвижения из одного района в другой и даже перехода из одной артели в другую. Были случаи, когда такие перебежчики возвращались обратно к своему подрядчику принудительным порядком, а те из местных эстонских жителей, которые решались приютить их у себя или нанять для работы, подвергались штрафу. Так как никаких письменных договоров между рабочими и подрядчиками не существовало, то рабочие были поставлены в такие условия, что жаловаться было некому. Заработная плата устанавливалась в зависимости от количества выполненной работы. При условии, что большинство из мобилизованных было физически слабым после перенесенных болезней, норма суточной выработки редко достигалась, а отсюда и заработок сводился к нулю. Что касается артелей из чиновников и офицеров, неприспособленных к физической работе, то их положение было гораздо хуже. Так, например, одна такая артель в 69 человек в течение 3 недель заготовила всего 57 кубов дров, что давало каждому из рабочих артелей по 10 эстонских марок в день, а питание одного человека тогда доходило до 50 марок на день.

[1] Стрекопытов — герой контр-революционного восстания в Гомеле в марте 1919 г. — так называемой стрекопытовщины.

Мобилизованные жили впроголодь, одежда их быстро изнашивалась. Размещение рабочих и санитарные условия были отвратительными. В бараках была ужасная грязь, масса насекомых-паразитов, холод, сырость. Баня была редкостью, стирка белья и мыло — мечтою.

15 апреля 1920 г. распоряжением графа И. К. Палена была закрыта навсегда работавшая под его председательством ликвидационная комиссия.

Удовлетворив по силе возможности все иски, которые были предъявлены Северо-западной армии, как со стороны бывших служащих, так и посторонних лиц, имевших отношение к поставкам продовольствия и пр., комиссия Палена прекратила свое существование.

Вся подлинная отчетность штабов и учреждений бывшей Северо-западной армии генерала Юденича была сдана представителям военной миссии в Прибалтике той «великой» империалистической державы, при помощи которой генерал Юденич пытался взять Петроград — Англии [1].

Ллойд-Джордж, Черчилль и другие лидеры английской буржуазии получили возможность писать свои воспоминания, а, может быть, и... «право» предъявить Советской республике точно обоснованные счета для уплаты Англии всех ее расходов, вызванных с ее стороны желанием подавить очаг мировой пролетарской революции — Российскую социалистическую федеративную советскую республику.

Бывшая Северо-западная армия из некогда стройных колонн, ласкавших взоры всей контр-революционной своры, окружавшей Республику Труда со всех сторон, к апрелю 1920 года превратилась в полуголодных, раздетых, одичалых людей.

Наиболее «работоспособными» в деле ведения дальнейшей борьбы с Советской Россией оказались только офицеры из бывшей Северо-западной армии. П. В. Глазенап, Б. С. Пермыкин, С. Н. Булак-Балахович, Стрекопытов и другие в скором времени переправились на территорию, занятую польскими войсками и принимали там активнейшее участие совместно с Б. В. Савинковым в борьбе против РСФСР [2].

---

[1] «Историк и современник», вып. 5-й, 1924 г., статья Г. И. Гроссена — «Агония Северо-западной армии».

[2] «Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР», полный отчет по стенограмме суда, стр. 100, 103.

В Эстонии же осело около 1/3 бывшей Северо-западной армии, остальное русское эмигрантское население состояло из средней обывательской массы, среднего чиновничества, офицерства, мещанства, мелкого купечества. Все эти лица не имели особых связей в Европе, не располагали денежными суммами и не владели иностранными языками.

Русский эмигрантский комитет в Эстонии, получавший средства из различных источников (Российско-британское общество в Лондоне, Американский красный крест, датский, шведский и французский сенаты, Американская администрация помощи, Главный комитет помощи беженцам в Лондоне, Земский союз, несколько частных лиц), пытался облегчить жизнь эмигрантов в Эстонии. Помощь комитета в течении всего 1920 г. выразилась в том, что при общем бюджете комитета около 4 миллионов эстонских марок, денежных пособий нуждающимся было выдано на сумму 389.885 эстонских марок. На содержание же самого комитета и его отделений за 1920 год было израсходовано 1.262.000 эстонских марок. Другой вид помощи заключался в попытках комитета улучшить правовое положение эмигрантов и предоставить им работу. Об этой стороне деятельности комитета в 1920 г. свидетельствуют следующие данные: из всего количества 1.205 человек, нуждавшихся в работе, только 438 человек получили ее; из 2.538 поддержанных комитетом ходатайств на право жительства русских эмигрантов в Эстонии — эстонскими властями было удовлетворено только 150 заявлений.

Деятельность комитета не могла улучшить положение эмигрантов. Эти комитеты существовали только для того, чтобы создать «декорум общественной благотворительности и правовой защиты, а также для того, чтобы дать возможность безбедно существовать немногочисленным лицам, близко к ним стоящим и руководящим их деятельностью» [1].

Со стороны эстонских властей принимались все меры к тому, чтобы поскорее обезличить русских эмигрантов. Так, например, русские адвокаты были лишены права практики в Эстонии, русские врачи принуждались вновь сдавать государственные экзамены при местных эстонских университетах для получения права на врачебную практику, в Ревеле было запрещено вклю-

---

[1] Вадим Белов — «Белое похмелье» (Русская эмиграция на распутьи), Гос. изд., М. — П., 1923 г., стр. 71 — 73.

чать в программы концертов и кабаре более 50% номеров, исполняемых русскими артистами — эмигрантами [1].

Вскоре эстонские власти приступили к систематической выкачке денег от русской белой эмиграции, при чем эта работа велась и в принудительном и в добровольном порядке.

Первый способ заключался в том, что русские эмигранты обязаны были покупать себе паспорта на жительство на 6 месячный срок за уплату каждый раз 520 эстонских марок, в то время, как эстонцы получали постоянные паспорта и при том — бесплатно. Неуплата в срок этой суммы влекла за собой или штраф до 3.000 марок с принудительным его взысканием, или высылку из Эстонии. Впоследствии эстонское министерство внутренних дел обязало платить не только главу семейства, но и всех членов семьи.

Второй способ выкачки денег, прикрытый добровольным волеизъявлением самих русских эмигрантов, состоял в том, что, учитывая желание многих беженцев перейти в эстонское подданство, эстонское правительство объявило, что в таких случаях каждое ходатайствующее лицо обязано одновременно с подачей заявления вносить 2.000 эстонских марок, которые не подлежали возврату, даже в случае отклонения ходатайства.

По этому поводу одно из лиц, осведомленных в то время с бытом русской эмиграции в Эстонии, писало:

«В эту, явно наспо расставленную, мышеловку налезло множество русских мышей. В подданство эстонской республики попало, правда, всего десятка два, но по 2.000 марок внесли все...

Был даже случай, когда с эмигранта, уловчившегося подать прошение, внеся «в рассрочку» всего 1.000 марок, требовали через полицию, вторую тысячу, хотя в ходатайстве ему уже было отказано» [2].

Таков был естественный и исторически-неизбежный конец всей российской отечественной контр-революции и в том числе северо-западной.

---

[1] Вадим Белов — «Белое похмелье», стр. 62.

[2] «Петроградская правда», № 53 от 7 марта 1922 г., статья П. Лаврова — «Письма из Эстонии».

На 1 января 1922 г. в Эстонии русских эмигрантов насчитывалось около 14.000 чел., в то время как к 1 марта 1921 г. их было 20.000 человек из общей массы всей белой русской эмиграции заграницей в 1.027.000 человек. В Финляндии к 1 марта 1921 г. было 25.000 эмигрантов, в Латвии — 15.000 (Вадим Белов — «Белое похмелье», стр. 44 — 46).

ГЛАВА 16.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ РУССКОЙ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ. — ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ, АНТАНТОЙ И ГЕРМАНИЕЙ, ЮДЕНИЧЕМ И ПРИБАЛТИКОЙ. — ХАРАКТЕР ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ.

Катастрофа, столь быстро постигнувшая Северо-западную русскую контр-революцию, заставила ее идеологов и военных вождей заняться анализом тех причин, которые были в основе ее поражения.

Белые генералы, руководившие походом на Петроград, основную причину своего поражения пытались найти исключительно в области военной деятельности. Основные вопросы, определившие в конечном счете исход военных кампаний и операций, оставались, конечно, вне сферы их умственного кругозора. Выходцы из определенной классовой среды и представители буржуазно-помещичьих интересов — они не могли подняться выше своих военно-кастовых, профессиональных вожделений. Продолжая оставаться военной кастой, противостоящей широким пластам трудящихся, военные руководители русской контр-революции были глухи и слепы ко всяким завоеваниям революционной мысли.

История развития русского капитализма предопределила удельный вес русской буржуазии. Зависимость последней от англо-французского капитала принимала определенные и вполне законченные формы, — она сказалась на ходе мировой империалистической войны, она вошла в историю 1917 года, она отразилась и на всей дальнейшей деятельности отечественной контр-революции. Помощь крупных империалистических государств привела к тому, что против Советской республики выступила контр-революция в масштабе международном. Техника империали-

стических государств была призвана оказать реальную поддержку русской белогвардейщине. Требовалось только искусство военных руководителей, чтобы эту помощь использовать наиболее целесообразно. В истории Северо-западной контр-революции, как и на других фронтах, однако, имели место промахи чисто оперативного характера, но они не сыграли и не могли сыграть решающую роль.

На всем белом движении в России лежала глубокая печать военно-политического авантюризма. Белому делу необходима была военная сила, при помощи которой можно было бы попытаться нанести сокрушающий удар по Советской республике. От умелого, искусного руководства этой силой контр-революция ожидала крупных успехов на фронте, но, в силу целого ряда основных причин, эти ее успехи могли носить временный и скоропроходящий характер. В различные периоды гражданской войны в России военные успехи белых армий вызывали на другой борющейся стороне консолидацию всех сил и средств и требовали, со своей стороны, искусного военного руководства.

На непрочной базе, на заранее исторически обреченной на неуспех попытке русской контр-революции задушить Советскую республику могли быть крупные временные военные успехи белых. Но они только отодвигали момент окончательной гибели белого стана, делая более продолжительной его политическую жизнь. Военные успехи белых армий вызывали усиленное действие на большом пространстве центробежных сил, разлагающих мощь всего белого организма изнутри. Красная армия была призвана противодействовать успехам противника, приостанавливать его дальнейшее поступательное движение и затем наносить ему ряд чувствительных ударов, разбивая до конца внешний закостенелый военный покров контр-революции. Красная армия в этом процессе сыграла почетную роль.

Прежде всего, необходимо констатировать вынужденный характер активных действий Северо-западной армии осенью 1919 г. Общая военно-политическая обстановка, складывавшаяся в то время на всех фронтах Советской России, а также на северо-западе ее, толкала контр-революцию к новому выступлению.

Только в боевой активности Северо-западной армии лежал временный выход для руководителей белого движения. Огнем

и железом, в потоках крови, в походном марше, во временном упоении частичными победами пыталась гальванизировать свой труп контр-революция.

В категорической необходимости вести неослабную энергичную борьбу сказалась вся суть русского белого движения А. И. Деникин, готовясь к походу на Москву, также исходи из аналогичных соображений. Он писал:

«В подъеме, вызванном победами, в маневре и в инерции поступательного движения была наша сила. Истощенный многими мобилизациями Северный Кавказ уже не мог питать надлежаще армию, и только новые районы, новый прилив живой силы могли спасти ее организм от увядания...

Только при таком условии мы имели возможность продолжать борьбу. Иначе мы были бы задушены огромным превосходством сил противника [Красной армии], обладавшего неисчерпаемыми человеческими ресурсами» [1].

В наступлении южной контр-революции Деникин пытался найти средство продления жизни белогвардейского очага. Он видел в боевой активности своей армии только одни положительные стороны и считал, что, расширяя фронт на сотни километров, он становится не слабее, а сильнее. Ближайшая действительность в одной части оправдала планы Деникина, его армия (вооружённые силы юга России) с мая по октябрь 1919 года возросла последовательно от 64.000 до 150.000 человек. Но окончательный результат всего предприятия южной контр-революции принес ей гибель. Деникин не видел другой, оборотной, стороны наступления и, когда катастрофа его похода на Москву стала фактом, он приписал ее, главным образом, стихийным причинам.

Северо-западная армия Юденича, по своему масштабу сильно отличавшаяся от южной контр-революционной армии, должна была начать военные операции на сравнительно узком пространстве, но в сравнении с ее силами абсолютно-несоразмеримом. О необходимости наступления на Петроградском фронте говорили почти все руководители белого дела и больших разноласий этот вопрос не вызывал. А. П. Родзянко, назначенный помощником Юденича, устанавливает несколько основных причин, обусловивших поход на Петроград. В числе таких причин

[1] А. И. Деникин — «Поход на Москву», изд. «Федерация», М., 1928 г. стр. 29, 30.

Родзянко имеет в виду требование наступления со стороны англичан с их угрозой отказать в дальнейшей помощи, мирные советско-эстонские переговоры, отъезд М. М. Литвинова в Копенгаген для переговоров с представителем английского правительства, успехи А. И. Деникина и т. д. [1]. Исходя из этих соображений, Родзянко не считал возможным не только подвергать сомнению самую необходимость наступления, но даже и думать о его возможной отсрочке. Соратники генерала на поприще «большой политики» — министры Северо-западного правительства — разделяли этот взгляд. М. С. Маргулиес был убежден, что все, кроме наступления, повлечет за собою гибель белой армии и что только наступление может оздоровить белую и, как он писал, «эту проклятую трущобу» [2].

Этот вывод Маргулиес делал на основании учета только тех внутренних распрей и раздоров, которые имели место в Северо-западной армии. Представитель левой части Северо-западного правительства — «демократ» В. Л. Горн шел значительно дальше и за основу своих рассуждений брал объективную политическую обстановку, складывавшуюся как в Советской России, так и за границей. Он прямо пишет:

> «Общая политическая ситуация повелительно требовала наступления, момент и нам [левой части правительства] казался неповторимым и потому, в конце концов, никто из нас открыто не решился восставать против наступления... Обстоятельства не оставляли иного выхода» [3].

Таким образом, Северо-западная армия должна была начать азартную военную игру ва-банк. Никакого другого выхода для нее не было. А отсюда и вытекали определенные методы ведения операции для захвата Петрограда.

Поход на Петроград не предвещал Юденичу победы с военной точки зрения. Малочисленность состава не позволила Северо-западной армии своевременно обеспечить свои фланги. Сосредоточив свои главные силы в районе Ямбурга для нанесения удара в направлении на Гатчину, генерал Юденич не в состоянии был обеспечить за собой Псковский район, кото-

---

[1] А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», стр. 102.

[2] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», кн. 3-я, стр. 29; кн. 2-я, стр. 308.

[3] В. Горн — «Гражданская война на северо-западе России», стр. 282.

рый являлся выгодным и удобным местом сосредоточения частей Красной армии и исходным пунктом для нанесения контрудара во фланг и тыл Северо-западной армии. Некоторые генералы во главе с А. П. Родзянко настаивали на предварительном захвате белой армией Пскова, а затем уже развитии боевых действий в направлении Петрограда. Родзянко считал, что наступление по линии Ямбург—Гатчина—Петроград будет сильно затрудняться в силу того обстоятельства, что население в этом районе «испорчено соседством столичных фабрик и заводов и чем ближе к Петрограду, тем хуже оно к нам расположено».

В другом месте Родзянко еще раз повторяет этот вывод:

«Близость Петрограда даст им [большевикам] возможность пополняться коммунистами и всяким сбродом. Население около Петрограда давно уже испорчено и искать в нем пополнения было бы более, чем рискованно» [1].

Представитель вожделений белогвардейского сброда—Родзянко дал не плохую характеристику влиянию промышленного и революционного центра на окраинную периферию. Русской белогвардейщине больше улыбались широкие просторы России, отдаленные от революционных очагов, но конкретная действительность толкала их к тем революционно-энергетическим станциям, с ликвидацией которых и могло одержать успех белое движение.

Из последнего соображения и исходила другая часть белого генералитета, которая настаивала на быстром, решительном и неожиданном наступлении Северо-западной армии по кратчайшему направлению Ямбург—Гатчина—Петроград. Рассчитывая стремительностью и внезапностью своего наступления посеять панику в красноармейских рядах и вызвать контр-революционное восстание внутри Петрограда, генерал Юденич принял второе предложение, по которому и проходили в действительности события.

Это обстоятельство и заставляло Родзянко, пережившего горечь неуспехов, а затем и поражения, констатировать неправильный выбор операционного направления для удара Северо-западной армии.

Однако, вся белая политика шла по кратчайшему пути к реставрации свергнутого пролетарской революцией военно-

[1] А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», стр. 82, 142.

феодального, буржуазно-помещичьего режима. Время заставляло контр-революцию торопиться. Оперативный план, принятый Юденичем, был единственно возможным в условиях осенних дней 1919 г. Если численность Северо-западной армии была обратно пропорциональна поставленным ей задачам, то и другое возможное направление ее наступления — новгородское — отнюдь не было бы решающим. Опыт Колчака и Деникина со всей наглядностью и законченностью показал, что в расширении зоны действий белых крылись серьезные факторы их гибели. Захватывая значительные пространства и поглощая возрастные крестьянские контингенты, поставленные под белые знамена, русская контр-революция шла по пути своей гибели.

Юденич вел свои войска по кратчайшему направлению и здесь сказалось еще одно обстоятельство, заключавшееся в том, что малочисленность белой армии не давала возможности штабу Юденича этот путь обеспечить даже на более близких флангах. Получилась любопытная картина военной прогулки десятка тысяч русских белогвардейцев, но такой прогулки, на которую возлагались весьма серьезные задачи.

Кроме необеспеченности правого фланга, Северо-западно армии угрожала опасность и со стороны Финского залива. Расчет белых на то, что форты Передовой и Краснофлотский будут заняты своевременно белыми частями, не оправдался. Вся приморская полоса оставалась все время в руках революционных матросов и красноармейцев, наносивших сперва слабые, а затем и сильные удары по зарвавшемуся противнику. В Псковском районе части 15-й, советской, армии также не упустили случая использовать слабый фланг белогвардейцев и нанести им удар в направлении на Гдов и Лугу. Таким образом, при подходе к Петрограду, Северо-западная армия была охвачена с трех сторон — севера, востока и юга — красными полками и под сильным давлением вынуждена была поспешно уходить назад.

Даже при условии занятия Петрограда, Северо-западная армия не смогла бы удержаться в городе и нескольких дней. Рабочие Петрограда и красноармейцы разбили бы врага на улицах самого города и не дали бы ему возможности наступать дальше. Прорвавшийся в город противник был бы разгромлен и уничтожен раньше, чем успел бы пожать плоды своей мимолетной победы. Петроград принес бы белым не радость и

счастье, а бесславную гибель. Предпринимая свой поход, генерал Юденич не предвидел, что его армия идет по пути к полной катастрофе и что конечным пунктом продвижения и местом неотвратимой гибели ее будет именно Красный Петроград.

В славном пролетарском городе действовили не стихийные силы, царившие в годы гражданской войны на широких просторах России среди моря мелко-буржуазных собственников; Петроград был центром революционной энергии российского пролетариата, который в своей борьбе шел по пути непреложных законов исторического развития.

Именно поэтому северо-западная контр-революция и была разбита у ворот Петрограда.

Обзор причин поражения, сделанный А. П. Родзянко, не выходил за пределы его профессионального кругозора и явился иллюстрацией чисто субъективного восприятия исторических явлений и ограниченного миросозерцания русских белых вождей Юденич в военном отношении был «более талантливым», так как вел свою армию прямо на Петроград, надеясь быстрым налетом овладеть городом. Но военное искусство белых генералов столкнулось с искушенными в революционной борьбе пролетариями и в этом поединке победа перешла к последним. Вся белогвардейская эпопея под Петроградом дала тот урок, что только то военное искусство, которое тесно увязано с жизнью, которое целиком соответствует общей политической обстановке, дает нужный практический эффект. Северо-западная армия, искусно прорвавшая фронт 7-й армии и тактически умело проводившая дальнейшие операции, очутилась перед катастрофой только потому, что ее военное искусство не имело под собою твердой, прочной и обеспечивающей успех базы. Именно военно-политический авантюризм сказался на всем белогвардейском движении, а это и не могло создать никаких предпосылок для решающих побед российской контр-революции.

А. П. Родзянко, П. В. Глазенап, полковник К. А. Крузенштерн и другие главным виновником поражения Северо-западной армии считали Юденича. Родзянко, по вполне понятным мотивам, занимал в этом отношении первое место. Он метал громы и молнии против Юденича, который, как «дряхлый старик», не имел права брать на себя руководство армией. Родзянко не останавливается и перед обвинением русских политических деятелей, которые способствовали выдвижению Юденича, по словам Родзянко, —

этой «мумии», на столь высокий пост главнокомандующего Северо-западной армией и которые, вместо того, чтобы объединенными силами ринуться на большевиков, занимались политическими и партийными распрями.

Много горьких слез было пролито белыми исследователями и по поводу генерала Ветренко, не исполнившего приказ Юденича о взятии Тосно. Многие из белогвардейских историков склонны этот факт считать одной из основных причин своего поражения, а некоторые из них — видеть в нем чуть ли не главную, основную причину поражения белой армии.

Однако, и здесь сказывается тупоумие «бывших людей», так как даже падение станции Тосно не явилось бы, с объективной точки зрения, решающим моментом в борьбе за обладание Петроградом, хотя оно и усилило бы на время позицию белых. Положение же Северо-западной армии в те дни настоятельно требовало от своего главного штаба и от генералов применения партизанских методов борьбы. Ветренко именно и следовал этому методу и пытался поскорее вскочить в Петроград.

Наконец, не лишена интереса еще одна попытка найти главную решающую причину поражения контр-революции. Она принадлежит далеко не военному человеку — П. Н. Милюкову, который, оставив в стороне область своей компетенции, погрузился в изучение военной обстановки на Петроградском фронте. Милюков имеет в виду поведение тех военных частей русских белогвардейцев, которые были организованы английскими интервентами на севере России. Когда 12 августа 1919 г., на совместном совещании со штабными чинами и фронтовыми командирами русской белой армии на севере, англичане предложили эвакуировать белогвардейские части одновременно с уводом своих войск, русские военные руководители, ссылаясь на успех Деникина, высказались за продолжение дальнейшей борьбы. Милюков это решение штаба русской Северной армии считает ошибочным и утверждает, что если бы армия во время отступила в Мурманский район и сохранила бы до 8 тысяч бойцов, то она смогла бы сыграть «решающую роль в наступлении Юденича» [1].

В военных кругах разбитой Северо-западной армии поговаривали также и о влиянии на поход Юденича тех военных

---

[1] П. Милюков — «Россия на переломе», т. 2-й, Париж, 1927 г., стр. 116.

событий, которые в октябре месяце 1919 г. развернулись в Прибалтике. Наступление П. М. Авалова-Бермондта на Ригу квалифицировалось, как срыв всего предпринятого Юденичем похода на Петроград. Но на эти события смотрели опять-таки с узковоенной точки зрения.

Расширяя этот военный анализ, только одному военному историку белой северо-западной эпопеи удалось дать несколько более полную, чем у других его соратников по перу, картину причин гибели северо-западной контр-революции. Этот «исследователь», скрывшись под именем «белого офицера», писал:

«Три фактора — выступление Бермондта, отсутствие в нужный момент английского флота и пассивная позиция эстонцев — и следует считать краеугольными основаниями неудачи похода на Петроград» [1].

Таков, в общих чертах, был анализ причин поражения Юденича, сделанный белыми военными «историками».

Политические руководители армии смотрели несколько глубже на этот вопрос и старались найти другие, более действенные и осязательные, факторы, которые способствовали гибели северо-западной контр-революции.

М. С. Маргулиес, аккуратно заносивший в свой дневник переживания дня и к 7 ноября 1919 г. убедившийся в том, что Юденич не сможет овладеть Петроградом, записал:

«7 ноября. Пятница. Вторая годовщина большевиков; как будто за ними правда исторической необходимости; разум подсказывает это, а сдаваться, отказавшись от борьбы, нет сил» [2].

А несколько позже, 29 ноября 1919 г., когда поражение Юденича стало уже совершившимся фактом, тот же белый министр продолжал в своем дневнике:

«29 ноября. Суббота... Все поражены — одни большевики победили. В лишний раз приходится подойти к вопросу об изживании большевизма более разумными процессами, чем бело-генеральский кулак» [3].

Другой очевидец поражения Юденича, журналист Г. Л. Кирдецов, развивает эту мысль Маргулиеса:

«Не в стратегической бездарности Юденича секрет внезапного разгрома Северо-западной армии под Гатчиной и Царским селом. Бывший «герой» Эрзерума мог бы оказаться с успехом и «героем Петрограда»,

[1] «Записки белого офицера», Гельсингфорс, 1920 г., стр. 53.
[2] М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 3-я, стр. 92.
[3] Там же, стр. 132.

но для этого нужно было, чтобы он не был Юденичем, т. е. чтобы он и его ближайшие сотрудники в области как военной, так и политической, не были выразителями идей отжившего мира и тех социальных сил, которым победа под Петроградом нужна была только для того, чтобы насильственно остановить непреложный ход неизбежного исторического процесса — демократизации России.

Значит, не в местных особенностях кроется вопрос о победе или разгроме большого движения, а в основной идее, которая руководит всем движением» [1].

Из дальнейшего развития этой точки зрения вырисовывается политическая физиономия и политическое кредо Кирдецова. Он находит возможным сравнивать два совершенно несравнимые явления — поражение Юденича под Петроградом с неудавшейся попыткой Красной армии овладеть Варшавой [2]. Расплывчатое и туманное выражение Кирдецова об исторически неизбежной демократизации России свидетельствует о его непонимании характера происшедшей в России Октябрьской революции, а отсюда и об его враждебности к Советской власти. Анализ основных причин поражения Юденича приобретал бы еще больший удельный вес, если бы он был построен на основании учета опыта и характера происходивших в те годы событий в России. Только тогда Кирдецов не только констатировал бы, но и осознал бы следующее место из своей книги:

«У большевиков сказалось их дьявольское уменье выходить из затруднительных положений путем напряженнейшей агитационной борьбы и энергичных военных действий» [3].

И то и другое, о чем говорит Кирдецов, применялось и белогвардейцами во время их похода на Петроград, однако, это не принесло аналогичных советским результатов. Над таким положением и нужно было задуматься Кирдецову, так как «исторически неизбежной демократизацией России» нельзя объяснить великих побед Советской России.

---

[1] Г. Кирдецов — «У ворот Петрограда», стр. 12.

[2] Кирдецов по этому поводу пишет: «Троцкий политически зарвался,— взятием Варшавы он хотел форсировать ход социальной революции на Западе, совершенно забыв, что его «красная армия», когда она гнала И. И. Пилсудского из Белоруссии и Украины до этнографических границ Польши, отнюдь не была «красной» (Г. Кирдецов — «У ворот Петрограда», стр. 174).

[3] Г. Кирдецов — «У ворот Петрограда», стр. 351.

Министр Северо-западного правительства В. Л. Горн разделял точку зрения Г. Л. Кирдецова, но давал опять-таки весьма двусмысленную формулировку относительно основного направления деятельности правительства:

«Надо было во что бы то ни стало отстоять демократическое обличье нашего белого дела, не ради самого обличья, а потому, что этого требовала практическая политика, нужно было показать силу правительства и соответственно поднять доверие к его обещаниям» [1].

Таким образом, основная идея, которую подразумевал Кирдецов и которая должна была, как будто бы, спасти белое движение, была не чужда Северо-западному правительству, которое, по словам Горна, старательно пыталось применить ее в интересах «практической политики». Этот же практический демократизм, допущенный в лагерь северо-западной контр-революции под давлением Англии, Юденич пытался в дальнейшем использовать в интересах реставрации старого режима. Представитель Юденича заграницей генерал А. М. Добрянский, прибыв в Лондон, в интервью с представителями печати указал, что, в случае победы Юденича, будет установлена военная диктатура, но что это, якобы, не будет шагом в сторону реакции, а будет являться только оборонительной мерой против всяких «нежелательных случайностей» [2]. Таков мог быть конечный результат практического демократизма Северо-западного правительства.

Об историческом пути развития России, об исторически неизбежной демократизации ее могли говорить только люди, искушенные в буржуазном демократизме. Маргулиес, Кирдецов, Горн имели в этой области соответствующий практический стаж.

Представители белого движения, теоретически менее знакомые с закономерным историческим развитием России, абсолютно затруднялись найти причины своего поражения. Так, один из них, писал:

«Победа над большевиками из победы военной должна обратиться в победу нравственную; пока этого не будет, никакие военные победы, как бы блестящи они ни были, не дадут России того возрождения, ради которого ведется братоубийственная война» [3].

---

[1] В. Горн — «Гражданская война на Северо-западе России», стр. 299.
[2] «Петроградская правда», № 259 от 13 ноября 1919 г.
[3] «Архив русской революции», т. 2-й, стр. 169.

В парижской газете «Общее дело» (№ 467 от 21 ноября 1921 г.), после краткого изложения событий в Прибалтике, писалось:

...«Да и вообще, присматриваясь внимательно к вооруженной борьбе с большевиками, можно всюду заметить чью-то невидимую десницу, направляющую события так, что в конце концов торжествовали большевики» [1].

Подобного рода «анализ» причин поражения русской контр-революции, включая и северо-западную, поистине достоин своих авторов, которые, хотя и «внимательно» присматривались к деятельности русских белогвардейцев, но ничего не поняли.

Характерно, однако, что на такой же «научной» высоте стояли и представители крупнейших империалистических государств, неослабно наблюдавшие за развитием российских событий.

После получения в начале ноября 1919 г. информации о положении дел в армии Юденича, французский премьер-министр Ж. Клемансо в интервью с парижским корреспондентом вашингтонской газеты «Новости дня» заявил:

«Случилось нечто такое, чего решительно никто не мог предвидеть. Россия, доведенная до крайних пределов разрухи, вся изголодавшаяся, теснимая со всех сторон изнутри и извне, эта Россия вдруг точно прикоснулась к какому то источнику живой воды и ощутила в себе такую мощь, что отразила и последний удар Юденича и Родзянко — удар, как всем казалось, смертельный» [2].

Знаменитый же вдохновитель петроградского похода—В. Черчилль, продолжавший свою политику энергичнейшей борьбы с Советской Россией, но не сумевший воспрепятствовать заключению советско-эстонского мирного договора, счел необходимым послать в Советскую Россию специального агента-шпиона для выяснения причин гибели русской контр-революции и побед Советской России.

В беседе с этим агентом «Секрет интеллидженс сервис», происходившей в начале февраля 1920 г., во время получения Черчиллем первых сведений о расстреле адмирала А. В. Колчака, Черчилль говорил:

---

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 374.
[2] «Петроградская правда», № 257 от 11 ноября 1919.

«Да, да, они расстреляли его, как обыкновенного офицеришку! Это хороший урок для всех белых генералов и для нас, конечно. Мы делали на него ставку, как на добрую лошадку. А он не сумел даже унести ноги. До чего трудно отсюда из Лондона следить за событиями! Теперь, не знаешь, кому можно верить. Играть приходится вслепую. А миллионы летят...

Такое положение мне не нравится. Эти русские генералы один хуже другого. Я вас прошу в ближайшее время выехать на юг России и представить мне подробный отчет о положении дел...

Главное, выясните секреты успехов большевиков. В чем загвоздка? Дисциплина и техника у нас, а они лупят белых вдоль и поперек»... [1].

Итак, «неведомая десница» — сотрудников эмигрантской газеты «Общее дело», «источник» — Клемансо и «секреты» — Черчилля — таков научный арсенал, с которым представители буржуазного мира пытались подойти к выяснению причин успехов Советской России.

Вся деятельность российской контр-революции была подвержена с начала и до конца ее существования влиянию империалистических государств. Твердый или колеблющийся курс внешней политики той или другой империалистической страны быстро сказывался на общем состоянии дел в русском белом лагере. Внешняя политика империалистических государств, в свою очередь, была функцией их империалистических противоречий между собой. И поэтому, вся международная политическая ситуация была настолько противоречивой, сложной и чреватой всякими последствиями, что она не могла не отразиться на состоянии русской контр-революции.

Единая антисоветская политика мирового капитала принесла бы на время победу реакции в России. Но в этом вопросе и сказалась вся сущность империализма, по своей природе исключающего всякую возможность единого блока.

Поражение северо-западной контр-революции и произошло на фоне этих противоречий. Роли Англии, Франции, Германии и прибалтийских государств в петроградском походе были настолько противоречивыми, помимо уже внутренних трений в рядах русской контр-революции, что они в значительной степени обусловили поражение Северо-западной армии.

[1] Н. Г. Смирнов — «Дневник шпиона», изд. «Московский рабочий», М. — Л., 1929 г., стр. 102, 103.

Эта книга, хотя и является в целом беллетристическим произведением, но, однако, некоторые факты, в ней изложенные, весьма правдоподобны, так как они даны автором по газетным и другим материалам того времени.

Помощь мирового капитала русской контр-революции таила в себе симптомы не сплочения, не объединения всех сил против Советской России, а симптомы их разложения, и, в силу этого, — их дальнейшей гибели. Политика Англии, Франции, Германии и прибалтийских государств — Финляндии и Эстонии в период октябрьских боев за Петроград дала классический образец того, что мировой империализм по своей природе не является целым организмом, а состоит из ряда чужеродных по своим политическим целеустремлениям элементов. Перед буржуазией любого государства стояли, прежде всего свои собственные интересы, под знаком реализации которых и проходила вся внешняя политика различных правительств.

Английское буржуазное правительство, ответственное в первую очередь за действия генерала Юденича на северо-западе Советской России, в своей тогдашней политике руководствовалось исключительно интересами промышленного капитала. Последовавший в результате мировой империалистической войны 1914 — 1918 гг. тяжелый промышленный кризис настоятельно толкал английскую буржуазию на поиски рынка для сбыта товаров. Россия представляла для Англии возможный обширный рынок сбыта английских товаров и являлась значительным источником сырья. Но в виду того, что торговать можно было и с Советской Россией, Англия, помогавшая одновременно белым армиям, обнаруживала известную склонность к соглашению с советским правительством. Однако, мирная политика по отношению к Советской России беспокоила наиболее крупных представителей английского империализма, таких, как Черчилль, которые издавна стремились к укреплению английского влияния в странах Востока. С этой стороны Советская Россия, бросавшая в массы угнетенных народов Востока лозунг самоопределения, стояла на пути империалистической экспансии Англии. Для того, чтобы уничтожить это препятствие, Англия должна была продолжать войну с Советской Россией и всемерно стремиться к ее постепенному ослаблению. Лозунги всех белогвардейцев, как Колчака, Деникина, Юденича — «единая и неделимая Россия» шли вразрез с политикой английского правительства. Лозунгу — «единая, неделимая Россия» английское правительство противопоставило свой лозунг — «разъединенная, слабая Россия». В качестве практических гарантийных шагов, правительство Англии раньше всех других буржуаз-

ных государств объявило о признании отделившихся от России национальных государств, как Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и др. Кроме признания, Англия оказывала большую материальную поддержку этим государствам, в первую очередь Эстонии. Эстонская армия получала английское обмундирование, снаряжение и вооружение. Из всего присланного Англией в конце 1919 г. военного имущества для поддержания Северо-западной армии Юденича, лучшая, а иногда и большая, часть отдавалась Эстонии.

Но противоречия между Англией и русской контр-революцией не вызывали серьезных осложнений. Англия великолепно знала о той политике, которая проводилась Колчаком, Деникиным и Юденичем, она знала, что белые вожди идут для воссоздания единой великой России, и несмотря на это, она же оказывала им колоссальную помощь. Советская Россия представлялась Англии злейшим врагом, чем великая белая Россия. Поэтому английский империализм все силы бросал против Советской республики, но наряду с этим и обеспечивал себя, на всякий случай, признанием независимости отколовшихся от России окраин.

Английский империализм был весьма заинтересован в быстром падении Петрограда. Представители английских интервенционистских кругов со всей решительностью настаивали на этом.

Бывший английский посол в царской России, ставший затем экспертом по русским делам при английском правительстве, Джордж Бьюкенен пишет:

«Просто-таки горсти британских войск с танками и аэропланами было бы достаточно для того, чтобы генерал Юденич мог бы взять Петроград.

...Я охотно допускаю, что финансовый вопрос необходимо было принять во внимание, так как при подоходном налоге в шесть шиллингов на фунт мы не легко могли бы ввязаться в такого рода предприятие. Но если бы цель этого предприятия была достигнута, то деньги, которые оно стоило бы, оказались бы помещенными в хорошее дело» [1].

Лица, близко стоявшие к Черчиллю, питали определенную надежду на то, что Юденич в октябре овладеет Петроградом. Черчилль был уверен, что Петроград будет взят под шумок в среде английской общественности, в связи с эвакуацией английских войск из Архангельска. Он рассчитывал также, что Юденич

[1] Джордж Бьюкенен — «Мемуары дипломата», Гос. изд., стр. 294

и Деникин соединятся к концу декабря и что «жить большевикам осталось только два месяца».

Однако, в нужный момент английский империализм не оказал поддержки Юденичу. События в Прибалтике приковали внимание Англии к авантюре П. М. Авалова-Бермондта, и английская эскадра вместо предполагавшихся операций против Кронштадта должна была пойти на защиту Риги. И этот акт, взятый в широком масштабе, знаменовал собою защиту английских позиций в Прибалтике.

Германия сорвала помощь Англии Юденичу, в силу того, что германские империалистические круги были убеждены в том, что с занятием Петрограда возрастет и окрепнет влияние Англии в Прибалтике. Наконец, бурный рост революционного движения в самой Англии не позволял английскому правительству взять добавочные материальные средства для оказания срочной помощи Юденичу.

Такова была действительность того времени. И когда Д. Ллойд-Джордж на заседаниях английского парламента 8 и 17 ноября 1919 г. говорил о том, что лозунг «единой, великой России» не соответствовал традиционной политике английского империализма («Лорд Биконсфильд видел в огромной, могучей и великой России, катящейся подобно глетчеру по направлению к Персии, Афганистану и Индии, самую грозную опасность для Великобританской империи», — говорил Ллойд-Джордж) [1], то этим он пытался затушевать ту действительную причину, в силу которой Англия не смогла до конца поддерживать поход Юденича [2].

---

[1] А. И. Деникин — «Очерки русской смуты», т. 5-й, стр. 171.

[2] М. Н. Покровский в своей книге «Внешняя политика России в XX веке» (изд. Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1926 г.) на стр. 94 говорит о том, что Англия потому не помогла брать Петроград, что его падение страшно приблизило бы победу белых, идущих под знаменем восстановления единой, неделимой России, которая, затем, после воссоздания, пошла бы с векселем на Константинополь и проливы. Для обоснования этого вывода приводятся такие факты, как присылка Юденичу английских орудий на одном пароходе, а замков — на другом, что свидетельствовало, якобы, сознательный саботаж английских империалистов в деле оказания действительной помощи Юденичу. Но ведь такие факты были делом рук отнюдь не Черчилля и его помощников, а были единственно возможным выходом из положения, созданного противодействием интервенции со стороны английских рабочих. Английские генералы,

В общем итоге, политика Англии в 1919 г., под давлением внутренних событий, обнаруживала резкие колебания от войны к миру и от мира к войне. Победа Красной армии на всех фронтах в конце 1919 г. дала возможность Советской республике пробить окно в Европу заключением мирных договоров с государствами Прибалтики, начиная с Эстонии, и, с другой стороны, заставила империалистическую Англию отказаться от поддержки русских белогвардейцев и объявить о снятии блокады.

Политика Франции в русском вопросе несколько отличалась от английской. Франция в довоенные годы была страной по преимуществу финансового капитала. Французская промышленность тогда не отличалась крупными размерами и работала главным образом на внутренний рынок. В годы, предшествовавшие империалистической войне 1914—1918 гг., Франция интересовалась Россией, как наиболее выгодным местом вложения своих капиталов, как должником, который исправно платит причитающиеся с него проценты по вложенным в русскую промышленность французским капиталам, и, наконец, как неисчерпаемым источником живой человеческой силы, вполне пригодной для «пушечного мяса». Так как Октябрьская революция сразу лишила Францию всех ее капиталов, вложенных в русскую промышленность, и громадных сумм, одолженных царскому правительству для успешного ведения войны с Германией, то империалистическая Франция сделалась самым злейшим врагом Советской России. Только окончательное подавление Советской власти и воссоздание единой великой России могло вернуть французской буржуазии ее капиталы. Отсюда получалось совпадение политики Франции с лозунгами русских белогвардейцев. И та и другая сторона стояли за единую, не-

---

наблюдавшие за подготовкой Северо-западной армии к наступлению, и даже сам Черчилль, были искренне уверены в успехе Юденича, так что никакого сознательного саботажа здесь не было. Отсутствие английской поддержки в наиболее критические дни боев за Петроград являлось не саботажем, а было предрешено волей еще другой силы—германского империализма, попытавшегося закрепить свое влияние в Прибалтике. Наконец, Советская Россия, начавшая ликвидацию белых армий на своей территории и присоединявшая к себе целые области, освобожденные от белогвардейцев, т. е. в некотором смысле воссоздающаяся, являлась более злейшим врагом для английского империализма, нежели возможная старая, великая Россия.

делимую, могущественную Российскую державу. Однако, в виду того, что практическое осуществление лозунгов затягивалось в худшую для контр-революции сторону, то единая и твердая в самом начале политика Франции дала трещину. В поисках верных союзников для продолжения борьбы с Советской Россией, Франция вынуждена была оставить мечты о единой, великой России и обратиться за содействием к отделившимся от России национальным государствам.

Еще 18 сентября 1919 г. в Ревель прибыл начальник французской военной миссии в Прибалтике генерал Этьеван, который получил задание от своего правительства не только войти в курс жизни Прибалтики, но и ознакомиться с состоянием Северо-западной армии [1]. В дальнейшем этот генерал принимал все зависящие от себя меры к укреплению армии Юденича, вел переговоры с финляндскими империалистическими кругами и с Эстонией относительно их участия во взятии Петрограда и т. п. Однако, никаких успехов миссия Этьевана не имела. Французское правительство к вопросу о помощи русской контр-революции подходило с узко-утилитарной точки зрения. Каждый вопрос о предоставлении того или другого вида помощи вызывал со стороны французов контр-претензии в отношении соответствующей компенсации. Так, например, любопытной является телеграмма В. А. Маклакова А. И. Деникину от 21 — 22 сентября 1919 г. относительно того, что французское правительство приостанавливает отправку боевых припасов Юденичу впредь до момента, когда будет принято обязательство поставить на соответствующую сумму пшеницы для Франции [2].

В этом сказывалась нерешительность, неуверенность Франции в том, что ее помощь сможет сыграть решающую роль в условиях, когда английский империализм занимал в этом отношении первое место. Французская военная миссия в Прибалтике должна была упорно подготовлять почву для срыва прибалтийских планов Англии, а такая «подрывная» работа требовала времени. Но когда события на северо-западе пошли быстрым ходом, когда между Советской Россией и прибалтийскими государствами завязалась дипломатическая переписка по

[1] ЛАБ. АКА, фонд № 249, дело по описи № 16, лл. 1 — 6, разведсводка за 2 октября 1919 г.

[2] А. И. Деникин — «Очерки русской смуты», т. 5-й, стр. 170.

вопросу о мире, то тогда французский империализм решил действовать быстрее. Желание сорвать окончательно мирные переговоры Советской России с Прибалтикой побудило Францию сочувственно отнестись к выступлению П. М. Авалова-Бермондта. Французская миссия в Прибалтике официально заявила правительству Латвии о том, что, в случае вступления его в мирные переговоры с советским правительством, Франция не окажет никакой поддержки в изгнании германских войск из Прибалтики [1]. Западная русско-немецкая добровольческая армия на своих знаменах несла близкие Франции лозунги и, по ее мнению, являлась вполне достаточной силой для того, чтобы сорвать мирные переговоры Латвии и Эстонии с Советской Россией. Авалов-Бермондт не посмел бы самостоятельно проявить столь знаменательную инициативу и начать свой рижский поход, если бы не чувствовал за собою прямой поддержки германской буржуазии и сочувствия со стороны французского империализма. И когда попытка Авалова-Бермондта не увенчалась успехом, вследствие быстрого вмешательства Англии, то Франция отстояла перед Верховным советом право иметь своего председателя в той межсоюзной комиссии, которая должна была наблюдать за эвакуацией германских войск из Прибалти и [2].

В отношении же помощи Юденичу Франция ничего реального сделать не смогла. События быстро разворачивались, и пока Франция собиралась послать свою помощь, Юденич был разбит. Ж. Клемансо в начале ноября 1919 г. говорил о том, что, в связи с поражением Юденича, Антанте приходится переживать второе разочарование. Дальше он продолжал:

«Если когда-нибудь так называемый мировой пролетариат мог питать надежды на серьезный социальный переворот, то это именно теперь, после побед, одержанных советской армией. Увы, это приходится констатировать, если не хочешь держаться страусовой политики.

...Мы решили серьезно обсудить положение вещей раньше, чем принять те или другие шаги по отношению к Советской России, так как эксперименты, произведенные до настоящего времени, слишком дорого нам обошлись и полны всяких неожиданнейших результатов» [3].

Франция не пришла на помощь Юденичу в наиболее трудные для него дни, она, наоборот, оттянула другую силу, кото-

[1] «Известия ВЦИКа», № 229 от 14 октября 1919 г.

[2] «Известия Петроградского совета», № 247 от 30 октября 1919 г.

[3] «Петроградская правда», № 257 от 11 ноября 1919 г.

рая должна была оказать помощь Юденичу. Поход Авалова-Бермондта, к которому французский империализм возымел симпатию, приковал к себе ту английскую эскадру и те эстонские бронепоезда и части, которые могли, а в некоторой своей части и должны были, принять участие в захвате Петрограда.

Германия, будучи побежденной в мировой войне, стремилась восстановить свое военное могущество и пойти войной на своих вчерашних победителей. Она в 1918 и 1919 гг. проявляла большую заинтересованность в делах Прибалтики. При помощи своих войск, подчиненных раньше генералу К. фон-дер-Гольцу, затем, русскому белогвардейцу П. М. Авалову-Бермондту, Германия вплоть до момента наступления Юденича на Петроград держала под угрозой завоевания не только Прибалтийский район, но и северо-запад Советской России. Октябрьское выступление Западной русско-немецкой добровольческой армии Авалова-Бермонда являлось наглядным примером проведения Германией своей политики и последней попыткой использовать свою армию в Прибалтике.

В радио-телеграмме от 12 октября, посланной на имя Юденича, Авалов-Бермондт объяснял цель своего выступления необходимостью обеспечить тыл армии, но позже, находясь уже в Германии, Бермондт совершенно откровенно и более определенно рассказал о своих замыслах в октябре 1919 года:

«Я понимал, что надо итти без остановки дальше и не останавливаться перед разгромом этих скороспелых республик, которые, будучи поддержаны «союзниками», сделались нашими злейшими врагами и мешали нам развернуть свою деятельность в необходимых размерах».

В этих словах Бермондт прямо указывает на то, что прибалтийские государства — Литва, Латвия и Эстония, поддержанные Англией и Францией, т. е. странами-победительницами в мировой войне, не обеспечивали в должной степени влияния Германии на Прибалтику и что один факт их существования не соответствовал стремлениям немецко-русских монархистов. Таким образом, наступление Бермондта на Латвию в октябре 1919 г., являвшееся отдельным звеном общей контрреволюционной цепи, окружавшей в то время Советскую Россию, одновременно разорвало и без того шаткий противосоветский фронт на северо-западе России. Армия Юденича не могла получить обещанной поддержки от Эстонии и от английской эскадры, потому что английские миноносцы и эстонские

армейские части были использованы для защиты Латвии от войск Бермондта.

Белогвардейская ревельская газета «Свобода России» в № 42 от 6 ноября 1919 г. писала:

«Да, господин «патриот» Авалов, вы добились своего. Вы добились того, что героическая Северо-западная армия одна должна была взять на себя почти непосильную задачу сокрушить военное могущество большевиков под Петроградом, опирающееся на многочисленные резервы... Вы, бесславные герои Митавы, добились того, что мы должны были спешить с походом на Петроград, несмотря на нашу малочисленность и без помощи тех многих тысяч русских людей, офицеров и солдат, которые по роковому недоразумению находятся в ваших рядах...

Вы своими преступными действиями в Латвии навлекли подозрение и на нас и дали многочисленным нашим недругам оружие в руки говорить о «реакционности» и «империалистичности» наших замыслов и задач» [1].

Аваловский урок в Прибалтике был настолько показательным и ясным, что представители Эстонии и Латвии не смогли не понять его. Сложный прибалтийский переплет событий лишний раз наглядно иллюстрировал империалистические противоречия. Рижский октябрьский поход войск Авалова-Бермондта вскрыл не только настойчивые тенденции германской буржуазии в отношении Прибалтики, но показал оборотную сторону возможных успехов армии самого Юденича.

Авалов, выполняя задания германского империализма, шел на Ригу во имя воссоздания единой великой России, в союзе с которой разбитая в мировой войне Германия пыталась взять реванш у своих победителей.

Юденич, вскормленный английским империализмом, шел прямой дорогой на Петроград, имея на своих белых боевых знаменах также лозунг единой, великой России. Таким образом, в этом отношении было полное совпадение вожделений русских реакционеров, реставраторов. Однако, движение этих двух военных сил в одном направлении, движение, как казалось бы, для них единственно-целесообразное, было невозможно только потому, что наемник германской буржуазии — Авалов-Бермондт должен был, не снимая лозунга воссоздания великой России, итти по несколько другому пути. Расхождение направлений ударов армии Юденича и армии Авалова-Бермондта и послужило во вред российской северо-западной и западной контр-революции.

[1] «Петроградская правда», № 260 от 14 ноября 1919 г.

О необходимости совместного наступления на Советскую Россию Юденич неоднократно напоминал Авалову-Бермондту, имея в этом сильную поддержку и от представителей английского империализма. Но отказ от предложения Юденича со стороны Авалова-Бермондта был результатом отнюдь не его личного желания, а вытекал из всей предшествовавшей истории формирования Западной русско-немецкой добровольческой армии. Две внешние ориентации — германская и антантофильская столкнулись между собой в Прибалтике, и это обстоятельство исключило возможность совместных действий Юденича и Авалова-Бермондта.

Слишком поспешным и неглубоким представляется заключение тех, кто видит в действии этих двух белых армий единое руководящее начало. Встречающееся утверждение того, что между Аваловым-Бермондтом и Юденичем была полная договоренность в октябрьские дни 1919 г., не соответствует действительности. Авалов-Бермондт своими действиями в Прибалтике только наносил вред Юденичу и в первую очередь реализовал планы германской буржуазии. Поэтому исключена всякая возможность видеть в рижском походе предшествующую ему сознательную договоренность Юденича с Аваловым-Бермондтом. Воссоздание единой, великой России такими действиями фактически было не воссозданием, а способствовало поражению российской контр-революции во всех ее начинаниях. Тут опять сказалось то, что лагерь мировой контр-революции не был и не мог быть единым, а отсюда и вытекали все дальнейшие последствия.

Авалов-Бермондт, парируя все удары и отвечая на все упреки, которые сыпались на него из рядов бывшей Северо-западной армии, по прошествии ряда лет писал:

«Был выход путем особого тайного соглашения [Юденича] со мною и предоставления мне свободы решения судьбы моей армии. Ведь надо было понимать [Юденичу], что различие наших ориентаций было выгодно лишь для «союзников» [1].

То, что Северо-западную армию удалось «освободить» от германской ориентации, было бесспорно победой английского империализма. Англия, поддержав Юденича и бросив его на Петроград, пыталась одновременно усилить свое влияние не

[1] П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», стр. 189.

только на будущую Россию, воссоздававшуюся русскими генералами, в том числе и Юденичем, но и на фактически отделенную от Росссии Прибалтику, т. е. в этом последнем случае Англия следовала своей тридиционной политике (ликвидация великой России, как конкурента Англии на Востоке). Этот объективный смысл английской помощи Юденичу и был своевременно понят германской буржуазией, которая решила форсировать события, имея в этом отношении сочувствие Франции. Все последующее и знаменовало собой срыв петроградского похода, так как внимание Англии и прибалтийских государств было обращено уже не на Юденича, быстро приближавшегося к Петрограду, а на Авалова-Бермондта, стоявшего у Риги.

Итак, на северо-западе России в 1919 г. переплетались и сталкивались интересы Англии, Франции и Германии. Политика правительств этих стран была насыщена их внутренними империалистическими противоречиями и, кроме этого, их внешняя политика вынуждена была видоизменяться под влиянием тех или других событий в России, но, главным образом, в результате побед Красной армии. Различие правительственного курса Франции и Англии в русском вопросе (от лозунга—«единой, неделимой России» к лозунгу — «слабая, разъединенная Россия», от войны к миру и обратно), при одновременных попытках со стороны Германии использовать Прибалтику и Россию в своих целях, раскалывали действующие против Советской России белогвардейские силы и не давали возможности создать единый контр-революционный фронт.

Весьма показательной в дни октябрьского похода Юденича была роль Финляндии и Эстонии. Эти государства, являвшиеся объектом империалистической политики Англии, Франции и Германии, сами к тому же сидели на довольно непрочной почве. Перспектива победы Юденича не могла удовлетворить финскую и эстонскую буржуазию. Национальный шовинизм этих лимитрофов не допускал воссоздания такой России, которая на второй же день после ликвидации советской власти двинула бы свои войска для присоединения к себе отделившихся от нее окраин. Заверения, даваемые руководителями северо-западной контр-революции, получившие в отношении Эстонии даже форму декларации о признании ее независимости, а в отношении независимости Финляндии — лойяльное отношение самого Юденича — не создавали все же абсолютной уверенно-

сти этих государств в том, что великая белая Россия сохранит их независимость. Сам Юденич, более симпатизировавший финляндской независимости, нежели эстонской, был только резидентом верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. Последний же, пытавшийся воссоздать Россию с востока, смотрел на этот вопрос как на вопрос внутренней политики. Он, исходя из практических соображений, считал неизбежным злом признание Северо-западным правительством независимости Эстонии и категорически возражал против такого же акта в отношении Финляндии. Но если бы даже политика «неизбежного зла» имела место и в отношении Финляндии, то все же это являлось бы паллиативной мерой. Колчак не изменял своего основного принципа: борьба с большевиками — первоочередная задача, воссоздание единой великой России — во вторую очередь, т. е. тогда, когда советская власть была бы ликвидирована. Заграничные представители российской контр-революции, как С. Д. Сазонов и другие, должны были быть проводниками такой политики Колчака. В этих условиях вполне естественным было опасение финляндской и эстонской буржуазии, эмансипировавшейся от русского влияния. Настойчивые требования со стороны Финляндии и Эстонии дать им, прежде всего, имеющую юридический вес бумажку о признании их независимости были, с их точки зрения, такой мерой, которая могла бы гарантировать их дальнейшее существование, как вполне независимых государственных организмов. Только после такой гарантии они могли бы оказать помощь Юденичу при взятии Петрограда. Во всех остальных случаях эта их помощь послужила бы во вред им самим.

И неудивительно, что наиболее агрессивные круги финляндской и эстонской буржуазии встречали сильную оппозицию из среды остальных слоев национальной буржуазии. К. К. Маннергейм, несмотря на все свои энергичные шаги, не смог организовать больше того, что он сделал. Однако, в этом отношении и ему не чужды были опасения, свойственные большинству финляндской буржуазии.

Отсутствие поддержки Юденича со стороны Финляндии и Эстонии было следствием национальной политики русских белых генералов. Национальный вопрос явился камнем преткновения для русской реакции.

Итак, поражение северо-западной контр-революции произошло на фоне империалистических противоречий между Англией,

Францией и Германией, в условиях отсутствия в наиболее критический момент помощи извне, как от Англии и Франции, так и от Финляндии и Эстонии. Успех Юденича был бы победой английского империализма и закреплением его влияния в Прибалтике. Германия, толкнув свои войска на Ригу, стала на пути английской политики и объективно воспрепятствовала дальнейшему развитию успеха армии Юденича. Внимание английского империализма было искусственно приковано к армии Авалова-Бермондта. Франция в это время, сконцентрировав все свое внимание на том, как воспрепятствовать намечавшемуся мирному исходу борьбы на северо-западе России, не смогла поддержать Юденича. Интересы Эстонии и Финляндии, как фактически отделившихся от России национальных государств, не совпадали с интересами русской реакции. Единая, великая Россия не давала гарантии дальнейшей независимости этих государств. Советская Россия безоговорочно признала независимость прибалтийских лимитрофов и тем самым перетянула на свою сторону в течение долгого времени колебавшуюся чашу весов.

Основная же причина поражения северо-западной, как и всей отечественной, контр-революции лежала в характере гражданской войны в России. Боролись два мира, две основных силы, сила революционного пролетариата и сила мировой буржуазии. Собственность разъединяла вражеский стан, труд объединял многомиллионные массы трудящихся.

Гражданская война в России, явившаяся борьбой классов, закончилась на всех фронтах поражением контр-революционных армий и победой Советской республики. Вся история формирования белогвардейских военных сил на северо-западе России пропитана этим классовым духом. Русская буржуазно-помещичья контр-революция пыталась использовать поход генерала Юденича на Петроград для того, чтобы вернуть себе старое положение и восстановить прежние порядки. С другой стороны, петроградский революционный пролетариат, при поддержке бедняцких слоев деревни, шел на защиту завоеваний Октябрьской революции. Естественно, что такая борьба должна была длиться долго и упорно и с чрезвычайно большими человеческими жертвами. Два класса стали друг против друга. У каждого из них была своя история, свое прошлое и свое будущее. Один из них доживал в России свои последние дни, другой начинал

строить невиданную еще нигде в мире новую — социалистическую жизнь. И понятно, что в этой борьбе поднявшиеся молодые многомиллионные массы трудящихся, руководимые испытанной и закаленной в классовых битвах коммунистической партией, должны были стереть с лица земли дряхлеющие сотни и тысячи тунеядцев, веками державших эти массы в сетях темноты и невежества.

Молодые колонны рабочих и крестьян России победили бездушную машину не только русской, но и иностранной буржуазии. Самые усовершенствованные средства истребления не могли устоять перед революционным энтузиазмом миллионов бойцов.

Эту истину должны были понять, наконец, и некоторые враги Советской республики.

П. Н. Милюков писал:

«Неудача фронтовой борьбы есть в весьма значительной степени неудача того социального слоя, который взял в свои руки руководство борьбой и сознательно или бессознательно придал ей определенную политическую окраску» [1].

В другом месте Милюков только подтверждает, что одним из трех найденных им громадных козырей у Красной армии первый козырь заключался в социальном составе Красной армии, который «особенно чувствовался при встрече с белыми» [2].

По этому поводу, только уже в отношении политики Антанты, высказался в том же духе и бывш. премьер-министр Италии Ф. Нитти. Он писал:

«Одной из величайших ошибок Антанты, по отношению к России было то, что Антанта обращалась с ней не как с павшей дружеской страной, а как с побежденным врагом. Не было ничего более нелепого, как видеть в людях старого порядка истинных представителей государства, которого больше не существовало.

---

[1] П. Н. Милюков — «Эмиграция на перепутье», стр. 134.

[2] Его же — «Россия на переломе», т. 1, стр. 177.

Вторым козырем Милюков считает географическое расположение борющихся сторон. Красная армия двигалась с голодающего севера на богатый юг, чтобы вернуть хлеб, сахар, нефть, каменный уголь и т. п.; третий козырь — стратегический. Красная армия двигалась по внутренним операционным линиям, дававшим возможность производить перегруппировку, пользуясь железными дорогами, соединявшими различные фронты.

Одной из причин, укрепивших большевиков, была... позиция Антанты, проявившей неоднократно величайшие симпатии к людям старого порядка» [1].

Милюков и Нитти не придавали решающего значения характеру гражданской войны в России, а в социально-политической сущности российской контр-революции видели только одну из причин ее гибели.

События под Петроградом лишний раз иллюстрируют, что основная причина гибели русской контр-революции вытекала из гражданской войны, как борьбы классов.

Борьба за Петроград всколыхнула и подняла на ноги всю революционную страну. И когда окрепшие и воспрянувшие духом ряды Красной армии столкнулись лицом к лицу с врагом, тогда только обнаружились глиняные ноги этого врага. В его рядах начался процесс разложения; мобилизованному населению не по пути было с белыми генералами и царскими чиновниками и оно стало быстро сознавать эту истину. Бывший недавно «великан» распался на отдельные составные части. Классовая червоточина стала разрушать организм Северо-западной армии изнутри.

В борьбе русских рабочих и крестьян с белогвардейцами оказал реальную поддержку и мировой пролетариат. В лагере врагов был полный разброд, на стороне Советской республики были симпатии всех трудящихся и угнетенных всего мира. Рабочие различных предприятий и в различных государствах пытались оказать возможную в их условиях помощь Советской России. Лондонские портовые рабочие отказывались грузить снаряжение и обмундирование для Северо-западной армии Юденича. Ревельские рабочие объявляли забастовки во время прибытия пароходов с военным грузом для Юденича. Разгрузку вынуждены были производить сами офицеры и солдаты белой армии [2].

Поддерживая молодую Советскую республику иностранные рабочие всеми силами рвались в бой со своей отечественной

---

[1] Ф. Нитти — «Европа без мира», перевод с итальянского, с предисловием М. Павловича, П.-М., 1923 г., стр. 125, 128.

Между прочим, любопытно, что Нитти о долгах России высказывается следующим образом: «Новый строй, вышедший из революции, может и не признавать долгов старого порядка и аннулировать их» (стр. 126).

[2] «Историк и современник», вып. 5-й, стр. 134.

буржуазий. Только отсутствие в те годы сильных коммунистических партий в странах Европы и подлое предательство интересов пролетариата со стороны прихвостней капитала — социал-демократов, помогло буржуазии удержаться у власти.

Забастовки рабочих осенью 1919 г. достигали громадных размеров. Повсеместно происходившая стачечная борьба английского пролетариата в октябре и ноябре 1919 г. создавала настолько угрожающую обстановку для своего империалистического правительства, что последнее вынуждено было воздерживаться от оказания большой помощи генералу Юденичу. Забастовки 500.000 железнодорожников, 50.000 металлистов, затем — горнорабочих и железнодорожников — в Англии, 90.000 строительных рабочих и, затем, горнорабочих и всеобщая забастовка 7 ноября — во Франции и забастовки в целом ряде других стран проходили под лозунгом прекращения работ в военной промышленности, снятия блокады и заключения мира с Советской Россией [1]. Этот взрыв массового революционного движения на западе, в момент наступления на Петроград Юденича, довольно ярко характеризовал симпатии рабочего класса всего мира к Советской республике, и, наоборот, — ненависть не только к тем, кто с оружием в руках боролся с советской властью, но и к тем, кто сидя далеко от России на своих министерских креслах, помогал этой войне.

В. И. Ленин по поводу победы над Юденичем послал следующее приветствие [2] рабочим Петрограда:

«Первого привета заслуживают петроградские рабочие, как авангард революционных рабочих и солдат, как авангард трудящихся масс России и всего мира.

Петроградские рабочие первые отвергли власть буржуазии и подняли знамя пролетарской революции против капитализма и империализма. Два года рабочие и трудящиеся крестьяне Советской республики держат победно это знамя, вопреки всем трудностям и мучениям голода, разрухи, разорения. Два года социалистического строительства дали нам, несмотря на бешеную злобу и сопротивление буржуазии, несмотря на военные нашествия всемирного империализма, дали нам большой опыт, дали укрепление советской власти.

Сочувствие рабочих всего мира на нашей стороне. Медленно и трудно, но неуклонно зреет во всех странах пролетарская революция, и зверские

---

[1] «Петроградская правда» за октябрь и ноябрь 1919 г.

[2] «Борьба за Петроград», Гос. изд., 1920 г., стр. 268, 269.

насилия буржуазии только обостряют борьбу, только ускоряют победу пролетариата.

Как раз в последние дни английские реакционеры и империалисты поставили последнюю свою карту на взятие Петрограда. Буржуазия всего мира, и русская особенно, уже предвкушала победу, но вместо победы они получили поражение. Под Петроградом войска Юденича разбиты и отступают. Товарищи рабочие, товарищи красноармейцы, напрягите все силы во что бы то ни стало, преследуйте отступающие войска. Бейте их. Не давайте им ни часа, ни минуты отдыха. Теперь больше всего мы можем и должны ударить, как можно сильнее, чтобы добить врага.

Да здравствует Красная армия, побеждающая царских генералов, белогвардейцев, капиталистов!

Да здравствует Международная советская республика!

Н. Ленин.

5 ноября 1919 г.».

Петроград, отбив врага, встречал вторую годовщину Октябрьской революции под лозунгами: «Петроград навсегда останется Красным Петроградом»; «Нет больше чести, как умереть за Красный Петроград»; «Империалисты обломали зубы о Петроград, Петроград останется авангардом пролетарской революции»; «Петроград стал нам еще дороже. Каждый его камень будем защищать до последней капли крови»; «За два года на Красный Петроград покушались: Керенский, Корнилов, немцы, эстонцы, финны, англичане, Юденич, меньшевики, эсеры, холера,— а Красный Петроград жив и будет жить»; «Мы победили в октябре 1917 г., мы победили в 1918 г., победим и теперь — в 1919 г. Мы окончательно победим, мы добьемся счастья» [1].

В многочисленных приветствиях по адресу петроградских рабочих, по поводу одержанной победы, указывалось на великое значение Петрограда, который является самым дорогим городом для сердца революционера.

Оборона Петрограда вызвала восхищение всего рабочего класса. Открывшийся 5 декабря 7-й Всероссийский съезд советов постановил преподнести Рабочему Петрограду красное знамя со знаком ордена Красного знамени. Коллективный боец — Красный Петроград стал краснознаменным городом-героем.

---

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 22, по описи № 15, дела Петроградского района, л. 53.

Между прочим, в числе лозунгов к проведению 2-й годовщины Октябрьской революции в Петрограде был дан лозунг: «Царствию рабочих и крестьян не будет конца», лозунг, явившийся плодом незрелой марксистской мысли и вызвавший в свое время осуждение со стороны В. И. Ленина.

Отбив врага, Петроград стал переходить на мирные рельсы. Оборонительные работы в городе прекратились. Медленно вливалась струя нормальной жизни.

22 ноября 1919 г. штаб внутренней обороны Петрограда был вновь переименован в штаб Петроградского укрепленного района. Все отряды из рабочих, женщин и коммунистов были распущены. Только районные штабы внутренней обороны временно продолжали свою работу [1].

17 декабря на заседании Военного совета Петроградского укрепленного района было решено восстановить нормальные органы власти в пределах всего Петроградского укрепленного района [2].

25 января 1920 г. Военный совет укрепленного района постановил упразднить районные штабы, передав все функции военного характера в губернский военный комиссариат, гражданские — в отделы районных советов [3].

Все внимание бывших защитников города было обращено в сторону оказания помощи раненым и больным красноармейцам, их семьям, детям, на организацию субботников, различных ударных кампаний и т. п.

Началась лихорадочная работа под новым лозунгом суровой трудовой дисциплины.

Вскоре же после подписания советско-эстонского мирного договора, 10 февраля 1920 г., в 15 часов, председателем Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Лениным был подписан декрет о превращении 7-й армии в Петроградскую революционную армию труда.

Основными видами работы этой трудовой армии являлись: 1) разработка торфяных и сланцевых залежей; 2) заготовка дров; 3) подвоз заготовленного топлива (торф, сланец, дрова) к заводам петроградской промышленности и железнодорожным станциям, его погрузка и выгрузка; 4) организация для этой цели гужевого транспорта; 5) обработка под огороды всей свободной земельной площади, годной для этой цели; 6) широкая организация картофельной кампании и работы в совхозах; 7) усиление ремонта подвижного состава; 8) разгрузка прибыв-

---

[1] ЛАБ, партсекция, связка № 21, по описи № 405, лл. 195, 196.
[2] Там же, АКА, фонд № 249, дело № 10, л. 184.
[3] «Петроградская правда», № 21 от 30 января 1920 г.

шего в Петроград железнодорожным и водным транспортом топлива и продовольствия; 9) ремонт сельско-хозяйственных орудий, разная сельскохозяйственная работа; 10) усиление трудовой дисциплины в предприятиях и снабжение предприятий рабочей силой.

Для такой ответственной и серьезной работы, требовавшей не меньше героизма и выдержки, чем в кровопролитных боях на фронте, в армию было брошено около 25.000 коммунистов при всей численности армии в 100.000 с лишним человек [1].

Однако, с поражением северо-западной контр-революции не закончилась борьба на фронтах Республики. В 1920 г. образовался новый фронт против бело-поляков, знаменовавший собой рецидив интервенции и перерастание гражданской войны в войну внешнюю, революционно-классовую. Война с бело-поляками переплеталась одновременно с последними попытками генерала барона П. Н. Врангеля начать большой поход на Украину. Врангелевщина, продолжавшая внутреннюю гражданскую войну в России, дополняла войну с бело-поляками. Французский империализм в 1920 г. занял первое место, оказывая и тем и другим свою помощь и поддержку. Английский империализм довольствовался только дипломатическим поприщем для всякого рода угроз по адресу Советской России. Именно тогда, во время успешного наступления Красной армии на Варшаву, английский империализм в ноте лорда Д. Керзона требовал остановить это наступление, угрожая в противном случае возобновлением похода на Петроград. Но этот шаг Англии вызвал на следующий же день могучий протест английских рабочих, пошли митинги, собрания, организовались комитеты действия и т. п. с целью воспрепятствовать империалистическим планам английской буржуазии.

Со времени 1920 г. прошло много трудных и героических лет. По окончании войны все силы Советской республики были направлены в сторону поднятия всего народного хозяйства, развития крупной промышленности, строительства социалистического государства.

Образовавшийся Союз советских социалистических республик с каждым годом крепнет и представляет из себя надежный

---

[1] «Петроградская правда», № 31 от 11 февраля 1920 г.

оплот для противодействия хищнической политике мировой буржуазии.

Капитализм в странах Европы переживает предсмертный период.

Революционные вспышки начинают потрясать буржуазный мир.

События последнего времени со всей неизбежностью предвещают великие классовые битвы. Грозные тучи войны начинают постепенно сгущаться над горизонтом Советского Союза.

Разрыв дипломатических отношений между Англией и Советским Союзом является одним из этапов осуществления политики английских империалистов.

Балтийское море становится одной из арен грядущей борьбы. Ведущаяся подготовка на Балтийском море, мероприятия по обороне побережий, устройство военных баз, усиленная работа буржуазных стран над укреплением своих сухопутных, морских и воздушных военных сил — все это говорит о проведении в жизнь широкого английского плана нападения на Советский Союз и в первую очередь — на Ленинград.

Только СССР идет по пути сохранения мира.

В декабре 1927 г. делегация Советского Союза в Женеве, в лице М. М. Литвинова, во всеуслышание объявила предложение Советского правительства о полном и всеобщем разоружении, об уничтожении всех сухопутных, морских и воздушных военных сил, о ликвидации всей военной промышленности и т. п. во всем мире. Однако, как и следовало ожидать, представители буржуазных государств на заседании подготовительной комиссии по подготовке конференции по разоружению заявили в Женеве о неосуществимости советского предложения.

Интересы капитала толкают не в сторону разоружения, а в сторону постоянного увеличения вооруженных армий и расширения военной промышленности.

Пусть же для грядущих схваток Советского Союза с мировым капиталом будет ярким примером одна из самых героических страниц гражданской войны в России — защита великого города Октябрьской революции — Петрограда.

Петроград был великим бунтовщиком — застрельщиком Октябрьской революции. Петроград приобрел себе славу бойца-героя.

Ленинград вошел в историю, как крупнейший индустриальный город Советского Союза, как один из мощных рычагов социалистического строительства. Ленинград войдет в историю, как родина мирового Октября.

Социалистическое строительство в СССР создает максимально благоприятные условия для бурного развития революционного движения за границей. Пролетариат Союза подготовляет почву для победоносной социалистической революции во всем мире.

Всякая новая империалистическая война превратится в войну гражданскую.

В огне гражданской войны в России сгорела отечественная контр-революция.

В пламени мирового Октября сгорит мировая контр-революция.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ.

1918 год.

Октябрь

9 — Из Ковно от имени главного военного германского командования на Востоке прибыла в Псков комиссия с инструкциями о формировании русской белой армии в Пскове.

10 — Первое военное русско-германское совещание, на котором было постановлено немедленно приступить к формированию Северной армии.

16 — Конспиративное совещание в Елиазаровском монастыре представителей от 3-го Петроградского кавалерийского полка, Чудской озерной флотилии и белогвардейцев из Пскова. На совещании был принципиально решен вопрос о переходе кавалерийского полка и Чудской флотилии на сторону белой армии.

17 — На очередном свидании представителей 3-го Петроградского кавалерийского полка с псковскими белогвардейцами были выработаны условия перехода полка на сторону белых.

26 — Измена одного эскадрона 3-го Петроградского кавалерийского полка 3-й Петроградской дивизии.

28 — Измена трех судов Чудской озерной флотилии под командованием Д. Д. Нелидова.

Ноябрь

1 — Восстание германских матросов в крепости Киле.

5 — Революционное движение германского пролетариата в Берлине и в других городах, всеобщая забастовка, рабочие демонстрации.

5 — 6 — Измена остальных эскадронов 3-го Петроградского кавалерийского полка во главе с С. Н. Булак-Балаховичем.

9 — Вильгельм II отрекся от престола и бежал в Голландию.

11 — Перемирие между Антантой и Германией.

17 — Главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР принял меры к переброске из Вятки в район Новгорода, Старой Руссы, Дно и Луга 10-й стрелковой дивизии.

18 — 7-я армия получила задание овладеть Ревелем.

Псковский, Островский и Режицкий уезды белогвардейцами объявлены на осадном положении.

21 — Все пограничные оккупационные германские войска отошли вглубь Прибалтики.
25 — Южная группа 7-й армии начала наступление на Псков.
27 — Утром Красная армия взяла Псков.
28 — Красной армией взят гор. Нарва.

Декабрь

6 — Заключен договор между Северным корпусом белых и эстонским правительством о переходе корпуса на эстонскую службу.
16 — Делегация от Псковского отдельного добровольческого корпуса белых была принята английским адмиралом Синклером в Риге на крейсере «Кардиф».
20 — 25 — Совершился фактический переход Псковского корпуса Северной армии белых на службу к Эстонии.

1919 год.

Январь

5 — В Риге провозглашена Советская власть.
18 — Бело-эстонские войска перешли в наступление на части Красной армии.
19 — Бело-эстонские войска отбросили Северную группу 7-й армии за реку Нарову.
31 — Бело-эстонцы заняли гор. Валк.

Февраль

1 — Бело-эстонские войска заняли гор. Верро.

Март

15 — 16 — Налет С. Н. Булак-Балаховича на базу Чудской озерной флотилии «Раскопель».
30 — В Петрограде агенты контр-революции пытались взорвать водопроводные станции на Петроградской стороне и на улице И. А. Воинова

Апрель

3 — Петроградская боевая дружина левых эсеров распространила воззвание с объявлением беспощадного террора коммунистам.
5 — Налет С. Н. Булак-Балаховича на Гдов.

Май

2 — Совет Рабоче-крестьянской обороны РСФСР постановил объявить Петроград, Петроградскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении.
В Петрограде создан Комитет рабочей обороны.
8 — Комитет обороны Петрограда постановил организовать управление начальника внутренней обороны Петрограда.
13 — Начало первого наступления белогвардейцев на Петроград.

15 — Весь район левого боевого участка 6-й стрелковой дивизии между реками Плюссой и Лугой захвачен белогвардейцами.

На реке Луге высадился десант противника и повел наступление на селения Б. Куземкино и Получье.

Отряд С. Н. Булак-Балаховича занял Гдов.

16 — Белогвардейцы овладели станцией Веймари.

Дан приказ об отступлении 6-й стрелковой дивизии.

17 — Части Северного корпуса белых подошли к с. Керстово.

На побережьи Копорского залива у с.с. Пейпия, Систа-Палкино и Долгово высадился десант ингерманландцев.

18 — Белогвардейцы заняли станцию Вруда.

20 — Измена двух пароходов («Ольга» и «Ермак») Чудской озерной флотилии.

21 — Псков и губерния объявлены на осадном положении.

22 — ЦК РКП(б) обратился со специальным воззванием к партийным и советским организациям Петроградской, Новгородской, Псковской, Тверской, Олонецкой, Северо-Двинской, Вологодской, Череповецкой и Витебской губерний отправлять всех мобилизованных на помощь Петрограду.

24 — При Н. Н. Юдениче в Гельсингфорсе образовано из представителей русской буржуазии так называемое политсовещание.

Измена командного состава 1-й Эстонской советской дивизии в районе Изборска.

25 — Псков оставлен Красной армией.

26 — В Псков вошли бело-эстонские части.

28 — Белогвардейцы захватили станцию Волосово и к вечеру — станцию Кикерино.

Штаб среднего боевого участка 6-й дивизии переехал в Гатчину.

29 — Измена 3-го батальона 3-го пехотного полка 2-й Петроградской бригады особого назначения в дер. Выра.

В Псков прибыл отряд С. Н. Булак-Балаховича.

Июнь

4 — Эскадренные миноносцы Балтийского флота «Гавриил» и «Азард» потопили английскую подводную лодку «L — 55».

5 — Колчак назначил Юденича главнокомандующим всеми российскими вооруженными сухопутными и морскими силами, действующими против большевиков в Прибалтийском районе.

13 — 15 — Восстание форта «Красная горка».

14 — Обыски в буржуазных квартирах Петрограда.

Юденич получил приказ Колчака о своем назначении главнокомандующим.

18 — Английский быстроходный катер взорвал крейсер «Олег».

19 — Издан приказ командира Отдельного корпуса Северной армии белых о временном праве пользования землей.

Северный корпус белых переименован в Северную армию.

23 — Юденич отдал первый свой приказ по Северо-западной армии, в котором говорил о своем назначении главнокомандующим этой армией.

Июль

1 — Северная армия по настоянию английского командования в Ревеле была переименована в Северо-западную армию.

4 — ЦК РКП(б) на своем заседании постановил предложить Реввоенсоветам 5-й и 2-й армий Восточного фронта оказать продовольственную помощь 7-й армии.

18 — Революционный совет 7-й армии постановил упразднить управление начальника внутренней обороны Петрограда и организовать управление начальника Петроградского укрепленного района.

Август

4 — Начальник союзных военных миссий в Прибалтике английски генерал Губерт Гоф послал Юденичу письмо с указанием на недопустимость начавшихся в Северо-западной армии разговоров о немецкой ориентации.

5 — Части Красной армии заняли Ямбург.

10 — 11 — Организация Северо-западного правительства.

18 — Английские катера произвели налет на Кронштадт.

22 — Юденич из Нарвы отдал приказ командиру 3-го стрелкового Талабского полка Б. С. Пермыкину формировать карательную экспедицию и двинуться в Псков для ареста чинов штаба С. Н. Булак-Балаховича.

23 — Отряд Б. С. Пермыкина прибыл в Псков и арестовал некоторых офицеров из штаба С. Н. Булак-Балаховича.

26 — Красная армия заняла Псков.

В Риге состоялось военное совещание, на котором присутствовали представители Юденича, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Англии и Западного добровольческого корпуса по вопросу о создании единого антисоветского фронта.

31 — Народный комиссар по иностранным делам РСФСР предложил эстонскому правительству начать мирные переговоры.

Сентябрь

7 — Части Красной армии вышли на восточное побережье Псковского озера от устья реки Черной до устья реки Великой.

14 — В Ревеле состоялось совещание министров иностранных дел Финляндии, Латвии, Литвы и Эстонии по поводу мирного предложения РСФСР Эстонии.

25 — Заключен договор Западно-русского правительства с банкирским домом «И. П. Морган» о займе 300 миллионов марок на 10 лет.

28 — Северо-западная армия белых предприняла наступление в лужском и псковском направлениях.

29 — В Юрьеве открылась конференция прибалтийских государств, на которой разбиралось мирное предложение РСФСР.

Октябрь

4 — Правительства Эстонии, Латвии и Литвы известили НКИД РСФСР о своем согласии начать предварительные мирные переговоры 25 октября в Юрьеве.

6 — Командовавший Западной русско-немецкой добровольческой армией П. М. Авалов-Бермондт послал телеграмму председателю совета министров Латвии с требованием пропуска его войск на большевистский фронт.

7 — П. М. Авалов-Бермондт приказал открыть боевые действия против Латвии.

9 — Войска П. М. Авалова-Бермондта заняли предместье Риги — Торенсберг и мосты через реку Западную Двину.

Латвийское правительство переехало из Риги в Венден и запросило помощи у Эстонии.

Юденич издал приказ о смещении Бермондта с должности командующего Западной русско-немецкой добровольческой армией.

10 — П. М. Авалов-Бермондт предложил перемирие Латвии.

В Ригу спешно прибыли 4 эстонских бронированных поезда, а ночью в Больдераа из Финского залива прибыла эскадра английских крейсеров.

11 — Главные силы Северо-западной армии белых заняли Ямбург.

С. Д. Сазонов послал телеграмму А. В. Колчаку с указанием условий возможного соглашения с Финляндией о помощи Юденичу.

12 — Начались активные действия эстонского и английского флотов на море.

13 — Военный совет Петроградского укрепленного района постановил усилить осадное положение в Петрограде и принял целый ряд мер по обороне города.

14 — В. И. Ленин в своей телеграмме указал на необходимость немедленно отбить противника.

15 — Политбюро ЦК РКП(б) на своем заседании постановило Петрограда не сдавать.

Белогвардейцы заняли Лугу, Плюссу и Серебрянку.

Английская эскадра открыла огонь по Усть-Двинску, занятому войсками П. М. Бермондта.

16 — Белогвардейцы заняли Красное село.

17 — Белогвардейцы заняли Гатчину и Струги-белые.

Штаб 7-й армии из Детского села переехал в Петроград.

В. И. Ленин обратился с воззванием к рабочим и красноармейцам Петрограда.

На заседании Военного совета Петроградского укрепленного района было решено организовать внутреннюю оборону города и штаб Петроградского укрепленного района переименовать в штаб внутренней обороны Петрограда.

Послана телеграмма ко всем партийным и советским учреждениям, ко всем рабочим и крестьянам Петроградской, Новгородской Псковской, Череповецкой и Олонецкой губерний о необходимости оказать помощь Петрограду.

Комиссариат по военным делам Петрограда и губернии опубликовал обязательное постановление о мобилизации рабочих города, родившихся с 1879 по 1901 гг.

18 — Юденич отдал приказ 1-му корпусу Северо-западной армии ворваться в город.

19 — 5-я, белогвардейская, дивизия А. П. Ливена заняла поселок Лигово.

20 — Части 7-й, советской, армии отошли на линию Пулковских высот.

Штаб 6-й, советской, стрелковой дивизии переехал в Петроград на Балтийский вокзал.

Белые заняли Павловск, Царскую Славянку и Детское село.

А. В. Колчак в ответной телеграмме на имя С. Д. Сазонова указал, что он отказывается декларировать признание независимости Финляндии.

21 — Белогвардейцы заняли жел.-дор. станцию Батецкая.

Совет внутренней обороны Петрограда разрешил целый ряд вопросов, связанных с внутренней обороной Петрограда и постановил вести активную оборону города, а не выигрывать время до подхода подкреплений.

Эскадренные миноносцы Балтийского флота «Гавриил», «Свобода» и «Константин» взорвались на минном поле в Копорском заливе.

Красным командованием выработан план контр-наступления частей 7-й и 15-й армий.

21 — 22 — Упорные бои за Пулковские высоты.

23 — Части 7-й армии заняли Детское село и Павловск.

24 — Финляндское правительство передало французскому генералу Этьевану и представителю Юденича в Финляндии генералу А. А. Гулевичу свои условия оказания вооруженной помощи Юденичу.

26 — Штаб внутренней обороны Петрограда разослал по районам первый вариант оперативного плана обороны города.

Красная армия заняла Красное село и жел.-дор. станцию Плюсса.

27 — Английский монитор обстреливал из 15-дюймовых орудий советское побережье Финского залива.

Н. Н. Юденич послал телеграмму А. В. Колчаку, в которой указывал на необходимость срочного признания независимости Финляндии.

29 — Юденич обратился с просьбой к председателю Северо-западного правительства С. Г. Лианозову сделать все возможное для достижения соглашения с Финляндией о военной помощи.

31 — Части 15-й армии заняли Лугу.

Ноябрь

3 — Сев.-зап. армия белых оставила без боя Гатчино.

Начало рейда красной кавалерийской группы на Гдов.

4 — Колчак ответил Юденичу о своей готовности вступить в прямые сношения с финляндским правительством, аккредитовать при нем посланника и ничем не нарушать фактически независимость Финляндии, но от объявления независимости Финляндии попрежнему отказался.

Финляндское правительство опубликовало официальное заявление об отказе Юденичу в помощи своей регулярной армией.

7 — Красная армия взяла Гдов.

На заседании президиума финляндской социал-демократической партии было вынесено постановление, осуждающее интервенцию.

11—12 — Части 7-й и 15-й армий вышли к нижнему течению реки Луги.

14 — Красная армия взяла Ямбург.

Телеграмма Юденича к эстонскому главнокомандующему И. Я. Лайдонеру о принятии Сев.-зап. армии под покровительство Эстонии.

16 — Эстонское правительство разрешило перейти некоторым частям Северо-западной армии на левый берег реки Наровы.

19 — Подписано соглашение об обмене пленными между РСФСР — с одной стороны, Эстонией, Латвией и Литвой — с другой.

20 — С. Д. Сазонов послал телеграмму Колчаку и Юденичу с извещением о том, что французское правительство по его просьбе заявило Эстонии о недопустимости разоружения Сев.-зап. армии белых.

21 — 22 — Части Западной русско-немецкой добровольческой армии оставили район Митавы и отошли на линию Шавли — Муравьево.

23 — Штаб внутренней обороны Петрограда переименован в штаб Петроградского укрепленного района.

25 — В Копенгагене начались переговоры между британским делегатом О'Греди и М. М. Литвиновым по вопросу об обмене пленными.

28 — Н. Н. Юденич передал командование Северо-западной армией генералу П. В. Глазенапу.

Декабрь

1 — Началась отправка первых эшелонов с войсками П. М. Бермондта в Германию в район — Нейссе, Оппельн и Альтенграбов.

5 — Открылась советско-эстонская мирная конференция в Юрьеве.

Последнее заседание Северо-западного правительства.

7-й Всероссийский съезд советов постановил вручить Петроградскому совету красное знамя со знаком ордена Красного знамени за оборону Петрограда от Юденича.

15 — Свидание П. М. Авалова-Бермондта с министром государственной обороны Германии Густавом Носке в Берлине.

16 — Итальянский парламент обратился к итальянскому правительству с требованием добиться от Союзного совета снятия блокады с РСФСР.

18 — Состоялось соглашение между РСФСР и Данией об отправке в Советскую Россию пароходов с медикаментами, продовольствием и огородными семенами.

31 — Подписан договор о перемирии между РСФСР и эстонской демократической республикой.

1920 год.

Январь

8 — В Париже открылась так называемая 2-я Парижская конференция в присутствии Д. Ллойд-Джорджа, Ж. Клемансо и Ф. Нитти, где разбирался вопрос об изменении политики Европейских государств по отношению к РСФСР.

11 — Переговоры в Копенгагене между О'Греди и М. М. Литвиновым закончились соглашением, по которому британское правительство разрешило отправить в Советскую Россию пароходы с закупленными Литвиновым медикаментами, продовольствием и огородными семенами.

17 — Верховный совет постановил войти в торговые сношения с населением Советской России через кооперацию.

22 — Юденич издал приказ о полной ликвидации Северо-западной армии.

25 — Военный совет Петроградского укрепленного района постановил упразднить районные штабы внутренней обороны.

28 — Арест Н. Н. Юденича группой белых офицеров во главе с С. Н. Булак-Балаховичем.

Февраль

2 — Подписан мирный договор в Юрьеве между РСФСР и Эстонией.

5 — Мирный договор с Эстонией утвержден первой сессией ВЦИКа.

10 — Председателем Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Лениным подписан декрет о превращении 7-й армии в Петроградскую революционную армию труда.

13 — Мирный договор между РСФСР и Эстонией утвержден Учредительным собранием Эстонской народной республики.

Март

2 — Эстонское Учредительное собрание приняло закон о 2-месячных обязательных лесных работах для всех мужчин от 18 до 50 лет, не занимающихся никаким постоянным трудом. Этот декрет непосредственно относился к бывшим остаткам Северо-западной армии белых.

Апрель

15 — Распоряжением графа И. К. Палена была закрыта навсегда работавшая под его председательством ликвидационная комиссия бывш. Северо-западной армии белых.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.

1. КНИГИ.

а. Советские издания.

М. Арсеньев — «Форт Краснофлотский» (краткий исторический очерк), изд. ред.-изд. отдела Морских сил РККА, Л., 1926 г.

А. Е. Бадаев — «Десять лет борьбы и строительства» (Продовольственно-кооперативная работа в Ленинграде. 1917 — 1927 г.), изд. «Прибой», Л., 1927 г.

М. Г. Бах — «Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за десять лет. 1917 — 1927 гг.», изд. Комм. академии, М., 1928 г.

Вадим Белов — «Белое похмелье» (Русская эмиграция на распутьи), Гос. изд., М.-П., 1923 г.

П. Беляков — «Комсомол на фронтах», изд. «Молодая гвардия», М.-Л. 1928 г.

А. Богат — «Работница и крестьянка в Красной армии», Гос. изд., М.-Л., 1928 г.

Джордж Бьюкенен — «Мемуары дипломата», Гос. изд., М., 1925 г.

Вера Владимирова — «Год службы «социалистов» капиталистам» (очерки по истории контр-революции в 1918 г.), под редакцией Я. А. Яковлева, Гос. изд., М.-Л., 1927 г.

А. И. Деникин — «Поход на Москву», изд. «Федерация», М., 1928 г.

В. И. Игнатьев — «Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917 — 1921 гг.)», часть I — «Октябрь 1917 г. — август 1919 г., Петроград, Вологда, Архангельск», (личные воспоминания), Гос. изд., П., 1926 г.

Н. Какурин — «Как сражалась революция», т. 2, Гос. изд., М.-Л., 1922 г.

И. Калинин — «Русская Вандея», Гос. изд., М.-Л., 1926 г.

Ю. В. Ключников и А. Сабанин — «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. 2-я, изд. Литиздата НКИД, М., 1926 г.

М. Я. Лацис (Судрабс) — «Два года борьбы на внутреннем фронте» (популярный обзор двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлением по должности), Гос. изд., М., 1920 г.

В. И. Ленин — Сочинения, том XXV — «1920 г.», 2-е изд., Гос. изд. М.-Л., 1928 г.

Н. Ленин (В. Ульянов) — Собрание сочинений, том XX доподнительный, ч. 2-я — «1917 — 1922 гг.», Гос. изд., М.-Л., 1926 г.

И. Майский — «Внешняя политика РСФСР, 1917 — 1922 гг.», изд. «Красная новь», М., 1922 г.

Д. Надежный — «На подступах к Петрограду», Гос. изд., М.-Л., 1928 г.

Ф. Нитти — «Европа без мира», перевод с итальянского с предисловием М. Павловича, Гос. изд., П.-М., 1923 г.

Густав Носке — «Записки о германской революции» (от восстания в Киле до заговора Каппа), Гос. изд., М., 1922 г.

С. Оликов — «Дезертирство в Красной армии и борьба с ним», изд. Военной типографии при управлении делами Наркомвоенмор и РВС СССР, Л., 1926 г.

Н. Подвойский — «Коммунары защищают Красный Петроград», Гос. изд., М.-Л., 1927 г.

М. Н. Покровский — «Внешняя политика России в XX веке», изд. Комм университета имени Я. М. Свердлова, М., 1926 г.

«Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР», полный отчет по стенограмме суда с примечаниями, под общей редакцией И. Шубина (Самарина), изд. Литиздата НКИД, М., 1924 г.

И. Субботовский, — «Союзники, русские реакционеры и интервенция», Л., 1926 г.

М. Танин — «10 лет внешней политики СССР», Гос. изд., М.-Л., 1928 г.

Л. Троцкий — «Как вооружалась революция», т. 2-й, кн. 1-я, изд. ВВРС, М., 1924 г.

Г. Л. Шидловский — «Товарищ Раков», изд. «Прибой», Л., 1926 г.

6. Белогвардейские издания.

П. Авалов — «В борьбе с большевизмом», изд-во и типография И. И. Августина, Глюкштадт и Гамбург, 1925 г.

«Архив гражданской войны», т. 1-й, Берлин.

«Белое дело», т. 1-й, книгоизд-во «Медный всадник», Берлин; т. 2-й, Берлин, февраль 1927 г.

«Белый архив», вып. 1-й, Париж, 1926 г.

«Архив русской революции», издаваемый И. В. Гессеном, т. 1, изд. 2-е, Берлин, 1922 г., и т. 2-й.

Г. К. Гинс — «Сибирь, союзники и Колчак», т. 2-й, ч. 3-я, Пекин. 1921 г.

В. Горн — «Гражданская война на северо-западе России», изд. Гамаюн, Берлин, 1923 г.

А. И. Деникин — «Очерки русской смуты», т. 4-й, книгоиздат-во «Слово», Берлин, 1925 г., и т. 5-й, изд. «Медный всадник», Берлин, 1926 г.

«Записки белого офицера» (Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода), изд. акц. об-ва Эвлунд и Петерсон, Гельсингфорс, 1920 г.

«Историк и современник» (историко-литературный сборник), вып. 1-й, Берлин, 1922 г.; вып. 5-й, 1924 г.

Г. Кирдецов — «У ворот Петрограда» (1919—1920 гг.), Берлин, русск. типография Е. А. Гутнова, 1921 г.

А. С. Лукомский — «Воспоминания», т. 2-й, Берлин, 1922 г.

М. С. Маргулиес — «Год интервенции», книга 2-я, изд. 3-е, и книга 3-я, изд. И. Гржебина, 1923 г.

П. Милюков — «Россия на переломе», тт. 1-й и 2-й, Париж, 1927 г.

П. Н. Милюков — «Эмиграция на перепутьи».

А. П. Родзянко — «Воспоминания о Северо-западной армии», Берлин, тип. об-ва «Ареса», 1921 г.

2. СБОРНИКИ.

«Борьба за Петроград», Гос. изд., П., 1920 и 1923 гг. (1-е и 2-е изд.).

«Гражданская война», т. 2-й, ч. 1-я, изд. историч. отдела операт. управления штаба РККФ, Л., 1926 г.

«Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах», т. 2-й, часть 2-я — «Озерные и речные флотилии» (север и северо-запад), изд. Исторического отдела оперативного управления РККФ, Л., 1926 г.

«Гражданская война», т. 1-й, изд. «Военный вестник», М., 1928 г.

«Десять лет 10-й стрелковой дивизии РККА» (исторический очерк за 1918 — 1928 гг.), изд. политотдела 10-й стр. дивизии, Вологда, 1928 г.

«Десять лет советской дипломатии» (акты и документы), изд. Литиздата НКИД, М., 1927 г.

«За пять лет. 1917—1922» (исторический сборник к пятилетию питерской организации РКСМ), изд. «Юный пролетарий», П., 1922 г.

«Кто должник», изд. Авиоиздательство, М., 1926 г.

«Материалы по статистике Петрограда», вып. 1-й, Гос. изд., П., 1920 г., статья С. А. Новосельского — «Естественное движение населения в Петрограде в 1919 г.».

«На фронт и на фронте», сборник воспоминаний Московского истмола, изд. «Московский рабочий», 1927 г., статья Ф. Зуйкова — «На защиту Питера».

«Последние дни колчаковщины», сборник документов Центрархива, Гос. изд., М., 1926 г.

«Пять лет 11-й Петроградской стрелковой дивизии», изд. Политотдела дивизии, П., 1923 г.

«Сборник трудов ВНО при Военной академии», М., 1922 г.

«Статистический ежегодник 1918 — 1920 гг.», труды Центрального статистического управления, т. 8-й, вып. 1-й, М., 1921 г.

3. ЖУРНАЛЫ.

«Военный вестник», № 10 от 10 марта 1928 г.

«Война и революция», книга 2-я, февраль 1928 г.; книга 12-я, декабрь 1928 г.

«Красный архив, № 2(21) за 1927 г., Гос. изд., М.-Л.

«Красный флот», № 8, Л., 1925 г.; № 20, октябрь 1927 г., Л.; книга № 3—4, февраль 1928 г., изд. Управления военно-морских сил РККА, Л.

«Морской сборник», военно-морской научный журнал, № 11, П., 1923 г.

«Морской сборник», № 1, январь 1929 г., изд. управления военно-морских сил РККА, Л.

«Пролетарская революция», № 1, Гос. изд., М., 1921 г.
«Революция и война», сборник 2-й, Смоленск, 1920 г.
«Сборник материалов Петербургского комитета РКП(б)», вып. 1-й, январь—июнь 1920 г.; вып. 3-й, 1921 г.; изд. ПК РКП(б), П.
«Справочник петроградского агитатора», № 4 от 15 июля 1921 г., П.
«Спутник большевика» — орган Псковского губ. комитета ВКП(б), октябрь — ноябрь, №№ 10 — 11 (62 — 63), Псков, 1926 г.

4. ГАЗЕТЫ.

(Ноябрь 1918 г. — апрель 1920 г.).

а. Советские.

(По датам).

«Петроградская правда».
«Известия Петроградского совета».
«Правда»—ЦО ВКП(б).
«Известия ВЦИКа».
«Северная коммуна», № 146 от 2 ноября 1918 г., Петроград.
«Красный набат», № 12 от 4 сентября 1919 г., Великие Луки.
«Красная газета», № 233 от 15 октября 1919 г., Петроград, утренний выпуск.
«Псковский набат», № 53 от 31 октября 1919 г. и № 65 от 14 ноября 1919 г.
«Коммунист», № 214 от 14 сентября 1928 г., Череповец.

б. Белогвардейские.

(По датам).

«Псковская газета», № 97 от 19 ноября 1918 г.
«Моя газета», № 104 от 22 ноября 1918 г., г. Остров.
«Русский листок», № 31 от 9 февраля 1919 г., Гельсингфорс.
«Северная жизнь», № 40 от 19 февраля 1919 г., Гельсингфорс.
«Русская жизнь», № 54 от 9 мая 1919 г., Гельсингфорс.
«Новая Россия освобождаемая», № 1 от 31 мая 1919 г., Псков.
«Псковское вече», № 24 от 23 августа 1919 г.

5. АРХИВЫ.

Архив Ленинградского областного истпарта (АЛОИ) [1], — связки: № 1, № 4-а, № 5 (папки №№ 2, 7 и 10), № 8 (дела №№ 102 и 109), № 9 (дело № 175), № 11 (дело № 199), № 13 (дело № 242), № 14 (дело № 191), № 18 (дело № 31), № 21 (дело № 32), № 23 (дело № 58), № 28 (дела №№ 6 и 11) и № 37; особая папка.

[1] Архив АЛОИ — в несистематезированном виде, в виду его реорганизации.

Центральный военно-политический архив при Военно-политической академии РККА имени Н. Г. Толмачева (ЦВПА при ВПАТ)[1], — связки: № 1 (дело № 56/21), № 7, № 8, № 11, № 23 (дела №№ 4 и 5), № 25, № 26 (дело № 82-б), № 39, № 42 (дело № 35), № 44 (дело № 39), № 45 (дело № 20), № 55 (дело № 17-к) и № 79.

Ленинградское архивное бюро (ЛАБ):

а) партсекция, — связки: № 1 (по описи № 7, дела Петроградского губкома РКП(б); № 19 (по описи №№ 7, 9 и 335); № 21 (по описи №№ 400, 405 и 408) и № 22 (по описи №№ 2, 15, 16, 19, 23 и 47).

б) политсекция, фонд № 54, связка № 4, дело № 18, по описи № 43.

в) архив Красной армии (ЛАБ, АКА), — фонды: № 28 (связка № 21, дело № 85), № 145 (дело по описи № 24) и № 249 (дела по описи №№ 10, 11, 16, 19, 21 и 28).

Псковское архивное бюро (ПАБ), — фонд губисполкома № 68 (по описи № 9, дело № 3, и по описи № 10, дело № 4).

* * *

Материалы: Ленинградского областного истпарта (МЛОИ), Василеостровской и Московско-Нарвской районных и Псковской окружной истпарткомиссий и музеев революции: Ленинградского и Псковского.

---

[1] В настоящее время ЦВПА при ВПАТ реорганизован. В книге делаются ссылки на нумерацию дел этого архива по старой описи.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *).

А

Абрами — 110.
Абрамов — 371.
Авалов-Бермондт П. М. — 27, 33, 50, 57, 59, 223, 224 239, 417, 418, 419, 420, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 442, 494, 501, 504, 505, 506, 567, 598, 510.
Авров Д. Н. — 159, 187, 279, 281, 287, 292, 296, 317.
Аллерберг, фон — 35.
Айпис — 116.
Аксаков — 49.
Александров (комбриг) — 102.
Александров К. — 393.
Александров К. А. — 229, 231, 232.
Алексеев (подполковник) — 90.
Алексеев И. А. — 318.
Алексеев М. В. — 14, 15, 16, 17.
Алексин В. Е. — 318.
Альтфатер Д. В. — 427.
Амениикий А. М. — 324, 330.
Анасовский Я. И. — 393, 394, 397.
Андреевский 1-й — 51.
Андреевский 2-й — 51.
Андреевский С. С. — 21, 51.
Анучин Д. И. — 324.
Анцелович Н. М. — 187.
Аркадьев А. — 171.
Арсений (псковский архиерей) — 123.
Арсеньев Е. А. — 20, 21, 86 213, 225, 241.
Арцыбашев — 162.
Астров Н. И. — 18.
Афанасьев (полковник) — 36, 60, 78, 84.
Афанасьев А. А. — 109.

Б

Бабурский — 371.
Баварский Леопольд — см. Леопольд Баварский.
Бадаев А. Е. — 403.
Баденцык — 88.
Бакаев И. П. — 158, 187.
Бальфур А.-Д. — 222.
Барщ — 229.
Батов П. Д. — 28.
Башкиров М. Е. — 248.
Белорусский — 145.
Бельгард А. В. — 419.
Беньяшевич — 418.
Берг, фон, Г. — 420, 421, 422.
Берзин (село-латыш) — 81.
Берзин Р. — 67, 73, 447.
Беркенгейм А. М. — 477.
Бермондт П. М. — см. Авалов П. М.
Бибиков А. В. — 36, 60, 78, 84, 88, 90, 99, 131.
Бизе — 61, 62.
Биконсфильд — 501.
Бискупский В. В. — 419, 420, 421, 422.
Блейхредер — 419.
Блоха Г. Т. — 393, 397.
Блюм — 372.
Блюмберг Ж. К. — 108.
Бобрищев А. А. — 194, 292, 297.
Богданов (командир отряда) — 162.
Богданов П. А. — 232.
Большаков Н. К. — 350.
Борден-фон-Борделиус — 35.
Брок Р. Г. — 45.
Буденный С. М. — 252.
Будкевич — 150.
Буксгевден В. А. — 213.
Булак-Балахович И. Н. — 40, 44, 47, 99.
Булак-Балахович С. Н. — 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 51, 56, 60, 61, 62, 78, 84, 88, 89, 90, 92, 93, 94, 99, 100, 104, 106, 109, 110, 114, 123, 125, 126, 130, 131, 163, 197, 198, 199, 200, 203, 472, 473, 483.
Буллит В. — 209.
Бурышкин А. И. — 18.
Буров — 152, 153.
Бутвель — 19.
Бутвиловский С. А. — 19, 20, 24.
Бюкенен Д.-У. — 221, 500.

В

Вааль, фон — 59, 84.
Вандам А. Е. — 31, 34, 35, 36, 43, 55, 56, 89, 413.
Варгазин А. А. — 320.
Варфоломеев И. А. — 323.
Васильев А. — 371.
Васильев А. Г. — 316.
Васильев И. В. — 318.
Вейганд — 223.
Венола — 436.
Верховцев А. Г. — 300.
Веселов — 162.
Ветренко — 58, 61, 78, 84, 89 90, 94, 98, 99, 100, 106, 243, 244, 482, 493.
Ветчинкин — 58.
Видякин — 39, 41, 90, 99.
Вилисов М. С. — 390.
Вильгельм II — 53, 126.
Вильсон В. — 209.
Винтер-Свистунов — 29.
Вирбелауер — 437.
Витте С. Ю. — 18.
Владимиров, см. Новогребельский К. С.
Волков (белогвардеец) — 21, 51.
Волков М. А. — 318.
Волконский В. М. — 19, 213, 226.
Вольф, фон — 31, 34, 76, 79.
Воробьев — 268.
Врангель П. Н. — 516.
Выдыборец А. И. — 354.

Г

Г. (губернатор) — 30.
Гаммерштейн, фон — 30, 31, 34.
Гауг — 223.
Гей К. В. — 118, 121.
Геннинг — 140.
Георг — 90, 99, 106.
Гершельман А. К. — 30, 31, 34, 199.
Гессен И. В. — 438.
Гильберт — 34, 35.
Гинденбург П. — 427.
Гинс Г. К. — 433.
Глазенап П. В. — 247, 248, 414, 457, 467, 473, 483, 492.

*) В этом указателе помещены фамилии лиц, встречающихся только в тексте и в подстрочных пояснительных примечаниях.

Фамилии, встречающиеся в подстрочных примечаниях со ссылками на литературные и архивные источники и упоминающиеся в списке источников и в хронике событий (в приложениях), — в указатель не вошли.

Глерон М. — 385.
Гольтгоер К. А. — 20.
Гольц, фон-дер, К. — 19, 220, 221, 223, 224, 417, 418, 419, 505.
Горн В. Л. — 229, 231, 232, 237, 414, 435, 436, 460, 472, 489, 496.
Горский А. П. — 29, 30, 58.
Гоф Г. — 232, 238, 239, 240.
Гофман М. — 10.
Гоштовт — 34, 82.
О'Греди — 476.
Григоров — 419.
Григорчук — 49.
Григорьев (капитан) — 99.
Григорьев (командир отряда) — 142.
Григорьев М. Г. — 323.
Гришин — 42.
Громов — 268.
Гроссен Г. И. — 455, 456, 471.
Грубе А. И. — 213.
Гуковский И. Э. — 466.
Гулевич А. А. — 226, 431.
Гурко (Ромейко) В. И. — 18, 27, 32.
Гусев А. И. — 343.
Гучков А. И. — 207.

Д

Данилов — 88, 90, 91, 99, 100, 105.
Дауман — 43.
Деникин А. И. — 17, 57, 207, 233, 237, 251, 252, 414, 418, 423, 424, 425, 430, 432, 433, 434, 435, 438, 465, 475, 488, 489, 491, 493, 499, 500, 501, 503.
Дерюгин Г. М. — 29, 30, 58, 419, 420, 421, 422.
Десино К. Н. — 418.
Джонсон Г. Г. — 25.
Дзерожинский К. К. — 36, 59, 86, 97, 98, 99, 109, 110, 130, 242.
Дзержинский Ф. Э. — 182.
Дидерихс В. В. — 19, 193.
Дидерихс М. К. — 14.
Дитмар, фон — 30.
Добрынский И. — 26.
Добрянский А. М. — 496.
Драгомиров А. М. — 63.
Дроздова М. В. — 348.
Дурново П. — 419, 420, 421, 422.
Дюкс П. — 192, 193.

Е

Евдокимов Г. Е. — 287, 296.
Евлашин Н. И. — 354.
Евсеев (командир) — 102.
Евсеев И. Ф. — 232, 459.
Евстигнеева А. А. — 34.
Емельянов И. И. — 349.

Ж

Жиглевич И. И. — 28.
Жуков А. П. — 394, 397.
Жуков М. У. — 334.
Жучков — 118.

З

Зайдлер Я. В. — 382.
Зайцев В. А. — 138.
Залуцкий П. А. — 116, 117, 147.
Занкевич М. И. — 475, 476.
Заремба — 142.
Звягинцев — 200.
Зиновьев Г. Е. — 116, 117, 118, 138, 139, 147, 158, 185, 188, 266, 279, 280, 281, 287, 292, 294, 361, 368, 370.
Зорин С. С. — 287, 375.
Зоф В. И. — 158, 177, 188, 279, 287.
Зякин Д.—419, 420, 421, 422.

И

Иванов В. И. — 354.
Иванов Г. — 394.
Иванов Н. (начальник дивизии) — 43.
Иванов Н. (военный моряк) — 274.
Иванов Н. И. — 26.
Иванов Н. Н. — 95, 124, 125, 126, 130, 131, 197, 198, 200, 212, 213, 229, 231, 232.
Иванов С. В. — 214, 240.
Игнатьев В. И. — 22.
Ильин К. И. — 353.
Иогансен — 472.
Иоффе А. А. — 67, 287, 296, 464, 466.
Исаков П. П. — 279, 281, 287, 296, 298.
Исаков С. И. — 393, 397.
Ихкина Э. М. — 316.

К

Казимирский — 35.
Какурин Н. — 68.
Калнин — 418.
Каменев Л. Б. — 280.
Каминка А. И. — 436.
Каплан Р. А. — 348.
Каплун — 137.
Карташев А. В. — 183, 204, 213, 214, 229, 230, 415.
Кастрен — 112.
Каширский — 29.
Кедрин Е. И. — 232.
Келлер Ф. А. — 27, 30, 32, 56, 57, 58, 79.
Кеппен — 38.
Керенский А. Ф. — 514.
Керзон Д. — 516.
Кирдецов Г. Л. — 130, 239, 494, 495, 496.
Кисловский Л. Л. — 18.
Клеван — 61, 77, 78.
Клейст, фон — 31, 34, 77.
Клемансо Ж. — 207, 475, 476, 477, 497, 498, 504.
Клемент Г. А. — 292.
Клесинский — 35.
Клявс-Клявин А. Я. — 318, 369.
Кнорринг — 420.
Кован В. — 270, 429, 448.
Козловский Б. Г. — 188.
Козловский П. П. — 161.
Колгушкин Ф. Т. — 318.
Колчак А. В. — 98, 197, 206, 212, 214, 216, 217, 219, 225, 226, 227, 233, 251, 252, 253, 414, 424, 425, 428, 431, 432, 433, 434, 435, 438, 442, 456, 458, 460, 465, 471, 472, 475, 491, 497, 499, 500, 509.
Кондаков Д. Н. — 149.
Кондзеровский П. К. — 213.
Конокотин — 440.
Корк А. И. — 108, 196.
Корнилов Л. Г. — 163, 514.
Корфанти (Корфантый) В. — 427.
Котонен — 113.
Коттен, фон — 19.
Красин Л. Б. — 464.
Краснов П. Н. — 17, 25, 26, 459.
Крестинский Н. Н. — 280.
Кривошеин А. В. — 18.
Крузенштерн К. А. — 110, 129, 229, 492.
Крупп фон-Болен унд Гальбах — 419.
Крэг — 200.
Крюденер-Струве А. А. — 62, 76.
Кузьмин И. — 394.
Кузьмин-Караваев В. Д.— 213, 229, 230, 231.
Куприн А. И. — 251.
Куприянов — 150.
Купше — 137, 138.
Куражев — 123, 200.
Курдюков Ф. Ф. — 394.

Л

Лавриновский Н. Н. — 29, 30, 58.
Лавров — 246.
Лайдонер И. Я. — 86, 91, 97, 99, 101, 232, 270, 412, 418, 448, 454, 456, 457.
Лансинг Р. — 222.
Лащилин — 150.
Лебедев (полковник)—35, 36.
Лебедев (командир отряда) — 162.
Левин М. А. — 135, 269.
Ленин Н. (Ульянов В. И.)— 7, 10, 115, 138, 158, 166, 182, 222, 280, 286, 287, 368, 480, 513, 514, 515.
Леонтьев С. М. — 18.
Леопольд Баварский — 10.
Лианозов С. Г. — 213, 226, 229, 230, 231, 232, 248, 249, 250, 428, 430, 431, 435, 459, 460, 461, 470.
Либерман П. И. — 316.
Либкнехт К. — 53, 54.
Ливен А. П. — 82, 114, 238, 243, 410, 441.
Линде Б. Б. — 29, 31, 34.
Литвинов М. М. — 463, 464, 476, 489, 517.
Лихтенштадт В. О. — см. Мазин В. О.
Лич Ф. Ф. — 248.
Ллойд-Джордж Д. — 205, 207, 219, 220, 441, 459, 474, 475, 476, 477, 478, 483, 501.
Лудри Н. М. — 149, 151.

Людендорф Э. — 10.
Люксембург Р. — 54.
Львов (генерал-майор) — 34.
Львов Г. Е. — 432.
Лэкс — 73.

М

Мазик — 117.
Мазин (Лихтенштадт) В. О. — 266, 268.
Макаров (капитан) — 123.
Макаров (унтер-офицер) — 147.
Макино — 222.
Маклаков В. А. — 432, 503.
Малеин — 160.
Малявин Б. С. — 31, 34, 35, 36, 56, 413.
Мамонтов К. К. — 252.
Маннергейм К.-Г. К. — 84, 210, 211, 215, 216, 217, 218, 431, 436, 509.
Маргулиес М. С. — 229, 231, 232, 235, 240, 249, 415, 428, 429, 430, 435, 436, 438, 439, 442, 458, 461, 489, 494, 493.
Марков Н. Е. — 20, 21, 26, 51.
Марш Ф.-Д. — 229, 230, 231, 232, 418.
Масловский — 418.
Мендельсон — 419.
Медем — 145.
Мельникова А. Д. — 348.
Мерингов А. — 394.
Милашевич Н. — 155.
Милюков П. Н. — 477, 493, 511, 512.
Михайлов — 42.
Мищенко П. И. — 417.
Моисеев И. И. — 350.
Молоховский — 34.
Монтерх — 435.
Морган И. П. — 318, 420, 421, 422, 423.
Морозов — 46, 109.
Морозова С. А. — 18.
Муратов — 394.
Мякош — 36, 78.
Мятиясевич М. С. — 188.

Н

Нацаренус С. П. — 75.
Неваплин — 435.
Неймушин Д. Л. — 334.
Неклюдов Н. — 150, 151, 153.
Нелидов Д. Д. — 37, 40, 44, 45, 46, 49, 83.
Несвицкий Н. Н. — 273.
Неф, фон, Г. Г.—36, 56, 58, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 89, 242.
Никитин А. — 183.
Никифоров — 35, 36.
Николаев А. П. — 102, 105, 106.
Ниман — 31, 34.
Нитти Ф.-С.—476, 511, 512.
Новогребельский (Владлмиров) К. С. — 252.
Нольде Б. Э. — 18.
Носке Г. — 223, 224, 427.

О

Оболенский А. Д. — 18, 51.
Овсянников С. Н. — 351.
Оглоблин — 152.
Огородников И. В. — 316.
Одинцов С. Н. — 411, 415, 446, 451.
Окерман Б. Г. — 436.
Окулов-Римский-Корсаков — 108.
Онуфриев А. П. — 177.
Орлов И. — 351.

П

Павлов — 26.
Пален И. К. — 99, 100, 106, 109, 110, 241, 457, 467, 483.
Панов И. Я. — 374.
Панютин Н. Н. — 21, 51.
Пахомов П. Л. — 281, 287.
Пепеляев В. Н. — 214.
Пермыкин (подъесаул) — 37, 40, 42, 43, 44, 62, 74, 78, 198.
Пермыкин Б. С. — 37, 39, 41, 43, 46, 49, 52, 198, 199, 200, 246, 411, 483.
Пертсель Я. Я. — 160.
Петерс Я. Х. — 159, 183, 187, 188, 296, 298, 356.
Петерсон — 43.
Петлюра С. В. — 430.
Петров (штаб-ротмистр) — 29.
Петров А. М. — 351.
Пешехонов — 31.
Пешков А. С. — 232.
Пийп А. И. — 466.
Пилкин В. К. — 232, 249.
Пиллар-фон-Пильхау А. Ф. 420.
Пилсудский И. И. — 495.
Пипка И. — 270, 429, 448.
Пишон С. — 222, 475.
Плющевский-Плющик — 43.
Подвойский Н. И. — 390.
Позерн Б. П. — 135, 158.
Покровский М. Н. — 591
Поллок — 229.
Поппе В. — 420, 421, 422.
Поппель А. И. — 160.
Поска И. И. — 235, 428, 466.
Прюссинг — 413.
Пуанкаре Р. — 475.
Пунин — 38.
Пуришкевич В. М. — 57.
Пускар — 89, 114.
Пюман — 466.

Р

Р. (полковник) — 26, 27, 32.
Р. (подполковник) — 34.
Радек К. Б. — 464.
Радко-Дмитриев — 31.
Раков А. С. — 137, 138.
Раскольников Ф. Ф. — 72.
Реландер Л. К. — 430.
Реммер А. — 419, 420, 421, 422.
Ретинский — 371, 372.
Ретинский А. — 371.
Рит — 116, 117.
Рогачев Б. — 300.
Родзянко А. П. — 82, 88, 89, 90, 93, 94, 97, 98, 100, 101, 106, 107, 109, 110, 114, 127, 128, 130, 138, 159, 163, 183, 197, 198, 250, 455, 488, 490, 492.
Розанов — 34, 35.
Розен — 59.
Розенберг, фон—21, 26, 27, 28, 29, 31, 33, 34, 39, 51, 56, 61, 76, 77, 79, 80, 81, 82, 83, 85.
Розенгольц А. П. — 188.
Розеншильд - фон - Паулин А. Н. — 57.
Романов А. Н. (царь)—245.
Романов К. В. (великий князь) — 19.
Романов М. А. (великий князь) — 124.
Романов П. В. (великий князь) — 21.
Романовский И. П. — 423.
Ромейко В. И. — см. Гурко В. И.
Рубинштейн Д. Л. — 247.
Рудаков И. Г. — 292.
Руднев — 162.
Рывкин О. Л. — 385.
Рыков А. И. — 396.

С

С. (полковник) — 183.
Саблин Е. В. — 250.
Савинков Б. В. — 432, 442, 483.
Садуль Ж. — 476.
Сазонов С. Д. — 431, 432, 434, 455, 456, 509.
Сайко — 343.
Самсониевский С. А. — 138.
Самуйлов Т. А. — 334.
Свешников Н. Ф. — 137
Свистунов — см. Винтер.
Сельяма — 466.
Семенов — 25.
Сергеев — 34.
Серебряков Л. П. — 280.
Серов В. — 372.
Серов П. А. — 137.
Силкин — 105.
Симанский П. Н. — 31, 36.
Симансон — 418.
Симотин — 268.
Синицын А. — 334.
Синклер — 82, 83.
Сиренко — 162.
Сиротинин П. Н. — 137.
Склянский Э. М. — 138, 158.
Скоропадский П. П.—57.
Смирнов А. Ф. — 343, 349.
Смирнов К. — 394.
Смирнов К. К. — 35, 60, 89, 90.
Смирнов П. К. — 300.
Смиттис — 200.
Смолин — 94.
Смородинов В. Н. — 300
Соболев А. — 343.
Соколов С. — 95.
Соловьев — 382.
Соотс — 466.
Сталин И. В. — 118, 134, 139, 147, 186, 280.

Стефани — 477.
Столица П. К. — 51.
Стоякин — 199, 200.
Стрекопытов — 482, 483.
Струве П. Б. — 18, 204.
Суворов М. Н. — 213, 229, 230, 231.
Сухарева Л. В. — 348.

Т

Таврин П. П. — 138.
Таландс — 235.
Таннер — 437.
Тарановский — 31, 34.
Тарасов-Родионов А. И. — 108.
Тардье А. — 442.
Таубе, фон, Ф. Ф. — 21, 26.
Тениссон А. И. — 98, 99, 456.
Тенне — 199.
Терехов — 139.
Титтони — 222.
Травинский — 46, 47, 73.
Трахтенберг — 123.
Трепов А. Ф. — 19, 204.
Трепов В. Ф. — 18.
Тресков, фон, — 31, 33, 77.
Трилиссер Д. А. — 361.
Троцкий Л. Д. — 38, 280, 287, 292, 296.
Трубецкой Г. Н. — 18.
Трубецкой Е. Н. — 18.
Туган-Барановский Н. И. — 58.
Тундутов — 26.

У

Угланов Н. А. — 137.
Ульянов В. И. — см. Ленин В. И.
Утеман Ф. Ф. — 205.
Ушинский — 372.

Ф

Фабрициус Я. Ф. — 44, 45, 46, 47, 73, 115, 117, 118, 135.
Федоров М. М. — 18.
Филатов В. — 371.
Филиппео М. М. — 229, 231, 232.
Фош Ф. — 223.
Фракман Г. О. — 394.
Франтц — 77.
Фрейман — 102.

Х

Харламов С. Д. — 410, 411, 415, 446.
Хекинг Р. — 448.
Хименко И. А. — 324.
Хирн И. — 436.
Хольц — 34.

Ц

Цветков — 139.
Цейдлер Г. Ф. — 249.
Цоппи Э. К. — 248.

Ч

Чайковский Н. В. — 432.
Чайковский П. — 418.
Чичерин Г. В. — 234, 481.
Черчилль В. — 219, 220, 221, 222, 250, 474, 477, 478, 483, 497, 498, 499, 500, 501, 502.
Ческис М. А. — 281.
Чецулин А. А. — 120.

Ш

Шатов В. С. — 75, 108, 159, 187, 188, 410.
Шеметова П. А. — 347.
Шкуро А. — 252.
Штейн А. Ф. — 21, 26, 32, 51.
Штейнингер В. — 183.
Штрандман — 226.
Штренг, фон — 200.
Шуберт — 29
Шувалов — 200.

Щ

Щепкин Д. М. — 18.
Щербачев Д. Г. — 475.

Э

Э. (гауптман)—26, 27, 30, 32, 32.
Этар — 156, 192, 193.
Эйшинский Ф. Г. — 332.
Эльвенгрен Г. Е. — 112.
Эльснер — 19.
Эрн Ф. А. — 232.
Эрнрот Л. — 436.
Эстландер Э. Г. — 435.
Эстров Е. А. — 137.
Этьеван — 431, 432, 442.

Ю

Юденич Н. Н. — 21, 26, 27, 32, 51, 98, 130, 144, 163, 197, 198, 199, 200, 203, 204, 205, 206, 209, 210, 212, 213, 214, 215, 217, 218, 219, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 237, 238, 239, 242, 243, 244, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 262, 267, 269, 277, 339, 352, 390, 409, 410, 411, 413, 416, 417, 419, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 440, 441, 442, 443, 447, 448, 450, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 467, 470, 471, 472, 473, 483, 488, 489, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 512, 513, 514.
Юклявский И. В. — 150.
Юринэ Т. — 81.
Юриссон — 275.

Я

Якимович — 393.
Яковлев П. В. — 348.
Яналь К. — 75.
Яров Г. Д. — 468, 470.
Янус С. Н. — 351.
Ярославцев — 227, 413, 468
Ярчевский П. Г. — 102.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От автора 5

Глава 1.

Общее военно-политическое положение северо-запада Советской республики к осени 1918 г.—Политика Германии и Антанты в отношении Советской России.—Контр-революционные очаги на окраинах России. — Деятельность российских германофильских контр-революционных организаций в Петрограде 9

Глава 2.

Мероприятия германского командования и русских контр-революционных организаций в деле формирования Северной армии в Пскове. — Заседания русско-германской военной комиссии. — Начало формирования. — Измена советской власти 3-го Петроградского кавалерийского полка и части Чудской озерной флотилии 25

Глава 3.

Влияние ноябрьской революции в Германии на ход формирования Северной армии в Пскове. — Уход германских оккупационных войск. — Наступление Красной армии. — Переход Псковского добровольческого корпуса Северной армии на территорию Эстонии. — Перемена ориентации руководителей Псковского корпуса. — Служба корпуса на стороне Антанты и подчинение эстонскому главнокомандующему 53

Глава 4.

Подготовка наступления Северного корпуса на Петроград. — Группировка сил.—Начало летнего наступления.—Прорыв советского фронта.—Успехи белых. — Действия бело-финнов и бело-эстонцев. — Падение Пскова. — Гражданское управление на занятой белогвардейцами территории 97

Стр.

Глава 5.

Состояние частей Красной армии. — Измены. — Укрепление фронта, мобилизация в Петроградском военном округе. — Состояние армейского тыла. — Настроение населения. Дезертирство. Зеленые. — Восстание фортов «Красная горка», «Серая лошадь» и «Обручев». — Потопление английской лодки «L 55». — Гибель крейсера «Олег» . . 134

Глава 6.

Внутренняя оборона Петрограда. — Боевые участки. — Рабочие полки Петроградского совета. — Коммунистические боевые организации. — Работы по эвакуации города. — Контр-революционный заговор. — Обыски в городе. — Образование Петроградского укрепленного района. — Наступление Красной армии и взятие ею Ямбурга. — Налет английских катеров на Кронштадт. — Вооруженный конфликт в лагере контр-революции. — Занятие Красной армией Пскова . . . 157

Глава 7.

Деятельность русской буржуазии в Финляндии. — Политика Антанты и РСФСР в первой половине 1919 года. — Крах империалистических планов финляндской буржуазии. — Политическое совещание при генерале Юдениче. — Перелом в политике Антанты. — Вступление Юденича в командование Северо-западной армией 204

Глава 8.

Образование Северо-западного правительства. — Мирное предложение Советской республики. — Состояние Северо-западной армии. — Октябрьское наступление. — Под властью белых. — Радио о «падении» Красного Петрограда 228

Глава 9.

Состояние частей Красной армии, оборонявших подступы к Петрограду. Снабжение. Дезертирство. — Настроение населения. — Период отступления. — Попытки приостановить наступление Северо-западной армии. — Боевые действия на море. — Гибель трех эскадренных миноносцев Балтийского флота 254

Глава 10.

Работа в ближайшем тылу. — Деятельность военного совета Петроградского укрепленного района. — Постановление политбюро ЦК РКП(б). — Письмо В. И. Ленина. — Заседание военного совета Петроградского укрепленного района от 17 октября. — Организация внутренней обороны Петрограда. — Заседание Петроградского совета от 19 октября. — Заседание совета внутренней обороны Петрограда от 21 октября. — Руководящие директивы начальника внутренней обороны Петрограда. — План внутренней обороны Петрограда . . . 278

Стр

Глава 11.

Деятельность районных штабов внутренней обороны Петрограда. — Нарвско-Петергофский район. — Московско-заставский район. — Невский район. — Первый городской район.—Второй городской район. — Василеостровский район. — Петроградский район. — Смольнинский район. — Обуховский район. — Пороховской район. — Боевая готовность районов 311

Глава 12.

Коммунистическая партия в обороне Петрограда. — Состояние Петроградской городской организации РКП(б).—Петроградский городской и районные комитеты РКП(б).—Петроградский губернский комитет РКП(б). — Помощь Петрограду со стороны других партийных организаций РКП(б). — Комсомол 364

Глава 13.

Путиловский завод в дни обороны. — Ижорский завод.—Сестрорецкий оружейный завод.—Охтенский пороховой завод. — Положение с топливом.—Продовольственное положение.—Распределение продуктов и военно-питательные пункты 387

Глава 14.

Дни перелома на Петроградском фронте и первые победы Красной армии.—Октябрьские события в Прибалтике и их влияние на положение Северо-западной армии под Петроградом.—Отношение к Юденичу Эстонии и Финляндии. — Роль Англии и Франции . . . 408

Глава 15.

Взятие Красной армией Гдова и Ямбурга. — Состояние Северо-западной армии.—Последние дни Северо-западного правительства.—Мирные переговоры РСФСР с Эстонией и заключение перемирия.—Расформирование Северо-западной армии.—Арест Юденича.—Заключение мира с Эстонией.—Русские белогвардейцы на лесных работах в Эстонии 444

Глава 16.

Причины поражения русской контр-революции на северо-западе России.—Империалистические противоречия между Англией и Францией, Антантой и Германией, Юденичем и Прибалтикой.—Характер гражданской войны в России . . . . . ХХП

Стр.

Приложения:

1) Хроника событий 519
2) Список источников 527
3) Именной указатель 532
4) 5 карт:
№ 1. — Начало гражданской войны на Северо-западном фронте (ноябрь 1918 г. — март 1919 г.).
№ 2. — Первое наступление белых на Петроград (май — июнь 1919 г.).
№ 3. — Внутренняя оборона Петрограда (май — июнь 1919 г.).
№ 4. — Второе наступление белых Северо-западной армии) на Петроград (октябрь — ноябрь 1919 г.).
№ 5. — Внутренняя оборона Петрограда (октябрь — ноябрь 1919 г.).
5) Иллюстрации:
а) В Нарве после белых в конце 1918 г. 70
б) П. М. Авалов-Бермондт, Н. Н. Юденич, А. П. Родзянко, С. Н. Булак-Балахович со своим штабом, И. Я. Лайдонер, фон-Розенберг и К. К. Маннергейм 103
в) Виселица в Пскове в период балаховщины 111
г) А. П. Николаев, Н. Г. Толмачев, А. С. Раков и В. О. Мазин (Лихтенштадт) 133
д) В. С. Шатов, Я. Х. Петерс и В. И. Зоф 173
е) Отряд РКСМ 1-го городского района перед отправкой на фронт летом 1919 г. 191
ж) Письмо В. И. Ленина — «К рабочим и красноармейцам Петрограда» от 17 октября 1919 г. . . . . 283—285
з) Оборонительное сооружение у Калинкина моста 295
и) Орудийное прикрытие на Мариинской площади 299
к) Орудийная установка в Александровском саду для обстрела Гороховой улицы 303
л) Г. Е. Зиновьев, Д. Н. Авров и П. П. Исаков 305
м) Женский боевой отряд перед отъездом на Ямбургский участок фронта 315
н) Группа партийных работников 2-го городского района г. Петрограда перед отправкой на фронт в октябре 1919 г. 321
о) Обучение сводно-боевого отряда РКСМ при Петроградском комитете РКП (б) 327
п) Отряд Петроградского губпрофсовета перед выступлением на Петроградский фронт 333
р) Орудийная установка в Александровском саду для обстрела Гороховой улицы (вид с тыла) 345
с) Женский боевой отряд Василеостровского района перед отправлением на фронт 357
т) Жертвы белого террора в Гатчине (ноябрь 1919 г.) 469

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

На странице:	В строке:	Вместо:	Следует:
12	20 — сверху	по «прусскому вопросу»	по «русскому вопросу»
36	3 — снизу	Бабиков	А. В. Бибиков
61	16 — сверху	Гаупгман	гауптман
213	8 — »	М. В. Волконский	В. М. Волконский
242	примечание	Данные взяты из книги...	Данные взяты из книги А. П. Родзянко.
391	примечание № 1	—	на страницу 392 за № 1
392	тоже	—	на страницу 391
411	примечание № 3	пропущена нумерация его	
415	тоже	т о ж е	
455	8 — снизу	франдуский	французский
476	12 — снизу (в примеч.)	Жана Садулл	Жака Садуля
477	25 — сверху	ни коем	ни в коем
480	2 — снизу (в примеч.)	стр. 21, 23	стр. 21
491	20 — сверху	Северо-западно	Северо-западной

Начало Гражданской войны на Северо-Западном фронте.

Ноябрь 1918 г. — Март 1919 г.

составил В. Д. Кайсаров.

Условные знаки.

- Демаркационная линия.
- Штаб отряда.
- " Завесы.
- Районы завесы
- Десантн. операц. в Нарвском заливе.
- Вербовочн. бюро белых.
- Кр. арм. в исходн. полож.
- " " при наступлен.
- Направлен. отхода красн. арм.
- Захват англичанами „Спартака" и «Автроила».
- Измена Чудской флотилии. К.Л.А. Красная латышская армия.
- Располож. белых.
- Удары "
- Измена бул.-бал. и Пермыкина.
- Линия фронта в апреле.

Финский залив.

Балтийское море

Рижский залив

Ревель

Гапсаль

Везенберг

Нарва

Ямбург

Ивангород

Кронштадт

Петроград

Волосово

Ордов.

Перновъ

Юрьев.

Валк.

Верро

Вольмар

Венден.

Псков.

Порхов

Луга

Новгород

Ст. Русса

Остров.

Новоржев

Рига

Митава

Бауск

Крейцбург

Шавли

Поневеж

Двинск.

Дрисса

Полоцк

Невель

Велик. Луки

Торопец

Витебск.

Орша

Смоленск.

Ковно.

Вильна

Ошмяны

Лида.

Гродна

Белопол

Апрель

Либава

Виндава.

Белоглатыши

Половина марта 19 г.

Конец марта 19 г.

Февраль 19 г.

Конец декабря 19 г.

Западная Двина

Масштаб 1:2.520.000

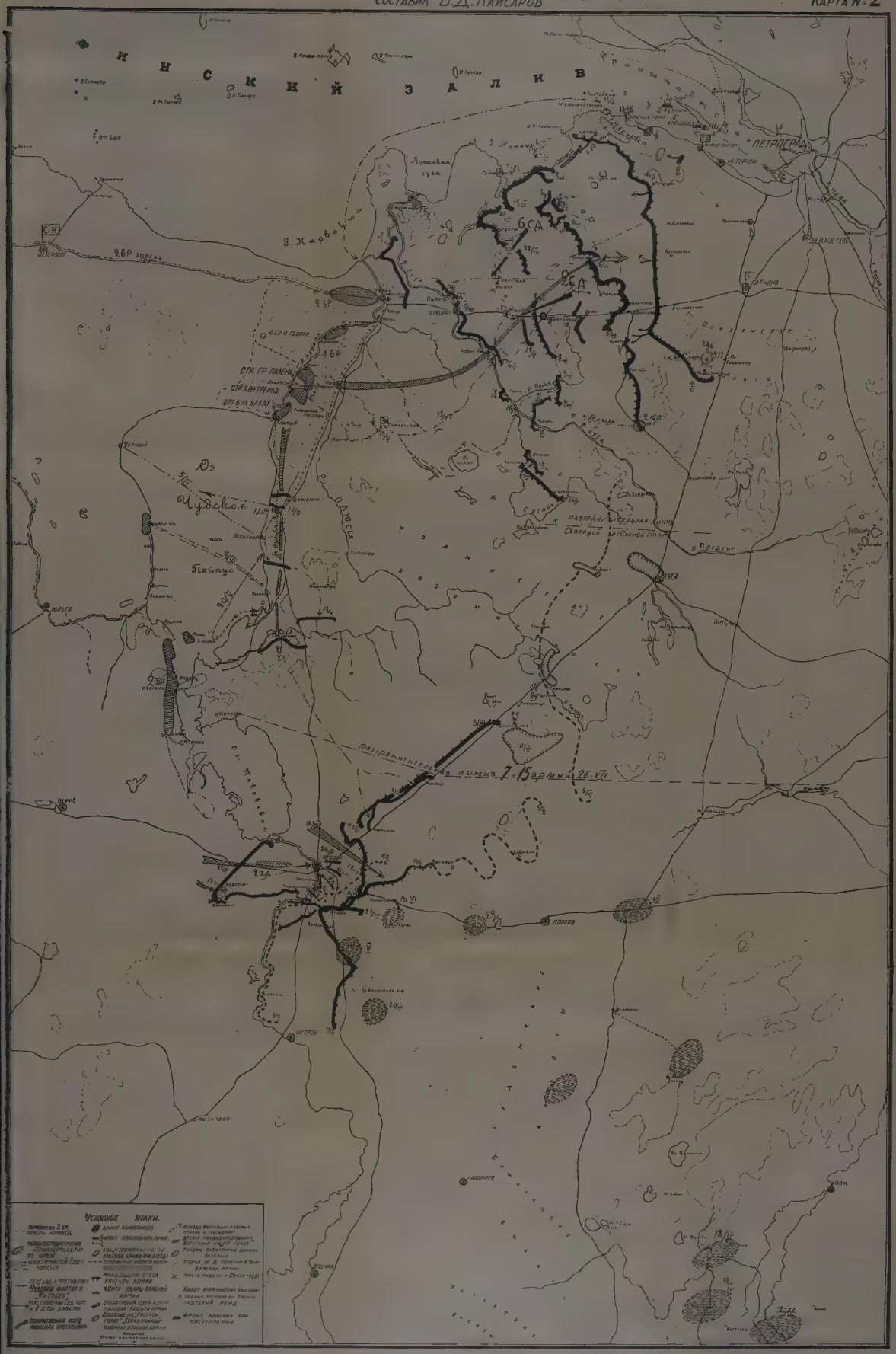
ОБЪЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.

Первое наступление на Петроград

Май – июнь

составил В.Д. Кайсаров

Карта № 2



ВНУТРЕННЯЯ ОБОРОНА ПЕТРОГРАДА

МАЙ ИЮНЬ

КАРТА №3

составил В.Д. КАЙСАРОВ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Штаб Внутрообороны
- Штабы районов X участков
- 1-я линия обороны участков
- 2-я " " "
- 3-я " " "
- XXX 4-я " " "
- Опорные пункты
- Пути отхода защитников
- Минированные мосты
- Пункты эвакуации раненых
- Дежурные самолеты на аэродроме
- Артил. поддержка эсминца «Сампсон»

Б. НЕВА

МАЛАЯ НЕВА

МАЛАЯ НЕВА

1 Б.УЧ. (ПЕТРОГРАДСКИЙ)

2 БТ. 2 ОР.

(ВАСИЛЕОСТРОВСКИЙ)

2 Б. УЧ.

2⅓ БТ. 12 ПЛ. 2 ОР.

4 Б.УЧ. (НЕВСКИЙ)

5 БТ. 36 ПЛ. 4 ОР.

3 Б.УЧ. (НАРВСКИЙ)

7 БТ. 5 ОР.

НЕВА

НЕВА

Второе наступление северо-западной армии на Петроград

октябрь — ноябрь

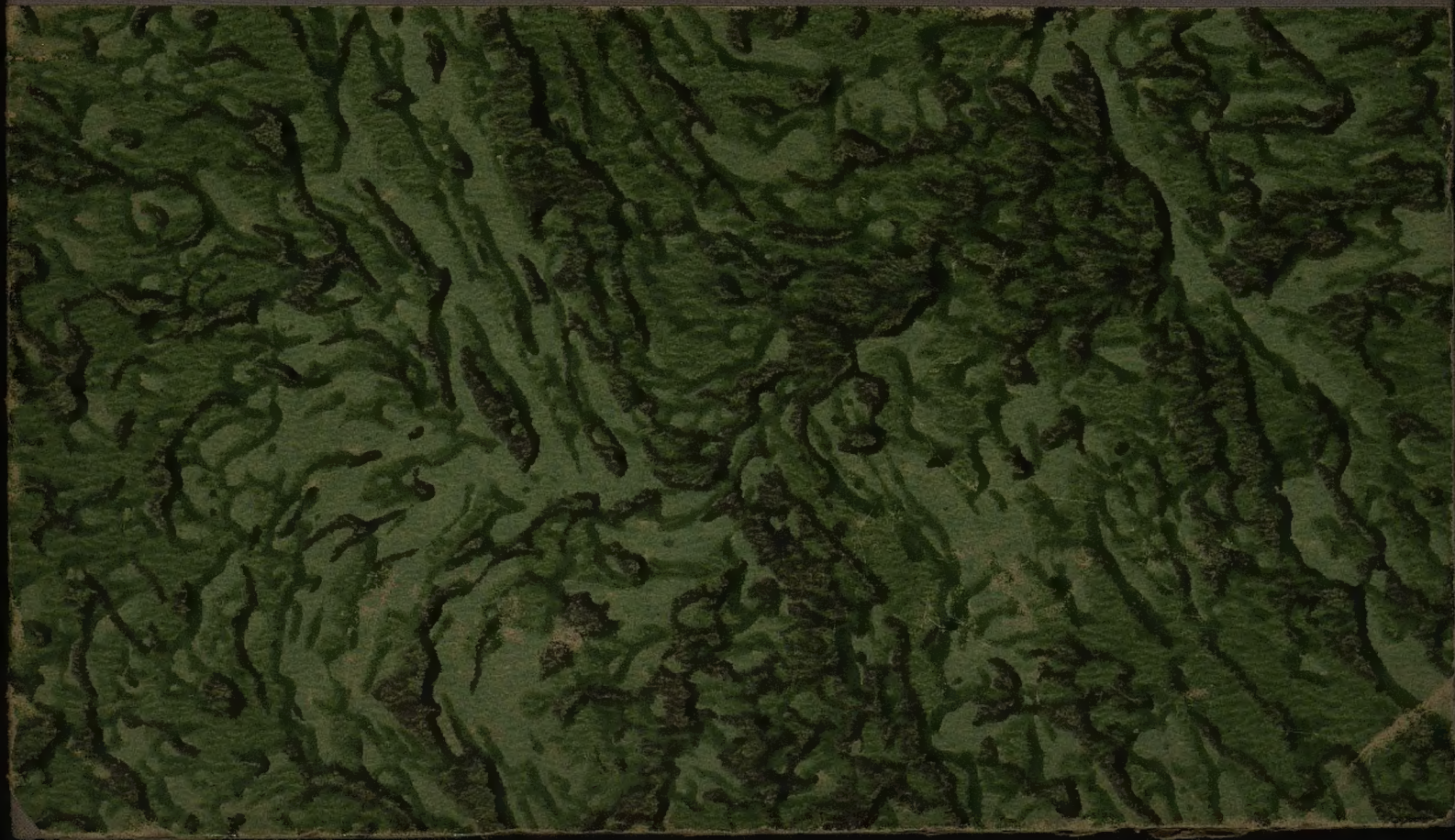
составил В. Д. Кайсаров.

Карта № 4.

ВНУТРЕННЯЯ ОБОРОНА
ПЕТРОГРАДА

Карта №5

ОКТЯБРЬ - НОЯБРЬ
СОСТАВИЛ
В.Д.КАЙСАРОВ.

Цена 2 р. 50 к.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
Ленинград, 2, Фонтанка, 58.